

Лев Кожевников

КРАСНЫЙ ПРОКУРОР

криминальный роман

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

УДК 820/89(470)
ББК 84(2Рос=Рус)-44
К 58

Кожевников Л.А.

К 58 Красный прокурор: Криминальный роман. — Казань, 2005. — Татар. кн. изд-во. — 494 с.

Криминальный роман «Красный прокурор» состоит из двух книг: «Смерть прокурора» и «Красный прокурор». Кажется, что само слово «прокурор» исключает всякую чертовщину и мистику. Тем не менее Алексей Валяев, главный герой книги, сталкивается именно с ними. По улицам в сумерки разгуливают люди, которые не отбрасывают тени, стоя под фонарем, а убийцы погибают точно такой же смертью, что и их жертвы...

Во 2-й книге Алексей Валяев, получивший прозвище «красный прокурор» — прокурор очень нетипичный. Его можно назвать «рыцарем без страха и упрека». Оказывается, в наше время такие еще встречаются. Потому и женщины его очень любят. И какие женщины!..

КНИГА 1

**И
СМЕРТЬ
О
К
У
Р
О
Р
А**

Глава 1

Н
А
В
А
Ж
Н
Е
Н
Н
Е

По пути на разъезд Андрей Ходырев завернул к старику Устинову под окна. Крепко ударил в облупленный ставень.

— Дед! Эй! Не помер еще?

В окно не сразу высунулась широченная сивая борода, будто кто подал из избы добрый навильник с сеном.

— А-а... Андрюха... — Устинов широко зевнул, перекрестил рот. — Ходи в избу, что ли?

— Некогда, дед. В другой раз.

Ходырев перевесил с занемевшего плеча рюкзак. Звякнуло железо.

— Чего нагрузил в мешок-то?

— Замки. Пять штук, — соврал Андрей, хотя старику Устинову можно было не врать.

Дед помолчал, обдумывая. И не согласился.

— Кабы хужей не было. Озлишь поганцев замками, они тебя вовсе спалят.

— Давно не был? В Волковке? — Ходырев посмотрел на часы, не опоздать бы. Но дед жеста не заметил.

— Ваньку Кривого знал ли? Последний двор по Нагорной. Пчеловод тоже.

— Кузнецов?

— Помер он, две недели как... Я у его старухи будку на тракторных санях купил. Насыпуха. Распродает вдова все Ванькино хозяйство задарма, считай. Ну, взял. На Хорошавинской дороге пасека. Там стоит.

— Та-ак! С тобой ясно, дед. Наложил в мотню, — Андрей Ходырев со злостью кинул кепку на глаза.

— Э, пустое мелешь. Погоди-ка...

Устинов исчез в глубине избы и через минуту появился назад с плоской жестяной банкой из-под карамели.

— В бога веришь? Аль нет? — задал он неожиданный вопрос, пытаясь подковырнуть крышку толстым, корявым ногтем. Наконец это ему удалось. — Так веришь? Или как?

«Старообрядец хренов, — ругнулся про себя Ходырев. — Без того и на горшок не сядет, чтобы задницу не перекрестить». — Однако вслух сказал:

— Так себе. От случая к случаю.

— И то дело.

Устинов добыл из коробки оловянный нательный крест на засаленном гайтане и поманил Андрея под окно.

— На-ко. Повесь на шею.

Ходырев знал, что старик с богом шуток не терпит. Замаялся.

— Зачем это?

— Бери, бери. Завтра спасибо скажешь.

Андрей хмыкнул и повесил крест на шею, лишь бы отвяжаться. Снова задал вопрос, ради которого завернул к старику.

— Давно там не был?

— Дней десять как...

— Ну?

— Дак я о чем толкую тебе битый час? Как оттудова приехал, сразу к Ванькиной вдове пошел. Будку взял у ней.

— Ну, дед! Ты темнила... еще тот, — Андрей рубанул рукой воздух и повернул прочь, жалея о потерянном напрасно времени.

— Во-во, побегай. Послушай, как петухи по ночам орут. После приходи, поговорим!

— С кем это ты, Афанасий? — услышал дед за спиной женин голос.

— Андрюха прибежал, Ходыренок. На Волковку снаряжился.

Старуха сзади заохала.

— Ты сказал ему, нет? Афанасий? Про Волковку-то?

— Дураку скажешь, — хмыкнул Устинов. — Зубы-то скалить с такими же. Пусть сам понюхает вначале.

Он грузно опустился на лавку.

— Ну, чего вытаращилась? Ставь самовар, така-сяка...

...Андрей Ходырев был сухой, жилистый мужик лет тридцати пяти с глубоко запавшими глазами и постоянной щетиной на лице, которая вылезала сразу же после бритвы. Он сидел на скамье подле железнодорожной избушки с путевой связью. Ждал пассажирский. В самой избушке с закопченными стеклами сидела сердитая баба неопределенного возраста в сером ватнике, в сером грязном платке и время от времени что-то хрипло выкрикивала в телефонную трубку. Эта сердитая баба сидела тут всегда, сколько Андрей себя помнил.

Со стороны города показался пассажирский — два зеленых обшарпанных вагончика с побитыми стеклами и дверями. В кабине дизеля Ходырев издалека разглядел

знакомого машиниста и на ходу забросил в кабину рюкзак, вскочил на подножку. На разъезд медленно втягивался встречный состав с лесом.

— Далеко рубят?

— На тридцать третьем. Недорубы подбирают.

— Остатки?

— Но.

Лес шел плохонький, тонкомер, большей частью осина и березняк. Из-за многократного переруба лесоучастки, разбросанные вдоль узкоколейки, некогда многолюдные, начали хиреть, а некоторые были давно заброшены и зарастали бурьяном. Печать запустения коснулась железной дороги тоже — плясали костыли в подгнивающих шпалах, шпалы меняли редко, наспех и без всякой пропитки. Давно заросли кустами противопожарные просеки, а на полосе отчуждения поднялся лиственный подрост, и зеленые ветки то и дело хлестали по кабине бегущего локомотивчика, скребли по вагонным стеклам.

В Волковке, кроме Ходырева, никто не сошел. Поселок был мертв. Затих вдаль перестук колес, и он остался на шпалах в одиночестве.

Майская яркая зелень еще резче подчеркивала провалившиеся, черные крыши барачков, оседающих в землю. В оконных глазницах кое-где сохранились стекла, и вечернее низкое солнце плавилось в них отраженным заревом. Кладбищенская, гнетущая тишина вокруг обесмысливала любое созидательное усилие и самую жизнь со всеми ее тщетами.

В окружающем пейзаже явно чего-то не доставало. Андрей пригляделся со вниманием — еловый синий массивчик на горизонте за зиму бесследно исчез, и в привычной глазу картине появилась еще одна зияющая пустота.

Андрей закинул рюкзак за плечо и медленно двинулся в гору по обдерневшей дороге. На душе было скверно. Решив сократить путь, он свернул с дороги и пошел напрямую по кустам и бурьянам, бывшим когда-то огородами.

Его изба, купленная в прошлом году за три сотни, стояла на отшибе возле леса. Вернее, это была даже не изба, а целое крестьянское подворье, рубленное встарь из красного лесу с большим толком. Леспромхозовские бараки, поставленные сразу после войны для спецпоселенцев, быстро пришли в негодность и теперь догнивали. По словам старика Устинова, чье подворье стояло на другом конце поселка, здесь был раньше крестьянский починок на две семьи с небольшими пахотными клиньями.

Не доходя до избы шагов полсотни, Андрей Ходырев увидел, что замок на воротах сбит и висит на скобе. В притворе зияла щель.

Он сбросил рюкзак на землю и отправился в обход. Дверь со стороны хозяйственных пристроек была не тронута. На сеновал по широкому бревенчатому въезду — тоже. Третья дверь, в ограду с задворок, оставалась на запоре. Андрей подобрал палку и вернулся к воротам. Встав за столбом сбоку, он уперся концом палки в щеколду и толкнул дверь от себя. Дверь подалась легко, без скрипа на смазанных солидолом петлях. Он помедлил несколько и ступил во двор. Встал, давая глазам привыкнуть к полумраку. Затем по-прежнему с опаской поднялся по высокой лестнице в сени. Стоя на пороге, помахал палкой перед собой, поводил по темным углам.

Наконец шагнул в избу.

Смрадный запахок общественного туалета ударил ему в нос. На обеденном столе возле окна в суповой тарелке лежал темным завитком кусок говна с воткнутой в него алюминиевой общепитовской вилкой. Рядом с тарелкой стоял граненый стакан, до краев наполненный желтой, отстоявшейся мочой. На выскобленной столешнице углем была накорябана надпись:

«Приятного аппетита»

Ходырев выбросил «угощение» за окно. Дверь и окна оставил открытыми. Огляделся.

«Угощение» у Пакостника, как он про себя его окрестил, входило в обязательную программу каждого визита. Сверх того следовало ожидать какого-либо сюрприза. Возможно, не одного. Но на сей раз в избе, кажется, ничего тронuto не было. Стекла целы. Железная кровать... Матрас, набитый соломой. Кстати, матрас мог бы изрезать. В прошлое лето Пакостник изрезал оставленную на виду детскую раскладушку, загодя привезенную для дочери, семилетней Машеньки.

Ходырев обошел печь в центре избы. Комнат и перегородок в избе не было. Подергал задвижки, печные дверки, убрал заслонку... Вроде порядок. Даже дрова в плите остались не тронуты с марта, как он их туда сложил. Он постоял в раздумье и отправился на двор. По опыту Андрей знал, что Пакостник малым не ограничится, и лучше обнаружить сюрприз сразу, чем быть застигнутым врасплох.

В прошлом году, приехав сюда вдвоем с дочкой, Андрей открыл ворота и слегка замешкался в створе, втаскивая во двор привезенную с собой алюминиевую флягу для воды. И это его спасло.

Сверху, из-под крыши, что-то оборвалось, и прямо у него перед носом в землю вонзились тяжелые навозные вилы. Придя в себя, он обнаружил на черене обрывки кордной нити. Такая же нитка была пропущена через скобу засова и привя-

зана к воротам. Стоило надавить на дверь, как вилы упирались череном в поддерживающую балку крыши на высоте около пяти метров. Еще усилие — нить лопалась и...

Андрей представил на мгновение, что Машенька мимо него могла проскользнуть вперед, и без сил опустился на флягу, белый, как мел. Дочь, оставив на дороге берестяной кузовок, присела на обочине на корточки среди ромашковой белой россыпи.

С тех пор ни жену, ни дочь Андрей с собой не брал. По сути между ним и Пакостником была объявлена война. Дважды после вил Андрей просидел в засаде по два дня кряду, незаметно пробираясь в дом и стараясь не выдать ни единым признаком своего присутствия. Но Пакостник не появился. Однако спустя неделю Ходырев вновь нашел на столе «угощение» и безнадежно изрубленные десять мешков с картошкой. Весь собранный урожай. Очередная засада ничего не дала, и Ходырев на неделю запер в ограде двух собак.

О том, что произошло в его отсутствие, он узнал от Устинова. Старик переметывал разваленный стожок, когда услышал на другом конце поселка злобный лай. Так лают собаки обычно на человека, на чужака. Пошел проведать. Пока шел, грохнул выстрел. Один, потом другой. Опасаясь, как бы самому не нарваться на заряд дробы, Устинов двинулся в обход через подступающий к усадьбе лесок. Но когда старик добрался наконец до цели, Пакостник успел скрыться. На подкошенной меже валялись перевернутые четыре улья, которые старик на днях продал Ходыреву по «льготной», как он подшучивал, цене. Ульи старик поставил обратно на колья и заглянул в ограду. Обе собаки оказались застрелены. У одной еще подергивались задние лапы, но и она вскоре вытянулась и затихла.

На следующий день старик доложил о случившемся Ходыреву.

Андрей закопал собак в лесочке, забрал все, что могло представлять какую-никакую корысть, а для стрелка «забыл» на подоконнике пачку патронов, заряженных тройной порцией пороха. Калибр стволов он знал доподлинно, поскольку ружье было украдено у старика Устинова в то же примерно время.

Больше Андрей Ходырев в Волковке не появлялся. Все было недосуг, да и охота к обустройству у него пропала. Зато старик Устинов отлучался с Волковской пасеки нечасто.

Лето для пчеловодов в тот год выпало на редкость удач-

ное, с богатым взятком, поэтому старик сидел там почти безвылазно. Но в редкие свои приезды обстановку исправно докладывал. Замки как будто на месте. Окна тоже целы. Вроде после тебя никто с тех пор не бывал.

За лето с двадцати ульев старик Устинов накачал две тонны меда. Можно сказать, озолотел при нынешних-то бешеных ценах. Одну флягу с медом по осени он привез Ходыреву — в счет тех четырех пчелосемей, которые Андрей считал за лучшее оставить у старика под присмотром.

Такой оборот дел раздражил Андрея и вызвал новый прилив деятельности. В марте он раздобыл и доставил на грузовой платформе в Волковку несколько мешков с цементом. На санях по насту свозил мешки на двор. В тот же приезд обошел догнивающие бараки, наковырял из печей пару тыщ кирпича и сложил на обдуве под навесом. Заодно убедился самолично — в доме с осени никто не бывал.

И вдруг — очередное «угощение». С пожеланием приятного аппетита. Пакостник открывал новый сезон.

2

С тяжелым сердцем Ходырев вышел из провонявшей избы на волю. Глубоко вздохнул. Нельзя сказать, чтобы он не ждал возобновления боевых действий вовсе. Мешки с цементом, например, он позаботился запрятать подальше в темный закоулок между двумя хлевушками, а сверху забросал деревянным гнильем и слегка притрусил опревшим сеном. Схоронено было надежно, и за цемент Ходырев не беспокоился. Зато кирпич — лежал на виду.

Он обошел подворье и заглянул под навес. Штук с полсотни кирпича сверху было разбросано и разбито, однако кладь уцелела. Затея скорее всего показалась Пакостнику чересчур трудоемкой, надрываться не стал.

И все же по прошлогоднему опыту Андрей Ходырев знал, что такой мелочевкой Пакостник ни в коем разе не ограничится. Стоило ли ради «угощения» и полусотни битого кирпича в такую даль «хлебать киселя»?

Он скидал битый кирпич на кладь — пригодится забутовать фундамент, и пошел проверить мешки с цементом. На всякий случай.

Во дворе было темно, а за хлевушками вовсе глаз выколи. Но едва он сунулся в закут, как сразу понял — его захоронка безнадежно разорена. Под ногу подвернулась гнилая доска и глухо хряпнула. Выругавшись, он сходил за электрическим фонарем и осветил очередное разорение. Все мешки до

одного были вспороты и залиты водой. Цемент схватился, и теперь весь угол оказался завален каменными глыбами.

Тяжело ступая, Ходырев отправился в избу. Сел на кровать. В памяти сама собой всплыла фраза, то ли прочитанная мимоходом, то ли где-то услышанная: «Нет человеку спасения от человека». Андрей не умел сформулировать это словами, зато всегда чувствовал: вся российская бестолочь до доньшка исчерпывается этой коротенькой и емкой фразой, застрявшей в памяти.

Он вяло, без аппетита сжевал кусок пирога и запил молоком из полиэтиленовой фляжки. Долго сидел в сумерках, курил, повесив между колен широкие, костлявые кисти рук.

Потом встал закрыть окна и двери. Смердный душок из избы выветрился без следа, к тому же к ночи стало изрядно холодать. Он снял с гвоздя старенькую, изношенную лопотину, чтобы укрыться, и лег на кровать.

Вдруг ему пришло в голову, что на мешки с цементом Пакостник наткнулся вовсе не случайно. Он их искал целенаправленно. Ради них он бросил возиться с кирпичом, чего ни в коем разе не сделал бы, если бы не знал загодя, что сумеет сотворить пакость почище. Стало быть, он видел или знал от кого-то, что Ходырев завез к себе в Волковку мешки с цементом.

Андрей интуитивно почувствовал: мысль эта верная. Прошлогодние события полностью его догадку подтверждали.

Три раза он устраивал засады и в общей сложности проторчал в кустах ровно неделю. Но ни в один из этих дней Пакостник ни разу в Волковке не объявился. Зато четко приходил туда на следующий день после его отъезда. Иногда через день-два. Как раз во время дежурств Ходырева на работе. Выходит, Пакостник был в курсе всех его дел? Решил, скажем, Ходырев завести пасеку, а через день после отъезда ульи оказались на земле. И ружье прихватил не случайно, а, видимо, знал, что в ограде закрыты собаки. Тем более что в лес с ружьем еще не сезон. Про цемент и говорить нечего.

Андрей даже вскочил с кровати. Как ошпаренный. Побегал по избе, сердито ероша волосы.

Не иначе этим самым Пакостником был кто-то из числа его знакомых. Но причины?.. На кой ляд это понадобилось? Чего ради в течение вот уже года творить пакость за пакостью, рискуя в конце концов тоже нарваться? Если бы знать эти самые причины, или как их?.. мотивы, то, пожалуй, Пакостника он бы в конце концов вычислил.

Андрей с размаху сел на жалобно скрипнувшую кровать.

Запустил пальцы в волосы. Перед глазами одно за другим вставали знакомые лица. Одних он отметал сразу, кто не имел даже представления о Волковке. Других просто потому, что не знал, чем он мог им до такой степени насолить. Третьих, четвертых подозревал или реабилитировал по самым разным причинам. Согрешил даже на старика Устинова. Вот уж кто при желании мог удобнее всего терроризировать своего соседа. Эта мысль особенно понравилась ему даже безотнositельно к старику Устинову именно своей человеческой низостью. Таков, во всяком случае, должен быть почерк Пакостника, кто бы он ни был.

Прикинув по мелочам, Андрей нашел несколько существенных несовпадений, и старик с внутренним облегчением был оправдан. К тому же Устинов сам посоветовал ему приобрести эту избу. Даже подсказал адрес, у кого.

Андрей Ходырев перебрал еще несколько человек, но наконец понял, что так ничего не выяснит. Вся его жизнь была на виду — на службе, соседи, многочисленные знакомые, родня. Многие видели, как он привез домой эти злосчастные мешки с цементом. Потом грузил на платформу, подгадывал к очередному дежурству. Да мало ли... В общем, чтобы вычислить Пакостника, не хватало одного существенного звена — побудительного мотива. Чего ради? Корусть вроде невелика... Из мести? А может, зависть? К чему только? Или просто так, из любви к искусству? Мало ли придурков.

Андрею вдруг пришло в голову, что не он один оказался в числе пострадавших. У деда Устинова было похищено ружье. В другой раз Пакостник перевернул сметанный под окнами стожок. Правда, Устинов отлучался крайне редко, а потому набеги на его владения носили случайный характер. И не такой опустошительный.

«Так-то оно так, — подумал Андрей, — но дед все же сбежал? В одночасье. Бросил налаженное хозяйство с избой, с покосом. И купил будку на Хорошавинской дороге, десять кэмэ пеши!» Вот этого Андрей Ходырев и вовсе не мог взять в толк. Для расчетливого, хозяйственного старика поступок более чем легкомысленный. Пакостник тут не при чем. Старик далеко не из пугливых, при случае запросто может подстрелить. Да так, что никто знать не будет.

Новая загадка окончательно спутала Андрею весь ход рассуждений. «Чертов дед! Ни слова в простоте. Все намеки да подковырки с финтифлюшками, мать за ногу!» — выругался он, вспомнив недавний разговор, и лег.

Но не спалось. Хоть глаз выколи. Лежал, курил. Посидел, опять покурил. Походил по избе. За окнами непроглядная

темень — самая полночь. Андрей взял фонарь и отправился до ветру. Мысли, словно старая кляча на водокатке, ходили и ходили по кругу, уже по инерции, ничего к прежнему не добавляя. В рассеянности он повернул в избу. Было зябко, должно быть, близко к минусу. И ощущалось какое-то движение воздуха. Видимо, подымался ветер, и порывы время от времени доносили к нему из темноты обрывки разговора...

Голоса?! Андрей вдруг спохватился. Откуда здесь было взяться голосам? Но нет... он отчетливо их различал, с оттенками. Баба и мужик. Кажется, переругивались... И плач ребенка. Временами плач усиливался. И тотчас пропадал, унесенный порывом ветра. Потом раздавался снова, совсем близко, где-то в крайних бараках.

До поселка было метров с сотню, и Андрей решил проверить, кто мог сюда забрести, глядя на ночь, да еще с дитем.

Он продвигался не спеша, освещая яркий круг у себя под ногами. От этого пятна света ночь вокруг сомкнулась еще плотнее, и он уже ничего по сторонам не различал. Шел долго — на голоса, а они все как будто не приближались. Миновал ближние, незнакомые ночью развалюхи с черными провалами окон. Пробежал лучом света вдоль... Потом дорога пошла под гору, к железке. Выходит, он был где-то посреди поселка, но голоса доносились все так же далеко. Он сделал еще шагов десять, и вдруг явственно услышал перебранку. Но уже у себя за спиной, откуда пришел. И плач...

В недоумении Андрей остановился. Выключил фонарь, надеясь, что глаза привыкнут, и он сможет осмотреться.

Звон разбитого стекла, совсем рядом, заставил его вздрогнуть от неожиданности. Немного спустя в другом месте куражливый, явно пьяный голос затянул невразумительный мотив. Пять-шесть голосов вразнобой и невпопад подхватили песнопение... На соседней улице, так ему показалось, хлопнула дверь, и женский визгливый голос послал в темноту матом. В ответ раздался недвусмысленный чмокающий звук и похабный смешок.

Плакал ребенок. Мужик бранил бабу, баба на чем свет крыла мужика.

Взлаяла, загремела цепью собака...

Андрею сделалось жутковато. Он ущипнул себя — не спит ли? Потом, желая развеять наваждение, зычно гаркнул в ночь: — Эге-гей! Эй!

Постоял, прислушался. Но никто, казалось, не обратил на его крики внимания. Не прекратилась перебранка. Не залаяла собака. Мертвый поселок жил своей обыденной, убогой жизнью. Голоса звучали все так же неотчетливо, и, пожалуй,

он не разобрал ни единого слова, о смысле догадывался разве что по интонациям.

Стуча зубами от холода, Андрей добрался наконец до ограды. Круто обернулся, сам не зная почему. Шагах в двадцати, почудилось, из темноты движется за ним белесое пятно, отдаленно напоминающее женский размытый силуэт.

Андрей шагнул навстречу. Полоснул вдоль дороги лучом света. На обочине фонарь выхватил из темноты криво стоящую бетонную сваю, неизвестно когда и для чего тут забитую.

Андрей зло сплюнул и отправился в избу. Залез под тряпье на кровать, стараясь согреться. Ощущения после случившегося были, конечно, мерзкие. Но Андрей Ходырев, человек сугубо практический, в чудеса сроду не верил, полагая, что у всякого «чуда» имеется свое собственное объяснение. Он вспомнил деда Устинова и крест, который тот повесил ему на шею. Коротко и нервно хохотнул, представляя на своем месте набожного старика. То-то, должно быть, бородачи стояла дыбом от страха.

— Тю-тю-уу!

Он даже подскочил. Да не из-за этого ли «чуда» дурной старик бросил все хозяйство? А ведь так и есть, на самом деле. Петухи, говорит, по ночам орал.

Вот придурок так придурок! Домолился божий одуванчик. Таких историй «с петухами» Андрей сам мог бы порассказать с десятков, не меньше. Причем не выдуманных, а действительно бывших с ним лично, а не в Киеве с дядькой. Однажды, к примеру, это в сентябре было, году в семьдесят девятом, или в семьдесят восьмом? Весь день с утра в ушах орал петухи. Кругом тайга, ближняя деревня в сорока километрах, а то и все полста. А петухи орут. Не близко, правда, но слышать хорошо. Ну ладно, если бы он один их слышал, а то вдвоем были. Толик Казенных... Кобзоном звали, в напарниках у него болтался — то же самое. Как петух заорет — оба слышат. Плечами пожимают.

Ну и что с того? Живы остались, никто не помер.

В другой раз такое же... Но тогда Ходырев уже один был. Зимой на лыжах. Идет лесом, а в носу откуда ни возмись — запах свежей выпечки. Причем сдобной выпечки. И до того отчетливо, что слюнки потекли. Полдня шел отплевывался, потом отстало.

Но самый, пожалуй, диковинный случай произошел с Андреем совсем недавно. В городе началась голодуха, словно в блокаду. Магазины пустые, шаром покати. Даже хлеб с перебоями, на драку брали. Ну, делать нечего, надо семью кормить. Взял Ходырев посреди зимы отпуск и — в лес.

Договорился с хозяином балагана, не за так, конечно, обещал поделиться мясом, ну, а там дай бог удачи, как говорится. За день добежал до места, все путем. Отдохнул, отлежался за ночь. Наутро снова на лыжи и — вкруговую, петлю километров в тридцать отмахал. Но следы нашел, в первый же день. И стоянку обнаружил на вырубке в старом ельнике. Семенник когда-то оставили. Прикинул по следам, выходило штуки четыре-пять с лосятами. С тем и вернулся в балаган. На радостях выпил солдатские сто граммов.

Но везуха на этом закончилась. На следующий день взыграло солнце. Безветрие полное. Снег звонкий хрусткий, лыжи за три километра человеку слышать, чтобы к лосям при такой погоде подобраться на выстрел, нечего и думать. День минул, другой, третий. Погода все не меняется. Так неделя прошла, вторая началась. От безделья глаза лезли на лоб. Целыми днями гонял пустой чай — чагу заваривал. Оброс бородищей, навроде деда Устинова, а когда вовсе делалось тошно, вставал на лыжи и без всякой цели бродил по лесу. Шлепнул попутно пару тетеревов на лунках. Варил долгими вечерами и снова гонял пустой чай.

Однажды, в очередной раз собравшись на моцион, как он называл свои вынужденные прогулки, Андрей вышел из зимовья и стал вытаскивать из-под крыши оставленные там на ночь лыжи. Потом обернулся и обмер...

По залитой солнцем, заснеженной поляне, прямо перед его зимовьем, вышли из лесу шестеро охотников. Все в белых маскхалатах, идут гуськом на лыжах, переговариваются. На валенках белые чехлы. С палками. Даже лица разглядел, вроде знакомые. А вот кто — ни одного не вспомнил.

Первая мысль была — бежать. Если егеря, то за браконьерство в два счета срок влепят, не охнешь. Даром, что в городе жрать нечего. Но потом видит: все шестеро вроде как мимо через полянку идут. Его не замечают. И балаган мимо прошли, не увидели... охотнички хреновы. И тут Андрей спохватился. Да ведь его ищут! Как-никак две недели уже прошло, жена извелась, поди-ка, дома. Хотя... с чего бы ей? Он и не обещался скоро. И зачем тогда маскхалаты, если на поиски отправились? Нет, что-то тут другое. Скорее всего, начальство по лицензии промышляет. Говядина со свининой надоели, которыми с баз отовариваются, вот решили лосятинкой разговестись... большевики хреновы! Жирок на боках разогнать. Точно. Только вид сделали, будто не увидели его. Дескать, мы тебя не трогаем, и ты нас знать не знаешь. В глаза не видел. Который впереди — егерь наверняка. Половчее других ходит.

Но тут Андрею пришла в голову другая мысль. За тридцать верст от дороги никакое начальство на лыжах пеши не потащится. Они лосей с машины бьют: по лесовозным дорогам в делянку заедут — они тут и есть, лоси. В домашних тапочках, считай, охотятся.

Тогда кто? Что за люди такие?

Андрей решил окликнуть. В конце концов, мало ли что он тут делает. Если бы с лосятиной, с мясом застукали, это дело другое. На, вяжи в таком разе. А намерения к делу не пришьешь. Да и любопытство разобрало — не утерпел.

— Эгей! Мужики-и!

Смотрит, а они идут себе, как шли. Ноль внимания на него. Уходят... уже и спины показали. Да что такое? Неуж не слышали?

Заорал пуще прежнего:

— Стой!!! Портянки размотались! Эй!

Ни один даже башку не поворотил на голос. А Андрей уже в раж вошел. Да и обидно показалось. Сдернул с плеча ружье. Бац! Бац! В воздух. На поляне с берез даже иней местами осыпался. А эти — хоть бы что... Так и ушли.

Андрей минут пять еще стоял, хлопал глазами вслед, пока вся группа не скрылась между заснеженными деревьями. Потом спохватился и встал на лыжи. «Ну уж дудки! — со злой удалью пробормотал он. — Я в ваши гордые рожи все равно загляну. Далеко не уйдете». И он резво рванул поперек поляны на лыжню. Выскочил на середину и заозирался... Никакой лыжни через поляну не было. Кроме его собственной.

Вот такие дела. Как говаривала ему, мальчонке еще, бабка-покоенка: «Мало ли че в одиночку-то пригрезится. Не всякому верь». Он и не верит. Случай с петухами, надо полагать — это слуховые галлюцинации. С выпечкой сдобной — обонятельные. А те шестеро в маскхалатах — то ли мираж, по погоде, видать. То ли зрительные галлюцинации, от безделья. Короче, все довольно элементарно.

«Ну, дед, божий одуванчик! Погоди, расскажу в улице, как ты в штаны наложил. Петухов испугался, хрыч старый...»

Эти последние мысли едва уже ворочались в голове, и, наконец, Андрей провалился в сон, как в яму. Наутро, постепенно выбираясь из ямы, он слышал сквозь забытие какое-то хождение, тихо постанывали половицы. Приснилось, будто бабка-покоенка подошла подоткнуть на нем лопотину, чтобы не мерз. Навалила сверху еще...

И вдруг Андрей проснулся от одной совершенно отчетливой мысли, как от толчка. Старик Устинов, по его словам, был в Волковке десять дней назад. Значит ли это, что все

десять дней в поселке продолжалась эта ночная тайная жизнь? Или он, Ходырев, подрос к очередному представлению? Если это мираж, то довольно странный!

За окнами брезжил серый рассвет. Андрей зябко передернул плечами. К утру изба окончательно выстыла. Похоже было на заморозок. Он ругнул себя, что не догадался с вечера вытопить печь. Всего-то надо было чиркнуть спичку — дрова в плите были. Встал нехотя, кутаясь в тряпье, и пошел топить.

Пока разгорались дрова, Андрей с ожесточением скоблил ножом стол, удаляя надпись. И вдруг — мимо него, едва не задев, мелькнула какая-то тень и с силой ударила в простенок. Вслед за тем в уши рванул грохот, и вся изба разом наполнилась едким дымом и летающими хлопьями сажи и пепла. Андрей метнулся в сторону, к стене, и инстинктивно выкинул перед собой в руке нож. В двух местах на полу сквозь дым увидел — что-то горело.

Поленья!

Наконец сквозь дым и сажу разглядел повисшую на одном шарнире дверцу плиты — через нее в избу валили клубы едучего с запахом серы дыма. И сразу все понял. Бросил нож. Открыл все окна, на ощупь нашарил входную дверь. Толкнул. Горящие поленья выбросил за окно.

Дым потянуло наружу, и его глазам предстала развороченная взрывом плита с оборванной дверкой. Пакостник преподнес очередной сюрприз — нашпиговал плиту порохом. Должно быть, в отместку за патроны.

«Что ж, на войне как на войне. Но теперь, сукин сын, охотиться на тебя буду я».

Андрей прямо из окна наломал черемуховых зеленых веток, на веник. Связал и, сколько мог, насухо, без воды прибрал избу. Затем поправил плиту и заново навесил дверцу — единственно, чтобы лишить Пакостника удовольствия.

До пассажирского оставалось часа полтора. Он вытряхнул на стол содержимое рюкзака — четыре амбарных висячих замка и завернутый в мешковину медвежий капкан с тяжелой цепью и пробоем на конце. Капкан Андрей обнаружил в свой мартовский приезд в Волковку среди старого инвентаря, которым время от времени пользовался. Он удивился, что не обратил на него внимания раньше. Правда, капкан изрядно проржавел, и одна из пружин оказалась лопнувшей. Пришлось ее заменить.

Он спустил капкан на пол. Взвел. Потом самодельным веником слегка придавил тарелочку. Лязгнули зубатые дуги, и перерубленные черемуховые прутья брызнули в стороны...

Районный прокурор Хлыбов припарковал «УАЗ» на стоянке возле железнодорожного вокзала. Прибытие поезда, похоже, было объявлено, и основная масса пассажиров оживленно толпилась на посадочной платформе.

Хлыбов, плотный, крупный мужчина с тяжелым, малоподвижным лицом и тяжелыми веками, отчего глаза казались сонными, неторопливо вылез из машины и, не глядя по сторонам, двинулся в опустевшее здание вокзала, похожее на опрокинутый аквариум. Молоденький сержант милиции поспешно приветствовал его, столкнувшись в дверях. Хлыбов ответил коротким кивком, прошел к киоску «Союзпечати».

— Сигареты есть? — рявкнул он, наклоняясь к окну.

Киоскер вздрогнул и выронил из рук раскрытый журнал. Вернее, выпустил, а не выронил. И это не укрылось от внимания Хлыбова, как и голая девка, мелькнувшая глянец на журнальном развороте.

Киоскеру можно было дать лет от сорока и до семидесяти — обычный вид выпускника ЛТП с солидным в прошлом питейным стажем. Завидев Хлыбова, киоскер расплылся радостной улыбкой, даже всплеснул руками.

— Ффу... Гаврилыч! Ты так до срока в могилу столкнешь.

— Неохота?

— Ну, дак...

— Напрасно. Говорят, там сейчас лучше, чем здесь.

— Вот пусть они, кто это говорит...

— Сигареты есть?

— Какие пожелаешь, Гаврилыч. «Кэмел», «Мальборо», есть «Космос», «Астра».

— Хм? Даже так?

— Для хорошего человека...

— У тебя что, табачный киоск? Или «Союзпечать»?

Киоскер с готовностью подхихикнул.

— Ладно. «Кэмел», пожалуй.

— Семьдесят пять рубликов. Не дороговато?

— Не для себя беру. И прессу... по экземпляру.

— Журналы?

— Тоже. Вот этот не надо. И этот... убери.

Хлыбов рассчитался и напоследок тяжело глянул продавцу в бегающие, мутноватые глаза.

— С наваром работаешь? — он опустил глаза вниз, куда упал журнал.

— Ну, так... ребята иногда подбрасывают, случается, — замялся тот.

— Сколько?
— Дак это, по-всякому бывает...
— Соврешь, проверку устрою.
— К основному если... на круг, ну, рубликов триста иной раз.

Хлыбов с сомнением хмыкнул:

— Черт с тобой. Живи, бизнесмен. И службу не забывай, понял?

— Все как сказано, Вениамин Гаврилыч. Приглядываю.

— Ну-ну. Бывай.

Во время разговора с киоскером Хлыбов уцепил боковым зрением высокую фигуру парня с кожаным баулом через плечо. Тот топтался под расписанием, пока не тронулся поезд. Теперь он встречал Хлыбова возле «УАЗа» обаятельной, белозубой улыбкой.

— Хлыбов? Вениамин Гаврилович? — осведомился он, делая шаг навстречу.

«Ишь ты, Карнеги выискался, — хмыкнул про себя Хлыбов. — Порядочному человеку эти улыбочки ни к чему». Он равнодушно кивнул, бросил кипу газет и журналов на заднее сиденье. Сверху блок «Кэмел». Жестом пригласил молодого человека в машину.

— Прошу.

Тот нимало не смутился весьма сдержанным приемом. Уже сидя в машине, не таясь, некоторое время с любопытством разглядывал Хлыбова. Затем протянул руку.

— Валяев Алексей Иванович. Прибыл в ваше распоряжение.

— Первомайская районная прокуратура?

— Да.

— Так. А где остальные?

— Остальные? Про остальных, увы, ничего не знаю. Могу отвечать только за себя.

— Понятно, — Хлыбов включил зажигание, положил руку на рычаг. Но трогаться не спешил, о чем-то тяжело размышляя.

Валяев Алексей Иванович тоже молчал, но было видно, молчание не особенно его тяготило.

— Надолго? — спросил Хлыбов, не поворачивая головы.

— Как ко двору придусь.

— То-то у расписания торчал. На обратный рейс прикидка? Или как?

— Отнюдь. Я не хотел светиться возле вашего джипа.

Хлыбов, недоумевая, поднял на него тяжелые веки.

— Не понял?

Вместо ответа Алексей сунул руку за отворот куртки и

вынул костяную рубчатую рукоять. Нажал никелированную кнопку, и с десятков сантиметров мерцающей хищно стали с мягким щелчком вылетели наружу.

— Это еще откуда?

— Выкидуха. Купил у проводника. Мордастый такой, жлоб. За столтник сторговались.

— Столтник? Надо было изъять, и точка. И оформить привод.

— Ни в коем разе. Я еще на ствол договорился. Через пару недель.

Хлыбов присвистнул.

— Ну, ты лопух, Леша Иванович... Или Попович?

— Иванович.

— Стволами торгуют в темных подворотнях. Это раз. Мимоходом. Это два. Через третьи руки. Три. И чтобы рыло нельзя было разглядеть. Четыре. — Хлыбов фыркнул. — Проводник... Хы!

— Я думаю, так и будет, Вениамин Гаврилович, — ничуть не обидясь на «лопуха», согласился Валяев.

— Ладно. В подробности не вникаю. Готовь акцию.

«УАЗ» неторопливо вырулил со стоянки и покатил по разбитой дороге с остатками асфальта в центр города. Хлыбов отрешенно молчал всю дорогу и, только проезжая приземистое здание из светлого силикатного кирпича, обронил:

— Прокуратура.

Через сотню метров кивнул направо:

— РОВД. На соседней улице суд.

Некоторое время машина петляла по старой части города с однообразными старокупеческими домишками и перерытой в нескольких местах проезжей частью. Мелькнули деревянные корпуса, похожие на больничные, и через минуту Хлыбов с душераздирающим визгом посадил машину на тормоза, как будто наехал на кошку.

— Конечная. Вагон дальше не идет.

«Конечная», судя по всему, располагалась на окраине города и, пожалуй, это было единственное отрадное для глаза место из того, что Алексею удалось разглядеть по дороге сюда. Несколько гектаров крупного соснового леса и премилый, рубленный из сосны же коттедж с высокой мансардой-теремом и кирпичными пристройками. В сотне шагов от них сквозь желтеющие стволы отливала закатным блеском узкая полоска воды. В другой стороне маячил еще коттедж, целиком из кирпича, но, кажется, незаконченный — наполовину в строительных лесах.

Хлыбов перехватил взгляд. Усмехнулся.

— Местный приходской поп. Жорка Перепехин, это в миру. А в сане — отец Амвросий, ни больше ни меньше. Хват еще тот. У прокурора власть, связи, а этот божьим словом кормится. И неплохо. Я стороной кой-какие справки навел о доходах. Усопших родственников помянуть — десять, пятнадцать, двадцать пять деревянных в зависимости от поминального списка. Свечку поставить за упокой — трояк. Родины, крестины, свадьба, покойника отпеть — четвертак и выше. Молебен заказной — полсотни с носа. Пожертвования на храм — полпенсии плюс трудовое участие. Кто уклоняется, тем с амвона геенной огненной грозитя, навечно. Или стыдит персонально каждого, сам слышал. Грехи ни в какую не отпускает, пока карманы не вывернет. Словом, разбойник. Зато храм — вот он. Прокурора переплюнул. И личная «Волга», «двадцать четвертая». У попенка прихода пока нет, но на «храм» с гаражом батька со своих прихожан нашибал. Где-то на Белгородчине. Торговлишка у него... Пластмассовый образок — десятка. Крестик, алюминиевая штамповка — пять. Свечи... Ну и до бесконечности. Как говорится, не сеем, не пашем — только ху... пардон! Кадилом машем. Вот так, Леша Попович.

— Иванович.

— А я что сказал? А... ну да. Конечно. А теперь скажи, на кой ляд русскому мужику еще раз сажать себе на шею этого спиногрыза Жорку Перепехина? С его чадами и домочадцами? Ведь сказано: «Бог не в церквах, а в душах ваших». А потому «молитесь втайне, а не как фарисеи».

Хлыбов забрал прессу, сигареты и распахнул дверь на веранду.

— Проходи. Гостем будешь.

Вслед за хозяином Алексей миновал просторную веранду с набором плетеной мебели и через тамбур попал в полутемную прихожую со множеством дверей, свет в которую проникал через витражное узкое окно с цветными стеклами. Из прихожей наверх в мансарду вела полукруглая лестница с ажурными резными перильцами.

Пока Алексей озирался, Хлыбов исчез. Потом его голос раздался откуда-то из глубины:

— Анна! У нас гость. Принимай!

Алексей почувствовал легкое движение у себя за спиной и обернулся. Одна из дверей справа бесшумно отворилась, и через порог в прихожую ступила роскошная, чуть тяжеловатая шатенка в чем-то длинном густо-вишневого цвета. Возможно, это был просто халат. Алексей не слишком разбирался, но от обычного халата этот отличался, пожалуй, настолько же,

насколько уссурийский тигр от обычного домашнего кота. Правда, в данном случае не халат украшал хозяйку, а скорее наоборот — это была совершенная северная роза. Мягкая ткань откровенно подчеркивала кустодиевские чувственные пропорции, и Алексей впервые, пожалуй, только сейчас, глядя на хозяйку, до конца прочувствовал смысл небезызвестной фразы: женщине надо уметь одеться так, чтобы выглядеть как можно более раздетой.

По тому, как Анна на мгновение приостановилась в дверях, тоже разглядывая его, он понял, что оценка была взаимной и для него, пожалуй, вполне приличной.

Алексей слегка улыбнулся дежурной, ничего не значащей улыбкой, инстинктивно догадываясь, что таких женщин в большей мере задевает мужское безразличие к ним, нежели мужской навязчивый интерес. Представился:

— Алексей. Вечер добрый.

Хозяйка, неслышно ступая, приблизилась к нему почти вплотную и подала руку.

— Анна... Кирилловна. Очень приятно.

И вдруг на ее лице явилась такая откровенно кокетливая гримаска, явно вызывающая, что от неожиданности он враз смешался. Желая скрыть растерянность, гость поспешно склонил голову и слегка коснулся губами узкой руки с удлиненными розовыми пальчиками. «Вот это да, — промелькнуло в голове. — Настоящая танковая атака. Но какого черта?..»

Когда гость поднял наконец глаза, на губах хозяйки еще дрожала легкой тенью улыбка удовольствия — явно от маленькой одержанной победы. «Понятно, — решил он про себя. — Демонстрация боевой мощи. Всего одна гримаска, и от напускного равнодушия противника не осталось даже следа. Опасная женщина. Пожалуй, следует быть начеку».

— Что же мы стоим? Право, этот Хлыбов, он ужасный мужик. Мало того, что оставил вас тут в одиночестве, мы еще вынуждены сами знакомиться. Словно на улице.

Голос у Анны был грудной, низкий, и в голосе звучала улыбка.

— Да оставьте же вашу ужасную сумку здесь. А может, вы мне не доверяете?

— Ну что вы!

— Бог ты мой, какая тяжелая...

— Позвольте, я сам.

— Знакомься, Аннушка. Это Алексей Иванович Валяев, наш новый следователь. — И с некоторым значением в голосе Хлыбов добавил: — Вместо зарезанного Шуляка.

Мгновенная искра, похожая на электрический разряд, проскочила в воздухе. Гость тоже почувствовал ее. На лицо Анны словно легла тень, а Хлыбов, круто развернувшись, двинулся в гостиную.

— Прошу следовать за мной, — раздался в дверях его голос.

Ужинали молча, обмениваясь изредка незначительными репликами. Декоративная, низко висящая люстра освещала лишь центр массивного стола с приборами и руки, оставляя фигуры, лица несколько в тени. Углы просторной гостиной и вовсе терялись в темноте, лишая интерьер каких-либо подробностей. Хозяйка дважды вставала из-за стола за какими-то мелочами, которые находились тут же в гостиной, и настенное бра в одном случае, в другом — скрытая подсветка выхватывали из темноты прелестный, со вкусом обставленный уголок — словно зеленая лужайка посреди сумеречного леса.

Хлыбов, кажется, совершенно ушел в себя. Иногда пропускал обращенные к нему реплики или вставлял свои невпопад. Анну это почему-то то ли тревожило, то ли раздражало — понять Алексей пока не мог. Внезапно Хлыбов уперся в него тяжелым, вопрошающим взглядом. Грубо спросил:

— Они что, не верят мне там? Или за дурака держат? Алексей салфеткой вытер губы.

— По существу, о «них там» я мало что знаю, Вениамин Гаврилович. Но напутственные слова, когда я пришел за направлением, были такие: «В районе в прокурорах сидит небезызвестный Хлыбов». Я сказал: «Я знаю». «Что ж, тем лучше. В прошлом Хлыбов был отличным оперативником, настоящий волкодав. Имеет на счету десятки опасных задержаний. Но законник из него оказался слабоват. Последнее время он вовсе мышей не ловит. На районе повисло несколько тяжких преступлений, в том числе убийство Шуляка, профилактика на нуле, а Хлыбов в оправдание несет какую-то параноидальную чушь с запахом серы и требует людей».

— Кодолов?

— Что?

— Кодолов напутственные речи держал?

— Да.

— Свиной огузок. Его стиль.

— Хлы-ыбов! — с укоризною протянула Анна. — Ффу... какой.

— Молчу, молчу! — Хлыбов махнул рукой и, действительно, надолго замолчал, глядя перед собой невидящими,

неподвижными глазами. Хозяйка и гость оказались на неопределенное время предоставлены самим себе. И тотчас последовал расхожий дамский вопрос:

— Алексей Иванович, вы женаты?

— Мм? Не уверен.

— О-о!

На милом лице хозяйки впервые за весь вечер появился неподдельный интерес.

— Все предельно просто, уважаемая Анна Кирилловна. То, за что моя супруга в свое время меня полюбила, после загса за это же самое стала меня презирать. Тогда я был щедр, не жаден, после в ее глазах стал мотом. Я человек честный, но уж лучше бы мне быть взяточником и вором. Я человек необидчивый, покладистый, и она обнаружила, что во мне нет ни капли мужского самолюбия. Раньше я считался человеком деликатным, в меру скромным, теперь я — шут гороховый. Каждый, говорит она, может вытереть о тебя ноги, потом взять взаймы, сколько захочет, и ты сто лет не решишься напомнить негодяю о долге. Тьфу на тебя!

Анна смеялась так искренне и заразительно, что Алексей, глядя через стол на мрачного Хлыбова, невольно подумал: «Неужели, многоуважаемый прокурор, можно быть таким несчастным в присутствии такой чудной женщины, как твоя Анна?» Впрочем, ему тут же пришло в голову, что всякое чудо, становясь привычным, теряет в конце концов свои чудодейственные свойства.

Допрос на этом, разумеется, не закончился.

— Алексей Иваныч, несчастенький, и что теперь? Что вы станете делать дальше? — все еще смеясь, продолжала она.

— Мы решили разбежаться. На время. Тем более что я знал уже, куда и зачем мне бежать.

— Так вы попросту сбежали сюда?

— Ну, можно назвать это так.

— Конечно, вы сделали это из деликатности?

— Да.

— По причине душевной щедрости? Уважая собственную замечательную скромность?

— Мм... да. Кроме того, заметьте, я поступил как честный человек, чья карьера на семейном поприще приказала долго жить.

— Это ужасно как благородно, благородный Алексей Иванович. Но я бы предпочла послушать кроме вас и вашу супругу. Ее версию, как говорит Хлыбов.

— Вот видите, вы тоже не поверили ни единому моему слову.

— Почему тоже?

— Точь-в-точь как моя супруга.

В это время снаружи послышался глухой удар, словно чем-то тяжелым задели обшиву. Зимой так обычно трещат венцы на крепком морозе. Смех замер у хозяйки на устах, а лицо Хлыбова передернула неприятная гримаса. Он встал и решительными шагами с поспешностью вышел из гостиной. Хлопнула за ним дверь.

Гость удивленно посмотрел на хозяйку.

— Что это?

— Не обращайтесь внимания, Алексей Иванович. Это к Хлыбову.

Она чуть приметно усмехнулась.

— Хотите еще кофе?

— Не откажусь.

— А сами из скромности вы бы не решились спросить? Не так ли?

С кофейником в руках она обошла стол и встала у гостя за спиной. Наклонилась, чтобы дотянуться до чашки, и Алексей вдруг с трепетом ощутил у себя на локте ее горячее, упругое бедро. Он замер, чувствуя, как жар подымается по спине к затылку. Прикосновение не было случайным, но явно намеренным — пока тонкая, душистая струя из кофейника медленно наполняла чашку.

Очередная танковая атака оказалась настолько внезапной, что вновь застала его врасплох. Пока он приходил в себя, чудная Анна Кирилловна со своего места с любопытством за ним наблюдала.

— Алексей Иванович, что же вы не пьете? Вы, кажется, хотели кофе?

«Баловница, черт бы тебя!» — подумал гость, а вслух, не подымая от чашки глаза, вяло отшутился:

— Вы слишком круто завариваете, Анна Кирилловна. Боюсь, сегодня мне уже не заснуть.

Снова белый флаг был выброшен, и Анна, зная это, рассыпалась тихим грудным смехом.

В гостиную вошел Хлыбов, чернее тучи. Мрачно с порога взглянул на смеющуюся Анну, затем прошел к столу и набулькал в бокал из-под шампанского с полстакана коньяку. Проглотил. С минуту он стоял, словно прислушиваясь к себе. Затем буркнул что-то... Алексею послышалось: «Каналья, дохлая!» И сел в кресло.

— Алексей Иваныч, ты при деньгах? — вдруг спросил Хлыбов тоном, каким обычно говорят: «Руки вверх!»

Гость удивился.

— Ну... до первой зарплаты разве что.

Хлыбов встал, подвигал в темноте ящиками и шлепнул на стол перед гостем пачку денег в банковской упаковке.

— Взаймы. При случае отдашь.

— Чтобы вернуть такой заем, Вениамин Гаврилович, мне придется, как минимум, брать взятки, — вежливо отказался гость.

Хлыбов фыркнул.

— Не хочешь ли ты сказать тем самым, что взятки беру я?

— Ну, зачем же так?

— Бери! Здесь всего триста. И пусть тебя не смущает эта упаковка.

Гость, не глядя, почувствовал на себе выжидающую улыбку Анны Хлыбовой. Пожал плечами.

— Сто, Вениамин Гаврилович. Единственно, чтобы не наживать себе врага в лице начальника. За сто рублей я продаю вам этот нож, — Алексей выложил на стол свою давешнюю покупку. — Вам проще будет эту штуку оприходовать. Как прокурору.

— Хлыбов, перестань. Алексей Иванович не любит делать долги, ты же видишь.

— Было бы предложено, — буркнул Хлыбов и тут же забыл о деньгах.

Анна Кирилловна мягкими, точными движениями опытной курильщицы вскрыла пачку «Кэмела», щелкнула зажигалкой. Хлыбов вдруг снова замолчал, совершенно уйдя в себя, и Алексей подумал, что программа вечера на сегодня, похоже, исчерпана. Пора и честь знать. Он встал из-за стола, поблагодарил за прекрасный ужин и просил хозяев о нем больше не беспокоиться. Дорогу до гостиницы он найдет сам. Половина девятого вечера, так что...

Хлыбов решительно отмахнулся.

— Анна может не беспокоиться, это ее дело. А мне беспокоиться положено. По штату. Я, Алексей Иванович, препровожу тебя по месту жительства, а по дороге мы еще поговорим. Без свидетелей, что называется.

— Это значит, Алексей Иванович, мой Хлыбов будет вам всю дорогу хамить, — немедленноотреагировала Анна Кирилловна.

Хлыбов пропустил ядовитую реплику мимо ушей.

— Завтра кошмарный день. Как, впрочем, все остальные. Боюсь, нам будет не до разговоров.

В прихожей Алексею бросился в глаза нанесенный мелом крест над входной дверью. Это не была метка, оставшаяся от строительных или ремонтных работ. Косая перекладинка внизу вносила однозначный сакральный смысл. «Параноидальная чушь с запахом серы», — вдруг вспомнил Алексей слова Кодолова из следственного управления облпрокуратуры.

Что-то удержало его от немедленных вопросов, и он, терзаясь жгучим любопытством, молча вышел наружу в светлые майские сумерки.

Хлыбов махнул рукой.

— Сюда, Алексей Иванович. Напрямую. Немного прогуляемся, а заодно, — он хмыкнул, — я покажу тебе некоторые из здешних достопамятных мест.

Некоторое время шли молча среди редких сосен в сторону, где, Алексею показалось, он видел полоску воды. Поискав глазами, Хлыбов вдруг свернул в сторону и остановился возле ивовых зарослей в виде разросшегося куста.

— Здесь, кажется? Да, на этом самом месте в прошлом году лица кавказской национальности, в количестве трех человек, распивали спиртные напитки. В состоянии сильного алкогольного опьянения лица изнасиловали семидесятилетнюю бабку. Она собирала по кустам пустые бутылки. От бабки в прокуратуру на следующий день поступило заявление. А вечером того же дня бабка заявление забрала, хотя преступники уже были нами установлены. По простоте душевной заявительница объяснила этот шаг следующим образом.

И Хлыбов старушечьим голосом мастерски изобразил ответ заявительницы:

— Дак у меня пенсия сорок рублей от мужа досталася. А оне тыщу принесли, кавказцы, в гумажке завернута. Еще в ногах валялися. Нет уж, батюшка, за таки деньги пущай хоть кажин день до самой смерти меня пичужат. Заберу я у тебя заявление-то, давай сюды.

Оба посмеялись.

— И как? Заявление вернули?

— Пришлось войти в положение.

Через полсотни метров Хлыбов снова остановился.

— Здесь случай гораздо серьезнее. Группа подростков от пятнадцати до восемнадцати лет в вечернее время остановила на этом месте пенсионера. Как выяснилось позднее, ветеран войны, инвалид, орденоседец. Попросили закурить. Пенсионер давно не курил и посоветовал им это дело тоже

бросать. Его сбили с ног, пинали, прыгали на нем, месили ногами. Заключение медицинской экспертизы: «...смерть наступила в результате открытой черепно-мозговой травмы, сопровождающейся ушибом головного мозга тяжелой степени с кровоизлиянием под мягкие оболочки. Перелом костей основания черепа и лицевого скелета, перелом подъязычной кости слева, перелом костей носа, переломы верхней челюсти многооскольчатого характера. Многочисленные переломы ребер...» И так далее, там много понаписано. Короче, двое ублюдков держали третьего ублюдка под руки, и тот прыгал на инвалиде, как на батуте.

На другой день милиция оцепила место. Работали криминалисты. Вставную челюсть потерпевшего отыскивали за пятнадцать метров от места убийства. Была выбита изо рта ударом ноги. Но самое любопытное, за работой криминалистов с интересом наблюдал один из преступников. Выгуливал утром собачку и остался поглазеть. Даже давал советы. Кстати, из вполне благополучной семьи. Сын главврача местного профилактория при металлургическом комбинате. Мама на суде сказала, что инвалиду через год-другой все равно помирать, а у мальчика вся жизнь впереди.

Они вышли на берег длинного, узкого заливчика с разбросанными тут и там низкими деревянными строениями на сваях прямо в воде.

— Лодочные гаражи, — пояснил Хлыбов. — Обворовывают еженощно. Иногда просто жгут. Ради кайфа, надо полагать. Между прочим, преступление для наших ублюдков... пардон, для народонаселения — единственный способ развлечений. Имей это в виду, когда станешь прорабатывать мотивацию. Культура, друг мой, в здешних местах ниже нулевой отметки. Самодеятельность, черт бы ее... два при-топа, три прихлопа. И хор ветеранов. «Широка страна моя родная». Все.

Под ногами, словно сама собой, появилась асфальтовая дорожка, проросшая по трещинам молоденькой травкой. Навстречу им медленно шла степенная, пожилая пара — квадратный, невысокий мужчина в костюме, при галстукe, в новенькой сетчатой шляпе и такая же квадратная женщина в летнем плаще, оба с одинаково сосредоточенными лицами. Поравнявшись с Хлыбовым, мужчина приподнял шляпу и слегка согнул квадратный, негнущийся стан. Хлыбов с преувеличенным почтением изобразил то же самое.

— Моционите, уважаемый Илья Семеныч?

— Да. Видите ли, когда у тебя...

— Прекрасная вещь, эти вечерние моционы! — шумно

восхитился Хлыбов, пресекая в зародыше готовый начаться поток словоизвержения. — Я, уважаемый Илья Семеныч, решил взять пример с вас, как видите. Приятной вам прогулки. До свидания.

И он решительно потянул Алексея за собой.

— Завфинотделом Возжаев. Редкий зануда. Недавно принес заявление на супругу, просит возбудить уголовное дело. Десять страниц убористым почерком, и все какие-то цифры, колонки. Приход, расход... А в конце сумма: итого, 83 рубля 23 копейки. В чем дело, спрашиваю? Объясните, пожалуйста, доступным мне языком... Самолюбив к тому же до поноса. Не дай бог обидеть такого. Оказалось, они с супругой ведут каждый на особицу свой семейный бюджет. Сходил Илья Семеныч, скажем, в продмаг, а вечером он выставляет своей супружнице счет в половину стоимости покупок. Или... он, она отправляется в дом отдыха. Ездят обычно поодиночке, чтобы не оставлять на посторонних квартиру. При этом остающаяся сторона дает отъезжающей стороне ссуду под небольшой процент. По весне супруга уважаемого Ильи Семеновича заболела гриппом и вылежала полторы недели сроку. По выздоровлении Илья Семеныч хладнокровно выставил любимой супруге счет, куда включил стоимость всех лекарств, расходы на кормежку и по уходу. Его девиз: «За все надо платить!» Оно как будто девиз правильный, но у нас в России, Алексей Иванович, все правильное, как правило, превращается в совершенную ахинею.

— А по какому поводу заявление? — смеясь, спросил Алексей.

— Разные системы счета, как оказалось. Подбили бабки по итогам года, и у Ильи Семеныча баланс не сошелся. 83 рубля 23 копейки! Супруга возмещать убытки решительно отказалась, выставила встречный иск. Разодрались, и наш фининспектор, пылая гневом, написал заявление. Но, в конце концов, ума достало. Отошел сердцем и забрал заявление назад.

— Скорее всего заставил уплатить.

— Возможно.

Через минуту прокурор Хлыбов остановился на перекрестке улиц. С одной стороны углом шел забор, из-за которого выглядывали крыши приземистых корпусов — что-то похожее на автобазу или механические мастерские. С другой тянулись деревянные домишки с палисадниками, черемухами и поленницами дров.

— Тоже в известном смысле достопамятное место, — отрекомендовал Хлыбов. — Обрати внимание: фонарь с произ-

водственной территории отбрасывает за забор густую черную тень. Через весь перекресток. Так что часть перекрестка всю ночь остается в тени. Постоянно ходит транспорт, в основном грузовой. Так вот, в одно прекрасное утро обитатели этих живописных трущоб обнаружили на дороге под забором раздавленного колесами мужчину. Транспортное происшествие? Несчастный случай? Отнюдь. Экспертиза установила, что ко времени наезда потерпевший был мертв уже два дня. Естественно, документов никаких. Способ совершения убийства установить тоже не удалось. Тело было буквально расплющено под колесами. Личность опознанию не подлежала по той же причине. Опросы ни к чему не привели. Заявлений о розыске в милицию не поступало. В общем, дело в конце концов приостановили.

От каких-либо выводов Хлыбов воздержался. Он вдруг замолчал и, казалось, забыл про своего спутника совершенно. Однако экскурсия по достопамятным местам и знакомство с местными достопримечательностями на этом не закончились. Как, впрочем, и встречи с интересными людьми.

Едва они вышли на набережную, с Хлыбовым громко, но заискивающе поздоровался неопрятный тип неопределенного возраста с малопривлекательной лисьей физиономией. Хлыбов, едва взглянув, брезгливо сморщился и махнул рукой.

— Иди, иди себе!

— Кто это? — с улыбкой спросил Алексей, предчувствуя очередной местный «анекдот».

— Так себе, — Хлыбов фыркнул. — Вначале изучал экономику развитого социализма, вел даже какие-то курсы при ДК. Потом запил. А теперь развлекается тем, что в подворотнях демонстрирует малолеткам, по преимуществу девочкам, свои половые органы. Через неделю оформляем сукина сына в психушку.

— Действительно болен?

— Не думаю. Очень связно, даже доказательно и даже с эстетических позиций объясняет, почему он это делает и почему это непременно надо делать. Ну, просто нельзя не делать. В человеке, говорит, все должно быть прекрасно — и мысли, и душа, и тело. Если что-то естественно, что дано человеку самой природой, то оно не может быть безобразным. Ну, и так далее. Полный набор штампов, усвоенных из известных источников. При этом наш марксист начинает расстегивать ширинку.

Хлыбов усмехнулся.

— Ты, кстати, не думай, Алексей Иванович, сумасшедших

в этом городе нет, просто на удивление. Даже напротив — народонаселение отличается удивительным здравомыслием, до утилитарного. К примеру, та мама восемнадцатилетнего преступника. Ведь она точно все высчитала: жить инвалиду год, от силы два. Пользы от инвалида государству никакой, одни убытки. Лечение, инвалидский паек, жилплощадь занимает — вред один. По сути, мальчик избавил общество от вредителя. За что же наказывать? Она даже исторический прецедент вспомнила: у северных народов некогда сын душил престарелого родителя, набрасывая на шею удавку, чтобы не кормить в условиях сурового климата лишний рот. Такая смерть от руки сына считалась почетной. А чем мы хуже, спросила на суде образованная мама? У нас в стране в настоящее время с пропитанием дела обстоят не лучше, и мы это понимаем — перестройка хозяйственного механизма требует от всех нас, советских людей, определенных жертв...

Логика железная, в пределах четырех арифметических действий. И что ты ей возразишь на это? Скажешь, нехорошо, мол, старичка убивать, безнравственно как-то? Она не поймет тебя. Какая, ей-богу, нравственность, если от нее никакой пользы? А завфинотделом Возжаев, который за все желает платить? То же самое, вместо нравственности голая арифметика. Если эту самую нравственность нельзя просчитать на калькуляторе и разнести поштатно, сделать бухгалтерскую проводку, стало быть, никакой нравственности в природе нет. Так, баловство одно. При всем том Возжаев — человек честный, на чужое никогда руку не поднимет.

Оставшуюся часть дороги Хлыбов уже не умолкал, одна история следовала за другой с одновременным осмотром достопамятных мест. Только на этом маршруте их набралось десятка три — Алексей давно сбился со счета. К тому же к центру города публики на улицах становилось больше, и редкий из встречных не обменялся бы с Хлыбовым сердечным рукопожатием. Хлыбов всех знал, и люди в массе своей все были чрезвычайно интересные.

Поначалу Алексей даже смеялся, от души. Потом замолчал, а к концу в нем созрело и постепенно оформилось некое апокалиптическое ощущение конца. Мир с подачи Хлыбова, вывернутый своей изнаночной стороной, на глазах превращался в чудовищный паноптикум. Какая-то нечисть крутилась вокруг, выродки улыбались со всех сторон исковерканными лицами и протягивали для рукопожатия искривленные или же сросшиеся пальцы. Безобразно обнажались и что-то

убежденно доказывали друг другу, срываясь на визг, требуя возмездия, шельмуя, обличая, негодуя...

Алексей тряхнул головой, прогоня наваждение, и со вниманием уставился на Хлыбова. Все, что тот говорил, было абсолютно верно, было запротоколировано и давно превратилось в документ, но в то же время Алексея не оставляло чувство, что перед ним тяжело больной человек. Спустя еще какое-то время он уже не сомневался, что Хлыбов, действительно, болен «прокурорской» болезнью. Та самая изнаноchnая жизнь постепенно вытеснила здоровые ее формы, и в душе Хлыбова с некоторых пор воцарился этот ужасный паноптикум.

Они свернули с улицы в дворовый проезд и остановились перед подъездом пятиэтажного типового дома.

— Пришли, — коротко резюмировал Хлыбов. — Но у меня вопрос, Алексей Иванович, прежде чем мы расстанемся.

— Хоть два, Вениамин Гаврилович.

— Какого черта тебе здесь понадобилось? В этой дыре? Тебе что, некуда было деваться?.. Ну, чего молчишь?

— Думаю, Вениамин Гаврилович. Если я скажу правду, вы все равно не поверите. Поэтому стою вот и думаю, как бы соврать убедительно, чтобы вы были удовлетворены.

— Ха! А я помогу, пожалуй. Я тут на днях получил насчет тебя рекомендации. Прямо скажем, великолепные. Расхвалили, у-у! Дальше ехать некуда. Как на похоронах. А когда хвалят, сам знаешь, обычно хотят спихнуть во что бы то ни стало. Это как цыган на базаре старую кобылу продавал.

Алексей кивнул.

— Все так, Вениамин Гаврилович. Могу только добавить.

— Ну?

— Первомайский район, вы знаете, в областном центре самый престижный. Прокуратура, стало быть, тоже на высоте. Кадрами укомплектована на все сто. И работы в меру. Но вот гляжу, с нового года одно дело на меня сверх навесили. Второе, третье. И все неподъемные, я чуть дышу. Сроки прохождения начали требовать, а у меня — завал. До десяти вечера каждый день торчу на работе, и так из месяца в месяц. Наконец, зампрокурора Шерстнев...

— Знаю такого.

— Вызывает к себе. Давай, говорит, Леша, поговорим начистоту. Тебя отсюда выталкивают, ты, наверное, понял? Не потому, что ты плохой следователь, не подумай. Понадобилось твое место для одного высокопоставленного отпрыска. Только-только закончил московский юрфак и хотел бы иметь работу недалеко от места жительства. Прокурор, сам пони-

маешь, тут не при чем. Самого в два счета вышибут. Так что не мучай себя и нас, пиши заявление. А уж рекомендации тебе будут, какие хочешь и куда хочешь. Вот такие дела, Вениамин Гаврилович.

Хлыбов фыркнул.

— Я так и думал, в этом роде что-то. Ладно. Вот ключ... Квартира сто восьмидесятая, четвертый этаж. Две комнаты, так что в любую на выбор. Заселяйся.

Алексей шагнул в темный подъезд.

— Стой! — раздался сзади голос Хлыбова. — А версия? Насчет соврать... Или не придумал еще?

— Версию, Вениамин Гаврилович, я вам и доложил.

— Ну да? Соврал, что ли?

— До последнего слова.

— От шельма! Молоде-ещ... на голубом глазу. Экспромтом! — шумно восхитился Хлыбов. — А я, голубчик, признаться, поначалу тебя за дурака держал, ты уж извини. Но теперь вижу, сработаемся, ха-ха! Кстати... на кой ляд тебе наша дыра? Если по правде? Здесь мухи от тоскидохнут.

— Из любопытства. Это сущая правда, как на духу. Если не слишком торопитесь, я в двух словах объясню.

Хлыбов качнулся с пяток на носки. Махнул рукой.

— Ладно. Валяй... Валяев.

— Все началось с моего студенческого диплома. По статистике правонарушений. С дипломом я разделался скоро, а вот в статистике увяз, и до сих пор. Поначалу меня интересовала динамика правонарушений, цикличность, периоды вспышек, затухание, характер преступных действий и тому подобное. Но потом я выделил для себя особую группу так называемых нераскрытых преступлений. Не тех, которые были завалены по халатности или по недомыслию следствия, а совершенно особую — в некотором роде таинственных преступлений, из числа тяжких.

— Ну-ка, ну-ка? Садись, — заинтересовался вдруг Хлыбов и почти насильно усадил Алексея на скамью. Сам сел напротив.

— Несколько таких дел я по архивам раскопал. И ничего из них не понял. Изложено, на первый взгляд, бестолково. В свидетельских показаниях разнбой. Внятные мотивы отсутствуют, одни домыслы. Свидетели все на подозрении. Улик либо нет вовсе, либо одна взаимноисключает другую. В результате с большой натяжкой списывают косвенное соучастие на первого попавшего. Словом, неразбериха полная. Я, правда, попытался установить то общее, некую определенную сумму качеств, что позволяло выделить эти дела в особую группу.

Кроме неразберихи, все преступления такого рода относятся к особо тяжким, это раз. Направлены против личности, два. Личность потерпевшего, как правило, образцом для подражания не являлась. Но это дело обычное, я заключений не делаю. В-третьих, все преступления носили характер возмездия. И самое главное, большая часть свидетельских показаний, кроме явных оговоров или попыток свести счеты, по сути совершенная чертовщина, в прямом смысле. Или новейшая наукообразная ахиня: «резонансная орбита», «лунные фазы», «сверхактивность солнца»... «Полтергейст». «Земная энергетика», «орбитальная». Вплоть до «биополей». Да! Еще одно свойство. Эти преступления носят, как правило, локальный характер. Привязка к определенной местности, к определенному, я бы сказал, социальному градусу.

Хлыбов опустил тяжелые веки, как бы притушив неподвижный взгляд.

— Так. И поэтому ты здесь?

— Да. Я ждал этой вспышки. Может быть, не один год. Следил за всеми оперативными сводками. Из вашего района тоже, Вениамин Гаврилович. Даже читал докладную, помните? «Параноидальная чушь с запахом серы» — довольно точное определение для этого рода преступлений. Но вам, кроме меня, никто пока не верит. Да вы сами, кажется, принимаете происходящее у вас в районе за бред, не так ли?

По каменной неподвижности Хлыбова он вдруг понял, что пробный шар упал-таки в лузу. Похоже, крест над входной дверью появился не случайно.

Некоторое время Хлыбов молча обдумывал сказанное. Потом спросил:

— Имеешь в виду конкретное дело?

— К сожалению, я не видел в глаза ни одного. Пока все выводы только по сводкам.

— Угу.

— Кстати, что за дело такое, Золотарева?

Хлыбов хмыкнул.

— Пожалуй, то самое. С запахом серы. Суть вкратце такова... Трое местных ублюдков призывного возраста торчали у видеосалона на набережной. Подъехал четвертый. Золотарев, на «девятке». Вышел из машины и присоединился к компании. Минут двадцать стояли, курили, приставали к проходящим девушкам с вопросом: за сколько она бы согласилась? Потом Золотарев распрощался и сел в машину. По показаниям ублюдков, мотор вдруг взревел, и с места, на скорости, никуда не сворачивая, «жигуль» выскочил на набережную и — напрямик ахнул в воду. Со своего места все

трое видели выброс воды, фонтаном. Но когда прибежали, приятель уже пускал со дна пузыри. Никто, разумеется, нырять за ним не стал. Стояли, глазели, пока не приехала милиция. Но вот дальше... запах серы делается ощутимее. Один из ублюдков настаивает, что в машине у Золотарева на заднем сиденье находилась женщина, или девушка, лица он не разглядел, поскольку стекла были с затемнением. Когда Золотарев сел за руль, она положила ему на плечо руку. Другой ублюдок вроде подтверждает слова первого, но сомневается, потому что заглянул перед этим в салон. В салоне в это время никого не было, и если бы подошла женщина, он бы обратил внимание. Третий свидетель вообще ничего не видел.

— Машину подняли?

— Разумеется. Глубина всего четыре метра. Но Золотарев не сделал даже попытки выбраться. Судя по всему, при вхождении автомобиля в воду его сильно ударило головой о лобовое стекло, и он потерял сознание. Когда машину подняли, кроме тупа Золотарева, в салоне никого не было. Все дверцы оказались закрыты. Было приспущено стекло рядом с водителем, и теоретически выбраться через него наружу можно. Но на практике — едва ли. На всякий случай дно вокруг пробагрили вдоль и поперек. Результата никакого, конечно. Версия о самоубийстве — тоже под большим сомнением.

— Может, заклинило рулевую колонку?

— Машина в исправности. Проверили первым делом. Течения нет... пруд.

Хлыбов поднялся, давая понять, что разговор окончен. Протянул руку.

— Четвертый этаж. Квартира сто восемьдесят, не забыл? Алексей кивнул.

— Вчера сделали уборку, сняли печати. Так что все в лучшем виде.

— Квартира была опечатана?

— Ах да! — Хлыбов усмехнулся. — Я уже начал забывать, что ты приезжий. Это хорошо... хорошее качество. В одной из комнат, Алексей Иванович, проживал покойный Шуляк. Там его и нашли, с заточкой в спине. Соседняя комната числилась за одним придурком из агропрома, но он появлялся редко. Пригрела какая-то бабенка, как оказалось. Теперь находится под следствием. Вот так. Завтра в девять ноль-ноль быть на службе.

Хлыбов круто повернулся и, не оглядываясь, двинулся

прочь. Алексей глубоко вздохнул, передернул плечами. Общение с Хлыбовым явно действовало на психику.

Он взбежал на четвертый этаж. Дважды повернул ключ.

Обычная двухкомнатная квартира с гостиничным набором стандартной мебели в обеих комнатах. Алексей вдруг остро почувствовал, что не хотел бы поселиться в комнате, где был убит следователь Шуляк. На мгновение он ярко до деталей представил себе всю картину, как если бы сам проводил осмотр места происшествия. Мысленно определил положение труп — почему-то оказавшегося под кроватью. Опрокинутую на истертый палас пепельницу. Даже сладковатый трупный запах почудился в воздухе... И пожалел, что не догадался спросить у Хлыбова комнату. Хотя не исключено, что Хлыбов сам вполне намеренно пустил ему под череп этого ежа.

Алексей включил трехпрограммник и открыл окна. Затем отправился в ванную.

...После дороги и освежающего душа он уснул быстро, хотя и прежде на сон никогда не жаловался. Но наутро стали сниться кошмары. Он увидел себя на пожаре — сквозь пламя. Потом языки пламени вдруг ужались в светящуюся точку — огонек сигареты в темном окне мансарды... Чуть отодвинутая штора. Они с Хлыбовым бегом спускаются с веранды. Он оглянулся на окно, но вместо светящейся точки ему в спину глядел темный зрачок ствола. Испугаться он не успел — зрачок потух, прикрывшись тяжелым веком, и из тьмы надвинулось малоподвижное лицо Хлыбова. Затем голос Анны с хлыбовскими грубыми интонациями произнес отчетливо: «Каналья...» И все исчезло. На стуле возле своей кровати Алексей с удивлением обнаружил широкоплечего крутолобого блондина в темном блузоне с золотистой шерстью на толстых запястьях. Тот что-то говорил ему, напряженно двигая бескровными губами, но Алексей сквозь сон все никак не мог разобрать.

И вдруг проснулся. На стуле возле изголовья никого не было. Алексей сел, провел по лицу ладонью. Услышал, как в прихожей хлопнула входная дверь. На часах было около пяти утра. Он встал и вышел в прихожую, проверить. Дверь оказалась на замке.

«Наверное, сосед... из агропрома», — лениво подумал Алексей. И, заглянув на всякий случай в пустую комнату, отправился досыпать.

На полу возле его стула остались сырые, грязные потеки с обуви. Он посмотрел за окно — моросил мелкий дождь и стучал звонкими каплями по жестяному карнизу. День обещался быть пасмурным.

В 9.00 Алексей вошел в здание районной прокуратуры. Огляделся. Просторный коридор буквой «П», вдоль стен несколько стульев, стол в углу с высохшей чернильницей, выкрашенные зеленой масляной краской стены и одинаковые дерматиновые двери с безликой нумерацией — типичное присутственное место, но при необходимости годное также под склад, под следственный изолятор, музыкальную школу, стоматологическую поликлинику и т.д.

Алексей остановился перед открытой дверью в приемную. За электрической машинкой сидела миловидная женщина в строгой пиджачной паре и бойко выстукивала на клавиатуре.

— Здравствуйте, Людмила Васильевна.

Секретарша вскинула на мгновение глаза на посетителя и продолжала печатать.

— Мне к Хлыбову, пожалуйста. Моя фамилия Валяев. Алексей Иванович.

Ответа не последовало. Алексей помедлил и сел на стул напротив, с добродушной улыбкой уставился на неприступную Людмилу Васильевну. Хлыбовский хамоватый стиль, кажется, вполне укоренился в стенах руководимого им учреждения. Правда, лишенный напрочь обаяния личности самого Хлыбова.

Поведение посетителя показалось хозяйке приемной явно бесцеремонным. Она вскинула на него сердитые глаза и раздраженно кивнула на дверь.

— Подождите в коридоре.

— Вениамин Гаврилович занят? Или отсутствует? — мягко спросил Алексей, не замечая раздражения, но и не двигаясь с места. Вместо ответа прозвучала пулеметная очередь на машинке. Вторая, третья. Наконец, Людмила Васильевна освободила закладку, и Алексей внутренне приготовился к атаке.

— Я же сказала вам: подождите в коридоре. Вы русский язык понимаете?

Обаятельная, белозубая улыбка и добродушное молчание ставили раздраженную женщину в очень неловкое положение. Следовало бы остановиться, но, Алексей видел, ее уже несло. Поднявшись со стула, она вонзила в посетителя испепеляющий взгляд.

— Немедленно выйдите. Если не хотите для себя неприятностей!

— Людмила Васильевна, уважаемая, давайте попробуем для начала познакомиться.

— Вас вызвали повесткой? — непримиримо официальным тоном перебила женщина и протянула руку. Алексей сокрушенно пожал плечами.

— Увы. У меня даже повестки нет. — Он поднялся. — Хорошо, я подожду в коридоре, с вашего позволения.

В дверях еще раз обернулся.

— Извините. Это надолго?

Ответа, конечно, не последовало. Он подождал еще и сел в коридоре на один из стульев. Сердитая Людмила Васильевна теперь не казалась ему даже миловидной. Минут через пять из кабинета Хлыбова в приемную отворилась дверь, и Алексей увидел на пороге знакомого следователя из областной прокуратуры Игоря Бортникова. Поднялся навстречу.

— Валяев... Леша! И ты здесь?

— И я.

— В командировку?

— Определяюсь на службу.

— Ну да? К Хлыбову... в этот гадюшник?! За какие грехи, помилуй?

Сказано было намеренно громко, в расчете, что вышедший следом хозяин кабинета тоже услышит. И Хлыбов услышал.

— Наш гадюшник, молодой человек, производное от вашего. И далее, по восходящей. Чем выше, тем гаже.

— Старый кадр, — иронически подмигнул Игорь, обращаясь к Алексею. — Винтик! Ни за что не отвечает. Исполнял приказ, и точка. Все концы в воду.

Он повернулся к Хлыбову спиной. Отвел Алексея в сторону.

— Я тут в гостинице торчу. Забегай ближе к вечеру. Поболтаем.

Хлыбов сидел у себя в кабинете за длинным, полированным столом. Дверь к нему была распахнута настежь. Алексей остановился возле сосредоточенно уткнувшейся в бумаги Людмилы Васильевны. Мягко спросил:

— Вы позволите?

— Теперь, пожалуйста, — отчеканила Людмила Васильевна, и в мимолетном взгляде, брошенном на него, Алексей разглядел едва скрытую неприязнь.

— Извините, — он вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Не поладили? — усмехнулся Хлыбов. — Она это умеет. Заградотряд. Ладно... к делу. Сейчас познакомлю тебя с коллективом, кто на месте. А с остальными сам в рабочем порядке...

Он порылся в столе, достал тощую папку.

— Это тебе для начала. Изучи и приступай. На все про все — неделя сроку. Ублюдка надо найти.

— Розыскное?

Хлыбов уловил нотку разочарования в голосе следователя. Фыркнул.

— Единственное, в чем твой приятель прав на все сто, здесь действительно гадюшник. Редкий. Качественно новая криминогенная ситуация. Все сплелось в один клубок. Поэтому, Алексей Иванович, за какой конец ни тяни — конца не будет.

Хлыбов взял папку в руки.

— Почему такая срочность? Ублюдок, возможно, еще жив. Но появятся основания, а они появятся обязательно, возбуждай уголовное дело. Картина ясна?

— Разберемся.

Спустя полчаса Алексей сидел за столом на новом рабочем месте и, уткнувшись в папку, изучал материалы. «Дело № 4279 по факту исчезновения гр-на Суходеева Владимира Геннадиевича. Начато 15 мая 1990 года. РОВД, оперуполномоченный Ибрагимов».

Две фотографии Суходеева, анфас и профиль. Молодое, вполне заурядное лицо. Учащийся СПТУ № 13... Паспорт. Протокол-заявление на пропавшего без вести. Анкетные данные... Предполагаемое время исчезновения — 10 мая. Обстоятельства исчезновения — таковых не имеется. Вернее, заявитель не знает. Предполагаемые причины отсутствуют. Вероятные места нахождения — тем более... Хм? Не густо.

Так. Рост... Возраст... Телосложение... Словесный портрет... Характерные приметы... Описание одежды, обуви, личных вещей на момент исчезновения.

Привлекался ли в прошлом к уголовной ответственности? Привлекался в качестве свидетеля.

Странно. В таком случае, откуда взялись в розыском деле две судебные фотографии — анфас и профиль? Следует уточнить. Алексей поставил красный крыж и продолжал читать.

Сведения о заявителе — Борисенкова Евдокия Семеновна, сожительница... сожительница отца пропавшего Суходеева. 1955 года рождения. Место работы — столовая райобщепита.

Протокол допроса Суходеева Г.Я, отца... Хм? Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю.

Протоколы допросов свидетелей по месту учебы... То же самое.

Запрос-поручение в город Мегион Тюменской области по адресу в записной книжке... Протокол допроса следователем г.Мегиона.

Запросы в рай- и горбольницу. В морг — на предмет установления неопознанных мужских трупов на период с 10 мая по 17-е. Еще запрос — в Днепропетровск...

Постановление о возбуждении уголовного дела по факту исчезновения гр-на Суходеева В.Г., расследование которого поручить старшему следователю районной прокуратуры Шуляку. Число. Подпись: прокурор Хлыбов.

План расследования по делу...

Алексей отодвинул папку и поднялся из-за стола. Розыскное дело, как почти все дела этого рода, было сляпано наспех, поверхностно. Вероятно, в расчете, что пока суть да дело, разыскиваемый отыщется сам. Хотя... если исходить из сроков, к тому времени Суходеев отсутствовал почти неделю, можно было бы и озаботиться. Не озаботились. Протоколы допроса даже основных свидетелей составлены крайне примитивно, в лоб. Обычно большая часть допрашиваемых ведут себя совершенно, как дети. На прямые вопросы отвечают путано, невпопад, зато косвенными, наводящими из них можно вытянуть больше, чем они сами подозревают, ибо не имеют склонности к анализу пусть даже хорошо известных им фактов. Папаша Суходеева, кажется, из этого числа.

И все же, какие основания передавать дело в прокуратуру? Вместо того, чтобы активизировать розыск?

Хлыбов намекал на какую-то уголовщину, кажется. Но почему в деле это никак не отражено? Разве что две судебные фотографии, анфас-профиль. И свидетельство по делу. По какому делу пропавший Суходеев выступал в качестве свидетеля?

Ставим еще крыж. Это надо будет уточнить. А пока, чтобы получить представление, придется начать с нуля. С установления круга знакомых, с допроса свидетелей.

Алексей открыл последний лист в деле — план расследования, составленный, по всей видимости, покойным Шуляком. С первого же взгляда он почувствовал хватку квалифицированного следователя. Круг первоначальных следственных действий во многом совпадал с тем, что он себе мысленно наметил. Так... Допросить... Допросить... СПТУ. Школа... Изучить документы. Поручить обыск. Снова допросить... А вот тут появились новые фамилии, которых в розыском деле Алексей не встретил. Гражданка Черанева Т.Д. И вот она, фамилия — Золотарев!

Алексей даже присвистнул.

Уж не тот ли самый каскадер-самоубийца? На «жигулях»? Правда, в свидетели он теперь не годится. Однако круг, кажется, замкнулся. Один круг... один из... Он вспомнил недавние слова прокурора Хлыбова: «Качественно новая криминогенная ситуация. Все сплелось в один клубок. Поэтому за какой конец ни тяни — конца не будет».

Тогда, быть может, исчезновение Суходеева, прыжок в воду Золотарева и убийство следователя прокуратуры Шуляка между собой тоже как-то связаны?

Ну, нет! Это было бы слишком. Алексей мысленно над собой посмеялся. Одна фамилия Золотарев, а как сразу зазвучала фантазия!

Из коридора в приоткрытые двери он услышал возбужденные голоса. Вышел взглянуть. К нему тотчас обернулся низенький, плотного сложения следователь Махнев, сосед по комнате, явно в поисках сочувствующей аудитории.

— Валяев, душа, у тебя сколько дел на руках?

— Одно. Розыскное.

— Счастливчик, а? Всего одно! Слушай, бога ради, возьми у меня младенца, а? Возьмешь? Если возьмешь, я прямо сейчас на колени встану. Хочешь?

Круглый Махнев вдруг сделал подозрительное лицо и, придвинувшись вплотную, с оглядкой, страшным голосом зашептал:

— Нет, он что, Гаврила, сукин сын, сам их мочит, что ли? Раз в месяц. И мне! Мне! Мне! У меня мальчики кровавые в глазах по ночам. Я забыл, что такое сон.

— Где нашли? — спросил Алексей, догадываясь, что Гаврила — это Вениамин Гаврилович Хлыбов.

— В мусорном баке, на улице Парижской Коммуны, угловой дом. В коробке из-под обуви. И ленточкой шелковой розовой перевязана. Бантик! С любовью так, представляешь? Особенно этот бантик, ужасно как умилительно! Дворничиха увидела: ну, думает, привалило. Импортная, ха-ха! Цап коробку — и к себе. Развязывает бантик, представляешь? Открывает коробку, а там сверток спеленутый. Размотала дурочка и — в визг. Короче, папа или мама, что не исключено, взяли младенчика за ножки и головкой о стол... шаррах! Чтобы не мяукал, надо полагать. Крепко так взяли — на ножках следы от пальцев остались. Все пять. И в области шеи, сзади, тоже синяки. Правда, странного происхождения. Ну? Возьмешь?

Алексей кивнул.

— С Хлыбовым поговори.

— С Гаврилой? Хы! Гавриле где скажешь, там и слезешь.

Импульсивный Махнев вдруг круто обернулся к другому собеседнику, который молча невозмутимо курил, никак не выражая своего отношения.

— Вы еще не знакомы? Это Вася. Просто Вася, без фамилии. Она ему без надобности. Его и так все в Союзе знают. Душа человек! Если где увидишь на заборе или в сортире имя «Вася», это он. Помнят, любят, уважают, ценят! И по службе — прекрасный специалист. В основном по изнасилованиям. Мне Хлыбов младенцев подбрасывает из месяца в месяц, а ему этих — трахнутых. Я был у него как-то на допросе. Вася — сплошная любезность. Спрашивает потерпевшую: почему вы решили, что вас собираются изнасиловать? Та молчит. Вася дальше: он что, начал в вашем присутствии расстегиваться?.. Производил над вами насильственные действия?.. Нет, ты чувствуешь, каков слог? Какая мягкость в обхождении? Не оскорбить, лишний раз не травмировать.

— Ботало коровье, — добродушно отозвался Вася и, бросив в урну окурки, отправился к себе.

Махнев вслед ему восхищенно вздохнул.

— Засмутился скромняга. Не любит, когда хвалят.

Вернувшись в свою комнату, Алексей порылся в телефонном справочнике, набрал нужный номер.

— СПТУ?

— Точно! — хрипло гаркнули в трубку.

— Здравствуйте. Мне нужен замдиректора по учебно-воспитательной работе. Следователь прокуратуры Валяев говорит.

— Слушаю вас.

— По делу Суходеева, если помните.

— Суходеева? Это какого? А, да-да! Сейчас, одну минуту.

Трубку на том конце провода положили на стол. Алексей различал удаленные голоса. Мужской, хриплый, и женский, с кокетливым смешком. Стук каблучков... Прошло минуты три, он начал уже терять терпение, как вдруг трубка ожила.

— Суходеев, говорите, нужен? Суходеев в данный момент на занятиях.

От неожиданности Алексей не нашел, что сказать.

— Если есть срочность, пожалуйста, можем снять. Но лучше после трех. Устраивает? Алле?!

— Вы можете сказать, когда Суходеев появился на занятиях? С какого числа?

— Минуту... — В трубке, слышно, зашелестели страницы. — Вот, нашел. С десятого мая и по сегодняшний день.

Черт те что! Алексей заглянул в папку на первой странице. Парень с пятнадцатого мая в розыске и в то же время исправно посещает занятия.

— Вас как по имени-отчеству?

— Иван Андреевич.

— Иван Андреевич, этот Суходеев знает, что он в розыске? Почему ни разу не появился хотя бы дома? Не дал знать в милицию?

Трубка хрипло захохотала.

— Много хотите от них. Такой возраст, олигофрены! В голове единственная мысль гвоздем: кому задрать подол? Вторая — выпить!

Алексей молчал. Вот и весь розыск. А он собирался туда с опросником. Однако в деле Суходеева содержатся протоколы допроса других учащихся. Не меньше трех. И несколько вопросов к зам. Ни из одного не явствует, что Суходеев, отсутствуя, тем не менее присутствует.

— Через полчаса, Иван Андреевич, я буду у вас.

Он положил трубку. Похоже, произошла накладка. «Олигофрены», вероятнее всего, мудрят — покрывают или скрывают приятеля по неизвестной пока причине. А зам — тот попросту не был в курсе. Или перепоручил. Мало ли может быть вариантов. Плюс халтурная работа органов дознания.

Алексей доложил в приемной, что уходит. Заодно расспросил, где СПТУ № 13 расположено. На сей раз, к его удивлению, раздражительная Людмила Васильевна была очаровательна и исключительно любезна, настолько, что ему показалось, будто он имеет дело с другим совершенно человеком. Пользуясь моментом, Алексей выложил перед ней фотографию размером 3х4, только что найденную им у себя в столе.

— Мне кажется, Людмила Васильевна, этого человека я знаю. Недавно видел, — неуверенно произнес он, пытаясь припомнить, где именно. И не мог.

С фотографии смотрел крутолобый, очень светлый блондин с прямыми, резкими чертами лица и такими же светлыми глазами.

— Это Виталик, — тихо сказала женщина, едва взглянув. — Виталий Шуляк. Он недавно погиб.

Алексей тотчас вспомнил утренний визит незнакомца. Кажется, он принял его за соседа по комнате, из агропрома? Но грязные потеки под стулом... Дверь! Он отчетливо слышал, как хлопнула за ним входная дверь.

Черт знает что такое! Алексей крепко провел ладонью по лицу и в совершенной прострации вышел на улицу.

В этой части города Алексей был вчера с Хлыбовым. Он вышел на конечной остановке автобуса. До училища оставалось пройти метров триста через пушистый молодой ельник. Здесь, за металлическим сварным забором, располагался целый учебно-производственный комплекс — с общежитием в три этажа, с отдельной столовой и огромным актовым залом. Железные, тоже сварные ворота на территорию училища были смяты неведомой и злой силой. Одна створка с серпом и молотом в центре еще держалась на верхней петле, другая валялась обочь, ржавая, с прорастающей над ней яркой щеточкой майской травы. Бросились в глаза разбитые кое-где стекла учебного корпуса, зияющие, обшарпанные двери и засохшая на ступенях грязь. Гулкие коридоры, наглядность на стенах смотрелись немногим лучше.

Алексей зафиксировал картину лишь краем глаза. Фотография Шуляка в кармане и утренний визит что-то необратимо сместили в его сознании. Привычная почва была выбита из-под ног, и в голове заезженной пластинкой крутилась одна и та же фраза: этого не может быть потому, что не может быть никогда. Скорее всего, фокус! И как у всякого фокуса, у этого тоже должно быть очень простое, даже до глупости, объяснение. Останется только развести руками, успокаивал он себя.

Ивана Андреевича на месте не оказалось. Директор уже месяц как в отпуске по горячей путевке. Возможно, появится через три дня. Замдиректора по производству? Да, у нас есть такая должность, но человека недавно проводили на пенсию. Место вакантно.

— Будем ждать Ивана Андреевича, — Алексей сел к столу.

Кудрявая, пухлая секретарь-машинистка с шестимесячной «химией» на голове и тонко подщипанными, покрасневшими бровками смотрела на товарища из прокуратуры, радостно и невпопад улыбаясь. Приглядевшись внимательнее, Алексей вдруг понял, что дама попросту пьяна, и улыбнулся в ответ широко и обаятельно, как мог. В ответ не то мурлыкнули, не то раздался кокетливый смешок. Контакт был установлен.

— Я поищу Ивана Андреевича. Только ради вас... мужчина, — кокетливо добавила она и сделала попытку выбраться из-за стола. Покачнулась. Алексей вовремя поддержал ослабевшую даму, и она благодарно привалилась к нему пухлой грудью.

— Какая я пьяная, боже! — с беззащитной доверчивостью пожаловалась она. И вышла за дверь, задев ее плечом. «У

секретарей-машинисток я определенно пользуюсь сегодня ошеломительным успехом», — хмыкнул про себя Алексей.

Вскоре он услышал в конце коридора голос Ивана Андреевича.

— Я же тебе сказал, меня нет. Ни для кого. Прокуратура, прокуратура... заладила. Я плевал на нее, ясно?

С одного взгляда Алексей понял, что перед ним отставной хрипун в чине майора или капитана. Судя по багровой физиономии и ковырянию в зубах, Ивана Андреевича оторвали от застолья в самый разгар, но мужик он был крепкий и форму держал.

— А-а, прокуратура! Ждем, ждем. Но должен предупредить, уважаемый... э?

— Алексей Иванович.

— ...Алексей Иванович. Неувязочка вышла. Честно признаюсь вам, дезинформировал органы. Ха-ха-ха! Не по своей вине, разумеется, но... дезинформация прошла. Этот, как его?..

— Суходеев.

— Суходеев, точно. Суходеев на занятиях отсутствует. Вот так. Вопросы еще есть ко мне?

Иван Андреевич явно считал вопрос исчерпанным и повернулся уходить.

— Сегодня отсутствует? Или вообще? С какого числа?.. Да вы присядьте, Иван Андреевич, дорогой. Я вас долго не задержу, — Алексей говорил нарочито мягко и вкрадчиво, и хрипун немедленно насторожился. Кто знает, какой финт эта прокуратура через минуту выкинет. Он упер трезвеющий, пыливый взгляд в следователя и мгновенно переориентировался.

— Заходите. Прошу! — толкнул сильно дверь в кабинет.

— Иван Андреевич, скажите, откуда у вас «дезинформация»? Из какого источника?

Алексей демонстративно выложил из кейса бланк протокола и ручку. Отставник ткнул блестящим от жира пальцем в кнопку селектора.

— Зинк... кхм! Зинаида Петровна, зайди.

В дверях не сразу появилась голова с «химией».

— Ну? Чего?

— Журнал. Живо!

— Сча-ас, — лениво зевнула Зинаида, и каблучки неуверенно удалились по коридору. Иван Андреевич молча барабанил крепкими пальцами по столу и глядел в сторону. Потом выхватил заляпанный, в пятнах, журнал у Зинаиды и энергично начал листать.

— Вот, взгляните. Сведения о посещаемости. Суходеев... С десятого мая и по сегодня. Полный ажур.

— Кто его наводил?
— Классная дама! — Иван Андреевич весело хохотнул. — Есть у нас такая, есть. Охорзин Кирилл Кириллович. Мужик что надо, но с отчетностью... хоть плачь. Пример налицо. Вот.

Истину следователь Валяев установил спустя часа два. От «олигофренов», когда во время большого перерыва за-тащил двоих в комнату общежития для разговора. Усадил перед собой.

— Гнилой вернется, ему теперь неделю Кирий Кирияча водкой поить, — буркнул один.

Другой не согласился.

— Припух Гнилой. С концами.

— Гнилой, это кто? — перебил Алексей кое-как разговорившихся «олигофренов», которые, пожалуй, были не прочь Гнилого заложить.

— Воха, ну?

— А Воха кто такой?

— Суходеев Вовка, ты че?

— Понятно. А за что вы его так... Гнилой? За какие заслуги?

— А-а... тухляк. Местный.

— Вы с местными не в ладах? Враждуете?

— По-разному. Когда как.

— А Кирий Кирияч, это кто?

— Классный... в группе.

— Охорзин Кирилл Кириллович?

— Ну.

— А почему Воха должен поить Кирий Кирияча водкой? За что?

— Такса у него. Два дня прогула — с тебя пузырь. Еще два — еще пузырь. А Гнилой уже две недели в отгулах.

— Значит, за пузырь он вас в журнале не отмечает? Так надо понимать?

— Ну. Если хочешь, можно заранее договориться. Хочешь — потом. Без разницы.

— Краснухой не берет.

— У нас иногда полгруппы в бегах, Кирияч тогда даже не просыхает. Целыми днями на бровях.

— А другие преподаватели тоже так?

— По-разному.

— Как это по-разному? Иван Андреевич, например, зам-директора, он тоже... водкой?

— Воруют.

— У вас воруют?

— Че у нас-то? В столовой. Еще в общежитии, с жильцов навар. Хватает.

Из дальнейшего разговора Алексей понял, что комендант общежития, женщина, с ведома администрации сдает пустующие под видом ремонта комнаты в левом крыле под жилье. Иногда просто на ночь. Жили у них цыгане, например. А в прошлом году с весны и все лето торчали шабашники с Кавказа...

Алексей сразу вспомнил о «лицах кавказской национальности», которые изнасиловали в кустах семидесятилетнюю старуху. Уже на следующий день «лица» были установлены. Значит, Хлыбов должен быть в курсе происходящего здесь. К тому же училище находится почти рядом с его домом.

Алексей спросил «олигофренов», на какие деньги Суходеев станет поить Кирий Кирияча водкой. Да еще в течение недели. Разумеется, это его заботы, а все же? Оказалось, деньги у Суходеева иногда водились. Отмазаться от Кирияча для него не проблема. Откуда деньги? Ну... порнуха. Кассеты еще записывал... Потом даже слух прошел, будто Гнилой мотоцикл заимел.

Мало-помалу Алексей выяснил, что в прошлом году Суходеев два месяца отработал грузчиком на продуктовой машине. В гор- или райторге — они не знают. И нынче собирался туда же. Насчет мотоцикла полной уверенности у них нет. Суходеев ездил на разных. Наверное, одалживался у друзей. В общежитии ночевал, да, довольно часто. Иногда не одну ночь. Тут посторонних много кантуется.

Алексей опросил еще трех «олигофренов», но информация в том или ином виде была все та же, без особых дополнений, что в общем-то говорило о ее достоверности.

Не без внутреннего облегчения он, наконец, покинул территорию учебно-производственной зоны и свернул по тропе через пушистый, веселый ельник к берегу пруда. Необходимо было минут двадцать одиночества и тишины, чтобы осмыслить полученные данные.

Под ноги выбежала узкая асфальтовая дорожка, та самая, на которой вчера они встретили завфинотделом Возжаева с супругой, и Алексей не спеша двинулся по ней, но в обратную сторону, наслаждаясь веселым птичьим перезвоном и настоящими на хвое весенними ароматами.

...Сбыт мясопродуктов по спекулятивной цене — это не игры на детской площадке. Тут возможны два варианта. Либо со стороны Суходеева это мелкое воровство, от случая к случаю, то, что может позволить себе несун-грузчик, либо задействована устойчивая криминальная цепочка «хищение товара — сбыт», за которую придется подергать. И еще важ-

ный момент — мотоцикл. В розыском деле транспортное средство почему-то не фигурирует. Если все так, к поискам необходимо подключать госавтоинспекцию.

Асфальтовая дорожка шла теперь вдоль металлического забора с указателем в виде длинной стрелы с надписью «Санаторий-профилакторий Н-ского металлургического комбината». Забор был точно такой, как тот, что окружал территорию учебно-производственной зоны. Правда, здешний поблескивал свежей битумной краской, и территория за ним выглядела ухоженной. Вскоре Алексей оказался перед центральным входом с постриженными кустами акации. Сквозь молодую березовую рощицу в глубине светлело здание профилактория. Справа блестела зеркальной гладью живописная лагуна.

Он повернул назад.

И вдруг на одной из боковых аллей раздались громкие, явно нетрезвые голоса. Последовавшая за тем сценка показала ему примечательной, и он остановился. Двое изрядно подгулявших мужичков, держась друг за дружку, заступили дорогу трем женщинам. Особенно хорош в своем роде был маленький, тщедушный мужичонка с зычным не по росту голосом. Он с трудом отлепился от приятеля и, растопырив руки, двинулся на женщин.

— Стой, бабы! Я говорю, стой! Мы вас сейчас е... будем. Поял? Кому говорю!

В ответ раздались заполошные взвизги, смех, и одна из бабенок, побойчее, задиристой сорокой выскочила вперед.

— Айда-ко, вые... Нас вон трое против вашего. Айда, попробуй!

— Во! Я тя сейчас, кучерявая, захомутаю! — Мужичонка стянул с головы кепку и шмякнул с размаху под ноги. Ии-ех! Наступил, растер. — Колька-а! Окружай бабье дырявое, не ушла чтобы ни одна, поял?

Он враскорячку двинулся на кучерявую, загребая воздух по сторонам руками. Но та и не думала никуда бежать, а стояла, уперев руки в бока, и дразнила:

— Давай. Пробуй давай, пробуй... стручок немытый.

И когда тот уже готов был облапить, она толкнула его двумя руками с силой в кусты. Однако ж мужичонка, хотя и вдрызг пьяный, успел-таки схватить бойкую бабу за рукав, и оба с визгом и матом повалились в кусты. Собутыльник в это время, исполняя приказ, тоже враскорячку и тоже с матом ловил по кустам двух других бабенок, которые однако ж далеко от него не убегали.

Визг, хохот, пьяная возня свидетельствовали, конечно, не о преступлении, а о веселье.

Тщедушный мужичонка оказался-таки хватом. Кучерявая кое-как на коленях, задом, отбиваясь от домогательств, выбиралась из кустов на аллею. Плащик и юбка на ней были завернуты на голову, а трусы спущены и держались на коленях. Майский прохладный ветерок, должно быть, приятно освежал бело-розовые ягодичы с рыжей промежностью.

Уже удаляясь, Алексей слышал зычный голос «насильника».

— Дак че, бабы? Пошли к нам в номер. Коль, а Коль? У нас там осталось, кажись, а?

— Они не пьют. Ишь, приткие.

— Айда-ко, не пьют! — загалдели возмущенные женские голоса. — И пьем, и это самое... только не в кустах.

— Го-го-го!

После всего увиденного и услышанного следователь Валяев чувствовал себя совершенным иностранцем.

7

После училища Алексей зашел на несколько минут в прокуратуру забрать из сейфа папку с делом Суходеева. Затем отправился в райотдел милиции.

Оперуполномоченный Ибрагимов, усатый смуглый татарин, явно расположенный к полноте, долго изучал удостоверение работника прокуратуры, выданное Валяеву. Потом возвратил документ, словно бы нехотя, и уставил на него блестящие, навывкате глаза.

— Рафик Хымматович...

— Хамматович, — поправил Ибрагимов, и это были его первые слова с того момента, как Валяев вошел в кабинет и представился.

— Рафик Хамматович, в розыском деле, которое вы начинали, имеются две сигналетические фотографии гражданина Суходеева. Вот они, анфас-профиль. Здесь же, в графе «привлекался ли в прошлом к уголовной ответственности», вы пишете: привлекался в качестве свидетеля. В связи с этим у меня к вам вопрос: Суходеев привлекался в качестве свидетеля или все же обвиняемого?

После продолжительной паузы последовал односложный ответ:

— Все же свидетеля.

— В таком случае, откуда эти снимки?

Снова последовала пауза.

— Из данных учета.

— Я это понимаю. Но до сих пор свидетелей в фас, в

профиль у нас, кажется, не снимали. Обвиняемых, да. Ну, еще трупы для последующего опознания. Но свидетеля?..

Рафик Хамматович смотрел на него в упор, не мигая, и... молчал. Алексей почувствовал, что не в силах сдержать улыбку. Пояснил:

— Я человек здесь новый. В городе второй день. На работе — первый. Только-только начинаю входить в курс, так что за глупые вопросы не обессудьте.

— Я вам ответил. Фотографии из данных учета. Это все.

— Но как-то они туда попали?

Снова пауза. И расплывчатое рассуждение:

— Среди молодежи от семнадцати до двадцати пяти лет у нас каждый третий имеет судимость. Поэтому в данных учета...

— Вот видите, — перебил Алексей. — У Суходеева, стало быть, судимость имеется. А вы пишете, что проходил свидетелем, и в то же время приобщаете к делу, к розыскному, две фотографии из старого уголовного. Поэтому, Рафик Хамматович, ставлю вопрос уже конкретно: по какому делу гражданина Суходеев проходил в качестве обвиняемого?

Вновь последовала пауза. И лаконичный ответ, с явной опаской в голосе:

— Суходеев проходил свидетелем, а не обвиняемым.

Алексей вздохнул. Получалась сказка про белого бычка.

— Ну, хорошо. В таком случае, по какому делу Суходеев проходил свидетелем? Раз уж вы сами на этом настаиваете.

«Восток — дело тонкое», — усмехнулся он, терпеливо ожидая, пока Рафик Хамматович обдумает свой очередной ответ.

— Почему об этом вы спрашиваете у меня?

— То есть? — удивился Алексей, не ожидая такого поворота.

— Дело находится у вас в прокуратуре. Я думаю, будет лучше, если вы истребуете его из архива.

— С обстоятельствами дела вы лично знакомы?

— В общих чертах. Насколько я помню, квалифицировалось по статьям 117 и 102 Уголовного кодекса, умышленное убийство с целью сокрытия изнасилования.

«Сначала изнасиловали, потом убили, чтобы скрыть. Нет, дорогой Рафик Хамматович, ты наверняка не ошибаешься. Но кто же, ребята, вас так перепугал, что вы по полчаса обдумываете каждое свое слово? Прямо-таки международная пресс-конференция получилась. По скользким вопросам».

Он встал.

— Все ясно, Рафик Хамматович. Спасибо большое за

исчерпывающие ответы. До свидания. — В дверях он обернулся еще раз и с широкой улыбкой в шутку пообещал: — Наш разговор, обещаю вам, останется между нами. Так что, не беспокойтесь.

И по тревоге, плеснувшей в глазах оперуполномоченного, понял, что шутка принята им всерьез.

Хотя и тревога, и взвешенность в каждом слове, опасения вполне объяснимы, если учесть, что после убийства Шуляка все начальство и здесь, и в области до сих пор стоит на ушах. Нагнали в район кучу народа с проверками, с перепроверками, устраивают свирепые выволочки за малейшую небрежность, словом, всю ищут «козла», как это обычно бывает, вместо того, чтобы искать преступника. А тут еще он — свалился неизвестно откуда, неизвестно с какими полномочиями, когда у них, местных работников, уже морды в кровь разбиты.

Что ж, понять можно. А понявши — простить.

Спускаясь с этажа, он услышал внизу, перед дежуркой, рыкающий голос прокурора Хлыбова. С разносными интонациями.

— ...Дерьмо собачье! Я тебя посажу сейчас в камеру к уголовникам. А завтра ты выйдешь оттуда девочкой!

Хлыбов крепко держал за ухо в полуподвешенном состоянии заревавшего подростка лет четырнадцати. Тот тихо скулил, цепляясь за карающую десницу руками.

— Что? Не слышу?! Громче... Ах, не будешь больше. Сержант, это первый случай у него, или приводы были?

— Первый. Пока.

— Так вот, юноша, на первый раз мы тебя прощаем. Первый и последний. Пшел отсюда, ублюдок!

Хлыбов крепко поддал коленом пониже спины, и малолетний правонарушитель, ударяясь о двери, через тамбур вывалился наружу.

Заметив Алексея, Хлыбов недовольно буркнул:

— Профилактика. Отбирал у малышни деньги, с мордобоем.

— Надолго урок, — улыбнулся тот.

— Не думаю, — на ходу бросил Хлыбов, поворачивая в коридор.

«Кто сказал, что Хлыбов не занимается профилактикой правонарушений? Они глубоко не правы», — подумал Алексей, выходя на улицу вслед за начинающим грабителем. Но того уже след простыл.

В прокуратуре прямо с порога Алексей встретился глазами с Людмилой Васильевной. Она прошла мимо него с ворохом бумаг, ослепительно улыбаясь, овеянная изыскан-

ными ароматами французских духов. И скрылась в левом крыле здания. У нее оказалась весьма недурная фигура: и походка, и ноги совершенно, как у профессиональной манекщицы. Странно, что он заметил это только сейчас.

Из-за угла за спиной раздалось насмешливое покашливание. Валяев обернулся. Оба приятеля, Махнев и Вася, окутанные сигаретным дымом, с удовольствием наблюдали его задумчивую физиономию.

— Валяев, душа, ты знаешь, что такое цунами?

— Ну-у...

Подвижный Махнев в отчаянии схватился за голову.

— Цунами, Валяев, это когда женщина еще — или уже! — не замужем. А возраст поджигает. И она, наметив жертву, вдруг ринулась в атаку. Блузка расстегнута, бюст наполовину открыт. Глаза томны, сияют. Она вся внимание и трепет, обворожительна. Но ум холодно-трезв и просчитывает все на несколько ходов вперед. Женщина в атаке! Прекрасное и жуткое зрелище. Кстати... ты женат?

— Теперь уже нет.

— У-у-у! Вася, скоро нам предстоит свадьба. Нашего бычка вначале зарежут, разделают, расфасуют на порции, завернут в хрустящий целлофан и на веревочке доставят прямо в загс. И бычок, бедняга, еще будет радоваться, что у него все так здорово получилось. Валяев, душа, поздравляю тебя заранее.

— Ну, спасибо! — Алексей искренне расхохотался, удивляясь, что не сумел сообразить сам, хотя еще утром оставил в приемной для оформления свои документы. Пожалуй, его сбил с толку внезапный переход от ледяной неприязни к очаровательному вниманию.

Сославшись на дела, он отправился к себе и сразу сел за машинку. Но вдруг сообразил, что следует выяснить для начала, что именно он собирается истребовать, а уж потом... Обругав себя нелестными словами, Алексей выглянул в коридор. Махнева в углу уже не было, но Вася, «специалист по изнасилованиям», продолжал сосредоточенно смолить. Даже не поменял позу. «Кажется, это то, что нам сейчас нужно».

— Василий, э-э... Степанович?

— Ну, если Вася не устраивает, тогда...

— Вполне.

Алексей вкратце изложил нестыковку с фотографиями в розыском деле и, сославшись на оперуполномоченного Ибрагимова, задал тот же самый вопрос: по какому делу пропавший Суходеев проходил то ли в качестве свидетеля, то ли обвиняемого?

После продолжительной паузы Вася добродушно осведомился:

— Почему ты спрашиваешь об этом у меня?

Алексей не выдержал и рассмеялся.

— Извини.

— Дело в том, — невозмутимо проговорил Вася, — что никакого «дела» нет.

— А... понимаю. Дела нет, а убийство с изнасилованием есть?

— Убийство с изнасилованием есть, — согласился Вася и надолго замолчал. — Тут как получилось? Твоему Суходееву вначале было предъявлено обвинение в совершении преступления. Затем в ходе следствия обвинение с него сняли, и он уже проходил как свидетель. К сожалению, настоящий преступник установлен не был, поэтому дело приостановили. Вот и все. Так что на твоего Суходеева, повторяю, никакого дела нет.

Алексей кивнул и отправился к себе. Но в дверях обернулся.

— Ты знаешь, я как-то не понимал раньше, почему в сортирах рядом с другими нехорошими словами обычно пишут «Вася». А, скажем, не Леша, не Иван. Но послушал тебя и, кажется, понял.

Вася вздохнул и щелчком отправил окурок в угол.

— Ладно. Давай поговорим.

Алексей почувствовал, как у него за спиной Вася плотно прикрыл дверь. Желая поддразнить, он посмотрел в окно по сторонам и плотно прикрыл форточку. Понизил голос.

— Сугубо между нами. Обещаю.

Вася добродушно кивнул.

— По крайней мере, на источник не ссылайся.

— Договорились.

В обычной, неторопливой манере Вася (Василий Степанович Соковнин) рассказал следующее:

— В прошлом году, в июне, был обнаружен женский труп возле железнодорожного переезда. В черте города. Труп опознали — Калетина Ирина Георгиевна, пятнадцать лет, школьница. Левая нога отрезана железнодорожным составом ниже колена. Факт изнасилования установили на месте при наружном осмотре. Но была ли это попытка самоубийства, или потерпевшую убили, чтобы замести следы, мы узнали из заключения судмедэкспертизы. В крови трупа Калетиной эксперты обнаружили большое количество алкоголя. Факт изнасилования тоже подтвердился. Повреждена вульва, разрыв девственной плевы. На теле множественные ушибы,

ссадины. Но это все не смертельно. Причину смерти показало вскрытие. В легких обнаружена вода. Это поначалу нас озадачило. Одежда на трупе совершенно сухая, кое-где даже со следами утюга. Воды в радиусе пяти километров от переезда не найти. Нет хотя бы лужи, куда можно спяну угодить. Оставалось предположить одно: потерпевшую утопили, погрузив голову в какую-то емкость. Например, в ванной. И вынесли в ночное время к переезду. Почему к переезду, тоже не ясно. Место достаточно оживленное, в темное время суток освещено. Хотя рядом, даже не надо переходить линию — небольшой хвойный перелесок. Ну, начали как обычно с опросов. Когда Калетину последний раз видели? С кем? В каком месте?.. В результате уже к вечеру вышли на трех человек.

— Один из них Суходеев?

Вася кивнул. Ногтем выбил сигарету.

— Ты куришь?

— Кури. Провеетрим.

— Тебе фамилия Золотарев о чем-нибудь говорит?

— Автородео? Со смертельным исходом? Вчера узнал от Хлыбова.

— От Хлыбова? — Вася с некоторым сомнением, как показалось Алексею, качнул головой. — Ладно. А в масштабе области?

— Неужели?.. Золотарев Ростислав Александрович?

— Он самый. — Вася повесил в воздухе безупречное колечко дыма. Полюбовался. — Заместитель председателя облисполкома. Родной папа насильника и убийцы Золотарева. Для полной ясности, наш бывший первый. Но сволочь из последних. При нем только права первой ночи не существовало. Не додумались как-то. Но у самого Золотарева в смежной с кабинетом комнате в райкоме партии стоял так называемый «диван распределения квартир». Сколько я знаю, на прием по квартирному вопросу записывались не одни только женщины.

— Мда. Своих холопов надо любить на деле, а не на словах, — усмехнулся Алексей. — Ну, и кто был третий?

— Третья. Некая Черанева, знакомая Калетиной. Возраст, примерно, тот же. Год разницы. Вот с нее и с Суходеева мы начали, а младшего Золотарева оставили на потом, тем более что папа уже ходил в замах, а святое семейство еще раньше перебралось в областной центр. Поначалу Золотарев в деле вообще не фигурировал. Мы решили собрать все возможные доказательства, улики и с ходу загнать его в угол. Сделать папе сюрприз, пока не очухался.

— Кто это мы?

— Шуляк и я. Витя старший. Взяли обоих сразу и начали работать. Сначала Суходеев и Черанева все отрицали. Видно было, что договорились заранее. Но на мелочах начали колотиться и на другой день дали показания. Показания мы тут же закрепили с выездом на место, с видеозаписью, с фотосъемкой, с «пальчиками». Нашли бочку с водой, где Калетину утопили. Топил, кстати, Золотарев, в общем-то случайно. А тут и он сам на ловца, что называется. Успел прослышать и приехал в город узнать поточнее. Взяли прямо из машины, в нежном обмороке. Вот здесь, пока допрашивали, три раза сукин сын под себя сходил. Стул пришлось после него выбрасывать. Но хлопот не было никаких: все признал, подписал, анализы стопроцентные. К вечеру Золотарева отправили в изолятор, а сами до утра всю ночь клепали на машинке и в девять ноль-ноль с обвинительным заключением к Хлыбову на подпись. У него даже глаза на лоб. «Мол-лодцы, хвалю!» День, говорит, можете отсыпаться.

Ладно, ушли. Вечером, после семи, Хлыбов присылает за нами «УАЗ». Входим в кабинет, а Хлыбов с порога матом минут на пятнадцать. Стоим, слюной обрызганные, ниче не понимаем. Сплошной мат, как с цепи сорвался. Витя, мужик крутой, пообещал Хлыбову дать в зубы, если не заткнется. Но за что люблю Хлыбова — прямой, как бревно, только в сучках и со свилью. Посмеялся, махнул рукой. Ладно, говорит. Садитесь, мудаки. Я и сам не меньше вашего виноват. Недоглядел.

Вы, спрашивает, марксизм-ленинизм изучали? Ну, изучали. Хреново вы изучали. Так вот, раз и навсегда зарубите мудрую ленинскую фразу: «Органы подавления не работают против тех, кто их создал. Не работали, не работают и не будут работать». Если кого-то там, вверху, задвинули, вывели из состава, кого-то даже посадили, то это не значит, что заработал закон. У них там свои дела, свои счета. Могут выкинуть толпе на растерзание политический труп, чтобы отмазаться. Найти «козла». Могут затеять вонючую перестройку и вонючую демократию «а ля рюс»! Чтобы в результате приватизировать в полную собственность то, что и без того им принадлежит. И заставят оголодавшее быдло хлопать при этом в ладоши и поторапливать «реформы». Если вы, мудаки от юриспруденции, этого еще не поняли, если собираетесь ссать против ветра, вам хана. Поэтому или вы принимаете их правила игры, или окончательно выпадаете в осадок. Вас достанут из-под земли, и, если выживете, будете доживать век с переломанными костями. Как последние ублюдки... Не вякать! Я еще не закончил. Есть, говорит, такой

эстрадный номер «Нанайская борьба». Два человека борются на сцене. Ну, кидают, ну, ломают друг друга! Того гляди расшибут. А в конце номера артист распрямляется, и оказывается, что это был один человек.

Вот сейчас наши правительственные структуры исполняют перед ублюдками этот эстрадный номер. «Демократы» с «партократами». Но это, зарубите себе на носу, один и тот же человек. Например, Золотарев Ростислав Александрович. Полтора года назад секретарь райкома партии, если вы не знали. Сейчас — самый-самый демократ. Круче не бывает. Плюс к должности зампреда — генеральный директор и совладелец производственно-коммерческого объединения «Русь» с оборотом в полтора миллиарда рублей в год. Но связи не рвет, боже упаси! Более того, совместно с партийными структурами умело держит быдло в полуголодном, подвешенном состоянии. Чтобы громче хлопали в ладоши нашей «бархатной революции». За это кое-кто из быдла получит право до кровавого пота ковыряться на своем клочке земли. Под чутким руководством, но теперь уже демократов.

— Что с «делом»? — спрашиваю.

— Перед младшим Золотаревым я за вас извинился и вручил ключи от машины. Теперь он дома в объятиях мамочки. А «дело» уключивало в облпрокуратуру и сейчас, надо полагать, находится в сейфе у папы Золотарева.

— Что дальше?

— По данному факту мы обязаны возбудить уголовное дело. И мы его возбуждаем. Но фамилия Золотарева в нем даже не упоминается. Обвинение вы предъявите Суходееву, затем вместе с Чераневой делаете его свидетелем, и «дело» на этом придется приостановить. Шуляку задача ясна?.. Я спрашиваю, Шуляку задача ясна?!

— Служу Советскому Союзу.

— Значит, договорились. И чтобы без выкидонов, ибо нет ни капли смысла, ребята. Россия теперь — старая шлюха с морщинистой задницей. Народонаселение — рабы либо воры, что в общем-то одно и то же. Операция лоботомии успешно завершена, и каждый держит у другого перед носом свой грязный кукиш. Будет лучше, если вы предоставите ублюдков их собственной участи. Другой они не поймут. Или распнут благодетеля в куче собственного дерьма.

— Ты знаешь, впечатляет, — задумчиво произнес Алексей, когда Вася закончил. — Он меня почти убедил.

— Пожалуй, меня тоже.

— А Шуляка?

Вопрос повис в воздухе. Наконец, Вася пожал плечами.

— Не знаю.

— Ладно. Пару слов, Василий Степанович, о самом преступлении. Где? Когда? При каких обстоятельствах? Как говаривал протопоп Аввакум, «пса тянет иногда на свои блядины». Возможно, есть связь.

Вася взглянул на часы.

— Познакомились они на дискотеке. С помощью Чераневой, она в данном случае сыграла роль подсадной утки. Правда, Суходеев знал потерпевшую Калетину раньше. С дискотеки ушли, отправились в видеозал с мороженым. Потом в ресторан. Золотарев всегда при деньгах, официанты ходят перед ним на задних лапах, наобещал девочкам какие-то импортные тряпки. Словом, очаровал. А тут пришла «идея» скататься ночью за город. Июнь, светлые ночи, соловьи свищут. Отправили Суходеева по приятелям, у кого есть мотоцикл. А чтобы те были сговорчивей, Золотарев дал деньги. Утверждали потом, будто все складывалось стихийно, без плана.

— Почему на мотоциклах?

— На машине туда не проехать, нет дороги. Только тропа вдоль железки.

— Это где?

— Тридцать второй километр, по УЖД. Бывший поселок Волковка.

— Угу, — Алексей записал. — Гони дальше.

— В ресторане набрали коньяку, закуси. И, хотя под балдой, часам к одиннадцати благополучно добрались. Там есть пара уцелевших изб, даже со стеклами. Вот в одной из них устроили шабаш. Девочку, разумеется, опоили мертвую. Насиловал Золотарев на глазах у других. Следы спермы обнаружены также на лице и на губах потерпевшей, в заднем проходе. Но в какой-то момент Калетина очнулась, почти трезвая, и с ней случилась истерика. Кричала, билась, потом выскочила на улицу. Одежду ей не отдавали. Стала звать на помощь. Золотарев выпрыгнул в окно, схватил Калетину за волосы и сунул головой в бочку под водостоком. Говорит, хотел привести в себя, но передержал.

— Как труп оказался возле переезда? Да еще без ноги?

— Они все, конечно, перепугались. Калетину стали откачивать, но никто делать этого не умел. Наспех одели. Привели помещение в порядок, как им показалось, и вынесли труп к железной дороге. Зачем? Сначала не знали: говорят, растерялись. Но потом Суходеев сказал, что тут ходят составы с лесом и порожняк, можно пристроить труп на платформу. Только надо как-то остановить состав. Суходеев отыскал в кювете обрезок рельса, положили обрезок поперек полотна и

набросали старых шпал. Так труп Калетиной доехал до города. Возле переезда состав, надо полагать, сильно дернуло, и тело сползло под колеса.

— Это уже что-то. С меня причитается, дорогой Василий Степанович.

— Еще бы, — Вася поднялся. — Ну, давай. Крутись.

— Погоди. Золотарев мертв. Погиб при весьма загадочных обстоятельствах. Суходеев исчез. Полагаю, мы попросту ищем его труп. Что, если на очереди Черанева, подсадная утка?

— Мотив мести?

— Почему нет?

— Едва ли. Калетина проживала вдвоем с матерью, но после смерти дочери у нее... ну, словом, поехала крыша. Есть, правда, родственники по дальней линии, но они годами даже не встречались.

После ухода Соковнина Алексей позвонил в горторг и выяснил, что продуктовая машина марки ГАЗ-53Ф, номерной знак 48-60 КВН, в семь ноль-ноль утра, как правило, выезжает из гаража на мясокомбинат. По пути водитель забирает экспедитора Терехину и грузчика Карташова. Экспедитор и водитель те же, с которыми в прошлом году работал пропавший Суходеев.

Потом Алексей сел за машинку и отпечатал в адрес начальника Н-ского РОВД подполковника Савиных отдельное поручение с просьбой проверить вероятное местонахождение гр-на Суходеева в бывшем поселке Волковка на 32-м километре УЖД. Кратко изложил обстоятельства.

8

Участок земли перед домом Суходеева Г.Я. напоминал территорию нижнего склада местного леспромхоза, где он работал последнее время автослесарем. Две машины дров были свалены у ворот. Часть из них напилена, и даже наколота, но осталась лежать в куче, и было видно, что лежат они тут давно, возможно, с осени. Кубометра два горбыля, уложенного в кладь. Жерди. Машина песку, машина щебня. Отдельной кучей разный дровяной хлам, который продают обычно «на слом».

Алексей постучал в дверь, звякнул несколько раз щеколдой. В доме не отзывались, хотя дверь была заперта изнутри на засов.

— Эй! Чего барабанишь, хрен моржовый? Тебе, тебе говорю! — раздался сзади через улицу хамоватый, сиплый голос.

Алексей обернулся. На крыльце соседнего дома напротив появился хозяин в одних трусах, чрезвычайно живописной наружности. Был он приземист и невероятно толст. Шарообразный живот свешивался ему на колени, поэтому, чтобы соразмерить центр тяжести, он заваливал толстые, конопатые плечи назад и глядел из-под выгоревших бровей эдаким рассерженным «бонапартом».

Приглядевшись, Алексей увидел, что и трусы на «бонапарте» вовсе не трусы, а женские голубые рейтузы с резинками выше колен, вероятно, потому, что мужских трусов такого размера в природе попросту не существует. Пришлось одалживаться у супруги.

Алексей подошел к крыльцу и теперь уже вблизи с явным любопытством разглядел все это живописное безобразие, выставленное напоказ и нимало себя не стесняющееся. «Что позволено козлу, — усмехнулся про себя Алексей, — едва ли позволено Юпитеру».

— Дядя, тебе не кажется, что своим видом ты позоришь отечество?

— Ххы! Чего это... чего боронишь тут?

Алексея обдало запахом водочного перегара с жареным луком.

— Кстати, почему хрен? Да еще моржовый? Ведь ты меня первый раз видишь?

— А кто ты мне такой? — брюхом вперед двинулся дядька. — Кум? Или сват? Может, брат? Хрен и есть... Хрен с бугра! Ха-ха-ха!

Конопатый, обросший светлым волосом пуп колыхался у Алексея перед самыми глазами. Хотя Алексей уже понял, что дядька хамит ему не из злого умысла, а по причине дурного воспитания

— Вот что, дядя. Пожалуй, я тебя сейчас арестую. «Особо циничные действия, совершаемые в общественном месте». Статья 266 часть 2-я, до пяти лет лишения свободы, — он оттянул резинку на рейтузах, и резинка звучно шлепнула по тугому животу.

Дядька сделал шаг назад и величаво ткнул веснушчатым толстым пальцем в Алексея.

— Ты кто?

— Из прокуратуры.

— Ну да? Еще чего?

— Плюс оскорбление представителя власти при исполнении служебных обязанностей.

— Из прокуратуры... хы! Так бы и сказал сразу. А то мозги конопатит тут, хрен не хрен.

Договорить хозяину не позволила супруга. Она вдруг вывернулась у него из-за спины, такая же крепкая, дородная, и втыкала, с бранью выставила его с крыльца в дом.

— И пьют, и пьют! Каждый божий день. Куда чего лезет в паразитов?!

Хозяин однако тут же срезал ее из-за двери:

— А ты, мать твою, не пьешь, и чего тогда? Жизни не видала, дурища!

Женщина захлопнула за ним дверь и с искательной улыбкой повернулась к Алексею.

— Вы уж, молодой человек, не взыщите с дуrolома пьяного. Он так-то мужик ниче, хороший. А разговору с людьми не понимает, как надо-то. Наговорит, наговорит спьяну, они и отворачиваются.

— Я уже понял, — Алексей примиряюще улыбнулся. — Скажите, а соседи ваши... Суходеев, он дома сейчас или нет?

— Ой! Вы из-за Вовки к ним? Отец по времени дома должен быть с работы, а не видала, не знаю. Дуська у него с полдня на огороде крутилась, баню вытопила. Может, куда в магазин умелась за хлебом, или еще чего?..

— Дверь изнутри закрыта на засов.

— А она огородами ходит, ближе ей. На два дома живут, не расписаны, вот туда-сюда и бегает.

— Стерва твоя Дуська, — важно обронил в открытое окно «бонапарт». Он сидел там с самым победительным видом и решительно сплюнул, выражая презрение.

— А она не каждому дает! Вот и сволочат такие-то, кому не досталось!

Но «бонапарт» не удостоил вспыхнувшую порохом супругу даже взглядом. Проплыл мимо величавый, словно корабль мимо болтающейся на волнах, выеденной арбузной корки.

«Надо же, сколько осанки в человеке, — с изумлением подумал Алексей, чувствуя себя некоторым образом в приемной у важного лица. — И все зря пропадает. Хотя почему зря? За осанку, должно быть, и полюбила его эта милая женщина. Вот ревнует даже. Совсем как в известной частушке: «Полюбила Феденьку да за походку реденьку».

— Мужа вашего, простите, как звать?

— Федор он. Да вы, молодой человек, не взыщите уж... — вновь начала она привычно заступаться за своего «бонапарта». — С простой души ляпает чего ни попало, а люди, конечно, верят поначалу-то.

Минут через пять на разговор подошли еще три соседские женщины. Остановился послушать древний дедок, у которого на лохмотьях — засаленном, дырявом пиджачишке — от

плеча и до оторванного кармана красовались многочисленные орденские планки. Разговор покатился сам собой, вкривь и вкось, с подробностями, и Алексей многое успел узнать из тайн этой «растеряевой» улицы, которая с тех достопамятных пор едва ли существенно изменилась, разве что обветшала и сделалась еще гаже, так что классические «растеряевские» времена, если бы здешние обитатели о них знали, показались им золотым веком.

Зато все знали о Суходеевых. Кроме одного — куда исчез Суходеев-младший? Сестры живут здесь же, в городе, их две, обе замужем. Другая родня, знакомые — все тут. И сам... учеба ведь у него, никуда уехать не собирался, знали бы. Целыми днями глаза на углах мозолил. И вдруг — на тебе, пропал. Как провалился. Утонуть не мог, нет. Другие люди рыбачат, много таких, а у них не заведено. И отец, и дед такой же был, рядом с водой живут, а на берегу не бывали... На мотоцикле куда-нибудь уехать мог, это да. Шею себе, поди-ко, свернул и валяется в канаве... Чей мотоцикл? Да кто его знает? Друг у дружки берут, а своего у Володьки не бывало. Про мотоциклы, если, конечно, интересно, лучше у друзей его поспрашивать. Вон, через два дома... третий. С утра свою керосинку починают перед воротами. Вот у них про мотоциклы все узнаешь, что надо.

Алексей в конце концов так и сделал. Два типичных «олигофрена» сосредоточенно возились вокруг полуразбитого мотоцикла. Рядом на куске брезента были разложены промасленные детали и ветошь вперемешку с инструментом.

Разговор с первой фразы зашел в тупик. На прямые вопросы оба «олигофрена» отвечали односложно: «да», «нет», «не знаю», «не видел». Пожимали плечами, а то и вовсе отмалчивались. Алексей терпеливо вслух анализировал вырванные у них же случайные сведения, разматывал, ловил на нестыковках, ставил в тупик, и чем дальше, тем отчетливее зрело в нем ощущение, что «олигофрены» блефуют. Он уже начал жалеть, что заговорил с обоими сразу. Таких легче колоть по одному с глазу на глаз, на основе элементарного здравого смысла и личной ответственности, а в группе они мгновенно тупеют, утрачивая даже это небольшое.

Он терпеливо, буквально на пальцах объяснил «олигофренам», что для следствия любая, даже маленькая зацепка может оказать неоценимую услугу. Как-то сориентировать розыск, чтобы установить местонахождение трупа Суходеева и напасть на след возможного убийцы.

Про труп и убийцу Алексей упомянул не без умысла, зная, что это поможет обоим приятелям избавиться от обета молчания

перед Суходеевым, если таковой имел место в действительности. И не ошибся. «Олигофрены» переглянулись, как бы испрашивая один у другого согласия. Наконец, кадыкастый парень с крашеными, пегими волосами буркнул, глядя в сторону:

- Был у него мотоцикл.
- Какой?
- «Восход».
- Номерной знак помнишь?
- Без номеров. Так ездил.
- С рук купил?
- Зачем? Новый... два месяца всего.
- Отец подарил?
- Сам.
- На какие деньги?
- Ну, были у него. Откуда я знаю?
- Полторы тысячи? А может, за этот должок с ним кто-нибудь посчитался? А?
- Не-а, — мотнул головой парень.
- Почему «не-а»?
- Так... знаю.
- Ты же сам сказал: откуда я знаю. Только что.
- Да ладно. Скажи ему, — подал голос другой, тоже глядя в сторону. — Чего теперь?
- Сам скажи.
- Так он что? Украл эти деньги? Или кого-то ограбил? — наводящими вопросами, мягко Алексей старался подтолкнуть начавшийся разговор в нужную сторону, «дожать» потихоньку «олигофренов».
- Ну, украл.
- У кого?
- У своего отца.
- Снял со сберкнижки, — буркнул другой.
- И что, деньги ему выдали? По чужой книжке? — изумился Алексей.
- Ну. Он шесть раз ходил снимать, и ниче ни разу. Даже паспорт не спросили.
- Отец знает? У Суходеева?
- Мы-то откуда... он нам не докладывает.
- Это понятно. А Суходеев... Воха... ничего не говорил?
- Не-а.
- И про мотоцикл отец тоже не знает?
- Наверно. Он дома мотоцикл не держал. Так, заедет иногда, будто на чужом. А оставлял у ребят, у кого когда.
- Если не ошибаюсь, мотоцикл продают по записи? И очередь лет эдак на десять?

— Блат у Гнилого. Сестра у зятя... золовка, что ли? Замдиректора в торге.

— Все равно сверху дал. Хоть и родня.

«Пожалуй, по факту мошенничества со сберкнижкой придется возбудить уголовное дело. Если Суходеев жив еще», — подумал Алексей.

— Десятого мая куда мог ваш Воха поехать на своем новом мотоцикле? Как думаете? Если бы вам пришлось искать его?

— Без понятия, — отозвался один.

Второй «олигофрен» глядел в сторону, молчал. Алексей однако почувствовал некоторое смятение, что ли, как у застигнутых врасплох. Но о причине оставалось пока только гадать.

— Возможные места? Или излюбленные маршруты у него были?

«Олигофрены» замкнулись намертво. И Алексей сменил тему.

— У него подруга есть?

— Постоянная? Не-а, не было.

— Есть тут одна телка. Так... общак.

— Одна на всех?

— Ну. Она часто с ним.

— Как фамилия?

— Черанева Танька.

— Ладно... орлы. Вот вам две повестки на завтра. В прокуратуру. Кой-какие из ваших показаний придется оформить официально. За вашей подписью. Явка обязательна, так что не опаздывайте. Ну, пока.

Алексей решил, что поодиночке с глазу на глаз он заставит хотя бы одного из «олигофренов» выложить все до конца. Официальная обстановка тоже иной раз неплохо действует.

Возле суходеевского дома, когда он вернулся к воротам, стоял тяжелый «КРАЗ» с прицепом, груженный бревнами. Алексея жарко обдало запахом разогретого масла и солярки, свежеспиленной древесины. Двое мужчин, орудуя вагой и крючьями, скатывали вниз с возу еловые, один к одному, бревна.

«Да у него никак пунктик на заготовке древесины», — подумал Алексей, стараясь угадать по повадке в одном из работников хозяина.

— Суходеев? Геннадий Яковлевич?

Дюжий, медлительный мужчина в промасленной спецовке едва покосился на него и продолжал крючком дергать бревна.

— Ну, я Суходеев, — наконец обронил он.

Алексей представился, и по тому, как хозяин и шофер «КРАЗа» на мгновение замешкались, догадался, что дровишки

эти, похоже, левые. И рейс, скорее всего, тоже — левый. Некоторое время он с улыбкой наблюдал за суетливыми действиями обоих, потом решил, что хозяина следует успокоить.

— Я к вам по поводу сына. Поговорить надо.

Тот не без облегчения кивнул. Потом неторопливо спустился с воза.

— Нашли, что ли?

— Ищем.

Суходеев задумчиво почесал в затылке. Алексей обратил внимание, что на левой руке у него недостает трех пальцев.

— Слушай? Надо бы отпустить человека, — он кивнул на шофера. — Поговори с Дуськой вначале, пока управлюсь. Она знает.

— Да. Так даже лучше, — согласился Алексей.

Вслед за Суходеевым он двинулся через двор, тоже захламленный, заваленный старой обувью, какими-то мешками, ящиками и прочей рухлядью, которая, было видно, копилась тут поколениями. Вышли на огороды и межей, ярко-желтой от одуванчика, направились к притулившейся на задах бане. Суходеев, не заходя в предбанник, торкнул кульяпистой рукой в низкую дверь.

— Евдокия, тут человек пришел. Из прокуратуры. Поговори с ним, пока разгружаемся.

В бане живо двигали тазами, плескалась вода. Женский певучий голос со смехом откликнулся:

— Так что? Штаны пусть снимает да заходит. Чего не поговорить? Место есть.

В закопченном окошке светлым пятном помаячило лицо. Алексей придержал хозяина за руку.

— Геннадий Яковлевич, и в самом деле, лучше обождать. Пусть домоется.

— Ее не переждешь, — хмуро обронил тот и повернул назад.

Алексей опустил перед дверью на широкий, щелястый чурбак.

— Борисенкова? Евдокия Семеновна? Я правильно называю?.. Заявительница.

Из-за двери послышался смешок.

— Розыском, Евдокия Семеновна, теперь занимаюсь я. Моя фамилия Валяев. Из прокуратуры района.

— Слышь, миленький! — Дверь скрипнула, и в образовавшуюся щель пошел изнутри ядреный банный дух. — Венички висят, вона на перекладинке. Не подашь ли?

На еловой жерди через весь предбанник были подвешены попарно сухие березовые веники. Алексей усмехнулся, однако ж отказывать в такой пустяковой просьбе было неловко.

Ослепительно белая, гибкая рука приняла у него пару веников, сверкнул в притворе лукавый глаз.

— Сам-то чего не заходишь?

Он рассмеялся. Сел на чурбак.

— У нас это называется «злоупотребление служебным положением в корыстных целях».

— Ай-яй, страсти какие! Даже в бане у них не моются. Начальство не пускает?

Алексей вдруг понял, что Евдокия Семеновна, действительно — Дуська, развеселая сожительница, и говорить с ней возможно только в игриво-кокетливом тоне, иначе не получится, она попросту не умеет. Вон... щель какую оставила. Ну и ну!

— Дуся Семеновна, у тебя баня не выстынет?

— Так а чего делать-то, коли не идешь? Через дверь кричать?

Резон в ответе был. Хотя двусмысленность положения, кажется, доставляла развеселой Дусе немалое удовольствие.

— Я с вашими соседями сейчас разговаривал, — начал Алексей, тоже принимая игривый тон. — Говорят, вы жутко страстная женщина. Даже пальцы можете откусить, если в страсть войдете.

— Это кто говорит-то? Это мерин толстый, напротив, что ли?

— Ну... да, в общем.

— Вот скажи, паразит! Сам целый год за мной от Нинки воровски ухлестывал. Ладно, думаю, лешак с тобой. Убудет, что ли, у меня? Шарилась, шарилась у него под пузом-то, а там ничегошеньки нету. Все салом заплыло и травой заросло. Осердилась тогда. Иди, говорю, отсюда, глобус рыжий, и чтобы глаза мои больше тебя не видели. Еще Нинке рассказала. Ты, говорю, присматривай за своим. Проходу паразит не дает.

— Ну, допустим. А у Суходеева, сожителя вашего, что с рукой?

Дуся вдруг расхохоталась, да так заразительно, что тазы начали между собой перезванивать.

— А я-то думаю, чего ты такой напуганный? Никак не зазову. Боишься, как бы не откусила чего?

— Да. Страшновато, пожалуй.

— У него как с рукой-то получилось? — отсмеявшись, начала Дуся. — Он когда с Люськой со своей расплевался вконец, запил сильно. Тогда еще на лесовозе работал, а тут рейс не в рейс, каждый день пьянка у него. Два раза перевернулся с машиной, машину угробил и сам чуть не убился. Его за это в слесари определили гайки крутить. В позапрошлый год, осень уже была, заморозки ночами, два шага до дому не хватило, упал чуть не в лужу, да так и уснул. Утром

просыпается, а руку левую никак из лужи не вытащит. Вмерзли пальцы, черные сделались. Так со льдиной на руке домой пришел. Взял дурак топор и три пальца... вон на чурбаке, где ты сидишь, разом себе оттяпал. Да один, говорит, лишний прихватил. Не разобрал с похмелюги.

После некоторого молчания Алексей спросил, что случилось с женой Суходеева, где она?

— Сдохла Люська. Грех вроде сказать такое, а как собаку сдохла. Сгорела баба на водке. Ты приезжий, видать, а тут два года мужичье-кобели на рогах стояли, весь город. Все из-за нее, из-за Люськи. Она красивая была, особенно смолоду. У них в родове и мужики, и бабы такие часто попадают. На лесопилке работала сортировщицей. Горбыль налево, доска направо. Десять лет так с утра до вечера бросает, потом домой бежит — трое ребят на руках, скотина не поена, не кормлена. К ночи управится, а с утра опять — горбыль налево, доска направо. И заработок — слезы одни собачьи. Ладно Генка тогда зарабатывал. Маялась она, маялась так-то, и сорвалась баба в одночасье. Запила, загулебанила. Мужик в рейс, а у нее в избе — дым коромыслом. Кобелей... все равно как водку в магазин завезли. До того обнаглели, что Генка, муж, с полдороги воротился когда, они избили и связали его, еще рукавицу в рот сунули, чтобы не матерился. Ну, он ее и выгнал из дому на другой день. Была я потом у ней, может, образумится, думаю? Ты чего это, спрашиваю, Люсь? Неуж детей, мужа тебе не жалко? Хозяйство бросила. А она пьяная вдрызг, платье ухажерами облевано. Засмеялась так страшно... А меня, говорит, кто когда жалел? Генка, что ли? И я не буду, провались оно все. Я, говорит, свою жизнь, как эту вот тряпку, грязную, облеванную, скомкаю и Господу-богу в его харю поганую брошу. Забирай, сволочина, не нужна она мне такая. И ты, говорит, иди, Дуся, отсюда... от греха подальше. Выскочила я, будто из помойной ямы тогда, и с тех пор не видала ее. Только на похоронах до кладбища проводила.

Судя по голосу, Дуся там, на банном полке, всплакнула от жалости. Но разбитной характер не позволял ей долгое время предаваться скорби.

— Детишки, миленький, уже без матери выросли. А Генку, дурака, я в прошлом годе из жалости подобрала. Думаю, сопьется совсем без бабы. А он на тебе — по Люське тоскует, не женится. То Люська, то Дуська, так и путает по сю пору. Тебе, миленький, тоже ничего бы не было, если зашел ко мне. Что за беда — веничком похлестать? — рассмеялась она.

— Не ревнует, значит, Геннадий Яковлевич?

— Ни капельки, даже обида берет. Вот кабы Люська на моем месте мылась, он тебя и близко к бане не допустил.

Алексей с внутренним облегчением вздохнул. Отпала необходимость задавать неприятно томивший его вопрос: не ревновал ли Суходеев-старший свою разбитную сожительницу к Суходееву-младшему? И не случилось ли на этой почве семейных ссор?

Если даже из озорства Евдокия сбила парня с панталыку, отец за топор не схватится.

Пока женщина хлесталась веником, Алексей уже через закрытую дверь задавал ей обычный круг вопросов. Кто и как обнаружил отсутствие Суходеева-младшего? При каких обстоятельствах? Уезжал ли он раньше из дому, не поставив в известность? Когда, где и с кем его видели в последний раз? Есть ли кто-то, кто заинтересован в его смерти? Склонен ли к самоубийству? Ходит ли он на охоту, и не могло ли что-нибудь случиться в лесу?.. Но нет, ни рыбаком, ни охотником Суходеев-младший никогда не был, и ружье в доме сроду не держали. На мотоциклах целыми днями ездят, а своего у него нет, отец только отмахивается...

Про деньги, снятые с отцовской книжки, Алексей упоминать пока не стал. О мотоцикле тоже промолчал, чтобы потом в разговоре с Суходеевым-старшим увидеть его первоначальную реакцию.

На этом разговор можно было заканчивать. И Евдокия, похоже, вконец себя захлестала, голос был вялый и истомленный, даже постанывала от жару. Алексей уже поднялся, чтобы попрощаться, как вдруг дверь распахнулась настежь, и Евдокия распаренной свеклой, прижимая к груди полотенце, вывалилась в предбанник.

— Ой, миленький, отворотись на минуту! Моченьки терпеть больше нету, запарилась насмерть.

Она рухнула на низкую скамеечку в предбаннике, хватая раскрытым ртом свежий воздух, будто выброшенная на берег большая рыбина. На полной груди женщины родинкой темнел налипший березовый лист.

От неожиданности Алексей не вдруг успел отвести глаза, да и не слишком сожалел об этом. Потом уже, отойдя в сторону, рассмеялся.

— От общения с вами, дорогая Евдокия Семеновна, я получил сегодня массу удовольствия. Спасибо вам и, извините, я должен идти. Служба.

— Вот у меня всегда так. Как мужик хороший попадетсЯ, пять минут поговорили, и побежал. А от дерьма иной раз не знаешь, как отделаться. Проходу не дают, — не без грусти в голосе посетовала Евдокия.

«КРАЗ» перед домом стоял разгруженный. Но ни шофера, ни хозяина поблизости не было. Голоса доносились из избы в открытые окна.

Алексей нашел их в узкой комнатухе с двумя кроватями вдоль стен и узким проходом. На голом столе возле окна стояла наполовину пустая бутылка «Пшеничной», вскрытая банка говяжьей тушенки, зеленый лук, хлеб, частью порезанный, частью наломанный от каравая. Матрасы на панцирных сетках были скатаны и открывали под кроватями и в углах солидный склад стеклотары, перезванивающий на разные голоса при ходьбе по половицам. Пол к тому же был заляпан засохшей грязью, висели на вбитом в стену гвозде штук с десятков цепей от бензопилы, и вообще все помещение напоминало скорее каптерку, но никак не спальню.

При его появлении хозяин поднялся.

— Садись, прокурор.

Он сходил на кухню, принес еще стакан и для себя табурет. Не спрашивая, набулькал Алексею с полстакана водки.

— Закусывай, — сам повернулся к шоферу, который было замолчал. — Ну?

— ...Сидим, значит. Человек десять-двенадцать на поминки позвала она. Водки — залейся. Он, правду сказать, и сам закладывал дай бог. Я как-то захожу по соседству, а у него фляга молочная во дворе под брагу приспособлена. Гляжу, змеевик присобачил. Посудину. А к фляге с двух сторон паяльные лампы на полную катушку врубил. Через пять минут потекла сивуха. Отрава чистая. Как на пенсию вышел, два года попользовался и копыта откинул.

— Пятьдесят два было. По горячему вышел, — пояснил для Алексея хозяин.

— Ну, сидим, значит. Пьем. А она бутылку за бутылкой на стол... Последний раз, дескать, годину справим по-людски, и ладно. Пили, пили; рожи, правду сказать, от водки повело. Кричат друг дружке кто чего, покойника само собой поминуют. Баба евонная в углу ревет. Потом глянь: а он сам над стаканом за столом сидит и голову повесил. Вот так...

Рассказчик изобразил, как сидел покойник. Сделал недоумевающее лицо.

— И я-то, дурак, забыл, что покойник он. Сколько раз чего-то спрашивал у него, тормошил. Рядом сидели. Ну, он сроду так, когда выпьет: голову повесит и мычит, если спросишь чего.

— Перепились вы. Мало ли?..

— Это было, — согласился рассказчик. — Ну так, если бы кто один видел. А то...

— Ну и?

— Ну... сидим. Глаза на него вытаращили. А он услышал — молчат все. Башку поднял, оглядел вроде... да и вышел.

— Пятьдесят два... Это он не от самогонки помер, — после паузы не согласился хозяин. — Зря в пятьдесят лет на пенсию не отправят. Тут у них под обрез рассчитано. Годик-два еще пошебуршится человек, как выйдет, и нет его. Ваську, по Воробьего жил, помнишь? Брат у него еще задавился. Тоже в пятьдесят один копыта откинул. Лекомцев Серега — в пятьдесят три. Татьяничев, этот и вовсе через месяц. Да все, кого ни возьми. У нас зря деньги работягам платить не станут, не говори.

Хозяин с шофером выпили еще. Алексей от второй отказался. Он только сейчас спохватился, что за весь день с утра ничего не ел, и бутерброд с тушенкой, щедро наваленной хозяином на ломоть, был не лишним.

— У нас в леспромхозе, знаешь, счас чего творят? Лес насобачились по бартеру за границу сплавлять. Напрямую, через какое-то СП в Москве. Эшелон за эшелон. Эшелон лесу, пиломатериалов отправят, а обратно в котомке десять пар этих... кроссовок, да какой-нибудь миксер везут. Эшелон лесу отправят, обратно опять с одной котомкой. Тьфу... глаза бы не глядели. Все равно как у папуасов на бусы лес у нас выменивают.

Алексей понял, что хозяин рассказывает это не без задней мысли, а желая как-то оправдать привезенные левым рейсом бревна.

— Все по начальству расходится. Обнаглела сволота вконец.

— Не скажи. Народ у нас тоже разбаловался, — не поддержал шофер, видимо, не уловив оправдательного оттенка в речи хозяина. — На делянке вон, в марте было, надо лес трелевать на погрузочную площадку, а Гришка Бузмаков... знаешь такого?

— Ну?

— Сел на трелевочник и за двадцать верст по сугробам на речку потарахтел. Ухи, говорит, свежей захотелось. Целый день на зимнюю удочку ершей сидел из лунки дергал. А трактор вхолостую на берегу постукивает. Одной солярки бочку сжег. К ночи уж, в одиннадцатом часу вернулся. И ниче... посмеялись только. Да бригадир обматерил.

Мужики приняли еще по одной, и шофер поднялся.

— Пора ехать.

Стеклотара под кроватями жалобно зазвенела, когда тяжелый «КРАЗ» с могучим ревом тронулся с места. Алексей подождал, пока гул затихнет вдали. Спросил:

— Геннадий Яковлевич, у вас какая сумма на сберегательной книжке? Помните?

Суходеев удивился, но спрашивать, к чему это, не стал.

— Тыщ пять, как будто. С рублями.

— Как будто?

— Нет. Точно.

— Проверьте книжку.

Суходеев с сомнением посмотрел на следователя, но опять ничего не спросил и тяжело двинулся в комнату. Алексей встал у него за спиной в дверях. Наконец, после довольно-таки продолжительных поисков сберкнижка была найдена в шкафу, под клеенкой.

— Полгода, как не дотрагивался, — пояснил хозяин свою нерасторопность. Протянул Алексею.

— Нет, проверьте сами.

Суходеев молча начал листать, отыскивая страничку с последними записями. Нашел и уставил надолго непонимающий взгляд, видимо, не узнавая. Заглянул в титул — проверить фамилию. Наконец пробормотал:

— В марте снято последний раз. Вроде бы, не снимал, не помню. Две с половиной тут... ну?

Алексей взял у него книжку. Шестью записями выше, октябрём прошлого года, была записана сумма вклада в размере пяти тысяч двадцати трех рублей с копейками.

— Вы эту сумму имели в виду?

— Ну, вот! Пять тыщ с рублями... Так это как получается? Снято, что ли?

Суходеев-старший был в полном недоумении, хотя, Алексей видел, его беспокоила сейчас не пропавшая сумма денег, а сам факт пропажи. Как? Он все еще не мог взять это в голову. Актерская игра исключалась начисто: слишком много привходящих нюансов и оттенков — не всякий мастер сцены такое вытянет. Выходит, о деньгах Суходеев до этой минуты ничего не знал. Да если бы даже знал, по мужику сразу видно — за топор из-за денег не схватится.

Еще одна версия, похоже, накрылась...

— Погоди. А ты сам-то откуда про мою книжку знаешь? — подозрительно осведомился он.

— От людей, Геннадий Яковлевич. Ваш сын решил приобрести мотоцикл. Втайне от вас. Но на ваши деньги, как видите.

— Вовка? Ну, сволоченок... — Суходеев вдруг захохотал отрывистым, лающим смехом. Потом махнул рукой, сморщился. — Весь в мать пошел.

— Так что, Геннадий Яковлевич? Дело возбуждать будем?

— Какое дело?

— Уголовное дело по факту мошенничества против Суходеева Владимира Геннадиевича.

Суходеев, сообразив, о чем идет речь, решительно отрезал:

— Считай, мотоцикл я ему подарил. Сорняком растет парень. Что сам надыбал, то и его. Тут впору на себя заявление писать.

Он осекся и замолчал надолго, отвернувшись в окно. Дальнейший разговор с Суходеевым ничего существенного к уже известным фактам не добавил. Алексей положил перед ним на стол бланк протокола. Подал ручку.

— Прочитайте. И ваша подпись: с моих слов записано верно.

По дороге домой Алексей зашел в магазин взять бутылку молока и батон хлеба на вечер. Но от кассы его грубо завернули. Хлеб, как оказалось, продавался в городе по карточкам из расчета четыреста граммов в день на человека; молоко — по каким-то рецептам. Чай, масло, сахар он спрашивать не стал, тут все ясно, и вышел из магазина. Неподалеку, замеченное еще днем, находилось кафе-стекляшка. Отправился туда. Но с кафе тоже не повезло, оно было закрыто с полчаса назад. Алексей потоптался в раздумье перед дверью. Оставалось набиться к кому-нибудь в гости на ужин. Или пойти в ресторан. Пожалуй, ресторан сейчас как раз то, что ему нужно.

Алексей расспросил у первого встречного дорогу и, гадая, какой сюрприз ожидает его на этот раз, двинулся в указанном направлении.

В полупустом зале, когда он вошел, царил полумрак, расцвеченный вспышками цветомузыки и грохотом новомодного авангарда, обычным для такого рода мест. Свободных столиков было предостаточно, но Алексей заметил слева от себя одиноко сидящую девушку, темноволосую, в чем-то белом или в светло-кремовом. Перед ней стояла чашка с кофе и мороженое в металлической, штампованной вазочке. Густая волна волос закрывала большую часть лица, и разобрать, хороша она собой или дурнушка, было нельзя.

«Порядочные девушки по ресторанам в одиночку не ходят, — подумал Алексей. — Ночная бабочка? Здесь?.. А может, у нее обстоятельства, вроде моих собственных? Или кто-то с минуты на минуту обещался подойти?.. Почему бы не подойти, скажем, мне?»

— Простите. У вас не занято?

Она слегка поворотила к нему голову. Цветомузыка сверкнула в ее глазах зеленоватым, кошачьим блеском.

— Нет.

— Вы позволите?

Она кивнула, молча, никак не выразив своего отношения к неожиданному соседству. Кажется, ей было все равно. Алексей сел.

— И все же, — он улыбнулся. — Я вам не помешал?

— Вы не можете мне помешать, — медленно произнесла она, как будто даже с трудом. Лицо ее по-прежнему было в тени волос, и выражения его Алексей разобрать не мог.

«Наверное, местная дурочка? — с некоторым сомнением предположил он. — Тогда я рискую оказаться в дурацком положении. Ну да не привыкать».

— Меня звать Алексей.

Он уже подумал, что за грохотом музыки она не услышала, но девушка, хотя и не сразу, отозвалась:

— Ира.

Пожилая официантка мимоходом положила на их стол меню и удалилась. Алексей протянул меню девушке, но она отрицательно качнула головой.

— А если я закажу для вас что-нибудь?

— Благодарю. Не нужно.

— Жаль. В таком случае, Ира, что вы делаете здесь, в ресторане? Извините за прямой вопрос, но иначе я лопну от любопытства.

Она взглянула на него с некоторой даже улыбкой. Или усмешкой?.. В которой Алексей не заметил никакого интереса к себе.

— Не знаю, — медленно выговорила она. И было похоже, что действительно не знает.

Подошла официантка.

— Что будем заказывать?

— Первое, второе и третье.

— Все?

— Да. Умираю хочу есть.

Наконец заказ был перед ним. На столе. И общепитовская котлета, которая теперь почему-то называлась бифштексом, показалась ему вершиной кулинарного искусства. Соседка по столу, пока он ел, похоже, забыла о его существовании совершенно. Она сидела с безучастным видом в прежней своей позе, и он вдруг отчетливо понял, что эту стену равнодушия ему не пробить. Кажется, она была права, когда сказала, что он не может ей помешать. В ее словах не было рисовки или кокетства, как ему вначале показалось. Он действительно для нее не существовал.

Алексей знал психологию некоторых странных девочек этого возраста со склонностью к суициду, задумчиво-отрешен-

ных, скрытных, и только из посмертной записки и альбомов становится ясно, что самоубийца была безнадежно влюблена в какого-нибудь Пола Маккартни.

Через зал возле пустой эстрады веселилась компания молодежи, человек шесть. Алексей сидел боком и не особенно всматривался. В компании были две подвыпившие девицы, судя по взвизгам, и с одной из них неожиданно случилась истерика — слезы, хохот, истошные выкрики. Кажется, она требовала кого-то убраться, куда-то рвалась, ее не пускали и, наконец, увели.

На Иру, его соседку, истерика произвела неожиданно сильное впечатление. Она задрожала вся и неосторожным движением опрокинула чашку с остатками кофе на стол. Часть пролилась на платье, оставив на нем пятно.

«Так и есть, с психопатией тоже», — отметил про себя Алексей, подавая салфетки. Она салфеток не заметила, однако ж ему почудилась странная радость во взоре. Они как будто были даже знакомы с той истеричкой, и Алексей решил, что за какую-то вину Иру попросту выгнали из компании.

Пока он расплачивался с официанткой, девушка вышла из зала, и как-то очень незаметно. Он успел увидеть ее уже в дверях.

— За девушку тоже... Получите с меня.

Официантка удивленно на него посмотрела и что-то буркнула, возвращая деньги. Алексей сунул сдачу в карман и устремился за Ириной. Она слегка прихрамывала при ходьбе, это было заметно — типичный гадкий утенок в молодежной компании, редко прощающей телесный недостаток. Хромота, пожалуй, многое объясняла в ее поведении, и одиночество тоже, но не все.

— Разрешите, я провожу вас?

Она не ответила и никак не выразила своего отношения к его словам. Ни жестом, ни выражением лица. Он решил расценить это как согласие и пошел рядом.

— Она вас напугала? Своей истерикой?

— Нет, — последовал равнодушный ответ.

— Нет? А пролитый кофе? И вы так поспешно ушли...

— Да, я ушла.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы знакомы с этой компанией?

— Нет.

— Мне показалось, ту девицу вы как будто знаете?

— Кажется.

Разговор и дальше продолжался в этом роде. Равнодушно,

с большими паузами она отвечала на все его вопросы, словно исполняя обязанность. Но сама не задала ни одного. Ответы были односложны, часто непонятны или невразумительны, в своих действиях отчета себе она, видимо, не отдавала и не знала, почему поступает так, а не иначе. Алексей почувствовал, что ни на шаг не смог к ней приблизиться, хотя бы зацепить за живое. Даже напротив, она все более отдалялась от него, он чувствовал это почти физически — они шли рядом, почти касаясь один другого, и в то же время как бы по разным сторонам улицы.

Прогулка, впрочем, оказалась короткой. Ира остановилась под фонарем возле одноэтажного в три окна домика, утонувшего среди черемух и погруженного в синие майские сумерки.

— Мы пришли? — спросил Алексей, косясь на свою черную, шевелящуюся тень.

— Да.

Алексей понял, что тень шевелится из-за раскачивающегося на столбе фонаря. Но тень была одна — его собственная. Он обернулся. Ира уже стояла за калиткой, и на ее лице ему почудилась улыбка... то ли усмешка? Ему сделалось неприятно и, если бы не извечное его любопытство, он сейчас просто повернулся бы и ушел. Но, сделав над собой усилие, спросил:

— Вы уходите?

— Да.

— Я, наверное, несколько стар для вас? — неловко пошутил он, намекая на поспешное бегство.

— Вы не можете быть для меня старше.

Алексей усмехнулся. Каков привет — таков ответ.

— Ира, а если я вас как-нибудь навещу? Вы позволите?

— Навестите, — донеслось до него с крыльца, и белесый силуэт, сверкнув из темноты глазами, тихо скрылся за дверью. Он остался один.

«Наверняка состоит на учете. Обратись в психдиспансер и узнаешь о ней все, что тебе нужно», — мысленно обругал себя Алексей.

Прогулка сюда показалась ему короткой. Однако, чтобы выбраться из этих оврагов и кривых, незнакомых улочек, в темноте понадобилось плутать часа полтора. Домой Алексей вернулся лишь в двенадцатом часу ночи и без сил рухнул на кровать. Тяжелое забытие навалилось на него, едва он расслабился и перестал себя контролировать. Сказывалась усталость минувшего дня.

И вдруг... он разом очнулся. Открыл глаза. Мозг работал ясно и отчетливо. Перед его внутренним взором с голографической ясностью всплыла последняя сцена. Под фонарем.

Фонарь качался, и он, помнится, скосил глаза на свою шевелящуюся независимо от него тень. Сумасшедшая Ира в тот момент стояла рядом, но ее тень... тени не было. Он не увидел. Поначалу до него это не дошло, он что-то еще ей говорил, она ответила... То есть они продолжали стоять рядом. Но когда он повернул голову, чтобы убедиться окончательно, она вдруг оказалась за калиткой. Несколько странная прыть при ее хромоте? Калитка к тому же была не рядом — шагах в десяти. Он, собственно, только успел поворотить голову...

10

Андрей Ходырев вернулся с дежурства, поиграл во дворе с трехмесячным щенком и вошел в избу. Жена на кухне собирала ему завтрак. Он ткнулся колючим подбородком ей в щеку, зная, что ей это нравится.

— Где Марья?

— Спит еще.

Андрей сел к столу, и, пока ел, жена выкладывала торопливой скороговоркой последние новости.

— ...Вчера у Суходеевых следователь был. В восьмом часу уже, из прокуратуры, говорит. Но не из местных, не похож вроде. По соседям ходил.

— Не нашли еще?

— И конь не валялся. Только спохватились, видно, когда две недели прошло.

— У них так...

— Я про Волковку ему тоже сказала. Никакого, говорю, житья от паразитов не стало. Два заявления в милицию отнесли, а участковый только отмахивается. К каждому улыю, говорит, милицейский пост не поставишь.

— А он?

— Заинтересовался вроде, что да как? На кого думаете? Разобраться обещал, а там кто его знает? На обещания нынче все скорые, только подставляй. Полные карманы насыплют.

После недавней поездки Андрей в душе поставил на Волковке и на своих планах крест. Одних убытков, он подсчитал, выходило тысячи на полторы. Поэтому перевел разговор на дочку.

— У Марьи каникулы?

— Первый день. Андрюш... — В голосе жены появились просительные нотки. — Может, отстал паразит, а? Как раз еще картошку посадить успели бы.

Андрей не ответил.

— Съездите с Машкой, что ли? Хоть поглядели бы.

— Нельзя с ней туда.
— Ой! Да ты сам смеялся... ерунда же все на постном масле. И папка рядом.

— А как напугается? Что тогда?

Жена вроде согласилась. Однако мысль посадить картошку, чтобы в зиму потом без забот, видимо, ее не оставляла.

— Старик твой чего говорит?

— А че он скажет? — Андрей усмехнулся.

На днях он встретил старика Устинова с двумя поллитровками в авоське возле магазина. Переговорили. С заковырками и всякими финтифлюшками старик все же рассказал, что на его памяти такое, как в Волковке, два раза уже было. Первый раз в двадцатом годе. И перед самой войной — второй.

— Так чего... старик?

— Кровь, говорит, это ходит.

Жена смотрела на него во все глаза. И, конечно, сразу поверила, с полуслова. Вот же бабы. Он неожиданно схватил ее за нос, но она только отмахнулась.

— Как это... ходит?

— Ходит, и все. Земля ее не принимает. Не расступается. Глаза у жены сделались совсем круглые.

— И чего теперь?

— Страшает дед. Беды, говорит, много наделает.

— Кто?

— Ну кровь, кто! Многим, говорит, кровушка эта аукнется. Держаться надо подальше от этих мест. Я, говорит, видишь куда, на Хорошавинскую дорогу забрался. Место доброе, часо-венка там стояла. До большевиков еще. Пересидеть хотя бы.

Жена молчала, и по молчанию Андрей понял, что вопрос с картошкой можно считать закрытым. Больше она к нему не вернется.

Проводив жену на работу, Андрей Ходырев занялся по хозяйству. И вдруг страшная догадка, словно обухом, ударила по голове. Он выронил звякнувшее ведро и медленно опустился на колодезный сруб, глядя перед собой невидящими глазами.

...Последний раз в Волковке он был накануне праздников, восьмого мая. Суходеева хватились где-то числа десятого. Дуська еще по всей улице бегала, колоколила. По времени как будто совпадает. И повадки — те самые. Как только Андрей возвращался домой и шел на очередное дежурство на работу, через день-два в Волковке появлялся Пакостник. Ни раньше, ни позже. Как-никак соседи. Считай, рядом живут. Все на виду, и секретов от них он никогда не держал. Вроде, незачем было.

Андрей сходил в избу за куревом. Вернулся обратно к колодцу.

С другой стороны, кроме этих двух дат, все остальное, пожалуй, одни домыслы без фактов. С Володькой Суходеевым, да и с отцом его, душа в душу жили всегда. Взаимы одних трешников сколько перетаскал без отдачи. Бензином одалживался постоянно. Дядя Андрей, дядя Андрей... Да ладно, зарабатывать станешь, отдашь. И вдруг на тебе — навозные вилы, тяжеленные. Чтобы уж насмерть пришить. Андрей не видел в такой злобе ни грамма логики. А если обе даты — совпадение и только? Праздники, они и есть праздники. Мало ли народу спьяну тонет,дохнет, шею себе сворачивают, режут друг друга, гробятся? Тогда от его домыслов и вовсе камня на камне... Да и зачем? На кой черт Суходееву Володьке сдалась Волковка? Туда-сюда мотаться ради пакости? С ума можно сойти! Да и накладно.

И все же, пытаюсь глядеть на дело с двух разных сторон, чтобы не ошибиться, Андрей уже прозревал истину. Вспомнились непонятные раньше ухмылки, косые, испытывающие взгляды, вопросы, когда он, злой и раздраженный, возвращался с Волковки, переживая очередное разорение. Еще сочувствовал говнюку, советы давал!

Андрей вспомнил, как в августе прошлого года остановил Суходеева на улице со вспухшей до черноты щекой. Присвистнул. «Кто это тебя приложил, парень?» И ключица с трещиной оказалась — это Андрей уже через жену от Дуськи узнал позднее. И тоже все совпадало: он сам за неделю до этого «забыл» для Пакостника на окне пачку патронов с тройной порцией пороха. Сработало... а отсюда и злоба, и все остальное.

Андрей вспоминал мелочь за мелочью, сопоставлял, сводил концы с концами и знал, что прячется за мелочами от главного — почему Суходеева нет уже две недели? Угодил в капкан? Но не медведь же он, в конце концов. Неужели не достало толку выбраться?

И вдруг новая мысль промелькнула в голове, от которой по спине поползли омерзительные мурашки: что, если следователь сдержит слово? В милиции тоже бывают исключения из правил. По словам жены, следователь заинтересовался и начал выпрашивать. Может быть, они уже что-то знают? Иначе просто отмахнулся бы, как участковый. Ведь зачем-то Володька Суходеев мотался в Волковку? Не из-за одной только пакости, должно быть?

Все! Надо ехать не мешкая. Если даже там ничего не произошло, он изведется здесь от черных мыслей.

Через час Андрей был на разъезде возле избушки с путевой связью. Поджидал попутный состав: предчувствие беды не отпускало, и он не сумел даже оценить, когда минут через двадцать, словно по расписанию, гроыхнул на разъезде, взвизгивая буксами, бесконечный порожняк. Андрей Ходырев поднялся в кабину.

— Курить можно?

— Если табачком поделишься, — ухмыльнулся машинист.

Андрей поделился. До тридцать второго километра доехали молча. На прощание Андрей выбил с полпачки «Астры» для машиниста и спрыгнул на насыпь.

— Давай!

Он махнул рукой и долго стоял, пережидая набирающий скорость состав, грохот и лязг мелькающих мимо пустых платформ. Наконец перестук колес затих вдалеке, и Андрей медленно двинулся в гору. За то время, что он здесь не был, трава местами успела вымахать по колено и вязала ноги, стоило сойти с тропы. В остальном все выглядело по-прежнему.

Андрей круто обернулся. Вокруг было пусто и тихо, на удивление. Казалось, от тишины в воздухе стоит звон.

— Как вор, — он криво усмехнулся.

Но перед избой он снова остановился, даже присел на обочине в траву, озираясь по сторонам. Ощущение постороннего присутствия не оставляло, хотя Андрей догадывался, что страхи его надуманные, скорее от неизвестности. Он попросту боится взглянуть правде в глаза и всячески оттягивает минуту.

С первого же взгляда Андрей понял, что Пакостник здесь побывал. Вновь сбит замок вместе с накладкой. Оторваны на окнах доски. По привычке он обошел усадьбу кругом. Задняя дверь осталась не тронута, замок тоже на месте. Он выломал в кустах палку и вернулся к воротам. Стоя сбоку за столбом, толкнул створу от себя. Подождал и шагнул во двор, в сырой, прохладный полумрак. Когда глаза привыкли, он обнаружил разбросанный в проходе железный инвентарь. Пакостник, похоже, выбирал в ящике подходящий инструмент, чтобы сбить на сенной двери два висячих замка, килограмма по три каждый.

И вдруг Андрей увидел возле заплота прислоненное ружье. Одностволка. Его сразу бросило в жар. Значит, из дому Пакостник уже не вышел? Он там, стоит подняться в сени и толкнуть дверь... в нескольких шагах.

Но жив ли?

Андрей сходил к рюкзаку, достал электрический фонарь. Осмотрел попутно ружье. Шестнадцатый калибр. Бескур-

ковка. Патрон оказался с крупной дробью. Но незнакомое. Ружье деда Устинова со склепанным цевьем, с истертыми до блеска стволами, дряхленькое, он хорошо знал.

Дверь в сени оказалась сильно изрублена топором. Оба замка выворочены с мясом и валялись на полу рядом с ломиком. Андрей пошарил лучом по двери, она была слегка приоткрыта, и вдруг внизу, под дверью, увидел вцепившиеся в порожек скрюченные пальцы. В крови. Дверь как бы защемила их. И на самой двери внизу темными полосами насохла кровь. Почти в ту же секунду он почувствовал тошнотворный, гнилостный запах. Невольно отступил, не в силах оторвать глаза от скрюченных пальцев.

— Что ж ты, сука, глупее медведя оказался, — пробормотал Андрей и, стиснув зубы, шагнул вперед. Потянул дверь на себя.

Мертвец лежал лицом вниз, вытянув к нему руки, будто желая схватить. Черные, жирные сгустки крови заляпали пол, стены. Кровь засохла на одежде. Но капкан оказался в стороне, в углу, спружиненный. Рядом лежал сапог, тоже перемазанный кровью, и вид этого сапога почему-то настояживал. Концом палки Андрей не без усилия перевернул его. Из голенища, из кровавого месива остро торчала кость.

Луч света медленно переполз на мертвеца. Левой ноги ниже колена не было, зато на обрубке поверх штанины был наложен жгут. Из поясного ремня.

Ему показалось неправдоподобным, что дугами могло отхватить ногу напрочь, но гадать не стал. Он ухватил мертвеца за волосы и повернул голову к себе, чтобы увидеть лицо... Мертвый, стеклянный взгляд. Застывший в кривом оскале рот с окровавленными зубами. Он разжал пальцы. Голова с деревянным стуком упала на пол.

Суходеев...

Андрей вышел со двора и тяжело опустился на бревно под окнами. Но запах черемухи, которая обильно сыпала цвет, походил на трупный, и он пересел подальше, на обочину. С полчаса жестоко смолил одну сигарету за другой, пока во рту не появилась горечь.

...Явка с повинной Андрею даже не пришла в голову. И не потому, что боялся за себя или за семью — просто не чувствовал на себе вины. И в глубине души не слишком раскаивался. На войне как на войне. Враг пришел в его дом, покушался на его жизнь и на жизнь его близких. В результате враг уничтожен. Хотя лучше бы этой смерти не было. Но теперь — все эмоции побоку — необходимо уничтожить следы. Он не собирался доказывать легавым, что не верблюд. Пусть докажут сами.

Про капкан Андрей никому не рассказал. Даже жене. И сейчас мысленно похвалил себя. Если успеть управиться, то он сможет вернуться домой еще до ее прихода с работы и избежит лишних расспросов. Все ей знать ни к чему.

Андрей заплел окурочку и отправился во двор. Пошарив рукой под сениями, он отыскал в углу два свернутых мешка, припасенных прошлым летом под картошку. На мешках, когда он их вытащил, тоже оказалась кровь. Бурые, засохшие пятна. Андрей принес фонарь и осветил закут.

В щелях, между сенных половиц, кое-где виднелись темные потеки, даже сосульками.

Преодолевая отвращение, Андрей Ходырев сложил мертвецу руки по швам и кое-как затолкал его в два мешка. Туда же засунул сапог с торчащей из голенища костью. Затем выволок труп на двор и погрузил на тележку с деревянным самодельным кузовом.

Во дворе среди железного хлама он отыскал тяжелый балансир от железнодорожной стрелки, тоже погрузил в тележку и вышел перевести дух. Осмотреться.

Вокруг было пусто и тихо. Толкая перед собой тележку, он двинулся в поселок и остановился на одной из улиц возле обвалившейся колодезной будки. Разбросал полусгнившие доски и добрался до сруба. Верхние бревна прогнили насквозь, но их никто не трогал, и они держались. Андрей вытащил из прясла длинную жердь и осторожно пошарил в колодце — нет ли выпавших и застрявших крест-накрест бревен. В стволе было чисто. Он бросил на всякий случай камень. Далеко внизу раздался всплеск.

«Обсох. Но на это дело как раз сгодится». Он перетащил мешок к колодцу. Проволокой примотал для груза тяжелый балансир и перевалил мешок через край...

В усадьбу он воротился через час. Заглянул в бочку, которая стояла под водостоком. Но дождей давно не было, и бочка тоже обсохла. Он забросил в тележку алюминиевую флягу и двинулся лесом по заросшей кустами дороге.

Речку Андрей поначалу не узнал. Она обмелела и походила разве что на ручей. По ее поверхности плыли радужные пятна, и, когда он зачерпнул кепкой, чтобы напиться, от воды явственно пахло керосином. Поколебавшись несколько, он оставил тележку с флягой на дороге, а сам двинулся берегом вверх по течению и метров через триста оказался на краю огромной, свежей вырубki, уходящей за горизонт.

В прошлом году здесь стоял тридцати-сорокалетний березняк с еловым густым подростом. По сути, рубить еще

было нечего. Но вырубили. И не столько вырубили, сколько искорежили гусеничными траками землю, испакостили и бросили гнить. По всей вырубке, куда хватало глаз, спичечной россыпью белели березовые стволы. Одолевая буреломы и тракторные отвалы, Андрей прошел еще с сотню метров и увидел то, что искал.

Нож мощного бульдозера попросту скovyрнул у реки оба берега на отрезке около полусотни метров, и вода разлилась по всей площади, образовав широкую лужу. Посреди лужи были брошены пустые, промасленные бочки из-под горючего. Лежала на боку горловиной в воде бочка с остатками автола, и фиолетовое, радужное пятно вокруг нее было густым и подвижным.

Андрей выругался и, отыскав подходящую вагу, взялся выкатывать бочки из воды на сухое.

Местный леспромхоз, пакостники, вместо того, чтобы оборудовать под ГСМ специальную площадку — снять дерн, оканавить, провести на случай пожара минерализацию, насобачились устраивать склады и базы ГСМ в лесных речушках и ручьях. Расплющат оба берега или скovyрнут и — готово. А там трава не расти. И не растет. Ни леса, ни реки, даже болота нет. Только ржавая хлябь под ногами с осокой да мутная, вонючая жижа течет по пересохшему руслу.

Андрей провозился с бочками не меньше часу и вдруг понял, что возвращаться в избу не хочет. Нет сил. Даже здесь, возле этой изгаженной и поруганной речушки, на краю безобразной вырубки он не чувствовал себя столь отвратительно.

...В сенах, замывая половицы, он нашел раскрытый перочинный нож. В сгустках крови. И вдруг понял до деталей, что тут произошло.

От удара дуг по ноге Пакостник сразу получил открытый перелом голени. Нечто подобное Андрей уже видел, приходилось. Промаявшись в капкане, когда малейшее движение причиняет страшную боль, потеряв много крови, он так и не смог из него освободиться, да еще в темноте, на ощупь. И тогда перочинным ножом он ампутировал ногу. Последнее, на что у него достало сил — это наложить жгут. Но выбраться уже не смог. Наверно, потерял сознание и то ли от потери крови, а может, ночью от переохлаждения — умер.

Андрей вспомнил, что и сам в ночь на восьмое мая изрядно перемерз в нетопленной избе. «Что ж, поделом козлу и мука», — непримиримо подумал он и прополоскал находку в ведре, смывая кровь.

Нож — это, конечно, улика. Стоит показать нож отцу Пакостника и назвать место, где нашли, будущее для Андрея сразу запахнет парашей. И капкан — тоже улика.

С помощью ломика Андрей вырвал пробой из стены, смотал цепь и вынес капкан на двор, где на старой тряпке уже лежало разобранное ружье. Все это необходимо было уничтожить. Хотя капкан и ружьишко (наверняка тоже краденое) при других обстоятельствах он бы, разумеется, приберег. Для дела.

На речку Андрею Ходыреву пришлось съездить еще раз и приготовить щелок. Но зато он был уверен теперь, что ни одного пятна крови нигде не осталось. Верхний слой земли под сенями он снял и насыпал свежую с гряд. Закут завалил разным пыльным старьем, собранным по углам. Припорошил пылью неправдоподобно чистые ступени и половицы в сенях, дав предварительно обсохнуть. В остатках воды тщательно простирнул собственную одежду. Промыл сапоги. Протер оконные стекла, посуду, чтобы ничего суходеевского, ни одного следа не осталось. Мало ли как в скором времени обернется дело? Но изрубленные двери, вывороченные с мясом замки, щеколды, битый кирпич — все оставил, как есть. У легавых в анналах Пакостник зарегистрирован, и тут уж лгать не приходится. От жены сегодняшнюю поездку тоже лучше не скрывать. Ну, был. Посмотрел. Сама же говорила... чтобы потом не вышло накладки.

Андрей собрал вещи и напоследок еще раз придирчиво все проверил. До мелочей. Как будто ничего упущено не было.

Погода, пока он возился в доме, сильно переменялась. С запада густо наволокло туч, и далекие раскаты грома становились все слышнее. Но солнце в эти последние, отведенные минуты, похоже, взбесилось и прожигало одежду насквозь. Спускаясь через поселок к железке, Андрей заметил вдруг краем глаза странный просверк в лесочке в полутора-два шагах вправо от себя. Как будто солнечный зайчик — так могли бликовать линзы бинокля. Или очки.

Андрей постоял. Спятислся несколько. И блеск снова появился.

Если бы кто-то наблюдал за ним, то понял бы, что тоже замечен. Но блеск не исчезал, и тогда Андрей повернул в сторону леса, решив все же проверить причину. Возможно, блестела консервная банка или пустая бутылка, надетая на сучок.

Однако, к своему удивлению, он обнаружил в кустах возле тропы мотоцикл. Даже ключ зажигания был оставлен в замке. «Восход», красного цвета. Но номеров почему-то не оказалось. Новый, поэтому не зарегистрирован, решил Андрей.

Он огляделся по сторонам, прислушался — не раздадутся ли поблизости голоса. Но уже было ясно, кому принадлежит мотоцикл, и от этой случайной находки ему сразу сделалось не по себе. Вся его сегодняшняя работа при такой улике гроша ломаного не стоит, и, как знать, не осталось ли незамеченным что-нибудь еще? Такая же вот «мелочь»?

Андрей замерил уровень бензина в баке и включил зажигание...

11

В семь утра следователь прокуратуры Валяев созвонился с гаражом горторга. Узнал: продуктовая машина ГАЗ-53Ф, номерной знак 48-60 КВН сейчас находится на мясокомбинате, стоит под погрузкой. Затем отправится по магазинам развозить товар.

— Рабочий день у них когда заканчивается?

— По-разному. Иногда до девяти-десяти вечера раскатывают.

— А под погрузкой?

— Тоже по-разному. В зависимости от очереди. Могут час и два простоять.

Алексей отправился на мясокомбинат по адресу: улица Шоссейная, 2.

Вся здешняя округа представляла собой средоточение каких-то баз, складских помещений, безымянных контор, свалок в перекрестии железнодорожных ниток и подъездных путей. Все пыльное, деревянное, перекосившееся, и только мясокомбинат, детище трех соседних районов, выглядел более капитально — серый, каменный куб. Забор вокруг него, опутанный поверху колючей проволокой, большей частью был повален, и видно, что не вчера.

Алексей подошел ближе. Возле правого крыла здания друг другу в хвост выстроились несколько грузовых машин. Здесь, посреди просторной крытой платформы, стояли одинокие весы, и с них шел отпуск и загрузка товара. Из открытых дверей мясокомбината, со склада готовой продукции по подвесному монорельсу весовщица палкой толкала перед собой к весам партию колбас, взвешивала, помечая в блокноте, и шла за следующей.

Иногда помечать забывала, и тогда из стоящей полукругом кучки ожидающих, едва весовщица отворачивалась за довеском, хищной птицей выскакивала краснорожая баба в брезентухе, хватала с весов несколько палок колбасы или связку и прятала под полый.

Эту операцию у всех на глазах баба повторила раза три-четыре и сделалась похожа на беременную. Впрочем, ненадолго. Она тут же сбегала к машине, той самой ГАЗ-53Ф, и разгрузилась с помощью водителя у него в кабине. Затем все повторилось снова, еще и еще раз.

Алексею показалось странным, что весовщица не видит происходящего. Но, кажется, и все прочие тоже происходящего не замечали.

На какое-то время Алексей отвлекся от бабы. В дверях, откуда по монорельсам подавались колбасы, появилась замечательной красоты девушка. Белый, короткий халатик и белая шапочка, изящно припиленная к черным волосам, делали ее похожей на модель из рекламного буклета. Она никак не вписывалась в здешний уныло-производственный антураж, и Алексей решил, что скорее всего на мясокомбинате девушка — лицо эпизодическое. Возможно, представитель санитарно-эпидемиологической службы. Или какой-нибудь инспектор какого-нибудь отдела по качеству.

Она бросила несколько небрежных слов весовщице и удалилась, никого в общем-то не поразив своим появлением. И Алексей усомнился тотчас в истинности предположений.

Между тем баба с красным лицом вновь растолстела, и Алексей решил, что пора сунуть в мясокомбинатовский муравейник палку и посмотреть, что из этого выйдет. Он выждал момент, когда баба выдернула из кучи три полена колбасы разом, и крепко схватил ее за воротник.

— Прокуратура! — зычно объявил он и приставил бабе к носу удостоверение.

Жидкая толпа тотчас отхлынула от весов в стороны.

— Всем стоять! — приказал Алексей. — Номера машин переписаны. Личности будут установлены. Ближе, ближе сюда! Не стесняйтесь. А вы, милая, — он обернулся к растерянной весовщице, — быстро к телефону. 2-31-93, вызывайте ОБХСС. Живо!

Он распахнул на бабе брезентовую робу. Под робой на пришитых с внутренней стороны крючках висело несколько палок колбасы. Весовщица исчезла.

Однако дальнейшие события приняли неожиданный оборот. Краснорожая баба вдруг забилась, затрепыхалась у Алексея в руках, словно пойманная курица, и повалилась на цементный пол. Истощенный визг ножом полоснул по ушам. От неожиданности он выпустил воротник, и баба задержалась в судорожных конвульсиях, биясь головой об пол. Платок на ней съехал, юбка задралась, обнажив застиранные неопрятные панталоны.

— Встать! — рявкнул Алексей, догадываясь, что вся эта история разыграна для понта, известный воровской прием. Но баба продолжала выть и дергаться, без жалости колотилась головой о цементный пол. Обильная пена выступила у нее на губах, глаза выворотились, лицо уже было разбито в кровь.

Алексей махнул двоим из толпы.

— Держите ее. За руки и за ноги. А ты, — ткнул пальцем в третьего, — быстро за водой. С ведром.

Ни один не пошевелился. Алексей подошел к толстомордому верзиле вплотную.

— Ты плохо расслышал?

— Да иду, иду, — лениво отозвался тот. — Только зачем бить?

— Не понял?

Верзила смотрел на него с нагловатой ухмылкой.

— А че не понял-то? Пожилую женщину... Вон свидетелей сколько.

Свою последующую реакцию Алексей не успел даже сообразить. Правая рука сработала автоматически. Мощным крюком снизу он насадил небритую челюсть на кулак. И когда удар приподнял верзилу на цыпочки и выгнул дугой, коленом сильно ударил в пах. Верзила взвыл неожиданно тонко, по-бабьи и, согнувшись крючком, рухнул на колени.

«Месяц, убудок, будешь носить свою драгоценную мошонку в руках. Есть время подумать». С нехорошей улыбкой Алексей повернулся к публике.

— Ну? Кто еще видел, как я избивал пожилую женщину? Ты?

— Че я-то?

— Не видел, значит?

— Не-ет.

— Может, ты?.. А ну, иди сюда!

Мужичонка в надвинутой на глаза кепке, к которому он обратился, вдруг вильнул задом и бросился наутек. Алексей вновь вернулся к верзиле, приподнял за волосы.

— Как фамилия?

Тот что-то замычал, не разжимая зубов.

— Как его фамилия?

— Карташов, — испуганно ответил кто-то из публики. — Грузчик.

— А фамилия этой женщины? — он кивнул на дергающуюся бабу.

— Терехина, экспедитор.

— Который убежал?

— Шофер ихний. Горторговский.

— Фамилия?

— Пыжьянов.

— Понятно. Наставники подрастающего поколения...

Алексей выписал три повестки. Одну, плюнув, приклепнул верзиле на лоб.

— Сегодня, в пятнадцать ноль-ноль, в прокуратуру. Явка обязательна.

Вторую сунул бабе в нагрудный карман.

— Я думаю, ты меня хорошо слышишь. В пятнадцать ноль-ноль прошу в прокуратуру. А эту повестку, — он обернулся к зрителям. — Вот ты, лично... передашь водителю. Я за ним бегать не стану.

«Как Хлыбов», — раздраженно подумал Алексей, чувствуя и в поведении, и в собственном голосе совершенно хлыбовские нотки. Даже словечко «ублюдок» где-то промелькнуло. Тоже хлыбовское.

— Здравствуйте, — услышал он за спиной приятный женский голос. — Что здесь происходит?

Обернулся. В двух шагах от него стояла очаровательная девушка, та самая, в белом халатике, и разглядывала его с явным любопытством. За ее спиной из глубины дверного проема маячило испуганное лицо весовщицы.

«Разумеется, в ОБХСС не дозвонились. Было занято, — догадался он. — И красотка отлично знает, что здесь происходит».

Он улыбнулся, недоуменно развел руками.

— Видите ли, сам решил спросить. Что здесь происходит? А дама услышала и — сразу в обморок. С товарищем тоже дурно сделалось. Прямо беда.

Он замолчал с выжидающей улыбкой. Девушка тоже улыбнулась и протянула руку.

— Тэн, Светлана Сергеевна. Мастер колбасного цеха.

— О! Так это вашу колбасу здесь расхищают?

— Нашу, — просто согласилась она.

Алексей представился.

— Ну и... что будем делать?

— Наверное, стоит обсудить? — неуверенно предложила она.

— Согласен.

Алексей отправился за мастером колбасного цеха. По пути она отдала распоряжение весовщице, чтобы погрузку продолжали.

— Вы в ОБХСС позвонили? — остановил Алексей.

Весовщица заполошно всплеснула руками.

- Ой, звонила, звонила... Никто трубку не берет.
- А может, занято?
- Ага, занято, — поспешно закивала женщина и осеклась. Прикрыла рот ладошкой.

Алексей усмехнулся, но промолчал. Вслед за Тэн он вошел прямо со склада готовой продукции в небольшую, опрятную комнатку. Отметил про себя, как элегантно, без крика и шума Светлана Сергеевна удалила его с места происшествия. Сейчас там спешно заматают следы, чтобы к прибытию сотрудников ОБХСС выглядеть святее папы римского. Звонить, правда, он не собирался. Но хотя бы день пусть проживут честно, без воровства.

Светлана Сергеевна предложила ему стул. Сама же, открыв сейф, достала пару объемистых папок и положила перед Алексеем.

— Что это?

— Накладные, Алексей Иванович. На отгрузку мясопродуктов по госдоговорам. За май-апрель месяц. Пожалуйста, обратите внимание на пункты назначения.

Алексей без интереса полистал папку. Пожалуй, его мысли больше занимала сама Светлана Сергеевна Тэн, а не эти накладные.

— Свердловск, Пермь, Ижевск... А это морские порты. Клайпеда, Мурманск, Ленинград, — она встала у него за спиной, чуть сбоку и изящными, удлиненными пальцами с безупречно наложенным маникюром отмечала, на что именно ему следует обратить внимание.

— Что означают морские порты? — ради вежливости спросил он, возвращая просмотренные папки.

— Что груз предназначен для отправки за границу. В основном, это страны третьего мира.

Она убрала папки на место, закрыла сейф и села за стол напротив. Ее темные большие глаза мерцали из-под длинных ресниц. Волосы отливали свежим, юным блеском, на загорелых щеках алел нежный румянец, и Алексей подумал, что перед женской красотой все остальное — пустая тщета и бессмыслица. Поразительно, как подобная жемчужина могла оказаться здесь, в этой навозной куче?

— И какие я должен сделать выводы, уважаемая Светлана Сергеевна?

Тэн улыбнулась.

— Весь объем нашей продукции, Алексей Иванович, уходит на сторону. Куда — вы это сейчас видели. Зато в районы, в наш и в соседние, мы не отгружаем совсем. Только в райцентры. Девятьсот килограммов на шестьдесят тысяч насе-

ления, это у нас. — Она быстро простучала на калькуляторе. — Пятнадцать граммов на человека в сутки.

— На днях я прочел, что ваш мясокомбинат из месяца в месяц срывает госпоставки. В апреле, если не ошибаюсь, недоотгружено до сорока процентов продукции. Хотя, Светлана Сергеевна, с планами переработки мясокомбинат как будто справляется, не так ли?

— Даже перевыполняем.

— Тогда в чем дело?

— В пятнадцати граммах в сутки на человека.

— То есть расхищают? До сорока процентов?

— Да.

Алексей подумал. Пожал плечами.

— Мне, впрочем, все равно. Я сюда по другому делу.

— Я знаю.

— Вот как! Это каким образом?

— С помощью телефона. Позвонила в прокуратуру Хлыбову. Он сказал, что вас с проверкой на мясокомбинат никто не уполномочивал. Вы проявляете самостоятельность, скорее всего попутно. Но предупредил, что вы способны на неожиданные штуки, поэтому вам лучше не лгать, а побеседовать предельно откровенно.

— Что вы и делаете? — Алексей был уязвлен до глубины души, и вопрос прозвучал достаточно грубо.

— В любом случае это лучше, чем ложь.

— Разумеется. Но у меня в связи с этим появилась одна нескромная мысль. В вашем городе, похоже, я единственный честный человек.

Тэн пожала плечами.

— Я тоже.

Алексей промолчал и сразу почувствовал — его молчание истолковано как сомнение. Румянец на щеках обозначился ярче, глаза сверкнули почти сердито, и он убедился окончательно, что задел за больное. Однако продолжал молчать с некоторой даже иронией.

— Вы можете мне не верить, если угодно, — она явно оправдывалась! — С точки зрения закона, наверно, так и есть. Соучастие, доноительство... Соккрытие? Я не знаю всех юридических формулировок в этом плане. Но моя совесть чиста, своим служебным положением я никогда не пользуюсь.

— Вам хватает пятнадцати граммов в сутки?

— Мне и этого много.

— Вы что же, не употребляете мясного?

— Не употребляю. Зато у экспедитора Терехиной шестеро

внуков. Она бабушка. И сотни три родственников, все с неотоваренными талонами на руках. И все к ней обращаются.

— Выходит, там на весах я вел себя как последний негодяй?

Тэн улыбнулась. С сомнением пожала плечами.

— Не знаю.

— Весы, надо думать, не единственный канал хищений?

— Не единственный. Хлыбов, например, пользуется другими каналами.

Алексей хмыкнул.

— Не слишком ли вы откровенны со мной?

— В следующий раз, если захотите кого-то ударить, вы можете сделать это у себя в прокуратуре. А не добираться в такую даль на мясокомбинат.

Алексей расхохотался.

— Все, сдаюсь! Вы выиграли бой чистым нокаутом. Ха-ха-ха!

Она неожиданно взяла его за руку.

— Хотите, я вам обработаю?

Алексей только сейчас увидел, что костяшки пальцев на тыльной стороне руки сбиты в кровь, и рука перемазана. Ухмыльнулся.

— Если это не взятка.

Глядя, как мягкими, точными движениями она обрабатывает ссадины, Алексей подумал, что уходить ему отсюда совсем не хочется. Проворчал:

— Мне кажется, муж не слишком вас любит.

— Почему? — Она взглянула на него с любопытством.

— Красивые женщины устраиваются как-то иначе. Здесь не очень подходящее для вас место.

— Вы просто не знаете настоящую цену моего места.

— Я знаю, что своим служебным положением вы не пользуетесь. Стало быть, вашему месту грош цена.

Тэн отрицательно качнула головой.

— Я буду пользоваться. Как только выйду замуж.

Алексей даже растерялся.

— Так вы... не замужем, хотите сказать?

— Нет.

— Бог ты мой! Какая удача. В таком случае, я делаю вам предложение.

Она изумленно посмотрела на него и рассмеялась.

— Хлыбов предупреждал, что вы способны на неожиданные штуки. Кажется, был прав.

— Нет, кроме шуток. В городе всего два честных человека. Почему мы с вами должны друг друга избегать?

— Не знаю, — подумав, отвечала Тэн.

Алексей записал номер своего телефона на перекидном календаре. Шутя пригрозил.

— Если вы, Светлана Сергеевна, в течение двух дней не позвоните по этому номеру, хотя бы сказать нет, я снова заявлюсь сюда с проверкой.

Направляясь в прокуратуру, он еще и еще раз мысленно прокрутил отдельные эпизоды, связанные с хищением мясо-продуктов, и меру возможного участия в них Суходеева. «Мелкий несун, не более того, — решил он. — Вся цепочка налицо: экспедитор, водитель, грузчик. Что успели стянуть с весов, идет на стол и, видимо, родственникам. Мокрухой тут, пожалуй, не пахнет».

Он вспомнил улепетывающего водителя в надвинутой на глаза кепке и усмехнулся. Терехина, экспедитор, тоже не в счет. Карташов в то время еще не работал. Словом, очередная пустышка. Для очистки совести он допросит всех троих, и можно ставить на мясокомбинате точку...

Рядом с ним, взвизгнув тормозами, остановился прокурорский «уазик». В окно высунулась улыбающаяся физиономия Махнева.

— Валяев, душа! Полезай в карету.

Алексей подошел. В салоне на заднем сиденье расположился с чемоданом эксперт-криминалист Дьяконов, полнотелый, с толстыми, красными губами и сочным, густым голосом. Поздоровались.

— Нам по пути? — засомневался Алексей.

— По пути, по пути. Садись. На тот свет всем по пути.

«Уазик» рванул с места и, рывками набирая скорость, запрыгал по ямам.

— Водила хренов, — проворчал эксперт-криминалист вздрагивающим от езды голосом. Его полные щеки тряслись на ухабах, и даже губы заметно пришепывали.

— Помнишь, я тебе рассказывал про младенца? В мусорном баке нашли, угол Парижской Коммуны? В коробке с розовым эдаким бантиком, ха-ха! — Махнев был радостно возбужден, хотя предмет как будто к веселью не располагал.

— Помню, еще бы.

— Так вот. Убийца нашелся. И даже понес наказание. Высшая мера. Через повешение, ха-ха! Есть справедливость на земле. Есть! И, между прочим, уже третий случай подряд. Сегодня, скажем, мы обнаруживаем труп убиенного младенца, а через день... максимум два-три — труп убийцы. Как правило, родителя. Даже дрожь берет, словно это возмездие. Свыше! Ха-ха!

— Как это случилось?

— Вот сейчас приедем, и сам все увидишь, — подмигнул Махнев. — Не пожалеешь, обещаю.

Но Махнев не выдержал и полминуты. Начал выкладывать историю.

— Представляешь, баба потеряла своего мужика! Вышел ночью в сортир, с постели поднялся и — нет его. Поворочалась баба с боку на бок, и опять спит. Дескать, покурит, придет сам. Утром бабе на работу надо бежать, а в постели рядом пусто. Нет мужика, не пришел. Во двор сунулась, покричала. По улице туда-сюда... нету. Вышла на огороды, а он, глянь — возле плетня стоит. На коленках. Да как-то странно стоит... голову набок повесил. А на голове ворона, глаз ему долбит. Подошла баба ближе, а мужик у ней мертвый, на колу висит. Воротником рубахи за кол зацепился, когда через плетень пьяный перелезал, и сорвался, видать. Как петлей шею перехватило. Высшая мера, ха-ха!

— Почему ты решил, что это убийца?

— Баба опять же! Живого боялась до смерти, а как увидела, что сдох, палку из плетня выломала и давай лупить его куда попало. С воем. Соседи понабежали, оттаскивают, а она как чумная. Он, кричит, гадина, моего ребеночка зашиб. В коробку затолкал. А ей отнести велел и в мусорку бросить. Куда отнесла ребеночка, баба, говори? На Парижскую Коммуну? Эта коробка? Эта, эта! — кричит. — Туда отнесла.

«УАЗ», не разбирая дороги, вихрем промчался по одноэтажным, окраинным улочкам и, вильнув, юзом, тормознул возле открытых настежь ворот и кучки зевак.

На огороде возле плетня тоже былолюдно. Двое милиционеров сдерживали граждан на приличном расстоянии. Граждане в свою очередь удерживали простоволосую, худую женщину с испитым лицом. Она грязно бранилась и все поровила доплюнуть до мертвеца. Но иногда поворачивалась и, вставая на цыпочки, из-за голов грозила длинной, мослатой рукой в соседские окна рядом.

— Не угомонилась еще, Мариша? — мимоходом спросил Махнев.

— Я ее, суку, выведу на чистую воду! Дрянь мокродырая. Вижу тебя, вижу, не спрячешься. Выглядывает гадина с занавески-то... Ох ты, бесстыжая! — вопила Мариша, не обращая внимания на следователя. — А то не знаю, куда он, паразит, ходил с бутылкой-то ночью. К тебе, крошечка долбана! То-то носа не кажешь, стыдно на люди показаться... чужих мужиков сманывать, паразитка косорылая!

Махнев брезгливо махнул рукой.

— Уведите ее в дом. В ушах звенит.

Алексей остановился перед трупом. Все было так, как рассказывал Махнев. Дородный мужик лет около пятидесяти стоял на коленях возле плетня. Вернее, висел на воротнике с подогнутыми ногами. Трудно было представить, как это могло произойти в действительности, но воротник прочно зацепился за кол. У мертвого было типичное лицо удавленника, налитое кровью, распухшее, с вывалившимся черным языком. На нем были надеты одни кальсоны, и те съехали на ягодицы, обнажив волосатый пах. Видимо, потерпевший некоторое время еще дергался, но уже в конвульсиях. Не успел даже сообразить.

Подошел Махнев.

— Помнишь, у младенчика в области шеи были обнаружены царапины и ушибы непонятного происхождения? Это он... этот подонок. Как только младенец начинал плакать, он хватал его из кровати, спеленутого, и — за дверь. На гвоздь. Подвесит, а сам спать. Теперь вот — висит голубчик. Точь-в-точь. Разве что не плачет. Слушай, сержант! — Махнев обернулся к милиционеру. — А где бутылка? Я же не велел ее трогать.

Сержант смущенно развел руками.

— Виноват. Недоглядел.

— Что значит, недоглядел? Это же вещдок. Следы!

— Стадили эти, — сержант кивнул в сторону зевак. — Только отвернулся, уже нет.

Махнев вытаращил на него глаза.

— Как? У мертвеца из рук? Бутылку? О господи, терпение твое бесконечно! — Он с самым свирепым видом двинулся к зевакам. — А ну, прочь отсюда! Мрразь...

Обратно он шел, держась от смеха за живот.

— Великолепно, а?! Этот подонок сдох в петле, но бутылку из руки не выпустил. А эти, соседи так называемые, стоило сержанту отвернуться, тут же ее увели. И распили наверняка. Грамм двести было, не больше. Ха-ха-ха! Замечательный у нас народ. Душевный! С таким народом реки вспять поворачивать. Ха-ха-ха! Ой, не могу больше. Умо-рили сволочи.

Он похлопал удавленника по гладкой, полированной лысине.

— Ну, хватит, голубчик. Повисел, и ладно. Снимайте его.

От двора, шагая прямо по грядам, подходили санитары с носилками, из числа указников.

В прокуратуре перед дверью Алексея дожидался один из «олигофренов», кадыкастый парень с крашеными, пегими волосами. Молча протянул повестку.

— Заходи, приятель. Я сейчас, — Алексей усадил свидетеля у себя в кабинете, сам заглянул в приемную. — День добрый, Людмила Васильевна. Для меня что-нибудь есть?

— Да. Пожалуйста.

Алексей пробежал глазами по исписанному листу бумаги.

В следственный отдел прокуратуры

Рапорт

По вашему поручению произвел проверку двух уцелевших строений в бывшем поселке Волковка, а также визуальный осмотр прилегающей местности. Местонахождение пропавшего без вести Суходеева В.Г. установить не удалось.

В домовладении, принадлежащем Ходыреву А.Д., в ограде, мной обнаружен тайник и разобранные на запчасти три мотоцикла, два «Восхода» и «Ява». Сохранились номерные знаки. По данным учета, все три находятся в розыске, начиная с сентября 198... года.

По существу заявлений, сделанных Ходыревым А.Д. в райотдел милиции от 22 августа 1989 года и 13 мая 1990, дополнительно сообщая: факты, указанные в заявлениях, при осмотре в основном подтвердились. Имели место неоднократные кражи со взломом, о чем свидетельствуют сбитые замки и поврежденные, изрубленные двери, бессмысленная порча имущества, а также следы взрыва, произведенного в печи и др.

Участковый инспектор, старший лейтенант Суслов.

Кратко, но содержательно. Алексей удовлетворенно хмыкнул. Предстоящий разговор с «олигофреном» сразу обретал жесткую направленность.

Едва ли хозяин домовладения в Волковке, Ходырев, имеет отношение к тайнику. По крайней мере, один из мотоциклов, если верить рапорту, находится в розыске с сентября 198... То есть был угнан почти за два года до того времени, когда Ходырев приобрел усадьбу в частное пользование. И кроме того, от Ходырева поступило два заявления, что тоже свидетельствует в его пользу. Вряд ли кому придет в голову обращаться в милицию, имея у себя во дворе три украденных мотоцикла. Пусть даже в разобранном виде. Скорее всего, не знал.

Алексей вошел в кабинет.

Для начала он предупредил свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний, тем более что возраст уже позволяет привлечь к ответственности. Главное, разумеется, не в этом. Произошла, по всей вероятности, трагедия, и сейчас в его силах помочь следствию разобраться. Но «олигофрен» набычился и после нескольких односложных ответов перестал реагировать на вопросы совсем. Однако молчание, Алексей это чувствовал, стоило ему усилий — мешала все та же стая, которая незримо стояла у него за спиной даже здесь, наедине со следователем.

Тогда Алексей решил помочь. Небрежным тоном, как бы не придавая своему вопросу особого значения, сказал:

— А чего ты скрытничаешь? Ваш тайничок в Волковке мы раскопали. Три мотоцикла, и все краденые. Ну?

— Че наш-то? — разом вскинулся «олигофрен». — Никакой он не наш. Гнилой там хозяйничал.

— А угонял?

— Тоже он.

— И ты будто бы не при чем? Почему тогда молчал?

— Че я дурак, что ли?

— Дурак, можешь в этом не сомневаться. Я тебя предупредил об ответственности. И еще раз предупреждаю: или ты говоришь мне правду, или я сделаю из тебя соучастника в угоне мотоциклов. Два из них, так и быть, повесим на Гнилого. Третий будет висеть на тебе.

— Не докажете, — подумав, буркнул «олигофрен».

Алексей улыбнулся.

— Еще как. Тебя я возьму сейчас под стражу. Назначим техническую экспертизу, и, я уверен, на твоём мотоцикле обнаружатся снятые запчасти. Он же у тебя разноцветный.

«Олигофрен» смотрел в угол и затравленно шмыгал носом. Алексей тоже молчал, давая ему время вполне почувствовать положение. Потом, как о решенном уже вопросе, сказал:

— Значит, Суходеев подбрасывал вам запчасти. За так?.. Парень мотнул головой.

— За бабки. По черной цене.

— Понятно. Но в Волковке теперь хозяин появился. Сосед. Что же вы сразу не перепрытали?

— Пусть у Гнилого голова болит. Это его хаза была.

Парень помолчал. Потом нехотя признал:

— Вообще-то, говорили ему ребята.

— А он?

— Выкурю, говорит. Как таракана. Больше не сунется.

— Это соседа, что ли? Ходырева?

— Ну?

— Понятно.

Алексей еще некоторое время поработал с «олигофреном» в разных режимах, но тот явно ищейка. Разговор пошел вхолостую, по кругу. Он предложил свидетелю подписать протокол допроса и отпустил.

Полученная информация представлялась ему достаточно ценной. Кажется, впервые дело начало принимать конкретные очертания. Так называемая «хаза» в бывшем поселке Волковка и обнаруженный тайник свидетельствовали, что в этом месте Суходеев имел или имеет определенный устойчивый интерес. Во-вторых, угроза выкурить хозяина, которая вполне подтвердилась двумя заявлениями Ходырева. В-третьих, насколько он уяснил из разговора с женой Ходырева, последний акт «терроризма» — взрыв в печи, порча имущества, произошел совсем недавно. Уже в мае, накануне исчезновения. Пожалуй, дату следует уточнить. Но сам факт налицо: в конце апреля, в мае Суходеев там был. Готовил акт.

Что против?.. Участковый инспектор Суходеева в Волковке не обнаружил. Не исключены два варианта. Если это несчастный случай дорожно-транспортного характера, то скорее он произошел по дороге в Волковку. Или обратно. Красного цвета «Восход» — приметная деталь в пейзаже. Значит, следует проверить дороги, тропы, которыми возможно добраться в поселок из города.

В случае насильственной смерти убийца, наверняка, позаботился труп спрятать. Достаточно надежно. Поэтому инспектор его не обнаружил, хотя... если судить по найденному тайнику, усердие проявил. Очевидно, потребуется более детальный осмотр местности и обыск в «хазе», в домовладении, принадлежащем Ходыреву, где обнаружен тайник.

Алексей взялся за телефон. Набрал номер.

— Участковый инспектор. Слушаю!

— Здравствуйте, Анатолий Степанович. Это Валяев вас, из прокуратуры. Получил рапорт. Очень толково, оперативно и, главное, ко времени. Кое-что желательно обсудить.

— Через двадцать минут я к вам... Черанева, сядь на место! — Голос участкового внезапно отдалился. Потом вновь зазвучал в трубке. — Алле?.. Через двадцать минут я к вам подойду. Надо тут с гражданкой закончить.

Алексей насторожился.

— Минуту, Анатолий Степанович. Как вы назвали фамилию гражданки?

— Черанева, Татьяна Дмитриевна, — четко, без ненужных расспросов ответил тот.

— Понятно. Меня эта дама тоже интересует. Так что не спешите, я выхожу.

— Комната восемь.

Через несколько минут Алексей входил в комнату участкового инспектора на первом этаже. В Чераневой он сразу узнал вчерашнюю истеричку из ресторана. Кажется, она до сих пор окончательно не протрезвела. Марафет на лице был смазан. Взгляд плавал по сторонам, ни на чем не фиксируясь, и она, похоже, не заметила появления в комнате нового человека, хотя Алексей сел напротив нее спиной к окну.

— Что произошло?

— Вчера в одиннадцатом часу ночи была задержана на дискотеке. В невменяемом состоянии. При задержании оказала сопротивление работникам милиции, употребляла в их адрес нецензурные выражения. Доставлена в вытрезвитель.

Слог, каким изъяснялся старший лейтенант Суслов, напоминал его рапорт. Прямолинейный и исполнительный малый, решил Алексей. Любопытно, как они находят с гражданкой Чераневой общий язык?

— И часто она так?

— Регулярно. Особенно в последнее время. Хотя по сути школьница. Недавно исполнилось семнадцать.

Черанева никак не реагировала, как будто разговор шел не о ней. Пепел с сигареты сыпался ей на кофточку, на руки, на стол, она не обращала на это внимания и не стряхивала, хотя пепельница стояла рядом. Выглядела Черанева много старше своих семнадцати. Рискованно короткая юбка, белые, рыхлые ноги без чулок, в заметных синяках. Когда она закинула ногу на ногу, Алексей с изумлением отметил, что под юбкой у нее ничего нет, голое тело.

— Почему на даме нет нижнего белья?

— Мода такая. На танцы они ходят теперь без трусов. Некоторые даже бреют лобок.

— Товар лицом?

— Говорят, для остроты ощущений. Так, Черанева?

Черанева ответила не сразу вялым, словно спросонья, голосом.

— Дурак. Где ты купишь приличные трусы? Чтобы носить не стыдно.

— Давай без дураков, Черанева! — повысил голос участковый. Помолчав, продолжал: — Допустим, приличного белья в продаже нет. Но бриться тоже не обязательно.

— Для эстетики! — Черанева вдруг рассмеялась с призывом, судорожно, и Алексей сразу вспомнил ее вчерашнюю истерику. Пожалуй, она была не столько пьяна, как показалось вначале, а скорее не в себе. Невменяема, как правильно отметил старший лейтенант Суслов.

«Если с ней что-то произойдет, — подумал Алексей, — как с теми двумя, это никого особенно не удивит. Удивительно будет другое — если ничего не произойдет».

— Таня, вы помните меня? Вчера... вы были в ресторане?

Обращение по имени здесь, в стенах милиции, было непривычно, и Черанева наконец его заметила. Но упоминание о ресторане заставило ее вздрогнуть. Ее глаза вдруг расширились, и в них темной волной плеснулся страх. Спустя мгновение она сидела перед ним на стуле, вся сжавшись, словно затравленный зверек, готовый вот-вот сорваться и бежать.

Такой реакции Алексей не ожидал. Участковый, судя по всему, тоже. Они переглянулись, и, стараясь говорить по возможности мягко, Алексей спросил:

— Вы с ней знакомы? Ира, она сидела со мной за одним столиком.

— Нет! — истерически взвизгнула Черанева. Губы, а затем все лицо у ней исказилось мучительной гримасой. Руки бесцельно метались по одежде, по волосам. Явно сочувствуя, лейтенант поднялся к ней из-за стола со стаканом воды и окончательно спровоцировал истерику.

На хлопоты вокруг Чераневой ушло около часу. Пришлось даже вызывать врача. Разумеется, о продолжении разговора с ней не могло быть и речи.

Оставшись вдвоем с участковым инспектором, Алексей кое-как уточнил предстоящие следственные действия и поспешно в смятенных чувствах вышел из отделения. В его голове давно брезжила ужасная догадка, но он раз за разом упорно гнал ее от себя, хотя косвенных доказательств набиралось предостаточно. Однако теперь впервые, кажется, появилась реальная возможность получить прямое свидетельство, которое либо рассеет подозрения, либо он действительно напал на след, ради чего, собственно, сюда приехал.

Возле прокуратуры Алексей увидел стоящий «УАЗ». Похоже, Хлыбов был на месте. Он вошел в приемную.

— Шеф у себя?

— Нет... в отгуле, — замялась Людмила Васильевна.

— Мне нужна машина на полчаса.

— К заму, Алексей Иванович.

Через некоторое время, выправив кой-какие бумаги, в том

числе постановление на обыск в бывшем поселке Волковка, Алексей сел за руль.

Дорогу сюда он запомнил неплохо. Наверное, потому, что ночью пришлось изрядно поплутать. Вскоре «УАЗ» остановился возле одноэтажного дома, утонувшего среди старых черемух. Алексей отворил калитку и взошел на высокое крыльцо с деревянными резными кружевами и перильцами. Несомненно, дом знал лучшие времена, но с тех пор осел, сделался темен, и деревянный узор местами выкрошился. Запах гнили, едва уловимый, подсказывал, что где-то начала течь крыша. Дом умирал.

Оглядевшись по сторонам, Алексей пошарил рукой возле двери. Но кнопки звонка, кажется, не было. Он позвякал скобой, еще и еще раз. Дом молчал.

Алексей собрался было пойти к соседям, узнать, где хозяйева, но случайно нажал на дверь, и она легко, без скрипа отворилась. Из глубины дверного проема на него неподвижно смотрели глаза. Бледным пятном маячило лицо. Это была женщина лет тридцати пяти — сорока, с темными волосами, одетая в темное платье и темную, вязаную кофту. Темнота дверного проема совершенно съедала силуэт, и ее худое, бледное лицо поэтому, казалось, висит в воздухе.

Зрелище было неприятным. Тем более что Алексей не услышал за дверью ее шагов, когда стучал, или хотя бы шороха. Наверно, стояла там, когда он подъехал, и молчала.

— Здравствуйте. Мне хотелось бы видеть Иру.

Лицо качнулось в темноте и слегка подвинулось к нему.

— Вы ее мама, я полагаю?

Лицо снова поплыло из темноты. Однако ответа долго не было, и он уже не чаял дожидаться, когда она наконец с трудом выговорила:

— Мама, да.

Она повернулась спиной и двинулась в глубь дома. Лицо исчезло.

— Проходите, — услышал Алексей тихий голос.

Он двинулся следом, на ощупь отыскивая дорогу. Запнулся за какие-то ступени, их было три. Прошел одни двери, другие, и рука ткнулась во что-то мягкое, пушистое. Оно как бы откачнулось, едва он задел, и снова сунулось ему в руку, слегка царапнув.

Алексей постоял несколько, давая глазам привыкнуть. Хозяйка ушла вперед и куда-то исчезла, а перед ним оказалась стена и угол, заваленный бумажным хламом. Он понял, что нужную дверь прошел мимо, и повернул вспять. Пальцы снова уткнулись во что-то пушистое. Он пригляделся вни-

мательнее и тотчас отдернул руку. В дверном проеме на бельевом шнуре была повешена кошка.

Откуда-то сбоку, словно из стены, к нему подплывало бледное лицо. Тихий голос скорбно и бессвязно начал пояснять.

— Кошечка недавно совсем, вчера... Но я раньше заметила. Рассада стала пропадать. Помидорная. Я ее высадила в ящики с землей две недели назад. А вчера заметила... Эта кошечка сходила в ящик по нужде. Как уксусом полила. К вечеру рассада у меня пожелтела... пропала. Вот, пришлось кошечку примерно наказать.

«Точно, крыша поехала», — подумал про себя Алексей, теперь уже различая хозяйку, но тем не менее стараясь не отстать.

Она остановилась посреди комнаты, которую, наверное, можно было назвать гостиной. Повернулась к нему, и Алексей смог наконец разглядеть ее лицо. Пожалуй, они были очень похожи с дочерью. Если бы не возраст и манера носить одежду — совершенные двойняшки.

Она слегка коснулась лба, словно припоминая.

— Вы хотели видеть Иру?

— Да.

— Она умерла.

— Как... когда?!

— В прошлом году, — едва слышным голосом отвечала она. Ему показалось даже, что он не разобрал.

— Простите за назойливость, но вчера я проводил Иру сам. До калитки. Или я что-то путаю?

Она молчала. Потом, поколебавшись несколько, кивнула.

— Идемте.

Алексей прошел вперед. В следующую дверь.

— Вот ее комната. С тех пор... когда... ее не стало, — с усилием выговорила она.

Алексей огляделся. Большая и неожиданно светлая для этого дома комната. Удобная тахта. Трельяж с косметикой. И пуф. Платяной шкаф в углу. Стеллаж с книгами, живописной россыпью журналы. И портрет Иры. На стене, в траурной раме. Он даже отшатнулся, но взял себя в руки.

— В прошлом году, вы говорите?

Женщина молчала, потупясь.

— Вчера я сидел рядом с ней. В ресторане. Мы разговаривали.

— Да.

— Что... да? — не понял он.

Но ответа не дождался.

— Вы были дома вчера? Когда она вернулась?

Не услышав ответа, он хотел повторить вопрос, но женщина подняла голову и рассеянно невпопад улыбнулась.

— Иногда она приходит, — тихо прошелестело в воздухе. И Алексей остро почувствовал запах безумия.

— Ваша фамилия... и дочери, Калетина?

— Калетина.

Алексей невнятно извинился за причиненное беспокойство и, ничего не объясняя, благо что его ни о чем не спрашивали, вышел из дому. С крыльца оглянулся еще раз в дверной проем на бледное, плавающее лицо с исплаканными глазами. И сел в машину.

«В здравый смысл происходящее никак не укладывается. Но мыслить иначе я, кажется, не умею. Мыслить иначе для юриста вообще не имеет смысла, потому что выходит за рамки уголовно-процессуального кодекса», — с некоторым даже ожесточением думал он, чувствуя, что выбит из колеи напрочь.

Минут пять небыстрой езды несколько успокоили воображение, и он начал прикидывать варианты.

...Сходство матери с умершей Ирой было просто поразительно. Бросалось в глаза. Но почему, собственно, он решил, что провожал вчера Иру, а не ее мать? Только потому, что она назвалась Ирой? Не отсюда ли истекает их поразительное сходство, что Калетину-старшую он сравнивает с Калетиной-старшей? Тем более что дочь Иру впервые он увидел на стене в траурной раме.

Допустим, вчера Калетина выглядела моложе. Ну и что? Шестидесятилетние травести иногда недурно играют двенадцати-четырнадцатилетних золушек и джувьетт. При свете софитов, а не в ресторане при цветомузыке. И не в майских сумерках по дороге домой. Наконец, если все так, значит ли это, что маскарад понадобился ради мести? Быть может, безумие, замкнутое на одной навязчивой идее, подсказало этот нестандартный, даже изощренный ход? Он сам имел возможность убедиться вчера в ужасной силе избранного средства. Чераневу вывели, почти вынесли из зала на руках в припадке истерики. Даже сегодня, стоило упомянуть имя жертвы, как припадок повторился. На старые, что называется, дрожжи. Еще несколько подобных сеансов, и устойчивый истерический синдром закрепится навсегда.

В итоге — Золотарев мертв. И, кажется, не без участия какой-то женщины. Второй преступник Суходеев пропал без вести, и надежда, что он еще жив, ничтожна. Осталась Черанева из всей компании, и если она в скором времени не погибнет, то отправится в сумасшедший дом обязательно.

Во второй половине дня оперативно-следственная группа прибыла в Волковку. Старенький локомотивчик, сопя и вздыхая, затащил пассажирские вагоны на запасной путь и там затих. Алексей и эксперт-криминалист Дьяконов, оглядевшись по сторонам, двинулись в гору мимо осевших, полуразрушенных бараков. Впереди с хмурым, отчужденным видом шагал Андрей Ходырев, приглашенный в качестве свидетеля и хозяина домостроения.

Эксперт Дьяконов закатал намокшие штанины до колен. Недовольно буркнул:

— Дождь был, черт бы его...

Алексей промолчал, хотя эксперт был прав. После такого дождя часть следов на открытой местности окажется смытой. Он обернулся. Их догонял участковый инспектор Суслов.

— Договорился?

Участковый подмигнул.

— Час-полтора нам гарантировано.

— В самый раз. Минут пять пусть погалдят, успокоятся. Потом можно просить.

В молчании, озираясь по сторонам, добрались до подворья. Затем Алексей, один, обошел поселок по периметру, прикинул рельеф местности и направился к поезду. Пестрая, голосистая толпа человек сорок разбрелась по насыпи, обмахиваясь сломленными ветками от овода и комаров.

— Что случилось, люди? — нарочито громко спросил он, обращаясь ко всем разом.

— Грибы собирам, не видишь? — отозвался из толпы бойкий женский голос. — Сморчки, харчки... прямо на шпалах высыпали.

И сама же засмеялась. Алексей широко улыбнулся.

— А я думал, случилось чего?

— Слушай ее, сороку. Одни сморчки на уме. Вон керосинка наша гробанулась, не едет.

— И надолго?

— А кто его знает?

Алексей подошел к машинисту локомотива, который с недовольным видом копался в железных, промасленных внутренностях. Переговорил, потом вернулся назад.

— Граждане пассажиры! Работы, примерно, на час, от силы полтора. Сменить шкив. Досадно, конечно, но разрешите воспользоваться вашим бедственным положением. Дело в том, что здесь, на территории поселка, по нашим данным, находится пропавший во время майских праздников подросток...

Алексей в двух словах обрисовал ситуацию и объяснил, в чем должна состоять помощь: необходимо построиться цепью и прочесать поселок с прилегающей к нему местностью. Особое внимание при этом следует обращать на естественные впадины, углубления, лесные завалы, кучи хвороста, на свежевскопанную землю или поврежденный дерн. Труднодоступные места, вроде чердаков, подвалов, колодцев, трогать не надо. Лучше предупредить. Следственная группа займется ими особо.

Переждав шум, вызванный сообщением, Алексей предложил всем разойтись вдоль железнодорожной насыпи с интервалом в десять метров один от другого. Цепочка получилась внушительная, не менее полукилометра, и флангами захватывала опушки леса по обе стороны поселка. Он дал знак начать продвижение, а сам с двумя понятыми отправился вперед, к усадьбе Ходырева.

Участкового Алексей отправил руководить прочесыванием местности, а сам занялся осмотром и составлением описи предметов, изымаемых из тайника. Хозяин, как он и предполагал, про тайник ничего не знал. Ни разу, по его словам, в курятник не заглядывал, не доходили руки. На вопрос, кому мог принадлежать этот тайник, пожал плечами.

— Не знаю.

— А предположения есть?

— Он же, чего тут... Его захоронка.

— Кто он?

Андрей Ходырев усмехнулся.

— Имя, что ли? Тогда я и без вас разобрался бы. Без заявлений, — он повернулся и ушел в избу. Но в избе обстоятельно и по-хозяйски расположился эксперт-криминалист Дьяконов, производил осмотр, и Ходырев отправился на улицу.

В словах и в неприязненном отношении хозяина резон был. Алексей это понимал. Правоохранительные органы в данном случае сработали задним числом, когда человек исчез. Наверняка Ходырев знает, что исчез не безымянный человек, а сосед Суходеев, догадаться теперь нетрудно. И он знает также, что из свидетеля в случае смерти Суходеева вполне может превратиться в обвиняемого, хотя оба его заявления в свое время были оставлены без внимания.

Прошло около получаса, когда неподалеку от усадьбы раздались оживленные выкрики, и цепочка с обоих флангов собралась вокруг одного из барakov. Алексей вышел за ворота, мимоходом спросил:

— Что там у них?

— Нашли чего-то, — равнодушно отозвался Ходырев и остался сидеть на обочине у поваленного плетня.

Алексей пошел взглянуть. Протиснулся через толпу ко входу в барак. Навстречу с кривой усмешкой появился участковый. Мотнул головой.

— Нашли. Да не того.

Под одной из сгнивших половиц возле стены, едва присыпанные землей, белели голой костью человеческие останки. На лицевой части черепа даже сейчас был виден длинный, рубленый след, скорее всего от удара топором.

Вслед за Алексеем в барак хлынули любопытные, и скуластый, худой мужчина, явно коми по национальности, уже в который раз рассказывал, как он вошел, как наступил на половицу, она хряпнула у него под ногой и перевернулась, и что он потом увидел. Кто-то из пожилых вслух по памяти прикидывал, кого и за какие грехи могли здесь угробить. Набиралось человека три-четыре возможных кандидатов, но, кажется, это был еще не предел. Список дополняли другие. Участковый решительно прекратил начавшуюся дискуссию и взялся восстанавливать цепочку.

Однако дальнейшие поиски результатов не дали. Цепочка прочесала поселок до конца, разделившись надвое, возвратилась на железнодорожную насыпь.

Алексей поблагодарил людей за оказанную помощь и попросил двоих доброхотов, если такие найдутся, остаться с группой до конца поисков. Вызвался коми по фамилии Веремеев. Сказал, что он в отпуске и дома ему все равно делать нечего. Вторым к следователю подошел пенсионер из числа местных старожилов Кропачев и ткнул пальцем в барак, в котором вырос и откуда его призвали в армию.

...Эксперт-криминалист Дьяконов с недовольным видом продолжал возиться теперь уже во дворе. Результаты были малоутешительные. Найдено несколько отпечатков пальцев, которые после сравнения с образцами предположительно были идентифицированы как принадлежащие Суходееву. Его «пальцы» нашлись также на никелированных частях разобранных мотоциклов. Но это лишний раз подтверждало уже известные выводы, и только.

По расчетам Алексея усадьба Ходырева была наиболее вероятным местом совершения преступления. Эту задачу он, собственно, и поставил перед криминалистом: отыскать следы, предметы орудия с тем, чтобы доказать их отношение к преступлению.

Дорожно-транспортное происшествие после разговора с

участковым, а потом с местным старожилом Кропачевым пришлось исключить. Железнодорожная ветка была единственной дорогой сюда из города. Вдоль нее прямо по насыпи была набита мотоциклетная колея, по которой добирались в город жители лесоучастков, а когда наступал сезон — многочисленные грибники, ягодники, позднее охотники. Правда, стороною, низиной шла еще дорога, но это был зимник, а летом даже в сухую, жаркую погоду он превращался в непролазное болото и зарастал местами осокой и камышом. То есть произойди ДТП, то красного цвета «Восход» и сам потерпевший были бы обнаружены на железнодорожной ветке в течение нескольких часов.

Скорее всего, имело место преступление. Не исключено, что преступник мог свести счеты с Суходеевым не здесь, а где-то на стороне. Во временной раскладке дыр покамест достаточно. Но вся собранная информация так или иначе замыкалась на Волковке, даже по приблизительным временным прикидкам. Из остальных версий ни одна не сработала. Поэтому он считает — интересы Суходеева и интересы предполагаемого преступника сошлись здесь.

Чьи это могут быть интересы?..

Возможно, «олигофрены» не сумели миром поделить тайник, это во-первых. Во-вторых, Ходырев, хозяин усадьбы, вполне мог по своим каналам вычислить Суходеева и рассчитывать, что в общем и целом было бы даже справедливо. Если по совести, конечно, а не по закону. В-третьих, Устинов, хозяин другой усадьбы, который примерно в это же самое время перебрался с пасекой на новое место.

Но главное теперь — найти труп. На худой конец, красного цвета «Восход», без номеров. Потом можно разматывать дальше.

Участковый Суслов передал Алексею набросанную от руки схему местности, включая поселок, с результатами осмотра. Крестиками были помечены места, которые следовало проверить дополнительно: три колодца, два барака с пометкой (чердак), и еще крест — на опушке леса справа, если встать лицом к железной дороге.

— Что тут?

— Пятно масла. Возможно, протек картер.

— Понятно. Анатолий Степанович, возьми себе этих помощников и начни с чердаков. А я пока приценюсь к колодцам. Лады?

— Годится.

— Постой, — Алексей придержал его за руку, заметив в

глазах некоторый азарт. Даже схема, составленная с большим толком и дотошностью, несколько выходила за обычные служебные рамки. — Скажи, что ты об этом думаешь?

— Что думаю?.. Честно?

— Желательно.

Алексей улыбнулся, но старший лейтенант шутливого тона не принял. Он скосил глаза на сидящего с безучастным видом Ходырева и коротко, со злостью отрубил:

— Он. Его рук дело.

— Есть основания?

— Без оснований.

— Тогда каким образом?

— Двоюродный братец. Знаю как облущенного.

Алексей разочарованно присвистнул.

— Ну, братья-славяне, вы даете! А меня, стало быть, за золотоордынца держите? Так, что ли?

— Его почерк, — упрямо повторил Суслов, вновь не принимая шутку. — И поза, когда нашкодит, та самая. Мол, знать ничего не знаю. Мое дело сторона.

— А если действительно не знает? Поза, увы, не доказательство.

— Для меня доказательство, — отрубил участковый и с добровольными помощниками отправился исследовать чердаки.

История с двумя проигнорированными заявлениями Ходырева теперь сделалась яснее. Хотя подобная практика в милиции повсеместна независимо от родственных отношений.

Алексей отыскал все три колодца. Трава вокруг них была втоптана. Гнилые доски от развалившихся колодезных будок частью раскиданы по сторонам, частью сгружены. Разрушена у всех трех верхняя часть сруба, стволы завалены бревнами. Время, кажется, сделало свое дело, но, возможно, постарались неумелые помощники, проявив излишнее рвение. Наконец рвение мог проявить преступник, скрывая следы.

Алексей тщательно обследовал каждый колодец по очереди с прилегающим участком земли, но никаких видимых следов преступления не обнаружил. Пятен крови такой дождь после себя, разумеется, не оставит — трава была слишком мокрая. Следов волочения тоже. Не нашлось хотя бы клочка ткани, пуговицы или зацепившейся нитки, обломанного куста, чтобы отдать приоритет одному из колодцев, а не расчищать все три. Будучи городским жителем, он, пожалуй, плохо представлял, как это лучше сделать.

Подошел участковый с Веремеевым и Кропачевым, тоже ни с чем. Переговорив, пришли к выводу, что колодцы — последнее, что им осталось проверить на территории поселка. И желательно сделать это засветло.

Веремеев, когда составляли опись, заметил у Ходырева во дворе пару крючьев, какими орудуют грузчики на лесоповалах, и вместе с Кропачевым они вызвались изготовить багры. Участковый Суслов взялся расчищать от досок и прочего хлама площадку вокруг колодца. Алексей отправился по поселку — осмотреться самому, и, когда вернулся, багры были уже готовы — длинные, из сухих легких лесин с намертво примотанными на концах крючьями.

Орудя на пару и с большой сноровкой, Кропачев с Веремеевым цепляли в колодце обвалившееся, рыхлое звено сруба и с гаканьем, перехватываясь, вытягивали наружу. Получалось sporo и вскоре колодцы были от завалов очищены. Но трупа, сколько они ни шарили по дну, ни в одном из них не оказалось. Последняя из отработываемых версий, похоже, оборачивалась пустышкой. Другие в собранном материале попросту не просматривались.

Подошел эксперт Дьяконов. Трехчасовой осмотр в усадьбе Ходырева никаких дополнительных сведений не дал. Ни малейшей зацепки. Дьяконов хмыкнул, оглядев их работу, с наслаждением закурил.

— Что-то ты, братец, недодумал в этом деле. Не вытанцовывается.

В снисходительном тоне, в голосе с ленивой бархатной развальяцей Алексей почувствовал соответствующую оценку, пусть ненамеренную, своим профессиональным качествам. Он промолчал, но спустя время с вежливой категоричностью отправил Дьяконова с аналогичным осмотром в покинутую избу Устинова.

— Может, пливуном затянуло? — высказал предположение Веремеев, провожая эксперта глазами.

— Это как?

— Ну, как сказать-то тебе?.. Сруб, он когда дырявый, прогнил то есть, в щели глина, песок, жижа всякая лезет. Пливун называется. Мелеет тогда колодец. Ну, люди это дело чистят. Иной раз и сруб переберут наново.

— Да нет, — решительно возразил Кропачев. — Пливун, это когда вода есть. А колодцы, все три, вишь, обсохли. Ушла вода, — он зло сплюнул и подытожил какую-то давнюю свою мысль: — На дурное дело трава не растет, не то что...

Недоговорил.

— А ты, Анатолий Степанович, чего молчишь?

Участковый с хмурым видом решительно отрубил:

— Плохо искали.

— Ты думаешь?

— Знаю. Голыми руками, на шару Ходыренка не возьмешь. Что-что, а концы хоронить умеет.

Алексей, хотя был расстроен неудачей, рассмеялся. Братская неприязнь становилась забавной.

— Что значит хоронить концы? Например?

— Охотник он. Пушкин. Да и по рыбе тоже мастак, не отнимешь, — нехотя проговорил Суслов, и было понятно, что сказано не в похвалу. — Вроде леса кругом повывели, а Ходыренко даже в поскотине умудряется, по десятку лис берет за сезон капканами. Больше, чем все райохотобщество. Браконьерит, конечно. Кое-что похуже сдает для отвода глаз, а остальное — налево по черной цене. И ни разу, кстати, не попался. Ни с мясом, ни с рыбой, ни с пушниной.

— А может, слухи? Мало ли, прихвастнул раз-другой. И покатилося.

— Не слухи. Сам с ним бывал, знаю. Вон, второй «жигуль» добывает. В пожарке таких денег не платят.

Теперь Алексею была понятна причина неприязни участкового к двоюродному брату. Отнюдь не по долгу службы. Удачников и вообще талантливых людей худо терпят, сразу ставят вне закона и травят непримиримо до скончания дней. Он поднялся, постучал по циферблату.

— Через сорок минут собираемся. На этом самом месте. Желательно, каждый с вариантом.

Пенсионер Кропачев и Веремеев, оба с важностью кивнули и углубились в размышления. Алексей один отправился к устиновской избе, которая располагалась рядом с железной дорогой. Под «хазу», да еще с тайником, она, разумеется, не годилась. Слишком торное место в отличие от Ходыревской усадьбы, расположенной в полукилометре от железки, к тому же на отшибе, почти в лесу. Другое дело, что Суходеев, воруя, наверняка не ограничивался одним ходыревским имуществом. Мог заглянуть сюда тоже и нарваться... А если нарвался, то почему труп отсюда тот же Устинов или Ходырев, или кто-то из «олигофренов» потащит на себе в гору за двести метров, чтобы свалить в колодец? Гораздо проще перенести за линию. А там — дикая вырубка десятилетней давности, черт ногу сломит. Лучше места не придумашь. Через месяц зверье обгложет труп до костей, и тех не

оставит. Но пусть поработает криминалист, с выводами забегать не стоит.

В избу он заходить не стал. Поднялся по насыпи. Его внимание привлекла неглубокая выемка в десятке шагов от тропы. Насыпь была шлак с песком, но местами она успела обдерннуться, местами сохранились проплешины с редкой щеточкой травы. Пожалуй, яма выглядела здесь не вполне логично. Зеленые травинки, подрезанные, надо думать, лопатой, не успели даже подвялиться. Правда, под действием дождя контуры ямы оплыли, и она походила теперь на воронку.

Алексей постоял, соображая, потом сунул в карман пригоршню песка из ямы и повернул назад. По пути он сделал небольшой крюк мимо барака, где были обнаружены человеческие останки, подобрал возле крыльца проржавелый, но крепкий еще ковш.

Веремеев с Кропачевым сидели вдвоем, как он их оставил, в глубоком размышлении. Посасывали папироски. Алексей попросил перевязать на конец шеста вместо крюка ковш, мол, у них это неплохо получается. Когда черпак был готов, он опустил шест в колодец и повозил черпаком по дну. Потом, перехватываясь, вытащил его наружу, заполненный вонючей, липкой грязью. Оба помощника наблюдали за его действиями с озадаченным видом.

Алексей опрокинул содержимое на землю и, волоча шест за собой, двинулся к другому колодцу. Веремеев с Кропачевым молча последовали за ним.

Второй колодец оказался гораздо глубже, и пробу грунта удалось подцепить только с третьей попытки. Зато в черпаке вместо липкой, вонючей грязи оказался сырой песок с частицами шлака.

— Ну? И че будто-то бы? — подсунулся Веремеев. Даже ткнул в песок палец, потрогать.

Алексей вывернул из кармана на ладонь принесенный с собой песок. Подмигнул.

— Плывун.

— Дак это... где взял-то?

— С насыпи.

— Вот так да-а... — Веремеев поскреб в затылке, потом подхватил с земли черпак и, спотыкаясь, едва не вприпрыжку устремился к третьему колодцу. Через пять минут он показался назад.

— Ну? — грозно издали спросил Кропачев.

— Грязь, гольная.

— А я тебе че говорил? — удовлетворенно кивнул Кропачев, хотя ничего такого он не говорил. — Откапывать теперь надо.

Помощники засуетились. Шустрый Веремеев куда-то убежал, кажется, за веревками. А Кропачев принял руководство на себя.

— Ты вот чего, парень. Сходи за участковым пока. А то нам вдвоем не справиться тут. В ту сторону, кажись, пошел, — он махнул рукой.

Когда Алексей, участковый и Дьяконов подошли к колодцу, у помощников все необходимое было уже готово. Верхние венцы, которые находились вровень с землей, теперь оказались вынуты и валялись в стороне, а поперек зияющего отверстия в вырытой по краям канавке лежало тонкое бревно с переброшенной через него вниз веревкой. На конце веревки поперек они привязали короткую палку, чтобы можно было стоять, опираясь на палку двумя ногами. Сухой, легкий Веремеев держал в руках лопату с перерубленным пополам черенком, и, судя по азартной решимости на лице, лезть в колодец собирался именно он.

— Ты токо за стены не цепляй, — строго напутствовал Кропачев. — А то завалит, не дай бог.

— Ну дак...

— Кричи, если чего.

Веремеев сел на бревно поперек и пристроил ноги на палку. Начали спускать втроем. Дьяконов тем временем возился с фотоаппаратом. Наконец веревка ослабла. Кропачев сложил ладони рупором.

— Вода есть?

— По колен... — глухо прозвучало из колодца.

— Песок?

— Песок...

Через минут десять Веремеев велел опустить к нему багор. Потом дернул за веревку, чтобы поднимали. Вскоре голова Веремеева с жидкими, спутанными волосами показалась из ямы. Его подхватили с разных сторон и выдернули на поверхность.

— Ну?

— Как будто зацепил. То ли дерюга какая, то ли за одежду...

Он выкатил бревно из канавки, чтобы не мешало, и теперь все начали подымать багор с грузом.

Одного взгляда на вытащенный мешок было достаточно, чтобы определить — в нем труп. Эксперт Дьяконов защел-

кал затвором фотоаппарата, фиксируя на пленку различные ракурсы. Потом с осторожностью, словно с тяжелобольного, стащили один мешок, затем другой. Шустрый Веремеев заглянул в лицо, позеленел и тут же засеменил в сторону травить. Больше к трупу близко не подходил. Зато пенсионер Кропачев глядел вокруг победителем. Он и заметил первым приближающегося к ним Ходырева. Усмехнулся.

— Еще помощник топает.

Перед Ходыревым молча все расступились, и каждому было понятно, почему они так сделали. Ходыреву, должно быть, тоже. Он постоял, не без любопытства озирая труп с подогнутыми к подбородку коленями. Обошел его. Заглянул в лицо и, не сказав ни слова, ни на кого не взглянув, отправился назад.

— Знакомый? Или как? — не утерпев, бросил ему в спину участковый.

Ходырев не ответил, даже не повернул головы. Такая реакция ни на один вопрос однозначного ответа не давала.

С осмотром трупа и протоколом провозились до темноты и, когда уходили, набросили сверху дырявый брезент, придавили по краям кирпичами. Эксперт-криминалист Дьяконов от каких-либо категорических заключений отказался, сославшись, что трупы — это не по его части. Но в качестве предположения... если судить по распространению трупных пятен и гнилостных изменений, смерть наступила с неделю назад, может, чуть больше. Очень похоже на большую потерю крови, поскольку ни один из жизненно важных органов не поврежден. Почему нога оказалась отдельно, он, Дьяконов, хоть убей, ничего не понимает. Чем могло оторвать, когда, при каких обстоятельствах? Нужна медэкспертиза. Могла ли смерть произойти от утопления? Скажем, оглушили, потом столкнули в колодец? Да, могла. Но необходимо вскрытие на наличие воды в легких. О сроках пребывания в воде тоже он судить не берется, там масса взаимодополняющих признаков. Но опять же, если в качестве предположения, тогда дня два, три, четыре... где-то в этих пределах он бы дал. Но и то ориентируясь больше на состояние одежды, нежели трупа.

Они уже подходили к усадьбе Ходырева, когда поднялся ветер, и стал накрапывать мелкий дождь. Враз потемнело.

Дьяконов прошел в избу, а Алексей задержался у ворот возле железной бочки под водостоком. Вначале он намеревался ополоснуть в ней руки после осмотра, но вспомнил, что это именно та бочка, в которой Золотарев, намотав на руку

волосы, утопил Иру Калетину. Вероятно, на глазах у Суходеева и Чераневой.

Он обошел бочку кругом дважды, вдруг представляя в подробностях разыгравшуюся здесь сцену убийства, как если бы сам был свидетелем. Ему это показалось неприятным и даже подозрительным, словно наваждение. Поверхность воды в бочке шла мелкой, ровной рябью. Так бывает, когда рядом проходит железнодорожный состав. Но состав не проходил, тем более рядом, и ветер сюда тоже не задувал, поэтому рябь выглядела несколько странно.

Алексей сунул руку к воде, желая зачерпнуть. Но в воздухе раздался легкий треск, похожий на щелчок, и кончики пальцев словно наткнулись на иголки. «Электрический разряд? — он удивился. — Но грозы, кажется, нет. Дождь сеет». Он повторил попытку — и снова раздался треск электрического разряда. Он резко отдернул руку, потряс, чувствуя, что рука в локте занемела.

— Не бочка, а конденсатор, черт бы ее... — пробормотал он, заглядывая внутрь. Из воды, ему показалось, бледным, плоским пятном глянуло на него неживое лицо.

Он отшатнулся. Но взял себя в руки, решив, что лицо в бочке — его собственное. Отражение. Хотя тут же усомнился: какое может быть отражение при такой ряби?..

Чувство неуверенности, даже подавленности навалилось на него, и, казалось, оно исходит от этой проклятой бочки, чем дольше он тут торчит, тем все сильнее. Алексей отступил пару шагов, затем еще, и злобная, гнетущая раздражительность в нем как бы истаяла. Дышать стало легче.

Он провел дрожащей ладонью по мокрому от пота лицу и отправился в избу.

Ходырев сидел на кровати, свесив между колен широкие кисти рук. Курил. Эксперт Дьяконов разложил на столе содержимое своего вместительного кофра, тасовал катушки с пленкой, что-то помечал. При появлении следователя обернулся.

— Ты чего такой кислый? Смотреть противно.

— Не смотри, — вяло огрызнулся тот.

— И в самом деле...

Напевая себе под нос, Дьяконов упаковал кофр и отправился в угол к рукомойнику. Через минуту из угла донесся его удивленный возглас.

— О, черт... Не понимаю!

Алексей в раздумье опустился на лавку и поначалу не обращал на него внимания. Но вскоре Дьяконов сам обернулся к ним, совершенно растерянный.

— Что за ерунда? Взгляни.

В руке он держал крышку от рукомойника на отлете, словно лягушку, и с любопытством ее разглядывал.

— Ну? Взглянул, — грубо отозвался Алексей, удивляясь собственной раздражительности.

— Не льется, — Дьяконов постукал снизу по соску, поддерживал. — Вода не льется, видишь?

— Значит, надо налить.

— Полный! В том и дело.

Алексей подошел. В избе было темно, и он осветил угол фонарем. Рукомойник, действительно, был полон, с краями. По его поверхности бежала мелкая рябь. Дьяконов нахлобучил сверху крышку, и она задребезжала, позвякивая. Он поднес руку, чтобы поднять сосок, и крышка запрыгала, как на кипящей кастрюле.

— Откуда вода? — Алексей обернулся к Ходыреву.

— Из бочки.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Скрипнула кровать. Ходырев поднялся и молча прошел к рукомойнику. Алексей видел, как он что-то снял с шеи. Вероятно, нательный крест и сунул под крышку. Дребезжание в ту же минуту прекратилось. Алексей попробовал воду — она бежала. Он сполоснул руки и остановился перед тлеющим огоньком сигареты над кроватью. Повторил вопрос:

— Что это?

Ходырев пожал плечами.

— Говорят, дурное место. Волковка, — в его голосе прозвучала усмешка.

— Типичный полтергейст, — подал из угла бодрую реплику Дьяконов. — Я, правда, раньше с подобными делами не сталкивался, но признаки те самые, уверяю.

— Что такое полтергейст?

— Ну... аномальное явление, так сказать.

— Ненормальное, что ли?

— Ну, да. А в чем, собственно, дело?

— Дело, собственно в том, что если ни черта не понял, надо так и сказать. А не квакать на ученом волапуке! — взорвался Алексей, чувствуя необъяснимое раздражение против Дьяконова и в то же время сознавая его правоту, поскольку словом «полтергейст» эксперт обозначил ряд однородных явлений, и только.

— Да что с тобой? — вскричал с обидой Дьяконов.

— Извини, Вадим Абрамыч... накатило, — Алексей тряхнул головой и ушел в другой угол.

Некоторое время держалась напряженная тишина. Неожиданно первым подал голос Ходырев.

- Уезжать надо.
- Почему?
- Перегрыземся здесь... до утра.
- Он прав, — буркнул Дьяконов.

Внутренне Алексей с ними согласился. В скором времени подойдет участковый Суслов, который отправился проводить понятых на попутный состав, тогда образуется еще зона конфликта. Но почти за полдня поисков они так и не установили место преступления, не нашли орудие убийства. Понятно, что потерпевший скончался не возле колодца, труп был перемещен. Откуда?.. Если смерть наступила от потери крови, значит, где-то должно быть пролито море крови. На открытой местности? И ее заполоскало дождем? А если в помещении? В этом случае следы кто-то должен уничтожить. Тщательно и умно уничтожить. Едва ли на такую кропотливую и тщательную работу способны «олигофрены», да еще после совершенного убийства. Хотя убийства, строго говоря, не произошло. Суходеев скорее всего был оставлен в беспомощном состоянии в безлюдной местности. Возможно, труп был обнаружен позднее кем-то, кто не хотел связываться с милицией (с участковым Сусловым?), опасаясь подозрений в свой адрес. Поэтому труп этот кто-то спрятал, а следы уничтожил?

Алексей еще продолжал прокручивать в голове различные варианты, но при всех вариантах все явственней проступала фигура Ходырева, хотя против него прямых улик пока не было. На многие вопросы даст ответ медэкспертиза, и, пожалуй, парню придется не просто. Все из-за мерзавца, который в течение года терроризировал его, как хотел. Теперь он, Алексей, занял место мерзавца и тоже пытается загнать его в угол, оставить семью без мужа и отца. Чем он лучше того, кто настораживал вилы и набивал порохом печь? Ничем. Война закона против собственного народа продолжается...

— Хорошо. Мы уедем, — согласился он. — Но Ходыреву я должен задать несколько предварительных вопросов. Для ясности.

— Мне уйти? — все еще обиженным тоном осведомился Дьяконов, и Алексей вновь почувствовал к нему необъяснимое раздражение.

— Вам задание, Вадим Абрамыч. Пока окончательно не стемнело, обследуйте бочку под водостоком.

— С какой целью?

— В этой бочке утопили человека. Калетину. Мне кажется, тут есть определенная связь.

Дьяконов вышел. Алексей пересел ближе к Ходыреву, возле окна. Из любопытства спросил:

— Что у вас за отношения с участковым?

— У меня никаких.

— А у него?

— Это пусть он скажет.

— И все же?

— Двоюродный брат по матери, — в голосе послышалась усмешка.

— Почему он не отреагировал на два заявления в милицию, тем более от брата?

— Некогда, говорит, пустяками заниматься.

«Что ж, для начала неплохо, — подумал Алексей. — Вину признавать не станет. И, кажется, не болван. Ладно, продолжим. Топить не буду, но не вздумай срезаться на пустяках. Помочь тогда не смогу». Он про себя пожелал Ходыреву удачи.

— Когда последний раз вы были в Волковке?

— Вчера.

— Была причина?

— Хозяйство тут. Какая еще причина?

— А до вчерашнего дня... когда последний раз были?

— Перед праздниками. Седьмого, то ли восьмого. После дежурства.

— Две недели прошло. Что же вы раньше не наведывались в хозяйство?

— Жена уговорила. Картошку садить приспичило, вот она и... Битый час препирались.

— Значит, она может подтвердить?

Ходырев промолчал, как бы не придавая такому пустяку значения.

— Вчера в какое время вы приехали в Волковку?

— Около десяти. Вроде.

— На чем?

— Обычно. Попутным.

— А назад?

— Тоже.

— В каком часу?

— Ну... перед дождем. В три или в четыре.

— Машинист локомотива знакомый?

Это была ловушка. Если запрятанный труп и все остальное — дело рук Ходырева, значит, мотоцикл, масляный след от которого остался в лесочке, тоже исчез не без его помощи. Возможно, Ходырев на нем и уехал. Сейчас парень начнет крутиться и запутает себя сам.

Наступила пауза.

Алексей сочувственно выжидал. Именно эти паузы в «скользких» местах, когда допрашиваемый чувствует опасность и начинает обдумывать ответ на простой в общем-то вопрос, нередко выдают его с головой. Однако голос хозяина прозвучал спокойно, с некоторым даже сомнением.

— Это какой машинист? Вперед или назад?

— В город. Из Волковки в город. Вы его знаете?

— Этого знаю. Емельянов Сашка. А туда — нет. Вспомнит, наверно. Я ему полпачки «Астры» оставил.

Алексей облегченно вздохнул.

— Где он вас посадил? Емельянов.

— Здесь, в Волковке. С горы заметил, что бегу, остановился.

«Отличная подробность. Если по-настоящему, то надо взять тебя сейчас под стражу и все эти подробности уточнить. Я, разумеется, делать этого не буду. Если закон не защищает человека, то пусть не мешает человеку защищаться».

Хотя мотоцикл не обязательно дело рук Ходырева. В кустах без хозяина он простоял с десятого мая. При нынешних криминальных нравах его мог увести всякий, кто случайно там оказался, и кто мало-мальски владеет техникой.

— Вы находились здесь с десяти утра и до трех-четырех часов вечера. Что вы делали все это время?

— Уборкой занимался. После погрома.

— Целых пять часов? Чем именно?

Пока Ходырев перечислял, Алексей наблюдал в окно за Дьяконовым, который кружил вокруг бочки с такой же идиотской физиономией, какая была недавно у него самого.

— Довольно, Андрей Дмитриевич, — перебил он Ходырева. — Вот, прочитайте внимательно и подпишите.

«Первая проба, кажется, прошла удачно. Теперь моли бога, парень, чтобы график твоих дежурств и заключение мед-экспертизы о сроках смерти совпали. Чтобы оперативники не нашли «Восход» с твоими лапами и ту штуковину, которой ты, если это ты, оторвал мерзавцу ногу. Кое о чем я тебя предупредил, так что... крутись».

Он сунул протокол в папку. Поднялся.

— Когда состав?

— Пора бы. Давно не проходил.

— Без расписания, что ли? — и, не ожидая ответа, шагнул за порог.

Странная мысль пришла на ум в это самое мгновение. Калетина была утоплена здесь, в этой бочке. Убийца Золо-

тарев, который утопил девушку, вскоре утонул сам. У трупа потерпевшей железнодорожным составом отрезало ногу, когда от рывка он сполз с платформы. Труп Суходеева, извлеченный из воды, тоже оказался без ноги. Также без левой и ниже колена. Наконец, Черанева, сообщница — близка к помешательству. Как и мать потерпевшей Калетиной, которая от горя повредила в уме...

Можно допустить, разумеется, что все это совпадение, прихотливая игра случая. Но убийства младенцев, расследованием которых занимался Махнев, продолжали эту цепь совпадений, свидетельствующих скорее о железной закономерности.

Он вспомнил вживе висящий на колу труп пятидесятилетнего убийцы с подогнутыми ногами, с вывалившимся, толстым языком и его манеру подвешивать плачущего младенца на гвоздь за дверь. Похоже, жертвы хватали своих палачей за ноги.

Участкового поблизости не было. На насыпи тоже. После некоторых поисков его нашли на другом конце поселка. Он кружил вокруг бараков со злобным и одновременно встревоженным выражением лица. Подкравшись, он вдруг выскакивал из-за угла и озирался по сторонам, словно надеясь кого-то увидеть. На оклики не реагировал.

Все трое переглянулись, подошли вплотную.

— В чем дело, лейтенант? — Дьяконов крепко и с непонятным озлоблением схватил его за рукав.

— Почему они прячутся?

— Кто они?.. Кто?!

Лейтенант наморщил лоб.

— Кропачев с этим... понятые.

— Разве ты их не посадил в вагон?

— Уехали оба, мать твою...

— Тогда в чем дело?

— Не знаю. Я шел назад и слышу — разговор. Говорят между собой Кропачев с этим... понятые. За углом. Я повернул к ним, а их уже нет. Спрятались. Вот! Слышишь? Опять...

Он рванул было за угол, но его удержали.

— Уходить надо, — с тоской, озираясь, пробормотал Ходырев.

Все вчетвером добежали до оставленного трупа, перевалили его на брезент и, ухватив брезент за углы, бегом бросились к насыпи.

Из-за леса явственно доносился звук приближающегося состава.

Открывая ключом дверь своей служебной квартиры, Алексей услышал в прихожей резкие телефонные звонки. Вошел, снял трубку.

— Да? Я слушаю.

В трубке молчали.

— Говорите, слушаю вас.

На том конце трубки звякнул зуммер, и раздались короткие гудки. Трубку положили. Алексей пожал плечами и отправился в ванную. Включил душ. Второй звонок он услышал сквозь шум воды, уже стоя под душем. Нехотя выбрался из ванной и прошлепал в прихожую.

— Да?

Трубка молчала, как и в первый раз. Потом ее положили. Алексей постоял, прикидывая, насколько случайны оба звонка, а если не случайны, то чем они могли быть вызваны? Кому-то понадобилось знать, дома он или нет? Тогда почему два звонка, а не один? Допустим, кто-то установил, что он сейчас дома. Что дальше?.. Собираются нанести визит? Зачем? И кто? Кому он мог понадобиться в столь поздний час? Хотя, собственно, телефон чужой, квартира тоже, да и город... он здесь два дня с небольшим. Скорее всего оба раза звонили не ему и, не признав голос, промолчали. Хлыбов, помнится, упоминал о какой-то женщине, которая пригрела соседа из агропрома. Не она ли?

Он вновь забрался под душ. Некоторое время спустя, уже заканчивая процедуру, он услышал невнятный звук, похожий на щелчок дверного фиксатора, и мгновенно насторожился. Затем разом перекрыл оба крана. В наступившей внезапно тишине почудилось короткое, тотчас оборвавшееся движение. Из прихожей...

Он снова пустил воду. Даже что-то пропел себе под нос, будто ничего не услышал. Однако его мозг уже стремительно отматывал назад события минувших дней и череду лиц, кто мог быть заинтересован в подобном визите почти в полночь. То, что визитер (или визитеры?) пожаловали именно к нему, он уже не сомневался. Но кто? Каким образом?.. Открыли дверь ключом или попросту отжали язычок замка? В любом случае ничего доброго ждать от ночного визита не приходилось, хотя явных врагов как будто нажать он еще не успел. Кроме грузчика Карташова, пожалуй. Но этот мститель оправится от удара не раньше, чем через месяц.

Алексей толкнул дверь и бросил взгляд в прихожую... Никого. Однако среди казенных, устоявшихся запахов по

квартире сильно тянуло сигаретным дымом. Кажется, курили в его комнате, в темноте. Ему даже почудился всхлип.

Он нацупал возле косяка выключатель.

— Анна?! Вы...

Она обернула заплаканное лицо и уставилась на него недоумевающим, изумленным взглядом. Алексею сделалось почти неловко, как будто он пробрался ночью в чужую квартиру, а не наоборот. Он молча выжидал. Анна виновато опустила голову.

— Простите. Вы не заперли дверь, забыли, и я... вошла.

Это походило на правду. Телефонные звонки в прихожей он услышал, еще стоя на лестничной площадке. Открыл дверь и сразу взялся за телефон. Должно быть, дверь сама собой прикрылась, и он потом о ней забыл.

Алексей зажег настольную лампу и выключил верхний свет, чувствуя, что Анну это раздражает.

— Вы звонили?

— Да. Но я не знала, как объяснить и... у меня не повернулся язык. Оба раза.

Она говорила тихим, прерывающимся голосом, и Алексей, чтобы дать ей успокоиться, предложил:

— Я приготовлю по чашке чаю. Посидите минуту.

— Нет... не нужно! Спасибо, — она почти вскрикнула, словно ей причинили боль. Алексей остановился.

— Что-то случилось? С Хлыбовым?.. В прокуратуре мне сказали, у него отгул.

Анна брезгливо дернула плечом и сама пошатнулась от своего движения.

— У Хлыбова запой. Он не-вы-но-сим!

Алексей только сейчас понял, что она пьяна. Даже слишком. Он подвинул к ней кресло, подождал, пока сядет.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Не знаю, — она остановила на нем темный малоподвижный взгляд, но, кажется, едва ли его видела. — Не думаю.

«Хлыбов невыносим, у него запой, — подумал Алексей. — Но это не причина, чтобы посреди ночи, без приглашения оказаться в квартире у малознакомого мужчины. К тому же Анна не похожа на взбалмошную девицу, чтобы так безрассудно рисковать своей репутацией и репутацией мужа. Или я чего-то не понимаю?»

Алексей молча взял ее за руку. Она вдруг всхлипнула и отвернула лицо.

— Ужасно... тяжело. Я не знала, куда себя деть.

— Разве у вас никого здесь нет?

Анна качнула головой.

- Я приехала с мужем. С первым мужем. Он умер.
- Давно?
- Два года уже.
- Он что, болел?
- Разбился на дороге.
- А Хлыбов?

Анна невесело рассмеялась.

— Я, кажется, из тех вдов, которые за гробом мужа и пары башмаков не износили.

— Извините. Мне, наверное, не следовало бы совать нос. Она дернула плечом.

— Все равно расскажут... другие. Я представляю, сколько гадостей вы обо мне услышите.

— Да уж... представляю.

— Это почему? — Она вдруг повернула к нему лицо очень близко, глаза в глаза. — Или вы тоже станете говорить обо мне гадости?

— О женщинах гадостей я никогда не рассказываю.

— О-о!

Она рассмеялась низким, грудным смехом и вдруг порывисто прильнула влажным ртом к его губам. Он ответил, но Анна так же внезапно отстранилась. С усмешкой произнесла:

— Кажется, Алексей Иванович, вы собирались распорядиться насчет чаю?

— Ну... если хотите?

— Хочу.

Когда Алексей вернулся из кухни с двумя чашками дымящегося чаю, Анны Хлыбовой в квартире не было. Входная дверь оказалась слегка прикрытой. Запах табачного дыма и тонкий аромат дорогих духов остро подчеркивали внезапно образовавшуюся пустоту.

Он недоуменно пожал плечами. Цель столь позднего визита осталась неясна, хотя он допускал, что «некуда себя деть» и «ужасно тяжело» — достаточно серьезная причина для такого характера, как Анна.

На следующий день с утра следователь Валяев произвел опознание найденного трупа родственниками потерпевшего. Затем отправился в центральную сберкасса, изъял фальшивые ордера, по которым были выданы деньги со сберкнижки Суходеева-старшего, копии лицевых счетов, выписки из служебных документов, отобрал объяснения у бухгалтера-ревизора сберкассы, подтверждающие подделку подписи и изъятие денег, допросил работников сберкассы. В оставшееся до обеда время он подготовил несколько письменных предписаний для прокурора — по мясокомбинату, училищу и сбер-

кассе, пусть Хлыбов решает сам дать им ход или нет, отправил отдельные поручения в ГАИ и райотдел милиции по розыску мотоцикла «Восход» красного цвета без номеров. Наконец, покончив с бумагами, зашел в приемную.

— Людмила Васильевна, сколько в городе кладбищ?

— Было два до последнего времени. Но на старом долгое время захоронений не производили. Сейчас, я слышала, там отрыли котлован и бьют сваи. Кажется, под будущую школу.

— А новое?

— Туда ходит автобус. По четвертому маршруту. Алексей Иванович, вы завтракали сегодня?

— Как обычно. Кофе с трюфелями.

— На обед у вас тоже — кофе с трюфелями?

— Вообще-то я стараюсь меню разнообразить, — он улыбнулся и вышел из приемной.

...Новое городское кладбище имело вид неухоженный, с чахлыми, редкими березками и топольками, которые чуть возвышались над бесконечным лесом крестов и звездочек. Из-за отсутствия забора среди могил кое-где греблись куры и даже бродили козы, обгладывая кору на молодых деревцах, объедали поросшие майской зеленью ископанные холмики. Оградки вокруг некоторых могил были в основном сварные, из того же прокатного профиля, что заборы СПТУ и лечебного профилактория. Нередко догадливые родственники усопших оформляли дорогие сердцу могилы, выкладывая их по периметру стеклоблоками. В последнее время это, по-видимому, стало модой, и самая новая, «свежая» часть кладбища синела и блестела на солнце обильной стеклянной кладкой. Но попадались могилы, выложенные паркетной досочкой, силикатным кирпичом, чугунными чушками и даже пластинами из нержавеющей стали — кто как расстарается.

Кладбищенского смотрителя по фамилии Тутынин, инвалида войны без руки, Алексей отыскал в одном из примыкающих к кладбищу деревянных, перекошенных домишек. Здесь он жил, здесь же и была городская похоронная контора.

Алексей представился, предъявил документ, который был тщательным образом изучен. И постановление.

— Эсхумация, стало быть? Опять? — пробормотал смотритель, возвращая бумаги.

— Почему опять?

Но смотритель, погрузившись в изучение книги регистрации умерших, вопроса не услышал. Толстым, корявым пальцем, предварительно послунив его, он листал страницу за страницей, долго водил по графам.

— Как говоришь, фамилие? Повтори?

— Калетина И... Гэ...

Инвалид воткнул палец.

— Нумер девяносто восемь. Ее нумер, гляди.

— Ее, — согласился Алексей.

— Сейчас узнаем, кто тут у нас занаряжен?

Инвалид порывлся в столе и вытащил на свет «журнал выдачи нарядов». Минут через пять он нашел нужную строчку. Вслух по слогам прочитал:

— Ко-ма-ров!

— Это кто Комаров?

— Если не напился, то там... копать должен.

Алексей понял, что Комаров — это землекоп, который по выписанному наряду обслужил в прошлом году заказчика, то есть кого-то из родственников Калетиной. Вслед за смотрителем Тутыниным он отправился на кладбище. Ветер дул им в лицо и наносил оцутимо запах тления и нечистот. Тутынин, кажется, не замечал, но Алексей вскоре не выдержал.

— Вы покойников закапываете? Или так, присыпаете только?

— Это ты насчет запаху, что ли? Свалка у нас тут по соседству. Рядом, считай. Могилок пять вовсе засыпали паразиты. Только расчистим, через неделю, глянь — того больше. — Тутынин помолчал. — Я вот, погоди, узнаю, кто за умник свалку сюды распорядился устроить, завтра весь мусор с дрянью к нему на могилы велю перетащить. Пусть помянет идет родителей, недоносок.

Они пересекли новую часть кладбища, расцвеченную стеклоблоками, и остановились у крайних могил.

— Здесь она, девяносто восемь.

Неприметный холмик земли, без памятника, с деревянной табличкой из куска крашеной фанеры, на которой написаны фамилия умершей с датами рождения и смерти. И регистрационный номер — девяносто восемь.

— Был у ней памятник, — словно извиняясь за могилу, пробормотал Тутынин. — Спалили кто-то. Родною проведали, видать, а когда напились, на костре спалили у ней памятник. За дрова.

— Николай Николаевич, вы, кажется, упомянули вначале о повторной эксгумации? Я что-то не понял вас?

Тутынин нахмурился.

— Это вроде как шутка у меня получилась. А тут реветь впору, в голос.

— Что так?

— А вот бабу помоложе схоронят когда, или девку какую, на другой день, считай, обязательно вытащат из могилы.

— Кто?

— А кто знает? Опаску дел народишко вконец. Эту вот... как ее? Девяносто восемь, Калетину... два раза вытаскивали. Прихожу как-то, могила разрыта. И гроб торчмя из ямы. А самой нет. Искали, искали... нашли. На пустыре, в кустах голая лежала. В другой раз на свалке, под бумагой отыскивали. Уж на что девка безногая, а и той покою не дают паразиты. Местные, должно, пошаливают. Шпана. Ты вот чего, прокурор... побудь тут пока, а я за Комаровым сбегаяю. Чтоб начинал.

— Второй раз вы в одежде ее похоронили?

— Откуда у ней? Так... тряпицу набросили сверху. И в яму. Не до жиру было.

Тутынин ушел и в скором времени появился назад с Комаровым, высоким, костлявым мужчиной в спецовке, который молча сразу взялся за дело. Копать, впрочем, долго не пришлось. Гроб в полузасыпанной могиле оказался на глубине не более полуметра.

— Наверх подавать? Или как?

Солнце падало отвесно в могилу, и гроб был весь на виду, как на ладони. Алексей опустил на корточки на край. Пробормотал:

— Оставь.

— Крышку... крышку сымай, — засуетился Тутынин.

Землекоп рукавицей смахнул остатки земли и подкрючил крышку какой-то плоской железкой, похожей на отмычку. Крышка легко подалась, даже как бы подпрыгнула и съехала набок. Алексей почувствовал, что все внутри него напряглось в ожидании.

— Дерюжку убери, что ли. Не стой пеньком-то.

Комаров медленно потянул с покойной дерюгу, подобранную, должно быть, попутно на свалке и разом всю сдернул. Алексей невольно качнулся назад. Лицо покойной было обезображено тлением, и он, пожалуй не узнал бы ее. Но на юбке светло-кремового цвета темнело пятно. Он сразу вспомнил, что во время истерики Чераневой в ресторане она вскочила и опрокинула чашку с остатками кофе на себя.

Ему казалось, будто он сходит с ума. Одна нелепица громогласилась на другую с такой железной доказательностью и очевидностью, что волосы на голове подымались дыбом. Тутынин с Комаровым тоже выглядели обескураженными.

— Гляди ты, приделась когда-то, — пробормотал инвалид.

— Приодели, — угрюмо поправил землекоп.

Наступила гнетущая пауза. Алексей с трудом разжал зубы.

— Закрывай, — и отошел в сторону.

«Вы не можете быть для меня старше», — вспомнил он тихий, равнодушный голос. Тогда, под фонарем, эти слова прозвучали странно, даже в смысле грамматики. Алексей зябко передернул плечами.

Оставшуюся часть дня он пребывал в трансе, плохо представляя свои дальнейшие действия в подобных обстоятельствах. Это раздражало, но поделать с собой он ничего не мог.

Воротясь с кладбища, он переговорил с судмедэкспертом Голдобиной. Местные следственные работники между собой называли ее Дина Потрошительница. У этой средних лет женщины были зеленоватые, светлые глаза и большие красные руки. Говорила она хриплым голосом отрывисто и много курила. Несколько раздражительным тоном Голдобина сообщила, что труп Суходеева обследован, произведено вскрытие, но подробное письменное заключение с обоснованием будет готово позже. По существу поставленных вопросов вкратце она может сказать следующее: предположительно, смерть наступила около двух недель назад, одиннадцатого-двенадцатого мая из-за значительной потери крови и, как следствие, общего переохлаждения организма. Причина — открытый перелом голени, вероятно, в результате сильного удара или ущемления с последующей ампутацией. Для ампутации было использовано острое орудие с короткой, режущей кромкой. На отдельных частях мышечной ткани имеются следы зубцов правильной треугольной формы. В воду труп потерпевшего попал значительно позднее и пробыл там не более двух дней.

Алексей не перебивал, хотя все сказанное в общих чертах он себе представлял. Слушая вполуха раздраженный, хриплый голос, он вспомнил чью-то реплику, брошенную мимоходом: «медэксперт Голдобина полноценно ощущает жизнь только в морге, когда вспарывает трупам полости. В другом качестве люди ее не интересуют». Пожалуй, в этой шутке что-то есть.

— Дина Александровна, вам не приходилось сталкиваться затем с вашими покойниками, как если бы они были... ну, скажем, живыми людьми?

— Сколько угодно! — Она не то хрипло рассмеялась, не то каркнула вороной. — Мужчины мрут как мухи. Сейчас вы сидите передо мной, задаете вопросы, но я не дам гарантии, что через день-два вы не окажетесь у меня на столе в

прозекторской, и я не буду делать вам трепанацию черепной коробки.

Алексей внимательно посмотрел ей в глаза. Кажется, для нее он и в самом деле представлял потенциальный труп.

— Вы не вполне меня поняли.

— У вас есть еще вопросы? По существу разумеется? — Эксперт встала из-за стола, давая понять, что разговор закончен.

— Если мой вопрос представляется вам не по существу, в таком случае прошу извинить.

— До свидания.

Алексей вышел. Разговор был закончен слишком круто. Похоже, он застал Голдобину врасплох. Может быть, она не восприняла вопрос всерьез? Посчитала за неудачную шутку? Но нет, реакция была почти болезненной. По какой-то причине Голдобина не захотела на эту тему распространяться, и это действительно так.

Алексей еще более утвердился в мысли, что вопрос необходимо с кем-то срочно обговорить. Чтобы не свихнуться окончательно. Пожалуй, для подобного разговора лучше всего подошел бы Хлыбов. В общении с ним он почти физически ощущал удельный вес каждой его фразы, способность к независимым и конструктивным выводам.

Алексей набрал домашний телефон Хлыбова, но трубку никто не взял. Заявиться просто так, без предварительной договоренности не решился. Он вдруг почувствовал, что кроме Хлыбова в этом чужом городе у него ни одной родственной души. Уж не из-за Анны ли, если быть честным, он нашел в Хлыбове родственную душу? Пожалуй, это довольно опасное родство... Любопытно, откуда в ней эта непонятная, шаловливая доступность? Тут определенно кроется какая-то тайна.

Проблема с нужным собеседником решилась сама собой. В девятом часу вечера ему позвонил Игорь Бортников, направленный сюда из облпрокуратуры в составе следственной группы. Алексей в душе ругнул себя, что не догадался позвонить приятелю раньше, потому что сегодня в ночь Бортников уезжал из города. Заканчивалась его командировка.

Слушая резкий, возбужденный голос приятеля, Алексей заподозрил неладное.

— Ты один?

— Да. Приходи. Правда, я жду еще гостя. Но... не уверен.

— Кто такой?

— Покойник, по сути, — в трубке раздался короткий смех. Затем последовали короткие гудки.

Спустя полчаса Алексей постучал в дверь гостиничного номера.

— Открыто. Входи, — услышал он за спиной голос Игоря Бортникова. Приятель поднимался следом по скрипучей, деревянной лестнице. — Рассчитался за постой, — пояснил он. — Знаешь, сколько я здесь торчу, в этом гадюшнике? С небольшими перерывами уже два месяца. Приехал в марте еще по снегу. Можно сказать, по сугробам. Потом запахло весной, солнышко стало припекать, птички чирикают...

— Если чирикают, это воробьи.

— А что, воробей — не птичка?

— Я просто уточнил.

— Так вот. Из-под снега по всему городу, в окрестностях начали вытаивать трупы. Утопленники и удушенники. С колотыми, резаными ранами, изнасилованные. Просто замерзшие по пьянке. Застреленные. Расчлененные. Мужчины и женщины, дети, старики. Милиция работала как похоронная команда во время чумы, день и ночь. И тогда, Леша, я понял: здесь идет необъявленная война всех против всех. Правда, неизвестно во имя чего.

— Наверное, как всегда во имя чего-то благородного.

Бортников коротко хохотнул.

— Ты унылый ортодокс, Леша. Настоящая жизнь поэтому проходит мимо тебя.

— Очень унылый?

— Однова живем! Ты оглянись вокруг со вниманием — народ развлекается. До упора. Ты пробовал когда-нибудь у себя на кухне или в ванной ночью расчленив труп любимой женщины? Обливаясь при этом горькими слезами? Это тебе, брат, не партия в шахматы. Это потрясает! Ты остро переживаешь могучий всплеск разнообразнейших ощущений — ужас, запах крови, животную радость палача, сладострастие, боль по поводу тяжелой утраты, чувство опасности, сознание собственной исключительности и вседозволенности, — все вместе, все разом! Короче, это и есть жизнь. Все остальное лишь слабая ее тень.

Алексей усмехнулся.

— Ну и, сколько любимых женщин ты расчленил за эти два месяца?

— Увы! Я только завидую, глядя со стороны.

Бортников прошел к столу, на котором возвышалась гора свертков и начатая бутылка армянского коньяку. Налил в стаканы.

- Леша, давай выпьем с тобой. Знаешь, за что?
- За самоуничтожение, — подсказал Алексей.
- Вот! Ты отлично меня понял.

Он ударил стаканом о стакан и залпом опрокинул коньяк в рот. Потом подвинул всю гору свертков на столе гостю.

— Не обращай внимания, ешь. Это все местные мерзавцы наташили в номер, пока меня не было. Подорожники. Ты даже названий таких не знаешь. Взятка, разумеется. Оставляю тете Маше, здешней горничной. Такая чудесная тетечка! Зато сын у тетечки дважды убийца, даже оторопь берет. Теперь яблочко от яблони далеко катится.

Он снова налил в стаканы.

— Когда я приехал сюда впервые и осмотрелся, мне показалось, что единственный выход из ситуации — оцепить гадюшник по периметру колючей проволокой, поставить на вышках пулеметы и... та-та-та-та! На поражение. Праведника в этом городе нет ни одного, патронов поэтому не жалеть... Но ведь было! Было! Все было, черт побери!

Он замолчал и вдруг с усмешкой воззрился на гостя.

— А ты оказался пророком, Леша.

— В чем?

— Относительно меня. Помнишь каламбур? «Быть Бортникову за бортом».

— Мой, ты уверен?

Бортников не ответил. Они были одногодки. Но когда после армии Алексей стал студентом юрфака, Бортников учился на третьем курсе и слыл в университете звездой первой величины. Всегда элегантный, даже несколько англазированный, с превосходной памятью Бортников уже тогда прилично владел тремя языками. Одновременно учился в финансово-экономическом и год спустя получил второй диплом о высшем образовании. Лекции он всегда записывал с помощью стенографии. Превосходно боксировал, как настоящий лорд; был исключительно точен, исполнителен и в то же время обладал мертвой организаторской хваткой. Он выстроил себя сам и как специалист суперкласса был безупречен. Но не безупречна и во многом порочна оказалась сама система правоохранения, в которой ему предстояло работать. Она вся, словно метастазами, была повязана родственными связями и пронизана коррупцией, лжива, необязательна и унизительно зависела от реальной власти. Ошибка Игоря Бортникова состояла в том, что до сих пор он не принял правил, по которым система функционировала. И, кажется, не собирался.

После университета прошло семь лет. Алексей отметил, что Бортников сделался несколько раздражителен, болтлив,

но прежний европейский лоск сохранил вполне. Даже сейчас во время дружеского застолья в обшарпанном номере захолустной гостиницы он сидел в элегантном галстуке, лишь слегка ослабив узел, безукоризненно причесанный, и благоухал приличным одеколоном.

На столе напротив Алексея стоял еще стакан, чистый. И третий стул, явно не из комплекта, положенного в одноместном номере.

— Для покойника?

Вместо ответа Бортников молча опрокинул коньяк в рот. Потом выкатил из объемистого пакета на стол с десяток золотисто-ярких, промаркированных апельсинов. На одном ловко срезал верхушку и круговым движением снял всю кожуру разом.

— Со мной был случай два года назад, третьего августа. Договорились с хорошим знакомым, он работал в НИИЛеспроеме, выбраться в выходной за грибами. До этого мы не виделись около месяца, а тут смотрю — что-то в нем переменялось. То ли налет на лице... какое-то стало чужое. То ли запах — как в заброшенном доме. Или отстраненность. Не могу взять в толк, да и не пытался, если быть точным. Вернее, не придавал значения. Мало ли какое лицо бывает у человека с похмелья. Не говоря уже о запахе или о поведении. Но внимание обратил. И наутро, когда он подкатил к подъезду на мотоцикле, я заметил это еще раз.

Выехали мы с ним за город, он за рулем, я сел сзади — все благополучно. Но скорость такая, что в ушах стоит рев. Я прошу придержать — он не слышит. Хлопаю по плечу раз, другой — бесполезно. Только головой покачал. И вылетаем мы с ним на этой скорости к Вишере, к мосту. Вижу, перед въездом полосатый шлагбаум, и мужичонка при нем. Поднять — опустить. Думаю, ну, сейчас обязательно притормозит. Но нет, летим... «Стой!» — ору в ухо, и в сторону. Пригнулся... Потом глухой удар, и меня выбросило с сиденья, будто вырвало. Очнулся я, Леша, в воде. Не то чтобы очнулся, а просто начал соображать. Вижу — плыву к берегу. Вышел. Поднялся на мост. Мотоцикл проломил ограждение, но завис на самом краю и даже не заглох. Заднее колесо крутится. А хозяин под шлагбаумом, посреди дороги лежит, без головы. Голова в синем шлеме скатилась за обочину. Я ее по кровавому следу нашел. Разумеется, лица не было, не осталось. В тот момент я сразу все вспомнил: странный налет, запах заброшенного дома... затхлость, чуждость в чертах, в выражении. Ощущение отсутствия от присутствующего рядом с тобой человека. И я понял тогда — это была печать смерти.

Запах заброшенного дома был запахом смерти. Она проявилась даже в цвете лица, в налете, проступила в чертах. По сути, я ехал на мотоцикле с мертвецом. Где-то там, на небесах, он был уже приговорен. Не знаю, за какую провинность, но смертный приговор был ужасен, а казнь — я видел собственными глазами.

Бортников плеснул в оба стакана.

— Давай помянем, что ли?

Они молча выпили.

— После этого случая со мной что-то произошло. На улице, в толпе я стал различать этих... приговоренных. Даже со спины. Даже не глядя на них, по одному запаху. Кажется, пока не ошибался.

Алексей взглянул на третий, чистый стакан. Перевернул его и поставил вверх дном.

— Хочешь предупредить?

— Попробую. Если придет.

— Я знаком с ним?

Бортников внимательно посмотрел на гостя и вдруг захохотал. Потом также резко оборвал смех.

— По-моему, еще нет.

Алексеем почудилась в ответе некая двусмысленность, но настаивать не захотел.

— Что там у вас по Шуляку? Результат есть?

— Шуляка, кстати, я тоже предупреждал.

— Да! А он?

— А он, земля ему пухом, долго и весело смеялся. Потом мы с ним выпили. Я по нем плачу, а он, покойник уже, надо мной, над живым, смеется. Так и расстались. До сих пор в ушах его смех стоит.

— Люди охотнее верят в ложь, чем в правду. Потому что правдоподобнее.

— Ну, да... эффект Кассандры. Давай помянем Витю?

— Давай.

Они разлили остатки коньяку по стаканам, но Бортников, повозив лентяжкой под кроватью, выкатил еще бутылку.

— Слушай? Ведь нахрюкаемся, а?

— Однова живем, Леша! Кстати, насчет результата ты спрашивал. Так вот, никакого результата нет. Ффу! Все наше расследование — это один большой мыльный пузырь. Помпа. Куча широковещательных заявлений, разносов, совещаний, куча народу, мероприятий, инфарктов, а результата, увы — нет. Два месяца ржавое колесо со скрипом и лязгом впустую мололо воздух. И знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что старые жернова давно стерлись. А на новые срочно нужна валюта, которой у нас, как известно, нет.

— А если всерьез?

Бортников на некоторое время задумался, с явной неохотой восстанавливая картину. Потом заговорил, все более и более оживляясь.

— К приезду следственной группы в квартиру Шуляка набилось человек двадцать начальства. Никогда не подозревал, что в милиции в районе столько полковников. После нас прибыл даже генерал неизвестно откуда, орал на всех и вся, кого-то, говорят, здорово приложил по мордам. Дом весь оцепили, врубили переносные прожекторы, устроили в квартирах, по подъездам, на чердаках повальные обыски. Двери настежь, жильцов выбросили на площадку, всюду милиция. Детский плач, визг, лай... розыскные собаки. Короче, все следы, даже если какие были, оказались затоптаны и захватаны. Тело до приезда группы несколько раз перемещали. Свидетели может быть и нашлись, но после такого шмона с мордобоем и руганью люди были перепуганы. До сих пор либо молчат, либо поддакивают. К тому же осмотром занялись сразу три следователя, самостоятельно. То есть полный академический набор того, как нельзя производить осмотр места происшествия. Начальство, все изгадив, с присущей ему дальновидностью с ходу уцепилось за единственный оставшийся след.

— Заточка?

— ...Выдернули из Вити заточку и начали совать ее в нос всем подряд. Чья? Твоя... нет? У кого видел? Опознать можешь? Сволочь!.. Теперь эту злополучную заточку знает полгорода, и каждый третий припоминает, у кого видел. Потом начались проверки всех освободившихся из мест заключения за последние полгода. Начальство рвет и мечет, каждый день требует отчета, давит, телефон трезвонит даже ночью. Короче, бурная имитация успешной работы, и никакой валютой, Леша, это дерьмо никогда не смоешь. Только развоняется.

— Это все? — Алексей усмехнулся.

— А что ты хочешь? Дело поставили на особый контроль. Ни одного шага без согласования с начальством, ни-ни! Вот это меня особенно насторожило. Но! Во-первых, заточка. Ее оставили в теле демонстративно, желая навести на след. Иначе какая необходимость? И дальновидное начальство эту нехитрую наживку немедленно заглотило. Полтора месяца шерстило свои картотеки и гоняло людей по колониям в поисках уголовника-мокрушника. Во-вторых, великолепная, с полным набором академических глупостей организация

осмотра места происшествия. В-третьих, жестко организованный контроль за следствием. Даже не столько контроль, сколько руководство следствием в заданном направлении. В-четвертых, три дня спустя на улице был обнаружен труп раздавленного под колесами мужчины. Труп опознать не смогли, никаких документов, бумаг при нем не оказалось. Но экспертиза установила, что ко времени наезда он был мертв уже два дня. То есть смерть наступила на следующие сутки после убийства Шуляка. Под колеса этого человека попросту подложили, мертвым. Мне показалось, что для простого совпадения тут много подозрительных деталей.

— И ты сразу решил, что этот человек убийца?

— Исходя из вышесказанного — исполнитель убийства. Будем говорить так. И очень опасный свидетель, которого позаботились немедленно убрать. Даже рискуя навлечь подозрения. Дальше возникает естественный вопрос: кому до такой степени мог насолить Виталий Шуляк... следовательно Шуляк, что его решили замочить с помощью наемного убийцы? Спустя полтора месяца, когда начальственный пыл иссяк, я затребовал из архива все дела, которые Шуляк в последнее время вел. Вкратце одно дело я тебе сейчас доложу. Дело вполне типичное, не хуже и не лучше других, но в ряду других дел наводит на весьма любопытные размышления.

В июле прошлого года работники ОБХСС обнаружили в магазине номер четырнадцать горпромторга сто штук неучтенного листового железа. Так появилось на свет уголовное дело. Расследование поручили Шуляку. На первоначальном допросе заведующая магазином показала, что железо привез на машине некий Козлов. Они договорились, что заведующая реализует железо через магазин, а затем вырученные деньги они разделят. Козлова оперативники установили. Им оказался шофер автобазы номер один, а до этого Козлов работал шофером в совхозе «Северный», откуда и было похищено листовое железо. Витя с ним хорошо поработал, и Козлов назвал ему своих сообщников: рабочего совхоза Вартаняна и шофера Бабкина. Оба в совершении кражи в конце концов признались. Казалось, на этом дело можно закрывать? Но Витя ставит на разрешение следующие вопросы. Первое. Откуда и каким образом железо похищено? Второе. В течение какого времени совершались хищения? Третье. Кто еще, кроме установленных лиц, принимал участие в хищениях?

Он установил, что заведующая магазином работает в этой должности всего год, что при приеме материальных ценностей бывшая заведующая Балабанова передала ей восемьдесят килограммов неучтенного железа, столько-то гвоздей, пилома-

териалов и шифера. Тоже для реализации через магазин. Через Балабанову всплыла еще одна фигура — техник-строитель совхоза «Северный» Лузгин.

Первый допрос Лузгина ничего не дал. От участия в хищениях он наотрез отказался. На вопрос, откуда совхоз получает листовое железо, показал, что поставщик — местный электромеханический завод. Но по результатам проверки оказалось: получив на заводе пять тысяч килограммов листового железа, в совхозе Лузгин оприходовал всего четыреста шестьдесят килограммов. Остальные пошли налево. С учетом результатов проверки Витя допросил Лузгина еще и еще раз, и тот признал, что часть железа отвез в магазин номер четырнадцать, часть в магазин номер двадцать четыре, а остальное с помощью шоферов Козлова, Бабкина и рабочего Вартаняна распродал в северных районах области.

Казалось, на этом дело можно закрывать, но Витя отправился с проверкой по северным районам области, а в совхозе в это время приступила к работе ревизия. Во время проверки Витя выявил десятка два покупателей и установил, что коробейники из совхоза «Северный» гастрوليруют по северным районам области уже в течение пяти лет. Ведут бартерные сделки. Причем торгуют не только стройматериалами, но также пшеницей. Понятно, что к пшенице техник-строитель Лузгин отношения иметь не мог, и Витя снова навалился на коробейников. По их показаниям были выявлены новые участники хищений: заведующий зернотоком Аюпов, главный агроном Урванцев и директор совхоза Гирев.

Гирев и Урванцев категорически отрицали свою причастность к хищению пшеницы. Но заведующий зернотоком заявил, что неоднократно получал от Урванцева и Гирева устные распоряжения: отпуск пшеницы в документах не отражать, накладные уничтожить, а пшеницу списать на посев. Его показания подтверждались отсутствием в бухгалтерии документов об отпуске пшеницы. В конце концов, и Гирев, и Урванцев под тяжестью улик, что называется, тоже признались.

Казалось, на этом дело можно закрывать. Преступная группа, годами расхищавшая зерно и строительные материалы, разоблачена. Но Витя по открывшимся обстоятельствам ставит перед собой новые вопросы. Каким образом совершались хищения строительных материалов? Как создавались резервы для хищения?

Работу ревизоров по проверке финансово-хозяйственной деятельности совхоза он направляет по трем параллельным версиям. Первая — хищения за счет неоприходования строительных материалов. Вторая — путем списания материалов

на строительные объекты по завышенным нормам. Третья — за счет завышения в нарядах объемов работ. Не буду утомлять тебя подробностями, скажу сразу: из выводов ревизии и приобщенных документов все три версии блестящим образом подтвердились. Плюс приписки к нарядам, переплаты шабашникам, подставные и вымышленные лица в платежных ведомостях, работа на левых объектах, поборы, исправления в бухгалтерских документах и так далее, до бесконечности.

К уголовному делу Витя приобщил список обескровленных совхозных объектов. Так называемого долгостроя: гараж на тридцать семь машин, овчарня, столовая, склад запасных частей, детский сад, жилье. Рядом — список левых объектов, на которых работали шабашники, используя совхозные стройматериалы и технику.

— Очень любопытно! И кто же владельцы этих объектов?

— Да уж, любопытнее некуда. К сожалению, список левых объектов из дела был благоразумно изъят.

— Он действительно был?

— Шуляк, сам понимаешь, работал не в одиночку. Существование списка мне подтвердили несколько человек. Категорически.

— Стало быть, список ты восстановил?

— Частично.

— Скажи, — Алексей потер лоб. — Шабашники, о которых ты то и дело упоминал — лица кавказской национальности?

— До одного. Бригадиром у них тот самый рабочий совхоза Вартанян. Якобы рабочий совхоза.

Алексей заметил, что Бортников смотрит на него с выжидающей усмешкой. Видимо, пытается подвести к какой-то мысли.

— Так вот, Леша. Как я уже сказал, в ряду других дел это все наводит на весьма любопытные размышления. Что такое несколько листов неучтенного железа? Казалось бы, мелочь. Возьми за горло непосредственного исполнителя, состряпай на него дело и — точка. То же самое торговля списанным товаром с лотков. Нарушения в отпуске пива. Перерасход бензина в каком-нибудь гараже... Но Витя шаг за шагом по каждому факту разматывает клубок до упора. То есть до самых первых лиц. Поэтому над Витиными делами до того, как я их получил на руки, кто-то хорошо посидел. Многих документов в папках недостает, особенно к концу. Много насовано бумажного хлама, дурацких справок, выписок, так что суть иной раз совершенно исчезает. Но при этом не настолько, чтобы при сопоставлении ничего нельзя было

разобрать. Особенно когда знаешь, что искать. Так вот, если отдельные имена первых лиц фигурируют в делах два-три... от силы четыре раза, то одно имя сквозит по всем двадцати, которые он вел.

— Хлыбов?! — выдохнул Алексей.

Бортников при упоминании с досадой поморщился и разлил по стаканам коньяк.

— Но это бессмысленно...

— Лбом о шлагбаум всегда бессмысленно.

Алексей качнул головой.

— Я не о том.

— А, понял. Насчет расправы, не так ли?

— Нейтрализовать Шуляка можно было без мокрухи. Особенно Хлыбову.

— Можно, — охотно согласился Бортников. — Если бы в этом деле не была замешана Анна.

— Хлыбова... Анна?! Это каким образом?

Лицо у приятеля, по-видимому, имело забавный вид, потому что Бортников резко и коротко рассмеялся.

— Еще не знаешь, выходит?

— Наверное, нет. Не успел.

— Ну да, ну да... — Бортников рассеянно покивал. — Насколько я Витю знаю, для него это была не просто интрижка. И он пустился во все тяжкие — начал обкладывать Хлыбова как медведя.

Алексей задумался. Отдельные эпизоды последних дней, словно при игре в кубики, складывались теперь перед его мысленным взором в целостную картину. Двухэтажный коттедж посреди соснового бора, на окраине — это, конечно, свадебный подарок дорогой Анне. Ради самого себя Хлыбов, конечно, стараться бы не стал. Строили этот левый объект шабашники из бригады Вартаняна в прошлом году, используя совхозные стройматериалы и технику. Однажды после рабочего дня несколько членов бригады, «лица кавказской национальности», изнасиловали семидесятилетнюю бабу, которая собирала по кустам пустые бутылки. Вот почему уже на следующий день преступники были прокуратурой установлены. Коттедж к тому времени, наверняка, достроить не успели, поэтому Хлыбов так легко позволил бабке забрать заявление. Но не исключено, что он сам посоветовал своим подрядчикам откупиться от потерпевшей деньгами...

Разумеется, Хлыбову известно, что бригада из года в год квартирует в общежитии училища номер тринадцать и платит за постой лично коменданту. Так что письменное пред-

писание по училищу, которое он составил, наверняка, отправится в корзину...

Наконец, яснее сделалась причина ночного визита к нему Анны. Если Бортников прав, то начавшийся запой у Хлыбова, и тот факт, что в день запоя он был совершенно «не-вы-носим», вещи вполне объяснимые. После возможной семейной разборки Анна почувствовала себя «ужасно тяжело» и не знала, куда деваться. Она порядочно выпила, может быть, с Хлыбовым, но скорее напилась в одиночку, забившись в угол, и тогда в подавленном состоянии, в душе не веря случившемуся, набрала знакомый номер. Она не хотела верить в случившееся и тогда, когда неожиданно услышала в трубке незнакомый мужской голос. Впрочем, голос в телефонной трубке, даже хорошо знакомый, не всегда узнаваем. И она страшно взволновалась. Ей очень хотелось верить, что все по-прежнему, и с ним ничего не случилось. Возможно, какие-то нотки в голосе даже показались ей знакомыми, и тогда она набрала номер еще раз (второй звонок), но вновь ничего для себя не выяснила.

Дверь в квартиру, несомненно, была заперта. Но Анна открыла ее как обычно — своим ключом, который сдублировал для нее Шуляк.

Разумеется, к ее визиту Алексей не имел никакого отношения. Когда он неожиданно вошел в комнату и включил свет, она обернула к нему заплаканное лицо и уставилась недоумевающим, изумленным взглядом. Ему сделалось почти неловко, как будто это он пробрался ночью в чужую квартиру, а не наоборот. Не сразу, но Анна поняла свою оплошность и виновато опустила голову. Для нее это тоже была не просто интрижка. Только поцелуй, нетерпеливый, страстный, под влиянием минуты, предназначенный конечно же не ему, убедил ее окончательно. После этого она исчезла...

Бортников лениво крутил на столе апельсин, но оказалось, он тоже думал об Анне.

— За красивой женщиной... если она по-настоящему красива, словно за редким, драгоценным камнем, как правило, тянется кровавый шлейф. В данном конкретном случае это так и есть.

— Кто-то еще?

— Первый муж Анны. Заправлял трестом. В свое время Хлыбов точно так же обложил его со всех сторон. Но это было страшнее, потому что Витя, не в обиду ему будь сказано, опрометчиво плевал вверх. Слушай, Леша, давай дернем с тобой за красивых женщин, а?

— Трупы которых мы будем потом расчленять ночью на кухне, обливаясь горькими слезами.

Бортников расхохотался.

— Не знаю, не знаю. В данном конкретном случае все обстоит как раз наоборот.

— Я слышал, первый муж Анны разбился на дороге?

— Хлыбов оставил ему два выхода. Либо тюрьма, либо самоубийство. Ну и, хватит об этом!

— За красивых женщин.

Проглотив коньяк, Бортников отправился к зазвонившему телефону.

— Да?... Да, я дома... то есть, тьфу! В гостинице. Что? Нет, через полчаса выхожу... минут через двадцать то есть. Надоело! Смотреть не могу на эти грязные стены с тараканами... А, ну... пожалуйста. В течение двадцати минут коньяк я могу пить даже с Хлыбовым. Жду, Вениамин... как тебя? Гаврилыч. Жду!

— Хлыбов?

Бортников зловеще усмехнулся и сел на свое место.

— Налей ему, — он перевернул чистый стакан и со стуком поставил на стол. — Едет третий, покойник.

16

Хлыбов приехал через пять минут. Снаружи раздался истошный визг тормозов, как будто наехали на кошку. Затем грохнула внизу входная дверь, и на скрипучей лестнице слышались грузные шаги.

Алексей с сомнением взглянул на Бортникова.

— О твоей версии еще кто-то знает?

— Никто. Кроме Хлыбова, разумеется.

— Поэтому ты пригласил меня, не так ли?

— Нет, не поэтому. Он знает, что доказать я все равно ничего не смогу. Но стану ли я молчать, это вопрос. Он приехал поговорить по душам. Если не получится, попробует купить. Возможности у него есть. Если не получится, станет грозить. Возможности тоже есть.

Вошел Хлыбов, без стука. Он был пьян, это бросалось в глаза сразу. С его появлением в номере сделалось тесно и неспокойно, он как бы выдавливал собой окружающих. С минуту Хлыбов качался в дверях, наконец ткнул пальцем в Бортникова.

— Мне надо с ним поговорить. С глазу на глаз.

Бортников отрицательно качнул головой.

— Валяев — мой друг и однокашник. От него секретов у меня нет.

— Это как прикажешь понимать? — мгновенно насто-
рожился Хлыбов, переводя подозрительный взгляд с одного
на другого.

— В самом прямом смысле.

— Рассказал, выходит?

— Повторяю еще раз, секретов от него у меня нет.

Алексей крикнул и с досадой провел рукой по лицу. В
своей конфронтации с Хлыбовым приятель по сути сделал
его заложником.

— Так... — Хлыбов тяжело, по-хозяйски прошел к столу.
Сел, глядя перед собой неподвижным, остекленевшим взгля-
дом. Потом молча набулькал стакан до половины. Выпил. —
Ладно. Собака лает — ветер носит.

Он поворотил голову и насмешливо, в упор уставился на
Бортникова.

— Что же ты, друг-однокашник, подложил другу такую
свинью? Ему, между прочим, со мной работать.

— Ну... Хлыбов! Ты меня совсем за дурака держишь.

— Не понял?

— Я объясню. Только не вздумай понимать меня фигу-
рально. Или как-нибудь эдак... в переносном смысле. Ты,
Хлыбов — мертв.

— Обратно не понял.

— Уже мертв. У тебя времени — выкурить последнюю
трубку и проститься с женой.

Хлыбов привстал, трезвея на глазах.

— Не дергайся! — рявкнул Бортников. — Здесь тебя
никто пальцем не тронет. Коньяк тоже не отравлен.

Он плеснул себе из бутылки и опрокинул в рот. Про-
бормотал:

— По себе судит, мерзавец.

В наступившей затем тишине оба гостя молча наблюдали,
как Бортников надел пиджак, перекинул через плечо плащ и
с чемоданом в руке двинулся к выходу. В дверях он остано-
вился и с нехорошей улыбкой обернулся к Хлыбову.

— Каждому воздастся по делам и по вере его. Прощай,
Хлыбов. Ну, а с тобой, Леша, мы еще свидимся, я думаю.

Он ушел. Проскрипели ступени, хлопнула входная дверь.
Хлыбов вдруг захохотал и тоже поднялся.

«Кудри выются, кудри выются,

Кудри выются у б...дей.

Почему они не выются

У порядочных людей».

Неожиданно тонким частушечным голосом пропел он и,
не глядя на Алексея, тоже двинулся к выходу.

Алексей ушел последним. Только на улице, расслабившись, он почувствовал, как сильно они нагрузились. Хотя почему бы нет, тем более что сегодня он был всего лишь зрителем, но никак не участником разыгравшегося финала спектакля. Алексей взглянул на часы — первый час ночи. На центральных улицах горели несколько уцелевших фонарей. Остальная часть города лежала во мраке. Было безлюдно и тихо. Он дошел до сквера, пропахшего пылью, насквозь прогазованного и опустился на скамью. Прикрыл глаза.

Вопреки пророчествам приятеля, Хлыбов на него впечатления покойника не произвел. Пока они там препирались, он вроде пытался разглядеть на лице районного прокурора характерный налет, как он себе это представлял. Даже была попытка принюхаться, но ничего похожего за Хлыбовым не обнаружил. Наверно, потому, что не довелось отведать шлагбаума? Время, впрочем, покажет.

Неподалеку от него разговаривали мужской и женский голоса. Почему-то по ночам, отметил он, среди здешних граждан принято изъясняться матом.

Алексей встал, чтобы идти дальше, но мимо торопливо простучала каблучками смутная женская фигура, зябко кутаясь в шуршащий плащ. Он переждал, опасаясь напугать женщину неожиданным появлением, затем, не торопясь, двинулся в обратную сторону. И вдруг круто обернулся... Что-то в этой фигуре решительно настораживало. Он проследил, как женщина пересекла пятно света на выходе из скверика и исчезла в черноте. Издалека, чуть слышный, доносился перестук ее каблучков. Алексей остолбенел. Он готов был поклясться, но... тени у нее не было!

Через мгновение он бросился следом. Мимоходом, пересекая пятно света, обратил внимание на собственную тень. Он была жгуче-черной и длинной, не заметить такую от скамьи он не мог.

Алексей шел за женщиной в двух десятках шагов, ориентируясь в основном на стук. Но асфальт здесь лежал не везде, в любую минуту она могла свернуть в сторону, и тогда он ее неминуемо потерял бы. Алексей сократил расстояние, чтобы возможно было различать силуэт, на худой конец шорох шагов на мягкой почве, и оказался прав. Они свернули куда-то раз, другой... пролезли сквозь дыру в штaketнике, повернули еще раз в другую сторону, и он окончательно сбился со счета. Его подопечная ориентировалась впотьмах превосходно, и Алексей чувствовал, что общее направление они выдерживают, правда, не знал, какое именно.

Только сейчас, преследуя эту странную женщину, он вспом-

нил о цели, ради которой направлялся в гостиницу к Бортникову. Подобный провал в памяти, совершенно ему не свойственный, признаться, крепко озадачивал.

Они шли так около получаса. Один раз Алексей оступился и едва не упал, наделав при этом шума. Дважды под ногой что-то оглушительно хряпнуло, то ли стекло, то ли битая черепица, и наконец он перестал сторожиться вовсе, но женщина не побежала и не пыталась спрятаться от преследования, она даже не повернула головы, когда, поспешив, он неожиданно для себя оказался совсем рядом, за ее спиной. И это тоже озадачивало.

Наконец вслед за женщиной Алексей продрался сквозь колючий кустарник и оказался перед стеной бревенчатого двухэтажного здания, которое что-то смутно ему напоминало. Стена была задней, с ветхим, перекосившимся пристроем в виде тамбура, заросшего бурьяном и крапивой, заваленного деревянным хламом. Алексей, однако, успел заметить, что его подопечная серой мышью просунулась именно в этот тамбур и там исчезла. Балансируя на битом кирпиче, бревнах, он пробрался ко входу, низко вросшему в землю, пригнулся и по гнилым ступеням спустился в нечто, похожее на подвал. Рука, поднятая над головой, уперлась в потолок. Он поводил руками по сторонам и наткнулся на холодную кирпичную кладку. Затем осторожно двинулся вперед.

Слабая полоска света впереди подсказала, что он идет правильно. Он вновь нащупал ногой ступени, теперь их было намного больше. Поднялся по ним и, нашарив дверь, шагнул в освещенный, низкий коридор.

В нос ударили специфические больничные запахи с примесью чего-то сладковато-приторного. Он огляделся, и опять у него появилось смутное ощущение, что он здесь уже был. Алексей двинулся по коридору направо, наугад, повернул и уперся прямо в дверь, обитую светлым металлом, с блеклой табличкой:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

И сразу все вспомнил. Это было здание судмедэкспертизы. Оно же морг. Именно сюда сегодня утром он доставил на опознание Суходеева-старшего. Отыскивая нужную дверь, он остановился и вдруг услышал через оставленную в притворе щель дружные приступы смеха, заразительного, жизнерадостного настолько, что усомнился, туда ли в действительности он попал. Но нет, все было правильно. Смеялись в этой юдоли скорби и печали работники медперсонала.

Когда Алексей с Суходеевым-старшим вошли, их при-

сутствия никто не заметил. В помещении стояло около десятка цинковых столов, на которых лежали обнаженные женские и мужские трупы. Некоторые из них были вскрыты, один — женский, со скрещенными на груди руками — был выкачен на столе к самой двери, видимо, готовый к выдаче родственникам, но тоже не одетый. Из-за малости помещения трупы лежали также по углам и вдоль стен, штабелями, ожидая своей очереди.

Причиной веселья тоже оказались два трупа. Судя по всему, они были наспех уложены и скатились со штабеля на пол. Женский труп лежал на спине с раздвинутыми ногами и запрокинутой головой. Мужской, тоже обнаженный, с обильной татуировкой по всему телу, оказался на нем сверху в весьма характерной позе, оба с привязанными на ногах опознавательными бирками. У мужского трупа к тому же был проломлен череп, и половина головы по этому поводу была обрита.

Среди шести человек медперсонала Голдобина выглядела старше других. Остальным на вид не было и тридцати. Двое мужчин, две женщины и одна почти девчонка. Она сидела за пишущей машинкой, лихо удерживая в ярко-красных, на помаженных губах тлеющую сигарету, и выколачивала под диктовку очередное заключение.

Татуированного покойника, состязаясь в остроумии, попеременно называли то «шустриком», то «бонвиваном», а женщину притворно осуждали за то, что дала себя «уговорить». Жизнь кипела посреди смерти взрывами хохота и профессионального молодого цинизма.

...Алексей толкнул обитую дверь, и она легко, без скрипа подалась. Внутри было темно, как в могиле, и запах тлена оказался столь силен, что невольно заставил содрогнуться. В другое время Алексей наверняка отказался бы от затеи, но выпитый коньяк придавал отваги, и он с некоторой даже лихостью шагнул внутрь. Нашарил кнопку выключателя. Затем беглым взглядом окинул помещение и прошел налево, в предбанник, где вновь прибывших подвергали первоначальной обработке. С утра здесь ничего как будто не изменилось. Только убрали свалившихся со штабеля друг на друга мертвецов. Оцинкованные столы тоже все были заняты — и в предбаннике, и здесь. И никого больше. Ни одной живой души.

Возвращаясь, он увидел в проходе под ногами скомканный, темный плащ. Поддел носком башмака и услышал знакомый шорох. Несомненно, именно этот плащ был на женщине, которую он разыскивает.

На цинковом столе слева лежал пожилой мужчина с не-

правильно сросшейся после перелома берцовой костью и длинным, рваным шрамом на боку. Глаза его были полуприкрыты, и на оскаленных, желтых зубах застыло выражение хитровой полуулыбки.

Алексей оставил мужчину и обернулся к другому столу справа, на котором лежала женщина лет тридцати. Медики потрудились над ней основательно. Грудная клетка и живот были вспороты от гортани и до лобка. Ребра обнажены от мышечной ткани, распилены и торчали вверх, словно шпангоуты на разбитом шлюпе. Одна грудь покоилась на месте, а вторая с потемненным соском мешком свисала со стола на снятой с ребер коже и — покачивалась! Над белой, эмалированной лоханью с внутренностями.

Качание, впрочем, продолжалось недолго. Алексей стоял перед истерзанным телом, как пень, мучительно соображая, насколько он все-таки пьян, и не есть ли происходящее с ним сейчас всего лишь дурной сон?

Сквозь гулкие удары сердца он услышал донесшийся из коридора стук каблуков. Метнулся к двери и тотчас отпрянул назад. Укрытия здесь не было решительно никакого. На цыпочках он проскользнул между столами в предбанник и, поколебавшись, лег на пол рядом с бородатым покойником, которого не успели даже раздеть. Отсюда ему хорошо была видна входная дверь.

Стук каблуков уверенно приближался, и в мертвецкую, слегка замешкавшись в дверях, вошла судмедэксперт Голдобина. На ней был белый халат, шапочка, и одной рукой она прижимала к себе красную картонную папку.

Похоже, Голдобина дежурила где-то поблизости и, увидев свет в окнах, пришла проверить. Лежа на полу рядом с бородатым тухляком, Алексей прислушивался к ее шагам, пытаясь по стуку определить характер выполняемых действий. Через какой-то промежуток времени, показавшийся ему томительно длинным, шаги направились в предбанник. Он тотчас вытянулся на полу и оскалил зубы в полуулыбке-полугримасе, подсмотренной у большинства здешних покойников. Полуприкрыл глаза.

Голдобина неплохо знала свое хозяйство, и появление нового трупа тотчас было ею отмечено. На некоторое время, походя, взгляд судмедэксперта задержался на нем, потом вернулся еще раз, уже более внимательный. Наконец она подошла и, кажется, узнав, склонилась над ним. Сквозь опущенные ресницы Алексей увидел приблизившееся к нему лицо с холодными, немигающими глазами и — замер, почти умер, стараясь не сморгнуть, не дернуться от напряжения.

Голдобина, заложив руки в карманы халата, удалилась, и вскоре из соседнего помещения послышался треск печатающей машинки. Только тогда Алексей позволил себе расслабиться и пошевелил носками, стогая в икрах «трупное окоченение». Он надеялся, что Голдобина выключит свет и уберется, но прошло не менее получаса, а машинка все трещала, не переставая, и он вознамерился как-нибудь незаметно за спиной выбраться в коридор, но в этот момент услышал шаги, направляющиеся в предбанник. Пришлось снова изображать труп.

Голдобина остановилась перед ним и опустила на грудь несколько листов машинописи, схваченные канцелярской скрепкой.

— Ваше заключение по Суходееву. Надеюсь, вы за этим сюда пришли?

— Не надейтесь, — грубо отозвался он. И сел.

— В таком случае, я жду объяснений.

— Разумеется. Но вначале я выслушаю ваши, любезная Дина Александровна. У меня вопрос, на который в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом вы обязаны отвечать следователю. Желательно без хамства.

Она посмотрела на него с изумлением и вдруг захохотала, гулко, по-мужски, с явной издевкой. Он хладнокровно переждал смех.

— Ну-с? Прохихикались?

— Я слушаю, наконец!

— Так-то лучше. Вопрос тот же самый. Не замечали ли вы, что некоторые из ваших... клиентов, будем говорить так, имеют обыкновение разгуливать по вечерам и в ночное время по городу?

Голдобина некоторое время молчала, глядя на него с холодным любопытством.

— Вы, молодой человек, пьяны. Давайте договоримся так. Вы вначале проспите, и если завтра на трезвую голову у вас возникнет желание задать этот дурацкий вопрос еще раз, я готова с вами разговаривать. В присутствии свидетелей.

Алексей знал двусмысленность и ущербность своей позиции, ее полную бездоказательность. Но нежелание Голдобиной хотя бы вникнуть в ситуацию выглядела, на его взгляд, подозрительно.

— Я здесь всего три дня. Но мне показалось, город кишит безвинно убиенными. Каждого преступника персонально опекает его собственная жертва. Ходит по пятам.

Он приблизился к ней вплотную, глаза в глаза.

— У вас, лично, в этом плане все в порядке?

И вдруг увидел мгновенно расширившиеся зрачки.

— Вон! — взвизгнула судмедэксперт Голдобина и, бросившись к двери, пинком распахнула ее настежь.

— Хорошо. Завтра я повторю вопрос. Уже при свидетелях, любезная Дина Александровна.

Дверь за ним с лязгом захлопнулась, и, когда уходил, ему почудились оттуда рыдания.

...На следующий день к вечеру город всколыхнула очередная новость. Ударом ножа в спину убит районный прокурор Хлыбов Вениамин Гаврилович. В рапорте на имя областного прокурора сообщалось, что труп потерпевшего обнаружили на веранде собственного дома в кресле, навалившимся грудью на стол. Судя по количеству посуды и расстановке мебели, с ним находился некто неизвестный, которого следствие определяет как предполагаемого убийцу. Анна Хлыбова (по счастью для нее стечению обстоятельств) дома не ночевала. По причине ссоры с мужем две ночи подряд она провела у подруги. Способ совершения преступления, как и в случае с Шуляком, однозначно свидетельствует — убийство совершено одним и тем же лицом. В первом случае в теле жертвы была оставлена заточка, во втором — выкидной нож импортного производства. Нож опознан женой потерпевшего и следователем прокуратуры Валяевым в качестве вещдока, проходящего по другому делу. Ничего из ценных вещей и денег преступник в доме не тронул. Это дает повод считать главной причиной убийства мотив мести по отношению к работникам прокуратуры. Дело поставлено на особый контроль, ведется следствие.

Примерно неделю спустя, посреди всеобщей неразберихи и запарки, следователя прокуратуры Валяева пригласили для разговора в городскую мэрию, так называла теперь горисполком местная номенклатура в связи с новыми веяниями. Внутри самого здания демократический дух проявился в отсутствии былого официоза и особенно в одежде. На служащих из числа женщин были открытые, яркие платья, сверхкороткие юбки, бросающийся в глаза макияж. Мужчины даже в возрасте, но таких здесь было явное меньшинство, предпочитали цветные сорочки, пестрые свитера, кожанки, а на щеках отращивали баки. Очень часто звучал смех, радостный, в полный голос, говорили тоже громко, не стесняясь иной раз употреблять демократические выражения.

В приемной, едва посетитель назвал себя, какой-то юноша, отрекомендовавшийся помощником мэра, предложил пройти в кабинет.

— Вас ждут, — светло, по-дружески улыбнулся он.

Алексей вошел. В глубине просторного кабинета, в конце длинного стола, сидели двое, словно в воде, отражаясь на его полированной поверхности. При появлении следователя оба с вежливым достоинством поднялись со своих мест, и хозяин кабинета, светло, по-дружески улыбаясь, двинулся навстречу. Это был молодой еще человек, явно склонный к полноте, поэтому поверх цветной, яркой сорочки без рукавов носил подтяжки. Круглое, добродушное лицо мэра очень украшали небольшие, аккуратные баки, пробитые преждевременной сединой. Они вносили в его черты легкий латиноамериканский оттенок.

— Давайте, Алексей Иванович, станем знакомиться, что ли? Это Шкурихин Леонид Матвеевич, первый секретарь райкома партии. Вот, поджидаячи вас, сидим, обсуждаем вопросы приватизации. Где как, не знаю, а у нас с нашим райкомом партии полное взаимопонимание.

Он рассмеялся своим словам радостно, в полный голос, и Алексей со Шкурихиным, переглянувшись, тоже улыбнулись. «Консенсус достигнут», — отметил про себя Алексей.

После необязательного, но прощупывающего обмена любезностями, расспросов об устройстве, о семейном положении, о видах на будущее, которые в конце концов начали Алексея раздражать, мэр посерьезнел и перевел разговор на создавшуюся в районе и в городе криминальную обстановку. Говорил он легко, свободно, иногда с пространными отступлениями, не теряя при этом основной темы разговора, его сути. Часто обращался за подтверждением или наоборот за опровержением к Шкурихину и, наконец, завершил общую картину преступности последними трагическими событиями — злодейскими убийствами работников прокуратуры.

— Алексей Иванович, мы тут посоветовались с Леонидом Матвеевичем, с другими нашими товарищами, проконсультировались в областных инстанциях, навели о вас кое-какие справки и в результате пришли к единодушному мнению, что нам в настоящее время некого, кроме вас, рекомендовать на должность прокурора района. Минуточку... не перебивайте и не спешите отказываться. Хлыбов Вениамин Гаврилович, мы сейчас не будем говорить о нем плохо, в этой должности несколько, ну, что ли, пересидел. Это не только мое мнение, Леонид Матвеевич подтвердит, поскольку сам неоднократно указывал ему на недоработки по тем или иным вопросам.

Мэр в общих чертах, но очень дельно, по существу, проанализировал деятельность Хлыбова, напомнил его упущения,

отсутствие профилактической работы и, наконец, замолчал, глядя на кандидата с дружелюбной и вместе с тем выжидающей улыбкой.

Велеречивость мэра утомила настолько, что у Алексея к концу встречи невыносимо разболелась голова. Поэтому он ограничился краткой репликой.

— Я очень благодарен за доверие, но мне необходимо подумать над предложением.

— Безусловно. И для вас лично, и для района это весьма и весьма ответственный шаг, так что... — и он снова ударился в пространные рассуждения, а когда закончил, задавать вопросы Алексей уже не рискнул, чтобы не спровоцировать очередную тираду, хотя вопросов возникло предостаточно. С тем и вышел, обещав за ночь все хорошо обдумать и дать ответ завтра в это же время.

Предложение, признаться, его ошеломило. Человек совершенно новый в городе, он никого по сути здесь не знал и считал, что его тоже никто толком не знает, по крайней мере из числа тех, от кого зависит принятие решений. В своей следственной практике он ничем особенным выделиться не успел. К тому же находится в разводе... правда, не алиментщик, поскольку детей от брака не имеет. Но, ей-богу, этого для назначения на должность районного прокурора маловато.

Промаявшись в догадках до конца рабочего дня, он наконец решил, что предложение ему было сделано по законам смутного времени, поэтому нет смысла искать логику там, где быть ее не должно. Но день оказался щедр на сюрпризы. Когда он собрался уходить, в дверях его остановил телефонный звонок.

— Да?

— Вечер добрый. Мне нужен Валяев Алексей Иванович.

— Здравствуйте. Я Валяев, слушаю вас.

— Вы не узнаете?.. Тэн, Светлана Сергеевна. Алле? Алле?! Вы слышите?

— Да, — не сразу собрался он. — Извините. Со мной случился небольшой обморок.

Она рассмеялась с явным облегчением и не без лукавства спросила:

— Мой звонок, должно быть, очень вас расстроил?

— Напротив, я рад. Но позвольте напомнить, Светлана Сергеевна. Ваш звонок в соответствии с нашими договоренностями автоматически подтверждает, что мое предложение вы приняли.

Трубка молчала.

— Алле? Алле?! Вы слышите?..

— Да, — услышал он наконец тихий, смущенный голос.
— Да, согласны? Или да, слушаете?
— Согласна, — едва слышно прозвучало в ответ. — Извините, Алексей Иванович, со мной тоже случился небольшой обморок. Но сейчас, кажется, лучше.

Оба расхохотались. И вдруг Алексей услышал вопрос, который его решительно озадачил.

— Алексей Иванович, вы были сегодня в исполкоме?
— Да. А в чем дело?
— Вы согласились на их предложение?
— Пока нет. Но... вы-то откуда?!.
— Простите, вы не рассердитесь?
— На вас? Разумеется, нет. А в чем дело?
— Это я... попросила, — тихо, с некоторой опаской произнесла она.

— Вы?! — Алексей рассмеялся. — С каких это пор прокуроров назначают на мясокомбинате?

— Давно.
— А... ну да!
— Если помните, я предупреждала: вы не знаете настоящую цену моего места.

Алексей вместо ответа хмыкнул. Похоже, господа демократы тоже не равнодушны к колбасе.

Часть 2

М
А
Н
Ь
Я
К

Превозмогая пульсирующую боль в висках, Глухов нашарил в кармане пиджака сигареты и, раздражаясь, долго щелкал в темноте зажигалкой. Через минуту-другую, придя в чувство, он поднялся с кровати и враскоряку, хватаясь за косяки, побрел на кухню в поисках спиртного. Странное дело, будучи в трезвом состоянии, он брезгливо вздрагивал при одной только мысли о Зинаидиной перине. Но после всякой очередной попойки с совершенно необъяснимой и железной закономерностью на следующее утро просыпался у нее. При чем инициатором, это он знал наверняка, был он сам.

Обругав себя последними словами, Глухов прихватил полстакана водки и вернулся в спальню. Включил свет.

Постель была смята и истерзана, словно поле боя после хорошей бомбежки. Женщина лежала на животе, неловко подвернув под себя руку. Вторая безвольной плетью свисала на пол. Из одежды на ней была только мишень, ярко намалеванная на заднице губной помадой.

Он подобрал с полу одеяло и набросил на бесчувственное тело. Поставил рядом полстакана водки. «Адье, мадам!» — пробормотал он, чувствуя, что фраза получилась отменно пошлой. Как и все остальное, что было у него с этой женщиной.

С поднятым воротником, сунув руки в карманы, Глухов бледной тенью просквозил в туманном переулке и вышел на остановку. До прихода автобуса успел выкурить еще сигарету и последним кое-как втиснулся в переполненный салон.

Дома, подымаясь на третий этаж, Глухов увидел на коврике перед дверью громоздкую тушу Саттара. Пес лежал, опустив тяжелую морду на лапы и из-под вывороченных, красных век наблюдал за хозяином. Мясистые брылы широко разъехались по грязной циновке, будто спущенная резина, и сочились обильно слюной.

— Экая мразь, однако, — с неприязнью пробормотал Глухов, перешагивая через кобеля. — Брысь... пошел!

Слегка двинул кобеля ногой в сторону. В ответ послышался короткий, угрожающий рык. Не сразу, а выждав паузу, Саттар лениво поднялся и сел в стороне, спиной, не удостоив хозяина даже взглядом. Глухова так и подмывало влечь

этой твари носком башмака под ребра и добавить по ходу еще, влет, по нагло выпирающей сзади мошонке величиной с добрый кулак. Он вдруг поймал себя на том, что в горле у него начинают перекатываться точно такие же рыкающие звуки.

«Не хватало еще сцепиться на лестничной площадке со своим кобелем», — хмуро подумал Глухов. Провернул ключ.

Первым в квартиру вбежал Саттар, грубо потеснив в дверях хозяина. Сунулся в комнаты, на кухню и лег у дверей в спальню. Вывалил язык.

— Откуда ты взялся, подлец? — мимоходом осведомился Глухов. Ответа, разумеется, не последовало, хотя это не означало, что вопрос не был понят.

В дверь постучали.

Обыкновение стучать, не обращая внимания на кнопку звонка перед носом, имела соседка из квартиры напротив. Так и оказалось. В пространных выражениях она извинилась за вторжение и передала телеграмму, которую принесли вчера, когда Глухова дома не было. Ее очень удивило, что супруга и дочь отправились в Крым, судя по почтовому штемпелю, и так скоро возвращаются. Должно быть, там тоже беспорядки, как и везде.

— Но вы не подумайте, Иван Андреевич, бога ради, что я чересчур любопытна. Телеграмму мне передали в открытом виде, так уж волей-неволей...

Глухов с трудом выпроводил соседку за дверь и с непонимающим видом уставился на телеграмму. Перед глазами, словно живые, прыгали три слова:

«Встречай 17-го Таня»

Семнадцатое сегодня. Значит, прибывают с дневным поездом. Еще целых шесть часов ожидания. За это время он трижды успеет сойти с ума. Глухов стиснул в кулаке телеграмму так, что затрещали суставы пальцев, и надолго уставился свинцовым взглядом в стену перед собой.

К поезду Глухов приехал на учебном грузовичке с двумя дополнительными педалями. До прибытия поезда из кабины не выходил, стараясь держать привокзальную площадь и двери в поле зрения. Но все догадки решительно оставил на потом, до получения необходимой информации.

Первой на подножке вагона появилась дочь. Пятнадцатилетняя Даша с радостным визгом повисла у отца на шее. Глухов почувствовал, как у него отлегло от сердца.

— Папа, а где Саттарчик? Почему не пришел? Па-а?

— Дома ваш Сортирчик, успокойся. Готовится к торжественной встрече.

— У-уй, опять! Обзывает...

— Не буду, не буду. Все.

По лицу жены, едва взглянув, Глухов сразу понял, что дела обстоят не лучшим образом. Он вздохнул и молча взялся за сумки. Даша куда-то исчезла, но вскоре появилась возле грузовичка.

— Па-а, тут наши девчонки из класса. Оказывается, мы вместе ехали. Я с ними, хорошо? Я сама доберусь.

— Доберись. Но не позже восьми вечера.

Дочь упорхнула. Глухов молча наблюдал, как жена Татьяна неловко, боком поднялась на подножку и так же боком пристроилась на дерматиновое сиденье. Спросил:

— Что случилось?

— Дома, Ваня, расскажу. Поезжай, — и отвернулась к окну. Но когда грузовичок неторопливо вырулил со стоянки и запрыгал на ухабах, не выдержала — всхлипнула.

— Я боюсь.

Глухов промолчал, чувствуя, что худшие из его опасений, похоже, начинают сбываться. Он слегка лишь приобнял жену свободной рукой за плечи, успокаивая. Дома тоже торопить с рассказом не стал, предоставив событиям идти своим чередом. Сам отправился на кухню варить кофе.

— Господи, запах-то! Ты что, не проветриваешь совсем?

— Обыкновенно, псиной, — ухмыльнулся он. Однако форточку на кухне открыл.

Но Татьяна не услышала. С рассеянным видом она села на табурет, сжав узкие, уже загорелые кисти рук между колен. Глухов вдруг подумал, что хотя они с женой прожили в браке почти семнадцать лет, но он плохо знает ее. Даже не уверен, любила ли она его. Обычно, уступив настояниям, она скучно и монотонно справляла явно постылую супружескую обязанность и нередко прерывала в самом разгаре, начав вдруг с увлечением рассказывать, кто и что ей сегодня сказал при встрече или что ей необходимо купить к завтрашней замечательной кулебяке. Глухов даже фыркнул при этих воспоминаниях. Татьяна шевельнулась на табурете.

— Я боюсь, Ваня, — слабым голосом повторила она.

— Уже слышал. Дальше что?

— Ты... ничего не скрываешь от меня?

— Не понял. Что именно?

— Не знаю. — На некоторое время она замкнулась. И вдруг ее словно прорвало. — Почему они требуют от нас какие-то деньги? Кто они? И сумма... это какая-то фантастика! Откуда у нас какие-то деньги? Почему именно у нас?

— погоди. Мы, кажется, достаточно на эту тему говорили. Что тебя не устраивает?

— Не знаю. Я ничего не знаю! — Она уже плакала. — Но это не шутка... Не розыгрыш, как ты утверждал!

— Черт возьми, ты сама только что сказала — это абсурд, фантастика требовать от нас такую сумму. Надо быть придурком...

— Почему ты отправил нас в Крым?

— Я? Вас?

— Ты испугался, что они исполняют угрозы. Поэтому решил нас с Дашей спрятать у родственника.

— Все с ног на голову! Вспомни, дорогая, напрягись. Подошло время твоего отпуска, так? Ты сама не раз этот разговор начинала — куда бы съездить? Хоть ненадолго, отвлечься. И я предложил. Мне лично было все равно. Но раз уж ты всерьез весь этот розыгрыш воспринимаешь, мы с тобой так и решили: вы едете к моему двоюродному брату в Крым. Тем более что Дарья там вообще ни разу не была. Кстати, как он? Чем занимается?

— Работает, — машинально отвечала Татьяна.

— Хм... надо думать.

— Говорит, шабашку нашел, выгодную. Очень довольный.

— Что именно?

— Виллу какому-то тузу строит. С бассейном. Он даже свозил нас на стройку, показывал.

— Вас-то зачем?

Жена не услышала вопрос. Вздохнула.

— Это не розыгрыш. Они напали на меня.

Глухов поперхнулся и едва не выпустил из рук чашку с остатками кофе. В голове словно лопнула противопехотная мина. Спустя некоторое время хрипло спросил:

— Как это произошло? Где?

— Дикий пляж, помнишь? Сразу за волнорезом, вправо. А дальше бухточка с тенью. Скалы близко подходят. На пляже было многолюдно, мы отправились туда, — Татьяна произносила слова медленно, едва слышным голосом. Голова ее была опущена, и на юбку, на руки падали крупные слезы.

— Кто мы?

— Сева, племянник. Он на год старше Дарьи, длинный. Оба, как пришли, сразу в воду, купаться. Когда я переоделась, они уже заплыли с Дарьей метров триста от берега. Море блестит, кое-как разглядела две точки. Даже голосов не слышно...

Татьяна тоже забрела в воду и минуты две-три с наслаждением плескалась, пока не задела рукой медузу, к которым так и не смогла привыкнуть. Выбравшись на берег, расстелила циновку и взялась читать детектив, начатый еще в поезде. Горячее солнце, легкий, ласковый бриз с моря заставили ее смежить глаза, поэтому когда услышала чужие шаги, было уже поздно. Она откинула волосы и хотела повернуть голову,

но кто-то грубо наступил ногой прямо ей на шею и вдавил лицом в песок. Кричать она не могла, но почувствовала, что купальника на ней уже нет, его разрезали ножом и сорвали. Она забилась, словно выброшенная на берег рыбина. Еще немного, и ей удалось бы освободиться, но в этот момент женщину схватили за волосы, рванули вверх и с такой силой ударили лицом в песок, что она потеряла сознание и обмякла...

До Глухова слова жены доходили сквозь красноватый, пульсирующий туман. Он словно получил удар в челюсть. Несмотря на слезы, Татьяна заметила его состояние.

— Наверное, мне не надо было рассказывать тебе. Но я боюсь, в следующий раз на моем месте окажется Дарья.

Глухов по-прежнему молчал, сцепив зубы. Наконец, дар речи начал к нему возвращаться. Хриплым, лающим голосом спросил:

— Зачем вас туда понесло?

— Ва-ань, откуда же мы... Ты сам сказал, это все розыгрыш. И потом, Крым все-таки.

— Дура! — рявкнул Глухов. — У тебя одно на уме. Забраться в безлюдное место... голая по сути! Твои две тряпки, величиной с конверт, не в счет. А тут местные подонки — подбирают таких. Тьфу!

На глазах у жены блеснули слезы. Она повозилась с застежкой на боку и поднялась с табурета. Цветастая, тонкая юбка скользнула с бедер в ноги. Глухов невольно сглотнул слюну. Коротконогая, развратная Зинаида по сравнению с его Татьяной выглядела жалкой дворняжкой.

Татьяна повернулась к нему правым боком и спустила трусики. На смуглой ягодице сбоку красовался тампон, перехваченный крест-накрест кусками лейкопластыря. Кожа вокруг заметно воспалилась.

— Что это?

— Они ткнули ножом, когда уходили. Но я потом это поняла.

— Сколько их было?

— Двое, я думаю.

— Они переговаривались?

— Не знаю... нет. Все молча. Только в самом конце я услышала, кто-то сказал: «Уходим». Одно слово.

— И ничего не видела?

Татьяна молча покачала головой, поправила на себе юбку.

— Они не местные. Они знали, кто я. И знали тебя.

— Меня? — Глухов дернул плечом. — Ну-к... поясни.

— Ваня, ты действительно не понимаешь? Или прикидываешься? — Татьяна смотрела на него с упреком, и он видел, что глаза у нее опять наливаются слезами.

— Отставить! В чем дело, ну?

Слезы хлынули из ее глаз рекой. Глухов бросился успокаивать, пока, наконец, она сумела проговорить:

— У тебя шрам, старый. На том же месте. Они, эти двое, твои знакомые. Они знали про шрам. Они нарочно меня ткнули ножом, чтобы ты не думал, это не шутки. Не случайность.

— Возможно, ты права, — сдержанно согласился Глухов. — Хотя таких знакомых у моей задницы прибавляется. После каждого банного дня.

— Вань, может, в милицию все-таки? Написать заявление? Глухов с досадой поморщился.

— Записку читала? Помнишь содержание?

Татьяна слабо кивнула.

— Ты пойми, у легавых свой бардак, дальше некуда. Там сволочь одна осталась и придурки. Как обычно заволоkitят дело и бросят. Спасайся, если можешь. Вдобавок весь город будет знать, что тебя изнасиловали в Массандре.

Он взглянул на жену, и горло перехватил колючий спазм. Она казалась совершенно раздавленной свалившейся бедой, и вина за ее жалкую беспомощность лежала на нем. Он порывисто склонился и поцеловал ее в мокрую от слез щеку.

— Не бойся. На этот раз я, действительно, вас спрячу. Ни одна собака не сыщет.

— А потом?

— Потом стану разбираться. Сам. Мужики помогут.

Она молча к нему прижалась. Глухов понял, что она почти согласна.

— Ты день-два отдохни с дороги. Я за это время договорюсь.

— Вань, из ведра вынеси. Воняет же. — Она отправилась в спальню, так и не притронувшись к кофе. — Я пойду переодеться.

— Сейчас вынесу, — Глухов приподнял крышку, чтобы убедиться, но ведро было пустым. В этот момент в спальне раздался отчаянный вскрик. Глухову показалось вначале, будто крик донесся с улицы, и он не сразу разобрал, что это голос жены. Метнулся в спальню...

Татьяна с перекошенным от ужаса лицом, бледная, появилась в дверях и мимо него, не глядя, двинулась в ванную, то ли в туалет. Запах вони ударил Глухову в нос, едва он переступил порог. Краем уха услышал, как жену выворачивает там наизнанку. Недоумевающим взглядом он обшарил комнату и — невольно отступил. На кровати лежала отрубленная человеческая голова. На него в упор глядели с изуродованного лица пустые, окровавленные глазницы...

Алексей проснулся разом, как от толчка. И сел. Бледный рассвет наполнял комнату, лишая предметы теней. Через форточку сильно сквозило, вздувая парусом шторы. Он нехотя выбрался из постели и босиком прошлепал в прихожую к дребезжащему телефону.

— Валяев. Слушаю.

— Леша, выгляни в окно, — раздался в трубке насмешливый голос Махнева. — Посмотри, дорогой, что там внизу? Возле подъезда?

— Карета, надо полагать?

— Приятно, ей-богу, иметь дело с умным человеком. В общем, повязывай галстук и срочно на место происшествия.

В трубке раздались короткие гудки.

Алексей проглотил вчерашний кофе и сошел вниз. Едва хлопнула за ним дверь подъезда, из-за угла вынырнул, кренясь набок, прокурорский «УАЗ» и с визгом осадил у самых ступеней. Алексей отметил про себя, что хотя прокурора Хлыбова давно нет в живых, хлыбовский нахрапистый стиль, даже его манера вождения прочно вошли в обиход работников здешней прокуратуры. Определенно был в этом человеке некий божественный замысел.

В салоне, кроме водителя, с обиженным на всех и вся видом сидел эксперт-криминалист Дьяконов. Машина рванулась с места и на вираже обоих пассажиров бросило друг на друга.

— Что случилось, Вадим Абрамыч?

— Понятия не имею, — Дьяконов втянул коротко остриженную голову в плечи. — Говорит, сюрприз!

— Махнев?

— Все потешается, забавник хренов.

— Нормальная позиция.

— Бог с вами, Алексей Иванович. Это психоз. Способ самозащиты слабого человека. Весьма уязвимо. Уверяю вас, долго не протянет, сдаст позицию.

— Что так?

Дьяконов сокрушенно вздохнул и не ответил.

Машина с асфальта нырнула вправо, в гору. Мелькнула вывеска продовольственного магазина, и они въехали во двор мимо деревянного забора, ограждающего строительную площадку. Из-за кустов с поднятой рукой вышел участковый Суслов. Слегка козырнул.

— Садись, лейтенант, — Алексей толкнул переднюю дверцу. — Проинформируешь.

— Сегодня восемнадцатое? — начал Суслов. — Ночью...

время можно уточнить, в дежурную часть поступило устное заявление от гражданки Запольских Веры Ильиничны. Заявительница местная, пенсионерка, проживает по улице Красноармейская, дом 3. Это рядом. Из заявления следует, что ее дочь Глухова Татьяна Васильевна в присутствии мужа Глухова Ивана Андреевича обнаружила у себя в квартире отчлененную человеческую голову. Как голова попала в квартиру, гражданка Запольских объяснить не сумела. Сама она ничего не видела, но со слов дочери знает, что ее и мужа Глухова Ивана Андреевича с помощью угроз шантажировали неизвестные лица. Требуют выплатить крупную сумму денег.

— Сколько?

— Миллион. Заявление Запольских сделала вопреки воле зятя. Глухов будто бы сказал жене, что отчлененную голову необходимо скрыть. Насколько она знает, опять же со слов дочери, неизвестные лица угрожали им расправой в случае, если они обратятся в милицию.

— Голова-то чья?

— Труп.

Дьяконов фыркнул в своем углу.

— Это понятно. Личность установлена?

— Пока нет.

— К опознанию не предъявляли?

— Головы тоже нет. Пока.

— То есть?

— Глухов ее закопал.

— Понятно. Стало быть, он пошел закапывать, а теща вопреки воле зятя отправилась в милицию? С заявлением? — Дьяконов снова фыркнул. Алексей посмотрел на него с укоризной.

— Глухов сейчас где?

— Откапывает, — усмехнулся Суслов. — Это в районе гаражей СМУ-7. На свалке.

— Хозяева в квартире есть?

— Нет. Там наши, Суляев с напарником работают.

— Пойти взглянуть, — Алексей выбрался из машины и придержал дверцу.

— Суляев, говоришь? — Дьяконов выставил полную ногу, но вылезать не спешил. — Я тогда на кой нужен там?

Алексей рассмеялся.

— Ладно, коли так. Но уж на свалку, извини, мы тебя сегодня доставим.

Нога убралась.

— Острые долбаны...

Квартира оказалась точной копией той, где проживал Алексей. Значит, дома принадлежали одной серии. И замки,

он сразу обратил внимание, внешне выглядели одинаково. Алексей нашарил в кармане ключ и попытался вставить. Ключ легко входил в замочную скважину, но провернуть его не удалось. Других запоров, кроме цепочки на косяке, не было. Криминалисты подтвердили:

- Повреждений на замке нет. Дверь открывали ключом.
- Как насчет лоджии?
- Лоджия застеклена. На шпингалетах, на стекле, на переплетах толстый слой пыли.

- Закрыта, что ли?
- Там вообще свалка. Вернее, склад, — вмешался Суслов. — Квартира на самом деле принадлежит другому человеку.

- Выходит. Глуховы — поднаиматели?
- Все трое прописаны у тещи, улица Красноармейская, 3.
- Анатолий Степанович, ключи пусть будут за тобой. Проверь, пожалуйста. В том числе основного квартиросъемщика. Узнай, кто такой и где хранит. Кто из посторонних мог иметь к ключу доступ? Не терялся ли?

- Проверим.

Обстановка в квартире на миллион явно не тянула. Чем дольше он всматривался в детали, тем более она вызывала ощущение временности. Похоже, Глуховы сидели на чемоданах. Суслов подтвердил догадку: уже два года. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Пол-России, в том числе он, сидят на чемодане. Иногда всю жизнь.

В прихожей, на вешалке, Алексей заметил смотанный поводок с толстым кожаным ошейником, украшенным бляшками. В углу — собачий коврик и миска. Судя по размерам ошейника, собака была крупная. Любопытно, где она находилась в тот момент, когда сюда вошел преступник?

- Из квартиры что-нибудь пропало?
- Еще не выяснили.
- Место работы Глухова?
- Замдиректора в СПТУ номер 13 по учебно-воспитательной работе.

Алексей сразу вспомнил этого человека. Отставной хрипун в чине то ли майора, то ли капитана — так, кажется, он определил его для себя. Наверняка жертва повальной демобилизации. В таком случае сидение на чемоданах и убогость обстановки вполне объяснимы. Но тогда миллион повисает в воздухе.

- Анатолий Степанович, ты с нами?
- Да. Приказано дожидаться и проводить.

На улице почти рассвело. Появились редкие и вялые, как осенние мухи, прохожие. Один из таких, с трехлитровой банкой в авоське, еще полусонный, ковырял в носу и с лицом

идиота беззастенчиво пялился на машину. На нем было выцветшее трико, заправленное в пестрые носки, и некогда лакированные штиблеты. Признак мужественности, еще не опавший после утреннего сна, выпирал под тонкой тканью, словно ручка на боковой двери «УАЗа».

— А? Каков гусь? — Дьяконов разглядывал типа с не меньшим удовольствием. — Хар-рош! Целая эпоха. Представь, когда он такой вот предстанет перед Господом, а? То-то смеху будет.

— Поехали.

Машина тронулась с места, и «эпоха» с пальцем в носу скрылась за ржавыми кустами акаций.

Свалка оказалась за городом, в перелеске, одна из тех стихийных, никем не узаконенных свалок, которые возникают, как грибы, на окраинах, неподалеку от строящихся объектов. Бытовых отходов здесь было мало. В основном, строительный мусор, опил с отходами древесины, кирпичный бой, смятая «мазовская» кабина и прочий разный хлам. «УАЗ» свернул с тракта через широкое поле, изъезженное вдоль и поперек тяжелыми машинами. Весной здесь было что-то посеяно, какая-то кормовая культура. Теперь из-под колес переваливающегося с боку на бок «УАЗа» серыми, грязными клочьями срывалось воронье и носилось в воздухе с многоголосым ором.

— Анатолий Степанович, съезди за понятами, — попросил Алексей, выходя из машины.

К нему подошел старший опергруппы сержант Скобов, представился. Потом кивнул на Глухова. Тот сидел на опрокинутом ведре ко всем спиной. Курил.

— Почти час искал. Мне, говорит, она ни к чему. Сами ищите.

— Обидели дядю? — осведомился Алексей, оценив позу.

— Задаю вопрос: где остальное? Ну, туловище? А этот сразу на дыбы. Все, без адвоката не разговариваю. Теперь молчит.

— Пожалуй, я бы тоже обиделся.

Обогнув кучу деревянных отходов, они подошли к вырытой яме. На дне ее, из земли, перемешанной с опилом, торчали края истертого полиэтиленового пакета. Рядом валялась лопата с укороченным черенком. Обычно такие лопаты берут с собой по бездорожью водители легковых автомашин. По знаку сержанта один из оперативников начал осторожно огребать землю вокруг пакета. Углубившись до середины, взял пакет с двух сторон за края и вытянул наружу. Представшее их глазам зрелище напоминало дурной сон. С большим

трудом верилось, что подобное зверство могло быть сотворено человеческими руками.

Судя по помаде на губах, остаткам макияжа и проколотым мочкам ушей, голова принадлежала женщине. Достаточно молодой. Голова была обрита наголо — грубо, наспех, с многочисленными глубокими порезами и снятыми лоскутами кожи. Брови тоже были выбриты. Оба глазных яблока вырезаны. Многочисленные глубокие порезы имелись на лице, надрезы на веках и в углах глаз. В окровавленных зубах была закушена раздавленная сигарета.

Подошел Суслов с понятыми.

— Будем предъявлять к опознанию?

— В таком виде? Не думаю. Тут живого места нет.

— Значит, на экспертизу?

— Да. Пусть поработают медики. Желательно знать дату смерти. Потом, Анатолий Степанович, вам придется побывать на кладбище. Проверьте, нет ли разрытых могил и обезглавленных женских трупов. Кто был похоронен и когда? Когда разрыли? Если концы сойдутся, три даты нетрудно будет сопоставить.

Алексей заполнил протокол осмотра и дал подписать понятым. Затем подошел к Глухову.

— Здравствуйте, Иван Андреевич.

Тот слегка повернулся и кивнул, молча. Но, похоже, узнал.

— За сержанта я должен принести вам извинения...

— Давайте так, — перебил Глухов. — Никто никому ничего не должен. И без подходов. Вы спрашиваете, я отвечаю. Все.

— А как же адвокат? — Алексей улыбнулся.

— Какой адвокат?

— Сержант сказал, что без адвоката вы разговаривать отказываетесь.

— Шутит казарма. Знает, что мы не в Европе.

— Тогда начнем. Но лучше в машине, там удобнее.

В машине Алексей достал из папки бланк протокола, заполнил анкетную часть и предупредил об ответственности за дачу ложных показаний.

— Иван Андреевич, первый вопрос по существу дела. Почему вы не обратились в милицию, а решили скрыть преступление?

— Чье преступление? Мое?

— Ну, зачем же так сразу?

— Хорошо, давай не сразу. Я, дорогой прокурор, свидетелем убийства не был. Как я мог что-то скрыть?

— По-вашему, это не убийство?

— Все повреждения на голове носят посмертный характер. Я на трупы нагляделся, десятерым гаврикам достанет. —

Глухов небрежно кивнул в сторону оперативников. — Голову тоже отрезали у трупа. У готового. Но я при этом, уверяю вас, не присутствовал. Не говоря уже об убийстве.

Он говорил резко, насмешливо и смотрел прямо в глаза. Алексей понял, что разговор предстоит длинный и, возможно, безрезультатный.

— Мне, Иван Андреевич, почему-то показалось, мы с вами в этом деле союзники.

— Хреновые из вас союзнички, — отрезал Глухов.

— Это почему?

— Потому, что вы видите во мне преступника. Сержант требует показать, где я закопал туловище. Вы пугаете меня ответственностью за дачу ложных показаний. Обвиняете в том, будто я скрыл факт убийства. С союзниками, дорогой прокурор, так не поступают.

— Полно ребячиться, Иван Андреевич. За сержанта я перед вами извинился, по-моему. Об ответственности за дачу ложных показаний мы обязаны предупредить свидетеля, прежде чем допросить. Такая форма, и вы это знаете. Что касается вашей находки, то вы обязаны были об этом заявить. Вы же скрыли, а теперь становитесь в позу. Зачем?

— Хотите, скажу, какой следующий вопрос вертится у вас на языке? Вот-вот сорвется. Даже удивительно, что вы до сих пор не спросили. Ну, так как?

— Я слушаю.

— Вам, уважаемый прокурор, не терпится выяснить, откуда у меня взялись такие деньги. Аж целый миллион! А может, два? Это при моей-то должностенке, да еще в системе образования. Так?.. Наверняка тут дело не чисто, думаете вы. И нельзя ли этот миллион, а может, два, обратить в доход государства. Преступник думает так же. Он желает слупить с меня миллион. Правда, в свою пользу. И тоже пугает. Но в отличие от вас поступает честнее, не хитрит и не набивается в союзники. Он так и говорит: я собираюсь тебя ограбить.

Алексей рассмеялся.

— Ваш ответ, Иван Андреевич, я знаю заранее. Миллиона у вас нет, так?

— Вот именно. И никогда не было.

— Дело в том, — продолжал Алексей, — что на данном историческом отрезке заработать миллион честным путем невозможно. Нет законодательной базы. Любой миллион, тем более два, оказавшись в частных руках, имеют криминальное происхождение. Спекуляция, бандитизм, наркотики, махинации с валютой и тому подобное. Вы меня понимаете. Стало быть, честный человек с миллионом в кармане — абсолютный

нонсенс. Поэтому на честный ответ с вашей стороны я и не рассчитывал. Особенно в том случае, если бы миллион у вас действительно имелся. А то, что вы скажете, и что в конечном счете сказали, я знал без вас.

Некоторое время оба молчали. Было ясно, что черта под дискуссией подведена. Наконец, Глухов сказал:

— Ладно, прокурор. Хватит воду в ступе толочь. Спрашивай, что надо. И разбегаемся.

— Вопрос тот же самый. Почему вы не обратились к нам сразу?

— Вначале не придавал значения. Да и сейчас... Хотя далеко зашел, гад.

— До этого случая вам угрожали?

— Обещал пришить всех троих. В случае неуплаты. Или в случае, если надумаю обратиться в милицию.

— Вас это остановило?

— Я же сказал: не придавал значения.

— Преступник сообщался с вами письменно? Или по телефону?

— Две записки. Вторая там, в пакете. Он ее к голове на гвоздь приколотил.

Алексей выглянул из машины.

— Вадим Абрамович! Записку нашли?

Через минуту подошел Дьяконов. На руках у него были надеты резиновые перчатки. Подал следователю перемазанную, в подозрительных пятнах четвертушку бумаги. Пояснил:

— В пакете валялась, на дне.

На четвертушке крупными печатными буквами, вероятно, шариковой ручкой было написано:

**«Иван это последнее предупреждение у тебя осталось
три дня на очереди твои доч»**

Без знаков препинания и прописных букв, с ошибками. Но неграмотный текст вполне мог оказаться имитацией.

— Что-то еще?

Дьяконов с сомнением пожал плечами.

— На срезе шеи налипли частицы какого-то вещества. Надо сделать сыв. И тоже на экспертизу. Кстати, — он просунул голову в машину к Глухову. — У вас дома дырокол имеется?

— Чего нет, того нет.

— Угу. Кусочки бумаги на шее — от дырокола.

— Бумага та же? — Алексей ткнул пальцем в записку.

— Трудно сказать. Хотя дырокол, как будто, с изъяном.

С индивидуальными признаками, пригодными для идентификации.

Переговорив с Дьяконовым, Алексей снова обернулся к Глухову. Тот молчал, глядя отсутствующими глазами в окно. Он настолько ушел в свои мысли, что Алексею пришлось дважды повторить свой вопрос.

— Первая записка?.. Валяется где-то в столе. Небось, ваши орлы успели, нашарили.

— Конверт сохранился?

— Лежала в почтовом ящике. Без конверта.

— Что в записке?

— Как я должен отдать миллион, — Глухов усмехнулся.

— Ну-ка, ну-ка?

— Я должен повесить в окне, на кухне, красную тряпку. Знак. И ждать дальнейших указаний.

— А вы повесьте.

— Поздно, прокурор! Теперь ваши дознаватели бегают по подъездам и каждого спрашивают: вы тут не видели на днях подозрительного гражданина? Он зашел в девяносто вторую квартиру к Глухову. Под мышкой гражданин держал отрезанную голову. Вон... взгляни.

Он кивнул в сторону дороги, через поле. Там, на обочине, собралась кучка людей. В одном из них Алексей разглядел понятого, дежурного вахтера из соседних гаражей. Тот что-то говорил и часто тыкал рукой в сторону милицейских машин возле свалки, на одной из которых безмолвно вращалась синяя мигалка.

— Да, реклама солидная, — согласился Алексей.

— И миллион жалко отдавать, — мрачно съязвил Глухов.

— Иван Андреевич, поскольку миллиона у вас нет и не было, то шантажировать вас не имеет никакого смысла. Однако вам угрожают, в том числе действием. У вас есть соображения на этот счет? Скажем, друзья-хохмачи? Враги? Или знакомые психи? Обиженная и оскорбленная женщина?

— Женщина... ха! — Глухов рассмеялся, хрипло, надтреснуто.

— Напрасно недооцениваете, — Алексей пожал плечами. — Недавно допрашивал, из совхоза «Северный» обвиняемая. Пришла баба домой после вечерней дойки. Вхожу, говорит, во двор и слышу — на сеновале хихикают. У меня, говорит, сердце от злости зашлось, насилие на ногах устояла. Походила по двору, будто ничего не знаю, а потом к лестнице на сеновал подтащила из угла ржавую борону. И зубьями вверх опрокинула. Сама ушла в магазин. Когда вернулась, во дворе толпа народу собралась. Мужа с одной конторской дамой с зубьев снимают. Он первый впотьмах на борону прыгнул и закричал. Любовница перепугалась, хотела убежать. И тоже

на зубья прыгнула. Ноги насквозь у обоих. Жаль, говорит, соседи помешали, я бы топором посекала их тут же на бороне.

— Вы с олигофренами, кажется, имели дело? — перебил Глухов.

— Учащийся контингент?

— Они самые. Единственный способ привести эту публику в чувство — поголовная кастрация. Все остальное пустая трата времени.

— У вас есть основания кого-то подозревать?

— Два разбойных нападения, не считая мелочей. Это как? Основание?

— Лично на вас?

— Главным образом.

— Значит, на других из вашего коллектива тоже нападали? В двух словах при каких обстоятельствах?

— Какие там обстоятельства! Первый раз напали возле подъезда. Похоже, поджидали. Человека три или четыре, темно было. Лиц тем более не разглядел. Но просчитались ребята. Им бы по куску арматуры взять, а они... В общем, не получилось. Я и сам люблю помахаться. Ей-богу, даже удовольствие получил.

— Понятно. И когда это произошло?

— Сейчас скажу. Сегодня восемнадцатое? В конце прошлого месяца дело было, двадцать третьего. Ровно неделю спустя — второй случай. Мы с Охорзиным возвращались.

«Это который Кириай Кириайч», — вспомнил Алексей из показаний эспэтушников.

— Тоже ввечеру было. Идем не спеша, разговариваем. Вдруг мимо носа кирпич... вернее, половина. Это на улице Шмидта произошло, возле новостройки. Судя по траектории, кирпич саданули из окна. Сверху вниз.

— Квартиры проверили?

— Да. Но Охорзин со мной не пошел. Даже у подъезда отказался стоять. Короче, олигофрены смылись, пока я из подъезда в подъезд по этажам бегал. Правда, лежбище нашел. В углу матрац, бутылки под ногами катаются. И табаком... не выветрилось еще. Мочиться и срать ходили в соседнюю комнату.

— По времени последовательность вроде просматривается. Но этого маловато, как вы думаете?

— Чего маловато?

— Маловато, если мы хотим увязать шантаж с этими двумя эпизодами. Разнопорядковые вещи.

— А миллион?! — рявкнул Глухов. — Дурацкая цифра! Предел мечтаний подрастающего идиота. Насмотрятся теле-радиобредятины и — с ножом на большую дорогу.

— Убедительно. Но, увы, не факт.
— Голова смущает? Изуродовали?
— Голова тоже. Смущает способ доставки ее на дом.
— Ерунда, — отмахнулся Глухов. — Если ключ изготовить, в два счета сообразят. У меня самого два ключа... вот они, а я почти все кабинеты в училище ими запираю. Универсальные. У олигофренов, кстати, отобрал.

— И когда, вы полагаете, голову пронесли?
— Позавчера. Меня сутки не было дома. Надеюсь, алиби не придется доказывать?

Алексей кивнул.

— Когда утром позавчера уходил, головы не было.

— А собака?

— Собака у тещи пропадала. А вчера с утра и до полудня, до нашего прихода, караулила квартиру. Не выпускал.

— Супруга с дочерью были, кажется, в отъезде?

— Были.

— Ну, хорошо, — Алексей дал подписать протокол и захопнул папку. — В ближайшие день-два вы мне понадобится. Где вас удобнее найти?

— По рабочему телефону. Если куда-то уйду, Зинаида доложит.

— Иван Андреевич, если не возражаете, еще вопрос. Не для протокола. Вы, как я понял, года три не дослужили?

— Верно. Три года. Теперь таким, как я, досрочникам, пенсию начисляют со дня увольнения в запас.

— Сами подали?

— Сам! Ввиду полной и окончательной победы! — Глухов вдруг хохотнул и крепко ударил кулаком по колену. — Военно-промышленный комплекс, дорогой прокурор, наголову разгромил собственную страну. Ни одна чужая армия такого разору нанести не способна.

Он выбрался из машины.

— Бывай, прокурор, — и двинулся через поле в сторону тракта.

3

Когда Алексей вошел в кабинет начальника РОВД, подполковник Савиных и его заместитель, словно по команде, обратили в его сторону любопытные, прощупывающие взгляды. Он понял, что о возможном назначении его на должность прокурора района этим людям вполне известно, хотя решение с ними никто не согласовывал. В лучшем случае поставили в известность. Сейчас оба терялись в тревожных догадках, поскольку причины подобного назначения представлялись им абсолютно невразумительными.

Внимание начальства было столь явным, что остальные присутствующие тоже начали оборачиваться в его сторону. Сидящий у окна Крук, следовательно облпрокуратуры по особо важным делам, со скрипом развернулся на стуле и уставился на вошедшего сонными, неподвижными глазами. Желая снять грозящую стать неловкой паузу, Алексей взглянул на часы.

— Я опоздал?

— Начнем, пожалуй, — не отвечая прямо на вопрос, буркнул подполковник. Перевел взгляд на дверь. — Кто там в коридоре? Пусть заходят.

Оперуполномоченный Ибрагимов бесшумно скользнул в коридор.

— Итак, слово за вами, Евгений Генрихович. Прошу.

Крук шевельнулся, давая понять, что слышит, но продолжал пребывать в полудремотном состоянии. Наконец, когда все расселись, он заговорил, медленно роняя слова:

— К великому моему сожалению, оба раза я не участвовал в осмотре места происшествия. Ни в случае убийства следователя прокуратуры Шуляка, полгода тому назад. Ни в случае убийства Вениамина Гавриловича Хлыбова, вашего районного прокурора. К великому моему сожалению, дело Шуляка попало ко мне из третьих рук, что, сами понимаете, не способствует успеху расследования. Кроме того, у меня масса претензий по методам ведения следственной и оперативно-розыскной работы как в том, так и в другом случае. Что я имею в виду? Прежде всего поражает непрофессионализм. Вопиющий.

— Следователи ваши. Из областной прокуратуры, — вставил подполковник Савиных, перебирая лежащие на столе бумаги.

— Знакомясь с материалами дела, я понял так, что к приезде следственной группы место происшествия оцеплено не было. Болтались случайные люди, не приняты необходимые меры по сохранению и фиксации следов преступления. Первоначальное положение трупов неизвестно. Найдено множество отпечатков, не имеющих отношения к делу. И так далее. В результате картина получилась искаженной.

— Беспрецедентный случай в нашей практике, — развел руками замначальника Шутов, грузный мужчина с хриплым, надсаженным голосом. — Естественно, паника. Самые крутые меры. Переборщили, словом.

— В случае с Хлыбовым прецедент имелся. Однако все повторилось, до мелочей.

Крук помолчал и, не дождавшись возражений, продолжал разворачивать перед членами оперативно-следственной груп-

пы общую невеселую картину. Алексей слушал с возрастающим интересом, хотя все так называемые претензии знал наперед до последнего слова. По редким, настороженным взглядам вокруг он видел, что остальные члены группы испытывают те же чувства, что и он. Доверия здесь никто ни к кому не питал, тем более к словам. То, что Крук называл «непрофессионализмом», на самом деле было сработано достаточно профессионально под непрофессионализм. Сейчас на его глазах в номенклатурно-бюрократических играх начинался новый этап. Начальство, пусть нехотя, сквозь зубы, но признает допущенные в ходе следствия «ошибки и просчеты». Следующим шагом будут намечены неотложные меры по их исправлению на основе «глубокого анализа». Все это протоколируется и будет подшито с единственной и абсолютно шкурной целью — обезопасить себя на будущее, если, не приведи господи, когда-нибудь придется держать ответ.

Новый этап может означать одно: следствие по делу окончательно загнано в тупик. Все настолько безнадежно, что любые мероприятия при любой глубине анализа с привлечением следственных работников самой высокой квалификации ни к чему не приведут. Начальство в этом, кажется, уверилось. Поэтому не исключено, что для следственной работы будет предоставлена необходимая свобода действий.

Особый интерес у Алексея вызывала фигура самого Крука, который лишь на днях принял к своему производству дело Хлыбова и, похоже, намеревался объединить оба дела в одно. По прежней своей работе в первомайской районной прокуратуре ему не раз приходилось встречаться с Круком. Похоже, именно ему выпала роль следственного работника самой высокой квалификации, который, возглавляя группу, своими умными, по-немецки скрупулезными действиями при полной и всесторонней поддержке местных органов дознания блестяще докажет в конце концов полную безнадежность этих дел, ибо все возможное и невозможное будет сделано. В результате, «непрофессиональные» действия заинтересованных лиц на начальном этапе расследования окажутся полностью реабилитированы и, возможно, забыты.

Любопытно, знает ли Крук о назначенной ему роли? Или его играют втемную?

Атмосфера подозрительности и безнадежности особенно сгустилась, когда следственные и оперативные работники по настоянию Крука один за другим стали отчитываться за отработку закрепленных за ними в ходе официального расследования версий. Крук, помимо отчета, предлагал каждому внести собственные предложения или сделать выводы из

проделанной ранее работы: двум следователям из соседнего района учинил настоящий допрос, подняв их на ноги, как школьников. Видно было, что Крук таким способом хотел переломить прежнее исполнительское, равнодушное отношение к делу. Но его расчет задеть самолюбие, оскорбить, быть может, вызвать огонь на себя и заставить высказать обиды, чтобы в конечном счете извлечь из заварухи рациональное зерно, успеха не имел. Самолюбия были давно растоптаны, обиды всерьез никто не принимал, даже напротив: такого рода накачки и разгоны были привычны и почитались за должное. Поэтому стена недоверия вместо того, чтобы рухнуть, продолжала расти.

Было бы лучше, подумал Алексей, если бы Крук сам явился на оперативку со свежей, неординарной идеей. Тогда он без труда втянул бы присутствующих в обсуждение и тем самым заставил людей откровенно высказаться. Скорее всего, такой идеи у Крука не было. Он решил вырвать ее силой.

Некоторую разрядку внес своим выступлением оперуполномоченный Ибрагимов. В очередной раз не добившись результата, Крук остановил взгляд полусонных глаз на смуглом, непроницаемом лице уполномоченного.

— Рафик Хамматович, вы имеете что-то добавить к словам коллеги?

Ибрагимов поднялся.

— Прошу вас.

— Давайте попробуем исходить из характера потерпевшего Хлыбова. Это человек крайне самолюбивый, свои обиды он никогда никому не прощал. Здесь многие с ним работали, думаю, мои слова подтвердят. Предположим, Хлыбов вдруг узнал, чем занималась его жена наедине с потерпевшим Шуляком. Какие могли быть последствия, нетрудно догадаться. Если кто-то все же сомневается, вспомните загадочную смерть первого мужа Хлыбовой, который оказался у него поперек дороги.

Второе. При обыске у Анны Хлыбовой был изъят ключ от квартиры потерпевшего Шуляка. Что, если этот ключ на короткое время попал в руки Хлыбова, и он им воспользовался?

Крук криво усмехнулся.

— По-вашему, заполучив ключ, Хлыбов зарезал любовника жены? Потом угрызения совести заставили его покончить жизнь самоубийством?

— Ударом ножа в спину, — послышалась мрачная реплика.

Ибрагимов выставил ладонь.

— Мы все хорошо знаем, что потерпевший Шуляк и жена Хлыбова относились к возникшему у них чувству серьезно. Зато семейные отношения Хлыбова с супругой день ото дня ухудшались и часто заканчивались скандалом или запоями. Поэтому не исключено, что во время скандала в состоянии алкогольного опьянения или аффекта Хлыбова схватилась за нож и нанесла тот роковой удар. Другой вариант: потерпевший Хлыбов сам спровоцировал удар ножом, когда однажды рассказал ей, как он расправился с любовником, наверняка зная, что донести на него она не сумеет. Наконец, Хлыбова могла знать сама или подозревать мужа в смерти любовника. Долгое время она вынашивала свой замысел мести. Это в какой-то степени объясняет характер нанесенного удара. Сзади в спину. То есть способом, которым был убит Шуляк.

— У вас имеются доказательства?

— Я изложил свою версию.

Крук пожал плечами.

— Выходит, от фонаря?

— Вы прекрасно знаете, Евгений Генрихович, каким ножом был убит потерпевший Хлыбов. Если бы преступник был кто-то другой, я не думаю, чтобы он пошел убивать в расчете, что найдет орудие преступления по месту жительства своей будущей жертвы. И последнее. Не слишком ли доверчиво опытный розыскник, прокурор района подставлял свою спину возможному убийце? Или убийца находился у него вне подозрения, что маловероятно. Или убийцей являлась его собственная супруга.

— Разрешите мне? — подал голос исполняющий обязанности районного прокурора Сапожников.

— Прошу, Семен Саввович.

— С покойным Вениамином Гавриловичем бок о бок я проработал около пятнадцати лет и достаточно хорошо его знал. Так вот, прошу принять к сведению: до женитьбы Хлыбов запоями не страдал. Выпивал, это случалось, но как все нормальные люди. Не более. И еще момент. До женитьбы, около двух лет, Хлыбов втайне от первого мужа крутил с чужой женой, что называется, преступную любовь. После женитьбы, не прошло и двух лет, преступную любовь втайне от Хлыбова начал крутить с его женой Шуляк.

— В итоге, мы имеем три трупа, — просипел Шутов.

Сапожников поморщился от подобной категоричности, однако опровергать не стал.

— Во всяком случае, закономерность просматривается.

Алексею сделалось не по себе. Предложенная версия своей простотой и наивностью напоминала кувалду и была столь

же сокрушительна. Беспрецедентная резня в районной прокуратуре исчерпывалась таким образом обычной любовной интрижкой и обрубала все концы. Бедная Анна!

После непродолжительного молчания Крук остановил полусонный взгляд вновь на Ибрагимове.

— Рафик Хамматович, дело за малым. Вам осталось объяснить, каким образом Анна Хлыбова умудрилась оказаться дома в то самое время, когда она сидела в гостях? У подружки, кажется? На этот счет у вас тоже имеются соображения?

— Имеются, — невозмутимо подтвердил оперуполномоченный. — Если помните, в тот роковой вечер подозреваемая Хлыбова находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения.

— Не только Хлыбова, — перебил Шутов. — Они затем и собрались у этой... у подружки.

— Это так, — подтвердил Ибрагимов. — Но вначале они занимались сеансами спиритизма. Крутили тарелочки и вызывали духов. После очередного сеанса Хлыбова почувствовала недомогание и ушла в спальню. Хозяйка проводила ее и тут же вернулась к столу. Сколько ушло времени с момента ухода и до момента появления подозреваемой, остальные гости, занятые вызыванием духов, сказать не могли. От десяти минут до получаса, такой разброс мнений. Я специально еще раз уточнил.

Теперь... Дом частный, окно спальни легко открывается и выходит в сад. Давайте на минуту допустим, что подозреваемая неожиданно решила вернуться домой и, чтобы не мешать сеансу, выбралась через окно. Я проверил хронометраж, получается десять-пятнадцать минут быстрой ходьбы. Обратно после случившегося под влиянием сильного душевного волнения подозреваемая могла пробежать за пять-семь минут. И лечь в постель. В том виде, как ее застала впоследствии хозяйка. Таким образом, — подытожил Ибрагимов, — алиби подозреваемой представляется весьма сомнительным.

Крук молчал. Подполковник Савиных сосредоточенно крутил в руках красно-синий карандаш и тоже не спешил с заключительным вердиктом.

Следует отдать должное, версия Ибрагимова удачно разрешила многие запутанные и противоречивые моменты в деле. При умело подобранном доказательственном материале местные правоохранительные органы в перспективе могли свалить с плеч сразу несколько дел из разряда безнадежных, связанных с тяжкими преступлениями. Соблазн был слишком велик, и это становилось опасно. Еще несколько минут подобной болтовни, и ни один аргумент в пользу Анны не станут даже слушать.

Алексей попросил слова.

— Насколько я понял, Рафик Хамматович пока не имеет ни одного проверенного факта, который мог бы его версию подтвердить. Поэтому нам тоже не следует на уровне догадок и сомнительных предположений выносить Анне Хлыбовой окончательные оценки.

— Какие оценки? Вы о чем? — не понял Шутов.

— Пожалуйста, могу повторить. Низкий морально-правственный облик подозреваемой, — Алексей интонацией выделил слово «подозреваемая» и подождал, пока смысл вполне дойдет. — Пристрастие к употреблению алкоголя. Вплоть до запоев. Преступная любовь. Хотелось бы знать, уважаемый Семен Саввович, на какую статью в Уголовном кодексе вы ссылаетесь, оценивая это деяние как преступное? В итоге мы с вами договорились до того, что готовы повесить на подозреваемую ни много ни мало — целых три трупа.

— А что? Три трупа вокруг одной дамы — не факт?

Подполковник Савиных постучал карандашом по столу, пресекая начинающиеся разговоры. Затем с ворчливой нотой в голосе заметил:

— Критиковать чужие версии мы умеем неплохо. Надо думать, Алексей Иванович, у вас есть своя, более взвешенная?

— В состав оперативной группы меня включили вчера. По настоянию Евгения Генриховича Крука, вы это знаете. Поэтому с материалами дела я знаком поверхностно.

Подполковник откинулся на спинку кресла и сделал глубоко разочарованное лицо. Дескать, о чем вообще можно говорить с человеком, который не владеет материалом.

— У вас все, Алексей Иванович?

— Не совсем. Ради пользы дела я могу предложить вниманию группы версию Игоря Бортникова.

— Не нужно! — отрезал Савиных. — Все соображения Бортникова в материалах дела имеются. Советую ознакомиться, молодой человек. И побыстрее.

По налитому свинцом, отчужденному взгляду Алексей понял, что слова не получит, если немедленно, сию минуту не выложит крупный козырь. Чтобы ударило по мозгам.

— Кстати, накануне отъезда следователь Бортников в моем присутствии предсказал районному прокурору Хлыбову смерть.

Он произнес фразу спокойным, без выражения голосом, но даже у старого лицедея, несмотря на известную выдержку, отвалилась челюсть.

— Разумеется, лучше узнать все от самого Бортникова. Еще лучше включить его в состав следственной группы.

— Игорь переходит в коммерческую структуру, — заметил Крук.

— Я знаю. Но в помощи он не откажет, особенно если гарантировать определенную свободу действий.

— Это каким образом Бортников предсказал смерть Хлыбову? Что за чушь? — Савиных хотя и заглотил наживку, но глядел с подозрением.

— Каким образом, знает только он сам. А произошло это при следующих обстоятельствах. В ночь перед отъездом я зашел к Бортникову в номер гостиницы. Мы переговорили, и он собрался уходить, когда в номере появился Хлыбов. Между собой они находились в неприязненных отношениях, и разговаривать с ним Бортников не захотел. Стоя в дверях, одетый, он сказал Хлыбову, что тот по сути уже покойник. «У тебя, Хлыбов, времени осталось — выкурить последнюю трубку и успеть проститься с женой», — его дословная фраза. На следующий день, вы знаете, Хлыбова нашли мертвым.

Рассказанный эпизод произвел эффект разорвавшейся бомбы. Даже Крук утратил обычное сонное выражение лица и слегка подался вперед.

— Выходит, Бортников знал, кто убийца?

— Предполагал, вы хотите сказать? Не думаю. Скорее всего он хорошо просчитал обстоятельства и вывел систему координат. Смерть Хлыбова, я полагаю, вписывалась в эту систему с точностью до минут.

В данном случае Алексей блефовал, но разыгрывать парapsихологические пассажи перед подобной аудиторией сейчас было бы неразумно.

— Знал и не предотвратил, — буркнул подполковник, буровя следователя глазами.

— Он предупредил Хлыбова. Имеющий уши да услышит.

— Вы знакомы с его системой? — осведомился Крук, уводя разговор от опасного направления.

— В общих чертах. Я бы назвал это методом исключений.

— Продолжайте.

— Прежде всего Бортников поднял все дела, которые Шуляк вел в течение года. И тщательно проанализировал. Одно из дел о крупных хищениях в совхозе «Северный» он изложил в качестве примера. От пересказа я сейчас воздержусь, отмечу только результат. Совхоз разворован дотла, по сути его больше не существует. Для сведения Шуляк составил два любопытных списка. Список обескровленных совхозных объектов, с одной стороны. С другой, список левых объектов, на которых работали шабашники, используя совхозные стройматериалы, технику, а также деньги, вырученные от продажи

неучтенной сельхозпродукции. Вот этот второй список с именами так называемых владельцев после смерти Шуляка таинственным образом исчез. Исчезли подобные списки по другим делам, а вместе с ними многие документы, имеющие доказательственное значение. Но, как вы понимаете, Шуляк работал не в одиночку. Одновременно была задействована масса людей, назначались экспертизы, финансовые проверки, живы и здравствуют многочисленные свидетели. Короче, за непродолжительный срок Бортников сумел многое восстановить из утраченного. Картина привела его в шок. Во время нашей последней встречи он выразился коротко:

— У власти воры. Практически у Шуляка не было ни одного шанса выжить.

Напомню эпизод. Во время осмотра квартиры Шуляка, когда его впервые обнаружили мертвым, неизвестно откуда на голову следственной группы свалился генерал-майор милиции Свешников. Господин Свешников, как выяснилось, проживает и благодуствует в Москве. Но именно он один из организаторов официального расследования. Его имя, кстати, тоже числится в списке, который удалось восстановить Бортникову.

— Бред! — рявкнул подполковник с плохо скрытой угрозой в голосе. — Бред сивой кобылы, господин Начинающий!

— Заговорила вохра лагерная, — пробормотал кто-то у Алексея за спиной.

— Не стоит так волноваться, Василий Васильевич. Вас ни в одном из списков нет. Но ваше понятное чувство долга, привычку военного человека подчиняться распоряжениям сверху, наконец ваше личное мужество используют иногда не лучшим образом.

Алексей выдержал налитый кровью, свирепый взгляд подполковника.

— Мне продолжать?

— Василь Васильич? — Крук вопросительно вскинул бровь и слегка повернулся. Подполковник Савиных явно колебался. Однако прекратить разговор сейчас лично для него означало признание собственной вины. Он махнул рукой.

— С убийством Шуляка, а затем Хлыбова господа свешниковы поторопились, — продолжал Алексей. — Сейчас все без разбору хозяйственные преступления именуются бизнесом. Крупные хищения социалистической собственности — приватизацией. Но убийство, пусть даже в интересах бизнеса, пока квалифицируется как тяжкое преступление.

— Давайте ближе к делу, — буркнул Шутов.

— Так вот, о методе исключений. Бортников сопоставил восстановленные списки и обнаружил: если одни имена встре-

чаются раз, от силы два, и достаточно случайны, то другие сквозят по всем спискам. Вместе они составляют устойчивую преступную группу с наработанными криминальными связями.

Убийство Хлыбова, спустя год после убийства Шуляка, позволяет еще раз сократить список подозреваемых. Каким образом? Рафик Хамматович верно заметил: опытный в прошлом розыскник, прокурор района безбоязненно поставил спину преступнику. Вероятно, он не подозревал о его истинных намерениях. Кроме того, преступник был вхож в дом Хлыбова на правах старого знакомого. Если кто-то сомневается, вспомните: часто ли, пусть даже по долгу службы, Хлыбов принимал у себя дома посторонних? Тем более когда у него наступали запои. Это обстоятельство ввиду служебного положения тщательно скрывалось. Отключался даже телефон. Но преступник хорошо знал, что Анны Хлыбовой дома нет. То есть опять же был в курсе семейных событий. Я думаю, с помощью Хлыбовой мы сможем установить круг лиц, которые были вхожи в дом, несмотря на замкнутый образ жизни потерпевшего.

Надеюсь, здесь не надо доказывать, что оба убийства совершены одним и тем же лицом. Удар хорошо поставлен. Он был нанесен Хлыбову сквозь спинку плетеного кресла с сокрушительной силой. Рукоять ножа вдавилась в тело вместе с элементами плетения и оставила на коже отчетливый след. В обоих случаях он пришелся в область сердца с точностью до квадратного сантиметра. Среди подозреваемых, мне кажется, следует поискать человека, проходившего службу в ОМОНе, в ВДВ, в войсках специального назначения, в горячих точках. Это еще раз поможет сузить круг.

Алексей замолчал.

— Вы не допускаете, что оба убийства могут быть заказные?

— Допускаю.

4

Обед в кафе «Лакомка» оказался на редкость отвратительным. Красно-синий борщ из гнилых овощей, недоваренный, есть было невозможно. Он отставил тарелку в сторону. На второе за отсутствием выбора пришлось взять котлету с перловой кашей и подливкой. Перловая каша была сварена на воде, котлеты слеплены из перловой каши, сваренной на воде, с хлебом, а от подливы пахло больницей и помоями. При таких тошнотворных обедах администрации следовало бы на выходе завести ящик с гигиеническими пакетами для

пострадавших. А вообще по данному факту вполне можно возбуждать уголовное дело, квалифицируя его как сознательную попытку массового отравления.

— Не любите вы нас, девушки, — невесело пошутил он, возвращаясь к стойке за своим чаем, который, судя по цвету, заваривали неделю назад.

— А за что вас любить? — отгрызнулась плотная молодуха в высоком кокошнике, едва скосив на него накрашенные глаза.

— И в самом деле, — согласился он.

Но разговаривать молодуха не пожелала. Тяжело покачивая бедрами, она двинулась от стойки в глубь кухни и плюхнулась там на стул между плитой и хлебобрезкой.

После кафе Алексей заглянул к себе в канцелярию. Неподражаемая Людмила Васильевна хорошела день ото дня, и эту заслугу Алексей скромно приписывал себе. Правда, он очень опасался, что однажды она похорошеет настолько, что как порядочный человек он просто обязан будет на ней жениться. И не дай бог ему жениться где-то на стороне. Он даже боялся представить, с какими глазами явится однажды сюда, в канцелярию, будучи женатым на другой. Наверное, после этого с ним будут разговаривать точь-в-точь, как та молодуха из кафе «Лакомка».

— Для меня что-нибудь есть?

— Две телефонограммы. Справка. Одно заключение, — мягким, неуловимо грациозным жестом она передала ему бумаги, и ее пальцы невзначай коснулись его руки. Но недавний обед, с которым молодой организм яростно сражался за выживание, помешал ему в полной мере оценить всю прелесть момента. Не уловив ответного движения, сдержанным тоном она добавила:

— Вас ждал Сапожников. Просил зайти, когда вернетесь.

— Почему ждал?

— Он будет через два часа.

— Угу.

С этим глупым «угу» Алексей отправился к себе в кабинет, испытывая нечто вроде угрызений совести. Это показалось ему нехорошим симптомом, поскольку его совесть была кристально чиста. В кабинете Алексей сел на стул и всерьез задумался над столь странным противоречием. Потом пришел к выводу: если он хочет иметь чистую совесть и не испытывать угрызений, ему надо купить цветы, бутылку шампанского и вступить в ни во что не обязывающие отношения. Пока не обязывающие. А вообще, если у человека есть совесть, то у него часто нет выхода.

Он вздохнул и взялся за поступившие на его имя бумаги.

Справка

1. По Вашему поручению мной проверены все захоронения трехнедельной давности на городском кладбище № 2. Разрытых могил и расчлененных женских трупов не обнаружено. Проверка проведена с привлечением обслуживающего персонала и администрации.

2. Основной квартиросъемщик Самоуков Г.Г., сдавший квартиру в поднаем Глухову И.А., в настоящее время проживает в пос. Нефтеюганск Ханты-Мансийского национального округа. Свой ключ от квартиры оставил сестре Самоуковой А.Г. по адресу... Ключ по моей просьбе Самоукова А.Г. показала, а также сообщила, что ключ не пропадал, и она никому его не передавала.

Участковый инспектор Сулов

Обе телефонограммы и заключение к делу о вымогательстве отношения не имели. Алексей отложил их в сторону. Затем поставил перед собой пишущую машинку и начал печатать.

Постановление

о возбуждении уголовного дела и принятии к своему производству.

18 июля 1990 года старший следователь прокуратуры Н-го района, юрист 3-класса Валяев А.И. ознакомился с заявлением гр-ки Запольских В.И. по факту вымогательства крупной суммы денег у дочери Глуховой Т.В. и зятя Глухова И.А. неизвестными лицами с применением угроз. В результате, 16 июля в квартиру Глуховых вымогателями была подброшена отчлененная человеческая голова. Принимая во внимание, что по этому делу в силу ст.108 УПК требуется производство предварительного следствия,

Постановил:

1. Возбудить уголовное дело о вымогательстве, а также убийстве по признакам преступления, предусмотренным ст.ст.148, 102 УК РСФСР.

2. Дело принять к своему производству.

3. Копию настоящего постановления направить прокурору Н-го района.

Стар.следователь, юрист 3-го класса Валяев А.И.

В адрес ЭКО УВД Алексей отпечатал постановления о назначении физико-химической экспертизы для определения микрочастиц вещества, обнаруженных на шее потерпевшей

по месту отчленения. На экспертизу направлялись также частицы бумаги, выбитые дыроколом, для определения ее вида и сферы использования и образцы бумаги, на которых в адрес Глуховых были написаны две угрожающие записки.

Затем через УВД области он отправил запрос в городские и районные отделы внутренних дел с требованием сообщить о зарегистрированных женских трупах с признаками насильственной смерти, расчлененных.

Еще около получаса Алексей формулировал вопросы, которые собирался поставить на разрешение судмедэксперту Голдобиной. Он делал это скрупулезно и не раз перемарывал, чтобы избежать мелочных придирок вплоть до пропущенных в спешке знаков препинания, которые Голдобина, вероятно, не снимая резиновых перчаток, проставляла в его бумагах жирным черным фломастером. С известных пор эта крутая дама начала презирать его за глупые разговоры о разгуливающих по ночам мертвецах, еще пуще — за обещанный допрос в присутствии свидетелей, который не состоялся. А не состоялся он потому, разумеется, что предмета для разговора попросту не существует, кроме его дурацких фантазий.

И все же, если его разговоры такие глупые, а фантазии такие невыносимо дурацкие, то это скорее повод для смеха, и только. Чтобы длительное время испытывать презрение, близкое к ненависти, и не лениться при этом устраивать мелочные придирки глупому дураку, нужно иметь более веские основания.

Он представил на мгновение, что сделает с его трупом патологоанатом Голдобина, если однажды, как она обещала, он попадет к ней на стол... Брр!

Алексей передернул плечами и повернул голову. В дверях с сигаретой в руке стоял Вася... Василий Степанович, в своем обычном сером костюме с галстуком и сквозь дым молча его наблюдал.

— Чего тебе, Вася? — помолчав, спросил Алексей проникновенно ласковым голосом. Таким голосом, по его понятиям, обращались к убогим и юродивым выходящие из церковных дверей после службы богатые прихожане. Вася, как ни странно, обращение понял.

— Так, — односложно ответил он. — Посмотреть.

— На что смотреть, помилуй?

— На героя, — отвечал Вася. И со значением добавил: — На живого героя.

Алексей рассмеялся.

— Ты знаешь, — признался он, — как раз сейчас я представил себе, будто я — труп. И лежу я на столе у Голдобиной, уже вспоротый. От сих до сих. Запустила она в меня обе

руки, по самые уши, и говорит: «Вот видишь, голубчик? А ты боялся». Потом показала красной рукой на другой стол и засмеялась: «Зато Васенька у нас ничего не боится. Правда, Вася?» Но ты почему-то ей не ответил.

Вася укутался дымом.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, задумался? Надолго.

Алексей щелкнул несколько раз пальцем по кнопкам пишущей машинки и снова повернулся к двери. Но Васи там уже не было, и очередная порция черного юмора осталась невостребованной. Вместо него в комнату сквозь тающий слоями дым вливалась Людмила Васильевна. Сейчас было видно, что юбка на ней сегодня сантиметров на двадцать короче обычного и явно на грани риска. Зато выглядела она ослепительно. Алексей чуть дольше приличного задержал взгляд на круглых с очаровательными ямочками коленках.

— У вас замечательно красивые ноги! — с наивно-простодушным видом громко воскрился он. И даже покачал головой. — Особенно левая.

— Спасибо! — фыркнула Людмила Васильевна и круто развернулась, как на подиуме. — Вас просит к себе Сапожников.

Она обиженно двинулась к выходу, не забывая, однако, демонстрировать ноги. Между прочим, для вызовов удобнее пользоваться внутренней связью. Хотя это выглядит не столь эффектно. С этой мыслью он вошел следом в приемную и демонстративно скосил глаза под стол.

— Удивительно красивые ноги.

— Да ну вас!

Сапожников сидел на месте. В одной руке ИО держал перед глазами заполненный бланк, другой машинально помещивал в чашке дымящийся кофе. Едва Алексей открыл дверь, Сапожников поднялся навстречу и предложил стул.

— Хотите кофе?

— Не откажусь.

На взгляд Алексея, Сапожников был вечный зам. На редкость усидчивый, вполне интеллигентный человек и очень большой дипломат, он вез на себе всю бумажную, рутинную работу в прокуратуре, в том числе за Хлыбова. Но тот же Хлыбов однажды в сердцах на него прикрикнул: «Да будьте вы немного сволочью, Семен Саввович! Нельзя же так». И это было справедливое замечание.

— Есть что-нибудь существенное? — спросил Сапожников, наблюдая, как из кофеварки душистой струйкой сцеживается кофе. Алексей понял, что его спрашивают о сегодняшнем деле, по факту вымогательства.

— Существенного ничего.

Сапожников поставил перед ним кофе. Сел сам.

— Дело серьезное, Алексей Иванович. Все основания думать, что объем работы предстоит большой. В общем, так. Собирайте, какие сможете, материалы, а мы постараемся организовать оперативно-следственную группу. Группу возглавите вы.

— Ну-у, об этом говорить рано, Семен Саввович, — удивленно протянул Алексей. — Ни одной мало-мальски приемлемой версии, никаких фактов. И потом, где вы возьмете людей?

— Люди найдутся. Тот же Соковнин Василий Степанович. Алексей засмеялся.

— У Василия Степановича на шее десять поруганных девственников. И три замужних. Два розыскных дела. Одно самоубийство, под вопросом. Василий Степанович — конечный человек.

— Предоставьте это нам.

Алексей вдруг обратил внимание, что Сапожников уже не в первый раз говорит «мы», «нам», вроде от себя, но во множественном числе. Это показалось ему странным. Он с любопытством уставился на Сапожникова.

— В чем дело, Семен Саввович?

Сапожников маленькими глотками, не торопясь, допил свой кофе и отставил чашку в сторону на поднос.

— Объем работы чрезвычайно большой, — задумчиво повторил он. — Мы тут посоветовались и решили, Алексей Иванович, в группу Крука вас пока не привлекать. Мера, правда, временная, но на первоначальном этапе распыляться вам не следует. Тем более что приказ даже не подписан.

Алексей подумал и легко согласился.

— Это разумно.

— Значит, не возражаете? — Сапожников даже порозовел от удовольствия. Кажется, он ожидал неприятного разговора, объяснений, и это его тяготило.

— Нисколько.

— Вот и хорошо. Кстати, здоровее будете, — улыбнулся он. Алексей снова согласился.

— Угу. Живой шакал лучше дохлого льва.

Они вместе посмеялись шутке. Потом Алексей усомнился.

— Хотя сразу, Семен Саввович, меня убивать не стали бы. Обычно это мероприятие проводится в три этапа.

— То есть? — не понял Сапожников.

— Первый этап, это когда на неугодного человека пытаются воздействовать чисто административными мерами. Скажем, устранить от ведения дела под каким-нибудь благовидным предлогом. Ради его же собственной пользы. Или

ради пользы другого дела, параллельного, чтобы человек не распылялся. Особенно на первоначальном этапе. Если административные меры почему-либо не срабатывают, начинается второй этап обработки. Неудобного человека — покупают. Или подкармливают. Предлагают должность. Обычно исходя из обстоятельств. И только на последнем, третьем этапе, когда все гуманные способы полностью исчерпаны, а человек так ничего не понял, только тогда с полным основанием ему выписывают путевку на тот свет. Самый свежий пример, вы знаете, Виталий Шуляк.

Когда Алексей закончил, Сапожников смотрел мрачнее тучи и молчал. Наконец, тяжело ворочая языком и уже без дипломатии, спросил:

— Значит, я вас обрабатываю? Я правильно понял?

— Нет, Семен Саввович, не вполне. Вы честный и порядочный человек. Очень покладистый. Иначе на эту тему с вами я не стал бы откровенничать. Но вашими руками меня пытаются обрабатывать.

— Моими руками? И кто они... эти?

— Вероятно, те, с кем вы советовались. Действительно, кто они?

Сапожников хмыкнул.

— В ваших с Бортниковым списках этого человека нет.

— Понятно. Подполковник Савиных?

— Да.

— Имя подполковника Савиных есть даже в сводном списке, Семен Саввович. Но я не советую информировать его о том, что вы это знаете. Прежде всего для вашей личной безопасности.

— Погодите. Но вы же сами на оперативном совещании...

— Да, солгал. Ну и что?.. Тоже в целях личной безопасности. Тем не менее, вы видите, первоначальная обработка уже началась. Кстати, лично для вас могу пояснить, кто такой генерал-майор милиции Свешников. Этот человек, Семен Саввович, является близким родственником президента так называемого акционерного общества «Российский лес», которое занимается вывозом нашей древесины за границу. Валютная выручка, как вы правильно догадываетесь, оседает в Москве. Этот бизнес доступными ему методами прикрывает именно господин Свешников. Через подполковника Савиных в том числе.

Сапожников некоторое время молчал, переваривая неожиданно свалившуюся информацию. Потом настороженно-испуганным голосом спросил:

— Мое имя в списке есть?

— А вы сами как думаете?

— Я думаю, никаких списков нет вообще.

Алексей ухмыльнулся.

— Хотите зарыть голову в песок?

— А вы?..

Это «а вы?» прозвучало совсем некстати, беспомощно, и Алексей вдруг хорошо прочувствовал его состояние. Пятнадцать лет Сапожников тихо-мирно отсиживался за широкой спиной Хлыбова и тянул на себе весь бумажный воз, не вникая, как это ни странно при его должности, в то, что творится вокруг. Эдакий уютный со здоровым румянцем эгоизм. После смерти Хлыбова на короткое время Сапожников возглавил районную прокуратуру и вдруг впервые почувствовал себя на понижающем до костей сквозняке.

Желая скрыть внезапную растерянность, Сапожников заслонил лицо ладонью. Потом, чтобы что-то сказать, а вернее, скрыть ту же растерянность, грубо спросил:

— Что вы предлагаете?

— Я? — Алексей удивился вопросу, но тут же понял, что Сапожников чисто механически открывает и закрывает рот, как выброшенная на берег рыбина. Смысла собственных слов он не понимает.

— Семен Саввович, я хотел бы от первичного административного этапа обработки моей шкуры перейти сразу ко второму.

— Что?

— Ко второму этапу. Меня это хоть как-то стимулирует. Только пусть черный подполковник, с которым вы советуетесь, не перепутает второй этап с третьим.

Сапожников машинально кивнул, и это получилось забавно. Почти договорились.

— Я могу идти?

— Да. Конечно.

5

Вначале Алексею показалось странным, что Крук так легко сдал его, словно фигуру на шахматной доске, ради сомнительного позиционного преимущества. Но, поразмыслив, он решил, что за спиной у Крука и без его ведома кашу варит подполковник Савиных. Пятидесятилетняя девственница Семен Саввович Сапожников, как обычно не вникая в обстоятельства, пошел у старого лицедея на поводу. Уже завтра подполковник Савиных через того же Сапожникова поставит Крука перед свершившимся фактом. Правда, не очень понятно, почему подполковник так мелко, по-бабьи засуетился. Даже если убийцу удастся в конце концов вычислить, едва ли следствие сумеет предъявить ему мало-мальски обоснованное обвинение.

Еще один темный момент. Для убийцы Шуляк являлся врагом номер один и своими действиями представлял вполне понятную угрозу. Однако «свой человек» Хлыбов спустя время был тоже убит. Почему?.. Разошлись интересы? Или Хлыбов для убийцы никогда своим человеком не был?

На столе звякнул телефон. Какой-то бес внутри будто толкнул Алексея под локоть. Он потянулся за трубкой в полной уверенности, что абонент на том конце провода Хлыбова Анна.

— Здравствуйте, Анна Кирилловна. Я слушаю вас.

Трубка молчала.

— Говорите же, — с улыбкой в голосе повторил он. — Я слушаю.

— Алексей Иванович, вы не могли бы появиться сегодня у меня дома? — услышал он встревоженный голос Анны. — Я очень, очень прошу вас.

— Разумеется. Но в чем дело?

— Это трудно объяснить в двух словах.

— Вы чего-то боитесь?

— Да! — Она почти вскрикнула. — Боюсь. Я боюсь возвращаться домой.

— Но почему? К вам что, пристают? Преследуют?

— Не знаю. Мне кажется... может быть, это глупо, но там кто-то появляется.

— Это происходит днем?

— Не знаю! С тех пор, после убийства, я была там два раза. Оставалась на ночь.

— Откуда вы звоните?

— Из автомата с набережной.

Алексей взглянул на часы. Было без пятнадцати шесть.

— Анна Кирилловна, давайте встретимся с вами через полчаса. Случайно.

— Случайно? Это как?

— Скажем, в магазине «Фиалка». Вы передадите мне ваши ключи. И постарайтесь сделать это незаметно.

— О-о!

Алексей понял по восклицанию, что своими словами скорее напугал, а не успокоил ее. Он рассмеялся.

— Не расстраивайтесь так, Анна Кирилловна, это всего только мера предосторожности. На всякий случай, вы понимаете? Она молчала.

— Пока я тоже ничего не знаю. Поэтому приходится действовать наобум, с подстраховкой.

— Да, — тихо откликнулась Анна.

— Значит, договорились. Через полчаса в магазине «Фиал-

ка». И, пожалуйста, Анна Кирилловна, пусть наш разговор останется между нами.

— На всякий случай? — Ему показалось, она уже шутит.

— Для чистоты эксперимента.

К магазину «Фиалка» Алексей подошел чуть раньше назначенного времени. Оставшиеся несколько минут он потолкался в гастрономе напротив, изредка оглядывая через оконное стекло улицу. Анна появилась не одна. Рядом с ней по выщербленному тротуару, оживленно болтая, шла какая-то товарка, примерно одного с ней возраста. Когда обе скрылись за дверью, Алексей пересек проезжую часть и вошел следом. Женщины стояли в отделе белья и что-то продолжали обсуждать. «Самое время купить себе пасту и шнурки для туфель, — подумал он. — Когда еще удастся сюда заскочить?»

Через минуту за спиной прозвучала совершенно очаровательная, вполне музыкальная фраза:

— Алеша, это вы? Что вы здесь делаете?

— Здравствуйте, Анна Кирилловна. Я выбираю шнурки.

Она рассмеялась.

— Шнурки?

— Да. Мне сказали недавно, если у мужчины такие драные шнурки, как у меня, значит, этот мужчина совершенно не уважает женщин.

— Вы опять на себя наговариваете. И знаете, почему?

— Почему?

— Вы хотите, чтобы вас пожалели.

— Очень хочу.

— Хорошо. В таком случае я помогу вам выбрать шнурки.

— Шнурки я уже выбрал. А нельзя пожалеть меня как-то иначе?

Она взяла его за руку, и Алексей ощутил в ладони связку ключей.

— Я должна прийти домой после вас?

— В половине девятого. И, пожалуйста, дождитесь какого-нибудь попутчика.

— Это настолько серьезно?

— Не знаю.

— А вот и Ирина, моя подруга. Знакомьтесь, Алексей Иванович.

Из соседнего отдела со свертком в руке к ним подошла весьма миловидная женщина, одетая разве что не от Кардена. Возможно, на улицах Парижа она выглядела бы элегантно, но здешний убогий антураж любого человека в приличной одежде, кроме телогрейки, превращал в ряженого. Алексей с удовольствием поболтал с дамами, не забывая следить за

входными дверями и стараясь запомнить лица новых посетителей. Наконец, сославшись на неотложные дела, он оставил дам в магазине и отправился на остановку.

В связке, которую передала ему Анна, оказалось семь ключей. Три из них, судя по виду и размерам, были от наружных дверей, остальные от внутренних помещений.

Чтобы не рисоваться лишний раз возле коттеджа, Алексей обошел прокурорскую усадьбу стороной и по сосняку, держась кустов, вышел на зады, к хозяйственным пристройкам. Тяжелая, металлическая дверь с чугунным литым декором отворилась на удивление легко, как если бы тройные шарниры были запрессованы в подшипники. Алексей ступил внутрь и оказался в длинном переходе с зенитным освещением. Прямо перед ним была еще одна дверь, вероятно, во внутренний дворик, но ключа к ней в связке не оказалось. Влево переход упирался в гараж, как минимум на три-четыре машины; похоже, с подвальным помещением. Рядом — недостроенный бокс с кладями кирпича, теса и аккуратно уложенными кипами гофрированного железа.

Алексей повернул назад, пробуя ключами все попадающиеся двери. Осмотрев, где это оказалось возможным, хозяйственные пристройки, он вошел в дом и запер за собой дверь, ведущую в усадьбу. После убогой казенной квартиры хлыбовский коттедж производил сильное впечатление.

Вдруг, подняв голову, он наткнулся глазами на полустертый крест, начертанный мелом над резной причелиной. Косая перекладинка посередине напомнила ему, что такие же кресты мелом он видел в день приезда у парадного входа. Но до появления хозяйки ломать голову над этим не имело смысла. Алексей прошел на веранду и устроился в углу, в кресле, так, чтобы со стороны его нельзя было разглядеть.

...Когда он взглянул на часы, время приближалось к девяти. Здесь, в лесу, сумерки сгустились настолько, что окружающие предметы начали терять свои краски и постепенно тускнели. Если до наступления темноты Анна не появится, ему, вероятно, придется ее встречать. Алексей потянулся, разминая затекшие мышцы, и вдруг почувствовал, что под левой лопаткой его что-то царапает. Он повернулся в кресле и — невольно привстал. Плетенная из синтетических нитей спинка кресла оказалась прорезана посередине, чуть слева. Несомненно, это было то самое кресло, в котором нашли убитым прокурора Хлыбова. Поэтому оно оказалось в стороне, задвинуто в дальний угол.

Изучая характер повреждений на спинке, Алексей краем глаза заметил мелькающий в сумерках между стволов зна-

комый плащик. Это была Анна. Правда, походка показалась ему несколько странной, она дважды споткнулась, видимо, на корнях деревьев. Но когда Алексей присмотрелся повнимательнее, то понял, что женщина явно под шофе!

Она долго возилась с дверным замком и, кажется, нервничала, но Алексей не встал, опасаясь быть замеченным, если за ней действительно кто-то следит. Заперев за собой дверь, Анна быстро прошла через веранду, не заметив его в темном углу. Запах ее духов и дорогих сигарет озоном просквозил в воздухе. Он вдруг явственно ощутил, как меняется химический состав его крови.

Некоторое время Алексей продолжал оставаться на месте, вглядываясь в сумерки. Но ничего подозрительного снаружи не происходило. Он поднялся и шагнул следом в неосвещенный холл.

— О боже!

Она стояла тут же, за дверью, без сил привалившись к стене, и от неожиданности отшатнулась.

— Как хорошо, что вы пришли, — наконец с облегчением выдохнула она. Только теперь Алексей понял, как тяжело ей возвращаться в пустующий огромный дом в лесу, ставший местом страшного преступления. Он подобрал с пола сумочку и взял руку Анны в свою, давая понять, что бояться не нужно. Она качнулась к нему. Всхлипнула.

— Какой кошмарный день. Мне казалось, он никогда не кончится.

— Что-то случилось? Еще?

— Нет, то есть да! В городе за весь день я не увидела на улицах ни одного интеллигентного, хотя бы просто очеловеченного лица. Сплошь рожи, какие-то рыла. Порочные, мерзкие, ужасно злые, даже у детей. И все-все угрюмые! Только один, одно лицо, мужчина, мне показался счастливым. Но когда я присмотрелась, то поняла, что он местный дурачок, убогий. Он улыбался каждому и скалил зубы. Это ужасно, ужасно!

Она спрятала мокрое от слез лицо у него на груди, но тут же вновь заговорила:

— Нет... вру! Вру, кажется. Десять минут назад, я уже возвращалась, увидела рыжую собаку. На канализационном люке. У нее была очень добрая, интеллигентная морда, очень грустная. Я погладила ее, и она лизнула мне руку. — Анна заглянула Алексею в глаза и вдруг спросила:

— Почему вы молчите?

— Потому, что слушаю вас.

— Наверное, мне не следовало так напиваться, — смущенно призналась она. — Но сегодня... это выше моих сил.

— Не стоит оправдываться, Анна Кирилловна. На вашем месте я сделал бы то же самое.

Она слегка приподнялась и коснулась губами его щеки.

— Как та рыжая собака, да? — И засмеялась. — Алеша, вы, наверное, голодны. Хотите есть?

Алексей сразу вспомнил свой обед в «Лакомке». До сих пор его подташнивало.

— Нет, не думаю.

— Я вам не верю. Мужчины всегда ходят голодные. Я знаю по Хлыбову.

Она провела его в гостиную, где он уже бывал, и хотела включить свет. Но Алексей остановил.

— Вначале, Анна Кирилловна, я спущу гардины. На всякий случай.

Она улыбнулась.

— Распоряжайтесь. Мне необходимо переодеться.

Анна вернулась минут через двадцать, толкая перед собой сервировочный столик с закуской и бутылкой сухого вина. От недавних слез и депрессии не осталось следа, и, судя по играющей на губах улыбке, она готова была в любой момент превратить гостя в испытательный полигон для проверки своей боевой мощи.

— Второе я поставила в духовой шкаф. Но мы можем начинать. Вы готовы?

Алексей поднялся из кресла, намереваясь помочь.

— Нет, нет! Пожалуйста, сидите, Алеша. Я буду за вами ухаживать.

— Анна Кирилловна, пока общение с вами окончательно не вскружило мне голову, я хотел бы прояснить кой-какие обстоятельства.

— Что ж, проясните.

— Я понял так, что за два с половиной месяца после убийства Вениамина Гавриловича, вы были здесь всего два раза. Это так?

— Нет. Днем я заходила довольно часто. Здесь у меня вещи и многое, без чего нельзя обойтись. Но на ночь я старалась не оставаться.

— Почему?

— Потому, что я ужасная трусиха.

— По-моему, вы на себя наговариваете, — вредным голосом заметил он. — И знаете, почему?

— Не будьте злопамятны, Алеша. Вам это не идет. И потом, я действительно трусиха.

— Но вы же не для того меня пригласили, чтобы я помог скрасить вам одиночество?

— А если да, то что?

Алексей хмыкнул, вдруг представив, что телефонный разговор и все последующие действия Анны всего лишь дамская шутка — весьма оригинальный способ позвать недогадливую особь мужского пола в гости. Потом обе подружки, Ирина и Анна, за чашкой кофе будут с удовольствием перемывать его кости. Хотя едва ли. На Анну это мало похоже.

— А если да, то что? — Она повторила вопрос и даже заглянула в глаза, чтобы он не вздумал уклониться.

— Если да?.. Признаться, меня бы это больше устроило.

— Почему-у? — протянула Анна, явно толкуя его слова как признание.

— Потому, что я не люблю рисковать своей жизнью. Особенно, если не знаю, что вокруг меня происходит.

— Значит, вы тоже трусиха?

— Ужасный!

На губах у Анны дрожала лукавая улыбка.

— Вот ваш бокал, Алеша. Надеюсь, бокал добавит вам храбрости.

— Спасибо, — он подержал бокал в руках, слегка пригубил. — Значит, в светлое время суток вы бывали в доме довольно часто. И кроме того, дважды оставались здесь на ночь?

— Да.

— Что именно вас напугало? Или кто?

Анна достала из пачки сигарету и щелкнула зажигалкой.

— После смерти Хлыбова я не появлялась здесь недели полторы-две. Потом привела все в порядок... кажется, был воскресный день. Но остаться не смогла. Просидела едва до темноты, наревелась, а потом?.. потом собрала кой-какие вещи и ушла.

— Насчет вещей, кстати. У вас ничего не пропало?

— Нет. Но мне показалось, они что-то искали.

— Они?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Кажется, у вас это действие называется осмотр места происшествия, да? А мне показалось, был обыск.

— То есть в ваших вещах рылись? Но почему вы решили, что это были люди из милиции? А не преступник?

— Преступник тоже. Если помните, в милицию и в прокуратуру позвонила я. До их приезда у меня было время осмотреться, — дрожащим голосом произнесла Анна и опустилась на софу, закрыв лицо руками. — Это была ужасная ночь. Я думала, сойду с ума.

Алексей насторожился.

— Я не ослышался? Вы сказали, ночь?

— Да, — она слабо качнула головой.

— Но вы, как известно, появились дома только утром, не так ли? И обнаружили, что Хлыбов мертв. После этого вы стали звонить нам и в милицию?

— Хлыбова я обнаружила мертвым еще в одиннадцатом часу вечера. Накануне.

— Вы были здесь в одиннадцать вечера? — тупо переспросил он.

Анна кивнула. Алексею сделалось не по себе. Нелепая, на первый взгляд, версия Ибрагимова, в которой алиби Анны ставилось под сомнение, вдруг подтвердилась.

— Но каким образом?

— В тот вечер мне сделалось плохо, когда мы сидели. Противная, ноющая боль под лопаткой. Словно схватило сердце. И голова буквально раскалывалась на части. Я встала и кое-как вышла на улицу. Потом, помню, остановила проходящий грузовик, очень тяжелый. И назвала адрес. Метров двести он не довез меня, молодой парень с усиками. Ему оказалось не по пути.

— И что Хлыбов? Был мертв?

— Вначале я решила, что он пьян. Но поза... его голова лежала в тарелке лицом вниз. Я подошла чуть ближе и — увидела нож.

— После чего вы бросились бежать?

— Да! — Анна встала и нервно прошлась по комнате.

— Почему вы решили вернуться, Анна Кирилловна? Время позднее, и потом вы, кажется, были в ссоре с Хлыбовым?

— Я не решала. Все получилось как-то само собой.

Она извинилась и вышла из комнаты. Обрато Анна вернулась через пару минут с маленьким, цветастым подносом, на котором стояли тарелки, аккуратно прикрытые фольгой.

— Если второе подгорело, в этом виноваты только вы, Алеша.

Он потянул носом.

— Запах чудный.

— В таком случае приступайте. Пока не съедите все, я не стану отвечать на ваши вопросы.

— Согласен.

Итак, никакого алиби у Анны нет. В этом Ибрагимов оказался абсолютно прав, если не считать некоторых мало-значительных деталей. Как только Крук и прочие доберутся до нее, она тотчас все выложит, даже не подозревая, какой опасности себя подвергает.

Любопытно, что они там искали у Хлыбова? С одной стороны, милиция. Вернее, кто-то из оперативных работников.

С другой, преступник. А может, они искали одно и то же? Или шмоном занималось одно и то же лицо? Почему бы нет, если учесть, что в ночь убийства заняться шмоном ему помешали?

— Совсем недавно, Анна Кирилловна, вам очень крупно повезло. Боюсь, вы об этом даже не подозреваете.

— Повезло... мне? И я об этом не подозреваю?

— Да.

— Тогда какое же это везение, помилуйте?

— Вы, Анна Кирилловна, чудом остались в живых.

— Ради бога, перестаньте меня пугать! Я сейчас закричу, слышите? — вилка из рук Анны выкатилась на тарелку.

— Кричите. Если от этого станет легче.

— Вы жестокий человек, Алеша. Говорите же, в чем дело?

— И знаете, что вас спасло? То, что вы ужасная трусиха.

В ту ночь Хлыбов был убит минут за пять-десять до вашего появления. Когда вы вошли, убийца находился в доме. Возможно, он наблюдал за вами, стоя за дверью, и ждал, что вы войдете.

— О боже...

— Вот именно. Вы, однако, вовремя испугались и бросились бежать. Не знаю почему, но преследовать вас он не решился. Возможно, не был уверен, что сумеет догнать. Таким образом вы спугнули преступника. Но он ошибся в вас еще раз. Он рассчитывал, что вы немедленно броситесь в милицию, поэтому вслед за вами сделал ноги. Хотя до вашего появления на веранде намеревался хорошо все обыскать.

Алексей вдруг увидел, что бутылка перед Анной на три четверти пуста. Вылил оставшееся вино в свой бокал.

— Похоже, вы успели здорово набраться храбрости? — с укоризной сказал он.

Анна отрешенно молчала.

— В ту злополучную ночь, Анна Кирилловна, вам повезло еще раз. Не менее крупно. О происшествии вы заявили только на следующий день и тем самым обеспечили себе хорошее алиби. Очень хорошее алиби.

— Меня подозревают в убийстве Хлыбова? — неожиданно спросила она, и Алексей понял, что для нее это не такая уж и новость.

— Им нужен кто-то, на кого можно повесить преступление.

— Хлыбов как-то предупредил: если с ним что-то случится, у тебя... у меня тоже могут быть крупные неприятности. — Она глубоко затянулась и после некоторого молчания вяло добавила: — Не беспокойтесь, Алеша, я все поняла. Пока я молчу, у меня очень хорошее алиби.

Алексей встал. Состояние Анны ему нравилось все мень-

ше. Большое количество выпитого уже начинало сказываться, и он спешил.

— Анна Кирилловна, давайте вернемся к событиям последних дней. Сегодня вы позвонили мне и сказали, что боитесь возвращаться домой. «Мне кажется, может, это глупо, — сказали вы, — но там кто-то появляется». Кто он, вы его знаете? Или, может, догадываетесь?

— Не знаю. И даже не догадываюсь.

— Этот кто-то, кого вы не знаете, появлялся в ваше отсутствие?

— В присутствии тоже.

— Вот как! В таком случае, Анна Кирилловна, с самого начала. И поподробнее, пожалуйста.

— С начала? — Она слегка откинула голову, сбрасывая упавший на глаза темный локон. — Я не знаю, где тут начало... Впрочем, да! После обыска у меня пропали кое-какие безделушки. Они симпатичные, но, право, недорогие.

— После обыска?

— По-моему.

— Что именно?

— Браслет... в виде ящера. Две сережки. И цепочка, тоненькая, с нефритом. Это мой камень. Хлыбов не любил украшения, предпочитал дарить вещи.

— Но вы о пропаже не заявили?

— Да... то есть нет.

— Хм? Да или нет?

— Нет.

— Ну, хорошо. Продолжайте.

— Алеша, почему вы ведете себя со мной, как... как прокурор в следственном изоляторе? Это неумно, в конце концов. Я не настолько пьяна, чтобы не понимать, о чем вы меня спрашиваете.

— Извините, Анна Кирилловна. Я больше не буду.

— Что не будете?

— Ну, прокурором, наверное.

Анна слегка подвинулась, уступая место рядом с собой.

— В таком случае, садитесь сюда и задавайте мне ваши вопросы шепотом. Еще лучше, нежным шепотом, если получится.

Алексей не сразу нашел, что сказать. Даже не понял по интонации, шутка это или она говорит вполне серьезно.

— Почему вы молчите?

— Я не могу, Анна Кирилловна, сесть рядом с вами.

— Почему?

Он не ответил.

— Почему не можете? — В ее голосе почудились слезы.

— Потому, что возле вас я перестаю соображать, — наконец пробормотал он. — Вы это хотели услышать?

— Ах, вот почему вы грубите!

Анна поднялась с софы и подошла к нему вплотную, глядя в глаза. Он видел, что с ней что-то происходит. Безотносительно к нему, и не сделал ни малейшего движения навстречу. Она слегка коснулась пальцами его волос, лица, задержала руку на плече.

— Вы, Алеша, обиделись тогда? Я ушла без объяснений.

— Конечно, нет.

— Почему?

— Потому, Анна Кирилловна, что вы приходили не ко мне.

Он почувствовал, как дрогнули ее пальцы. Но Анна не отвела взгляд.

— Если не обиделись, тогда... — Она запнулась, подбирая нужное слово. — Тогда почему вы так старательно храните дистанцию?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, чтобы ее пройти.

Анна закрыла глаза, словно раздумывая над смыслом его слов. Потом слегка качнулась к нему, и он почувствовал у себя на губах ее влажный, полуоткрытый рот.

6

Ночь за окнами была непроницаема для глаза, словно на голову надели мешок. Ни огонька. Только в шорохе крон гулял, набирая силу, верховой ветер. Глухо скребла о кровлю близко растущая ветка.

Алексей опустил край гардины и обернулся, услышав в коридоре нетвердые шаги Анны. Хочет он того или нет, но события сегодня развиваются в точности по Ибрагимову. Злоупотребление алкоголем, раз. Отсутствие алиби, два. Возможно, последует «преступная» любовь, и, в результате, три трупа. По логике вещей ему, вероятно, надлежит быть четвертым в этой компании. Тем более что мадам Голдобина давно приготовила место у себя в прозекторской и, кажется, его поджидает.

— Алеша, чему вы так гадко ухмыляетесь? — Анна стояла в дверях.

— Над собственной глупостью.

— Вам кажется, вы совершаете глупость? — быстро спросила она.

— Да. Сошел с ума и делаю одну глупость за другой.

— Например?

— Ну, во-первых, я до сих пор не понимаю, как Хлыбов

умудрялся чувствовать себя несчастным человеком возле такой роскошной женщины, как Анна?

— Не так уж вы и поглупели, — усмехнулась она. — И потом, прекратите мне постоянно льстить. Это утомляет в таких дозах.

— Не могу, — честно признался он. — Хотя знаю, что делаю еще одну ужасную глупость.

— Хорошо. Видимо, мне придется терпеть. А во-вторых?

— Что, во-вторых?

— Вы сказали, во-первых. Значит...

— А! Ну да. Во-вторых, Анна Кирилловна, у меня дурные предчувствия, а я настолько сделался глуп с вашей очаровательной помощью, что до сих пор не могу прояснить ситуацию.

Анна прошла в гостиную и опустилась на софу.

— Я слушаю, гражданин прокурор. Задавайте ваши вопросы.

Алексей сел рядом и взял узкую ладонь Анны в свою.

— Вы никому не передавали ваши ключи? Кроме меня.

— Нет. Кажется, необходимости не было.

— Значит, все двери в ваше отсутствие обычно закрыты и ключи всегда при вас?

— Да.

— Но кто-то в доме появлялся? И как часто?

— Не знаю. Но недели две назад, три... я обнаружила незапертой дверь в переходе. Там сильно сквозит, если дверь открыта, и я пошла проверить.

— Вас это насторожило?

— Да. В глаза сразу полезли мелочи. Сдвинутый в сторону коврик у порога. Не на месте стопка белья. Бумаги... особенно в кабинете Хлыбова. Хотя, мне показалось, они не хотели оставлять после себя следов.

— В результате у вас пропали украшения?

— Украшения пропали раньше, после обыска. И прекратите меня ловить на слове. Я не знаю, что они, или он, искали. При желании, имея ключи, можно было вынести все. Здесь некому помешать.

— И вы, зная это, однажды рискнули остаться на ночь?

— Я устала от гостей, ужасно. Мне захотелось остаться в одиночестве, дома. В своей постели. Но потом... потом, конечно, испугалась и заложила дверь в спальню шваброй. Спустя буквально полчаса, я готовилась лечь, как вдруг увидела в зеркале, что ручка замка медленно поворачивается. Раздался щелчок, и дверь подергали. Потом ее рванули, очень сильно, потому что швабра от рывка съехала и ее заклинило в дверной ручке. Наутро я с трудом сумела ее вынуть.

— Это было вчера?
— Три дня назад.
— Почему вы не позвонили мне сразу?
— Я была в шоке, — тихо отвечала Анна. — Сразу я не сообразила.

— К тому же ваш телефон не работает! — предположил Алексей. — Вероятно, недели две?

— Почему вы это знаете?

— Анна, милая, дело обстоит очень серьезно. Преступник что-то здесь ищет. Скорее всего, это документы. Или крупная сумма денег, поскольку вещи, вы знаете, его не интересуют. Ради этого он убил Хлыбова и намеревался обыскать дом. Но своим неожиданным появлением в тот вечер вы ему помешали. Потом ему мешало начавшееся по делу следствие. Несмотря на это, он точно знает, что документы, деньги, я говорю условно, по-прежнему находятся в доме. Правда, не знает где и спустя время возобновляет поиски. Вы, Анна Кирилловна, вовремя заметили, что в доме кто-то побывал, очень вовремя испугались и заложили дверь шваброй. Это еще раз спасло вам жизнь.

Анна смотрела на него в упор широко раскрытыми глазами, в которых, однако, читалось недоумение.

— Алеша, вам что, нравится меня пугать?

— Нисколько. Просто по роду службы я в курсе некоторых обстоятельств, о чем вы знать не можете.

— Но почему я? Что ему от меня нужно?

— То же самое, что он хотел получить от Хлыбова. Ради чего проник в ваш дом. Уже не в первый раз.

— Но я ничего не знаю! Слышите? Ничего, — она беспомощно всхлипнула и ткнулась мокрым от слез лицом ему в плечо.

— Анна Кирилловна, пока эта штука находится в доме, вам угрожает опасность. Даже если он ничего из вас не вытянет, вы окажетесь опасным свидетелем. — Алексей слегка придержал ее за плечи, успокаивая. — Сейчас вы соберетесь с мыслями, и мы вместе попробуем просчитать ситуацию, хорошо?.. Преступника, видимо, очень интересовали бумаги. Особенно, сказали вы, в кабинете Хлыбова. Это так?

— Я заметила, что ящики стола и бюро задвинуты наспех, неровно. Корешки книг на полках пляшут. У двух папок развязались тесемки. Хотя Хлыбов бумаг дома не терпел и никогда не приносил, особенно служебные.

— В доме есть сейф?

— Н-нет...

— Почему так неуверенно?

— Сейфа точно нет. Алеша... связка ключей, я вам передавала, у вас?

Алексей взял со стола связку.

— И сумочку, пожалуйста.

Анна поискала в сумочке и выложила перед ним еще одну связку ключей.

— Обычно с собой мы их все не носим. Но одна связка хранилась у меня. А эту Хлыбов держал при себе. Здесь, видите, на ключ больше. Я как-то спросила Хлыбова, откуда взялся у него этот ключ, но он отмахнулся. Я подумала вначале, наверное, ключ служебный. А сейчас, мне кажется, Хлыбов на работу с собой его не носил.

Алексей покрутил в руках круглый никелированный ключ с весьма затейливой бородкой. Замок, судя по размерам ключа, невелик. Скорее всего, мебельный.

— Для начала, Анна Кирилловна, неплохо, — пробормотал он. — Даже очень. И давно он здесь, этот ключ?

— Когда я обнаружила? Это было в октябре прошлого года. Я вернулась из Ялты и, кажется... Да, именно тогда.

Алексей улыбнулся.

— Вот видите. Если не сейф, то тайничок в ваше отсутствие Хлыбов себе оборудовал. Я думаю, не ради любовной переписки.

— Зачем? — Анна пожала плечами. — В прокуратуре у Хлыбова был сейф. Огромный, с тремя замками.

— Этим сейфом, Анна Кирилловна, сейчас распоряжаются другие люди. И потом Хлыбов знал, что в прокурорах долго не продержится. Последнее время ему начали подыскивать замену.

— Его боялись?

— На мой взгляд, он сделался непредсказуем. Извините, Анна Кирилловна, мы отвлеклись от темы. Вспомните, пожалуйста, Хлыбов когда-нибудь пользовался этим ключом в вашем присутствии?.. Какая-то перестановка мебели? Повреждения, царапины? Может, неожиданно у вас появилась обивка на стене? Обычно хозяйки обращают на подобные мелочи внимание.

— Я поняла, о чем вы спрашиваете. Мне надо подумать.

Алексей кивнул и, чтобы не мешать, вышел в прихожую, которая своими размерами скорее походила на холл. Часы показывали около одиннадцати. Приблизительно в это время был убит Хлыбов. Когда Алексей вернулся, Анна сидела в той же позе и задумчиво раскатывала в тонких пальцах сигарету.

— Алеша, я не могу ничего припомнить, — виновато проговорила она.

— Хорошо. Давайте рассуждать иначе. Хлыбов часто что-нибудь мастерил? Скажем, по хозяйству?

— Нет, что вы. Обычно приглашал кого-нибудь со стороны.
— Но тайничок, надо думать, оборудовал сам. Причем незадолго до вашего приезда.

Анна согласилась.

— Когда вы вернулись из Ялты, вас, вероятно, поджидала большая уборка?

— Как обычно. Особенно, если я возвращалась из поездки. Хлыбов вообще был жуткий неряха.

— Я это заметил. Но нас интересует октябрь. Октябрь прошлого года. Вспомните, не остались ли на полу, на ковре или на мебели следы его мастерства? Скажем, металлические опилки. Стружка, щепа. Может, кирпичная крошка?

— Еще бы! Мне пришлось вытаскивать на улицу тяжеленный ковер. К вечеру я была совершенно без рук.

— Где он лежал?

— Ковер? Наверху. Он и сейчас там.

— Мы можем посмотреть?

— Пожалуйста.

Они поднялись на второй этаж по полукруглой деревянной лестнице с резной балюстрадой. Толстая ковровая дорожка на ступенях совершенно скрадывала шаги. К удивлению Алексея, Анна привела его не в кабинет Хлыбова, а в небольшую, очень симпатичную залу с высоким окном и двумя боковыми дверями в смежные помещения. Бронзовая люстра над головой давала ровный, рассеянный свет.

Как только место поисков удалось локализовать, Алексей без труда обнаружил хлыбовскую записку. Кусок плитуса длиной сантиметров шестьдесят был аккуратно выпилен, в конус, и плотно вставал на место. Ножовочный рез Хлыбов не поленился закрасить, хотя краска имела более темный оттенок. Алексей отложил кусок плитуса в сторону и отогнул ковер, действительно тяжелый и плотный. Под ковром оказался паркетный набор из готовых модульных плит, и тут пришлось повозиться. Наконец он догадался с помощью отвертки вывести модуль из шипов и сдвинуть в сторону. Скользнувшая вниз отвертка звякнула о крышку металлического сварного ящика, замурованного в потолочном перекрытии. Похоже, Хлыбов приспособил под тайник строительный брак — провалившееся в этом месте бетонное основание пола.

Алексей открыл первую попавшую под руки папку. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, какого рода бумаги составляли тайный архив Хлыбова. Из текущих дел главным образом изымались самые убойные документы: акты ревизий, липовые платежки, наряды, фиктивные процентовки, показания самих преступников с их чистосердечными приз-

нениями, показания свидетелей и имена, имена, имена, выведенные из-под удара одряхлевшего советского правосудия.

Для Хлыбова, похоже, этот промысел стал весьма прибыльной статьей дохода. Изъятие из уголовного дела хотя бы одного подобного документа по нынешним правилам игры обходилось клиенту в круглую сумму.

В ворохе бумаг неожиданно промелькнула фамилия Тэн Светланы Сергеевны. Алексей хмыкнул и вернулся к началу подборки, озаглавленной как «Выпуск нестандартных колбасных изделий на мясокомбинате местного райпо». В переводе на общепонятный язык это означало — хищение в особо крупных размерах. Алексей углубился в изучение бумаг, которые, хотя и отдельными эпизодами, вместе давали некоторое общее представление. К тому же кое-где имелись комментарии, сделанные для памяти рукой Хлыбова.

Все началось с контрольных закупок колбасы органами ОБХСС. Лабораторные анализы первых же образцов показали, что колбаса содержит повышенное количество влаги и крахмала. В результате расследования работники ОБХСС вышли на устойчивую группу расхитителей во главе с директором комбината Завадским. Суть махинации состояла в том, что сверх рецептуры в фарш преступники систематически добавляли муку и воду. Таким образом они создавали излишки колбасы и, соответственно, мяса, якобы пошедшего на изготовление. Об излишках мяса сообщалось на скотобойню, на базу заготовителям и товароведу. Здесь появлялись либо бесто-варные накладные, либо излишки, созданные на мясокомбинате, оказывались уже как бы в заготконторе. На эти излишки заготовители оформляли подложные квитанции о закупке скота у населения и из кассы заготконторы получали по ним деньги.

Существовало еще несколько аналогичных каналов превращения излишков мяса в деньги: через межрайсбытбазу и через холодильник, минуя магазины коопторга, чтобы не вовлекать в сбыт торгашей и не увеличивать риск. Такое передвижение «излишков» на стадию приемки скота позволяло присваивать крупные денежные суммы.

Это был механизм хищений в самых общих чертах. Его удалось воссоздать по крупницам со слов экспедиторов, коп-тильщиц, шприцовщиц и других рабочих цехов, не вовлеченных в группу. Но на этом все застопорилось. На момент передачи дела из органов милиции в прокуратуру ни один эпизод хищения не был конкретизирован привязкой к подложным документам и, следовательно, не доказан. Объяснялось это, во-первых, тем, что махинации совершались на протяжении длительного времени, начиная с 1972 года, поэтому

никто конкретных эпизодов с указанием на определенные документы назвать не мог. Во-вторых, в производственном акте на изготовление ежедневной партии колбасы излишки не отмечались, выход колбасы указывался по норме, и за многие месяцы ревизия такого превышения не установила. По сути, единственным реальным доказательством хищений оставались все те же результаты лабораторных исследований.

Дело сдвинулось с мертвой точки, когда следствие привлекло к ревизии независимого специалиста из областного управления по мясомолочной промышленности. Этим специалистом оказалась Тэн Светлана Сергеевна. В архиве Хлыбова находилось несколько протоколов допроса Тэн, из которых Алексей понял, каким образом в технологической цепочке — от закупки скота до выхода готовой колбасы — удавалось создавать и утаивать излишки мяса и превращать мясо в наличные деньги, не выходя за вертушку. Вся преступная группа, в основном родственники, начиная от директора Завадского и кончая заготовителем Черных, всего около десяти человек, были выявлены, каждый со своей мерой участия. Вина каждого была полностью доказана.

Однако протоколы допроса эксперта в конечном счете оказались в архиве у Хлыбова. Завадский, Алексей это знал, второй год благополучно пребывал на пенсии. Стало быть, до правосудия дело так и не дошло. Тэн из областного управления перебралась в район и стала мастером колбасного цеха. Правда, с правом назначать прокурора района.

Алексей невольно усмехнулся. Странная рокировка. Наверняка у этой истории имеется любопытное продолжение.

Изъятые из дела документы тянули лет на восемь-десять каждому из расхитителей. Чтобы не оказаться за решеткой и благополучно выйти на пенсию, Завадский и компания должны были притащить Хлыбову по чемодану деревянных как минимум. И поставить до конца жизни на довольствие. Похоже, так оно и случилось. Баранью вырезку мясокомбинатовская экспедиция доставляла Хлыбову в парном виде прямо на кухонный стол. Слухи об этом ходили.

Словно в подтверждение догадки, в очередной раз запустив руку, Алексей наткнулся в тайнике на увесистый пакет, заклеенный крест-накрест лейкопластырем. Он отодрал ленту и развернул провощенную бумагу прямо на полу. В пакете, завернутые в целлофан, лежали тугие пачки приватизационных чеков — сотни по три в каждой. Отдельно, тоже в пачках, акции различных акционерных объединений и предприятий на весьма крупную сумму. И доллары. Количество зеленых Алексей не взялся даже определять.

— Анна Кирилловна, вам снова крупно повезло. Вы ска-
зочно богатая женщина.

Анна с бокалом в руке приблизилась и узким носком туфли тронула пакет. Ее слегка качнуло в сторону, и она оперлась на его плечо.

— Это все принадлежит мне?

— Думаю, да.

— Разве я не должна сдать бумаги и деньги в доход госу-
дарства?

Он не ответил.

— А что посоветуете вы, Алеша?

— Вы, Анна Кирилловна, законная наследница и вправе
распоряжаться на свое усмотрение.

Алексей выудил из тайника очередную папку и с головой погрузился в бумаги. На этот раз речь шла о хищениях де-
нежных средств, совершаемых при заготовке леса. Дело, как
он понял, было выделено в самостоятельное Виталием Шу-
ляком за полгода до смерти. Сам Шуляк в это время зани-
мался расследованием хищений в совхозе «Северный».

В обосновательной части постановления красным каран-
дашом размашисто была отчеркнута фамилия — Вартамян.
Судя по тому, что кончик карандаша вспорол бумагу, отчер-
кивал Хлыбов.

Алексей постарался вспомнить, что он слышал о человеке
по фамилии Вартамян?.. Пожалуй, не слишком много. Брига-
дир шабашников из Закавказья, одновременно числится ра-
бочим в совхозе «Северный». Вошел в стовор с совхозным
начальством, торговал краденой пшеницей и стройматериала-
ми в северных районах области. Фигура, похоже, третьестепен-
ная, хотя фамилия исправно кочует из одного дела в другое.

Он вновь углубился в документы: в служебную переписку,
бесконечные наряды на отпуск леса, платежные поручения,
кассовые ордера, ведомости о начислении заработной платы,
приход-расход по складу, путевые листы, подложные доверен-
ности, липовые платежки, поддельные подписи, свидетельские
показания различных лиц. Постепенно перед его глазами
начала вырисовываться картина тотального разбоя, который
творится в государственных лесах на территории района.

Директора трех местных леспромхозов, пользуясь тем, что
совхозы и колхозы, а также приезжие заготовители испыты-
вают большую потребность в деловой древесине, выделяли
им для разработки лесные делянки. Но деньги за это взыс-
кивали как за уже готовую продукцию. Председатели кол-
хозов и директора совхозов, в частности, директор совхоза
«Северный» Гирев, вместо того чтобы на выделенных под

разработку делянках организовать разработку древесины силами рабочих совхоза, привлекал для этого бригаду шабашников Вартаняна и в течение многих лет заключал с ним договора. Но шабашники из Закавказья разработку делянок фактически не производили. Сам Вартанян являлся скорее «коммерческим посредником». На деле это означало следующее. Вартанян вступал в преступный сговор с должностными лицами леспромхозов различных уровней, и те за взятки продавали им готовую продукцию, причем в объемах, многократно превышающих потребности самого совхоза. Судя по товарным накладным, «лишний» лес уходил налево и, в частности, в Армению.

Должностные лица леспромхозов, чтобы скрыть факт реализации готовой продукции, заполнили всю отчетность подложными документами на якобы проводившиеся работы, как-то: валка леса, трелевка, раскряжевка, вывозка, погрузка и т.п.

Подложные документы чаще всего оформлялись на представителей совхоза «Северный», направленных якобы на заготовку. То есть опять же на членов бригады Вартаняна. Кроме того, членов бригады принимали на работу в штат леспромхоза и начисляли им и другим подставным лицам заработную плату. Начисленные незаконно деньги за «работы», которые никогда не производилась, изымали по подложным доверенностям или путем подделки подписей в платежных ведомостях...

Алексей задумался. Соцэкономика в лице собственной номенклатуры взрастила на свою беду беспощадного могильщика. Виталий Шуляк вывел следствие на расхитителей и теперь мертв. Совхозное дело, которое вел Шуляк, и дело о разбое в лесу оказались похоронены вместе с ним. С другой стороны, на базе преступной группы леспромхозовских деятелей, плюс сюда шабашники Вартаняна, выросло и процветает акционерное объединение «Российский лес» со своими торгово-посредническими конторами в Москве и за границей. Деятельность объединения прикрывает господин из Москвы, генерал-майор Свешников с подвластными ему силовыми структурами. По сути, акционерное объединение бесконтрольно вывозит даровую государственную древесину за бугор, имеет карманную милицию, которая содержится за государственный счет, то есть за счет рядового налогоплательщика, и по бешеным ценам продает лес все тому же налогоплательщику. Чем не Эльдorado?

Бортников прав. В подобной ситуации у Шуляка действительно не было ни малейшего шанса выжить.

Алексей оторвался от бумаг и посмотрел в сторону Анны. Пакет с «наследством» был водружен посреди стола, две

пачки с ценными бумагами свалились и лежали, забытые, на полу. Сама Анна сидела, подпирая голову руками, и незрячим взглядом смотрела перед собой в пространство. Перед ней стояла новая бутылка вина, уже открытая, и два бокала. Она почувствовала на себе его взгляд и повернула голову. Алексей увидел на щеках следы слез.

— Хлыбова жалко, — тихо произнесла Анна.

Он кивнул. Среди перевернутых папок в глубине тайника что-то изжелта блеснуло. Алексей пошарил рукой на дне и извлек обойму к пистолету Макарова. Потом еще одну и еще. Пистолета, правда, не обнаружил.

— Анна Кирилловна, у Хлыбова оружие имелось?

— Да. Он привез что-то.

— Привез?

— Хлопковое дело, вы знаете. Хлыбов был там в командировке. — Анна наполнила бокалы. — Алеша, вам не надоело копаться в бумагах? В конце концов это невежливо.

— На мой взгляд, Анна Кирилловна, этот архив стоил Хлыбову жизни. Возможно, стоил бы должности, останься Хлыбов в живых.

— Почему вы решили?

— Однажды он использовал материалы архива для шантажа. И довел клиента до самоубийства. Поскольку клиентов здесь, причем весьма серьезных, десятка три, то они, естественно, насторожились. Кто-то, возможно, испугался по-настоящему и решил принять меры превентивного характера.

— Клиент, которого он довел до самоубийства, мой муж? Алексей промолчал.

— Наверное, я приношу людям одни...

Она не договорила. Ее глаза внезапно расширились, и Анна отшатнулась в угол, непроизвольно вскидывая перед собой руку. Алексей скорее почувствовал кожей, затылком легкое движение воздуха у себя за спиной. Мелькнула тень. Он резко отшвырнул назад громоздкое кресло, на котором сидел, и метнулся в сторону, с грохотом опрокидывая подставку возле зеркала. Под руку попал бронзовый старинный шандал. Но когда он вскочил на ноги, выкинув двумя руками шандал перед собой, то увидел в дверях только спину убежавшего. С силой Алексей швырнул тяжелую бронзу в дверной проем и кинулся следом, однако Анна с криком повисла у него на шее.

— Нет! Алеша... у него нож!

Он грубо сбросил ее руки с шеи, но Анна повисла на нем, с неожиданной силой ухватившись за одежду, и протащила следом несколько шагов. Время было потеряно, и он обмяк.

— Да отпустите же наконец! — рывкнул он, освобождая рукав. — Так-то вы помогаете ловить преступников.

Ни слова не говоря, Анна исчезла в соседней комнате и тотчас появилась снова. В руках у нее был «макаров». Алексей выхватил пистолет и по весу понял, что магазин пуст. Нашарил в тайнике обойму.

В это время свет мигнул, и дом погрузился в темноту. Алексей тотчас вспомнил, где он видел распределительный щит — в подсобном помещении, возле выхода на зады усадьбы. Значит, преступник в данный момент там, а не поджидает где-то за дверью или за углом.

— Заприте дверь, Анна Кирилловна.

Впопыхах, держась за перила, он в два прыжка махнул с лестницы, рискуя переломать ноги, и через веранду, через окно выпрыгнул наружу. Бросился в обход дома.

Светло-серая металлическая дверь смутно маячила в темноте и, кажется, была открыта. Но находился ли преступник все еще в доме? Или успел выскользнуть и засел в кустах, выжидая, когда фигура преследующего обозначится на светлом фоне? Это в случае, если кроме ножа у него имеется огнестрельное оружие. Но тогда зачем понадобилось вырубать свет? Может, он остался в доме и решил поиграть в кошки-мышки?.. Вариант возможный, поскольку напасть врасплох не удалось. Тогда почему он не воспользовался пистолетом или обрезом сразу после того, как не успел достать ножом? Вывод один: огнестрельного оружия у преступника с собой нет. Выходя на дело, он полагал, что в доме окажется только женщина. Это, во-первых, а во-вторых, свет он выключил, желая задержать преследующего. Не всякий сунется в темноту, да еще в незнакомом доме, опасаясь угодить под нож.

Алексей нашарил в темноте у ног два увесистых булыжника и швырнул по очереди в близкорастущие кусты. Все было тихо. Он выждал некоторое время и быстро скользнул мимо открытой двери, провоцируя возможное нападение. Припал к земле...

Нападения, однако, не последовало, и Алексей двинулся вдоль стены, с осторожностью ощупывая пространство перед собой, у ног. Где-то недалеко от входа, он вспомнил, валялось брошенное строителями пустое ведро. Наконец, ведро попало под руку, и он поднял его, крепко зажав дужку между пальцев, чтобы не звякнула. Вновь повернул к выходу. Стоя за косяком, он примерился и с силой швырнул ведро в подсобку, в черный проем. Расчет был на то, что нервы у преступника, если он затаился, натянуты до предела, и так или иначе он

обнаружит свое присутствие — откроет стрельбу или хотя бы отвлечется от входа.

Пустое ведро ударило в противоположную стену и взорвалось в глубине помещения, подобно гранате. С дребезгом покатилося по полу. Алексей был уже внутри и лежал на полу, вжавшись в угол.

Никакого движения, кроме угасающих вибраций пустого ведра на полу. Он выждал минуты две, напряженно вслушиваясь в темноту. Или у преступника исключительно крепкие нервы, или он давно сбежал. Это называется, ловить в темной комнате черную кошку, которой там нет. Алексей встал.

Внезапно дверь из коридора открылась, и луч света от фонаря метнулся по стенам. Он едва успел прыгнуть в тень в сторону и лег ничком за какой-то мебелью. Выкинул перед собой ствол. Луч неторопливо обошел помещение и остановился на распределительном щите с открытой дверцей. Каково же было его удивление, когда в отраженном свете возле щита он увидел Анну. Некоторое время она всматривалась в расположение переключателей, а затем включила именно тот, который был нужен. Из коридора в дверной проем упал на пол квадрат света. Анна закрыла щит и направилась к наружной двери, видимо, желая ее запереть. Луч от фонаря скользнул по полу и словно наткнулся на высокую фигуру, прислонившуюся к косяку.

— Ах! — Она испуганно вскрикнула, и фонарь выпал из ее рук на пол.

— Что-то я не пойму, — проворчал Алексей, — то ли вы безрассудно храбры, то ли наивны до безрассудства?

— Как вы меня напугали, боже мой! — Анна тяжело оперлась ему на руку.

— Разве? По-моему, если б вы чуть-чуть поторопились, Анна Кирилловна, мы успели бы блокировать преступника с двух сторон, — язвительно заметил он.

— У нас часто выскакивают пробки, и я подумала, что... — Она виновато запнулась. — Алеша, я, наверное, ужасно глупая, да?

— Не стану возражать, — буркнул он, запирая дверь на внутренний засов.

Он вспомнил вдруг, что с вечера тоже запер дверь на засов. Следовательно, попасть в дом снаружи через эту дверь невозможно. Алексей пересек холл и вышел на веранду. Парадная дверь была по-прежнему закрыта. Он вернулся в соединяющую галерею и снова проверил все двери, Анна молча следовала за ним.

— Алеша, в чем дело?

— Такое впечатление, будто существует еще одна связка ключей. Третья.

— Да-а. Хлыбов хранил ее в хозяйственном шкафу. Наверху.

— Стоит пойти взглянуть. Но в любом случае вам следует сменить в доме замки. Кстати, вы не узнали его?

— На нем, на голове, была натянута лыжная шапочка. До подбородка, как маска.

— Мне тоже показалось.

— И потом, все произошло так быстро, что я...

— Хорошо, а фигура? Манера держаться? Постановка головы? Руки? Между прочим, Анна Кирилловна, это один из ваших знакомых. Хорошо знакомых. Настолько, что он не хуже вашего знаком с расположением комнат, а также где и что у вас лежит. В том числе запасные ключи. Думаю, без маски вы видели его десятки раз.

Анна покачала головой.

— Возможно, завтра при встрече он поцелует вам ручку и скажет, как расчудесно вы выглядите.

— Это ужасно, я понимаю, но я... никого не могу вспомнить.

Они поднялись в ту же гостиную комнату на втором этаже. По пути Алексей подобрал бронзовый шандал, который бросил вслед убегающему преступнику. Мысленно он представил траекторию полета и пришел к выводу, что шандал должен был разбить витражное окно, занимающее пролет высотой около трех метров. Больше деваться ему было некуда. Но поскольку этого не произошло, бросок пришелся в цель. После удара таким предметом преступник предпочел унести ноги, а не играть в кошки-мышки.

Ключи, третья связка, лежали на месте, во встроенном шкафу, дверь которого Алексей принял поначалу за отделочную панель. В ответ на вопрошающий взгляд Анны он пожал плечами и налил полный бокал вина. Залпом опрокинул его, желая снять напряжение.

— Вот так, да? Надираетесь в одиночку, — возмутилась Анна. — А я?

— Вы надирались в одиночку весь вечер, Анна Кирилловна, и вас никто не стыдил. Хотя... я готов повторить.

— Это вы виноваты, что я надиралась в одиночку.

— Почему я?

— Воспитанные люди после стольких комплиментов женщину в одиночестве не бросают. Не сидят в стороне, уткнув нос в бумаги.

— В таком случае, когда вы звонили мне в прокуратуру,

надо было так и сказать: мне одиноко и скучно, я ищу собутыльника.

— И вы бы пришли?

— Хотел бы я посмотреть на идиота, который откажется от такой компании, — ухмыльнулся он.

— О-о! Тогда почему вы все время ворчите?

— Ворчу? Я? На вас?!

— Ага, так вы даже не замечаете, какой брюзгливый тон взяли по отношению ко мне!

— Еще чего! Недавно вам показалось, будто я говорю слишком много комплиментов, и вам приходится терпеть. Спустя полчаса вы доказываете мне, будто я на вас ворчу. Где правда, Анна Кирилловна?

— И то и другое правда! Я...

— Стоп! Эдак мы далеко зайдем.

— Но я...

— Минуту, Анна Кирилловна. Вы хотели иметь собутыльника, считайте, он перед вами. И прекратим эти семейные дразги. Она вздохнула и прижала тонкие пальцы к вискам.

— Господи, я так давно не скандалила. Меня несет...

Алексей наполнил бокалы.

— Давайте выпьем за сказочно богатую женщину Анну Хлыбову.

Он поднял валяющееся в стороне кресло и сел. Анна с непринужденной грацией устроилась у него на коленях.

— Алеша, вы прошли наконец свою дистанцию? Мне наскучило ждать.

И жест, и слова были настолько неожиданны, что он совершенно смешался. Не дождавшись ответа, она заглянула ему в глаза.

— Выглядит так, будто я вас соблазняю?

Он кивнул.

— В известном смысле, да.

Анна вскочила на ноги, едва не расплескав бокал, который был у нее в руке. Но Алексей удержал ее.

— Вы слишком красивы, Анна Кирилловна, и... словом, нужно много нахальства, чтобы претендовать на вас. Извините, у меня с этим не густо.

Некоторое время Анна обдумывала его слова, потом вновь опустилась к нему на колени. Лукавая улыбка заиграла у ней на губах.

— Кажется, теперь я понимаю, почему мне так редко везло на хороших людей. Они недостаточно нахальны?

— Тем не менее отдельные экземпляры все же отваживались, — заметил он. Анна уловила ревнивую нотку в его голосе и отозвалась тихим смехом.

— О, да! Но мне приходится соблазнять их самой! — Она поцеловала его в губы и зашептала, дыша в ухо: — Они или ворчат в моем присутствии, глядя в сторону, или разговаривают комплиментами. Признайтесь, Алеша, что вы таким образом защищались?

Он замотал головой.

— Не стану признаваться.

— Почему-у?

— Потому что стыдно.

— Ага!

— Вам стыдно, Анна Кирилловна, припирять меня к стенке.

В конце концов, вы ведете себя как прокурор...

...Измученная ласками, Анна неподвижно лежала рядом, положив голову ему на грудь. В свете ночника он видел только темную, тяжелую россыпь волос, скрывающих лицо и плечи. Он с наслаждением погрузил в них руку. Волосы Анны слегка потрескивали и искрились в темноте голубоватыми сполохами, струясь меж пальцев, — явный признак страстной натуры.

— Алеша, почему ты не спишь? — низким, глухим голосом спросила она.

— Сплю. Уже сплю.

— Я слышу, ты хлопаешь глазами.

Он рассмеялся.

— Мне спать нельзя.

— Нельзя? Почему?

— В данный момент я на дежурстве.

Анна мгновенно села, откинула назад волосы.

— Ты думаешь, он может вернуться? Снова?

— Не исключено. Или выкинет какой-нибудь номер.

— Это как?

— Например, подожжет усадьбу. Чтобы уничтожить архив.

Она подумала и не согласилась.

— Он мог сделать это еще при Хлыбове. Не убивая.

— Здравая мысль. Значит, архив ему нужен.

— Зачем?

— Ну, там собран неплохой компромат. А это дает известную власть, рычаги.

— В таком случае, он обязательно придет, — мрачно подытожила Анна.

— Полагаю, он уже здесь. Возможно, не один.

В испуге она вскочила с постели и спохватилась, только поймав на себе его откровенно восхищенный взгляд.

— Швабра в углу, за бюро, — подсказал он, коварно оттягивая момент ее возвращения в постель. И выдал себя с

ушами. Тем не менее Анна прочно заклинила дверь шваброй и неторопливо забралась под одеяло.

— Ты нарочно разыгрываешь эти сцены, да? Чтобы подглядывать?

Он ухмыльнулся.

— По-моему, ты сама воспользовалась случаем, чтобы устроить это шарм-шоу. Разве нет?

Анна вспыхнула от негодования, но он, смеясь, закрыл ей рот поцелуем и не отпускал до тех пор, пока она не утихла.

— Кстати, у меня вопрос. Я задаю его уже в третий раз, но никак не получу ответа. То ли у меня слишком тихий голос, то ли у вас, уважаемая Анна Кирилловна, плохой слух.

— Ужасный! Обычно я пропускаю глупости мимо ушей.

— Не думаю. За вашим молчанием, Анна Кирилловна, мне чудится какая-то тайна.

— Что за вопрос? — наконец с осторожностью спросила она.

— Меня интересует, каким образом Хлыбов умудрялся чувствовать себя несчастным человеком возле такой роскошной женщины, как Анна? Вы тоже, если не ошибаюсь, не были с ним счастливы?

Она долго не отвечала.

— В чем дело? Я обидел тебя?

Она покачала головой. Всклипнула.

— Жалко... Хлыбова.

— Ты любила его?

— Да. Это было как наваждение. Я и сейчас, кажется, продолжаю любить.

Он промолчал.

— Ты мне не веришь?

— Не знаю. Факты, во всяком случае, говорят о другом.

— Известные тебе факты... известные всему городу факты, Алеша, не говорят ни о чем.

Он понял вдруг, что допустил бестактность, бесперемонно вторгшись в отношения Анны с Хлыбовым.

— Извини, ради бога. И давай прекратим этот разговор. Но Анна неожиданно воспротивилась.

— Я отвечу на вопрос. Хлыбову теперь все равно, а я... едва ли я смогу рассказать такое кому-то еще. — Она помолчала несколько, собираясь с мыслями. — Ты знаешь уже, Хлыбов сделал все, чтобы уничтожить Павла. Павел — мой первый муж. И он заметался. Начал искать старые связи, покровителей, но однажды, когда возвращался из области, попал в автомобильную катастрофу. Здесь все говорят о самоубийстве, нет, это была случайность. Такие люди добровольно

с жизнью не расстаются. Что касается Хлыбова, я была без ума от него. Мы оба вели себя как безумцы. Помнишь строчку: «...И утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я!» Что-то в этом роде происходило с нами. Накануне похорон Хлыбов не выдержал и явился прямо на квартиру, ко гробу. Минуты две он молча стоял над телом, сунув руки в карманы. Потом обошел гроб и взял меня за руку выше локтя: «Мне нужно сказать вам пару слов, Анна Кирилловна».

Я была оглушена всем случившимся. Значение слов, последовательность тех событий, лица я осознала и восстановила гораздо позже. Он проводил меня в задние комнаты, дверь у меня за спиной запер на ключ. Когда я поняла, чего ради он это сделал, было поздно. Хлыбов набросился и начал сдирать с меня одежду. Вначале я пыталась оттолкнуть его, но неожиданно с каким-то тайным, сатанинским восторгом ощутила, что мне это даже нравится. Порочная, ужасная, новая краска в наших отношениях — любовь у гроба. Летишь вниз, замирая от страха, словно тебя сбросили в пропасть. Наверное, это и есть грехопадение, да?

Алексей не перебивал.

— Меня можно осуждать. Но мы оба, повторяю, были поражены безумием. Ничего подобного прежде я не испытывала. И все же было стыдно, гадко, когда я увидела вдруг, что мы занимаемся этим на нашей с Павлом супружеской постели, которая еще не остыла от тела покойного. Мне даже показалось, Хлыбов проделал все намеренно, глумясь над покойным. Не одна страсть была тому причиной.

Потом за дверью раздались чьи-то шаги. Они приближались, и я, помню, сильно напугалась, что кто-нибудь войдет. Я знала, дверь заперта. Но меня охватил ужас настолько, что шаги отзывались в ушах грохотом железнодорожного состава. Казалось, дрожат сами стены. Под дверью они стихли. Минутой спустя кто-то сильно ударил в дверь. Хлыбову это не понравилось, и он с бранью рванулся к порогу.

— Пошел прочь, дурак!

Ответа не было, хотя под дверью кто-то стоял. Потом шаги удалились. Подавленные, мы скоро вернулись в залу. Она была пуста. Все ушли. Только гроб с телом, один, стоял в углу, и удушливо пахло сиренью. Я боялась смотреть туда, но Хлыбов остановился и больно стиснул мне пальцы. Тело покойного лежало в гробу лицом вниз. Его правая рука свисала на пол, и свеча была смята в кулаке. От ужаса я оцепенела и не могла сдвинуться с места, но Хлыбов, кажется, пересилил себя. С кривой усмешкой он направился к гробу и похлопал покойного по спине.

— Не переживай так, Павлуша! — его дословная фраза. Я выбежала вон.

Спустя время мы поженились, — продолжала Анна после некоторой паузы. — Но Хлыбов... Хлыбова поразило мужское бессилие. Он много лечился, ездил даже за границу. Мы продолжали любить друг друга — все напрасно. Когда у нас в доме появились вы, Алеша, действительно, Хлыбов выглядел несчастным возле обожаемой им Анны. Мне он сказал, что я свободна от каких-либо обязательств перед ним. Могу поступать, как угодно. Разумеется, он тяжело переживал случившееся, хотя пытался скрывать. Потом у него начались эти ужасные запои.

Она расплакалась, горько, навзрыд, и Алексей не сразу сумел успокоить. Наконец, сквозь слезы Анна попыталась улыбнуться.

— Право, я не хотела устраивать истерику, Алеша. Это обычная реакция на сочувствие, со мной бывает.

Он поцеловал ее в мокрое от слез лицо, и Анна с доверчивостью прижалась к нему, надолго затихла.

— Кресты над дверью, они имеют отношение к вашей истории? — спросил он.

— Какие кресты? — вяло переспросила Анна. — Ах да! Кресты... разумеется. Когда мы вселялись сюда в прошлом году, отец Амвросий, он по соседству строит, благословил нас, а дом, жилище, как это называется? Освятил? Да, освятил. И над дверями поставил везде эти кресты. «Чтобы нежить зря не шаталась», — сказал он. Они вначале дружили с Хлыбовым, а потом, как сказал Хлыбов, «расплевались».

— Что так?

— Трудно сказать. Мне отец Амвросий нравится, занятный дядечка. А Хлыбов однажды взъелся. У этого попа, говорит, за душой ничего святого. Он своим богом груши околачивает. Прихожан то есть. Хлыбов вообще любил красно выражаться.

Алексей улыбнулся, вспомнив свой разговор с Хлыбовым.

7

Наутро Алексей побросал папки в одолженную у Анны Хлыбовой сумку и распрощался с хозяйкой.

— Алексей Иванович, — Анна глазами указала на сумку, — это не слишком опасно? Для вас лично?

— Пожалуй, — согласился он. — Но я не собираюсь хранить бумаги у себя. К тому же большая часть устарела. Морально.

Оба чувствовали, что в отношениях между ними осталась некая недосказанность. Но так было даже лучше.

Алексей прошел через веранду и, открыв дверь, внезапно столкнулся нос к носу с бородатым, плотным человеком, одетым в рабочий комбинезон. Тот слегка отпрянул, придерживая дверь, но маленькие, острые глазки ощупывали фигуру молодого человека с явным любопытством.

— Фамилия? — грубо осведомился Алексей, мысленно примеряя на незнакомца лыжную шапочку с прорезями для глаз.

По росту вчерашний налетчик и бородатый незнакомец в комбинезоне, пожалуй, соответствовали друг другу, но комплекцией сильно различались. Тот, вчерашний, был резок, подвижен и, несомненно, худощав. Этот напротив того казался грузен, плечист, но плечист как-то по-бабьи, округло. Голые до локтя руки, пухлые, белые, без волосяного покрова, тоже выглядели совершенно по-бабьи. Разумеется, преступников могло быть двое, даже трое. Если они продолжают охотиться за архивом, то почему бы им не сделать еще одну попытку? Момент, кажется, удачный.

Алексей бросил взгляд через дверь, по сторонам и шагнул через порог, заставив незнакомца попятиться.

— Ваша фамилия, гражданин? — настойчиво повторил он и подержал возле бороды, довольно редкой, свое удостоверение.

— Это отец Амвросий, — сказала Анна, появляясь следом на веранде. — Знакомьтесь, Алексей Иванович.

— Правду говоришь, ласточка, чистую правду. Отец Амвросий я, это в сане. А в миру фамилия моя Перепехин, Георгием нареченный. По батюшке Васильевич, позвольте отрекомендоваться. А вы, стало быть, Алексей Иванович, из прокуратуры?

— Из прокуратуры, — подтвердил Алексей.

Каким-то непостижимым образом отец Амвросий просочился то ли мимо, то ли сквозь него на веранду и уже пожимал руки Анны своими большими, пухлыми ладонями.

— А вы чудненько выглядите, ласточка. Прелесть, как чудненько. Глядя на вас, впору богу молиться. Экую красотищу сотворил. Вы не хотите ли, я вас попадьею сделаю? А? Ха-ха-ха!

— Да ведь у вас есть попадья, Георгий Васильевич, — тоже смеясь, отвечала Анна.

— А мы в шеи ее, в шеи! Пущай в миру попрыгает, блоха некована.

— Как можно в шеи? Ведь это грех! Что вы такое говорите?

— Эва, грех! Грехи мы сами отпускаем. Другим, — похо-

хатывал отец Амвросий, обнимая Анну за плечи. — Неуж себе не отпустить, ласточка, а? Дак у нас и без того на десять годов вперед отпущено. Грешу не хочу!

Голос у отца Амвросия был звучный, полетистый и разом заполнил веранду, словно пустой сосуд, густыми, округлыми звуками. Стоя на веранде, Алексей слышал доносящиеся из-за деревьев, видимо, с соседней дачи, голоса, глухой рев тяжелого дизеля, лязг.

— Мы ведь зачем беспокоить вас решили? — продолжал отец Амвросий, обращаясь теперь уже к обоим. — Ваш благоверный, ласточка, царствие ему небесное, когда жив был, изрядный запасец сделал. Железо, шифер, стекло, кирпич опять же. С большим избытком. Сам сказывал. И от щедрот своих лишнее собирался на нашу бедность пожертвовать. За умеренную плату, разумеется. Не по курсу. Ну, правду сказать, мы тогда с покойничком дружбу крепко водили. За рюмочкой вечерами сживали, все было. Тогда и пообещал. А потом, когда кошка промеж нас пробежала, он помнить забыл про обещанное. Так уж вы, ласточка, ежели насчет распродаж чего надумаете, или надумали?.. Про нас, Христа ради, тоже не забывайте. А мы в наших молитвах по три раза на дню за вас поминать будем.

Анна охотно обещала разобраться с хлыбовскими неликвидами в ближайшее время, как только ее оставят в покое, и со слезами пожаловалась попу на ночной налет и преследования. Алексей искоса наблюдал за реакцией отца Амвросия на рассказ. Ему показалось, что женщинам, должно быть, нравится ходить к нему на исповеди и плакаться.

— Алексей Иванович! — спохватилась вдруг Анна. — Я, наверное, разглашаю материалы следствия, да? Я такая болтушка!

Алексей покачал головой.

— Георгий Васильевич, — обратился он к священнику. — По какой причине вы так круто разошлись с Хлыбовым? Что-то серьезное?

— Именно разошлись, молодой человек! Это вы точнехонько употребили, — оживленно подхватил отец Амвросий. — А вот серьезная причина или нет, все зависит от точки зрения на предмет.

Анна неожиданно рассмеялась, но тотчас сделала виноватое лицо.

— Извините. Я приготовлю кофе.

— Вот-вот! Точкой зрения на предмет мы и доехали Хлыбова, покойничка, царствие ему небесное. Зато обавница наша, Аннушка, — он с огорчением покивал ей вслед, — счи-

тает, что на точке зрения у нас пунктик навязчивый образовался. Оттого смеется.

Алексей ничего не понимал.

— Что за предмет, Георгий Васильевич? — нетерпеливо спросил он.

— Основополагающий! — Пухлый указательный перст повис у батюшки высоко над головой. — Душа у него не на месте сделалась, у покойничка. Почву из-под ног выбило, он и заметался, аки лист на ветру. Как сядем, бывало, все о добре и зле пытался толковать, стержень себе нащупывал. Слушали, слушали мы, как он, болезный, в понятиях путается, сам себе противоречит, да и говорим. Нету, уважаемый Вениамин Гаврилович, никакого добра. И зла в природе тоже нету. Вот так-то. Не преду-смот-рено! Природой-матушкой не предусмотрено.

Он, душа неприкаянна, так глаза на нас и повыпучил. Мол, чем докажешь, анафема? — Отец Амвросий хохотнул с подмигом и взял Алексея доверительно под руку. — Ну-с, а мы ему для наглядности, чтобы ярче было, анекдотец старый, с бороденкой, примера ради. Про двух девок. Да вы, молодой человек, и сами слышали. Вот две девки собрались однажды по ягоды. А одна, поробчее, говорит другой: «А может, не ходить, а? Того гляди, изнасилуют. Вон народ какой нынче пошел, одни паразиты». А подружку, глядя на нее, смех разбирает. «Дура, — говорит, — ты, дура. Тебя-де когда насиловать станут, ты только расслабься хорошенько и постарайся получить удовольствие».

Вот мы тогда спрашиваем у покойничка, у Хлыбова: где тут есть добро, а где так называемое или предполагаемое зло? Нету тут ни того, ни другого, и быть не может. Зато есть две точки зрения на известные обстоятельства у двух озабоченных дурех. На факт изнасилования, выражаясь языком вашей родной прокуратуры.

Голубчик, говорим, Вениамин Гаврилович, если вы в данных интимных обстоятельствах разбираючись, станете опять понятиями добра и зла оперировать, то враз и запутаетесь. Все дело запутаете. Потому как не предусмотрено, повторяю, природой-матушкой. Есть одно понятие — точка зрения, продиктованная личным, групповым или общественным интересом. Отсюда и пляши, как от печки, тогда все тебе будет ясноенько.

Глядим мы, вроде задумался покойничек. Мозгует сидит. Потом скривило его, как от клюквы, и говорит: «Да ты марксист, батюшка, а не священник!» Обозвал, словом, вместо того, чтобы резоны представить.

Ладно, думаем, бранно слово на вороту не виснет. Мы

тебя, голубчик, с другого боку сейчас пообедем. Вот ты, Вениамин Гаврилович, все про добро мне толкуешь. А что такое добро, по-твоему? Если ты мне добро делаешь, то в надежде, что и я к тебе тоже с добром приду. На худой конец рассчитываешь, что тебе твое добро свыше зачтется? Дак ведь сие эгоизм, голубчик, чистой воды! Ты — мне, я — тебе, получается? Бартер! И стоит за твоим добром не что иное, как расчет, основанный на личном интересе. Ибо — в третий раз повторю — матушкой-природой никакое добро не предусмотрено, а все гольная выдумка. Хитродумцы всякие навывдумывали, желая скрыть от других свой шкурный интерес. Дымовая завеса! Ну, а ежели интерес не свой, а чужой, да еще поперек своего? Тогда у них это зло называется. У хитродумцев. И вся арифметика.

Милосердие, любовь, сочувствие, сострадание... Что там еще? Тоже суть понятия вторичные, производные. Как добро или зло. Стало быть, тоже ничего нам не объясняют, а только запутывают. Да вы поразмыслите, говорю, сами, Вениамин Гаврилович, голубчик, что такое, к примеру, есть сострадание? Сопереживание, не так ли? К чужому страданию. Но... перенесенное на себя. А каково бы я-то себя чувствовал, если бы не его, а меня угораздило, такого доброго, хорошего? Брр! Дай пожалею бедолагу, авось и пронесет беду, цел останусь.

Ну? Где тут оно, ваше так называемое сострадание, голубчик, с милосердием? Тут эгоизм один, гольный, да еще с задней опасливой и лицемерной мыслишкой: «Если хорош покажусь, то авось пронесет». Разве нет?

Правду сказать, молодой человек Алексей Иванович, не всякая сострадательная душа понимает это опасливое, трусливое лицемерие. Большею частью люди неразвитые упиваются собой, сострадаючи другому. Красуются перед Господом, вот он я, какой хорошенький! А, стало быть, грешат, голубчик. Грешат! Дорогу в ад себе топчут!

— А бескорыстие? — быстро спросил Алексей. — Тоже из этого порядка? Что и сострадание? Или как-то иначе?

— Вот-вот! — весело подхватил отец Амвросий, подмигивая. — Покойничек Хлыбов тоже про бескорыстие осведомился единожды. Да ядовито так! Дескать, где он тут, эгоизм с интересом, когда бескорыстие? Поди растолкуй ему. А что толковать, когда это самое бескорыстие, по сути, является синонимом преступления. Или скажем так: скрывает под собой преступление. Наворовал человек, наградил или там наторговал, что по нынешним воровским временам одно и то же, а кусок проглотить весь не в силах. Велик кусок не по брюху. Он с ним туда, он сюда. Главное, люди знают, что вор, по

глазам догадываются. Вот тогда он начинает бескорыстие проявлять, благодетельствовать. Толику на больных детишек пожертвует. Или меценатом вдруг объявится. На храм отщипнет от краденого. Да не просто так, а по телевидению, в печати свое бескорыстие всенародно отрекомендует. Поэтому, голубчик вы наш, Вениамин Гаврилович, говорим мы, нет ничего отвратительнее из всех ваших добродетельных понятий вот этого публичного бескорыстия. И потом, что есть бескорыстие вообще? Ведь это жест, не более того. Чтобы опять же покрасоваться, если не перед людьми, то перед Господом себя выставить: какой я хорошенькой. Лицемерие одно, ваше бескорыстие. Это ежели в общих чертах рассуждать о самом понятии. Но, не дай бог, конкретного человека взять, кто с бескорыстием носится, такая клоака откроется...

Мы, молодой человек, каждодневно по роду занятий имеем удовольствие лицезреть, каким образом прихожане возносят молитвы Богу в местном храме. «Дай мне, Господи... дай. Дай! Дай!! Дай!!!» Со скрежетом зубовым, без смирения. Без благодарности за дарованное. Требуют, едва не кулаком стучат... Подобное молебствование точнее назвать отправлением религиозных потребностей граждан, как в официальных документах значится. По нужде в церковь людишки ходят. Кто по большой, кто по маленькой, кто по той и другой. Дорогу в ад торят, сами того не ведая.

Отец Амвросий замолчал, не выпуская однако руку собеседника из своей, и снизу вверх засматривал ему в глаза. Кажется, ждал очередного вопроса с азартом записного полемиста. Наконец, вопрос последовал:

— Если бескорыстие, по-вашему, на самом деле лицемерие или даже преступление, я правильно понял? Не говоря уже о сострадании, о милосердии, тогда выходит, что человек изначально сидит по уши в дерьме? Безвылазно?

— Эва, заладили с Вениамин Гавриловичем-то! Слово в слово, — рассмеялся священник, искренне дивясь совпадению. Потом уставил пухлый палец Алексею в грудь. — Отчего же безвылазно? Вовсе нет. Вы не воруйте шире пуза-то, господа хорошие, тогда и бескорыстие проявлять не понадобится. Ведь это вы, прежде чем крохи на бедность пожертвовать, тысячекрат у детишек отняли и в болезнь вогнали. Поэтому от Господа всем нам заповедано: «Не укради!» А не «яви бескорыстие», ибо оно есть преступное лицемерие.

Алексей вдруг почувствовал, что отупел от этого напористого глубокомыслия, и украдкой зевнул. Вошла Анна с подносом в руках и, судя по улыбке, заигравшей на губах, с одного взгляда оценила его состояние.

— Алексей Иванович, не обращайтесь внимания. Отец Амвросий — это тип зануды, очень опасный. Хлыбов после таких разговоров всегда жаловался, что у него скулы сводит судорогой от зевоты.

— Отшучивался покойничек, царствие ему небесное. Но мы-то, ласточка, всегда знали, что вы его мнений на наш счет никогда не разделяли.

Алексей пожал плечами, спросил:

— Я все же не понял, Георгий Васильевич, из вашего доклада, почему вы с Хлыбовым разошлись?

— Вот по этому самому и разошлись, молодой человек. По причине уязвленного самолюбия. Вы небось на экране наблюдали, как боксеры на ринге меж собой хлещутся? Один другому как ни ударит, все по мордам да по мордам. А противник у его один воздух кулаками впустую месит. Так и у нас. Не терпел покойничек возле себя никакого инакомыслия. Вот ежели бы мы в рот ему глядели, поддакивали бы на его глупые разглагольствования, вот тогда, глядишь, и по сю пору в друзьях ходили.

— Значит, вы по мордам его? Я правильно понял?

— По мозгам. Оно точнее будет, крепко прикладывался. Отрицать не стану. Дак ведь на том церковь стоит, чтобы в веру заблудшую овцу обращать. Кого мытьем, кого катаньем. Кого просто так, за компанию.

— И что? Не захотел Хлыбов в веру обращаться?

— А куда ему, душе неприкаянной, деваться было? — Отец Амвросий широко и удивленно развел руками. — Догматы советские давно все похерены, идола пали. До денег тоже не великий охотник был. Правду сказать, такие души тяжело к вере идут, обиняками, с большим сомнением. Однако идут. И Хлыбов, покойничек, туда шел. Вот ласточка наша не дадут соврать, даже если бы захотел, — весело заключил он, принимая из рук хозяйки чашку с кофе.

— Пожалуй, да, — не сразу подтвердила Анна. — У нас... у него была возможность кое в чем убедиться. Самому. Я вам рассказывала, если помните.

— Да. Это весомый аргумент, — согласился Алексей.

— К сожалению, не единственный, — сухо произнесла Анна, почувствовав в его голосе усмешку.

— Извините, Анна Кирилловна, я по другому поводу. Не помню от Хлыбова в адрес церкви ни одного ласкового слова. Скорее наоборот.

— Что правда, то правда! — вновь встрял отец Амвросий. — Ну дак, одно дело церковь вдоль и поперек лаять, другое совсем — на Господа нашего хулу клепать.

— Именно так, Георгий Васильевич. На Господа нашего. И на Святое писание. Кстати, Святое писание Хлыбов назвал самой лживой и человеконенавистнической книжонкой, какую ему доводилось держать в руках. «Если, — сказал он мне, — Господь наш сотворил человека по образу и подобию своему, то подобие божье — вон оно, в коридоре под конвоем дожидается. Насильник и педераст, растлитель малолетних, вымогатель, вор, редкий подонок Семен Фалалеев, по кличке Елдак. Это, что ли, подобие божие? Если нет, тогда одно из двух: либо место Господа нашего за решеткой, как насильника и педераста, либо Святое писание лжет напропалую, и человека по образу и подобию своему сотворил Сатана. Для чего сотворил? Чтобы гармонию божественную, миропорядок в дерьмо превратить». Вот если, говорит, переписать Святую книгу исходя из того, что человека сотворил Сатана, а Господь с тех пор творение Сатаны изничтожить пытается, свести под корень, вот тогда все становится на свои места.

— Сатана творение божье в искушение вверг. Ибо сам к созиданию не способен!

Священник с подозрительностью оглядел Алексея.

— Что-то мы за Хлыбовым таких рассуждений вроде не слыхивали прежде. Хотя манера та самая, признаться... — Он с сомнением pokrutil головой.

— Это понятно. Вы разошлись, и давно, кажется?

— Разошлись, верно. А вы от себя, молодой человек, ничего часом не добавили?

— Совсем немного разве. Слова кое-где переставил. — Алексей повернулся. — Анна Кирилловна, вы, кажется, упомянули, что случай убедиться у Хлыбова был не единственный. Вы не могли бы рассказать о других?

— Да, конечно. Правда, свидетелем я не была, — Анна заколебалась. — Может, отец Амвросий вам лучше расскажет?

— Нет, нет! Рассказывайте, ласточка. Мы с вами одинаково знаем.

Анна рассеянно кивнула.

— Хлыбов пил, вы знаете. Часто один, — медленно начала она. — Но пил как-то угрюмо, с раздражением. Потом я стала замечать, что нередко он прислушивается к звукам извне. Ему чудились шаги, иногда удары в стену. Однажды ему показалось, кто-то стоит под дверью и бормочет. То ли сопит!

— Вы тоже слышали?

— Не знаю... нет. Некоторое время Хлыбов вслушивался, даже привстал. Потом в ярости запустил в дверь кофейником и разбил вдребезги. Вышел сам. Долгое время Хлыбова не было. А когда он наконец вернулся, лицо у него было пере-

кошено уродливой гримасой. Так бывает, когда у человека парез. Руки дрожали. Я спросила, с кем он так задержался?

— Один мерзавец, — и Хлыбов грязно выругался.

Я продолжала настаивать, несколько раз повторила вопрос, пока он ответил.

— Не знаю, — сказал он. — У него темное лицо.

— Павел?

— Он черный! — рявкнул Хлыбов. Больше расспрашивать я не решилась, но подумала, что у Хлыбова, безусловно, белая горячка, и он бредит наяву. Некоторое время мы, отец Амвросий тоже, так и считали.

Однажды я оставила их вдвоем в гостиной и поднялась наверх. Прошло, наверное, около получаса, когда сквозь сон я слышала выстрелы. Их было шесть или семь. Хлыбов, когда я спускалась вниз, стоял в холле, глядя в одну точку, явно не в себе. Сильно пахло порохом. Сзади него, в дверях, я увидела отца Амвросия. Вы, кажется, были растеряны?

— Напуган, ласточка, до смерти! Чего уж там... Все разговоры разговаривали после вас, тихо-мирно. Вдруг вскочил, глаза бешеные, да — в дверь! Из кармана на ходу пистолет рвет. Потом за дверью давай палить. В кого, батюшка, спрашиваю, палишь? Здесь, отвечает, на этом самом месте стоял, каналья. Возле стены. Оглядели мы потом стенку, когда в себя пришли. Вокруг поискали — ни одной отметины. Куда пули делись? А гильзы стреляные тут, под ногами валяются. Все собственноручно собрал. И усмехается. Я, говорит, с такого расстояния мухе глаз вышибу... Вот такая история, молодой человек. Хотите верьте, хотите нет, — отец Амвросий широко развел руками.

— Похоже, с запахом серы?

— Истинно так! — подтвердил священник, не уловив обычной в таких случаях иронии. — С того самого раза мы тоже уверовали, что не от запоев это, как поначалу думали. Наяву приходил.

— Кто он? — с осторожностью спросил Алексей, боясь столкнуться священника со скользкой темы.

— Да ведь и мы со слов знаем, — уклонился тот. — За что купили, за то и продаем.

— Отец Амвросий, — с досадой проговорил Алексей. — По-моему, это вопрос именно вашей компетенции. По роду занятий, как священник, вы обязаны были составить какое-то мнение. Поверьте, я спрашиваю не из досужего любопытства.

— Мнение? Отчего ж не сказать, — усмехнулся священник, пожимая округлыми, полными плечами. — Только проку от наших рассуждений вам много не будет.

— И все же. Кто он?

— Нежить.

— ???

— Мертвец это был. Души в нем нету, а потому ликом темен. Стерт лик.

Алексей почувствовал на коже мерзкую дрожь.

— Ну, допустим. А где душа?

— Мытарят ее, бедную. Там... не допускают до Господа.

И телу мертву покою в земле нет. Бродит оно.

— Значит, Хлыбов стрелял в мертвеца?

— Убить хотел, — усмехнулся священник.

Алексей представил мертвое тело в темном углу, наштигованное свинцом.

— Вы, Георгий Васильевич, как это все себе объясняете?

— Никак! Своим скудным умишком мы и пытаться не стали.

Однако в церковных анналах полюбопытствовались, признаться. По летописным сводам полистать пришлось изрядно. Так вот... в Радзивилловской летописи от 1092 года наткнулись мы на упоминание о древнем городе Полоцке. Вернее сказать, о нашествии навий на Полоцк и нападении на тамошних жителей.

Священник заметил в глазах у собеседника вопрос и поспешил уточнить:

— Навии... сие и есть мертвецы. В летописи, что вовсе удивительно, даже гравюра оказалась приложена. Правда, до крайности примитивная, но тем ценнее, ибо ближе к источнику. Безликий мертвец раздирает надвое несчастного на пороге его дома. В самом тексте безымянный летописец сообщает, что смута бысть на Руси великая, и вси во граде Полоцке, стар и млад, в окаянстве погрязли и опаскудели до потери образа человеческого. Тогда чаша терпения господня иссякла, отворотил он лик от малых сих, и хлынули на Полоцк навии злы и зачали грызти и терзати, на части рвати всякого, не разбирая полу и возрасту...

Летописные разыскания отца Амвросия для Анны были тоже в новинку. Бросив на нее взгляд, Алексей увидел широко раскрытые глаза, полные страха, и подумал, что в ближайшие дни этому дому суждено пустовать. По своей воле хозяйка навряд ли сюда вернется.

Отец Амвросий тоже заметил ее состояние и взялся утешать. По его словам выходило, что нынешние мертвецы смиренны, безвинного человека нипочем не тронут, а он сам — сущий дурень, такого страху зазря нагнать.

По этому поводу на столе появилась бутылка вина, и Алексей, сославшись на дела, поспешил откланяться.

Алексей рассортировал архив Хлыбова на две части. Необходимые документы сунул в свой кейс, остальное запер в сейфе. Затем сел на телефон.

Первый звонок — председателю местного райпо. Официальным тоном законника-буквоеда он справился, какие меры приняты на мясокомбинате по представлению прокурора за номером таким-то от такого-то?.. Никакого представления по мясокомбинату в природе не существовало, и, если бы председатель вздумал уточнить, то Алексею пришлось бы выкручиваться. Но, как он рассчитывал, выкручиваться начал сам председатель райпо. Он уверил старшего следователя, что на мясокомбинате проведена комплексная проверка и по ее итогам две недели назад состоялось общее собрание коллектива. На всех виновных наложены взыскания, произведены денежные начеты. Причины, позволяющие расхищать продукцию мясокомбината, устраняются.

Алексей ухмыльнулся. Обычный словоблок, почти идиома. От имени прокуратуры он выразил удовлетворение проделанной работой, кроме того, высказал предположение, что после приватизации мясокомбината подобные кражи станут бессмыслицей.

— Мы на это рассчитываем, — после некоторой паузы последовал осторожный ответ.

— Приватизация пойдет как обычно? Через акционирование?

— Думаю, да.

— Кто согласился быть учредителем? — продолжал блефовать Алексей.

— Вам список организаций? — голос председателя звучал все более сдержанно.

— Да, для сведения. Ваши данные пройдут у нас в комплексе мер, принятых вами для предотвращения в дальнейшем подобных краж, — успокоил Алексей.

— Одну минуту. Я продиктую. Но это все предварительные наброски. Сами знаете, закона о приватизации еще нет.

«Тем не менее растащиловка в самом разгаре», — мысленно досказал за него Алексей.

Под диктовку он составил список нескольких организаций-учредителей и рядом, напротив каждой организации, выписал из справочника фамилию ее руководителя.

Следующим звонком в администрацию района он запросил список членов недавно назначенной комиссии по приватиза-

ции. Затем оба списка положил на стол перед собой. Полюбовался и выложил рядом третий. Из кейса. Теперь картина была полной. Учредители, они же члены комиссии по приватизации, они же — организаторы хищений социалистической собственности...

В дверь постучали.

— Открыто. Входите.

В кабинет вошел участковый инспектор Суслов. Поздоровался.

— Садись, Анатолий Степанович. Новости есть?

— Соседка Глуховых по лестничной площадке утверждает, что жена и дочь вернулись из поездки в Крым раньше запланированного. Накануне отъезда она разговаривала с Глуховой. По ее словам, первоначально они хотели провести отпуск в Массандре целиком.

— А провели?

— С учетом дороги около четырех дней. Можно уточнить.

— Выглядит так, будто сбежали?

— Похоже на то.

— Сама Глухова чем объясняет свой отъезд?

— В городе их нет. Скрываются. Глухов тоже сегодня в ночь отсутствовал. Домой вернулся под утро.

— Понятно. Значит, показаний Глуховой у нас нет.

Алексей снял трубку, намереваясь позвонить в СПТУ, но в дверь просунулась крупная физиономия Дьяконова.

— Так мы едем? Или нет, господа хорошие? — недовольным тоном осведомился он.

— Мы, Вадим Абрамович, ждем вас. Чтобы ехать, — уточнил Алексей, подымаясь из-за стола.

Судмедэксперт Голдобина встретила их в больничном коридоре, насквозь провонявшем хлоркой, и предложила надеть белые, до дыр застиранные халаты. Убедившись, что халаты надеты, двинулась вперед.

— Ваше экспертное заключение. Извольте получить.

На ходу, не оглядываясь, Голдобина подала через плечо несколько страниц машинописи.

— Гнилостные изменения в тканях, состояние головного мозга, состояние сосудов позволяют судить, что ваша подопечная скончалась около двух недель назад. Более точный срок можно определить, имея труп. Что касается причины смерти, ничего нового вам не сообщу. Ищите труп.

Голдобина рубила фразы резко, акцентированно, словно вбивала в череп гвозди. По крайней мере именно так ее манеру излагать Алексей ощущал на себе. Интересно, подумал он, была ли эта мадам когда-нибудь замужем? А если была,

то кто, любопытно знать, ее муж? Он представил себя на мгновение в роли мужа Голдобиной. В одной с ней супружеской постели! И содрогнулся.

— Голова, — продолжала судмедэксперт, раскуривая на ходу сигарету, — отделена посмертно остросрежущим предметом. Режущая кромка длиной около пятнадцати сантиметров, с зазубринами. Линия отчленения проходит между первым и вторым шейным позвонком. Возраст потерпевшей, учитывая состояние зубов, кожных покровов, других признаков — от шестнадцати до двадцати-двадцати одного года. Остальные подробности найдете в экспертном заключении.

Сильным движением Голдобина открыла обитую листовой сталью дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен».

— Прошу проходить.

Из-за густого трупного запаха Алексею пришлось сделать над собой усилие, чтобы ступить через порог. Голдобина заметила это и получала удовольствие, наблюдая за их кочевающими физиономиями.

— Откройте фрамуги, черт бы вас... — промычал сквозь зубы Дьяконов.

Голдобина передернула плечом и хрипло прокаркала какой-то белой фигуре, копошащейся среди мертвых тел.

— Эрнестик, я попрошу вас открыть на время форточки. У нас сегодня дамы.

Из разных углов послышался смех. Алексею показалось, что кое-кому из мертвецов шутка Голдобиной приглянулась по вкусу. Худошавый Эрнестик в длинном, явно на вырост, халате бросил в таз нечто вроде садового секатора. Недовольно буркнул:

— Я открою. Но мух, Дина Александровна, ловить будете сами.

Голдобина повернулась к гостям.

— Пройдите сюда.

Вслед за ней они протиснулись в небольшую боковушку, служащую лабораторией, с несколькими стеллажами и вертушками, уставленными сплошь множеством разноцветных пробирок, колб, бутылей с химреактивами и оборудованием. В лаборатории трупов не было, за исключением одного, женского, с брошенным на лицо дерюжным мешком. Одежда на трупе была высоко задрана, между ног, забитая до половины, блестела пустая бутылка из-под водки. Голдобина невозмутимо поправила на трупе одежду. Окуталась густым облаком дыма.

Алексей искал глазами по сторонам.

— Ну, и где наша подопечная?

Голдобина молча приблизилась к подоконнику и сняла накрахмаленную салфетку с какого-то бесформенного предмета. Скомкала салфетку в руке.

— Ваша подопечная.

С эмалированного подноса на сотрудников взидала вставными глазами голова Чераневой Тани. Участковый инспектор и следователь с минуту подавленно разглядывали этот шедевр ритуального искусства.

Работа по туалету обезображенной преступником головы, действительно, была проделана профессионально. Глубокие разрезы на лице, на веках аккуратно зашиты и замазаны тональной крем-пудрой. На голове красовался роскошный рыжий шиньон. Брови и накладные ресницы подклеены именно те, какие были у живой. Правая бровь слегка приподнята, что придавало выражению лица чуть удивленный и наивный вид. Даже цвет глаз был подобран светло-коричневый, Алексей хорошо это запомнил. Смерть выдавила на губах покойной ту самую загадочную полуулыбку-полутримасу, какую он заметил на лицах большинства здешних покойников.

— Превосходная работа, — глухим голосом отметил он. — Даже цвет глаз угадали.

— Мы не гадали, — отрезала Голдобина. — У потерпевшей сохранился в глазнице обрывок радужки. Залип. По нему были подобраны протезы.

— Ни разу не слышал, что в городе практикует протезист, — буркнул Дьяконов, распаковывая свою фотоаппаратуру.

— Протезиста нет. Это мои личные связи. Кстати, обязана вас уведомить: фиксирующих растворов и морозильных емкостей, как видите, мы не имеем. Поэтому хранить вашу подопечную, пока отыщется труп, не намерены. Постарайтесь иметь это в виду.

Голдобина вышла.

— Анатолий Степанович, доставь сюда Черанева-папашу. Будем проводить опознание.

Итак, последняя соучастница дикого преступления в Волковке мертва. Алексей вновь обернулся к окну. Живая Черанева, циничная, зачуханная давалка из подворотни с размазанной физиономией сильно проигрывала этому мертвому лицу. Смерть стерла с него убогую суетность, и теперь с эмалированного подноса покойно взидало величавое лицо красивой женщины. Похоже, только расставшись с жизнью, она сумела обрести себя.

Голос участкового инспектора вывел его из задумчивости.

— Черанев в коридоре. Ждет, — сухо доложил он. Алексей кивнул:

— Веди родителя.

Лицо Черанева-папаши показалось знакомым. Лисья, испитая физиономия с обильными складками кожи, словно отставшими от лицевых костей. Вел он себя с неприятной угодливостью и походил на собаку, которую много били.

— Где вы работаете?

— От Союзпечати... продавец я. Продавцом, значит, — бегая глазами по сторонам, отвечал тот.

— Это в киоске, что ли? На вокзале? — вспомнил наконец Алексей, где он мог видеть это лицо.

Черанев охотно закивал и начал было намекать на какие-то особые отношения с покойным Хлыбовым, на поручения и вдруг смолк. Его глаза, похожие на две стертые пуговицы, испуганно остановились, наткнувшись на стеклянный взгляд дочери. Спустя минуту Черанев суетливо зашарил по карманам в поисках папирос. Но закурить забыл.

— Узнаете?

— А?..

И неожиданно, невпопад, хихикнул. Алексей понял, что смешок нервный, но сдержать себя не мог.

— Смешно, правда?

— Но! — угодливо поддакнул тот, явно не сознавая, кто и о чем его спрашивает.

— Допрыгалась, дурочка, — наконец выдавил он. — Я вроде как не отец ей теперь, по закону-то. Лишили меня. Ей двенадцать лет было, ну... когда запил. А вон как, еще хуже вышло.

Алексей предложил Чераневу подписать протокол опознания и сам вывел его в коридор. Задав несколько вопросов, он выяснил, что никаких отношений в последнее время отец с дочерью не поддерживал. Следовательно, куда Черанева могла уйти две недели назад, с кем, он ничего не знает. Сам Черанев живет приймаком у одной женщины, она вдовая, из-за нее, собственно, он перестал встречаться с дочерью.

Из прежних дел Алексей знал, что мать Чераневой скончалась от рака легких после десяти лет работы в аккумуляторном цехе металлургического комбината. Сам Черанев, как оказалось, не знал даже этого.

В райотделе милиции Алексей затребовал данные на гражданку Чераневу Т.Ф. с дактокартой обеих рук и фотографией. Вернувшись в прокуратуру, он подготовил запрос в адрес ИЦ УВД о розыске трупа. И задумался.

Обезображенное до неузнаваемости лицо наводило на мысль, что преступник из числа старых знакомых Чераневой. Или опасается, что его могли видеть в обществе потерпевшей накануне смерти, поэтому позаботился обрубить ниточку. Если все так, то свидетели где-то существуют. С другой стороны, со дня смерти потерпевшей прошло две недели. Но труп до сих пор не обнаружен. И вдруг «всплывает» голова. Сомнительно, чтобы преступник хранил ее эти две недели у себя. Можно предположить, что, задумав новое преступление, он решил использовать голову убитой недавно женщины для устрашения очередной жертвы. Для этого убийца вернулся на место преступления, затем отрезал у трупа «острорежущим предметом» голову и, приколов гвоздем записку, подкинул голову в квартиру... Если все так, труп Чераневой пока цел и в настоящее время находится на месте преступления. Или там, куда убийце удалось его переместить.

Наконец, еще один неясный момент. Голова всплыла здесь. А труп до сих пор никто не обнаружил. Или убийца хорошо труп запрятал, или расправился с жертвой в другой местности, с иным административным подчинением. Пожалуй, после сцены в ресторане, перепуганная, Черанева могла уехать из города сама куда угодно.

Он отправил подготовленный запрос и набрал номер телефона СПТУ номер 13.

— Иван Андреевич?

— Я.

— Добрый день. Валяев, из прокуратуры. Мне необходимо побеседовать с вашей женой. И дочерью.

— Исключено, — отрубил хриплый голос. — В городе их нет. Причина? Причину вы знаете.

— Догадываюсь.

— Вот так. Если невтерпеж, беседуйте со мной. Я знаю столько же.

Алексей подумал и спросил в лоб:

— Ваши жена и дочь провели в Крыму четыре дня. Хотя, мы знаем, они рассчитывали провести там отпуск. Что произошло?

— Насчет отпуска чушь. Дура-баба вам надвое сказала. А уехали раньше срока, это правда. Сейчас вся уголовная сволочь, которая два года назад на Колыме мерзлоту долбила, на курортах болтается. Татуировку на пляжах нежат. Поэтому порядочные люди едут отдыхать на Колыму... Минуточку... Тебе чего?

Было слышно, как Глухов прикрыл мембрану ладонью. Потом, ничего не объясняя, бросил трубку на рычаги. Алексей

подождал с минуту, слушая короткие гудки, и вновь набрал номер. Как он предполагал, телефон на том конце провода взяла Зинаида. Он представился, напомнил свой прошлый визит, сказал пару удачных комплиментов и наконец услышал в трубке нежно расслабленное мурлыканье.

— Зиночка, э-э... ласточка, я только что разговаривал с Иваном Андреевичем. Вы его случайно не съели? Куда он запропастился?

Зиночка фыркнула и сказала, что такую бяку она ни-почем есть не станет. А к Ивану Андреевичу пришел... ворвался Охорзин Кирилл Кириллович. Такой смешной, перепуганный какой-то. Они теперь к гаражам поскакали. Я в окно их вижу. Глухов впереди, а Охорзин... ой! Упал! Упал бедненький...

Алексей наконец поблагодарил Зинаиду и пообещал перезвонить позднее.

...Возле гаража, оглянувшись, Глухов увидел, что Охорзин отряхивает от грязи штанину и прячет в карман пиджака выкатившуюся бутылку. Зло покатал на скулах желваками.

— Комедию ломаешь? — процедил он, когда Охорзин, прихрамывая, подковылял к дверям гаража.

— Какую комедию? Ты о чем? — растерянно замигал тот по-стариковски блеклыми глазками.

— Если выпить захотел, так и скажи. А ты... по больному, как сука!

Наконец до Охорзина дошло.

— Стой! Стой, дурак! Куда? Ты взгляни вначале, не поленись. Ну?!

Глухов неуверенно остановился.

— Иди давай. Сучить меня потом будешь, щенок.

Он с лязгом отбросил сварную дверь и вслед за Глуховым шагнул в каменное нутро гаража. Щелкнул выключателем. Грузовик стоял на месте, как оставил его сам Глухов после ночной поездки.

— Я, понимаешь, кой-какую мебелишку соседу обещал перевезти. Полез в кузов, а там эта... нога!

Глухов уже стоял на скате, держась руками за борт. Среди пустых ведер и мешков, которые валялись тут неизвестно зачем, увидел желтеющую ступню, явно женскую. Одним рывком он поднялся в кузов и отбросил в сторону пыльную мешковину.

Нога была отрезана по коленному суставу. Но не вчера. Кое-где на ногтях еще держались остатки педикюра. К икроножной мышце булавкой была пришпилена записка:

Далеко не убежишь на очереди твой доч включили счетчик.

В конце рабочего дня Алексей забрал в местном отделении связи две посылки, которые перед отъездом отправил себе сам. Дома, вскрывая один из ящиков, он обнаружил, что из вложенных вещей исчезли две шерстяные фуфайки и несколько пачек индийского чая. Вместо них для веса ящик на треть был забит кипами пожелтевших бланков какого-то госнабовского ведомства. К счастью, вторая посылка со справочниками по криминалистике и юридической литературой оказалась не тронута.

Красть, собственно говоря, у него было нечего. Все движимое и недвижимое свободно помещалось в большой дорожный баул. Однако за последний месяц это была третья по счету кража его личного имущества.

В восьмом часу вечера Алексей спустился вниз. По пути забросил пустые ящики в бак для мусора. Какая-то старуха, не дожидаясь, пока он скроется с глаз, выудила оба ящика из помойки и, грузно переваливаясь, поволокла добычу в соседний подъезд.

Было еще светло, когда Алексей выбрался на одну из окраинных улочек. Опасаясь забрести не туда, остановил случайного прохожего.

— Улица Либкнехта, это где? Дом 85?

Плотный, лет шестидесяти дядька с минуту разглядывал его с головы до пят. Алексей заподозрил даже, что впопыхах надел пыльник наизнанку. Повторил вопрос. Красное с прожилками лицо вдруг разъехалось в широкой ухмылке.

— Пошел ты на х... Козел!

И дядька повернул прочь. Алексей с трудом подавил в себе вспышку ярости, физически ощущая, как сгорают в этом огне миллионы нервных клеток. Затем, успокоясь, утешил себя тем, что поступил по-христиански.

Нужный адрес Алексей отыскал сам. Это была почти окраина города. Маленький, покосившийся домишко с одним оконцем на фасаде едва выглядывал из-за стоящего подле громадного «Кировца». Когда Алексей подошел ближе, то увидел, что все четыре ската у трактора-гиганта проколоты. Выбиты стекла в кабине, железное нутро тоже разворочено и растащено. Судя по облупленной краске и ржавым пятнам на корпусе, он стоял тут не один год и начал вращаться в землю.

Под окошком, заклеенным синей изолентой, на табуретке сидела бабушка. Как и табуретка, бабушка была невероятно ветхая и даже не пошевелилась, когда Алексей остановился рядом. Он поздоровался и опустился перед старухой на кор-

точки, чтобы она могла видеть его лицо. Но теперь старуха глядела сквозь него и сквозь ржавую махину пустым, стылым взглядом.

— Бабуля, скажите, Таня Черанева здесь проживает?

Он смотрел, как сознание медленно возвращается в ее пустые глаза. Потом дрогнули пальцы на коленях, уродливые, покрытые пигментными пятнами. Как будто своим вопросом он возвращал старуху с того света. Наконец, она увидела его.

— Кричи шибче, милоч. Глухая я, — услышал он слабый, шамкающий голос.

Алексей прокричал свой вопрос ей на ухо, и старуха закивала.

— Здеся, здеся она. Ушла куды-то.

— Куда?!

Но на большее старухиных сил не хватило. Сознание вновь вытекало из глаз, взгляд скоро опустел и подернулся ледком. Алексей оставил старуху и вошел в избу. Внутри оказалось довольно опрятно. Стены были без обоев, но бревна выскоблены и промыты дочиста. Чистые, свежекрашенные половицы. В Таниной комнате вдоль стены стояла узкая кушетка, отнюдь не двуспальная; в изголовье на тумбочке — увядающий, осенний букет. Чем-то неуловимым эта комнатка напоминала комнату Иры Калетиной. Такая же стопка модных журналов и несколько забытых на кушетке кассет.

В шкафу среди упавших блузок, тряпья он нашел спрятанный однокассетник. Однокассетник оказался японский, правда, китайского производства. И то, что он был спрятан — единственная здесь ценная вещь, давало повод думать о намеренном отъезде или же бегстве хозяйки из дома.

С полчасца Алексей гонял магнитофонные записи в слабой надежде на какое-нибудь звуковое послание, но ничего, кроме современного музыкального хлама, на кассетах не оказалось. Он заглянул в буфет, в хлебницу — всюду было пусто.

Рейд по соседям тоже ничего не дал. Хотя двое супругов уверенно доказывали ему, будто видели Чераневу то ли вчера, то ли позавчера возле дома. Алексей закончил тем, что попросил одну из соседок, чье лицо показалось ему приветливым, приглядеть за старухой до завтра и накормить ее.

Уходя, он еще раз оглянулся на покосившуюся избушку. Картина показалась ему примечательной. Разграбленный, ржавый трактор (наверняка болтается на балансе у какой-нибудь организации) и дряхлая старуха под окном возле догнивающей избы. Крыша избушки едва достигает коньком до кабины гиганта социндустррии.

— И осталась старуха у разбитого трактора, — невесело

усмехнулся он, глядя на этот скорбный памятник эпохе развитого социализма.

Некоторое время Алексей шагал, погруженный в раздумья. Было непонятно, за кем он гонится по этому порочному (или выморочному?) кругу. Может, в самом деле, как во граде Полоцке, мертвые хватают живых, рвут их на части? Хотя... как правило, когда преступника находят, то оказывается, что это вполне конкретный злодей.

Алексей свернул в боковую улочку и остановился. Место показалось знакомым. Он стоял напротив дома Калетиной. Под знакомым, качающимся фонарем. Лампа над головой горела, но свет не достигал полотна дороги, теряясь на полпути.

Алексей поколебался и толкнул калитку. Мелькнула мысль, что ему трудно будет объяснить полубезумной хозяйке этого дома цель своего визита. Впрочем, она не любопытна. В этот момент в просвете между зарослями черемухи он увидел удаляющуюся женскую фигуру. Она была в темном платке и платье, шла торопливо с опущенной низко головой. Что-то почудилось в ее облике знакомое. Вернее, в том чувстве, которое она вызывала — чувство замкнувшегося в себе несчастья. Это была Калетина. Алексей вышел следом на улицу, оставив калитку открытой.

— Здравствуйте. Вы помните меня?

Она вздрогнула, слегка даже отшатнулась, но продолжала идти, по-прежнему не подымая глаз.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — продолжал Алексей с мягкой настойчивостью. — Вы, я вижу, уходите?

— Ухожу, — прошелестело в ответ.

— Может, мне проводить вас? Или я мог бы подождать?

— Да, — услышал он после паузы. — Подождите.

Она ушла, так и не взглянув на него, скрылась в каком-то переулке, между дворами. Алексей повернул назад к дому, не слишком уверенный, что сумел договориться.

На противоположной стороне улицы перед кучей песка он увидел тщедушного мужичонку с недельной щетиной на лице. Тот стоял, опершись на лопату, и сверлил его глазами из-под надвинутой на глаза кепки. На нем была заляпанная старой краской спецодежда и галоши на босу ногу. Когда Алексей поравнялся, мужичонка вопросительно буркнул:

— Из органов?

— Допустим.

— В позапрошлый месяц, во вторник приезжал, ну? К этой... На «УАЗе», кажись.

Алексей промолчал, выжидая не без любопытства, что пос-

ледует дальше. Мужичонка поскреб щетину и неожиданно грязно выругался:

— Под замок ее, стерву, мать-размать... Ну? Дело говорю.

— За что под замок? — усомнился Алексей.

— Степана Гирева знаешь? В СМУ на автокране вкалывает, три года как с химии...

Мужичонка зашелся опять длинно и грязно матом по одному ему известному поводу. Потом в его пространным и путаном рассказе появились какие-то кроли, две пары. Выяснилось в конце концов, что это кролики, которые были куплены то ли у Степана Гирева, то ли у кого-то из Степановых родственников, и сколько ему, суке, пришлось выпить водяры. Потом вновь мужичонка начал перебирать чью-то родню, матерился и сплевывал под ноги, тыкал большим пальцем за плечо и рубил ребром ладони воздух.

Алексей понял, что из затянувшейся тирады без посторонней помощи этому пошехонцу не выбраться. «Типичная клиника, — заключил он, с любопытством наблюдая оратора. — Нечто вроде разжижения мозгов в запущенной стадии сифилиса».

— Ну и при чем тут Калетина?

Мужичонка вдруг с подозрением, исподлобья уставился на Алексея, как на недоумка. Тот в очередной раз остро почувствовал себя совершенным иностранцем, Миклухо-Маклаем.

— Ты че, бля, думаешь? Ушла? Квартал вокруг обежит, и домой!

Он оглянулся по сторонам и с видом заговорщика поманил Алексея к себе. Алексей подставил ухо.

— Дома! Дома, говорю, сидит, ну? Торкнись поди в ворота, запаadlo буду!

Алексей недоверчиво хмыкнул. Но мужичонка, шаркая галошами и озираясь, уже семенил к своему палисаду. Однако не ушел, а встал поодаль, зорко наблюдая за дальнейшими действиями «органов».

Как и в прошлый раз, дверь легко подалась. Похоже, ее тут никогда не запирали. Алексей поднял глаза и застыл от неожиданности. Перед ним в дверном проеме плавало бледное лицо с вопрошающе устремленными перед собой глазами. Темнота внутри съедала очертания фигуры, и оттого лицо казалось картонной маской, подвешенной под притолокою на невидимой нити.

— Извините, я не заметил, когда вы прошли.

Бледная маска едва заметно шевельнулась.

— Я думаю, нам следует поговорить. Если позволите? — он сделал шаг вперед и остановился, выжидая.

— Проходите.

В доме царил полумрак с запахом гнили и сырости. Алексей осторожно двинулся следом, едва угадывая впереди легкое движение воздуха. Хозяйка остановилась посреди комнаты лицом к гостю. Оглядевшись, Алексей узнал комнату покойной дочери. Портрет Иры в траурной раме, выполненный халтурщиком из местного фотоателье, смотрел на них со стены с напряженной, вымученной улыбкой.

— В мае месяце я был у вас. Вы помните?

Женщина молчала. Было похоже, внешние события нисколько не занимали Калетину. В том числе он сам — всего лишь очередная докуча, которую необходимо перетерпеть и забыть.

— Мы тогда говорили о вашей дочери. Ире Калетиной.

— Да.

Веки дрогнули, и она остановила на нем встревоженный взгляд. «Помнит, — отметил Алексей. — Во всяком случае то, что касается дочери».

— Вы говорили, она бывает у вас? Это так?

— Приходит.

— Вам не кажется это странным, учитывая, что Иры вот уже год нет в живых?

Калетина вновь потупилась. В быстро густеющих сумерках ему показалось, что плечи ее вздрагивают. Алексей подошел к портрету на стене, чтобы как-то разрушить дурацкую мизансцену и собственную не менее дурацкую роль строго вопрошающего учителя.

— Она привязана ко мне и не может уйти совсем, — тихо прошепело в темноте.

— Вы тоже любили ее?

— Да.

— В прошлый раз, когда я провожал Иру, я просил разрешения навестить ее еще раз. Она согласилась как будто. Могу я поговорить с ней?

Он затаил дыхание, чувствуя, что в своем любопытстве зашел слишком далеко. Ответ, как всегда, последовал не сразу.

— Не знаю.

— Мне бы очень хотелось. Если возможно, — с настойчивостью добавил он, не слыша в ответе категорического отказа.

— Это зависит от Ириши.

— Когда? Сегодня, завтра?.. Где она?

— Здесь.

Калетина неловко повернулась и вышла из комнаты. Алексей постоял в растерянности и опустился на софу. Прошло минут десять-пятнадцать, хозяйка не возвращалась. Он подумал вдруг, что ответ Калетиной мог означать что угодно.

Например, память о покойной, как боль, постоянно здесь, в сердце матери. Или что-то в этом роде.

Он заметил белеющий в сумерках возле двери выключатель и пощелкал кнопкой. Свет почему-то не горел. Алексей потуже прикрутил лампу в люстре и снова пощелкал. Безуспешно. Ждать больше не имело смысла. Впотьмах, ударяясь плечами о многочисленные косяки, он кое-как выбрался наружу. И вдруг столкнулся с хозяйкой в калитке. Похоже, она откуда-то возвращалась, одетая в темное, в темном платке; прошла мимо, даже не взглянув. И скрылась в доме.

— Черт знает что! — Он пожал плечами и вышел на дорогу, чувствуя себя идиотом.

На столбе бросились в глаза обрывки провода на изоляторах, около полуметра длиной. Остальное было смотано и висело на заборе калетинского палисада.

— Но? Теперь видал? А я же говорил?

Прежний небритый мужичонка стоял в нескольких шагах от него и делал руками какие-то знаки. Алексей сообразил наконец, что его зовут.

— Айда в дом, поговорим. А то на виду у этой... Но?

В прихожей, склоняясь над оцинкованным тазом, поставленным на табурет, мыла голову дебелая баба. Халат на ней был спущен с плеч до пояса, и белые, непомерно большие груди тяжело колыхались в такт движениям рук. Мужичонка фыркнул и с порога обложил бабу матюгами.

— Выставила вымя, корова недоена! Тут человек у меня из органов, а ей хрен по это самое!

Баба протерла глаза от мыла и, ойкнув, скрылась за занавеской. Мужичонка протопал следом. Алексей услышал его приглушенный бормоток, из которого удалось разобрать всего два слова — «гость» и «из органов». Еще «дура». Обрато он появился с торжествующей ухмылкой на небритой физиономии, зажав в горсти бутылку «Пшеничной».

— Айда по такому случаю.

Сели за стол на кухне, довольно грязной и больше напоминающей кладовку. Мужичонка ловко скусил зубами пробку и набулькал водки в два грязных, захватанных стакана до самых краев.

— Ну, бывай! — бормотнул он, вытягивая губы сосочкой. Острый кадык заходил у гостя перед глазами. Алексей понял, что ушлый мужичонка довольно ловко его использовал. Человек из «органов» и «по такому случаю» произвели на супругу необходимое впечатление. Иначе «Пшеничной» ему было бы не видать как собственных ушей.

Вскоре появилась она сама в туго повязанной на голове

косынке. Молча грузно прошла к лавке и уселась напротив гостя, скрестив руки под грудью. С этого момента она ни разу не пошевелилась и, кажется, не сморгнула. Хозяин уже нес околесицу, яростно напирая на какие-то свои права. Но его разговоры, сколько Алексей мог разобрать, по-прежнему крутились вокруг Степана Гирева, который «робил» в СМУ на автокране, и все тех же злополучных кролей, которые сдохли вместе с приплодом из-за этой стервы. Алексей отодвинул стакан с водкой в сторону.

— Провода у Калетиной твоя работа?

— Ну дак... бял такая, она во у меня где!

Мужичонка полоснул ребром ладони по кадыку и заматерился скороговоркой, бросая на гостя подозрительные, сверкающие взгляды. Тот жестом остановил его.

— Теперь слушай. Завтра провода у Калетиной должны быть на месте, а не на заборе. Если она пожалуется, или узнаю сам, пеняй на себя. Все понял? — с порога он еще раз обернулся. — Я не прощаюсь.

Дом Калетиных на противоположной стороне улицы показался ему в темноте похожим на черный гроб, случайно забытый в кустах.

— Вот и сходили подружки по ягоды, — пробормотал он, вспоминая анекдот отца Амвросия про двух озабоченных дурах. Пожалуй, при встрече стоит рассказать батюшке продолжение анекдота. Заодно поинтересоваться его «точкой зрения» на обстоятельства.

10

В начале рабочего дня Алексей заглянул в отдел социального обеспечения, но проторчал там около часу, пока не убедился, что с бабушкой Тани Чераневой все будет в порядке.

По дороге из райсобеса в прокуратуру он нос к носу столкнулся со следователем облпрокуратуры Круком. Не ответив на приветствие, Крук уперся в него сонным, невыразительным взглядом.

— Сбежал, Леша?

Алексей усмехнулся.

— Выпал из поля зрения, так скажем.

— В следующий раз, — промямлил Крук, — придержи свои соображения для приватной беседы.

Он неторопливо двинулся дальше. Ни здравствуй, ни до свидания. Но из реплики Алексей понял: Крук нацелен на результат и дает понять, что на него можно рассчитывать.

В приемной Алексея дожидалась телефонограмма из ЭКО УВД:

Срочно!
Следственный отдел прокуратуры
Валяеву

На Ваш запрос высылаем справку о результатах физико-химического исследования.

1. Частицы вещества, представленные в смыве по месту отчленения головы потерпевшей, являются микрочастицами олова и канифоли; имеют следы термического воздействия.

2. При исследовании кусочков бумаги, выбитых дыроколом, установлено: бумага типографская, изготовлена Камским целлюлозно-бумажным комбинатом, имеет ГОСТ 9095-73.

3. Тип бумаги от дырокола и образец бумаги, на которой написана угрожающая записка, совпадают.

Полное экспертное заключение будет направлено Вам после оформления.

Эксперт Морозов

Возле его кабинета, под дверью, чадил сигаретами следователь Махнев и Соковнин. С ходу, не давая открыть рот, Алексей предупредил:

— Взаймы не дам.

— Это почему? — подозрительно осведомился Махнев.

— Берите с граждан взятки. И никаких проблем.

— Не хватает! Даже на курево.

— Не с тех берете, значит. И вообще, какого черта тут?..

Махнев сделал руками ослиные уши и заревел:

— И-и-и. О-о-о! И-и-и! О-о-о!

— ИО направил. К тебе в распоряжение, — пояснил Вася. Алексей хмыкнул.

— Ладно. Проходите, дурачки.

— Почему дурачки? — обиженно протянул Махнев.

— Все потому же. Я — начальник теперь, ты — дурак.

Вася тоже дурак, хотя и молчит. Но это к слову, чтобы субординацию не забывали. — Алексей выложил на стол тощую папку с делом, открыл настежь окно. — Можете познакомиться, господа. Потом я готов выслушать ваши дурацкие предложения.

Оба следователя одновременно погрузились в изучение документов. Наконец Махнев перевернул последнюю страницу и толкнул папку через стол Валяеву.

— Так. Что дальше?

— Дальше я намерен распределить обязанности. Вася как безусловный специалист по копанию в грязном белье возьмет на себя потерпевшую Чераневу и ее связи. Где, когда, куда, с кем? Предсмертные маршруты Чераневой, возмож-

ные свидетели. Сексуально озабоченная публика с криминальным уклоном Василию Степановичу до боли знакома. Так что карты в руки и пожелание всяческих успехов. Я, так и быть, беру на себя самую рутину. Проверю результаты физико-химической экспертизы. Где-то в городе есть точка, где должны сойтись паяльник, дырокол и типографская бумага ГОСТ 9095-73. Наконец, Махнев!

Алексей на некоторое время задумался.

— Тебе, как обычно, придется взять на себя младенца.

— Опять?! — взревел Махнев.

— Это майор в отставке Глухов Иван Андреевич. Во-первых, свяжись с райвоенкоматом и установи возможных сослуживцев Глухова. Выясни действительную причину увольнения в запас. Во-вторых, Глухов сейчас активно перемещается, поэтому необходимо фиксировать каждый его шаг. И, в-третьих... с этого, на мой взгляд, следует начать: срочно допроси мастера производственного обучения Охорзина.

Алексей вкратце пересказал события, известные ему по телефону со слов секретарши.

— Минуту, начальник, — перебил его Махнев. — Допустим, я дурак. По штату, разумеется. Из материалов дела я понял, будто Глухов — терпящая сторона? Но после разговора с умным человеком с удивлением узнаю, что Глухов злодей! Отрезал бедной девушке голову, подкинул себе в квартиру и хочет заставить себя выплатить себе миллион. При этом, заметьте, активно перемещается. Что за хреновина? Почему я должен за этим мудаком в отставке следить?

Алексей рассмеялся.

— У меня есть подозрение, уважаемый господин Махнев... подозрение, переходящее в уверенность, что ваш подопечный ведет двойную бухгалтерию. Дело в чем? Когда Глухов закапывал голову и пытался скрыть от нас, что его шантажируют, это было понятно. Преступник угрожал семье расправой. Теперь все знают все, но Глухов тем не менее продолжает темнить. Говорит, разберусь сам. Хотя, по логике вещей, должен цепляться за любой шанс.

— Ну, и что из этого следует?

— Представьте, господин Махнев, что преступник вдруг оказался в наших руках. Какой первый вопрос вы ему зададите?

— Про миллион, разумеется, — догадался Махнев. — Почему ты, злодей, решил, что у бедняги Глухова есть миллион? А?

— Вот именно. Поэтому я делаю вывод: Глухов рассчитывает добраться до преступника первым.

— Понял. Вопрос снят.

Оставшись один, Алексей взялся прорабатывать план собственных действий. Микрочастицы олова и канифоли со следами термического воздействия означали одно: профессия преступника связана с пайкой и лужением. Телерадио-мастерские, ремонт бытовой техники, контрольно-измерительные приборы, электромонтаж указывают на учреждение, а не на домашнего радиолюбителя. К тому же дырокол с четкими индивидуальными признаками, а бумага имеет установленный ГОСТ. Хлопотно, но обнаружить такую контору вполне возможно. Город в конце концов не велик.

Однако при детальном анализе исходных данных Алексей почувствовал, что искомая контора становится все более призрачной, а ее контуры размытыми. Появилось даже подозрение, что такой конторы может не быть вообще.

В городе, как он выяснил, действует несколько десятков отраслевых и ведомственных снабженческих организаций со своими базами, которые снабжают район бумагой. Бумага потребительских форматов, например, продается во всех магазинах «Спорткультторга». Алексей поискал у себя в столе початую пачку бумаги с уцелевшей упаковкой. На обороте прочел:

Камский целлюлозно-бумажный

комбинат

Типографская бумага № 2

Ординарных 250 листов

ГОСТ 9095-73

Он вздохнул... Что еще? Дырокол? У него на столе тоже имеется дырокол. Еще один — в ящике письменного стола. В шкафу, если память не изменяет. Среди бумаг завалился третий, правда, сломанный. Не надо большой фантазии, чтобы представить количество дыроколов, валяющихся по разным конторам. К тому же дефект того единственного, которым пользовался преступник, может оказаться заводским браком, поэтому не исключено, что в продажу поступила целая партия брака одновременно.

То же самое с паяльником. Они имеются едва не в каждой семье. Стационарных бытовых паяльников, как известно, не бывает. Они все переносные. Поэтому олово, канифоль, паяльник может таскать в авоське по городу любой гражданин независимо от профессии. Скорее всего на этом направлении его ждет еще большая рутина. Поразмыслив, он решил наконец ограничиться выборочной проверкой. На всякий случай.

Опасения оказались не напрасны. К вечеру ему и его сбившимся с ног оперативникам удалось выяснить только то, что утром он был прав.

Вернувшись домой, Алексей принял душ и с кипой свежих газет рухнул на кровать. Но газетное чтиво на ум не шло. По несколько раз он возвращался глазами в начало только что прочитанного абзаца, наконец отложил газеты в сторону. Сквозь дрему на лестничной площадке ему почудились неуверенные шаги. Кто-то остановился напротив его двери. Алексей тотчас открыл глаза и сунул руку под подушку...

Сегодня при встрече с Круком мелькнула мысль передать архив Хлыбова ему. Он даже рассортировал, оставив нужные бумаги себе. И не отдал. Лучшей приманки для преступника невозможно было придумать.

Он сел, выжидая, что последует дальше. Однако в дверь просто позвонили. Алексей сунул пистолет глубже под подушку и отправился открывать.

На пороге, смущенно улыбаясь, стояла Светлана Тэн.

— Вот это да-а! — наконец пробормотал он и потряхнул головой. — Вы сон? Или я сошел с ума? Брежу?

Большие черные глаза скользнули по его лицу всполохами далекой зарницы. Она не ответила.

— Значит, сон, — подумав, заключил он. — В таком случае, поцелуй в щеку не возбраняется.

Он взял девушку за руку и прижался к ее нежной щеке губами. Это продолжалось почти минуту. С тихим смешком она отстранилась наконец и прошла в комнату, оглядывая убогое жилище.

— Бог мой! Как тут неудобно у вас.

— Это гостиничный номер. — Алексей пожал плечами. — Я, кажется, привык и не замечаю. Хотя, когда вы вошли, я сразу понял: в этом номере не хватает персидских ковров, лепнины с позолотой и византийской кудрявой росписи. Поверьте, мне стыдно, что ничего нет.

Она быстро повернулась к нему, и он, словно брошенный в воду камень, разом утонул в черной бездне ее глаз.

— Вам не стыдно, что за месяц вы ни разу не позвонили своей невесте? Не пытались встретиться? Или ваше предложение всего лишь циничная шутка?

— О! Что ни вопрос, то пощечина. — Он взъерошил волосы. — Э-э... хотите кофе?

— Я хочу услышать ответ.

— Чудесно. Угощать мне все равно нечем. Я, признаться, не ждал вас.

— Это я уже понял.

Она не отводила взгляд, и он лишний раз убедился на собственной шкуре, что камни плавать не умеют.

— Да, мне стыдно, — скорбно признался он.

— Это все?

— Мне стыдно потому, что я, увы, все еще не районный прокурор. Я просто следователь. Ищейка! По сути, розыскная собака. В номере нет персидских ковров, нет лепнины на стенах, и, если невеста разборчива, подумал я, ей не за что уважать такого жениха. Несколько раз я порывался позвонить, но вспоминал, кто я есть на самом деле, и бросал трубку. Зато теперь, когда вы пришли, пришли сами, я понял, что глубоко заблуждался. Моя щепетильность кажется мне абсолютной глупостью, и я готов принести извинения в любой доступной форме.

— Мне кажется, вы хамите, — тихо произнесла она.

— Возможно, мне не хватило вежливости, но я ответил искренне. За это ручаюсь.

— Вы тешили свою щепетильность столько времени, а о моей щепетильности подумали?

— Зачем? Вы же пришли.

— Ах так!

Ее взгляд вспыхнул, словно пламя электросварки, и звонкая оплеуха гранатой взорвалась у него на щеке. Алексей дернулся назад, как от оглушительного удара, и, потеряв равновесие, всем телом грохнулся об одежный шкаф. Сверху повалились книги и стопы газет, а его тело безвольно сползло на пол, крепко ударившись головой. Чтобы удар прозвучал убедительно, а голова при этом осталась цела, он незаметно ударил ладонью об пол. Бух!

— Ой... мамочки!

Она с ужасом уставилась на простертое в ногах тело с остановившимся, безжизненным взглядом. Потом до нее дошло, что он продолжает ломать комедию, и она выбежала вон, с треском захлопнув за собой дверь. От удара еще одна пыльная кипа газет обрушилась со шкафа ему на голову.

Алексей сел в задумчивости, начиная сомневаться, что его подозрения относительно Тэн верны. Потом снова лег на кровать и уставился в потолок.

В прихожей звякнул телефон.

— Меня нет, — пробурчал он и отправился к телефону. — Да?

В трубке молчали.

— Я слушаю вас!

— Алексей Иванович, — голосок Тэн звучал сухо и холодно, но и с этими интонациями, признаться, ласкал слух. — Я, наверное, слишком быстро согласилась выйти за вас замуж. Я сожалею и беру свои слова назад.

— Все? — спросил он, помедлив.

— Да.

— Почему вы не бросаете трубку?

Она не ответила. Алексей терпеливо ждал. Потом в трубке послышался тяжелый вздох.

— Я похожа на грязную девку?

— Нисколько.

— Тогда почему?! — в голосе звенели слезы. Он почувствовал, как к горлу подступает острый комок.

— Так, — буркнул он. — Валял дурака. Фамилия такая, Валяев.

Она помолчала, потом осторожно, как у больного, которого лишний раз нельзя беспокоить, спросила:

— Я хочу знать, что заставляет вас обращаться со мной подобным образом?

— Хорошо. Давайте попробуем поговорить откровенно. Я жду.

— Нет! Приходите вы. У себя дома я буду чувствовать себя уверенней.

— По-моему, я не знаю вашего адреса.

— Соседний подъезд. Девяносто шестая квартира.

Алексей изумленно присвистнул. Положив трубку, он сунул пистолет в кейс вместе с бумагами и выбрался на балкон. Огляделся. Затем, с перил, он осторожно просунул кейс через балконное ограждение верхнего этажа. Там, среди мебельного хлама и пыли, имелась весьма подходящая на этот случай щель.

11

Дверь открыла сама Светлана. Ее глаза еще блестели от слез, но на лице цвела чуть растерянная улыбка. Вслед за хозяйкой он вошел в одну из комнат. Судя по количеству дверей и размерам прихожей, квартира была трехкомнатная.

— Мы одни? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Я бы не хотела отвечать на этот вопрос.

— Понял. Вы надеетесь, что я буду вести себя скромнее? Она проигнорировала реплику.

— Что вы будете пить?

— Даже так... гм? Предпочитаю водку. С содовой.

Полубогемная обстановка в комнате, куда его пригласили, никак не указывала, что обитательница работает на мясокомбинате. На стенах, на стеллаже, в углах было полно гравюр и акварелей, содержание которых не имело к жизни ровно никакого отношения. Пожалуй, только одна, в простенке между окнами, изображала чье-то лицо, кажется, мужское. Манера

писать выдавала в художнике истерическую, неорганизованную натуру. Все линии казались случайны, нелепы, но из этого хаоса смотрели глаза, проступал лоб, подбородок и определенно что-то ему напоминали.

Алексей обернулся и увидел, что Светлана внимательно наблюдает за ним.

— Она вроде пифии. Художница. Рисует только в трансе с закрытыми глазами. Свои наброски называет предсказаниями. Мне говорили, они сбываются.

— А этот тип, он кто?

— Я попросила ее однажды, она наркоманка, очень больна, попросила сделать для меня портрет человека, которого когда-нибудь я полюблю. Однажды она принесла мне вот этот.

Алексей подошел ближе.

— Заурядная физиономия. Весьма даже.

— Да. — Она слабо улыбнулась. — Мне тоже показалось.

— Но вы, я полагаю, уже испытываете какие-то чувства к этому типу?

— К сожалению, он оказался хамом. Любитель валять дурака.

— Вот как!

Алексей с любопытством уставился глазами в чудовищный хаос линий, пытаясь отыскать черты сходства. Но чем дольше он всматривался, тем отчетливее проступали на поверхности беспорядочные, неряшливые штрихи, разрушая собственно образ.

— Хотите сказать, этот симпатяга на портрете и я — одно и то же лицо?

— Да. Именно поэтому ваше хамство сошло вам с рук.

— Если не считать, что я перестал слышать на правое ухо. — Он подергал себя за мочку. Потом не без самодовольства улыбнулся. — Значит, вы влюблены в меня?

Она вспыхнула.

— Почему вы хотите казаться хуже, чем на самом деле?!

— Это вы навоображали обо мне черт знает что. А я должен отдуваться за ваши фантазии.

— Вот ваша водка! — Она с грохотом поставила на столик возле бара граненый стакан. — С содовой.

— Водка не отравлена?

— Нарочно пытаетесь меня дразнить?

— А что?

— Зачем?!

Он опрокинул содержимое стакана в рот.

— Когда я впервые увидел вас посреди разделанных туш и мясокомбинатовского ворья, вы показались мне ангелом,

спутившимся в ад. Я слаб перед женской красотой, это однозначно, и с ходу, если помните, выдал вам предложение.

— Я помню.

— Вы, вероятно, сравнили меня с этой дурацкой рожей на портрете, углядели некоторое сходство, всплакнули в одиночестве и решили, что я — ваша судьба. На следующий день я получил от вас согласие. Но фактически мы друг о друге не знаем ничего. Ваши хрупкие романтические фантазии в данном случае не в счет. Согласны?

— Кажется, да, — с застывшим лицом произнесла Тэн.

— Отсутствие информации о человеке, тем более когда я намерен предпринять важный для себя шаг, не в моих правилах, — значительно произнес он.

— И вы весь месяц прилежно занимались сбором информации?

— Да, — он скромно потупился.

— Судя по поведению, вы насобирали обо мне столько гадостей, что они вот уже второй час бьют из вас фонтаном.

— Не совсем так. Представьте себе на минуту, что вы — двигатель, созданный в каком-то НИИАвтопроме...

— О-о!

— Вначале вас гоняют на стенде в разных режимах. Потом ставят на ходовую и испытывают на полигоне. Потом в дорожных условиях и по бездорожью, вдоль и поперек. Так вот, наша с вами беда, что предложение сделано и принято еще месяц назад, а испытания от стенда до бездорожья — все сошлись в эти два часа.

Ее глаза изумленно расширились.

— Вы хотите сказать... вы меня испытываете?

— А что мне остается делать? Брать замуж кота в мешке? Я хотел сказать, кошку.

— Вы уверены, что кошка пойдет за вас замуж?

— Не забывайте, согласие вы уже дали.

— Хорошо, — зловеще произнесла она. — И что ваши испытания показали?

Алексей загадочно улыбнулся и плеснул себе еще водки.

— Вас очень волнуют результаты испытаний, я вижу? — язвительно спросил он.

— Нет!

— Не лгите. Вы внушили себе, что влюблены в меня, а мнение любимого человека не может быть вам безразлично.

— Ваше мнение, кажется, я уже знаю. Но готова испить чашу до дна. Чтобы у меня не осталось больше иллюзий. А потом... потом я набыю вам физиономию.

— Вы очаровательны, — со вздохом признался он. — Вы

деликатны и не горды. Но за вашей изящной хрупкостью, Светлана Сергеевна, скрывается огнеупорная мощь доменной печи.

— Доменной печи?

— Да.

— Я что-то не совсем понимаю. Это признание в любви или разновидность хамства?

— На ваше усмотрение. Тем более испытания еще не закончены.

— О боже! — простонала девушка. Но румянец удовольствия уже тлел на ее щеках. Она откинула со лба темный, блестящий локон. Безотчетным движением он перехватил ее падающую руку и прижал к губам. Девушка вздрогнула от неожиданности, но с одного взгляда угадала его безмолвное восхищение.

— Испытания закончились?

Он помотал головой.

— Что еще я должна продемонстрировать?

— К сожалению, сексуальные способности моей невесты для меня полная загадка. Ни малейшего представления, если не считать оплеухи.

Она резко повернулась и отошла к бару. Он сзади обнял ее узкие, напряженные плечи. Поцеловал.

— Я не могу переломить себя, — прошептала девушка.

— Почему?

Она долго молчала.

— Это надо сделать сейчас?

— Кажется, ты собиралась испить чашу до дна.

Не дождавшись ответа, он отошел и сел в низкое кресло. Она стояла так минут пять, спиной к нему. Потом, словно решившись, опрокинула в граненый стакан бутылку, пока водка не полилась через край. И, страдая физически, насилуя себя, выпила мелкими глотками почти весь. Медленно повернулась к нему.

— Я попробую... выпью чашу унижений до конца.

Язык у нее заплетался, веки тяжелели и неумолимо наплывали на глаза. С трудом она растегнула пуговицу на блузке. Другую...

— Довольно, — Алексей поднялся. — Можешь ограничиться оплеухой. Я заслужил, кажется.

— Нет! — Она вскрикнула и с силой толкнула его обратно в кресло. — Я не хочу больше никаких иллюзий. Никаких, слышишь? Не-на-вижу!

Она содрала с себя блузку. Юбка вслед за ней плавно скользнула с бедер в ноги. Она переступила через нее и едва

удержалась, чтобы не упасть. Кое-как стащила коротенькую сорочку и осталась перед ним в узких, прозрачных трусиках.

Алексей рывком поднялся, словно желая выпрыгнуть из себя.

— Прости, если можешь, — пробормотал он.

Уже открывая дверь, услышал за спиной плач. Она сидела на тахте, уткнув лицо в колени. Узкие плечи вздрагивали от рыданий. В нем шевельнулось чувство раскаяния. Что, если его выводы и подозрения относительно Тэн напрасны, подумал он, тогда эта египетская казнь, которую он устроил, долго будет висеть на его совести.

Алексей вернулся и сел рядом.

— Не уходи, — всхлиывая, чуть слышно попросила она.

— Да.

Светлана разжала пальцы, и толстый лист ватмана, содранный со стены, медленно, с натугой расправился.

— Здесь даже имя. Но ты просмотрел, кажется.

В хаосе линий, прямо через лицо, он вдруг отчетливо разглядел собственное имя... Алеша

Зачем-то спросил:

— Где сейчас эта пифия?

— Не знаю.

Алексей провел нетерпеливо ладонью по черному, сверкающему водопаду волос. Она встрепенулась и быстро обвила его шею руками, смеясь и плача одновременно.

— Кошмарное лето! Я, кажется, успела сойти с ума.

...Спустя час Светлана выбралась из его объятий и, набросив на себя халатик, едва прикрывающий стройные бедра, побрела к бару. Но дойти не смогла и без сил опустилась в кресло.

— Мне необходимо выпить, наверное. Мне плохо.

Влитый насильно стакан водки, похоже, оглушил ее. Лицо было бледным. Алексей открыл бар и удивился обилию разномастных бутылок с яркими наклейками. Впрочем, все они были непочаты.

— Даже коллекционное, о! Откуда?

— Ну, ты не знаешь настоящую цену моего места, — вяло отозвалась она. — Я говорила, кажется.

— Не знал. До последнего времени.

Он сбил сургуч с какой-то толстой, непрозрачной бутылки и штопором вырвал пробку. Рубиновая струя тяжело пролилась в глубокий хрусталь. Себе плеснул в стакан водки. Нищий, но гордый, хмыкнул он. Зато невеста, похоже, досталась с приданым. Под ногами белый ковер, то ли палас с густым, по самые щиколотки, ворсом. Не меньше сотни ил-

люстрированных, чудесно изданных альбомов. Видюшник. Факс. Еще что-то. Хотя в ее положении это все мелочи, надо думать.

Старое вино вернуло на ее щеки румянец. Блестя глазами, она забралась к нему на колени и неожиданно опрокинула навзничь. Затем с победительным видом уселась верхом.

— В такой позе тебе не придет в голову валять дурака, — строго заявила она.

Он подумал и вынужден был согласиться.

— Теперь, Алешенька, ты выложишь все до последней гадости, какие собрал обо мне в последнее время. Пора отрегулировать отношения. Но имей в виду, за всякую ложь я буду вливать в тебя по стакану водки.

Она вдруг всхлипнула от недавней, свежей еще обиды.

— Второй раз я такой экзекуции не вынесу.

Он промолчал, старательно кося глазами. Светлана проследила его взгляд и запахла разъехавшийся в низу живота халатик.

— Не отвлекайся, пожалуйста.

— Хорошо. Начнем с того, моя прелесть, что вы, номинально являясь мастером колбасного цеха, фактически уже полгода исполнительный директор акционерной компании... назовем условно, «Рога и копыта». Кстати, это одна из причин, по которой из областного управления мясомолочной промышленности вы перешли в район на вашу нынешнюю скромную должность. Это так?

— Да, моя прелесть.

— Среди ваших учредителей восемь крупнейших организаций и предприятий. Это для широкой общественности. На деле, я полагаю, под видом структурного подразделения одного из предприятий-учредителей создано ма-аленькое общество с ограниченной ответственностью, которое возглавляет узкий, скажем так, круг лиц. Мясокомбинат вот уже полгода как передан на баланс этого общества, хотя пока еще является госпредприятием. Но настанет час, и общество с ограниченной ответственностью будет объявлено банкротом. Испарится. Зато останется тот самый узкий круг физических лиц, а в новом учредительном договоре строчку «владелец предприятия» заменят на «гражданин такой-то»... Это махинация чистой воды. Но это вдвойне махинация, поскольку члены районной комиссии по приватизации и руководители предприятий-учредителей составляют тот узкий круг лиц, в чью собственность переходит ваш комбинат.

Алексей пронаблюдал, как она потянулась за бокалом и поднесла рубиновый хрусталь к ярким губам.

— Ну, и как тебе эти гадости?

— Надеюсь, ты не из-за этого меня третировал?

— Не из-за этого, — согласился он.

— Уже хорошо. Между прочим, Алешенька, то, что ты называешь гадостями, на самом деле называется государственной программой приватизации. Для осликов, вроде тебя, через полгода-год выпустят бумажки номиналом в десять тысяч рублей. Это одна приватизация, она для нищих, и еще не действует. Мне ты рассказал о другой. Это одна из схем, которая действует и уже давно по всей территории страны. Ее называют дикой, номенклатурной, обзывают всякими гадкими словами, иногда даже приостанавливают, если кто-то, вроде тебя, подымает большой шум. Но это и есть действительная, настоящая приватизация, санкционированная в правительстве. Передел собственности в пользу партхозноменклатуры. Все, что не сгнило, что приносит доход и не требует капиталовложений, государственной собственностью давно не является. Наш комбинат тоже, между прочим.

— Мясокомбинат — частная собственность? Уже?

— Ну, не совсем. Если ослик обещает быть умненьким и не взбрыкивать, я расскажу.

— Не обещаю.

Она наклонилась и чмокнула его в нос, как несмышленыша. При этом халатик снова разъехался.

— Все равно расскажу. Необходимо расставить все точки. На мясокомбинате к приватизации готово все. Но пока мы не спешим. Во-первых, закупается новое импортное оборудование. Разумеется, за счет государственных бюджетных вливаний. Кстати, чем не гадость, с точки зрения ослика? Это при том, что наши основные фонды, имущество уже оценены по остаточной стоимости. К тому же многократно заниженной... Эй? Ты меня слышишь? О боже!

Она снова запахла полы халатика, и Алексей обрел способность соображать.

— Но мы, совет учредителей, на этом не остановились. Никто пока не знает, но скоро, очень скоро, грядет обвальная рост цен. Может быть, в сотни и тысячи раз. А вот переоценку госимущества в связи с отпуском цен производить год, два, может, три в правительстве воздержатся. Ослик понимает, о чем идет речь?

— Да. Мясокомбинат сможет купить даже прокурор. На свою зарплату.

— Но только в одном случае. Если женится на исполнительном директоре.

— Кстати, каким образом, моя прелесть, вы попали в ком-

панию этих мерзавцев-учредителей? Одно время, кажется, я был очень наслышан о вашей честности.

Она рассмеялась.

— Именно поэтому. Кучке мерзавцев желательно было оставаться постоянно в тени. Зато в качестве представителя и исполнительного директора нужен был человек с безупречной репутацией. Это раз. И сильный профессионал, это два.

— Видимо, ты плохо представляешь, девочка, в какую компанию затесалась, — резко перебил он. — Там махровая уголовщина по самым тяжким, расстрельным статьям. Вплоть до организации убийств.

— Это не мои проблемы, — она равнодушно пожала плечами.

— Они станут твоими. Эти люди замазаны по самые уши, и все повязаны. По правилам игры они обязаны замазать тебя тоже. В целях личной безопасности. Поэтому будь уверена, если кто-то погорит, все, что ты мне порассказала, будет висеть на тебе одной.

— Бог мой, какой ты глупенький! Все давно не так, и ты ничегошеньки не понимаешь. Эти люди не из тех, кого привлекают к ответственности. А из тех, кто привлекает. Почти каждый депутат — со статусом неприкосновенности.

— О да! Тем более, что всегда под рукой стрелочник.

— Зачем? — удивилась она. — Зачем резать курицу, которая несет для них золотые яйца? Они заботятся о моей репутации и безопасности пуще собственной. Все мои желания немедленно принимаются к исполнению. Но я редко злоупотребляю.

— Ага, если не считать должности прокурора для любимого ослика.

Она рассмеялась.

— Я преподнесла это иначе. На собрании совета я сказала: если вы хотите иметь на будущее карманного прокурора, прочно завязанного в деле, вот вам кандидатура. Мой будущий муж.

Услышав такое, Алексей едва не сделал кульбит. Наконец, кое-как взял себя в руки.

— Таким образом ты подарила им еще одно золотое яичко? — прорычал он.

Она улыбнулась, словно не замечая его состояния.

— Наши акционеры, которых ты называешь мерзавцами, ухватились за эту идею двумя руками. Сейчас, считают они, очень подходящий момент, когда необходимо посадить прокурором своего человека. Где-то, неизвестно где, гуляют очень опасные бумаги. Для кого опасные, я, к сожалению, не знаю.

Но этот компромат, по их мнению, необходимо отловить. Или нейтрализовать.

Краем глаза он поймал на себе ее испытующий взгляд, и черные подозрения вновь угрожающе зашевелились.

— Бумаги все у меня. Так называемый архив Хлыбова, моя прелесть.

— О-о! Я что-то в этом роде подозревала.

— Не сомневаюсь.

Светлана не отреагировала на реплику. Скорее всего, не услышала. Но он почувствовал почти физически, как заработали в ее очаровательной головке все извилины разом.

— Это настоящая удача, — прошептала она, наливая в свой бокал. — Об этом никто не знает?

— Кроме тех, кого не касается, — ухмыльнулся он.

— То есть?

— Позавчера из-за этих бумаг мою спину пытались ковырнуть ножом. По счастью, обошлось. Так что твои друзья-акционеры, надо полагать, в курсе. Они знают, что бумаги, весь архив у меня, и я никуда его не пристроил. Попросту не успел. Поэтому очередного визитера я ждал сегодня вечером. И вдруг — появляешься ты! Я вначале опешил, но должен был признать, что задумано неплохо. Вместо очередного убийцы в маске за архивом приходит очаровательная женщина. К тому же моя невеста.

— Но почему за архивом, Алешенька? Ведь это не так!

В черных, больших глазах застыли боль и непонимание.

— Не знаю. Мы не встречались все лето. Ни одного звонка. И вдруг твой визит. Как снег на голову, едва я успел заполучить бумаги. Ни раньше, ни позже.

Она отрешенно молчала.

— Я не люблю, моя радость, когда меня убивают. Или пытаются выудить что-то обманом. Правда, в какой-то момент мне показалось, что я глубоко не прав. Я готов был просить прощения за свое хамство, пока тебе не пришло в голову отрегулировать наши отношения. Расставить точки. Ты живо нарисовала радужную картинку нашего светлого будущего. В центре картинки счастливый Я, карманный прокурор, который в уплату за свою должностенку подарил кучке мерзавцев компрометирующие документы. Потом твои мерзавцы со статусом будут использовать меня как шестерку бубей, чтобы щелкать по носу других мерзавцев и покрывать собственные сволочные грешки. Извини, Светлана Сергеевна, эта перспектива меня как-то не прельщает.

— Алешенька, милый, я же не просила тебя отдать твои бумаги им?

— Хочешь сказать, не успела попросить?

Она покачала головой.

— И карманный прокурор... это только предлог. Способ заинтересовать, согласись?

— А кем еще, черт побери, я стану в вашей компании? Среди мерзавцев?

— Но я же не стала. И потом, от мерзавцев, хотя бы от части из них, можно легко избавиться. Особенно сейчас, — вкрадчиво произнесла она, и ее глаза покрылись мечтательной дымкой.

— Не понял?

— Ослик, ты ужасно какой недогадливый!

— Обратно не понял!

Он попытался убрать ее руки с шеи. Но девушка, смеясь, толкнула его на постель и снова уселась верхом. Он тотчас затаих со скошенными к носу глазами.

— Это потрясающая удача, Алешенька, что архив теперь у нас. Правда, я не знаю, насколько хорош компромат.

— Убойный, — буркнул он, стараясь держать себя в руках.

— Чудесно! Узкий круг мерзавцев может стать еще уже, если ты мне поможешь. В рамках закона, разумеется.

— Разбираться с мерзавцами моя работа. Но в рамках закона, девочка, круг твоих акционеров может только расширяться. И значительно.

— Это почему? — Она мгновенно насторожилась и, ей-богу, он это почувствовал, сделалась вдвое тяжелее.

— Твои рабочие и управленцы знают, что работают на частном предприятии?

— Нет, разумеется.

— Но узнают, это неизбежно, и тогда обратятся в арбитражный суд. После суда я не уверен даже, что они захотят видеть тебя хотя бы мастером колбасного цеха.

Светлана нехотя сползла с него и отправилась в угол к стеллажам. Наугад выдернула из стопы пару папок и бросила на тахту.

— У меня тоже архив.

Алексей, недоумевая, открыл одну из папок, набитую какими-то фотографиями, выписками из протоколов товарищеского суда, выговорами, чьими-то свидетельскими показаниями и так далее.

— Что это?

— Компромат, мой милый, на... — Она заглянула в начало. — На Веретенникова Вэ эФ. Несколько раз задерживался на вертушке при попытках вынести из цеха мясопродукты. Есть фото. Здесь товарищ Веретенников преодолел

вает забор. В руках сумка. Еще фото, в момент задержания. А здесь, как это?.. В особо крупных размерах? Уже в составе преступной группы по предварительному сговору. Управленец, кстати. Солидно, да? В общем, Алешенька, на всех крикунов, а это человек десять-пятнадцать, у меня заведены такие папки. Я могу уволить этих людей в любой момент на законных основаниях. Или, если это хороший работник, специалист, поговорю с глазу на глаз и предложу альтернативу. Либо передача материалов в суд, уголовное преследование, либо человек остается работать. При этом я расписываю новые перспективы, обещаю участие в доходах, льготы... Между прочим, один такой разговор уже состоялся. Все условия приняты без возражений.

— Заурядный шантаж. Статья 95 УК РСФСР. — Алексей фыркнул. — Удивительно, что при такой акульей хватке ты рождена женщиной.

— Тебе это не нравится?

— Ты очаровательная хищница.

— Это признание в любви?

Он хмыкнул.

— Мне надо посоветоваться вначале. Со своей пифией.

Она вспыхнула и тигрицей бросилась к нему на грудь.

— Злоде-ей!

Под тяжестью ее тела оба рухнули на постель и завязалась жестокая схватка, преимущественно в партере. Спустя полчаса истерзанная хищница, жалобно пискнув, на коленках покинула поле боя и поплелась к бару. Однако взгляд, брошенный на него из угла, полыхнул зловещим огнем. Обратно она вернулась с бутылкой водки и граненым стаканом.

— Алешенька, сознайся, что ты был не прав, когда хамил?

Голосок звучал слишком вкрадчиво и убаюкивающе. Но после жестокой схватки он напрочь утратил бдительность.

— Скажи: ты был не прав. Ну?

— Ага. Я был не прав.

И тут же раскаялся. Тигрица, даже не потрудившись одеться, снова уселась на него верхом и с торжествующим видом набулькала полный стакан водки.

— Уговор помнишь? За каждую ложь или клевету я вливаю в тебя по стакану водки.

— О боже!

— Пей...

— Я раскаиваюсь, моя радость.

— Ослик, будь мужчиной. Фи!

— Закусить хотя бы... А? — робко попросил он.

— После первой настоящие мужчины не закусывают.

— После первой? Значит, будет вторая?

— За все надо платить. За клевету тоже. Пей.

Он выпил. И заслужил половину холодной курицы с куском хлеба. Но рядом с тарелкой она поставила второй стакан водки. И тоже до краев.

— Это тебе? — с надеждой спросил он.

— Бедненький! — Она поцеловала его в лоб, утешая. — Пей.

— Это же преднамеренное убийство!

— Если бы ты, Алешенька, сегодня ушел, я... покончила бы жизнь самоубийством.

Он внимательно посмотрел на нее и — взялся за стакан. Закрыв, собираясь с духом, глаза. Девушка вдруг встревожилась.

— Ослик? А ты не умрешь?

— Я хочу умереть. Мне стыдно, — мрачно произнес он. Она поспешно забрала стакан из его руки.

— Мне этого достаточно.

12

В последующие два дня Алексей окончательно потерял надежду отыскать контору, где бы преступник добывал себе на пропитание с помощью паяльника, а бумагу ГОСТ 9095-73 дырявил с помощью бракованного дырокола, пригодного для идентификации. Вероятно, связь между уликами имела более опосредованный и многоступенчатый характер.

У следователя Соковнина дела тоже подвигались не лучшим образом. Он опросил десятка полтора оболтусов из числа половых партнеров Чераневой, опросил подруг, а также знакомых и родственников, но на след не вышел. Кто-то видел Чераневу недели три назад возле синего «жигуленка», но, возможно, это был «москвич», она болтала с водителем. Правда, машина потом уехала без нее. Чераневу видели также в районе автовокзала. Нет, была не одна, в компании, с кем — неизвестно, свидетельница не приглядывалась, просто слышала смех и посмотрела вскользь, потому что спешила. Еще видели в парикмахерской. Когда Соковнин заявился в парикмахерскую, мастера подтвердили: да, такая у них была, недели две — две с половиной, кажется. Она из клиенток, но толком о ней никто в парикмахерской не знает, подруг здесь нет.

Чуть больше повезло Махневу. Войдя в кабинет, он с порога выложил Алексею на стол протокол допроса Охорзина, мастера производственного обучения из СПТУ номер 13, и изъятую записку с очередной угрозой.

— К ноге была пришпилена булавкой, — с брезгливой гримасой сообщил Махнев, выбивая из пачки сигарету. Алексей пробежал глазами протокол и взял целлофановый пакетик с запиской. Вслух прочел:

«Далеко не убежищ на очереди твой доч включили счетчик».

Тот же неграмотный до неприличия текст, печатные буквы вкривь и вкось, от руки, на грязном, в желтых пятнах клочке бумаги.

— На очереди? Это как понять?

— Нога и голова, примерно, одной степени протухлости. Скорее всего, это Черанева. Первая на очереди. Если бы в записке подразумевалась маман, то нога должна быть как минимум на две недели свежее. Но, гражданин начальник, есть обстоятельство, которое позволяет рассуждать иначе.

Махнев встал и стряхнул столбик пепла с сигареты за окно.

— Вчера наш майор запаса оформил по месту работы очередной отпуск и отбыл на отдых в Крым.

— Один?

— Как перст! Если учесть, что жена и дочь Глухова сматились из Массандры в четыре дня, сбежали, по сути, то я склонен думать, что преступники каким-то образом достали их. Полагаю также, он догадывается, кто преступники. Иначе чем объяснить скоростной отъезд Глухова в Крым?

— Поехал разбираться?

— Что угодно. Искать компромисс, устроить разборку, откупиться, покаяться, просто выйти на след. Не знаю. Пока судить рано.

— В военкомате был?

— Да. Со скрипом, но дело Глухова выдали.

— Что так?

— Ба-альшой секрет! Есть сорт людей, которые сами готовы приплачивать, лишь бы состоять при тайне. Но в деле Глухова ничего любопытного нет. Подал рапорт и был уволен из рядов СА по собственному желанию. Вот список лиц, которые служили в Закавказском военном округе в одно время с Глуховым. Правда, в разных частях. На днях постараюсь опросить.

— Опросить надо, — согласился Алексей. — Но это дело второе...

— Понятно, начальник! Можешь не продолжать. Оперуполномоченный Ибрагимов, по происхождению крымский татарин, уже пакует вещички. Милицейское начальство поставлено в известность, осталось оформить поручением.

Алексей улыбнулся.

— Ладно. Пусть Ибрагимов. У тебя все?

Махнев замялся.

— Леша, — тихим, но жестким голосом произнес он, — мне нужна квартира. Если не дашь, считай, мое заявление лежит у тебя на столе.

Алексей вытаращил глаза.

— Квартиру? Я... тебе?!

Потом до него стало доходить. И он расхохотался. Махнев внимательно пронаблюдал все его реакции, неопределенно хмыкнул.

— Слушок прошел. К нам едет прокурор. Фамилия прокурора мне показалась знакомой.

— Может, подождем? Пока приедет?

Махнев упрямо покачал головой.

— Ладно, — ухмыльнулся Алексей. — Допустим, я стал прокурором. Если почему-либо я не дам квартиру, ты пишешь заявление. Ну, а если дам, где гарантия, что, получив квартиру, ты все же заявление не напишешь? Гарантий нет никаких, и ты таким образом сам загоняешь меня в угол. Поэтому, желая сохранить ценного работника, я предпочитаю вместо квартиры дать тебе твердое обещание, что в ближайшие десять лет, как только представится возможность, изыскать необходимую жилплощадь.

Но Махнев шутливого тона не принял.

— Вот смотрю на тебя, Леша, и такое ощущение, как будто сукин сын Хлыбов как сидел на своем месте, так и сидит. Слово в слово, ажно дрожь пробирает. Единственная разница, что эти слова впервые я услышал от него десять лет назад!

Алексей обреченно кивнул.

— Хорошо, давай свое заявление. Я подпишу.

— А... пошел ты! — вспыхнул Махнев и выскочил в коридор. Вслед за ним тяжело хлопнула дверь. Алексей пожал плечами. На проклятом квартирном вопросе даже у Махнева напрочь пропадало чувство юмора.

Он еще раз внимательно прочитал протокол допроса Охорзина. С его слов, Глухов прямо из гаража сел в машину и уехал. Куда — неизвестно. Ему сказал, что выбросит находку на свалке (там ее впоследствии нашли). Но, когда машина вернулась, на спидометре набежало лишних девяносто километров. Почему запомнил километраж? Потому что сам на неделе заменил трос спидометра на новый и никуда с тех пор не выезжал.

Алексей порылся в ящиках стола и отыскал циркуль. Ножки циркуля он развел с учетом масштабов карты района, которая висела за спиной. Потом воткнул иглу в райцентр и обвел на карте круг диаметром в сорок — сорок пять километров. Линия окружности пробежала через деревни Загарье, Шепе-

ли на юге и поселок Черная Слобода на северо-западе. Наверняка, свою страшную находку Глухов выбросил попутно — на той же свалке рядом с трактом, где несколькими днями раньше закопал голову Чераневой. В таком случае, из трех возможных пунктов остается один — Черная Слобода.

Значит ли это, что жену и дочь Глухов прячет в Черной Слободе?

Несколько поразмыслив, он пришел к выводу, что Слобода — наихудшее место, какое можно найти для подобной цели. Уже то, что поселок, где все друг друга знают, стоит на оживленном тракте, плюс к тому сообщается с районным центром внутренней железнодорожной веткой, и по ней два раза в сутки курсирует пассажирский состав, исключало возможность даже на короткое время сохранить место пребывания в тайне. Но если не семья, если не желание удостовериться, что с женой и дочерью все в порядке, то ради встречи с кем Глухов проделал эти девяносто километров?

Зазвонил телефон.

— Валяев. Слушаю вас!

— Участковый Суслов говорит. Здравствуйте, Алексей Иванович.

— Есть новости, инспектор?

— Да. Сегодня с нарочным из информцентра доставили регистрационную карту. На Чераневу.

— Почему в райотдел? Запрос, кажется, исходил от нас?

— Нарочный прибыл с ночным поездом. Тут еще кое-что...

— Ладно. Я жду, — отрезал Алексей и бросил трубку. Пока он гадал на кофейной гуще, необходимые документы преспокойно вылеживались в райотделе. Возможно, гуляли по рукам!

Спустя пять минут участковый положил перед ним конверт из толстой, провощенной бумаги. Тяжело опустил на стул напротив. Глаза у Суслова были воспалены, а кожа лица приобрела землистый оттенок.

— На здоровье не жалуешься, Анатолий Степанович?

— Это недосып. Подряд вторую ночь.

— Что так? — рассеянно спросил Алексей, вытряхивая содержимое конверта на стол.

— Вчера ларек подломили, угол Рубинштейна и Свердлова. Школяры. Пришлось до утра по кустам отлавливать. Сегодня в три ночи черножопые гранату в общаге грохнули, по пьянке. Я только-только из оцепления. Полчаса назад сняли.

— Пострадавшие есть?

— Два трупа и раненый.

Алексей удивленно присвистнул.

— Чье общежитие?

— СПТУ номер 13.

— Армяне? Ну-ка, чуть подробнее, Анатолий Степанович, изложи!

Голосом, севшим от усталости, инспектор рассказал, что после взрыва в одной из комнат, где проживали армянские шабашники, нашли еще две гранаты РДГ-40, но никто из уцелевших за свои их не признал. Клянутся мамой, будто никакого оружия ни один из членов бригады не имел. Тем более гранаты. Откуда взялись эти три, не знают. Кто взорвал и с какой целью, тоже. Говорят, все были пьяные после расчета по одной коммерческой сделке. Правда, чтобы замять дело, предлагали каждому по тридцать кусков.

— Мы сами разберемся, — со злостью передразнил Суслов.

Алексей отпустил инспектора отдыхать и взялся за бумаги. Как явствовало из регистрационной карты, обезглавленный женский труп был обнаружен два дня назад при случайных обстоятельствах в лесопарковой зоне микрорайона Заречный, в областном центре. На трупе имелись многочисленные ранения в области спины, на бедрах и животе. Кроме этих повреждений, была отчленена левая молочная железа и левая нога по коленному суставу. Повреждена также одежда, в частности, брюки были разрезаны ножом, половые органы обнажены.

Идентификация трупа произведена после получения запроса с помощью дактилоскопической регистрации.

Далее шло описание одежды, обуви, перечень обнаруженных при трупе предметов. Особые приметы...

Дата вскрытия трупа и патолого-анатомический диагноз, из которого следовало, что группа крови головы и группа крови туловища совпадали; линия отчленения головы от туловища проходила между первым и вторым шейными позвонками, что соответствовало выводам Голдобной. Наконец, установленная при вскрытии причина смерти. Алексей прочитал последние строчки медицинского заключения и почувствовал, что волосы на голове зашевелились: «...проникающее ножевое ранение сзади в области сердца».

Удар ножом в спину!

Как говорил покойный Хлыбов, за какой конец ни тяни, конца не будет. Алексей походил по кабинету, пытаясь унять взыгравшее воображение. Потом взялся за оставшиеся бумаги.

По запросу, который он сделал несколькими днями раньше, из ИЦ УВД поступили дополнительные сведения на неопознанные женские трупы за последние три месяца по районам области. Список занял ни много ни мало — пять страниц машинописного текста. Дата. Место обнаружения, примерный возраст, предполагаемое время смерти, рост, телосложе-

ние, цвет волос, глаз, форма уха, другие особые приметы, одежда... причина смерти...

Стоп! Еще один женский труп с ножевым ранением в спину. Обезображенный.

Он поставил напротив цифры восемь красный крыж и продолжал чтение. К концу выморочного списка на полях появились три крыжа и один знак вопроса. На трупе, который он пометил знаком вопроса, обнаружены множественные ножевые ранения, нанесенные прижизненно. Очевидно, смерть наступила в результате общей потери крови. Все жертвы, в том числе Черанева, имели с убийцей половой контакт. Возможно, были изнасилованы.

Нечто в этом роде Алексей предполагал с самого начала, но результат превзошел все ожидания. К тому же действительная картина могла оказаться еще страшнее, равно и количество жертв. Что, если преступник умерщвлял их другими способами? Например, с помощью удавки. Такие в списке тоже имеются.

Алексей задумался.

В глухой стене, на которую до сих пор натыкалось следствие, наконец появилась изрядная брешь. Во-первых, стало ясно, что отдельного дела о вымогательстве энной суммы денег у гражданина Глухова не существует. Это лишь эпизод в бесконечной цепи хищений государственной собственности, расследовать которые начал Шуляк. Во-вторых, стало возможным очертить сферу интересов преступника — от убийства на сексуальной почве какой-нибудь бродяжки до устранения прокурора района и неудобного следователя. Скорее всего, оба эти убийства были заказные.

В-третьих, география убийств — в основном райцентр и северные районы области — наводила на мысль о разъездном характере его работы, вероятно, связанной с частыми командировками.

В-четвертых, удивительная легкость, с какой преступник проникал сквозь закрытые двери, используя, по-видимому, поддельные ключи. Квартира Шуляка, квартира Глуховых, коттедж Анны Хлыбовой, гараж СПТУ номер 13. Ни на одном из замков не осталось следов повреждения, даже царапин.

В-пятых. Каким-то образом преступник жестко задействован в обвальной лавине административных хищений, плавно переходящих в криминальную приватизацию... Вхож в дом Хлыбова, но даже Хлыбов, районный прокурор, не подозревал в этом человеке наемного убийцу... Сквозная фигура, кочующая из одного дела в другое на протяжении длительного времени.

И вдруг... Алексей понял, что знает убийцу!

Он убрал бумаги в сейф, закрыл кабинет и отправился в приемную. Очаровательная Людмила Васильевна, разложив на столе перед собой косметичку, точными, мягкими движениями наносила на лицо «боевую» раскраску.

— Машина на месте?! — рывкнул Алексей нарочито грозно.

— Ах! — Она едва не выронила из рук зеркальце и уставилась на него с ошарашенным видом. — Ну, вы прямо как Хлыбов Вениамин Гаврилович, с ума сойти! И голос...

Они что, действительно, с ума посходили, раздраженно подумал Алексей, вспоминая, что за последние дни слышит эти слова уже не в первый раз.

— На машине Махнев уехал, Алексей Иванович. В соседний район.

— Куда-а?!

— В Черную Слободу, кажется.

Алексей одобрительно крякнул. «Молодчина Махнев! Просчитал ситуевину!» Он внимательно посмотрел на Людмилу Васильевну, которая сидела к нему вполоборота в дьявольски соблазнительной позе. Ему даже показалось, что юбки на ней сегодня нет вообще. Хотя бы мини.

На автобусе он доехал до конечной остановки и через ельник направился в СПТУ номер 13. Со времени последнего посещения здесь мало что изменилось. Сорванный с петель сварной створ валялся там же, под забором. Только трава над ним давно проросла, побурела и украсилась посередине коровьей сухой лепешкой.

В фойе учебного корпуса Алексей наткнулся на коменданта, маленькую, ярко-рыжую женщину с высокой копной волос на голове. Представился и предложил показать место взрыва.

— Дверь опечатана, — сухо сообщила она, глядя в сторону.

— Это неважно, любезная. Проводите.

Когда они огибали угол общежития, под ногами захрустело стекло. Алексей поднял голову. В двух окнах первого этажа стекол почти не осталось. Кое-где были повреждены переплеты и пахло горелым. Алексей без труда дотянулся рукой до подоконника.

— Здесь?

— Все гостиничные комнаты у нас в этом аппендиците. На первом этаже.

Через черный ход они попали в пахнущий свежей краской полутемный коридор и сразу же, по доске, свернули в

«аппендицит». Не узнать нужную дверь было трудно. Посреди полотна в развороченном картоне зияла дыра величиной с кулак. Замок тоже был выворочен с мясом, поэтому ключ не понадобился. Внутри комната выглядела так, как она должна выглядеть после взрыва боевой гранаты. Стены и потолок посечены осколками, опалены. По-видимому, в результате взрыва возник пожар: искореженные кровати, кровь черными сгустками на полу, на стенах; разбитая в щепы тумбочка, битое стекло, бутылки, перевернутый стол с остатками вчерашнего застолья.

Рыжая женщина осталась за дверью, сославшись, что не выносит вида и запаха крови. Алексей выглянул в коридор.

— Вартанян в этой комнате жил?

— Когда как. Чаше на стороне пропадал. Это вчера они как на грех все собрались. Отмечали чего-то.

— Где его кровать?

— В углу которая, налево стояла... Другие люди как люди. Выпили, поговорили и спать. А этот, будто бес, из угла в угол... То не это, это не так, вроде подраться ему надо. Вчера, если бы лег со всеми, точно на куски разнесло. Возле кровати бахнуло, в углу.

По отдельным интонациям Алексей понял, что рыжая участие в застольях тоже принимала. И не только в застольях.

Внимательно, шаг за шагом, он осмотрел все углы, уцелевшую мебель, выбитый в эпицентре взрыва обугленный паркет и вдруг под обломками того, что оставалось от тумбочки, заметил... дырокол. Желая убедиться, что дырокол тот самый, с дефектом, хотя в душе он в этом почти не сомневался, Алексей искал глазами по сторонам какую-нибудь бумагу. Но, похоже, все легко воспламеняющиеся вещи во время пожара сгорели.

— Вас Алла Леонидовна, кажется?

— Да.

— Будьте добры пригласить еще человека, любого. Эту штуковину я должен оформить протоколом. Кстати, у кого-нибудь из ваших жильцов личная машина имеется? Здесь, я имею в виду.

— У Вартаняна.

— Синий «москвич»?

— Почему «москвич»? — Рыжая несколько даже обиделась. — У него «жигули».

— Синяя?

— Да.

— Где он ее держит?

— В прошлом году у нас. В гараже место арендовал.

Теперь не знаю. Он в совхозе «Северный» работает, а сюда от случая к случаю приезжает. Как вчера.

Когда комендант удалилась, Алексей достал из папки бланк протокола, вложил лист в щель и лязгнул дыроколом. Подошел к окну. Что-то такое на выбитых кусочках бумаги как будто просматривалось. А может, и нет.

Тем не менее поток информации, кажется, начал приобретать лавинообразный характер. Синие то ли «жигули», то ли «москвич» уже фигурировали в показаниях свидетелей. Если провести опознание, Вартаняну как минимум от знакомства с потерпевшей Чераневой отмазаться не удастся. Поездку в областной центр тоже не скроешь. Пусть приблизительно, с поправкой на экспертное заключение, но дата поездки и дата смерти Чераневой наверняка совпадут.

Теперь стала понятна та легкость, с какой преступник по фамилии Вартанян проник в гараж СПТУ, где он в течение длительного времени арендовал место, а значит, имел доступ к ключам. Доступ к ключам Вартанян имел также в усадьбе Хлыбова, поскольку именно его бригада эту усадьбу строила и врезала замки.

Естественно, на правах бригадира Вартанян был вхож в дом Хлыбова; по-видимому, пользовался некоторым доверием, по крайней мере настолько, что убийцу в нем районный прокурор Хлыбов не подозревал. Не говоря об Анне...

Прикидывая одно за другим известные ему обстоятельства, Алексей все больше утверждался в своих предположениях. Слепленная в воображении маска намертво прирастала к действительной физиономии преступника, совпадая иногда в мелких деталях. Сейчас в качестве меры пресечения следовало бы немедленно взять Вартаняна под стражу, пока он не почувствовал опасность и не исчез. С другой стороны, Алексей вдруг понял: именно сейчас делать это никак нельзя. Вартанян не просто сексуальный маньяк, действующий в одиночку. Он круто завязан в номенклатурных хищениях последних лет и в качестве свидетеля представляет чрезвычайную опасность для определенного круга лиц.

Если все так, Вартаняна уберут прежде, чем он успеет открыть рот. Прямо в камере предварительного заключения. Особенно, когда станет известно, какую самодеятельность на сексуальной почве он организовал помимо того, что вменялось ему в обязанности. Или уберут следователя, как это случилось год назад с Виталием Шуляком.

Сразу вспомнился Хлыбов, когда он орал на следователей у себя в кабинете:

— ...Если вы, мудаки от юриспруденции, собираетесь ссать

против ветра, вам хана! Поэтому или вы принимаете их правила игры, или окончательно выпадаете в осадок. Вас достанут из-под земли, и, если выживете, будете доживать век с переломанными костями. Как последние ублюдки!

Без особого энтузиазма Алексей оформил изъятие дырокола в присутствии понятых и, не спеша, направился к остановке автобуса.

Обдумывая свои дальнейшие действия, он окончательно понял: любой предпринятый им шаг в любую сторону грозит лично ему физическим уничтожением. Он оказался вдруг перед той роковой чертой, которую Шуляк в свое время переступил. Возможно, не задумываясь. Разумеется, можно не предпринимать ничего, но тогда монстр по имени Вартанян будет убивать и впредь. В среднем, по две жертвы в месяц, плюс заказные.

Любопытно, кто платит и кто заказывает всю эту музыку? Едва ли Вартанян на свое усмотрение взялся убрать с дороги вначале следователя прокуратуры, а затем районного прокурора. За этими убийствами должна стоять некая доминирующая фигура. С организаторской хваткой. Обычно такие решения коллегиально не принимаются. Значит, этот кто-то должен быть один.

Начальник милиции Савиных на такую фигуру, пожалуй, не тянул. Службист и мелкий лукавец Савиных мог быть только шестеркой и за свои дерьмовские услуги Хозяину наверняка довольствовался жалкими подачками. Он, как и районный прокурор Хлыбов, тоже мог не знать, что на самом деле представляет из себя Вартанян.

Может быть, Свешников?... В тот день, вернее, в ту ночь, когда Шуляк был найден мертвым с заточкой в спине, столичный генерал не поленился забраться сюда, в глушь, и сделать максимум возможного, чтобы надолго дезорганизовать следствие. Есть еще одно доказательство в «пользу» Свешникова: следователь Шуляк был убит именно в то время, когда он раскручивал дело о «хищениях денежных средств, совершаемых при заготовке леса». Это уже напрямую относится к деятельности так называемого акционерного объединения «Российский лес».

«Значит, рука Москвы? — с усмешкой подумал он, забираясь в подошедший автобус. — Жадная и загребущая».

В коридоре прокуратуры Алексей встретил эксперта-криминалиста Дьяконова. Тот осторожно нес на раскрытой ладони два пирожных с розовыми цветочками поверху и алчно причмокивал толстыми губами, предвкушая удовольствие. Алексей сунул ему в карман пиджака изъятый дырокол.

— На экспертизу.
— Еще один?!
— Ох, не любите вы свою работу, Вадим Абрамыч.
— Я люблю пирожные, голубчик! — ласково пропел Дьяконов, вожделея. — Что мне ваши дыроколы? Тьфу на них!
— Старый, ленивый сладкоежка, — обозвал Алексей вслед.
Через пятнадцать минут Дьяконов ворвался к нему в кабинет с торжествующим воплем.

— Это он! Он! Тот самый дырокол, с дефектом. Где вы нашли его, Алексей Иванович?

— Не скажу.

— То есть? — Дьяконов от неожиданности опешил. Но лицо следователя было непроницаемо.

— Существует такое понятие, уважаемый Вадим Абрамович, как служебная тайна.

— От меня тайна?! Ну, знаете...

— Извините, больше мне нечего добавить. — Он примиряюще улыбнулся. — Ваши пирожные, Вадим Абрамович, наверно, доедают тараканы. Без вас.

Когда Дьяконов, вконец разобиженный, удалился, Алексей с запоздалым раскаянием подумал, что, отдав дырокол на экспертизу, он тем самым устроил себе западню. Максимум через неделю его «служебная тайна» вылезет наружу, и местное гестапо в лице Савиных доведет информацию наверх, Хозяину, будь это Свешников или кто-то еще.

Он тяжело уставился невидящими глазами в стену напротив. После глупости, которую он только что сморозил, оставалось либо идти напролом, как Шуляк, но — гласно, с широким привлечением общественности, при этом делая упор на преступления, совершенные Вартамяном на сексуальной почве, либо... либо надо искать срочно неординарный ход.

На следующий день Алексей пришел на работу на полчаса раньше, пока другие не успели воспользоваться машиной. И вовремя. Выруливая на проезжую часть, он увидел боковым зрением, что кто-то яростно машет ему с обочины, требуя остановиться. Это был ИО Сапожников. Алексей сделал вид, что не заметил, и надал газу.

Спустя полчаса он подъезжал к центральной усадьбе совхоза «Северный». Усадьба (деревня не деревня, но и не поселок) вся состояла из полутора десятков домов барачного типа, на две семьи каждый, которые почему-то упорно называли здесь коттеджами. Наверное, и впрямь — красиво жить людям не запретишь. Крайние избы давно полегли и торчали из чертополоха печными черными остовами. Зато контора была каменная, добротная, в два этажа и со своей

кочегаркой. Кроме конторы, в совхозе имелось еще одно кирпичное здание — ферма на сто пятьдесят голов скота, но она по самую кровлю заросла навозом и крапивой. Должно быть, сами коровы давно забыли, из чего она сложена.

Алексей притормозил перед конторой и выключил зажигание. Деревня была пуста — что влево, то и вправо. Ни одной даже курицы. Зато где-то поблизости грохотала понад крышами коттеджей жутко попсовая музыка на английском языке.

Поднявшись на второй этаж, в бухгалтерию, Алексей запросил путевые листы за три последних месяца на рейсы, где экспедитором был Вартамян. Из принесенной пачки он отобрал несколько «бартерных» рейсов по северным районам области. Рядом выложил на стол выморочный список, полученный из информотдела УВД. Даты смерти жертв, отмеченных крыжами, и даты командировок экспедитора Вартамяна совпадали по срокам без всяких натяжек.

Алексей переговорил с конторскими дамами и выяснил, у кого квартирует Вартамян. Оказалось, что постоялец не появляется дома вторую ночь подряд. Это обстоятельство несколько насторожило Алексея, но до поры гадать о причинах отсутствия он не хотел и отправился на машинный двор.

Совхозный машинный двор представлял просто участок земли, истерзанный гусеницами и обильно политый соляркой, на котором годами копился и ржавел разный железный хлам. Ни крыши, ни забора, все дельное давно было растащено. Он отыскал посреди этой свалки какого-то прищуренного мужика с забытой раз и навсегда в углу рта папиросиной. Спросил:

— Земляк, мне Бабкин нужен. Не подскажешь?

— А вон, на колесо мочится. Это и есть Бабкин.

— Он что, пьяный как будто?

— Других тут не держат.

Мужик подмигнул ему, и Алексей увидел, что этот тоже не вполне трезв.

— Бабкин, эй, сучара сраный! Тебя тут человек спрашивает!

— Счас... иду, — отвечал Бабкин, не трогаясь, однако, с места и не меняя позы.

— Вот всегда так, — ядовито сказал мужик, перебрасывая окурки из одного угла рта в другой. — Прихожу с утра на работу, Бабкин стоит у колеса и мочится. Ухожу с работы, Бабкин опять стоит у колеса и мочится. Годами так! Так я же предлагаю? Возле конторы у нас, видал, памятник Ильичу, бюст? Не надо нам бюст, не заслужили. Надо Бабкину на этом месте памятник поставить. Стоит он, сучара, с расстег-

нутой мотней и на каменное колесо мочится. Весь в светлое будущее устремленный.

— Да ладно тебе, трепло, — беззлобно упрекнул Бабкин, на ходу застегивая пуговицы. Поздоровался.

Был Бабкин неуклюж, косолап и простодушен, как робинзоновский Пятница. Вслед за Алексеем он забрался в машину. Спросил без любопытства:

— Опять чего-то?

— С Вартаняном часто приходится ездить?

Бабкин махнул рукой.

— Мне, Леха, один хрен. Кого посадят, того и везу. Хошь Вартаняна, хошь черта лысого. Знай крути баранку, делов-то!

— Он как? Нормальный мужик, без придури?

— Ну, как сказать?.. Армян, одно слово.

— Что значит армян?

— Так как? Армян, он и есть армян. Чего с него взять?

Бабкин помолчал несколько. Снова повторил, убежденно:

— Армян... куда там.

— Ну, например? — недоумевал Алексей, пытаюсь понять, какой смысл вкладывает Бабкин в слово «армян».

— А во! Идем мы с ним, значит, по улице. Это в Афанасьеве было. Собаки — как с ума посходили. Такой лай подняли — из каждой подворотни. Понять ничего не могу. Один когда иду, бывало, ни одна не сгавкнет. А с ним... Это уж не первый раз такое замечаю. Я и спросил тогда: «Скажи, Ашотка, чего это собаки тебя не любят? Слышь, ругаются как?» Он оскалился не по-хорошему и говорит: «Им, — говорит, — бизнес мой не нравится. Гы-гы-гы!» Потом и рассказал, что шкуры раньше с собак снимал и ездил шапками торговать. Шкуродером, значит. Особенно с живой собаки, говорит, если шкуру снять, на ней волосы долго дыбом стоят, пока мошь не побьет. Хорошие шапки получаются.

Бабкин вздохнул.

— А ты не боишься, Николай, что он с тебя шкуру однажды снимет? А? Армян все же.

— Не-е. Я с людьми лажу, любого спроси.

— А вдруг?

Бабкин задумался.

— Да было как-то, — неохотно промямлил он. — Выпили мы с ним. В командировке, в Лузе дело было. А он, когда выпьет, совсем дурак делается. На стены лезет, егозится чего-то. Ночью проснешься когда, армяна нет. Ушел приключений себе на жопу искать. И до утра нет. Ну, значит, выпили мы тогда и домой идем, где на постой определились. К Ваське Готовцеву, дружок мой. В калитку заходим, вдруг слышу,

телогрейка у меня на спине трещит. Жжих-жжих! Оглянулся я, а Ашотка с бритвой, паразит, весь белый, только глаза светятся. Как у кота. Располосовал телогрейку крест-накрест. «Ты че, охломон?! — Я уж заорал, не выдержал, на него. — Рехнулся совсем!» Он вроде как опомнился немного. А злой, зубами так и скрипит...

Так че оказалось, ты думаешь? Я как-то год назад свою собаку при нем оговорил. Ты, говорю, Дамка, на моего Ашотку зазря не гавкай. А не то он тебя покусает. Ну так ведь в шутку сказано было, не в обиду. А, вишь, какой человек — год злобу про себя таил. И вылезло-таки.

— Мстительный, что ли?

— У-у! Сроду таких не видал. Армян, одно слово. Но, правду сказать, к кому надо, подход всегда найдет. Что есть, то есть.

На этом Алексей с шофером Бабкиным расстался. Пока ехал обратно в город, он взвесил все возможные «за» и «против» и решил, что Вартаняна надо использовать против самого Вартаняна. Змея, заглатывающая собственный хвост и пожирающая самое себя. Главная проблема сейчас — засунуть хвост ей в пасть.

14

Несколько настораживало отсутствие Вартаняна. На работе в этот день его не видели. Дома ни там, ни здесь не ночевал. Алексей позвонил в милицию, но после того, как выяснилось, что взрыв произошел в отсутствие Вартаняна, его отпустили. Вместе с Вартаняном исчезла машина, синие «жигули» с московскими, как оказалось, номерами, поставленная в местном ГАИ на временный учет.

Еще одно предположение высказал участковый инспектор Суслов: в городе у Вартаняна есть подруга. Правда, кто она и где живет, инспектор не знал.

Но Алексей ни минуты не верил, что Вартанян мог сбежать, не имея на то достаточных оснований. Просто так налаженные годами связи, тем более «бизнес», не бросают. Возможно, он выехал временно по каким-то своим делам. Или — за тайлся. Вот это последнее предположение должен был подтвердить или опровергнуть следователь Махнев, с которым Алексей не успел переговорить с тех самых пор, когда отказался предоставить ему квартиру.

Он снял трубку и набрал номер.

— Махнев, у тебя как со временем?

— Как всегда. В дефиците.

— Тогда сразу в машину. Договорились?

— Это надолго? А то у меня в коридоре один засранец дожидается с повесткой.

— Час от силы.

Когда Алексей подошел к «УАЗу», Махнев уже сидел в салоне и дымил.

— Как в бане по-черному, — проворчал Алексей, опуская стекло. — Кстати, в Черной Слободе был?

— Знаешь, кого я там нашел? Замполита той самой части, где служил Глухов. Фамилия бывшего замполита Урванцев. Теперь господин Урванцев и еще один господин по фамилии Глухов на паях владеют пилорамой. Кроме пилорамы, эти господа то ли арендуют, то ли уже откупили цех по переработке древесины у местного лесхоза.

— Вот это новость, — пробормотал Алексей.

— Так как? — Махнев хмыкнул. — Поездка отменяется? Алексей покачал головой.

— Глухов был у него перед отъездом?

— Точно.

— С какой целью?

— Ну, ты хватил! Цель ему подавай. Могу добавить — в эту ночь компаньон Глухова дома не ночевал. Если тебе это о чем-нибудь говорит.

Алексей кивнул и тронул машину с места. Собранные Махневым факты необходимо было обдумать, поэтому он ехал медленно.

...В ту самую ночь, когда компаньон Глухова отсутствовал, в общежитии у армян грохнула бомбу. Еще две РГД-40 предположительно были подброшены тем же путем, через окно на первом этаже, чтобы свалить ответственность за взрыв на самих армян. Надо сказать, затея вполне удалась. Теперь становится понятным внезапное исчезновение Вартаняна, который спасся по чистой случайности. Из охотника он сам вдруг превратился в дичь. И, разумеется, понял, чьих это рук дело. Понял также, что пощады не будет, поэтому затаился.

Дело о вымогательстве денег у гражданина, теперь уже господина Глухова И.А., таким образом, все более приобретало характер мафиозной разборки. «Что, если между двумя коммерческими структурами?» — неожиданно подумал он.

Дикая на первый взгляд мысль, едва он начал ее прокручивать, легко, словно патрон в обойму, улеглась в известные ему обстоятельства.

Так называемое акционерное объединение «Российский лес» под неусыпной охраной Свешникова, генерала милиции, продолжало грабить провинцию по старой коммунистической схеме: лес-кругляк эшелон за эшелонам перегонялся за

границу по бросовым ценам, а вся долларовая выручка оседала в Москве. Это было в порядке вещей всегда. Но, кажется, времена стали меняться. Местные деятели вроде Урванцева, во-первых, пытаются наладить переработку леса, а во-вторых, наверняка ищут выход за бугор, минуя московские карманы с генеральскими лампасами. Наверняка местные деятели стали оформляться в серьезного конкурента и сделались опасны для «акционеров» с московской пропиской. В таком случае демарш против Глухова с вымогательством денег — это попытка щелкнуть провинцию по носу и поставить на место.

Возня с той и с другой стороны, разумеется, шла вне рамок закона. Поэтому Глухов упорно отказывался от какой-либо помощи со стороны правоохранительных органов; возможно, знал, чью сторону они примут в случае разборки.

— Куда мы едем? — подал голос Махнев.

— Уже приехали.

Прокурорский «УАЗик» миновал здание районной больницы, свернул в узкий боковой проезд и остановился возле хирургического корпуса. В комнате старшей медсестры им навстречу поднялась миловидная женщина средних лет.

— Как наш больной? — спросил Алексей, поздоровавшись.

— Ничего серьезного. Сейчас отправим на перевязку, и вы переговорите.

— Спасибо. Надеюсь, окно не забыли открыть?

— День теплый, поэтому окна у нас открыты. С утра.

— Это вам. — Алексей выудил из-за спины багряно-красную роскошную розу и протянул женщине. Ослепительно улыбнулся. Она изумленно вспыхнула, и на щеках вдруг заиграли две обворожительные ямочки. Перемена в лице показала настолько разительной, что Махнев, улучив момент, ядовито осведомился:

— Я тут не лишний?

— Пока нет, — ухмыльнулся тот, вслед за старшей медсестрой направляясь в перевязочную.

— Может, объяснишь наконец, какая тут моя роль?

— Объясню обязательно. Но ты просто молчи пока. Желательно с суровым видом. Действуй на нервы.

Медсестра вышла в коридор.

— Я предупредила больного, что вы хотите с ним поговорить. Но, пожалуйста, не слишком долго. У нас здесь очередь.

Надев халаты, оба следователя вошли в перевязочную. Больной по фамилии Патевосян сидел в каталке и с отсутствующим видом глядел в окно, напоминая в профиль подбитого, нахохленного грача. На вошедших никак не отреагиро-

вал. Правая рука у него была прибинтована к туловищу, нога, тоже правая, целиком закована в гипс.

— Вардгес Арутюнович? Я правильно называю?

Грачий профиль после паузы слегка клянул вниз.

— Уроженец деревни Джагазур Лачинского района Нагорно-Карабахской автономной области. Год рождения 1946. Последнее место жительства город Степанакерт. Все так?

Снова кивок.

— С вашими показаниями сотрудникам милиции мы знакомы. У вас больше нечего к ним добавить?.. Нет. Ну, хорошо. Повторяться не будем. Вот эта записка вам известна?

Алексей подержал перед глазами Патевосяна вложенную в пакет записку с последней угрозой. «Далеко не убежишь на очереди твой доч включили счетчик».

— Нэт. Нэ знаю такой записка.

— Может, знакомый почерк? Рука? Не припоминаете?

— Нэт.

— Вы пострадали сами, поэтому подозревать вас во взрыве неразумно. Но кому-то из ваших товарищей по комнате гранаты, тем не менее, принадлежали. Вы в них так же уверены, как и в себе?

— Нэ знаю.

— С бригадиром вы раньше ссорились? Или ваши товарищи?

— Я нэт. Про мертвых нэ знаю. Ти, парень, лучше бригадир спроси. Он за сэбья сам скажет.

— Сбежал бригадир, дорогой Вардгес Арутюнович. Вот поэтому мы к вам пришли.

— Почему я? Там другие есть. Руки, ноги цэлий. Они знают.

— Других тоже спросим. Но взорвали вас. Вернее, взрыв произошел в вашей комнате, а не в другой.

— Я нэ знаю, гдэ бригадир. Нэ знаю, клянусь мамой.

Алексей сделал еще несколько попыток выяснить, у кого в городе может скрываться Вартанян, и наконец отступился.

— Все-таки, дорогой Вардгес Арутюнович, я советую хорошо подумать. Для вашей безопасности, возможно.

Когда они вышли в коридор, Махнев брезгливо поморщился.

— Что за комедию ты ломал? Может, объяснишь наконец?

— Сейчас будем ломать вместе. Когда я пихну тебя в бок, ты должен меня спросить: «Как ты на него вышел?»

— Не понял?

— Как ты на него вышел? — еще раз отчетливо повторил Алексей. — С естественной интонацией, как бы между прочим. — Потом я все тебе объясню.

Он уже тащил Махнева за собой на улицу...

...Человек с грациным профилем слегка пошевелился в каталке, желая сменить позу. Помял здоровой рукой ноющее плечо. В это время на дорожке под окнами послышался голос человека, который только что его допрашивал. Потом второй голос, вероятно, того низенького придурка, который молча сверлил его в продолжение вопроса глазами, спросил:

— Как ты на него вышел?

— На Вартадяна?.. Никак. Это генерал Свешников сработал. По своим каналам.

Человек в каталке дернулся к окну. Голоса удалялись.

— А я по дурости Глухову ляпнул, что...

В перевязочную вошла медсестра и с шумом, как ему показалось, передвинула стул. Потом один за другим начали заходить служащие из медперсонала, и продолжение разговора утонуло в посторонних звуках. С трудом дождавшись конца перевязки, больной Патевосян за пару «косых» уговорил санитаря доставить его к телефону...

В машине Махнев демонстративно вынул из замка ключ зажигания и уставился на приятеля.

— Ну?

Алексей молчал. До тех пор, пока спланированная им акция не сработала, раскрываться он не хотел. Даже Махневу.

— Видишь ли, — осторожно начал он, — я вдруг оказался в той же ситуации, что Шуляк. Он первый ковырнул эту навозную кучу. Результат мы все знаем. Короче, Махно, мне нужна неделя сроку. Для чистоты эксперимента, понял?

— Утечка информации? — догадался Махнев. И в лоб спросил: — Убийца Вартадян?

— Да.

— Та-ак! — Умница Махнев мгновенно все сообразил и протянул ключи. — Я ничего не слышал и ничего не знаю.

Алексей кивнул.

В приемной прокуратуры очаровательная Людмила Васильевна (еще более очаровательная, чем вчера) сообщила ему, что вскоре после отъезда был звонок из мэрии, и дала телефон помощника, по которому его просили срочно перезвонить. Алексей тут же в приемной набрал номер. Представился.

— Минуточку, Алексей Иванович, я сейчас справлюсь.

Ровно через минуту тот же веселый юношеский басок сообщил, что мэр на месте и очень хотел бы с Алексеем Ивановичем поговорить. Если Алексей Иванович подойдет в течение получаса, это будет как раз то, что надо.

Через полчаса Алексей входил в знакомый кабинет мэра города. Хозяин кабинета вышел к нему из сопредельной с кабинетом комнаты, вытирая кисти рук небольшим махровым

полотенцем. За два месяца, что они не встречались, внешний облик мэра претерпел значительные изменения. Обладая телесной конституцией, которая остро реагирует на смену общественного положения, мэр приятно огруз, раздался в щеках, в талии, а кожа лица обрела свинцово-помидорный оттенок. Такой оттенок случается, когда человек вдруг начинает много и вкусно есть и проводит рабочее время на разного рода презентациях и деловых ланчах.

«Наверное, я тоже хочу много и вкусно есть. Иначе зачем бы я тут сейчас сидел?» — подумал Алексей.

Он хотя и не интересовался напрямую, но кое-что о первом лице города до него доходило. Слышал, что мэр является членом правления какого-то торгового дома и соответствующего банка, возглавляет товарищество с ограниченной ответственностью на металлургическом комбинате, президент то ли гуманитарного фонда, то ли филиала фонда «Демократическая инициатива», член ЮНЕСКО. У мэра, это знали все в городе, имелся личный автопарк из четырех автомобилей, правда, пока отечественных марок. Зато две дочки учились за границей в школе менеджеров, и мэр, когда доводилось, охотно делился своей отцовской радостью через прессу с широкой общественностью.

— Алексей Иванович, надеюсь, вы помните наш давешний разговор? К сожалению, мне срочно пришлось выехать за границу, поэтому окончание разговора непозволительно затянулось. Во всяком случае, мы так не планировали. Но, знаете ли, это даже к лучшему. Наши товарищи успели узнать вас, вы узнали их, составили мнение друг о друге, с кем придется работать. Кстати... мнения о вас самые хорошие. Даже у недругов, смею заметить, — с тонкой улыбкой произнес мэр. — Так что все наши прежние договоренности, я думаю, остаются в силе. Согласны?

Алексей покивал.

— Мы провели вашу кандидатуру через областные инстанции. Время, как видите, зря не теряли. Теперь ваша очередь, Алексей Иванович. На днях, видимо, вам придется съездить в область и со следующей недели, милости просим, принимайте дела у Сапожникова Семена Саввовича. Правьте службу, как говорится.

Далее мэр горько посетовал на общее, удручающее положение в экономике района, на то, что в трудовых коллективах по три месяца и более не получают заработной платы, а маятник хозяйственной, политической, культурной жизни стремительно падает, и конец этому падению, к сожалению, не просматривается.

Затем в общих чертах, но очень дельно, по существу, мэр проанализировал криминальную обстановку в городе и районе, напомнил упущения Хлыбова, отсутствие профилактической работы и попросил Алексея, как только тот освоится в новой для себя должности прокурора района, подготовить обстоятельный доклад на предстоящую сессию — своего рода программу действий по борьбе с негативными явлениями, в том числе с преступностью.

Велеречивость мэра утомила настолько, что Алексей уже всерьез начал подумывать об отказе от должности. В ответ он ограничился краткой благодарностью за оказанное доверие и выразил надежду, что работать им придется вместе плечом к плечу.

«И мерзавцы сердечно пожали друг другу руки», — подумал он, пожимая большую, мягкую, как подушка, ладонь.

Мэр города проводил новоиспеченного прокурора до двери и вдруг по-приятельски, эдаким чертом подморгнул.

— Светланке, как встретишь, ба-альшой привет. И... ку-ку!

Что означало «ку-ку», Алексей так и не понял, но решил передать непременно. Однако, возвращаясь в прокуратуру, он заподозрил, что его таким образом, попросту говоря, потрепали по щечке. Щипнули, если угодно за ягодицу, как девочку.

Войдя к себе, он плюхнулся на стул и вдруг подумал: что, если жениться не на Тэн, а на Анне Хлыбовой? Любопытно, долго ли после такой свадьбы ему удастся просидеть в прокурорском кресле?

Зазвонил телефон.

— Валяев. Слушаю!

— Алеша, здравствуйте, — услышал он мягкий голос Хлыбовой Анны. — Вы меня слышите, алле?

— Да, конечно. Я рад, что вы позвонили, Анна Кирилловна. У вас все в порядке?

— Не совсем.

— Не совсем? Это как?

— Совсем никак, — отвечала Анна, тихо смеясь. — Алеша, мне скучно. И страшно.

— Я могу чем-то помочь?

— Да. Если приедете.

— Пожалуй...

— Сейчас вы сможете?

— По-моему, да? Да, конечно.

— Хорошо. Буду ждать.

По дороге он купил блок сигарет «Кэмел» для Анны и пачку газет. Бросил на сиденье рядом и резко рванул машину с места.

Спустя неделю в кабинет районного прокурора вошел следователь облпрокуратуры Крук. Оглядел помещение, в котором ровным счетом ничего не изменилось. Кроме хозяина. Сел к столу.

— Все служат, но не все дослуживаются, — сонным, безразличным голосом обронил Крук.

— Не все, — согласился прокурор и нажал на клавишу.

— Я слушаю, Алексей Иванович.

— Чашку кофе для гостя. И сигарету?.. Нет, сигарету, кажется, не надо. Кофе покрепче.

Он с любопытством повернулся к Круку и, не дожидаясь, когда тот нарушит свое полусонное молчание, спросил:

— Чем обязан, Евгений Генрихович? Вы, чай, неспроста заглянули?

Вместо ответа Крук вытащил из кармана сложенную вчетверо шестнадцатиполосную газету «Щит и меч». Толкнул через стол к прокурору. На второй полосе черным, жирным кеглем в траурной рамке был опубликован некролог:

«Пал смертью храбрых... Свешников Юрий Антонович, генерал-майор милиции, заместитель начальника УУР ГУВД г.Москвы, народный депутат Российской Федерации, сопредседатель парламентской комиссии по борьбе с организованной преступностью, преподаватель уголовного права Академии МВД, заслуженный работник милиции...» Далее шли соболезнования родным и близким покойного, выражения скорби. В конце, под некрологом, около десятка подписей первых лиц в правительстве и высших милицейских чинов.

Алексей с любопытством рассмотрел портрет человека, довольно заурядной, незапоминающейся наружности при полном генеральском параде. Отложил газету в сторону.

— Я в курсе, Евгений Генрихович.

— Генерал Свешников найден убитым у себя на даче. Это в районе Волковского шоссе. Удар нанесли сзади, в спину. Предположительно, ножом.

Крук помолчал, глядя перед собой ничего не выражающими глазами. Потом добавил:

— Гениталии на трупе вырезаны. Забиты в рот.

Медлительность Крука была неподражаема. Алексей усмехнулся.

— По поводу генеральских гениталий, Евгений Генрихович, я готов скорбеть вместе с членами правительства. Кстати, убийцу задержали?

— Вартанян при задержании убит. На стоянке в аэропорту Внуково. По-моему, это была ваша законная добыча?

— Да, упустили, к сожалению, — искренне посетовал прокурор под внимательным взглядом Крука.

Вошла Людмила Васильевна с двумя чашками кофе, лучезарно улыбаясь. Крук поблагодарил.

— Я полагаю, Алексей Иванович, вы передадите нашей группе свое дело. Мы оба дела объединяем и ставим точку на этом. Думаю, такой вариант нас всех устраивает?

— Думаю, да.

Прощаясь, Крук задержался в дверях.

— Дырокольчик не забудьте приобщить. И что там еще?..

— Разумеется.

Алексей проводил Крука в приемную. Из коридора навстречу ему шагнул Глухов Иван Андреевич. Бросил раздраженный взгляд на секретаршу.

— Не поладили? — улыбнулся Алексей, пропуская посетителя в кабинет. — Она это умеет. Заградоотряд.

— Вызывали? — Глухов бросил повестку на стол.

— У меня к вам, Иван Андреевич, имеются вопросы. Неофициальные, скажем так. А повестка, это мера вынужденная. Мне, откровенно говоря, надоело за вами бегать и уговаривать. Садитесь, прошу.

— Что значит неофициальные?

— Не для протокола. — Алексей помолчал, потом, как можно более дружелюбным тоном, продолжал: — Есть мнение, Иван Андреевич, ваше дело закрыть как законченное, поскольку преступник, вымогавший у вас деньги, мертв. Как прокурор я ничего против не имею. Зато в деле имеются неясности, которые мне хотелось бы уточнить. Не для протокола, повторяю.

— Кто мертв? — В лице Глухова сквозило явное недоверие.

— Для вас это новость? — в свою очередь удивился Алексей. — Вартанян убит при задержании в аэропорту Внуково.

Он дал Глухову время осмыслить новость и подвинул через стол газету, оставленную Круком.

— Еще сюрприз для вас. Надеюсь, не менее приятный. Прочтите.

Это были царские подарки, Алексей понимал, и рассчитывал в качестве благодарности как минимум на взаимопонимание. Но лицо Глухова после мгновенной вспышки в глазах вновь замкнулось. Прочитав некролог, он с равнодушным видом отложил газету в сторону. Пожал плечами. Алексей понял, что договориться не удастся — придется давить.

— Как видите, Иван Андреевич, свою часть работы мы сделали. Вопреки вашим прогнозам. И без вашей помощи. Теперь давайте сравним работу, проделанную нами, с тем, что натворили вы. Задачу вы поставили перед собой чисто по-армейски: уничтожение живой силы и техники противника. На поражение. Чтобы создать себе алиби, вы, Иван Андреевич, отправились в Крым. А ваш компаньон по пилораме Урванцев, замполит, кстати, забросал неприятеля гранатами РГД-40. В результате два трупа и раненый. Разумеется, невиновные, как всегда бывает, когда в действие вступает наша доблестная и непобедимая.

Итак, преступника вы спугнули. Он исчез из поля зрения и сделался стократ опаснее. Представьте на минуту... впрочем, вы уже представляли, я думаю, что станется, когда он найдет вашу семью? Вы снова будете получать руки, отрезанные ноги, головы с прибитыми гвоздем записками. Но это будут руки, ноги, головы вашей жены и дочери.

В Крым, Иван Андреевич, вы поехали не ради отдыха, разумеется. Вашу жену или дочь там изнасиловали. Возможно, избили. Но это мои предположения, поэтому не настаиваю.

Алексей вынул из папки лист бумаги. Положил перед Глуховым.

— Докладная записка, Иван Андреевич. Наш человек, оперуполномоченный, случайно оказался в Массандре в одно время с вами. И вновь — два трупа. По странному стечению обстоятельств, оба армянской национальности. Оба строительные рабочие. И что немаловажно, оба трудились на строительстве загородного особняка с бассейном под началом вашего двоюродного брата. Оперуполномоченный не поленился выяснить имя заказчика. Землевладение было оформлено на подставное лицо, но действительным владельцем, опять-таки по странной иронии судьбы, оказался покойный ныне господин Свешников.

Таким образом, Иван Андреевич, вы получили четыре трупа с сомнительной степенью вины. Зато действительные виновники оказались в стороне, вне пределов досягаемости. Вот результат вашей армейской самодеятельности.

Глухов pokrutyл головой.

— Все ерунда, прокурор. Одна баба где-то чего-то сказала. Доказательства? Доказательства где?! Четыре трупа, да вы с ума посходили.

— Ну, что ж? С меня вы имеете право требовать доказательства. А я обязан вам их представить. Но, Иван Андреевич,

акционеры из «Российского леса» существовать не перестали, не так ли? Несмотря на нашу вам помощь. Интересно, какие доказательства вы потребуете от них? Или надеетесь, что четыре армянских трупа сойдут вам с рук?

Глухов молчал.

— Не думаю. И вы тоже так не думаете. Поэтому давайте попробуем найти общий язык. Дело о вымогательстве, я уже говорил, мы можем закрыть. Лично я ничего против не имею. Готов, если хотите, рассматривать ваши действия как необходимую самооборону. Признаться, я так и рассматриваю. Поэтому разговариваю с вами не как с обвиняемым.

— Тогда чего вы хотите? — тяжело, исподлобья глянул на него Глухов. Алексей почувствовал, что воз как будто двинулся с места.

— Во-первых, мне необходима информация по этому вопросу. В полном объеме. Если вы думаете, что мы здесь застрахованы от смерти, то глубоко ошибаетесь. Я подставился на вашем деле точно так же, как вы. Во-вторых, в стране скрытно, исподтишка идет передел собственности. В условиях правового беспредела фактически это означает вооруженный разбой и грабеж в национальных масштабах. Надеюсь, на собственном примере вы оценили ситуацию? Поэтому, Иван Андреевич, давайте впредь будем союзниками. У нас с вами есть свои интересы. Местные, так скажем. Попробуем защищать их вместе от московского демвожья. Поверьте, в этом деле я вам гораздо нужнее, чем вы мне.

Глухов долго молчал. Алексей вышел в приемную минут на пять, давая ему возможность взвесить предложение. Когда он вернулся, решение, кажется, было принято.

— Что вы хотите услышать от меня?

— Иван Андреевич, я хочу знать досконально, откуда у вашей истории растут ноги? И куда? Почему вокруг вас так много лиц кавказской национальности?

— Ладно, прокурор. Свои секреты, так и быть, доложу. Насчет чужих, не обессудь. Не сейчас во всяком случае.

— Согласен, — Алексей кивнул. — Мои условия вы знаете.

— Так вот, — начал Глухов после некоторого раздумья. — Один такой тип кавказской национальности подсел ко мне за столик в кафе. Было это два года назад в Шуше. Назвался Меликяном. Подробности разговора опускаю: короче, он предложил мне сделку.

— Оружие?

— Разумеется. Чем больше, тем лучше. Расценки извест-

ные. В армии этим не промышляет только ленивый. Через неделю встретились еще раз, чтобы обговорить операцию по передаче оружия. Дальше все прошло как по-писаному. На дороге из Агдама в Шушу армянские фераины, как и договорились, устроили мотоподразделению засаду. Завалили камнями узкий участок дороги по курсу. Потом, когда колонна втянулась, устроили сход лавины сзади. Все это в темноте, глядя на ночь, со стрельбой, с матом через усилители, с прожекторами... Потом начались переговоры о сдаче оружия и техники. Парламентеров с нашей стороны взяли в заложники. Словом, эффект от театральной постановки был что надо.

Глухов скривил губы в усмешке.

— Только ты, прокурор, не думай, будто это кашу варил я один. Я был главный исполнитель, и в случае провала мне грозила участь главного козла. Что дальше?.. Дальше я подал рапорт, и меня уволили из рядов с чувством глубокого облегчения. Деньги все до копейки я вколотил в пилораму и в деревообрабатывающий цех. Но пока прибыль, как в прорву, уходит обратно в производство и в налоги. Живу, хочешь верь хочешь нет, на зарплату.

— Вы сразу поняли, кто вымогает деньги?

— Не сразу. В Шуше, когда я остался «заложником», кто-то из толпы армян сзади сунул мне в ягодицу нож. «Алыби!» Шутка вроде как, армянский народный юмор. Ну, я со зла вмазал первому попавшему по сусалу, на том все кончилось. Потом эту шутку они повторили в Крыму с женой. По недомыслию, конечно. В общем, поставили подпись.

Глухов говорил через силу, сквозь зубы, комкая рассказ и явно избегая подробностей. Алексей настаивать не рискнул.

— Ублюдков я вычислил просто. Брат, двоюродный, зачем-то повез жену и дочь показывать эту стройку. Больше нигде побывать они не успели. Когда я приехал туда и расспросил брата, что и как, он мне ублюдков показал. А чтобы тебе, прокурор, степень их вины не казалась сомнительной, доложу: ублюдки меня узнали и начали торговаться!

Он с силой ударил кулаком по столу, пытаясь взять себя в руки. Прошло около минуты, прежде чем он заговорил снова.

— Насчет лиц кавказской национальности. В лесу их больше сейчас, чем грибов. Заготовители, мать вашу! В центральной гостинице в области эта сволочь годами снимает под офис несколько люксов. Штаб! Если хочешь, координирующий центр по перекачке крови в масштабах об-

ласти. Плюс московское дерьмо в лампах в масштабе России!

— Ты, прокурор, не думай, — заключил Глухов, — я твою помощь оценил. Если мужики поверят, как я, одного не оставим.

Алексей улыбнулся.

— Лады, майор. Будем держать друг друга в курсе.

Вслед за Глуховым он вышел в коридор. Проводить. Пожал на прощание руку.

— Не пропадай, Иван Андреевич, заходи. Чем смогу — помогу. Во всяком случае, постараюсь.

Возвращаясь обратно, Алексей увидел через распахнутую настежь дверь кабинета эксперта-криминалиста Дьяконова. Тот, похоже, только переступил порог и беспомощно озирался по сторонам, высматривая прокурора.

— Что стряслось, Вадим Абрамыч? Да ты проходи, проходи...

Вид у Дьяконова был растерянный. Даже забавный. Очки с носа перекечевали на лоб, волосы взъерошены. В обеих руках он держал по вороху фотографий. Одну Алексей подобрал на полу в приемной.

— Твоя?

Вместо ответа Дьяконов потряс бумажным ворохом у прокурора перед носом. Хлопнул на стол.

— У себя в шкафах отыскал. Отбраковка. Дай, думаю, архивы почищу от мусора... И вот, пожалуйста!

— Что вот?

— Ты взгляни, Алексей Иванович, взгляни. Да не на меня... Дело Калетиной помнишь? Поселок Волковка... колодец?

— Ну?

— Ты меня тогда как обозвал? Когда брак пошел по всей пленке?

Алексей одну за другой небрежно перекидывал на столе принесенные фотографии. Почти на всех кадрах проступало белесое пятно, смазанное, словно кто-то небрежно махнул кистью.

— Правильно обозвал. Мудак и есть. Ну, что это?.. На засвеченную пленку снимал. Одна... вру, две фотографии из всей кучи. К делу нечего приобщить, хоть реви.

Дьяконов вздернул вверх пухлый палец.

— На засвеченную... Именно! А кто засветил, а? Обрати внимание вот на это пятно. Смазано наискось. Представь, что будет, если ты в момент съемки сделаешь резкий жест, скажем, рукой? На отпечатке рука будет смазана, так?

— Будет. И что?

— Здесь эффект тот же самый! Смотри: пятно смазано... На этой фотографии тоже. Вот еще... Еще фото. Да на всех. Почти на всех! А вот здесь, — он аккуратно, двумя пальцами выудил из кармана пиджака плотный конверт с очередной фотографией. — На этом снимке то же самое пятно, но — в статике!

Он поднес снимок прокурору прямо к глазам. Фотография в его руке плясала от возбуждения, и Алексей ничего не мог разобрать.

— Да погоди же, Вадим Абрамович. Отпусти. Ну!

Он, наконец, забрал у эксперта злополучный снимок и, едва взглянув, почувствовал, что волосы на его голове начинают шевелиться.

Сцена в кадре была та самая — поселок Волковка. Возле заброшенного колодца... На примятой траве средним планом — труп Суходеева, наполовину вытащенный из мешка, со скрюченными пальцами правой руки. Рядом сапог с отрезанной ногой. Из сапога остро торчит кость. В кадр попал коми Веремеев, сидящий на корточках спиной к трупу, метрах, должно быть, в десяти-пятнадцати. И чья-то рука сбоку, крупно, почти перед самым объективом...

Но главное, что невольно притягивало взгляд — незнакомое лицо... в центре снимка, большим, невнятным пятном зависшее над простертым в траве трупом — по-азиатски плоское, с азиатским, раздавленным носом и косым разрезом опущенных глаз. Словно застывшая маска... без туловища.

— Бог ты мой! — наконец, пробормотал Алексей. — Кто это?

Он услышал свой разом охрипший голос словно со стороны. Вместо ответа Дьяконов втянул коротко стриженную голову в плечи. Развел руками.

— И давно ты это обнаружил?

— Пять минут назад, я же говорю! Собрался ящики почистить. От мусора!

Дьяконов фыркнул.

Алексей обошел стол и склонился над ворохом фотографий, тщательно просматривая их одну за другой. Ему показалось любопытным, что при одинаковой интенсивности засветки странное пятно нигде себя не повторяет, даже в частностях. Это, впрочем, несложно объяснить динамическим состоянием пятна, которое так или иначе скрадывает частности.

Но вот один из снимков показался ему в этом роде весьма

примечательным. На обочине дороги неизвестно кем и для какой надобности была забита бетонная свая. Накосо. Однако, присмотревшись внимательнее, он уже не был уверен, что это именно свая. Во-первых, по степени освещенности так называемый бетон был идентичен странному пятну на других снимках. Во-вторых, края сваи были несколько размыты... вернее, смазаны. Следовательно, она тоже находилась в динамике?..

Бетонная свая (в тот момент, когда попала в объектив фотокамеры) двигалась вдоль дороги к усадьбе Ходырева!

Алексей покрутил снимок в руках, разглядывая его со всех сторон. Даже перевернул вверх ногами. Теперь, когда уверенность в том, что это именно свая, перестала над ним довлеть, ему показалось, он начал даже различать в ней очертания женского силуэта, правда, сильно уплощенного, как если бы смотрел на объект через кривое зеркало. К тому же, если судить по некоторому наклону (в сторону движения), эта странная субстанция обладает определенной массой.

Пока Алексей рассматривал фотоснимки, крутил в руках, Дьяконов молча сопел ему в затылок. Наконец, спросил:

— Ну, и что ты про все про это думаешь?

Алексей пожал плечами.

— Раньше, признаться, в подобные штуки я плохо верил. Но, ей-богу, эта азиатская рожа впечатляет. Даже мороз по коже.

— Еще бы! Но почему азиатская-то? А не коми-пермяцкая, скажем?

— По-моему, форма тут роли не играет. Рожа у этой субстанции может быть любая. В том числе твоя, Вадим Абрамович.

— Тьфу, тьфу, тьфу! Типун тебе на язык, — замахал руками Дьяконов, поспешно собирая со стола разбросанные фотоснимки. — Я, знаешь, дорогой, что сделаю? Продам все это добро какому-нибудь американскому НАСА за кучу баксов... за большую кучу! И уйду из твоей долбаной прокуратуры, уеду из этого долбаного, вонючего городишки, из этой долбаной, проворовавшейся, африканской страны. Тьфу на вас на всех!

Алексей рассмеялся.

— Пожалуй. Во всяком случае, на таможне с таким товаром проблем у тебя не будет.

Уже в дверях Дьяконов с подозрением обернулся.

— Что-то не слышу извинений, Алексей Иванович?

- Помилуй... за что?
- А за мудака. Забыл уже?
- А... да, Вадим Абрамович. Извини, я был не прав.
- То-то же, — проворчал эксперт Дьяконов, обращая прокурору широкую спину с потертыми, засаленными локтями.

Проводив Дьяконова, Алексей подумал, что не мешало бы, наконец, разговорить на те же темы судмедэксперта Голдобину, особенно имея на руках такой доказательственный материал. У каждого врача свое кладбище, тем более у мадам Голдобиной...

КНИГА 2

**И
КРАСНЫЙ
О
К
У
Р
О
Р**

Часть 1

Н
О
К
У
Н
Н
Е
Н
Н
Е

В три часа ночи Алексея разбудил телефонный звонок. Кое-как он оторвал от подушки голову и отправился в прихожую. «Надо бы перенести телефон к кровати, наконец», — с досадой на себя подумал он. Снял трубку.

— Да. Слушаю!

Голос спростонья был вялый, осипший, и на том конце провода ему почудился легкий смешок.

— Анна?

— Алеша, ты обещал после работы заехать. Я жду, до сих пор.

— Ждешь? А ты... ничего не...

— Это гадко, так со мной поступать, гражданин начальник.

— Ну, я...

— Кстати, я приготовила для тебя небольшой сюрприз. Тебе должно понравиться.

— А до завтра мы не можем с ним подождать, с сюрпризом? — уныло проямлил он.

— Не можем. На все про все, Алешенька, тебе двадцать минут. Явка обязательна.

Анна положила трубку. Последняя ее фраза прозвучала почти с раздражением. Алексей задумался. Они не виделись с Анной уже более месяца. И не созванивались, это точно. Поэтому обещать ей он ничего не мог. Скорее всего, дама выпила рюмку-другую в одиночестве, и бедняжке сделалось жутко тоскливо. Захотелось покапризничать.

Размышляя таким образом, Алексей оделся и отправился в прокуратуру. Кое-как добудился охранника, взял ключи и выгнал из гаража «УАЗ». Предпринятые усилия окончательно привели его в чувство.

А что если Анна не одна? Возможно, рядом с ней находится кто-то, и она вынуждена говорить именно так. Дает ему понять. Интересно, кому мог понадобиться прокурор района, да еще ночью? Срочно?

Пожалуй, к встрече следует подготовиться. Алексей тормознул машину возле подъезда и поднялся в свой гостиничный номер, вернее — в обычную двухкомнатную хрущевку,

которую местные власти приспособили под гостевые номера. На соседнем балконе, этажом выше, он нашарил среди чужого хлама свою заначку — замотанный в тряпку «макаров». Ухмыльнулся.

«Незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия. Статья 218 УК РФ, до пяти лет лишения свободы. Хотя бы и прокурору. Ладно, будем считать, что пистолет — необходимая принадлежность моего национального костюма».

Алексей взглянул на часы. На все про все у него оставалось не более трех минут. Прыгая через несколько ступеней, он бегом спустился вниз и сел за руль, «УАЗ», мигая красными огнями, рванул с места и растворился в темноте.

К коттеджу Анны Хлыбовой он подъехал с противоположной стороны. Оставив машину метров за сто, на повороте, сам отправился напрямую лесом, по едва угадываемой тропинке.

Во всем доме светилося только одно окно, в гостиной, на втором этаже. Алексей приставил к двухметровому кирпичному забору подвернувшуюся под ноги доску и без труда прыгнул внутрь. «Забор для вора не помеха, — походя отметил он. — Стоит посоветовать Анне, чтобы завела на этот случай злую собаку».

Стараясь ступать бесшумно, он обогнул многочисленные подсобные помещения, как вдруг в недостроенном боксе тускло блеснула никелированным бампером легковая машина. Алексей пригляделся... это был джип. Черный, лакированный, будто новенькая калоша. Бликовал даже в полной темноте. На всякий случай Алексей обошел бокс стороной. Сигнализация на этой японской, лакированной калоше вполне могла сработать на идущего мимо человека, и его присутствие было бы обнаружено.

Итак, Анна, действительно, не одна. Опасения оказались не напрасны. Кто-то, используя их отношения, и, следовательно, осведомленный об этих отношениях, через Анну пытается заманить его сюда, ночью. Чего ради? И кто он такой? Или кто они такие? Впрочем, ни волнения, ни тревоги в голосе Анны по телефону он, кажется, не услышал. Так, легкое раздражение, не более.

Бесшумной тенью Алексей скользнул через двор под светящееся окно с небольшим декоративным балкончиком. Близкорастущая сосна с раскидистой кроной и вечно скребущими на ветру по стенам ветвями на этот раз оказалась весьма кстати.

«Подарок для вора, — пробормотал он, без особых усилий взбираясь по стволу. — Если Анну до сих пор не обокрали,

то лишь потому, что бывший муж и любовник, оба, оказались районными прокурорами».

Поравнявшись с окном, Алексей увидел сквозь неплотно задернутые гардины сидящего спиной к нему человека. Рядом с креслом, слева, стояла недопитая, примерно на треть, бутылка коньяку. Или в гостиной был кто-то еще, или гражданин откровенно надирался в одиночку. Во всяком случае, он сидел молча, не делая никаких жестов, когда обращаются к находящемуся где-то поблизости собеседнику. Разумеется, Анны в гостиной тоже не было. В ее присутствии мужчины, все без разбору, даже вышедшие в тираж, как минимум начинают принимать красивые позы и напускать на себя загадочный вид.

Алексей передвинулся по ветке влево и, сколько мог, вытянул шею. Затылок гражданина с безупречным пробормом и столь же безупречной стрижкой кого-то смутно ему напоминал...

Гражданин в кресле слегка шевельнулся и поставил пустой бокал на пол рядом с бутылкой. На руке сверкнули часы, сверкнула запонка на манжете, кажется, с камнем. Даже отсюда нетрудно было заметить, что часы дорогие...

Гражданин взял бутылку и небрежным жестом опрокинул в бокал. Часть коньяку, разумеется, пролилась на ковер, мимо. Чтобы взять бокал, он слегка развернулся в кресле и на мгновение обнаружил свой профиль. От удивления Алексей едва не свалился с ветки.

— Игорь! Бортников... мать твою!

На кой черт приятелю понадобилась эта дурацкая игра в конспирацию? Хотел сделать ему сюрприз?.. Обдирая руки, Алексей кое-как спустился с обжитой ветки на землю, вполне ощущая себя мартыном, и отправился к оставленному на повороте «УАЗу».

...На звук подъехавшего автомобиля на веранде появилась Анна, на ходу вытирая руки кухонным полотенцем. Похоже, возилась с закуской к приезду ночного гостя.

— Ты не слишком спешил, дружок, — улыбнулась она, подставляя для поцелуя щеку.

Алексей чмокнул ее в кончик носа.

— Я о-чень спешил. Только эта развалина никак не хотела заводиться, — он пнул ногой в колесо и подумал, что лгать красивой женщине ему доставляет удовольствие почти всегда. Зато с некрасивыми все обстоит как раз наоборот.

— Кстати... Игорь приехал один? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Да-а, — протянула Анна, и на ее лице появилась удивленная гримаска. — Странно, он сказал, что никто, ни один

человек в городе, и ты тоже, не знает, что он здесь. Просил по телефону его не упоминать.

— Все правильно, ласточка. Но я его тем не менее вычислил. Методом дедукции, — снова соврал Алексей и снова получил от своего вранья удовольствие.

Анна с очаровательной недоверчивостью заглянула ему в глаза. Вздохнула.

— Пусть так, меня это мало касается. — На мгновение она прижалась к его плечу. — Алеша, спускайтесь с Игорем вниз, в столовую. По-моему, он ужасно голодный.

— Ты, надеюсь, присоединишься?

— Да. Но мне не хотелось бы вам мешать.

— У нас еще будет время. Не беспокойся.

2

Ужинали (если это ночное застолье можно назвать ужином) молча, изредка обмениваясь незначительными репликами. Декоративная, низко висящая люстра освещала лишь центр массивного стола с приборами и руки, оставляя фигуры, лица несколько в тени.

Игорь работал в какой-то коммерции, в какой именно и в каком качестве, Алексей еще не знал. Но, судя по прикиду, дела у приятеля шли неплохо. Элегантный и в то же время неброский костюм тянул, наверное, тысяч на десять долларов. Тысяч на пятнадцать тянули часы, и тысяч на двадцать-тридцать запонки и галстучная булавка. Зная характер приятеля, Алексей был почти уверен, что камни все настоящие. Всякого рода фальшивок Бортников не терпел. Плюс ко всему благородный, цвета оливкового масла загар, привезенный откуда-то с берегов Адриатики. «Скромное обаяние буржуазии» портило, пожалуй, брюзгливое выражение лица и взгляд, мрачный, исподлобья, как у загнанного в клетку хищника.

Игорь много ел, еще больше пил и становился с каждой выпитой рюмкой как будто мрачнее. Иногда он пропускал обращенные к нему реплики или вставлял свои невпопад. Алексею вся их застольная сцена показалась до боли знакомой. Года полтора назад точно так же они сидели в этой комнате за этим самым столом, только вместо покойного Хлыбова, мужа Анны, напротив него сидел теперь Игорь Бортников.

Внезапно Игорь уперся в него тяжелым, вопрошающим взглядом. Грубо спросил:

— Леша, почему ты не женишься на Анне? Она любит тебя, а ты делаешь из нее соломенную вдову. Унижаешь, по сути.

Алексей хмыкнул, скосил глаза на Анну. Деликатностью приятель никогда не отличался.

— Он не врет? Ты действительно любишь меня? — Анна долго молчала. По-видимому, шутливый тон ее не устраивал. Наконец, тихо, с явным усилием в голосе произнесла:

— Нет, он не врет.

Бортников продолжал буровить Алексея тяжелым взглядом. Потом мрачно изрек:

— Ты мерзавец, Леша.

— Это, друг мой, еще не факт. А ты что?.. Прикатил сюда ночь-заполночь сообщить мне, что я мерзавец?

Неуверенной рукой Бортников наполнил все три рюмки.

— Ты, я вижу, почти не пьешь. Давай, друг, за Анну. Она того стоит. На твоём месте я бы не медлил.

Анна встала, зябко передернула плечами.

— Мальчики, я вас оставляю. Убирать ничего не нужно. Завтра я все сделаю сама.

Оба гостя тоже поднялись с мест, и Алексей проводил Анну до двери.

— Спокойной ночи, Аннушка. И извини, мы, кажется, тебя сегодня достали.

После ее ухода в комнате повисла тягостная пауза. Было слышно, как тикают часы, как скребет по обшиву знакомая ветка. Наконец, Бортников пробормотал:

— За последние пару лет твоя Анна — самое яркое впечатление в моей жизни. Она просидела здесь с полчаса, молча, но когда ушла, даже коньяк, Леша, в ее отсутствие начал отдавать самогонкой. Вот, попробуй.

Алексей охотно согласился, мол, да, коньяк, кажется, скис. Но Бортникову этого показалось мало. Он снова уставил на него тяжелый, вопрошающий взгляд.

— Что она здесь делает? Одна, в этой дыре?

— Ты прав. В этом городе Анна — единственная достопримечательность. Но она не тщеславна и очень несуетный человек. Я думаю, природное назначение Анны быть доброй женой и матерью. Все.

— Не так уж мало. Но именно в этом ей, кажется, отказано? Напроць?

Алексей промолчал. Бортников тяжело поднялся из-за стола и двинулся в угол, к оставленной у порога дорожной сумке. Достал из сумки еще бутылку коньяку и увесистый сверток, перехваченный шпагатом. Сверток положил Алексею на колени.

— Леша, я привез тебе подарок.

— Мне? С какой стати?

— Разверни.

Алексей перепилил шпагат столовым ножом и из разорванного бумажного пакета на пол со стуком вывалился бронежилет.

— Производство Израиля. Вдвое легче нашего и вдвое надежнее. Гарантия сто лет. Да ты примерь, примерь! — Бортников почти силой заставил Алексея натянуть бронежилет. — Видишь, как раз впору.

— Спасибо, конечно, друг. Но зачем мне эта хреновина, позволю спросить?

— Не догадываешься?

— Ну-у...

После минутной паузы гость поставил перед ним стакан и доверху набулькал в стакан коньяку.

— Ладно, шутки в сторону. Пей, Леша, и держись за стол. Узнал совершенно случайно. Тебя заказали.

Алексей с ошарашенным видом уставился на приятеля.

— Однако... приятная новость, Игорек, — пробормотал он. — И кто этот заказчик?

— Новость такая, какая есть. Вернее, какую ты заслужил.

— Заказчик кто, спрашиваю?

Бортников пожал плечами.

— Спрашивать, конечно, не вредно. Вот послушай, может, кого-то узнаешь по голосу. — Он поставил на стол миниатюрный диктофон, нажал кнопку. — Перезапись, правда. Но кое-что о себе услышишь.

Некоторое время кассета крутилась беззвучно. Потом началась запись... Далекая трель телефонного аппарата. Женский голос, видимо, в трубку, не слишком разборчивый. Что-то вдруг упало с глухим стуком... похоже, рядом с микрофоном. Быстрые, короткие шаги. Хлопнула дверь. И голос... мужской, как бы в продолжение разговора:

— Так как? Башляем?

— Я же сказал, разберитесь с прокурором вначале. В ногах, сволочь, путается.

Снова что-то упало на пол. Возня, чертыханье. Непонятные шумы.

— Он свое откукарекал... Вопрос решается.

— Вот тогда поговорим.

— Время, время уходит. Прошляпили уже...

Снова удар. Похоже, хлопнули дверью. На этом запись кончилась. Алексей с недоумением взглянул на приятеля.

— И это все?

— Все.

— Гм? Почему ты решил, что этот прокурор я?

— Потому, Леша, что среди наших районных прокуроров других сволочей нет. Все умные. Считай, тебя назвали по имени-отчеству. Но даже если у тебя на этот счет есть сомнения, в чем я очень сомневаюсь, ты должен толковать свои сомнения в известную сторону. Вопрос, ты слышал, решается. Кто-то свое откукарекал, какая-то сволочь. Так что делай выводы.

— Откуда запись?

— Запись сделана в приемной «Вятинвестбанка» службой безопасности.

— А как она попала к тебе?

— Здравсьте... приехали! Начальник службы безопасности в этой конторе небезызвестный тебе Игорь Александрович Бортников. Хочешь познакомлю? Прямо сейчас?

— Не надо. Ты лучше спроси у этого начальника, как он умудрился сделать запись, но не позаботился узнать, кого пишет?

— Вот тут, Леша, ты абсолютно прав. Служба безопасности находится в стадии становления, и многие вопросы как следует еще не отработаны. Секретарша, ты ее шаги слышал, включает микрофон и иногда специально выходит минут на пять, десять, чтобы клиенты банка имели возможность с глазу на глаз обсудить проблемы. Управляющий банка, чтобы клиенты такую возможность имели, с полчаса, а то и час может протомить их в приемной. Чтобы у клиентов была для разговора общая тема, все встречи управляющий назначает по интересам на определенные часы. По сути, сводит заинтересованные стороны в одном месте и... включает микрофон. Просто, как все гениальное. Разработка моя, и уже обернулась для конторы суммами с очень большим количеством нулей.

Теперь, когда управляющий убедился в эффективности метода, мы закупаем прямо с выставки «Безопасность-93» — самое современное оборудование для промышленного шпионажа и охраны. Все будет прослушиваться, просматриваться и просвечиваться вплоть до кабин в туалетных комнатах. Специально для иногородних клиентов банк строит гостиницу с уютным ресторанчиком и прочими прелестями, чтобы они хотели поселиться именно у нас. Для сбора и анализа подобной информации будет создана специальная информационно-аналитическая группа. И так далее, и тому подобное.

Но все это, сам понимаешь, в будущем. А пока есть простейший микрофончик в приемной, секретарша... когда нажмет кнопку, когда нет. И аналитик. Обычно кто-то по совместительству, кто свободен, из сотрудников. Если полученная информация интересов банка не касается, поверх нее тут же пишут другую. То, что пленка с этой записью попала мне в

руки, чистой воды случайность. Разумеется, я этих господ пытался вычислить. Но, во-первых, прошло несколько дней, может, неделя. Во-вторых, секретарша разговора клиентов обычно не слышит. В-третьих, качество звука таково, что определить клиента возможно только по характерной лексике.

Бортников перемотал пленку назад и снова включил запись.

— Ну? Кого-нибудь узнаешь?

Алексей покачал головой.

— С этой записью, уважаемый Игорь Александрович, тебе следовало зайти к управляющему и дать послушать ему. Просто, как все гениальное.

Бортников рассмеялся.

— Твоя простота, Леша, хуже воровства. Ты, дорогой, сам того не зная, сел нашей конторе на хвост. Я нисколько не удивлюсь, если твой вопрос решается на уровне Юрия Михайловича Каца, управляющего банком. А я, в силу должностных обязанностей, как минимум не должен ему в этом деле мешать.

— Что-то я, дружок, тебя не понял?

— И не поймешь, потому что не владеешь информацией. Сейчас кое-что я тебе покажу.

Бортников снова отправился к оставленной в углу большой дорожной сумке. Принес и водрузил посреди стола. Расстегнул замки. Кожаный, потертый баул наполовину был заполнен пачками денег в банковской упаковке. «Как в дешевом американском фильме», — подумал Алексей.

— Здесь четверть миллиарда. Правда, рублей. Что это за деньги, как думаешь?

— Черный нал, надо полагать.

— Готов поклясться, Леша, твой прокурорский стол завален жалобами на многомесячную невыплату зарплат, пенсий и детских пособий. По крайней мере, две трети невыплаченных в районе сумм постоянно прокручиваются в нашем банке. Среди учредителей банка есть пара здешних малоизвестных в городе фирмочек — «Гран Гайман» и ТОО «Супра». Одну из них, сколько я знаю, возглавляет некто Наумов, двоюродный брат жены вашего мэра. Эти деньги, процент с оборота, я завтра должен вручить господину Наумову лично. Из рук в руки. Но он тоже лишь посредник. Поэтому четверть миллиарда поделят между собой те люди, кто реально занимается распределением денежных потоков. Глава администрации, мэр, начфинотделом... ну и, может, еще кто-то.

Далее. На прошлой неделе, Леша, ты в пылу праведного гнева пригрозил мэру арестовать все банковские счета мэрии и устроить проверку. Еще неделей раньше ты прокрутил главе администрации района господину Шкурихину видеосюжет,

где господин Шкурихин берет у предпринимателя взятку размером двадцать тысяч долларов в обмен на право заниматься промышленной разработкой леса на территории района.

Алексей рассмеялся,

— Значит, и до тебя дошло?

— А как же, Леша? Ты, повторяю, крепко сел нашему банку на хвост. Добрейший Юрий Михайлович Кац однажды сказал: если этот прокурор реализует свои угрозы на деле, наш банк в скором времени может стать банкротом.

— Что у вас за банк в таком случае?

— Вот именно. Уставного фонда никакого. Даже непонятно, как удалось банк зарегистрировать. А создан он был с одной-единственной целью: использовать на полную катушку нашу замечательную инфляцию и крутить бюджетные денежки. Ваш район, разумеется, не единственный. Но если ты создашь прецедент, остальные клиенты тоже разбегутся, и банк рухнет.

— Поэтому добрейший Юрий Михайлович Кац со товарищи решили меня мочить?

— Возможно. Но, как ты говоришь, далеко не факт. Ты, кажется, забыл, что на вашем металлургическом комбинате уже два месяца работает следственная группа из облпрокуратуры. Десять человек из числа управленцев находятся под стражей. Кто инициировал всю эту хренотень? Районный прокурор Валяев Алексей Иванович. А кто отправил на заслуженный отдых начальника местной милиции подполковника Савиных?.. Леша, за эти полтора года в должности ты наломал столько дров, что желающих тебя замочить более чем достаточно. Хотя, мне кажется, ты не слишком мне веришь?

— Ну, почему же...

— Хочешь бесплатный совет? Подавай срочно в отставку и уноси отсюда ноги.

Алексей ухмыльнулся.

— Уж не за этим ли ты приехал? По поручению добрейшего Юрия Михайловича Каца?

— Обижаешь, друг. Я тут по велению сердца. Родина позвала. И если не сбежишь, а ты, я знаю, не сбежишь, то я, Игорь Бортников, с удовольствием помогу тебе свою контору обанкротить. Обещаю.

— Гм? Это хороший тост.

— Леша, я не шучу. Но с условием, наша встреча, тем более наш с тобой разговор сугубо между нами. Никаких никому даже намеков, поскольку просчитывается однозначно. Кстати, официально в вашу дыру я прибываю завтра... пардон, уже сегодня в 10.00. Господин Наумов меня ждут-с. С большим нетерпением.

Алексей сидел в райотделе милиции, просматривал в порядке надзора скопившиеся за последние дни дела. Основной вал преступлений как обычно давали хищения собственности, совершаемые путем кражи. В основном тащили продукты питания.

...Двое несовершеннолетних подростков разбили в коммерческом киоске стекло и унесли сигареты, шоколад, «чипсы», печенье на сумму 53 тысячи рублей.

Неизвестные, разобрав стену из кирпича, совершили проникновение в помещение склада торговой фирмы «Корвет». Среди похищенного два мешка муки, чай, несколько палок колбасы «Московская». По факту хищения возбуждено уголовное дело...

Снова взлом, грабежи в садовом обществе «Металлург». Задержаны трое безработных...

На проходной АОТ «Н-ский молкомбинат» во время проведенного рейда силами милиции задержаны рабочие такие-то... Полтора десятка фамилий, протоколы изъятия, задержания, суммы ущерба. Похоже, акционеры тащили продукты у самих себя.

Бомж... фамилию не помнит, забрался ночью в курятник, принадлежащий гражданину Воронину А.Г. Задержан на месте преступления...

И так далее, и так далее. Алексей насчитал тридцать два дела, большая часть из которых подпадает под действие статьи 144 УК РФ, предусматривающей наказание от двух до пяти лет лишения свободы. Суд, вне сомнения, проштампует приговоры. На такой мелочевке людоедская система российского правосудия сбоев, как правило, не дает.

Наконец, осталась еще папка, последняя. Алексей вздохнул и подвинул к себе телефон.

— Дежурная часть? Валяев говорит. Пусть доставят в шестнадцатую комнату задержанного по фамилии Шубин. Шубин Николай Федорович.

— Это... по делу о поджоге?

— Да. Жду.

Через минуту в комнату заглянул оперуполномоченный Иващенко.

— Алексей Иванович, вы не закончили?

— Минут через десять-пятнадцать я ваши апартаменты освобождаю.

— Кофе не желаете? — Иващенко прошел к окну и воткнул в сеть вилку электрочайника. Прокурор, занятый изучением дела, на вопрос не ответил.

Вскоре привели задержанного, пожилого, помятого человека с пустым, остановившимся взглядом. Алексей велел снять с него наручники. Указал на стул.

— Моя фамилия Валяев. Районный прокурор, — представился Алексей, не будучи уверенным, однако, что тот его слышит. «Похоже на состояние «гроги», — подумал он.

— Назовите себя. Фамилия? Имя? Отчество? — Задержанный ответил не сразу. Медленно, как бы с трудом выталикивая из себя слова, произнес:

— Шубин... Николай... Федорович...

— В соответствии с паспортными данными, Николай Федорович, вам сейчас шестьдесят пять. Пенсионер. Сорок пять лет трудового стажа. Последнее место работы водитель АХО. Прекрасные характеристики, просто отличные. И вдруг... в вашем почтенном возрасте вы устраиваете поджог. Чего ради?

Задержанный молчал с тупым, отрешенным видом.

— Вы меня слышите? Вот тут написано... «В ночь с 7 на 8 августа около часу ночи вы облили бензином и подожгли автомобиль «Нива», припаркованный возле подъезда дома по улице Свердлова. Автомобиль новый, с транзитными номерами, принадлежал инспектору ГАИ Кожякину С.А. Вы что, действовали из хулиганских побуждений? Или это мотив личной мести?

Шубин по-прежнему не отвечал. Алексей обошел стол и наклонился, пытаясь поймать его взгляд. Задержанный инстинктивно втянул голову в плечи и дернулся в сторону, едва не свалившись со стула.

Алексей полистал папку и нашел фамилию одного из дознавателей. Им оказался оперуполномоченный, старший лейтенант милиции Иващенко Георгий Семенович.

«Так значит, ты, голубчик, здесь неспроста торчишь, — Алексей скосил глаза на опера, который с озабоченным видом перебирал на чужом столе чужие бумаги. — И место твое не здесь, сколько я помню, а в соседней комнате».

— Жорик, выйди на время. Давай, давай! За чайником я прослежу.

Он выпроводил опера за дверь и выдернул вилку из сети.

— Ну-к, Николай Федорович... рубашку сними.

Пока Шубин, с трудом подымая руки, пытался стянуть с себя рубашку, которая к тому же была ему явно велика, Алексей подошел к двери и резко распахнул ее. Оперуполномоченный Иващенко стоял тут, носом в дверь, в весьма характерной позе.

— Я плохо объяснил?

После секундного замешательства на гладкой, поросычье физиономии опера проступила нагловатая ухмылка.

— Ну... как сказать?

— Пшел вон, урод! — сквозь зубы процедил Алексей, чувствуя, что начинает терять над собой контроль.

Иващенко мгновенно почувствовал угрозу, развернулся и исчез в одной из многочисленных дверей. Типичный поганый мент, коротконогий, толстозадый, беспринципный.

Похоже, других тут не держат, подумал Алексей, плотно прикрывая дверь. Оглядел задержанного. Спина, плечи Шубина были сплошной синяк. Одна из ран выглядела совсем свежей и кровоточила.

— Били, Николай Федорович?

Шубин впервые поднял на прокурора слезящиеся глаза.

— Убивали... насмерть. Ногами месили.

— Рубашка ваша?

Шубин отрицательно качнул головой.

— Ладно, одевайтесь.

— Я им в деды гожусь... А они палкой по яйцам. Ногами...

— Давайте по порядку, — Алексей заглянул в дело. — Вы живете в том же доме, где потерпевший? В соседнем подъезде?

— Через подъезд. В последнем.

— В тот вечер, Николай Федорович, вы были в нетрезвом состоянии. Это так?

— Выпил маленько. Было.

— По какому поводу?

— Девять дней прошло... жену похоронил. Поминали, конечно. Не без этого.

— И что потом?

— Брат у ней, у жены, племянники... пошел их проводить. Недалеко, правда. До угла и проводил. Потом домой, спать лег.

— Никого по дороге назад не встречали? Не разговаривали?

— Ну дак... соседка выглянула. На этаже живет. Ты, говорит, дядь Коль, оставь все как есть. Я завтра, говорит, приберусь. Не успела. Татьяна ее звать, хорошая такая женщина. Поминать приходила.

— А дальше что?

— А че дальше? Спросонья глаза открываю, мне хрясь... в зубы! Из постели вышибли, руки заломили и айда месить. Потом в машину запихнули, в машине били. В камере били. Здесь тоже, когда допрашивали.

— Вы, когда домой возвращались, «Ниву» красного цвета видели?

— А кто его знает? Там их сколько стоит, всяких. Не обратил внимания, наверное.

— У вас, Николай Федорович, нашли пластмассовую канистру из-под бензина. Кроме того, вас видела некая Яковлева около часу ночи. Возле машины инспектора. Потом, говорит свидетельница, вдруг как запылывает, и вы бросились бежать.

Шубин снова напрягся и замолчал.

— Вспоминайте, Николай Федорович, вспоминайте. Другого шанса у вас может не быть.

— Ну дак... моя канистра, куды денешься? Я «Запорожец» держу. Как без канистры? А про эту, Яковлеву, че я могу сказать... не поджигал если?

Алексей задумался. Похоже, признания из старика выбили. Соседка по этажу обращалась на днях в прокуратуру и оставила заявление. С ее слов выходило, что пожар случился, когда Шубин уже спал. То есть спустя примерно полчаса после их разговора на лестничной площадке. Она еще помогла ему открыть дверь.

— Николай Федорович, вы сейчас один живете? — Шубин тяжело вздохнул.

— Нина когда померла, один остался.

— Дети от брака есть?

— Дочь. В Питере живет. Вот на похороны да на поминки последний раз приезжала на материны. В следующий раз меня, наверное, хоронить приедет.

— Так редко видите?

— По телефону больше. Квартиру велит приватизировать. Пока не помер.

— А вы? Не приватизировали еще?

— Дак она потом вовсе не позвонит. Не до меня ей.

— Понятно. И большая квартира? Сколько комнат?

— Три.

Алексей захлопнул папку с делом и быстро нацарапал постановление.

— Вот что, Николай Федорович. Мэру пресечения я вам отменяю на подписку о невыезде. Дело забираю в прокуратуру для проверки. И мой вам совет. Дочери можете ничего не говорить, чтобы звонила, почаще беспокоилась, но квартиру в течение недели приватизируйте.

— Ну дак... теперь надо.

— Телефон у вас есть? Появятся проблемы, звоните мне лично.

Войдя в здание прокуратуры, Алексей по запаху сигаретного дыма определил, что следователь Соковнин на своем рабочем месте. В курилке. Так оно и оказалось. Алексей мимоходом сунул папку ему в руки.

— Зарегистрируй. И ко мне.

Через пять минут Соковнин появился в кабинете. Шлепнул папку на стол.

— Что это?

— Похоже на квартирное дело.

— Опять?

— Вот именно. В прошлый раз позволили замять. И вот результат. Братва в погонах опять решает свои квартирные проблемы.

Алексей передал следователю заявление, поступившее от соседки Шубина.

— Приобщи к делу и начинай. В первую очередь возьми в оборот, и пожестче, свидетеля Яковлеву. Выясни родственные связи Яковлевой с нашей ментовкой. Наверняка выйдешь на организатора. Старика срочно на медицинское освидетельствование. И возьми показания: кто бил, когда, с какой целью? Взысканием на этот раз не отделаются. Кстати! Инспектору ГАИ Кожакину, говнюк еще тот, надо устроить проверку на вшивость. За два года приобретает третью машину.

— Так сожгли же, — ухмыльнулся Соковнин.

— Сожгли. И наверняка после поджога начнет активничать. «Зарабатывать» на четвертую.

— Сыграть с ним в «подсадного»?

— Пожалуй. Но чтобы взял по-крупному. — Соковнин задумчиво потер пальцами лоб.

— Иваныч... это война. С ментами.

Алексей фыркнул.

— В таком случае, Вася, надевай сапоги и помогай им месить стариков ногами.

— Да ладно тебе...

После ухода следователя Алексей заварил чашку кофе и задумался. Мысль о том, что его заказали, раздражала сегодня с утра. Словно ноющий зуб. Хотя прослушанная запись разговора его лично ни в чем не убеждала. И вообще, «вопрос решаться» может по-разному. Скорее всего, если речь действительно идет о нем, его попытаются освободить от занимаемой должности. Кажется, за эти полтора года таких попыток никто не предпринимал. Иначе до него бы дошло.

Еще способ решить вопрос — дать взятку, завуалирован-

ную, скажем, под подарок. Или оказать определенную услугу. Но тоже... попыток пока не наблюдалось.

В случае, если его захотят купить, то наверняка выделят квартиру. И все будет выглядеть очень благопристойно. А чтобы он понял, что это не просто квартира, и не принял подарок за должное, квартира будет как минимум трехкомнатная.

С другой стороны, Бортников прав: если есть хоть какие-то сомнения, эти сомнения следует толковать в известную сторону. Вчера, когда расставались, он невесело пошутил:

— Эту штуку, Леша, тебе не стоит снимать даже в бане.

...Хлопанье крыльев за окном отвлекло Алексея от невеселых мыслей. К нему на подоконник откуда-то слетел голубь и, забавно подергивая головкой, рассматривал через открытые створы прокурорский кабинет. Голубь был не обычный сизарь, а рыжий с ослепительно белым подбрюшьем.

Алексей протянул руку и тихонько позвал:

— Гуль... гуль-гуль...

Голубь тут же снялся и перелетел на крышу соседнего трехэтажного здания метрах в пятидесяти от окна. «Хорошая огневая позиция, чтобы шлепнуть прокурора прямо в кабинете, за столом», — подумал Алексей. Подошел к окну.

Его кабинет располагался на первом этаже. Если встать, скажем, на табурет, то прокурора можно мочить прямо с улицы кочергой. Или мимоходом забросить в окно гранату, две... как это было в деле Вартаняна. Тогда прокурора положат в гроб прямо в бронежилете.

Алексей зябко передернул плечами. Отправился за стол... Пожалуй, есть смысл переместить стальной сейф к окну. По крайней мере до фрамуги окно будет перекрыто.

Он взял со стола аналитическую справку по заказным убийствам, совершенным в регионе за последние два года, и погрузился в изучение. В подавляющем большинстве все убийства, а это ни много ни мало восемьдесят два человека, оказались жертвами мафиозных разборок. Бандиты бандитскими методами делили между собой госсобственность и сферы влияния.

«... Год 1992. Жертвами разборок в 92-м стали (сразу после фамилии указаны год рождения, название группировки и кличка, если она известна):

Сугробов, 1957, «Грязь», кличка Сугроб — убит 18 января из пистолета в здании кооператива на ул. Бронштейна.

Хабаров, 1961, «Центр», Сучок — убит 21 января из пистолета в подъезде дома по ул. Лихачева.

Блохин, 1953, «Чайники», кличка Блоха — расстрелян из автомата 28 января в собственной машине.

Гилязов, 1961, «Чайники» — застрелен; труп обнаружен 30 апреля в очистных сооружениях завода «СК им. Кирова».

Зотов, 1966, «Борисово», Кол — убит из пистолета на просп.Маркса...

В сентябре на ул.Баумана застрелен директор турфирмы «Спутник» Киракосян. По одной из версий, причиной его гибели стал спор из-за казино «Эльдорадо», на которое претендовали две соседние группировки — «Детский сад» и «Пугачевка».

Моряшин, 1964, «Жила», кличка Моряк — бесследно пропал 1 февраля в районе Колхозного рынка.

Бикбаев, 1974, «Шанхай» — по показаниям свидетелей, 2 марта был похищен людьми в камуфляжной форме и увезен в неизвестном направлении...»

По обыкновению Алексей отмечал нужные места в поминальнике красными крыжами. Потом произвел подсчет. Получалось, что из восьмидесяти двух убийств только два были совершены с помощью ножа и заточки. Пять человек похищены. Как уж их убивали, одному богу известно. Еще два убийства совершены с помощью взрывных устройств.

В поминальнике также фигурируют раз, два... три... четыре автомата. В остальных случаях — пистолет. По всем убийствам возбуждены уголовные дела, но обвинительные приговоры вынесены только в двух случаях.

Алексей откинулся на спинку кресла.

Ну, что ж... Картину ожидаемого покушения на прокурора Н-ского района можно моделировать уже сейчас. Во-первых, убивать прокурора будут с помощью огнестрельного оружия. На девяносто процентов можно быть уверенным, что это будет пистолет.

Во-вторых, семьдесят пять процентов за то, что покушение произойдет между 19 и 24 часами.

В-третьих, местом покушения может быть подъезд дома, улица, кафе, автомашина и так далее, по нисходящей.

В-четвертых, восемьдесят пять процентов за то, что стрелять будут сзади, в спину. Затем последует выстрел в голову, так называемый контрольный, если убийца профессионал.

В-пятых, если прокурор успеет вычислить убийцу первым и первым откроет по нему пальбу, то прокурора станут судить как минимум по статье 218 УК РФ «незаконное хранение, ношение и так далее... огнестрельного оружия». Еще неизвестно, в каком деле побывал этот ствол до него.

Алексей вдруг поймал себя на мысли, что открытое окно мешает ему сосредоточиться, раздражает, как если бы убийца уже разглядывал в оптику его висок. Он захлопнул створы и опустил гардину. В кабинете сделалось довольно темно. Пришлось включить настольную лампу.

... Конечно, он мог бы оформить ствол в соответствии с законом. Но тогда придется объяснять в той же милиции,

для чего ему это надо. Утечка информации в таком случае неизбежна, и тогда давить его будут совсем по другой схеме.

Но главное — взять за задницу заказчика. Иначе достанут все равно. Думай, прокурор. Думай...

В кабинет вошла секретарь.

— Алексей Иванович, у вас посетители. — Алексей взглянул на часы.

— Много?

Секретарь сочувственно вздохнула.

— Понятно.

— А что это вы в темноте, при свечах? Ой, как интересно! — Грациозно играя бедрами, она прошла к окну и потянула гардину вверх.

— Алексей Иванович, такой привычки я что-то за вами не наблюдала.

Прокурор хмыкнул. Вялотекущий флирт, кажется, окончательно утвердился в его отношениях с секретаршей.

— Видите ли, в темноте при свечах ваши очаровательные ноги почти не отвлекают меня от работы.

— В светлое время суток вы тоже не особенно отвлекаетесь.

— А что, вас это огорчает? Или раздражает? А может... унижает?

— Скорее беспокоит.

— Гм? Не понял?

— Полистайте УПК. Обычно мужчины вашего типа находят там ответы на все волнующие их вопросы.

Пока Алексей придумывал в ответ очередную пошлость, очаровательная Людмила Васильевна распахнула окно. При этом створы она открыла не толчком, а медленно развела руками в стороны, для чего ей пришлось слегка привстать на цыпочки и наклониться далеко вперед. Юбочка, и без того короткая, задралась еще выше... еще... и Алексей скромно потупил долу пылающие очи.

«Женщина в атаке», — невольно вспомнилась ему чья-то крылатая фраза.

— Я что-то не разглядел, Людмила Васильевна, то ли ноги у вас стали длиннее? То ли юбка короче? — пробормотал он, глядя в сторону. — Вы не прокомментируете?

— Пусть вас это не беспокоит.

Играя бедрами, очаровательная Людмила направилась к двери.

— Посетителей запускать?

Прокурор сокрушенно развел руками.

— А что еще мне остается делать?

— Вот именно.

Совещание оперативно-следственной бригады по Н-скому металлургическому комбинату проходило тут же, в здании управления. Выступала сотрудник областного УБЭП майор Шулякова:

«...Одновременно наша группа расследует финансово-экономическую деятельность дочерней фирмы комбината под названием ЗАО «Коммерческий центр НМК». Таких фирм и фирмочек, как здесь уже говорилось, при комбинате создано около десятка. Именно через них идет перекачка чужих денег в карманы учредителей, через них реализуется вся без исключения продукция комбината, осуществляется закупка и хранение сырья, обналичиваются деньги.

ЗАО «Коммерческий центр НМК» работает примерно по той же схеме. Фирма создана в апреле 1992 года. Исполнительный директор Поляков Борис Семенович, он же депутат райсовета.

А вот еще один любопытный документ: устав другой фирмы — ЗАО «Коммерческий центр «Металлург» с адресом в Москве. Исполнительный директор — все тот же Поляков Борис Семенович. Учредители — снова Борис Семенович Поляков, затем Савинок Эдуард Михайлович, заместитель генерального директора комбината по финансам и ценным бумагам, наконец, главный бухгалтер комбината Кобелева Нонна Васильевна.

Зачитываю выписку из протокола ревизионной комиссии: «Под видом информационных услуг с апреля 1992 года по январь 1993 ЗАО «Коммерческий центр НМК» проплатил фирме ЗАО «Коммерческий центр «Металлург» сумму в 3,5 миллиарда рублей».

Вот один из договоров господина Полякова Бориса Семеновича с господином Борисом Семеновичем Поляковым за номером 1231 от 13.4.92. «За финансово-экономическую информацию по дорогам МПС по состоянию на 1 квартал 1992 года...» оплачена сумма в размере 1 миллиард 37 миллионов рублей. То есть господин Поляков передал господину Полякову расписание железных дорог МПС и перевел за оказанную услугу на его московские счета 1 миллиард 37 миллионов рублей.

Я думаю, нет смысла говорить, что переведенные денежные средства списаны со счетов Н-ского металлургического комбината не без участия госпожи Кобелевой, которая является главным бухгалтером комбината.

Еще один примечательный договор в этом роде. Руководителю московской фирмы ЗАО «Коммерческий центр «Металлург» господину Полякову за абонементное инфор-

мационное обслуживание предусмотрена ежемесячная оплата в размере 3 тысячи долларов США. То есть господин Поляков платит господину Полякову дополнительно зарплату в 3 тысячи долларов.

Оба исполнительных директора регулярно два-три раза в месяц встречаются в Москве для согласования текущих вопросов, устраивают совместные выездные заседания, круглые столы, консультационные совещания и др. Все мероприятия оплачивает комбинат, плюс к ним... огромное количество командировочных, счета за гостиницу, оплата авиарейсов. Но это уже мелочи.

Руководитель оперативно-следственной бригады Евгений Генрихович Крук поднял на докладчика утомленный взгляд:

— У вас все?

— Да, Евгений Генрихович, в общих чертах. К сожалению, господа Поляковы и господин Савинок очень мешают следствию. Мы подолгу не можем получить необходимые документы. Когда документы наконец оказываются у нас, то часть их либо подделана, содержит исправления, либо произведена замена. Или они вообще отсутствуют. Свидетелей, проходящих по делу, господин Савинок срочно отправляет в бессрочные отпуска. Например, старшего экономиста Блохину отправил даже в Финляндию по туристической путевке.

Крук развел руками.

— Что я вам скажу, милая вы моя? Поляков Борис Семенович — депутат райсовета, вы это знаете. Здешние народные избранники своего коллегу не выдают до сих пор. Зам генерального по финансам господин Савинок — депутат областной думы. В облдуму с представлением на Савинка обращался по моей просьбе областной прокурор. Результат тот же. Единственная, кого мы сумели взять под стражу, это Нонна Кобелева. Но, как говорится, и на том спасибо. Дамочка проходит у нас по всем девяти направлениям, так что... используйте момент.

— А генеральный директор комбината — депутат Госдумы России, — невесело пошутил следователь Ратников, подымаясь с места.

Крук кивнул.

— Да, прошу. Кто еще не знаком из присутствующих, позвольте представить. Ратников Сергей Васильевич, сотрудник управления области по борьбе с экономическими преступлениями.

— Несколько слов буквально добавлю о директоре комбината Ковалеве, который с самого начала занимает довольно

странную позицию. Отстраненную, я бы сказал. Два месяца назад, если помните, когда следственная бригада только-только приступала к работе, генеральный директор взял внеочередной отпуск и отправился прямиком на Багамы. Отгулял, поправил здоровье и вернулся на комбинат. На неделю. Затем снова исчез — уехал в Москву на очередную парламентскую сессию. Здесь, на комбинате, вы знаете, господин Ковалев бывает урывками, день-два, и поймать его абсолютно невозможно. Но, вне сомнения, вся так называемая финансово-экономическая деятельность, весь криминал на комбинате разворачивается под его личным патронажем. Особенно, что касается выпуска ценных бумаг.

Крук слегка постучал карандашом по столешнице.

— Относительно ценных бумаг. Сергей Васильевич, с акциями всем все ясно. Давайте сегодня остановимся на векселях.

— Хорошо. Итак... количество необеспеченных векселей, выпущенных дочерними фирмами, примерно равно количеству векселей самого комбината, где-то пятьдесят на пятьдесят. Вексель — это те же деньги, если за ними стоят продукция, производственные мощности, недвижимость и другая собственность предприятия. Разумеется, за дочерними фирмами не стоит ничего. Однако векселя они выпускают, и под эти векселя комбинат в лице зам генерального директора Савинка отгружает дочерней фирме металлопрокат. По сути, под «фу-фу!»

Например, последняя сделка от 10.06.93 года с лифтовыми направляющими обошлась комбинату в 120 миллиардов рублей убытка. Савинок также неоднократно обменивал дутые векселя ЗАО «Коммерческий центр НМК» на живые векселя комбината. В результате, как только комбинат принимает такие векселя в качестве предоплаты за продукцию, он тут же платит налог на добавленную стоимость. А это значит, что 24 миллиарда пустых денег попали в бюджет государства только от одной сделки с лифтовыми направляющими. Можно представить, сколько таких сделок совершается сегодня по России, а это одна из причин нынешней бешеной инфляции...

Совещание продолжалось уже два часа, и чем отчетливее разворачивалась картина тотального сверху донизу расхищения акционерной и государственной собственности, тем яснее Алексей понимал, что это дело никогда не будет закончено. Вовсе не по причине депутатской неприкосновенности отдельных лиц. В конце концов, через полгода истекает срок парламентских полномочий гендиректора комбината Ковалева. На областном, районном уровнях худо-бедно, но депу-

татскую неприкосновенность прокуратура тоже сумеет преодолеть.

Настораживало другое. Главные фигуранты в деле: члены совета директоров, управленцы, тот же господин Ковалев — являются держателями крупных пакетов акций, которые затем наследуют их дети и внуки. Казалось бы, забота о процветании родного предприятия должна стать повседневной головной болью. На практике все происходит с точностью до наоборот. Комбинат через три года после акционирования лежит на боку, отдельные производства остановлены, оборудование растаскивается, штаты постоянно сокращают, специалисты среднего звена давно разбежались. А с другой стороны... набирают кредиты от западных инвесторов на возрождение комбината. Подо что берутся кредиты? Под какую программу? И как станут возвращать деньги, проценты с кредитов?

Алексей вдруг понял, по крайней мере в общих чертах, что происходило и происходит на самом деле...

Вхождение в капитализм (первый этап) начинался удачно. Новые собственники, акционеры, активно вкладывали деньги в комбинат: реконструировали ряд производств, построили цех фасонных изделий и даже успели газифицировать подсобное хозяйство.

Но на втором этапе ситуация круто изменилась: без видимых причин полезли вверх цены на энергоносители, затем скакнули вверх проценты по кредитам, Европа ввела эмбарго на поставки дешевой продукции комбината за рубеж. Но самое главное — налоги. В результате каждая произведенная тонна металлопроката начала приносить комбинату убыток. И чем крупнее у тебя как у держателя пакет акций, тем чувствительнее становились убытки.

На третьем этапе руководство комбината начинает судорожно искать выход. Сокращают штаты, останавливают малорентабельные производства, ставшие нерентабельными, пытаются наладить производство ширпотреба, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Накапливают долги по зарплате.

Четвертый этап, нынешний. Руководство комбината осознает окончательно, что честно жить нельзя. В результате комбинат обрастает разного рода фирмами и фирмочками, через которые открываются многочисленные каналы хищения на протяжении всего производственного цикла: от получения, доставки и хранения сырья до хранения, транспортировки и реализации готовой продукции.

Пятый этап — ближайшее будущее. Западные инвесторы. Европейский банк реконструкции и развития уже предлагает первую часть полумиллиардного кредита — 100 миллионов

долларов под акции комбината. Здесь кредит берут, заранее зная, что он будет разворован. Убыточные акции собственникам не нужны. Западный инвестор тоже знает, что кредит разворуют, и тогда, в соответствии с договором, Н-ский металлургический комбинат отойдет в собственность западного инвестора. За бесценок.

Шестой этап. Новый западный хозяин скорее всего закроет комбинат окончательно. Рынок черных металлов в Европе перенасыщен, и лишние конкуренты, лишние рты ни там, ни здесь, в России, западным производителям не нужны.

Все, точка. Их нынешние посиделки ровным счетом ничего не решают. Это не уголовное дело, а политическое. Генеральный директор комбината Ковалев тоже знает, что это дело политическое, и решать его возможно единственно политическими методами. Отсюда странная позиция господина Ковалева. Отстраненная, как здесь сказали...

Кто-то тронул Алексея за плечо. Оказалось, Крук.

— Алексей Иванович! Заснул, что ли? На сегодня у нас все. Расходимся.

Алексей кивнул. Потом подумал и в дверях придержал Крука за локоть.

— Евгений Генрихович, у меня в прокуратуре все углы завалены жалобами на невыплату денег по зарплате. С вашего позволения, я хочу встретиться с рабочими и часть информации довести до их сведения. Вы как, не станете возражать?

Крук по обыкновению смотрел мимо. Думал.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Леша, — он доверительно взял Алексея за руку. — Это бунт.

Алексей рассмеялся.

— Хорошо бы! Если честно, другого выхода я не вижу.

— Ладно. Делай, как знаешь.

6

Для беседы с рабочим человеком Алексей зашел в мартеновский цех. При цехе, прямо на территории комбината, имелся небольшой конференц-зал мест на триста, где смогли бы поместиться все желающие.

Начальника на месте не оказалось, уехал в командировку. Алексей, стараясь перекричать гул и грохот, звонки кранов, попросил мастера, крепкого голубоглазого парня в драной спецовке, оповестить рабочих, кто и на какую тему собирается с ними говорить.

— Через полчаса устроит?
— Вполне, — Алексей кивнул.
— Через полчаса весь комбинат сбежится, — парень широко улыбнулся.

— Это меня тоже устраивает. Кстати, тут у вас, помнится, автоматы стояли с газировкой?

— Квакнулись автоматы. Теперь, кому надо, с собой приносят. А вы до бани дойдите... до бани, говорю! По аллее пять минут ходу. Там внизу буфет работает, — он щелкнул себя пальцем по горлу и снова рассмеялся. — Водяры... займись! Самый прибыльный цех.

Алексей с облегчением выбрался из железного гула, лязга и грохота на свежий воздух, не понимая, как люди годами могут работать в этой преисподней. Пожалуй, удобнее места, чтобы шлепнуть прокурора, тоже не придумаешь. Выстрел едва ли будет услышан.

Хотя со стороны здешних управленцев никаких поползновений в свой адрес Алексей не ждал. Во-первых, мочить его следовало месяца три назад, тогда он только-только начал раскручивать хищения денежных средств на комбинате. Теперь здесь работает целая бригада, и от него лично мало что зависит.

Мотив мести в среде «белых воротничков» тоже не слишком популярен. Обычно из мести мочат друг друга бандиты. Возвращают «должок», так, кажется?

В-третьих, управленцы не настолько идиоты, чтобы вешать на свою шею во время следствия труп прокурора. Тем более не станут делать этого на территории комбината. Иначе из политического дело снова превратится в уголовное с непредсказуемыми для заказчиков последствиями.

Однако все эти умные соображения утешали мало. За последнюю неделю Алексей уже приобрел шпионскую привычку неожиданно оборачиваться на улице — нет ли следом «топтуна»? Или наклонялся и начинал шнуровать зашнурованные туфли, одновременно наблюдая из-под руки за тем, что происходит у него за спиной. Цепко выхватывал из толпы встречных подозрительные физиономии с руками в карманах, а с наступлением сумерек, с 19.00 до 24.00, сам держал руку в кармане, а палец на предохранителе. Собачья жизнь... Но, ей-богу, она даже начинала ему нравиться. Возбуждала. В глубине души Алексей был необъяснимо уверен, что стрелять первым начнет он.

... Баня оказалась как баня, обычная типовая, в два этажа, с просторным вестибюлем и обычным набором услуг. Для «питухов» возле буфета была устроена выгородка с пласт-

массовыми красными столиками и стульями. Правда, «питухов» было три-четыре, остальные граждане мужского и женского полу с распаренными физиономиями толпились возле гардероба.

Алексей попросил бутылку воды, как вдруг в вестибюле раздался истошный женский крик:

— Держите мерзавку... вон она! Вон! Держите, ой! ой! ой! Убежит ведь!

Со стороны женского отделения выскочила девчонка лет двенадцати и, ужом протиснувшись сквозь толпу, сунулась к двери. Девчонку с криками преследовала разъяренная баба, совершенно голая, в мыле, и, когда девчонка, перепутав двери, замешкалась, баба цепко ухватила ее за волосы.

— Стой, паршивка... не то хуже будет! — Баба отвесила отбивающейся девчонке пару увесистых оплеух и ловко обшарила карманы.

— Вот они, деньги-то, в кошельке и были. Она не додумалась или не успела кошелек-то выбросить. А я уж туточки!

Не выпуская девчонку, баба с торжествующим видом показывала публике отобранный кошелек.

— Воровка она... малолетка.

Оторопевшая поначалу публика начинала приходить в себя. Послышались смешки. Но баба, похоже, наготы своей не стеснялась. То и дело дергая девчонку за волосы, она бойко тараторила:

— ...С соседкой на пару седни в баню-то собрались. Все чин чином, уж голову намылила. А тут женщина заходит с шайкой. Это, говорит, не ваши вещи с краешку? Кофта там еще, голубенькая такая, висит? Ох, мои, говорю! Моя кофта... Сходи, говорит, милая, проверь. Думала, ваша дочь — не похоже. Девчонка подозрительная крутилась. Ох, я как была в мыле, так в предбанник, в раздевалку-то и выскочила. Сроду деньги не брала в баню, а тут ровно бес попутал!

Кто-то из публики сочувственно осведомился:

— Много ли в наличности было?

— ... Куда там девчонка! — тараторила баба. — Ее и след простыл. В сумку сунулась — нету денег. И кошелек нету, все обшарила. Трешница-то у меня в нем и была! Ох, озлилась я, да как есть голышом, вона вся в мыле, так в гардероб и выскочила следом. Ладно, глаз у меня приметливый. А она уж на улицу собралась, воровка чертова!

Баба живо поворачивалась из стороны в сторону, оставляя на линолеуме мокрые отпечатки. Питухи весело гыгыкали и подначивали бабу вопросами:

— Деньги-то вернула, что ли?
— Так деньги-то в кошельке, вот они. Она не додумалась или не успела кошелек-то выбросить. А я уж туточки! Попалась воровка!

— Нет, ты скажи, а? Молодежь пошла? Из-за трешки?!
— Паразиты! — возмущалась баба, пребольно дергая девчонку за волосы. — Ни стыда у них ни совести!

— Да уж, насчет стыда, действительно. Вы, гражданочка, хотя бы прикрылись, что ли? — попыталась урезонить бабу одна из женщин. Но баба, кажется, ее не понимала. Искренне.

— А я че, горбатая или кривая какая? Все при мне, и лишнего нету. А чужого мне даром не надо.

Баба отвесила малолетней воровке прощальную затрешину и, сверкая широким, перезрелым задом, покинула вестибюль.

Алексей, не спеша, допил свою воду и отправился в конференц-зал. Возле входа его ожидал прежний мастер и довольно улыбался.

— Зал битком. В проходах уже стоят.

— Начальства нет?

— А им это надо? — Парень рассмеялся. — Они у нас при деньгах.

Народу, действительно, было битком. Алексей кое-как протолкался вперед. На трибуну подниматься не стал. Когда зал утих, представился:

— Здравствуйте. Моя фамилия Валяев, Алексей Иванович. Я ваш районный прокурор.

Из глубины зала раздался голос:

— Зарплату когда давать будете? Вконец обнаглели.

Алексей пробежал глазами по лицам. Печать деградации проступила уже на многих. Интеллигентного лица не увидел ни одного.

— Вы, наверное, плохо расслышали? — Он поднял руку, пресекая начавшийся было шум. — Повторяю для слабослышащих еще раз. Моя фамилия Ва-ля-ев! А не Ковалев. Я — прокурор района, а не генеральный директор комбината. Более того, господа акционеры, у меня нет ни одной акции вашего комбината. Если кто-то решил, что я явился сюда раздавать долги по зарплате, то, извините... никому из вас я лично ничего не должен.

Зал обескураженно молчал. Выждав некоторую паузу, Алексей продолжил:

— У вас на комбинате, я думаю, вы в курсе, уже два месяца работает оперативно-следственная бригада. За это время вскрыто множество фактов хищения вашей акционирован-

ной собственности, ваших кровных, в поте лица заработанных денег, которые никто вам никогда не вернет, если вы не позаботитесь об этом сами.

Алексей вкратце, в максимально доступной форме обрисовал создавшееся на комбинате положение, перечислил главные каналы хищения, назвал украденные суммы, назвал поименно всех организаторов хищения, их родственные связи, приобретенную на украденные средства собственность, в том числе за границей, и нарисовал перспективу, уготованную комбинату обнаглевшим директором и наперсточниками из правительства.

Он говорил уже полтора часа при гробовом молчании зала, а когда закончил, начался гвалт, мат, угрожающие выкрики, женские заполошные взвизги и хватания за грудки. Алексей уже начал жалеть, что затеял заварушку, и с брезгливостью наблюдал, как в углу растаскивали двух сцепившихся «собственников».

«Почему-то в России, когда господа воруют, рабы друг другу рожи квасят и полосуют на грудях рубахи», — подумал он.

Но пока люмпен выпускал пар в свисток, десятка два-три основательных мужиков взяли его в кольцо. Один из работяг, помоложе, агрессивно осведомился:

— А ты прокурор или нет? Отправь все ворье в тюрьму, пусть баланду хлебают.

— Повторяю еще раз. Для туго соображающих! — рявкнул Алексей. — У этого ворья сегодня в руках власть. И эту власть им вручили вы сами. Гендиректор Ковалев баллотировался по вашему избирательному округу. Савинка тоже вы выбрали депутатом. И воруют они с вашего молчаливого согласия. В случае, если я начну добиваться, чтобы ваших депутатов отправили в тюрьму, меня снимут с должности уже на другой день. Или пристрелят как собаку.

— За что пристрелят?

Но молодого живо оттеснили назад, за спины.

— Иди-ка, Володька, покури малость. Заодно мозги проветришь.

— Ты, прокурор, не заводись. Глупый он. Лучше скажи, что делать надо?

Алексей хмыкнул.

— Ну, наконец-то. А то — деньги им подавай! Раскатали губы. Деньги, уважаемые господа акционеры, нынче не дают. Их берут. Иногда силой.

Он оглядел спокойные, сосредоточенные лица. Кажется, реакция была положительной.

— Первый вопрос. На комбинате есть профсоюз?
— Какой-то есть. Только толку нет.
— Вот именно. Профсоюз должен быть не какой-то, а абсолютно независимый от администрации. На комбинате должен постоянно действовать стачком со всеми вытекающими отсюда последствиями. Плюс собрание акционеров. Собираться следует не по желанию администрации, а по своему собственному. Если администрация не пожелает присутствовать на собрании акционеров и давать отчет, явку следует сделать принудительной.

Имейте в виду, что со стороны администрации и со стороны властей на вас будет оказано сильнейшее давление вплоть до мер силового характера. Поэтому готовьтесь заранее. На силу следует отвечать только силой. Для этого необходимо сформировать рабочие отряды, желательно из бывших военнослужащих.

— Это как в Череповце получается?

— Совершенно верно. Теперь директор череповецкой «Северстали» шагу не делает без согласования со своим профсоюзом и без учета интересов рабочих.

— Точно, — подтвердил из толпы тот же голос. — Они всю администрацию один раз резиновыми палками отдубасили, теперь, сволочи, шелковые ходят. И зарплата вовремя.

Алексей поискал глазами в толпе.

— Как фамилия?

— Фомин. Николаем звать.

— А что ж ты, Николай Фомин, помалкиваешь про это дело? Если слышал.

Николай пожал плечами.

— У меня родственник там, Фомин тоже, на «Северстали» работает. Писал, было дело. Ну, я ребятам сообщил кой-кому... а толку? В затылках почесали и забыли.

Алексей кивнул.

— В общем так, мужики. Записывайте людей в независимый профсоюз, формируйте органы, кассу, а правовую сторону вопроса я беру на себя. И готовьте делегацию в Череповец, налаживать связи. Их опыт дорогого стоит.

В толпе послышался одобрительный гул.

— Пролетарии всех стран, объединяйтесь?

— Точно.

Возвращаясь в прокуратуру, Алексей подумал, что теперь у администрации комбината тоже есть резон состряпать на него «заказуху».

— Но прежде, сволочи, чем вы доберетесь до меня, я все тут поставлю на рога.

Едва прокурорский «УАЗ» притормозил перед зданием прокуратуры, через открытую дверцу в салон просунулась озабоченная физиономия следователя прокуратуры Махнева.

— Иваныч, новость слышал?

— Смотря какую.

— Приходской поп повесился. А может, повесили? Черт бы его!

— погоди, что ты несешь? Сегодня не первое апреля как будто.

— А я как будто похож на клоуна?!

— Попы, Махно, не вешаются, запомни это. И вообще всякое самоубийство у них западло считается. Смертный грех.

Махнев забрался в машину.

— Значит, повесили, — проворчал он. — Попадья, например.

— Когда это произошло?

— Из петли полчаса назад вынули. Ну, ты едешь? Нет?

— Отец Амвросий... по прозвищу Большая Кружка, — Алексей задумчиво покачал головой. — Ладно. Поехали.

Он выжал сцепление.

— Ты знал его?

— Шапочно. Кстати, зачатый друг покойного прокурора Вениамина Гавриловича Хлыбова. Царствие им небесное обоим.

— Почему зачатый?

— У Хлыбова все друзья были зачатые. Натура такая. Друг к другу в гости ходят, за столом сидят, водку пьют и — тихо друг друга ненавидят.

Алексей рассмеялся.

— Сейчас многие так живут. Ты сам в протоколах как пишешь? «На почве неприязненных отношений в состоянии алкогольного опьянения... муж насмерть забил жену. Или жена зарубила топором мужа. Сын застрелил отца. И наоборот». Нормальная, повседневная, повальная бытовуха.

— Я и говорю. На почве неприязненных отношений в состоянии алкогольного опьянения попадья задушила батюшку.

Алексей вспомнил свою встречу с жизнерадостным батюшкой у Анны.

— Сколько я знаю, отец Амвросий самостоятельно, без понуждения, ручки на себя никогда бы не наложили.

— Ну почему? — не согласился Махнев. — В неприязненных отношениях человек может оказаться по отношению к самому себе тоже. Суицида на этой почве хоть отбавляй.

Раньше поповский коттедж Алексей видел только изда- лека, сквозь сосны. Он оказался точь-в-точь как у Хлыбова, правда, в каменном исполнении. «Похоже, на проекте отец Амвросий в свое время решил сэкономить. Одолжился у соседа», — подумал Алексей.

Сотрудник милиции проводил их в одно из подсобных помещений, назначение которого понять было трудно. На бетонном полу, прямо под обрезком веревки, свисающем с потолочной балки, лежало тело, накрытое куском брезента. В стороне валялась стремянка.

Прокурор приподнял край брезента и невольно содрог- нулся. Черное, с прозеленью лицо раздулось до невероятных размеров. Глазные яблоки вылезли из глазниц, словно выдав- ленные страшной силой. Язык тоже вывалился, большой, чер- ный, прокушенный насквозь. Алексей принял его вначале за кляп, забитый в рот повешенному, и если бы не редкая борода, узнать в обезображенном трупe священника он бы не смог.

Затянутую петлю оставили на шее. Для экспертизы.

— Не веревка... целый канат, — сквозь зубы процедил Махнев. — Помучиться, видно, решил перед смертью.

Милиционер, избегая смотреть на труп, подтвердил:

— С полчаса дергался в конвульсиях. Когда супруга наш- ла его здесь, в петле, еще пальцы сжимались.

— Говорите, супругашла?

— Да.

— Кто-нибудь еще в доме был?

— Вроде нет.

— Следов волочения не обнаружили?

— Нет. Одежда тоже в порядке. Обмочился, правда.

Попадью Алексей с Махневым нашли на кухне. Она си- дела на широкой лавке подле окна, раскачивалась из стороны в сторону и в ритм движениям причитала:

«...Ты вставай-ка, друг мой милый,
Наставляй-ка меня, глупую!
Наставляй-ка на ум на разум,
Да скажи-ко своему дитятку:
Кто его поить-кормить будет?
Кто его содержать будет?
На кого-то я буду надеяться?
На какую-то я опору,
На какую-то я надежу?
Ой, скажи-ка, дружок миленький,
На кого-то ты пообиделся,
На кого-то ты оскорбился?
Не на меня ли, горьку сиротиночку,
Не на своего ли мила дитятка?..»

На появление в дверях следователя с прокурором попадья никак не отреагировала. Алексей, впрочем, отметил, что глаза у нее закрыты, и она находится то ли в трансе, то ли в шоке.

Они не сразу решились нарушить это странное (старинное, что ли?) голошение по покойному и долго стояли на пороге, с любопытством озираясь по сторонам. Кухня тоже была обустроена не совсем обычно, на крестьянский лад. Широкие, деревянные лавки вдоль стен, некрашенные. По лавкам — деревянные кадушки, берестяные вместительные бураки, твеса, видимо, для круп. Резной ларь, стол массивный, такие же табуреты. Под потолком по периметру кухни были оборудованы полки, уставленные деревянной посудой, горшками и прочей разной утварью.

Алексей постучал костяшками пальцев по косяку.

— Ольга Владимировна? Здравствуйте. Извините, но мы хотели бы задать вам пару вопросов.

Попадья тотчас открыла глаза. Глаза были сухие, блестящие и на удивление круглые. Глядела она покойно, с некоторым даже любопытством, что никак не вязалось с недавними бурными причитаниями.

— Так как? Побеседуем? Это следователь прокуратуры Роман Юрьевич Махнев. А я ваш районный прокурор. Фамилия Валяев, звать Алексей Иванович.

— Проходите, миленькие! Проходите!

Она слегка всхлипнула и живо двинулась им навстречу.

— Вот, присаживайтесь к столу. Я сейчас чаек приготовлю, попотчую вас.

Алексей с Махневым послушно сели, куда им было указано. Попадья оказалась примерно их возраста, лет тридцати с небольшим. Признаться, таких пышных и таких здоровых женских форм Алексею видеть еще не приходилось. Даже под весьма скромной, закрытой одеждой выглядела она очень нескромно, просто до неприличия, и оба гостя старались смотреть мимо.

«Батюшка наш, похоже, большой сладострастник был», — отметил про себя Алексей. Судя по выражению лица, Махнев думал то же самое.

Несмотря на явно тяжелые формы, попадья двигалась легко, с какой-то особой грацией, присущей очень полным женщинам. Вопросов не дожидаясь, говорила сама.

— С утра сегодня батюшка мой смурной встал. То ему не это, это не так. Как и угодить-то не знаю. Из рук все падает, валится... вона чашку разбил, свою любимую, да весь чай на колени. А чай каленый любит, чтобы дым изо рта валил. Ох, озлился как, да на меня... и така-то я и сяка, понарошку обварила его. Подстроила будто. Кой-как дождалась, когда

на службу уедет, в церковь, а сама и понять ничего не могу: что про что? Как с цепи, скажи, сорвался. Ой-ей!

— Разбитая чашка, наверное, не причина, чтобы с жизнью кончать? — грубовато заметил Махнев.

— Так я разве сказала, что причина? Какая ж это причина, коли чай пролил? А только душа у его, у батюшки, не на месте сделалась. Совсем другой человек стал. А уж такой обходительный да ласковый был, слова худого сроду не скажет. Все Олюшка, Олюшка, ласточка моя. А ежели не в духе когда, тогда я «матушка» у него. Матушкой называл. А тут на тебе... «кобыла неезженная», а то и вовсе «корова», прости господи! Другой человек стал, чужой будто.

— И давно так?

— Ох... дай бог памяти. Так уж месяц, поди, а то и поболее будет. Поначалу оно еще ничего, незаметно было. Да и работы у нас, голова кругом. Где там, сразу разглядеть разве? А потом примечаю: дела свои батюшка запустил, мается ходит, в углы тычется, как кутенок слепой. Забываться опять же стал. Иной раз с расспросами-то пристану: «Гришенька, а, Гришенька? Да что, де, с тобой такое? Откройся хотя, поговори с Олюшкой». А он еще и замахнется, бывало: ступай от меня така-сяка... кобыла неезжена, прости господи! Я, конечно, с глаз долой. Лишний раз стараюсь и не попадаться ему.

Матушка Ольга всхлипнула и сокрушенно прижала пухлые, в ямочках, ладони к щекам.

— Вот и думай теперь, какая такая причина у него нашлась?

Когда Алексей с Махневым наконец распрощались с хозяйкой, у обоих в животе полоскалось по полведра чаю с малиновым вареньем и медом. Словоохотливая матушка говорила много, ничего не скрывала, но было понятно, что в свои дела отец Амвросий дражайшую половину не посвящал и в ее домашние, женские заботы тоже не лез. Дух домостроя ощущался вполне.

Сегодня она услышала звук подъехавшей машины и выглянула в окно. Ей показалось, что муж вернулся на полчаса раньше обещанного. Вышел из своей «Волги», открыл ворота, загнал машину на двор. А она по-скорому занялась готовкой, чтобы успеть к его приходу. Поставила на плиту кастрюлю, и в это время зазвонил телефон. Спрашивали батюшку.

— Пошла я звать, где он там запропастился? А он, сердешный, уж на веревке висит, — закончила она свой рассказ.

Матушка Ольга довела гостей до самых ворот и простилась легким поклоном. Махнев проводил ее восхищенными глазами через весь двор. Щелкнул пальцами.

— От такой задницы человек в здравом уме и памяти в петлю не полезет. Дурак твой поп.

— А ты не теряйся. Главное, повод есть. Для визита.

— Ага. Глядишь, соседями будем, — огрызнулся тот, разглядывая из-под руки усадьбу покойного Хлыбова.

— Такие хоромы отгрохали оба. Чего людям не жилось? В прокуратуре Алексей пригласил Махнева в кабинет.

— Похоже на самоубийство. Но причину все же необходимо выяснить. Батюшка, сколько я знаю, активно приторговывал водкой и сигаретами. Видимо, по примеру московской патриархии. Вообще, занимался коммерцией, так что проверь связи. Во-вторых, поставь перед медэкспертизой вопрос: не страдал ли покойный каким-либо неизлечимым заболеванием? Типа рассеянного склероза. Проверь больничную карту, поговори с врачами. Запашок идет от этого дела дурной.

— Еще пожелания есть?

Алексей состряпал серьезную физиономию.

— Да, конечно. Попадью из вида тоже не упускай. Установи наружное наблюдение. Слишком криминальная задница. Махнев обреченно вздохнул.

— До сих пор перед глазами стоит.

Выходя из кабинета, он с недоумением покосился на загораживающий окно стальной сейф. Но промолчал.

8

Через пару дней прокурора пригласили к главе районной администрации. Располагающие нотки в голосе помощника показались подозрительны, и Алексей довольно грубо осведомился, с какой именно целью его приглашают.

Помощник главы добродушно рассмеялся:

— Как всегда, по проблемам лесопользования. Кроме того, Алексей Иванович, вас ждет небольшой, но, надеюсь, приятный сюрприз. Меня, правда, попросили заранее не сообщать.

Алексей молча положил трубку.

Проблемы лесопользования — это скорее шутка, теперь уже бородастая. Полгода назад Алексей организовал и провел настоящую военную операцию и разом прекратил на территории района бесконтрольную вырубку лесов. В операции были задействованы все силы местной милиции, инспекции рыбоохраны, егеря, общество охотников и рыболовов, воинский гарнизон, а также местный авиаотряд с парой вертолетов и тремя «кукурузниками».

Масштабы тайного разграбления лесных ресурсов произвели настоящий шок. В результате операции из лесов была

выведена целая колонна конфискованной техники: до сотни тягачей с прицепами, трелевочные трактора, валочные комбайны, вплоть до катерпиллера шведского производства. Впоследствии вся техника была реализована на местных аукционах или роздана по организациям, а порубщики из Татарии, Ставрополя, с Северного Кавказа, Украины после уплаты штрафов, по сути, в одних трусах были депортированы за пределы области.

Чтобы местная администрация не мешала проведению операции и не вставляла палки в колеса, Алексей заранее прокрутил главе администрации господину Шкурихину оперативный видеоролик, на котором был запечатлен сам глава администрации в момент получения взятки размером в двадцать тысяч долларов от заезжего предпринимателя за право вести на территории района промышленную разработку леса. После демонстрации ролика прокурор мягко намекнул г-ну Шкурихину, что если почувствует хоть какое-то противодействие с его стороны, то немедленно возбудит по данному факту уголовное дело.

Об операции под названием «Лес» много писали в областной прессе. Господин Шкурихин, желая отчасти замазать свой грех, а отчасти примазаться к победе, с подачи прокурора провел через местный совет постановление о запрете на вывоз круглого леса и торговлю им за пределами района. Торговать разрешалось только пиломатериалами и другими продуктами лесопереработки.

Это был еще один мощный удар по вору. Директора сразу нескольких леспромхозов лишились тайной статьи дохода.

Зато в районе в скором времени заработали остановленные было лесоперерабатывающие цеха, запустили мебельное производство и две импортные линии ширпотреба по глубокой переработке древесины, закупленные еще до перестройки. В результате только в районном центре дополнительно было создано около тысячи новых рабочих мест.

Акция снова попала в областную прессу. Господин Шкурихин много и со знанием дела рассказывал с телевизионных экранов об экономических выгодах, о наполнении местного бюджета, об успешном продвижении реформ в отдельно взятом районе. И, конечно, не забывал упоминать о себе.

Вскоре областная дума на очередной сессии приняла такое же точно постановление, и запрет на вывоз леса-кругляка стал действовать уже на всей территории области.

Алексей против подобных действий господина Шкурихина не возражал. В конце концов, худой мир лучше доброй ссоры.

Но это все дела полугодичной давности, и, по сути, помощник уклонился от ответа. Цель приглашения, скорее всего, последние события на Н-ском металлургическом комбинате. Алексей попросил секретаршу упаковать все заявления и жалобы на невыплату зарплат, пенсий и детских пособий в одну большую кипу. Потом достал из сейфа так называемый «хлыбовский компромат», наследство, доставшееся от предшественника, и сунул в кейс. На всякий случай.

В администрацию он опоздал почти на час. Вполне намеренно. Но ни слова упрека со стороны главы района не последовало.

— Проходите, Алексей Иванович. Проходите. Сейчас, с минуты на минуту, подойдет мэр, кое-что надо обсудить. Э-э... вам чай, кофе? А может, по стопке?

— Нет-нет. У меня до конца дня масса работы еще. А кофе... пожалуй.

Шкурихин выглянул за дверь, распорядиться. Потом вернулся и сел напротив, видимо, подчеркивая таким образом, что беседа будет неофициальной.

— Алексей Иванович, вы, вероятно, в курсе, наши военные на днях сдали в эксплуатацию стоквартирный жилой дом. Это на улице Свердлова, тот самый. Собственно, строили они для себя, но не без нашей помощи и не без нашего на то согласия. Вы понимаете?

— Пока нет, — Алексей улыбнулся.

— По договору несколько квартир в этом доме принадлежат городу. Вчера мы посоветовались с нашим мэром... Кстати, вот и он, собственной персоной. Присаживайтесь, Эдуард Семенович.

Алексей через стол обменялся с мэром рукопожатиями. Подождали, пока он устроится на стуле.

— Я как раз рассказываю Алексею Ивановичу, что мэрия располагает на сегодня несколькими квартирами.

— Всего тремя, Леонид Матвеевич, всего тремя! — решительно запротестовал мэр.

— Да, негусто, — согласился Шкурихин. — Так вот, мы вчера посоветовались с Эдуардом Семеновичем и решили, что вам, Алексей Иванович, пора предоставлять жилье. Вопрос, как говорится, созрел.

— Даже перезрел, — охотно поправил мэр.

— Два года в гостиничном номере... по существу, в общежитии для прокурора района уже несолидно. Да и нам чести это не делает. Ну, а поскольку вы человек молодой, и женщины, мы знаем, вас любят, то квартиру мы решили вам предоставить, что называется, на вырост.

Мэр рассмеялся.

— Нет-нет, Леонид Матвеевич! Просто другого такого случая может больше не быть. Разве что за очень-очень большие деньги.

— Короче, на ваш выбор, Алексей Иванович, любую. Либо трех, либо четырехкомнатную. Кстати, обе на третьем этаже.

Четырехкомнатная квартира при местной норме семь метров жилой площади на человека, это, конечно, взятка. Алексей едва не рассмеялся, вспомнив собственные рассуждения, что если его захотят купить, то, наверняка, выделят квартиру. А чтобы он понял, что это не просто квартира, и не принял подарок за должное, квартира будет как минимум трехкомнатная.

Попадание, что называется, в самую десятку.

С другой стороны, значит ли это, что ни мэр, ни глава администрации к «заказухе» не имеют отношения? Тогда кто?.. Из каких источников Бортникову стало известно, что он прокрутил Шкурихину ролик с оперативной съемкой? Демонстрация ролика проходила с глазу на глаз. Здесь, в этом кабинете. Стало быть, утечка информации могла произойти только по вине (или по желанию) самого Шкурихина. Такое желание могло возникнуть у него, например, в том случае, если ему пришлось объяснять кому-то, что оказался на крючке у прокурора и вынужден выйти из игры...

Мэр и глава администрации района, озадаченные затянувшимся молчанием, переглянулись.

— Алексей Иванович, вы как будто не рады?

— Что вы, Эдуард Семенович? — прокурор широко улыбнулся. — Рад, слов нет. Хотя четырехкомнатной рад больше.

Собеседники вежливо посмеялись, и мэр эффектным жестом положил на стол перед прокурором ордер на квартиру.

— Вам, дорогой Алексей Иванович, остается только вписать свою фамилию. И квартира ваша.

Все трое сердечно пожали друг другу руки.

«Наверное, господину Шкурихину до слез жаль, что он не может зафиксировать на видео районного прокурора в момент получения взятки, поскольку взяткодателем является он сам. А это статья 174 УК РФ от трех до восьми лет лишения свободы» — с удовольствием предположил Алексей.

— Леонид Матвеевич, Эдуард Семенович, я бы хотел с вами посоветоваться. На днях вдова покойного Вениамина Гавриловича Хлыбова принесла в прокуратуру вот эту папку. Делала, кажется, уборку и наткнулась на...

Прокурор запнулся, как бы подыскивая подходящее слово.

— ...На архив. Мне кажется, вы, Леонид Матвеевич, и вы,

Эдуард Семенович, должны ознакомиться с бумагами и решить, что нам с ними делать.

Судя по мгновенной реакции, оба собеседника тотчас поняли, о каком «архиве» идет речь. Тем более что являлись там не последними фигурантами.

Алексей небрежно выложил папку на стол.

— А вы, Алексей Иванович, — Шкурихин остро глянул прокурору в глаза, — какое-то мнение уже составили для себя?

— Ну, в общем, да. Многие документы, я считаю, с тех пор утратили свою актуальность. Другие требуют соответствующего контекста. Хотя есть и явная уголовщина. Но об этом разговор отдельный.

Прокурор не особенно лукавил. При нынешних масштабах хищений все, что наковырял в свое время предшественник, выглядело не более чем детскими шалостями. Однако по мнению самих фигурантов блуждающая папка с компроматом несла несомненную угрозу и постепенно обрастала своего рода тротильным эквивалентом. Никто не знал, когда, где и по какому поводу рванет. Косились, конечно, на прокурора, поэтому он с удовольствием «бомбу» сегодня вручил и в определенном смысле произвел расчет за квартиру.

Судя по тому, что Шкурихин сразу сунул папку себе в стол, его так и подмывало проверить ее содержимое. Алексей тоже демонстративно положил ордер в кейс. Щелкнул замками.

— Алексей Иванович, вы слышали о происшествии на комбинате?

Шкурихин сел на свое место во главе стола, давая понять, что неофициальная часть беседы закончена и пора перейти к делам.

— А что именно?

— Рабочие избили охрану директора комбината. Причем прямо в приемной.

— Возмутительный случай, — мэр сокрушенно развел руками.

— Извините, Леонид Матвеевич, вы не совсем верно информированы. Рабочие комбината не первый месяц добиваются встречи с генеральным директором господином Ковалевым. До сих пор абсолютно безуспешно. Вчера делегация из пяти человек, в приемные часы, заметьте, битых полтора часа дожидалась аудиенции. Но охрана наотрез отказалась хотя бы известить господина Ковалева, что встречи с ним ждут выборные представители трудового коллектива. После уговоров последовала словесная перепалка, и один из охранников, обидевшись на «быка», ударил молодого рабочего резиновой дубинкой.

Для сведения скажу: удар милицейской дубины обрушится на жертву с силой до 120 килограммов на один квадратный сантиметр. Рабочий с окровавленной головой упал на пол, и сейчас врачи не знают, удастся ли спасти глаз.

В результате началась потасовка, причем в ход снова пошли дубинки. Из коридора на помощь пострадавшим ворвались еще несколько человек, сопровождающие, и посадили обоих охранников на зад. Местная казнь, как я понимаю.

— Охранники сейчас в больнице. Травмы позвоночника, у того и у другого.

— Пока шла потасовка, господин Ковалев, главный виновник случившегося, через запасной выход покинул здание управления. Кстати, оба охранника в прошлом имеют судимости, а у одного из них при себе оказалось огнестрельное оружие. Незарегистрированное. По этому факту милиция возбуждает уголовное дело.

— Алексей Иванович, — В голосе главы администрации слышались доверительные нотки. — Мы вроде начали находить с вами общий язык...

Алексей молчал.

— Ладно, бог с ней, с охраной. Тем более судимые. Но генерального директора комбината Ковалева, согласитесь, можно понять. Все, что мог, он уже сказал людям. Добавить просто нечего. Комбинат задыхается от нехватки оборотных средств. Повсюду неплатежи, взаимозачеты. Бартер... уже в зубах навяз. Заводы-поставщики хронически простаивают. Некоторые ингредиенты для производства металла сейчас можно купить только за границей, на валюту. Да мы нашему Ковалеву должны в ножки поклониться, что комбинат худо-бедно еще работает. В конце концов он не может в счет зарплаты рассчитывать с коллективом металлопрокатом. Безвыходное положение, а мы с вами продолжаем загонять его в угол. Согласитесь, это не дело?

— К сожалению, Леонид Матвеевич, еще раз вынужден повторить: вы не совсем правильно информированы. Комбинат, действительно, работает худо-бедно. Но даже сейчас удельный вес заработной платы коллектива в общем объеме произведенной продукции составляет всего 4—5 процентов. Даже сейчас. И одну пятую от той суммы, которая разворачивается в течение последних полутора лет. Так что платить есть чем.

Шкурихин смотрел в сторону с каменным выражением лица. Мэр что-то черкал в блокноте и не встречал.

— Все сказанное я могу подтвердить документально, — с доверительными нотками в голосе продолжал Алексей. — У меня есть протоколы ревизионной комиссии, многочислен-

ные акты проверок. Если необходимо, пожалуйста, я могу подготовить подробный отчет об истинном положении дел на комбинате. Тогда нашему Ковалеву трудно будет вешать нам лапшу на уши.

Алексей извинился и выглянул в приемную. Обратно вернулся с кипой жалоб.

— Очередная порция, Леонид Матвеевич. Пока читаешь, поседеть можно.

Тот вяло махнул рукой.

— Мне дальше сидеть некуда.

— Кстати, Эдуард Семенович, — Алексей повернулся к мэру, — с бюджетниками у нас еще хуже. Ни зарплат, ни пенсий, ни детских пособий.

Мэр с сокрушенным видом закивал.

— Знаю, знаю! Положение просто катастрофическое...

В общих чертах, но очень дельно, по существу мэр проанализировал положение с бюджетным финансированием в районе, поделился планами на будущее, высказал искреннюю озабоченность нуждами местного населения и в конце даже пошутил, что в России легко быть только мэром Москвы, сидя на бесконтрольных денежных потоках.

Мэр был прав, или почти прав. То, что восемьдесят процентов бюджетных денег разворовывается в Москве, сегодня знает даже ребенок. Остальное, что Москва не успела «освоить», доворовывают в провинции. Вот эти сидящие перед ним люди на днях поделили между собой четверть миллиарда бюджетных средств. Вернее, процент от банковских операций с бюджетными деньгами,

— Эдуард Семенович, — прокурор жестом остановил разговорчивого мэра. — Вы, может быть, слышали? Вчера с балкона пятого этажа выбросилась женщина. Ей было семьдесят пять лет. Заслуженный учитель. Ветеран войны и труда.

Мэр, недоумевая, развел руками.

— Трапезникова Софья Михайловна. Эта фамилия вам что-нибудь говорит?

— Да, да! Что-то такое припоминаю, кажется...

— Ваша учительница, Эдуард Семенович, бог с вами. Вот здесь, — прокурор похлопал по кипе, — от нее лежит письмо. Полгода женщине не приносили пенсию. За неуплату вначале отключили телефон, потом свет. В письме она перечисляет известных людей, которых учила, воспитывала, в том числе вас, и просила рассказать вам о ее бедственном положении.

На полном лице мэра проступила испарина.

— Алексей Иванович, вы так говорите, словно я... В конце

концов, у нее же были какие-то родственники? Соседи, наконец? Зачем так сразу... с балкона?

— Родственников нет, Эдуард Семенович. К тому же едва передвигалась. После нее осталась записка, в которой Софья Михайловна просит, если дадут пенсию, раздать соседям и знакомым накопившиеся долги. И список, кому она должна, сколько должна. Извиняется за задержку.

Мэр сокрушенно покачал головой.

— Ужасный случай, конечно. Но если б мы знали, то, сами понимаете, человека в беде никогда бы не оставили. Это исключено.

9

Алексей, пользуясь случаем, решил пообедать здесь, в здании администрации. Он пересек вестибюль и мимо газетного лотка спустился в цокольную часть правого крыла, где располагалась столовая. Обеденное время заканчивалось, и Алексей, набрав поднос, в одиночестве уселся за крайний столик, в углу. На мгновение он почувствовал себя совершенно разбитым, как будто в течение дня разгружал вагоны с цементом. Он посидел некоторое время с закрытыми глазами и нехотя принялся за еду, не ощущая ее вкуса. В голове крутились обрывки мыслей.

...Достичь взаимопонимания с неуправляемым прокурором мэру и главе администрации в очередной раз не удалось. Хотя, как выразился Шкурихин, мы вроде начали находить с вами общий язык.

Начали, но не нашли. Хотя четырехкомнатная квартира — достаточно серьезный повод для взаимопонимания...

Наверняка, пока он тут пережевывает пищу, господин Шкурихин лихорадочно просматривает «хлыбовский компромат». Легендарный... Хха! Сокровища капитана Флинта...

Квартира в обмен на устаревший морально компромат — это не просто неэквивалентный обмен. Со стороны прокурора это факт мошенничества. Все равно что подсунуть лоху «куклу» с нарезанной вместо денег бумагой. Хотя, с другой стороны, как посмотреть? Если компромат во время избирательной кампании попадет в руки конкурентов и будет опубликован, то исход выборов можно предсказывать заранее...

Однако в отношении мэра и главы администрации подозрения, пожалуй, излишни. Зачем пытаться подкупать человека, которого заказали?

Тогда кто?.. Или Игорь Бортников все же блефует?

Алексей даже поперхнулся, когда эта мысль пришла ему

в голову. Почему он решил, что Бортников должен играть на его стороне? Нынешние действия прокурора-законника здесь грозят развалить хорошо отлаженное, высокодоходное «дело» там. Дело, с которого сам Игорь Бортников, кажется, имеет неплохие дивиденды.

Применительно к подлости, самый простой ход — по-дружески предупредить прокурора о мнимом «заказе», чтобы тот хорошо подумал и поумерил прыти. Пусть эта мысль ядом проникнет ему в кровь, пропитает страхом, не дает покоя ни днем, ни ночью. Чтобы прокурор начал шарахаться от каждого встречного, вздрагивал при любом подозрительном жесте, шорохе. Даже в бане, в парилку, пусть ходит в бронежилете...

Единственный недостаток версии — сам Игорь Бортников. Слишком долго и слишком хорошо они знакомы, чтобы в отношении него Игорь действовал именно так.

Правда, возможен другой вариант. Теперь уже применительно к благородству. Скажем, добрейший Юрий Михайлович Кац, глава «бюджетного» банка, всерьез обсуждал с начальником службы охраны «заказуху» на сволочь-прокурора. Если бы Игорь отказался, то, во-первых, его бы не поняли, а во-вторых, заказ ушел бы к другому организатору (исполнителю). Поэтому, спасая друга, Игорь предложил добрейшему Юрию Михайловичу просто-напросто... пугнуть. И посмотреть, что из этого выйдет. Зачем раньше времени брать на себя грех? Прокурор сломается сам, не железный.

В заключение, помнится, Игорь дал ему бесплатный совет: подавай срочно в отставку и уноси отсюда ноги. Хороший совет. Бесплатный и благородный...

Алексей поднялся из-за стола и отнес поднос с посудой в мойку. Версия о благородстве тоже вызывала у него немало сомнений.

Он вышел из здания администрации и, не спеша, двинулся в сторону прокуратуры. Погода стояла замечательная. Было тихо, безветренно, безоблачно, как это всегда бывает в дни бабьего лета. В воздухе плавали тончайшие паутинки и липли к лицу.

Неожиданный шорох шин за спиной заставил его вздрогнуть. Алексей сделал резкий шаг назад, в сторону и сунул руку в карман куртки...

Рядом с тротуаром тормознула бежевая «шестерка», и из салона высунулась усатая физиономия. Азербайджанцы... из торгашей. Еще двое в обнимку с какой-то шлюхой развалились на заднем сиденье. Алексей обмяк. Но заячьи скачки не остались не замеченными и, видимо, развеселили водителя. Он ухмыльнулся, сверкнув из-под усов золотой фиксой.

— Э! Земеляк! Иды сюда, нэ бойся. — Щелчком отправил в сторону Алексея дымящий окурок. — Это какой улиц, название?

— Эта улиц... проспекты Гэйдар Алиев. Следующий улиц, поперек, Буль-Буль оглы. А город Баку, придурок.

Трое усов в салоне угрожающе зашевелились. Алексей бросил папку на тротуар и шагнул навстречу, готовясь прыгнуть. Как только дверца откроется, любая, первый же таракан, будет раздавлен в притворе.

«Шестерка» вдруг взвыла двигателем и, оставив на асфальте черный след, скрылась с поля боя. Носком башмака Алексей зафутболил вслед смятую банку из-под пива.

Внезапные приступы ярости — это был дурной признак. Яд, несомненно, начинал проникать в кровь. Алексей подобрал папку и пошел прочь.

В дверях приемной Алексей столкнулся со следователем Соковниным. Хмуро буркнул:

— Зайди.

Вслед за прокурором Соковнин зашел в кабинет и сел. Как и Махнев, он тоже с недоумением уставился на нелепо стоящий напротив окна стальной сейф. И тоже ничего не сказал. Алексей перехватил его взгляд, фыркнул.

— Ты бы хоть спросил, какого черта он тут делает?

Следователь невозмутимо кивнул.

— Какого черта он тут делает?

— А вот не скажу. Любопытный нашелся... мать вашу!

Следователь невозмутимо пожал плечами.

— Вот поэтому и не спрашиваю.

— Ладно... остряк. Что там у нас по делу о поджоге? Новости есть?

— Есть. Свидетель Яковлева, которая якобы видела, как пенсионер поджег машину инспектора ГАИ, на самом деле в момент поджога находилась совсем в другом месте. Есть люди, которые были в это время с ней рядом и могут это подтвердить. При выезде на место Яковлева не смогла указать точно, где стояла машина, и путалась в показаниях.

— Чья она родственница? Установил?

— В первую очередь. Оказалась двоюродной сестрой жены начальника уголовного розыска майора Черемных.

— Наконец-то! — Прокурор в сердцах ударил ладонью по столу. — Теперь можно брать этого кота за жопу.

Следователь согласился.

— По-топорному сработано. Потерял бдительность.

— Еще бы! Три раза подряд с рук сходило. Эта Яковлева, родственница, дает показания?

— Раскрутил потихоньку. Дама всю жизнь в торговой сети проработала, опыт имеет. Пообещал, что предъявлю обвинение по полной программе, 181 часть 3, до семи лет лишения свободы.

— Что заставило Яковлеву лжесвидетельствовать?

— Деньги. Сторговались на тысяче долларов. После смерти жены этого пенсионера с квартирой сразу взяли в оперативную разработку. Знали, что дочь настаивает на приватизации, и отец ей вроде пообещал. Пришлось форсировать события.

— И тут откуда ни возьмись поджог?

— Вот именно. Плюс канистра с бензином. Плюс лжесвидетель. Плюс мотив личной мести и чистосердечные признания обвиняемого. Все, квартира наша.

— Думаешь, поджог инсценирован?

— Думаю, да. После того, как гаишники избили пьяного опера за рулем, между ними идет война. Хотя поджог доказать будет трудно.

— Время было не позднее, свидетели где-то есть... А ты попробуй вычислить информатора, кто мог знать о разговоре дочери с отцом по поводу приватизации. Этот человек из числа близких знакомых Шубина и, наверняка, присутствовал на поминках. Подними старые дела, по крайней мере узнаем, кому отошли квартиры осужденных. Попробуем пересмотреть в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Кот наверняка засуетится, начнет вставлять палки в колеса, тогда немедленно оформляем под стражу.

— Уже засуетился.

— Уже?

— Вчера, случайно якобы, столкнулись на улице. Нос к носу. Твой начальник, говорит, фигура временная. Пришел — ушел. Или ушли, а тебе, Вася, здесь жить, поэтому хорошо подумай, прежде чем ссориться.

— Гм?

— Черемных надо брать под стражу сейчас. Иначе дело нам развалит.

— Да, возможности такие у него есть. Но смотри, Вася, тебе здесь жить.

Соковнин ногтем выбил из пачки сигарету, помял в пальцах.

— Именно поэтому кота надо брать.

— Ладно, иди. Готовь постановление.

Алексей проводил следователя и в раздумье остановился посреди кабинета. После их встречи с Бортниковым прошло полторы недели. Срок, чтобы грохнуть прокурора, достаточный. Но несмотря на осторожность и на принимаемые меры,

ничего подозрительного в отношении себя за это время он не обнаружил. Никто за ним, кажется, не следил, в подъезде или около не дежурил, попыток проникновения в квартиру тоже не было. Зато ожидание, что тебя вот-вот шлепнут, а ты даже не знаешь, кто, где и когда — не из самых приятных.

В выходные, желая спровоцировать гипотетического киллера на попытку, Алексей совершил вылазку в лес за грибами. Машину оставлял на обочине, обходил с корзиной в руках придорожные кусты, опушки, полянки, вновь возвращался к машине и переезжал на другое место.

«Подстава» однако не сработала. Тогда он сделал иначе. Тормознул «УАЗ» посреди дороги, выставил аварийные знаки и сделал вид, что устраняет поломку. Иногда голосовал проезжающим мимо машинам. Голосовал и «ремонтировал» битых два часа, но и на этот раз не сработало.

...Если Игорь не блефовал, то во всяком случае добросовестно заблуждался. Из куцей магнитофонной записи однозначно не следовало, что Алексея «заказали» и что «заказали» именно его. Что означает, «он свое откукарекал... вопрос решается»? Ну и что? Вопрос решаться может по-разному. Например, дали квартиру и тем самым заткнули рот. При условии опять же, что речь шла о нем, а не о ком-то еще...

Алексей стащил с себя куртку, бросил в кресло. Расстегнул и снял бронежилет. «Макаров» переложил в ящик стола, чувствуя себя при этом если не идиотом, то мальчишкой, играющим в «казаки-разбойники». Да еще этот дурацкий сейф в окне. Спущенные гардины... Тьфу!

Он перегрузил доспехи в шкаф, обо что-то расцарапал себе руку до крови, пнул шкаф ногой и вышел в приемную.

— Людочка Васильевна, пластырь есть? Или кусок бинта на худой конец?

— О боже, что это с вами?

— Производственная травма. Не везет мне сегодня, — пожаловался он.

У Людочки Васильевны, конечно, было все: йод, вата, бинт, пластырь. И длинные, ухоженные пальчики. Весьма заурядный акт медицинской помощи она умудрилась превратить в волнующее и трепетное действо. Несколько ласковых прикосновений, тревожный взгляд, глаза в глаза... не больно ли? Не беспокоит ли повязка? И бедолага-прокурор почти физически ощутил, как ожесточение и агрессия, скопившиеся за последние несколько дней, слезают с него, будто змеиная шкура в период линьки. Хотя, подумал он, вполне может статься, что действо сотворила не она, а он сам, одичавший от одиночества и долбаной прокурорской работы.

«Сейчас, ей-богу, замурлыкаю», — обреченно подумал Алексей и, набравшись наглости, положил ладонь на круглое, соблазнительное колено.

Реакции однако не последовало. Никакой. Как будто его рука лежала не на колене, а на подлокотнике. «А может, она лежит там, где ей положено лежать?» — продолжал наглеть бедолага-прокурор и передвинул руку чуть выше. Длинные ресницы дрогнули, но взгляд ушел в сторону, на неплотно прикрытую дверь.

— Алексей Иванович, вы нарочно расцарапали себе руку?

— Теперь даже не знаю, — искренне усомнился он и отправился в кабинет.

В конце рабочего дня, облачаясь в доспехи, Алексей вновь почувствовал, как что-то царапнуло ему руку. «Что за черт!» — выругался он и внимательно осмотрел бронежилет со всех сторон. Сзади из-под обшивки торчала какая-то заклепка. Оцарапаться о заклепку было невозможно, но хваленый израильский бронежилет явно оказался с брачком.

Он пошатал заклепку из стороны в сторону, она ходила свободно. Потянул и — удивился. В пальцах у него оказалась обычная колесная спица. Скорее всего, от велосипеда. Возможно, мотоциклетная?.. Но уже в следующую секунду он понял, что это за спица. Конец у нее был остро отточен, как игла. Жало слегка погнуто...

Заточка, образца пятидесятих!

Выходит, попытка была? Его убивали, а он даже не заметил. Алексей нервным жестом взъерошил волосы и заходил по кабинету. Несколько успокоившись, принялся размышлять...

Удар... толчок сзади, со спины? Когда это могло случиться? Обычно спицей мокрушники орудовали в толпе, в давке. Спица легко входит в тело, как в масло. Через почки, кишечник, мочевой пузырь протыкает человека насквозь. И жертва не сразу соображает, что случилось, даже ощупывает себя. За это время преступник успевает раствориться в толпе.

Толпа... давка? Когда он за последние дни оказывался в толпе?

Магазины?.. В магазинах почти всегда многолюдно. Но это не толпа, тем более не давка. И потом, по логике, спица должна была пройти сквозь куртку, скользнуть по пластинам бронежилета и уйти под обшивку. Шляпка спицы должна торчать поверх куртки, тем более что ткань плотная.

Алексей рассмотрел свой пыльник со всех сторон, но никаких следов разрыва, никакого отверстия не обнаружил.

Странно? Без куртки, в одном бронежилете он ни разу

нигде не появлялся. Удара тоже не помнит... хотя, чтобы проткнуть человека спицей, большого усилия прилагать нет необходимости. И бронежилет тоже — загасил удар. Распределил по всей площади...

Что если в момент покушения куртка на нем задралась? В каком случае она могла задраться? Когда он шнуровал туфли?

И вдруг Алексей вспомнил!

... Маршрутный автобус два дня назад! Машины на месте как всегда не оказалось, и ему пришлось добираться с нижнего склада леспромхоза на общественном транспорте. Кое-как он втиснулся в салон последним... Нет! Предпоследним. Водитель не сразу сумел закрыть дверь, Алексея зажало в притворе... Вот тогда был толчок! Сзади. Один пассажир остался на остановке.

Почувствовав толчок, Алексей оглянулся и понял так, что оставшийся пытается запахнуть его, чтобы закрылись двери. Его еще удивило, что у мужчины на руке была надета перчатка.

Это он! Оставшийся на остановке мужчина, безусловно, киллер. Перчатка на руке, чтобы при ударе не проткнуть ладонь себе. Хотя спица имеет шляпку, но шляпка — это не рукоять, травма неизбежна.

10

Итак, киллер...

Алексей взял лист бумаги, карандаш и попытался набросать приблизительный портрет мужчины в возрасте 40—45 лет.

Контур лица? Лицо скорее овальное... средней полноты.

Небритость. С учетом, что мужчина брюнет, щетине дня три-четыре сроку. Приезжий? Вовсе не обязательно.

На подбородке небольшой шрам, сантиметра полтора. Хорошая примета. Возможно, щетина понадобилась, чтобы скрыть шрам.

Подбородок острый.

Губы? Губы... были поджаты... примерно, вот так.

Нос вздернутый, так что видны ноздри. Треугольник, кажется.

Глаза карие, узко посаженные. Маленькие глаза.

И... и все. Дальше кепка, надвинутая на глаза, обычная, из плащевки серого цвета. С пуговкой. Не новая. Уши? Уши не разглядел. Но, кажется, были небольшие бачки. Одежду тоже не разглядел... что-то темно-серое, вроде куртки.

— Мда... Не густо. Но рожа получилась еще та. Типичный уголовник. Сейчас бы эту рожу в распечатку и в милицию,

раздать всем патрульным службам, в уголовку. Но где гарантия, что не сами вертухаи сообразили на него «заказуху»? Скажем, господин Черемных, начальник отдела уголовного розыска? Если все так, то пока одни вертухаи будут искать, другие в это самое время начнут прятать концы в воду.

Поехать самому в область и пошарить по системам учета?

Погоди, прокурор, не суетись. Попробуй поставить себя на место преступника. Во-первых, преступник знает, что попытка не удалась. Прокурор жив, а, стало быть, «заказ» не выполнен. Во-вторых, он знает, что прокурор его видел. Возможно, запомнил. В-третьих, преступник наверняка понял, что на прокуроре был бронежилет. Поэтому он вправе предположить, что прокурор чего-то опасается. Возможно, знает о готовящемся покушении. В-четвертых, поведение прокурора на улице, в общественных местах, если преступник за ним следил, это предположение лишний раз подтверждает. Не потому ли орудием убийства он избрал в конце концов именно спицу?

В-пятых, после покушения на прокурора органы должны объявить большой шмон. Введут план «Перехват», выставят усиленные посты, зашныряют «мигалки» и т.д. Ничего этого нет...

Итак, каким образом начнет рассуждать преступник, исходя из этих реалий?

За неудачное покушение, за то, что «засветился» и «сделал ноги», его тут же ликвидируют. Слишком серьезная угроза для заказчика. Даже в том случае, если киллер не имел в прошлом судимости и по системам учета не проходит. Но, судя по роже и по заточке образца пятидесятых, этот имеет и то, и другое.

Скорее всего, ставить в известность заказчика относительно неудавшейся попытки он не будет. Возможно, ляжет на дно дня на три, на четыре и попытается выяснить ситуацию, что происходит? Пока в городе тихо, менты землю не роют, значит, прокурор даже не понял, что его убивали. И это, в общем и целом, соответствует действительности.

Почему прокурор не понял или сделал вид, что не понял — еще один вопрос. Даже два.

Наверняка преступник будет иметь в виду более опасный для себя вариант, а именно: прокурор сделал вид, что не понял. В этом случае вывод напрашивается сам собой: он намерен выйти на заказчика и киллер нужен ему живьем. Значит, разрабатывать киллера будут втихую — засады, ловушки, скрытное наблюдение. Обязательно проверят по системам учета (если прокурор его запомнил) и — вся информация

вплоть до домашнего адреса и фотоморды с пальчиками окажется у ментов на столе.

Преступник таким образом оказался довольно в сложном положении. Направо пойдешь — убиту быть, налево пойдешь — тоже убиту быть.

Единственный, пожалуй, выход — ломить напрямую. Это значит выполнить «заказ» и тем самым ликвидировать свидетеля, который знает тебя в лицо. Сделать это надо как можно скорее, пока прокурор не расчихал, а милицейская мясорубка не начала набирать обороты в сторону исполнителя. Будь Алексей на его месте, он стоял бы сейчас в темноте, за углом, и стрелял прокурору только в голову. В упор.

Теперь понятно, почему субботняя вылазка в лес за грибами не сработала. Покушение состоялось в пятницу, во второй половине дня, поэтому субботу-воскресенье убийца отсиживался в норе. Выжидал. Зато сегодня-завтра он снова выйдет на охоту. Если, конечно, не совсем дурак.

... Каким должно быть противоядие? Собственно говоря, выбор у него тоже не велик. Если он поставит сейчас всех на рога, размножит и разошлет ориентировку, сделает запросы и т.д., киллера уберут без промедления, и ниточка к заказчику оборвется. Это значит, что через некоторое время появится другой исполнитель, и на этот раз прокурор даже не узнает, что его убили. Но если прокурор будет вести себя по-прежнему, полагаясь только на себя, то неизбежно напорется на выстрел из темноты. В лоб. Или в затылок. Тут преимущество за убийцей. Второй раз на глаза ему он даже не покажется.

Словом, то же самое. Направо пойдешь — убиту быть, и налево — убиту...

Есть, правда, еще путь — исчезнуть из поля зрения преступника. Прямо сейчас, на глазах. Завтра, в конце дня, снова исчезнуть. И послезавтра. И послепослезавтра... Пусть он забеспокоится, выйдет из темноты на свет. Время работает против него, и он, конечно же, спешит.

Но все равно без пары хороших оперативников ему не обойтись.

— Алексей Иванович, вы ночевать здесь не собираетесь? Начало восьмого.

Секретарша стояла в дверях и с откровенным любопытством разглядывала лежащий на столе бронежилет.

— Зачем вам это? Вы хотите надеть?

— Людочка Васильевна, мне нужна ваша помощь.

— Между прочим, это входит в мои служебные обязанности.

Алексей рассмеялся.

— Нет-нет? Не в службу, а в дружбу. В отличие от меня, вы — человек местный. Наверняка у вас есть кто-то, кто сдаст дня на три, на четыре комнату. Или квартиру.

— Квартира нужна вам?

— Да.

— И как скоро?

Алексей задумался. Подставлять Анну он не хотел. Если преступник станет его выслеживать, то в первую очередь у нее.

— Сегодня я как-нибудь перекантуюсь. А вот завтра желательно что-то придумать.

— Вы от кого-то скрываетесь? — Алексей скромно потупил глаза.

— От бывшей жены. Ревнивая до жути.

— Она пытается вас пристрелить?

— Ей это ничего не стоит. Она способна на все.

— Поэтому вы спрятались за сейф? И носите под курткой бронежилет?

— Ну... да, в общем. Так и есть.

— А в кармане куртки у несчастного бывшего мужа пистолет. Чтобы отстреливаться от ревливой жены?

— Черт! — От изумления у прокурора глаза полезли на лоб. — Людочка Васильевна, да вы знаете про мою семейную жизнь абсолютно все. Я потрясен!

Но женщина шуточный тон не приняла.

— Милейший Алексей Иванович, не надо держать меня за дурачку. Вы, наверное, забыли, в нашей прокуратуре от рук ревнивых жен уже погибли два человека, Шуляк и Хлыбов. И этот сейф однажды здесь уже стоял.

Логика была убийственная. Прокурору пришлось сдаться.

— Мат! — объявил он, поднимая руки. — Людмила Васильевна, дорогая, почему бы вам не перейти на следственную работу? Вакансия у нас есть.

— Исключено.

— Почему, если не секрет?

— Потому что, в отличие от вас, меня преступники не интересуют.

— Жаль. Искренне жаль.

— Ничего вам не жаль. Вы просто уходите от ответа. — Алексей встал и подошел к ней вплотную.

— Людмила Васильевна, — он заглянул ей в глаза, — вы абсолютно правы. Но давайте забудем на время этот разговор. Просто мне будет легче справиться с проблемой самому. А вы, если не против, помогите. Молча, без расспросов. Хорошо?

Она с сомнением покачала головой.

— Вы глупый, самонадеянный мужик. Мне тоже вас жаль. До слез.

— Э! Да вы и впрямь плачете!

— Оплакиваю... заранее, — она всхлипнула.

— Ну, ну, ну... — Алексей приобнял ее за плечи. — Это вы зря. Зря! Я еще живой, ласточка.

— У вас врагов больше, чем у Шуляка и Хлыбова вместе взятых.

— Это комплимент?

— Да бог с вами! Я же говорю: вы глупый, самонадеянный мужик.

— Это еще один комплимент, — самодовольно сказал он.

— Как хотите.

Она помолчала и несколько неуверенным тоном предложила:

— На неделю квартиру вам, я думаю, подыщу. А сегодня, если это удобно, я могу пригласить вас к себе.

Алексей изумленно вскинул бровь.

— Дом частный, на отшибе. Ревнивая жена не скоро вас разыщет.

— Чудная мысль! — восхитился он. — Только не обещаю, что не стану к вам приставать.

— Да, обещать лучше не стоит.

Ну что ж, подумал Алексей, когда-нибудь это все равно должно было случиться. Так почему бы не случиться этому сегодня? Пока он еще жив.

— Людочка Васильевна, вот ключи от машины. Вы, я знаю, водите. Сейчас вы садитесь в машину и ждете меня возле магазина «Корвет» на Карла Либкнехта. И вот деньги. Если вы не против, устроим себе небольшой семейный праздник.

— А вы?

— Мы же договорились? Вы помогаете молча и без расспросов. Так?

Она кивнула.

— Хорошо. Я буду ждать. Молча и без расспросов. — Оставшись один, Алексей набрал номер.

— Алле? Витек? Вечер добрый... Да, я. Будь добр, выгляни покурить. На предмет посторонних... Да. Выхожу.

Алексей напялил доспехи. Сунул в карман пистолет и вышел из прокуратуры. Огляделся. Сумерки начинали сгущаться. Народу на улицах явно поубавилось, и это, пожалуй, было к лучшему. Стараясь держаться подальше от подъездов, от подворотен и от углов, он шел по краю проезжей части.

Догоняющие машины пережидал, обернувшись лицом и держа палец на предохранителе.

Витек, сосед с первого этажа, сидел на скамейке у подъезда. Курил. Они познакомились возле мусорных баков, зимой. Оба вышли с красными ведрами и, главное, в одинаковых тельняшках. Посмеялись и в тот же вечер усидели пару бутылок водки. Парень оказался просто золотой.

Алексей подошел, пожал руку.

— Ну, как?

— Да вроде никого.

— А наверху?

— Смотрел. Нету.

— Ладно. Ты докури, а я подожду возле двери.

— Да у меня открыто, проходи. Кстати, Ленка грибами накормит. Твоими.

Алексей сделал вид, что прощается, и скрылся в подъезде. Через пару минут он выбрался через окно во двор, благо, что кусты поднялись вровень с окнами, и исчез в быстро сгущающихся сумерках. Правда, сосед не без ехидства осведомился:

— Ты от кого бегаешь? От ментов или от бандитов?

— Когда узнаю, скажу.

— Ну, беги, беги. Они скоро с собаками тебя гонять будут.

...Людочка Васильевна поставила машину очень грамотно, в тени, так что он не сразу даже заметил. Когда Алексей открыл дверцу и уселся на заднем сиденье, она вздохнула с явным облегчением.

«Странно, — подумал он. — Кажется, в окне был свет? Вернее, ответ из прихожей?»

— Что-то случилось?

— Пока не знаю, — машинально ответил он. — Ума не приложу. Э?.. Так мы едем? Нет?

— Конечно.

Она осторожно, по-женски, вырулила на дорогу. Алексей, чтобы не торчать на виду, лег на сиденье на спину и закрыл глаза. «Наверное, я сам забыл выключить свет, когда уходил утром», — решил он.

Машина запрыгала на ухабах, и Алексей ударился коленом о дверь.

— Мне кажется, мы едем в другую сторону?

— Да, в другую. Я не хочу, чтобы ваша ревнивая жена испортила наш маленький семейный праздник.

— Я тоже.

Он не заметил, как задремал, и очнулся только, когда заглох двигатель. Свет в салоне горел. Дверцы были распахнуты.

Алексей провел ладонью по лицу, приходя в себя, и выбрался наружу.

— Приехали... соня.

Машина стояла во дворе, под крышей с сеновалом, почти упираясь радиатором в небольшую, аккуратную поленницу дров. Людочка Васильевна, напирая изо всех сил на тяжелые створы, пыталась задвинуть засов. Алексей чмокнул раскрасневшуюся от усилий даму в щеку. Запер ворота.

— С вами, ласточка, я как за каменной стеной.

Она не ответила, даже несколько напряглась, и Алексей вдруг почувствовал, что эту фразу кто-то ей говорил, и довольно часто. Глядя, как она выгружает из салона покупки, виновато предложил:

— Может, я помогу?

— Ой, и вправду! Просто я привыкла все делать сама. А теперь идите за мной.

Алексей, держа перед собой в охапке большой полиэтиленовый пакет, двинулся следом.

— Здесь высокие ступени.

— Угу.

— Осторожно, дверь низкая. Здесь сени.

— Угу.

— А теперь сюда. Все, пришли.

Щелкнул выключатель, и — он увидел себя. В зеркале трюмо. С набитым пакетом и блудливой кошачьей физиономией. О черт! Алексей поспешно надул щеки и вытаращил глаза. Теперь, правда, похож на дауна, но так гораздо честнее.

— Алексей Иванович, проходите на кухню, налево. И разгружайтесь.

Кажется, не заметила. Он украдкой скосил глаза.

— Не хочу вам следить. Я грязный.

— Тогда ждите.

— Тогда жду. Кстати, а что мы скажем Катюше? Она дома?

— Катюша у бабушки. Это рядом с ее школой, она часто остается у нее ночевать.

— И вы тут совсем-совсем одна?

— Вот ваши тапочки. Давайте пакет и проходите в комнаты. Можно включить телевизор.

— Ну, нет! Если позволите, я буду путаться у вас под ногами. Глядишь, на что-нибудь да сгожусь.

Он стащил с себя, наконец, туфли, повесил в шкаф куртку, бронежилет и отправился на кухню. Вслед за хозяйкой.

— Бог ты мой! Шампанское, водка? Огурцы? И даже курица? — шумно восхитился он, сглатывая слюну. — Сказка!

Хозяйка посмотрела на него с коварной улыбкой.

— Сознайтесь, Алексей Иванович, когда в последний раз вы нормально ели? Чтобы в удовольствие?

— Гм? Надо подумать. Ну, недели две тому назад... Чуть больше. Да, именно так.

— Это значит, вы были в гостях у женщины. Я права?

У бедолаги-прокурора мгновенно пересохло в горле. Две недели назад он, действительно, был у Анны, когда приехал Бортников. Прокурор тяжело вздохнул. Не женщина, а генный сыска.

— Ласточка, если слишком часто уличать мужиков в преступлениях, то можно никогда не выйти замуж.

— Зато вы, Алексей Иванович, кыргыз.

— Киргиз? Это еще почему?

— Потому что многоженец.

— Вы хотите сказать, сладострастник?

— Сладострастник тоже. — Он подумал и согласился.

— Наверное, да. Самое сильное в моем характере — это мои слабости. Я ничего не могу с ними поделать.

Она рассмеялась и поставила курицу в духовку.

— Однако, — он сладострастно почмокал губами, — несчастный дикий кыргыз хочет выпить. Сто грамм натошак. Под огурец. Национальное кыргызское блюдо.

— Фи... как гадко!

— Что гадко? — не понял он.

— Пить натошак. Это называется «употребление спиртных напитков в извращенной форме».

— В извращенной, ласточка, это когда заливают водку в набитое брюхо. По-американски.

— Ах, да! Я, кажется, перепутала. — Она чмокнула гостя в нос. — Через полчаса курица будет готова. Я сейчас, посидите.

Оставшись один, прокурор подумал и налил себе водки.

— Я буду готов раньше, чем ваша уважаемая курица, — пробормотал он и опрокинул стакан в рот.

Однако надраться не успел. Через пять минут хозяйка появилась на кухне. На ней было шелковое кимоно в крупных цветах. Кажется, цветущая сакура. Правда, кимоно было очень короткое, едва достигающее бедер. Обычно стянутые сзади волосы слегка приспущены, словно занавес над театральной сценой, отчего по лицу пролегла таинственная и трогательная тень. Перевоплощение из стервы-секретарши в таинственную незнакомку было настолько разительным, что любвеобильный «кыргыз» замер с недожеванным куском огурца во рту.

— Потрясающе! — слегка охрипшим голосом сказал он.

Дама оценила реакцию, и на щеках у нее появились очаровательные ямочки, которых раньше Алексей ни разу не замечал.

— Алексей Иванович, миленький, — она забрала у него из руки недоеденный огурец. Огурцы вы тоже употребляете в извращенной форме. Они же не мытые. Я просто не успела.

Он взял ее за кончики пальцев, приложил к губам.

— Людочка, вы очаровательная женщина, но... как бы это сказать?

— Если не знаете как, лучше сказать честно.

— Хорошо, скажу честно. Вы ужасная зануда. Немедленно отдайте мой огурец.

— Грязный огурец? Не отдам!

— В таком случае я буду производить над вами насильственные действия.

— Ага... в извращенной форме?

— Только так!

— Почему-у? — жалобно пискнула она.

— Потому что иначе вам будет неинтересно. Я вас уже знаю, ласточка. Изучил.

Он притянул ее к себе и пробежал пальцами по позвоночнику. Она вздрогнула и с легким стоном запрокинула голову. Кажется, под кимоно на ней ничего больше не было.

— Алешенька... милый, не здесь. Ну, пожалуйста... Ну же...

11

Утром Алексей проснулся от телефонного звонка. И не сразу сообразил, где находится. Незнакомые стены из толстых, тесанных под плаху бревен, деревянный потолок. Стол с остатками вчерашнего семейного праздника.

«Ах, да... у нее же телефон. Небось, бывший муж достает».

Людочка лениво выбралась из-под одеяла, зевнула, небрежно поправила копну спутанных русых волос на головке и, не стесняясь своей наготы, лениво побрела к телефону.

— Да? — вкрадчиво промурлыкала она в трубку. Заметив, что он разглядывает ее, насмешливо высунула язык и... покрутила попкой.

«Господи, совсем другая женщина! Как будто только вчера познакомились».

— Да, Роман Юрьевич, он здесь. Сейчас передам.

С коварной улыбкой она поставила телефонный аппарат ему на живот. Передала трубку.

— Махнев Роман Юрьевич интересуется вашим здоровьем.

— Кто?? Ч-черт... Махно, ты, что ли?

- Я, я. Успокойся. Причем, звоню по делу.
- Какому еще делу? Ты объясни вначале, как ты меня нашел? Здесь?

На том конце провода послышалось фырканье.

— Как обычно, дорогой. Вначале позвонил Анне Хлыбовой, там тебя нет. Потом Светлане Тэн, тоже нет. Ну, тогда у Людочки, где ж еще? Звоню, а ты тут и есть. Так что все просто. И что любопытно, дорогой ты наш мормон, ни одна из них зла на тебя не держит. Даже подсказывают, где искать, у какой.

— Ладно, ладно! Разговорился... Между прочим, если ты человек воспитанный, то лучше всего искать меня дома. Телефон напомнить?

— Не стоит. Я как раз говорю с твоего домашнего телефона.

— Не понял. Что-то случилось?

— Случилось, точно. В общем, тебя, Леша, застрелили. Здесь, в прихожей, у меня под ногами лежит труп с тремя пулевыми пробоинами. Две в область груди, и одна пуля в голову. Утром труп обнаружили соседи. Дверь была приоткрыта. Решили, что убит прокурор и вызвали милицию.

— Чей труп?

— Фамилия трупа Мингазов.

— Впервые слышу. Кто такой?

— Твой сосед по номеру. Работал в агропроме.

— А... откуда он взялся? За два года я этого долбаного соседа в глаза не видел. Ни разу.

— Это мы выяснили. Накануне Мингазов вдрызг разругался с сожительницей. Она выгнала его из квартиры и даже подала в суд. Мингазов в связи с этим решил перебраться обратно в гостиничный номер.

— А попал в морг.

— Леша, брось! Этот Мингазов на хрен никому не нужен. Стреляли в тебя. Так что приезжай, поделись соображениями. А то тут все на рогах стоят.

Алексей взглянул на часы. 7.30 утра. По-быстрому оделся. Заглотил чашку горячего кофе. Поцеловал очаровательную хозяйку в щечку и в 7.45 вырулил со двора.

По дороге он несколько раз прокрутил в голове вновь создавшуюся ситуацию и пришел к неутешительному для себя выводу: неожиданное появление Мингазова спутало ему все карты. Теперь собственное его положение иначе, как тупиковым, не назовешь. Виноват прежде всего он сам. Недопустимо расслабился и, как всегда, из-за женщины. Даже свет в окне не заставил насторожиться, хотя проверить не состав-

ляло никакого труда. Надо просто набрать его собственный номер и спросить: «Кто там?» А потом посоветовать товарищу из агропрома немедленно уносить оттуда ноги.

Не насторожился. Не позвонил. В результате погиб человек. Судя по тому, что убийца произвел три выстрела (два в область груди, один в голову, возможно, контрольный), стрелять ему пришлось в темноте, по силуэту. Или через дверь.

По логике вещей, преступник должен убедиться, того ли он застрелил. Впрочем, это неважно. Не сегодня-завтра он все равно узнает, что прокурор жив-здоров, а на него уже состряпана ориентировка и объявлен розыск. Плюс невыполненный «заказ», а это значит, что свои постараются ликвидировать его раньше, чем доберется милиция. Убийца, таким образом, смертный приговор себе подписал. Что же касается прокурора, то ему предоставлена лишь отсрочка.

... Когда Алексей подъехал, носилки с телом убитого Мингазова стояли возле труповозки. Вероятно, на случай, если прокурор захочет взглянуть.

Он приподнял кусок брезента, прикрывавший лицо. Одутловатая физиономия. Усы, пробитые сединой. В оскале видны крепкие, желтоватые зубы... лет около пятидесяти. Похоже, любитель хорошо покушать и выпить. Выстрел был произведен в затылок. Скорее всего, мужчина лежал на полу после выстрелов в грудь.

Алексей сделал знак, чтобы грузили, и поднялся на этаж.

На лестничной площадке и в прихожей работали криминалисты. Алексей огляделся. Дверные глазки во всех дверях были замазаны, похоже, пластилином. Лампочку, судя по напылению порошком, преступник вывернул. Болтались обрезки телефонных проводов.

Алексей вдруг понял, что самая большая глупость, которую он совершил, так это то, что не устроил здесь, на лестничной площадке или возле подъезда, засаду. Не ожидал от преступника такой прыти? Ожидал. Более того, просчитал каждый его шаг и — исчез. Хотя оставалось совсем немного — оказаться у преступника за спиной и прострелить ему колено.

Правда, вчера все это не выглядело настолько очевидно. Не переступая порог, он осмотрел на заляпанном кровью полу кое-как нацарапанный контур лежащего человека.

Появился из соседней квартиры Махнев. Пояснил:

— Преступник стрелял в притвор. Вначале позвонил... Но, возможно, открыл замок отмычкой. Возможно, дверь открыл сам Мингазов, не подозревая, кому открывает. И сразу

получил две пули в грудь. Оба выстрела смертельные. Он рухнул подле двери на живот и придавил ее. В оставшуюся щель, сантиметров пятнадцать-двадцать преступник произвел еще выстрел. В голову.

— В прихожей было темно?

— Да.

— Значит, он думал, что добивает прокурора? Скажи, выстрелы слышали?

Махнев качнул головой.

— Есть тут один пенсионер. С бессонницей и с тараканами в голове. Утверждает, что выстрелы были. Правда, путается в количестве. Другие не слышали ничего.

— Пушку унес с собой?

— Скорее всего, выбросил. По дороге. — Алексей покопался в кейсе и достал карандашный набросок, портрет преступника. Протянул Махневу. — По-моему, он. Растиражируй и по рукам. Пусть ищут.

Махнев долго, с подозрением разглядывал рисунок. Потом ядовито осведомился:

— Откуда? Если, конечно, так сказать... не секрет?

— Теперь нет.

Алексей повернулся и, не желая говорить прилюдно, спустился вниз. Вышел из подъезда. Махнев последовал за ним.

— Теперь нет... Что дальше?

— Два дня назад этот тип пытался меня проткнуть. Заточкой. А следующий ход, сам понимаешь, должен быть за мной.

— Ага! Если бы не помешал господин Мингазов, то ты этого типа... того?! А потом снова он. Потом снова ты!

— погоди, Махно, не буровь. Давай так. Через полчаса-час будь в прокуратуре. Я доложу тебе обстановку и дам показания. — Алексей сел в машину.

— Кстати, — он опустил стекло. — Когда это случилось?

— Твоего зама хлопнули около трех утра, — буркнул Махнев.

... Когда Алексей появился в прокуратуре и вошел в приемную, Людмила Васильевна была на своем рабочем месте, печатала документы. Он присмотрелся еще с порога и не нашел в ней ничего из того, что так очаровало его вчера. Обыкновенная стервозная секретарша, без шарма, с нелепым узлом волос на голове и скучной, заурядной физиономией.

«Любопытно, чем это я так вдохновился, на ночь глядя? Небось, результат воздержания? Идиот!» — мысленно обругал он себя.

Пишущая машинка смолкла.

— Здравствуйте, Алексей Иванович.

Прокурор мельком бросил взгляд на часы.

— Вы не рано сегодня?

— Я всегда прихожу в это время. Вы разве не заметили?

— Виноват, не заметил. Людмила Васильевна, у меня вопрос. Не хотите, можете не отвечать.

— Ну, почему же? Я отвечу.

— Скажите, у вас нет сестры-близняшки? Этакая очаровательная баловница?

Она помедлила, потом повернулась к нему странным, исполненным тревожной грации движением. Дрогнули и изогнулись кончики губ. Вспыхнул взгляд из-под длинных ресниц, и вчерашняя баловница вдруг явила себя его изумленному взору. Перевоплощение (то ли наваждение?) было разительным. Но тотчас и исчезло. Он еще стоял, открыв рот, когда серая птишка за пишущей машинкой (нарочито серая?) прокричала:

— У вас есть еще вопросы?

Он пожал плечами.

— Любопытно знать, почему от вас ушел муж?

— Вы, наверное, хотели спросить, почему ушла я?

— Ну, если ушли вы, то я, кажется, догадываюсь почему.

— И почему будто бы?

— Я думаю, это ежу понятно.

— А что понятно ежу?

— Ежу понятно, что ваш муж совершенно не соответствовал вашим амбициям. Это элементарно.

— Алексей Иванович! — Она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. — Почему мы с вами постоянно выясняем какие-то отношения?

Пожалуй, она права, подумал он. Его грех. Однако решил от греха отмазаться.

— Наверное, потому, что любое общение людей между собой — это всегда выяснение отношений.

— Наверное, — согласилась она. — Но мне это не нравится. Поэтому однажды я решила и ушла от мужа.

На этом разговор закончился. Но в кабинете наедине с собой прокурор почувствовал себя так, будто его потыкали носом в собственное дерьмо. Похоже на отставку, заключил он. Прикинулась серой мышкой, чтобы не вызывать ненужных эмоций. Даже юбка сегодня гораздо ниже колен. Хотя... это еще не факт.

Прокурор взглянул на часы и с тяжелым сердцем углубился в бумаги.

Махнев появился у прокурора спустя два часа и доложил обстановку.

По всему городу объявлен большой шмон. Дороги перекрыты. Все имеющиеся в наличии оперативники брошены на раскрытие убийства. Разбившись на группы, с ориентировками в кармане они прочесывают городские кварталы, проверяют гостиницы, общежития, притоны, бомжатники, домовладельцев, сдающих квартиры, хватают всех подозрительных и свозят в райотдел. В райотделе с контингентом работает группа фильтрации. Полгорода, усмехнулся Махнев, сегодня отведают милицейских палок.

Со своей стороны, он отправил запросы в Москву и область вместе с поручениями о немедленном задержании особо опасного преступника в случае установления его личности.

— Если что-то на него есть, завтра будем иметь все данные. Но он не из местных, это точно. Местного уже бы нашли.

— Если и найдут, то разве что труп.

Махнев согласился.

— Скорее всего, так и будет. Если «заказуха».

— Можешь не сомневаться. Я этого типа впервые вижу, а значит, ни по одному из дел, которые мы здесь вели, он не проходил. Плюс пистолет с глушителем.

Он достал из сейфа диктофон и щелкнул кнопкой.

— Вот, послушай.

Несколько раз Алексей прокрутил следователю запись, сделанную Бортниковым. Потом в нескольких словах пересказал события последних дней, но фамилию Бортникова, как и обещал Игорю, упоминать не стал. Махнев все выслушал, молча, но, кажется, обиделся.

— Леша, я понимаю, когда ты не доверяешь нашим вертухаям. Но мне ты мог открыться? У меня есть два отличных оперативника, ребята без говна, сто раз проверенные. Из-под земли кого угодно достанут.

— Брось, Махно? — перебил Алексей. — Я его к ночи вычислил. Вчера, не забывай. И если бы не этот Мингазов, заместитель, то так оно и было бы.

Следователь покачал головой. Вздыхнул.

— Погубят тебя, Леша, бабы. Вот попомни мое слово.

— Насчет баб? Ты что, в самом деле, всех с утра обзвонил?

— Конечно, нет. Я человек воспитанный. Но у вахтера узнал, наша Людочка вчера уехала домой на прокурорском «УАЗе». С разрешения прокурора. А теперь скажи, где при-

кажешь искать самого прокурора, зная его равнодушное отношение к женскому полу?

Прокурор хмыкнул. Повозился в кресле.

— Ишь ты! Где найти прокурора, знают все. А где найти убийцу прокурора, не знает никто... мать вашу!

— Кстати, Леша. Старший сержант Харитонов утверждает, что похожего человека со шрамом он уже видел. Правда, не очень уверенно утверждает.

— Где?

— В прошлую среду, то есть за два дня до покушения. До этой вот спицы. Он как раз стоял с гаишниками на посту, на четвертом километре, когда Черемных тормознул эту «девятку».

— А Черемных что там делал?

— Обычно. Проверял посты.

— Вот у него и надо спросить, кого он видел.

— Уже спросил. Он даже не помнит, что там был. Пили, говорит, с утра.

— А остальные?

— Красную «девятку» припоминают. А пассажиров нет. Там сразу несколько машин остановили для проверки. Пришлось рассредоточиться.

— «Девятку» ищут?

— Конечно.

— Угу. У тебя все по этому делу?

Махнев несколько помялся, видимо, не зная, говорить или нет. Но Алексей решительно подбодрил:

— Давай-давай. Выкладывай, что есть.

— Это, конечно, не мое дело, но... Черемных у нашего Васи пора забрать.

— А что такое?

— Как... ты не в курсе?

— Не до того было, сам понимаешь.

— Ну, да. Ну да...

Махнев рассеянно покивал. Потом махнул рукой.

— Ладно, черт с ним, скажу. Вася Соковнин и бывший начальник угро сильно друг другу не понравились. Не сошлись характерами. Кажется, Черемных на допросах начал Васе угрожать. А Вася, мало кто знает, очень это не любит. После первого же допроса он оприходовал Черемных по полной ментовской программе. Оперов привлекать не стал, а сразу определил его на пресс-хату, к уголовникам. Отдал в полное распоряжение. Черемных ты знаешь. Он сам сворачивал челюсти, ломал носы, ребра... Конечно, от такого подарка урки обалдели.

— Черемных сказал, кто устроил поджог?

- Сразу же, как только понял, куда его ведут.
- И кто?
- Он сам. Нанял за пару бутылок водки бомжа и показал, где стоит машина.
- Бомжа взяли? Показания есть?
- Все в порядке. Дело можно отправлять в суд.
- Ну и отлично. Молодец Вася.
- Погоди, Иваныч, не ликуй. Я сегодня видел Черемных. Урки превратили его в кусок дерьма. Это уже не человек. В первый же день выбили зубы и «опустили». Сзади-спереди. Сделали «парашют» раз десять. «Мариванну», «ласточку», «слоника». Продержали пару ночей на крюке, отбили мошонку...
- Жалко кусок дерьма?
- Боюсь, на суде говорить он не сможет. Уже заикается.
- Это другое дело. Сегодня же попрошу Василия Степановича перевести кусок дерьма на больничную койку. Но... брат Махно! В отличие от тебя, мне жалко не Черемных, а пенсионера, которого менты превращали к судебному заседанию в кусок дерьма только за то, что он живет в трехкомнатной квартире.
- Я сказал только то, что сказал. Держать Черемных вместе с урками дольше не имеет смысла.
- Ошибаешься, друг. Для Василия Степановича смысл есть.
- И какой будто бы?
- Простой до опупения. Черемных свои угрозы привык приводить в исполнение. От безнаказанности, разумеется. И Соковнин это знает. Поэтому решил сломать хребет ублюдку раз и навсегда. Опустить, превратить в «машку», в развалину, в инвалида, чтобы потом не пришлось, как мне, бегать от ментов через окно и париться в бронежилете.
- Да ладно тебе! Еще неизвестно, от кого ты бегаешь.
- Вот именно. То ли от ментов, то ли от бандитов. Для честного человека и те, и другие одинаково опасны.
- Махнев промолчал. Потом нехотя кивнул.
- Ладно, уговорил. Однако при прежнем прокуроре наш Вася таким крутым не был.
- Кофе будешь?
- Следователь взглянул на часы.
- Извини, мне в церковь. Хочу с новым батюшкой переговорить. У них через полчаса служба кончается.
- Подвижки в деле есть?
- Леша, там какая-то чертовщина творится. Пока не пойму.
- Это в каком смысле?
- В прямом. Без метафор. Я был два раза в церкви, разговаривал с причтом, и оба раза уходил оттуда разбитый.

Помнишь, попадья Ольга Владимировна про покойного рассказывала? Места себе не находил. Дела все запущены, мается-ходит из угла в угол. Потом забываться стал.

— Заключение медэкспертизы есть?

— Здоров был батюшка как бык. Сердце, легкие, печенка, селезенка, — все в норме. Мозги тоже в порядке. Ни ушибов, ни кровоизлияний. Разве что геморрой, но это, сам понимаешь, не смертельно.

— Связи проверил?

— Как раз связями занимаюсь. Но, похоже, пустышка. Алексей нажал кнопку селектора.

— Людмила Васильевна? Кофе сообразите, пожалуйста. На двоих. И сигарету для Романа Юрьевича.

— Хорошо.

Заметив недоумевающий взгляд следователя, пояснил:

— Сейчас вместе поедem, не волнуйся. Между прочим... — Прокурор сделал задушевное лицо. — Ты плясать умеешь?

— Я? Плясать?

— Ну, да. «Краковяк»? «Камаринскую»? «Топотуху»... на худой конец?

— А на хрена?

Прокурор сочувственно вздохнул.

— Придется, брат Махно. Никуда ты не денешься.

Махнев пристально посмотрел на прокурора. Хмыкнул.

— По необходимости разве? Если нальешь опять же.

— Ну уж нет! Это ты мне будешь наливать. Вот... держи.

Он достал из сейфа ордер на квартиру и через стол подвинул Махневу.

— Многодетному отцу и нашему лучшему следователю от благодарного муниципалитета и районной администрации. Тебе, Роман Юрьевич, остается вписать фамилию, переоформить документы и — получить ключи.

Алексей с удовольствием пронаблюдал, как на глазах мгновенно меняется выражение лица следователя: от недоверчивого, сомневающегося до радостно-возбужденного. Но даже зная импульсивный характер Махнева, он не ожидал от него той реакции, которая последовала. Махнев вдруг вскочил на стул и, вскинув вверх крепко сжатые кулаки, завопил на весь кабинет не хуже Тарзана.

Он еще продолжал вопить, когда в кабинет вбежала перепуганная насмерть Людмила Васильевна. Но эмоциональный заряд в вопле достиг такой степени накала и заразительности, что бедняжка не выдержала и, закрыв пальчиками уши, вдруг завопила тоже, тонко, по-бабьи, вплетая свой голосок в торжествующий вой самца.

Заметив жертву, Махнев сильным движением подхватил ее на руки и закружил по кабинету, терзая в объятиях. Наконец, Людочка освободилась и, отряхнув перышки, строго спросила:

— Безобразие! Можно подумать, Роман Юрьевич, что вы получили, наконец, квартиру.

И ядовито добавила:

— Четырехкомнатную. Фи!

Дружный хохот прокурора и следователя был наградой Людмиле Васильевне за ее невольную проникательность. Она, конечно, ничего не поняла и, стоя в дверях, с подозрением переводила взгляд с одного на другого, явно принимая за ненормальных. И только когда ей показали ордер, она поверила и с радостным визгом повисла у Махнева на шее.

Новость в мгновение ока распространилась по прокуратуре и перекочевала в адвокатскую контору, расположенную в другом крыле. Махнев принимал поздравления. Наконец, взъерошенный, весь в губной помаде, в дружеских хлопках и рукопожатиях, забрался в машину. Мрачно спросил:

— Леша, что это за квартира?

— А что? Хорошая квартира. Ленинградский проект. Улучшенка.

— Брось! Худо-бедно, я наши муниципальные власти знаю. Администрацию района тоже. На подобный жест они неспособны. Генетически.

— Правильно. Это жест вынужденный. Называется «взятка». Вполне возможно, что в момент получения взятки меня писали скрытой камерой. Но если бы я от квартиры отказался, она ушла бы к какому-нибудь «нужнику». А так... передаю в хорошие руки, заслуженному человеку. Заодно сам отмываюсь. Кстати, у тебя сколько детей?

— А то ты не знаешь?

Прокурор усмехнулся.

— Четверо. От одной женщины. Плюс теща. А у меня от четырех женщин ни одного. Поэтому заселяйся и живи спокойно. Другого способа получить бесплатное жилье сегодня нет, сам понимаешь.

13

Алексей остановил машину в нешироком проходе между домом-интернатом для детей-сирот и церковной оградой. Они прошли метров тридцать до калитки и очутились во дворе. Храм и ограда вокруг были сложены из силикатного кирпича, а элементы декора — дверные и оконные арки, карнизы, капители — из красного.

В честь Святой Троицы храм венчали три купола с крестами, крашенные из-за скудости средств железным суриком. Храм был невелик, и если бы снять кресты, то вместе с куполами он вполне поместился бы под крышу поповского двухэтажного особняка. По крайней мере, так показалось прокурору.

— Кажется, опоздали, Роман Юрьевич, — прокурор кивнул на церковные ворота. — Замок висит.

Махнев взглянул на часы.

— По времени, вроде, не похоже. Ладно, пошли на задний двор. Там кто-нибудь всегда есть.

Они двинулись в обход по залитому асфальтом тротуарчику, и Алексей понял, что в размерах сильно ошибся. Храм был построен в форме лежащего креста и с фасада выглядел раза в три короче, нежели в длину.

Махнев оказался прав. На заднем дворе, среди груд кирпича, щебня, бревен и прочего стройматериала, кипела работа. Человек семь, из них двое в рясах, остальные трудники, судя по виду, из числа доброхотов — махали топорами, крутили бетономешалку, пытались завести бензопилу и, конечно, крыли ее матом. Во славу Господню, не иначе.

Пока прокурор озирался, Махнев подошел к плотному человеку в рясе с засученными выше локтя рукавами и с широченной бородищей. Поздоровался.

— Бог в помощь, Василий. Обедню служили? — Вместо ответа «борода» кивнул в сторону прокурора.

— Этот кто?

— Батюшка наш, — усмехнулся Махнев. — Алексей Иванович. Валяев фамилия.

— Слышал, небось.

Прокурор подошел ближе. Спросил:

— Так служили обедню? Или нет?

Спустя полчаса «борода» изволил, однако, ответить:

— А как ино? Третьего дни ишо отслужили.

Алексей, неверующий по воспитанию, но вполне сочувствующий, ничего, однако, не понял. То ли «борода» хамит, то ли изображает несуетность перед лицом вечности, то ли как бывший уголовник, судя по наколке, считает западло разговаривать с прокурором.

Он еще раз повторил вопрос: служили сегодня обедню или нет, и где найти батюшку? Ответа вообще не последовало. Ни через полчаса, ни через час.

«Если не знаешь как поступать, поступай честно», — сказала недавно мудрая Людочка Васильевна. Следуя этой инструкции, прокурор протянул руку и крепко взял рыжую

бороду в пясть. Затем рванул вниз, в сторону, вверх. Так, чтобы сцакали зубы.

— Обедню, сукин сын, отслужили? Али нет? Тебя спрашиваю!

Наверное, было очень больно, потому что «борода» присел, нырнул в сторону и даже подпрыгнул вслед за бородой, после чего выдал чистосердечное признание:

— Не служили... не было! Закрыли храм! Батюшка закрыл... гад буду!

Прокурор отпустил бороду и брезгливо вытер руку о штаны. Хам, он и в рясе хам.

Неожиданно заработала бензопила (во славу Господню?) и вместе с пыльщиком оказалась совсем рядом, на уровне колен. Алексей отскочил в сторону и выдернул из ящика с глиной штыковую лопату. Сзади кто-то из трудников испуганно возопил:

— Милицию, милицию зови! Хулиганы!

Под этот гарнир церковная то ли братия, то ли братва в рясах, довольно дружно и грамотно брала его в кольцо, перебрасывая с руки на руку кто ломик, кто увесистый кусок кирпича. Краем глаза Алексей увидел, что Махно, сволочь, стоит в стороне и с явным удовольствием наблюдает сцену. Даже закурил.

До смертоубийства, однако, дело не дошло. В критический момент, не выпуская изо рта сигаретку, Махно негромко скомандовал:

— Отставить.

Его однако услышали, нехотя повернули головы. Махно отлепился от ограда и встал в круг.

— Это не хулиган, братия. Это наш районный прокурор. Прошу любить и жаловать.

Любить и жаловать никто охоты не проявил. Но, побросав кирпичи и пожимая плечами, трудники стали расходиться по рабочим местам.

— Кто вас знает? Ходят всякие, — донеслась до слуха чья-то угрюмая реплика.

— Вот так, Лексей свет Иванович, — подытожил Махнев. — В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Давно сказано.

Возражать было нечего, поэтому прокурор лениво огрызнулся:

— Я вот счас промеж рогов тебе как вмажу... Лопатой!

— Статья 206, часть 1. До одного года лишения свободы.

— Даже не думай. Ни один мудак твое заявление не примет.

Он бросил лопату в ящик.

— Эй, ты! Рыжий! Батюшка новый где, говоришь? — Поманил «бороду» пальцем.

— В ризнице, кажись, был, — поспешно ответил тот, кивая колпаком в сторону небольшой храмовой пристройки.

— А все-таки, Леша, ты человек неблагодарный. Я, можно сказать, жизнь тебе спас. А ты меня за это самое... лопатой! — посетовал Махнев, следуя за прокурором.

— Ладно, не бухти. Батюшка этот давно здесь?

— Третий день пошел.

— А церковь успел закрыть.

Отец Виталий, новый приходской священник, встретил их на пороге ризницы, в дверях. Жестом пригласил проходить. Алексею он понравился сразу. Средних лет, худошавое, широколобое лицо с серыми, внимательными глазами. После короткого знакомства батюшка молча, не перебивая, выслушал, что от него требовалось. Согласно кивнул.

— Ступайте за мной, покажу. Через алтарь у нас не положено, через диаконскую дверь пройдем. Прошу.

Снова вышли на двор.

— Покойный отец Амвросий, как я успел удостовериться, весьма успешно совмещал духовный сан с коммерческой деятельностью и в добывании средств мало чем брезговал. Не знаю, Роман Юрьевич говорил вам, нет, а только здешние прихожане даже кличку дали ему за корыстолюбие, Большая Кружка. Куда уж дальше? Стало быть, вымогательством промышлял от имени Господа. Пять киосков во дворе. Вроде образками торгуют, духовной литературой, а где круглые сутки можно водкой отовариться, пачку сигарет прикупить, пиво?.. Все страждущие сюда бегут, со всего города. Грех сказать, церковный храм в доходное место превратил. За то, надо думать, и наказан Господом, за корыстолюбие, не иначе.

Отец Виталий провел гостей в храм, притворил за ними дверь.

— И здесь то же самое. Извольте взглянуть. Возле свечного ящика дополнительно прилавок оборудовал. Со стеклом, ровно в магазине витрина. Ну, не грех ли такое перед иконами? А чем торговать заставлял? Средство против тараканов, отравы для колорадского жука. Шампунь от перхоти, прости Господи!

Прокурор передернул плечами, огляделся. Махнев, похоже, был прав. Какая-то неуютина, сырость, что ли, распространилась в самом воздухе, и он поймал себя на том, что инстинктивно задерживает дыхание, как если бы вдыхал испарения ртути.

— Вы сами что теперь собираетесь предпринять?
Священник вздохнул.

— Уберем перво-наперво со двора и из храма всю коммерцию, ибо сказано: «не можете служить Богу и маммоне». Потом колоколенку достроим. Колокола навесим. Надобно купола покрыть. На золото денег пока нет, но лист легированный уже обещали. А потом с Божьей помощью святить начнем заново, внутри и снаружи. Утварь тоже святить надобно. Осквернен храм. А там, глядишь, за роспись возьмемся.

— Значит, вы полагаете, Господь наказал?

Отец Виталий ответил не сразу.

— А вы полагаете иначе?

— Мы, другое дело. Для нас, юристов, зло всегда персонифицировано. Если кто-то кого-то убил, то кто именно убил? С какой целью? А если не убил, то довел до самоубийства. И так далее.

Священник чуть приметно улыбнулся.

— Что ж? Как говорится, Бог вам в помощь, Алексей Иванович. Правда, у нас по юридической части не все теперь объяснить возможно.

Он добыл из ящика пару восковых свечей и пригласил следовать за собой. Через трапезную все трое вошли в боковой придел и остановились перед иконой Николая Чудотворца. Здесь ощущение то ли сырости, то ли затхлости чувствовалось более явственно. Отец Виталий возжег одну свечу от другой и, перекрестивши лоб, укрепил в подсвечнике перед иконой. Другую оставил держать в руке. Не прошло и минуты, свеча перед иконой тихо угасла, изойдя тоненькой струйкой дыма. Вскоре угасла другая, та, что находилась в руке.

— Не принимает Чудотворец молитвы, — спустя время пояснил священник. — Гасит свечи.

Алексей не поверил.

— А может, обычный сквозняк? Или свечи из алебастра? Мало ли?

Отец Виталий покачал головой.

— По-всякому думали. И свечи всякие перепробовали. Не горят, ни одна. Гасит их. А от сквозняка, Алексей Иванович, пламя задувает, в сторону клонит.

Алексей взял обе свечи.

— Не знаю тогда. Может, Чудотворец мою молитву примет. Я много с него не запрошу.

Однако результат оказался прежний. Свечи гореть не хотели. Он обернулся к Махневу.

— А ты что думаешь?

— По-моему, ты лоб забыл перекрестить. Попробуй еще раз. Для чистоты следственного эксперимента, — съязвил Махнев.

— Мой лоб на это дело не годится, клоун, — отмахнулся прокурор. — Пусть эксперты разбираются. Это их хлеб.

— Эксперта я приглашал. Правда, наш Дьяконов, если и эксперт, то скорее по кондитерским изделиям. Он весь годовой запас свечей извел, пока понял — не горит! Заключение у меня в кармане. Показать?

— Не надо. Дьяконова я знаю. — Он подошел к иконе, ковырнул ногтем. — Она давно здесь висит?

— Икона старая, восемнадцатого века. Намоленная икона. В здешний приход из епархии была пожалована. А висит три года как. Со дня, когда в храме начались богослужения, — пояснил священник. — Я ведь и сам, был грех, усомнился поначалу. Посчитал, случаи эти, которые доходили до нас, из области баснословия. А когда отец Амвросий греха не убоился, руки на себя наложил, так и сомнения отпали.

— А что, еще случаи были?

— Были, рассказывают. Но это я со слов знаю да по слухам. Поэтому не поручусь. Вот будто бы на том самом месте, где вы стоите, у прихожанки сердце прихватило. Не старая еще была. Насилу откачали. Другая ногу перед иконой сломала. На пустом месте. Пономарь здешний, тот вовсе бороды лишился. Рассказывают, огладил бороду перед иконой, потом, глянь: а борода вся в горсти осталась. Такие вот истории, Алексей Иванович. И смех и грех, поэтому и веры им поначалу никто не давал.

Слушая неторопливую речь отца Виталия, прокурор не мог отделаться от ощущения, что перед этой именно иконой однажды он стоял. Или видел где-то? Но где и когда, вспомнить не мог.

— И давно Чудотворец на молящих разгневался? — спросил он, внимательно разглядывая икону.

— Насколько я знаю, с чужих слов опять же, месяц-полтора тому будет.

Они вышли на двор и попрощались со священником. В машине Алексей спросил следователя:

— Ну? И что ты об этом думаешь?

— Признаться, ничего. У меня, Леша, в кармане лежит ордер на квартиру, и меня распирает от радости, как кадушку с молодой брагой. Единственное, о чем я сейчас думаю, это как сообщить жене, чтобы ее «кондратий» не хватил?

— Понятно. Сегодня ты выходной, получается? Ххы!

— Сам виноват.

— То есть?

— Мог вручить ордер в конце рабочего дня. И я сбежал бы за бутылкой.

— Бутылкой от меня ты не отделаешься, — проворчал Алексей и задним ходом спятил машину на проезжую часть. Но неожиданно остановился и выключил двигатель.

— Мы что-нибудь забыли? — с подозрением осведомился Махно.

— Слушай? Ты своего клиента хоть раз в лицо видел? Отца Амвросия?

— Когда из петли вынимали. До сих пор перед глазами стоит.

— Это лицо давленника. Не годится.

— Вживе... ни разу. Только на фотографии. Из паспорта, к тому же. А что, есть идея?

— Не знаю. У меня ощущение, будто у отца Амвросия, покойного, и у Николая Чудотворца одно и то же лицо.

— Хм?

— Нет, портретного сходства, пожалуй, там мало. Скорее, ощущение присутствия покойного отца Амвросия, каким я его помню.

— И что из этого следует?

Алексей пожал плечами.

— Не знаю.

— А я думаю, не висела ли эта самая иконка с Чудотворцем на четвертом реакторе, когда в Чернобыле рвануло? Может, она фонит?

— А свечи? — не согласился прокурор. — Короче, Роман Юрьевич, нужна обстоятельная экспертиза. Для начала. И хорошо бы с привлечением специалистов-искусствоведов.

— Хорошо-то хорошо. Но где их тут взять? Искусствоведов.

— Да хоть учителя рисования. Ведь кто-то в трапезной правую часть расписал? Наполовину. Я мало-мало соображаю в живописи, ей-богу, там крепкая рука поработала.

— Ну, этого-то чудака здесь знают. Известная личность.

— Известная в каком смысле?

— Ну... бродяжка неприкаянный. Ни кола ни двора. Полгода околачивался при храме, кормился, чем бог подаст. Потом, говорят, все бросил и куда-то исчез с концами. Уже месяца полтора-два ни слуху о нем ни духу.

Алексей задумался.

— Опять эта цифра... полтора-два. Тебе не кажется?

— Кажется. Полтора-два месяца назад что-то тут произошло.

— Ладно, поехали.

Данные на запрос о предполагаемом преступнике поступили из федерального центра и ИЦ УВД области на третий день после убийства Мингазова. Сразу на семь человек. И центр, и область спрашивали подтверждения.

Алексей внимательно просмотрел полученные документы. Из семи подозреваемых шрам имелся у двух человек. У одного под нижней губой, у второго шрам был на челюсти. Впрочем, большой роли это не играло, поскольку обзавестись шрамом преступник мог совсем недавно. После некоторых колебаний он ткнул пальцем в подборку учетных данных.

— Пожалуй, этот похож. Цвет глаз, рост, овал лица... Из подмосковного Ногинска. Гладышев Михаил Григорьевич, кличка Хрящ. Две судимости. Одна за незаконное производство и торговлю винно-водочной продукцией, другая за бандитизм. Подозревается в совершении убийства, но за недоказанностью дело в отношении Гладышев было прекращено. Хотя на фотографии он, как минимум, лет на десять моложе.

Махнев кивнул.

— Ладно. Вышлем подтверждение. Пусть проверят.

Оперативно-розыскные мероприятия здесь, в городе, до сих пор результатов не дали. За неделю своего пребывания преступник нигде не нарисовался, не вступал ни с кем в контакт, где снимал жилье, неизвестно. Все автомобили «Жигули» девятой модели красного цвета были проверены, но тоже безрезультатно. Скорее всего, преступник скрылся на машине из города сразу после убийства. Хотя не исключено также, что это была всего лишь попутка, проследовавшая через город транзитом.

Однако усилия местных розыскников даром не пропали. В ходе мероприятий было раскрыто около двух десятков ранее совершенных преступлений различной степени тяжести. Среди них одно убийство.

— Это все, — Махнев развел руками.

Алексей кивнул. На другой результат он и не рассчитывал. Преступника в городе нет, это несомненно. Времени, чтобы скрыться, да еще имея транспорт, у него было предостаточно. А вот жив ли он — большой вопрос. Наверняка «заказчик» в курсе того, что попытка не удалась. Но киллер, если его действия никто другой не контролировал, никогда не скажет хозяину, что провалилась не одна, а две попытки, и что прокурор знает его в лицо. Такое признание равнозначно смертному приговору. С другой стороны, он должен догадываться, что объявлен в розыск, и что милиция со дня на день может

нагрязнать прямо на квартиру. Следовательно, выход у преступника один — исчезнуть. Скрыться от тех и от других где-нибудь в горячей точке. Для прокурора этот человек опасности больше не представляет. «Заказчик» — другое дело. Он переждет заварушку и вновь повторит «заказ» в любое удобное для него лично время.

Алексей устало провел рукой по лицу. Ситуация возвращалась на круги своя.

— Леша, — Махнев отбил пальцами чечетку по столу, — у меня отличное предложение. Завтра у нас выходные. Давай выедем с тобой на рыбалку. А? Устроим себе небольшой уик-энд. Заодно совместим приятное с полезным.

— Погоди. Ты квартиру оформил, как полагается?

— Обязательно.

— Ну и... когда новоселье?

— Через пару недель, не раньше. Денег у Минобороны нет, поэтому все отделочные работы за счет квартиросъемщика.

— По-моему, Махно, тебе не рыбалку надо устраивать, а субботник с воскресником.

— А зачем? Я расходы оплатил, отделочники работают. Жена надзирает. Так что выходные мои, полностью. У тебя твои, кстати, тоже.

Алексей пожал плечами.

— Тебе что, есть нечего?

— А, понимаю, как же? Если наш прокурор на выходные уедет на рыбалку, то кто, черт возьми, Людочке Васильевне будет аппендицит гладить?

Прокурор с подозрением уставился на следователя.

— А ты, голубь многодетный, откуда про аппендицит знаешь?

— Ну, как тебе сказать? — Махнев погулял глазами по потолку, по стенам, поухмылялся. — Город, сам знаешь, у нас небольшой. Все все про всех знают. А про аппендицит... ты только не выдавай, мне Вася Соковнин по большому секрету доложил. Верней, по пьяни. Между прочим, если тебе, действительно, не на кого Людочку оставить, то я с Васей договорюсь, без проблем.

Прокурор тяжело вздохнул.

— Зря я тебя лопатой тогда... не оприходовал.

— Так как? Едем, нет? — не унимался Махнев. — Тут, дорогой Алексей Иванович, дело даже не в рыбе. Дело в твоей потрясающей проницательности. Я говорю об иконе Николая Чудотворца. Специалист-искусствовед с первого взгляда определил, что на лице святого поверх старого слоя положен слой свежей краски. Буквально несколько мазков.

Подправлен лик. Но теперь это уже не Николай, а Амвросий Чудотворец. На взгляд нового батюшки, чудовищное святотатство, и злодей свое все равно получит. Еще при жизни.

— Где ты специалиста откопал?

— Директор местной художественной школы. В прошлом работал в реставрационной мастерской при областном музее. Здание мастерской барыги два года назад приватизировали. Теперь работает здесь. Специалист классный. Но я, признаться, поначалу не поверил. Тогда решили попробовать икону в ультрафиолете, спектрографом. Все оказалось верно: верхний и нижний слой краски по химическому составу — две большие разницы. Но на этом, Леша, всякая наука закончилась. Началось, черт знает что. Ультрафиолетовая лампа... свечение холодное, вдруг начала греться, пошел дым. Светофильтр внутри обуглился. А сегодня утром эксперт с фотографом обнаружили, что руки у обоих до локтей покрыты сыпью. И головы как с похмелья.

Прокурор усмехнулся.

— Ну, головы у них с похмелья это ладно, бывает. А при чем тут рыбалка? Какое отношение?

— Правильно, Алексей Иванович, мыслишь. Именно так: при чем тут рыбалка? Так вот, если не поедешь на рыбалку, то и не скажу. Пока сам не съезжу. А я тебя знаю, ты за выходные от любопытства запросто помереть можешь.

Махнев встал.

— Час на размышление. А я попробую Людочку уговорить, если ты и на рыбалке без секретарши обойтись не можешь.

... В субботу, в десятом часу утра, Алексей подъехал к махневской избе-развалюхе, едва заметной в зарослях черемухи. Не выходя из машины, посигналил. Тотчас из ворот с радостными воплями высыпала вся махновская банда, четверо пацанов мал мала меньше, похожие один на другого будто из одной матрешки.

— Дядя Леша, дядя Леша! Можно мне порулить?

— Покатайте, дядя Леша!

— Дядя Леша, а вы на рыбалку, да? На рыбалку?

— На рыбалку. Точно.

— А нам можно, дядя Леша?

— Нельзя.

— Почему, дядя Леша?

— Потому, что водку не пьете. И курить не умеете.

— А я уже курил, вот. У папы своровал.

— А, ну это другое дело. Пойди и скажи папе, что ты уже куришь, и тебе можно ехать с нами на рыбалку.

— Ага, хитрый какой! Папа мне сразу ремнем по жопе.

— Ну, брат, тогда с рыбалкой придется обождать.

Появился Махнев с тремя мешками за спиной и в руках. Забросил на заднее сиденье.

— Сапоги какой размер носишь?

— Сорок четыре... как раз будет.

— Хм? Болотники едва ли найду. В кирзятине придется.

— Сойдет.

Махнев сделал еще пару заходов, принес телогрейки, сапоги, баул с продуктами, мешок с лодкой, спиннинг, весла и завалил багажник до стекла. Потом с грозным видом оглядел свою «банду», скомандовал:

— Витька, Ванька, Санька, Ленька... в одну шеренгу становись!

Четверо из «матрешки» мигом встали перед батькой в ряд по росту.

— Смир-на! По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый! Второй! Третий! Четвертый! — звонко прокрикали «бандиты».

— А теперь кру-угом! Бегом, шагом марш! И чтобы бабушку у меня никто не смел обижать. Понятно?

Махнев забрался в машину рядом с Алексеем.

— Мамка сегодня с утра на субботнике. Поэтому просит извиниться, что не смогла встретить-проводить.

Алексей тронул машину с места.

— Куда едем?

— Деревня называется Красноглинье. Отличное место. Излучина Вятки, плес. Десятка два пойменных озер, набитых карасями. В лесах грибы... море грибов. Малина, черника! С ума сойти!

— Погоди. Это же километров семьдесят-восемьдесят, так?

— А что?

— Из них сорок-пятьдесят дорога идет вдоль Вятки. И везде леса, грибы, малина и пойменные озера с этими... с карасями. На хрена, спрашивается, бензин зря жечь?

— А потому, Леша, что караси там толще, малина слаще и грибы не такие червивые.

Алексей скосил на напарника глаза и рассмеялся. От предстоящей вылазки в леса, на рыбалку Махно пребывал в явном возбуждении.

— Ладно, хватит темнить. Выкладывай, что хотел, а не то высажу. Под елкой, — напомнил он.

Махнев кивнул.

— Теперь можно. Главное, за город выбрались. Итак, ты спрашиваешь, почему мы едем в Красноглинье? Отвечаю. Мы едем в Красноглинье потому, что там живет Николай

Васильевич Лусников. Тот самый «злодей», который загримировал Николая Чудотворца под отца Амвросия. Он же расписал полстены в трапезной. Странная, между прочим, личность. Кое-что я узнал о нем у директора художественной школы. Одно время они оба работали в реставрационной мастерской, при музее. Талантливейший мужик будто бы. Даже, говорит, не знаю, кого из современных художников можно поставить с ним рядом. Но самоломанный до безобразия. Нищеврод.

— Что значит нищеврод? Нищий бродяга, что ли?

— Вроде того. Ни выставку собрать, ни с галереей договориться. Где живет, непонятно. В основном, у одиноких баб приживалом. Кормится мелкими заказами как оформитель. Сотрудники музея сами отправляли раза два-три его работы на конкурсы. Всегда выходил победителем. Но деньги мужику, похоже, не впрок. Пока сумму не пропьет заодно со штанами, из запоя не вылезит.

— А в Красноглинье что делает? Очередная блажь? Или устроил себе пленэр?

— Красноглинье у него родина. Изредка наезжает. — Махнев опустил боковое стекло и вытащил сигареты. — Красотища-то? А?

Дорога шла по пологим вятским увалам, то медленно вползая на вершины, затем так же медленно оседая вниз. Иногда сквозь пышную зелень, слегка тронутую желтизной, сверкала серебряной лентой поверхность воды, и свежий запах реки явственно ощущался в салоне машины.

На сорок пятом километре асфальт, однако, закончился, и «УАЗ» запылил по грунтовке, наезженной большегрузами. Окна пришлось задраить, поскольку через пятнадцать минут такой езды на зубах уже скрипел песок.

Деревня Красноглинье находилась в стороне от большой дороги, в двух километрах. Судя по тому, что проселок зарос бурьяном, и даже в колеях густо щетинилась травка, деревня давно обезлюдела. Алексей притормозил возле избы, которая выглядела жилой. На приусадебном участке с повалившимся плетнем были разработаны две небольшие грядки. Остальная площадь густо поросла крапивой и лопухом. Сама изба тоже представляла зрелище довольно печальное и по-своему живописное. Крыша обрастала потихоньку изумрудным мхом, особенно в местах, где скапливалась вода. А на охлупне пустил корни какой-то побег, то ли тополь, то ли осина.

Пока рыбаки разминали затекшие ноги и спины, озирались по сторонам, на крыльце появилась старуха, очень похожая видом на свою покосившуюся избу. Она молча из-под руки разглядывала гостей, пока они сами ее не заметили.

— Здравствуй, бабуля! — поприветствовал Махнев. Старуха покивала.

— Меня Анной Спиридоновной кличут.

— Роман, — представился Махнев. — А его Алексеем звать. Мы вам мешать не будем. Порыбачить приехали, на выходные. Старуха снова покивала.

— Анна Спиридоновна, а много ли у вас народу в деревне осталось?

— Есть народ. Как не быть? Пять старух ишо, да дед. Он теперь редко выходит. Помирать, видно, собрался.

— Негусто. А Лусников Николай, он же не старый как будто?

— Колька-то? Рази ж он местный. Изба родительская у ево сгорела. Приезжие спалили какие-то. Он теперь тут не живет.

— А где живет?

— Кто знат? На реке нору где-то выкопал, рыбу с Машкой ловят, с дурочкой. Тем и живут.

— А кто такая Машка?

— Машка, она Машка и есть, одно слово.

Пока Махнев беседовал со старухой, Алексей наслаждался видом окрестностей. Деревня стояла на высоком правом берегу, и излучина реки с широким плесом, с заречьем, сплошь покрытом лесами, изрезанном протоками и старичными озерами, обозревалась с высоты птичьего полета.

Алексей присмотрелся повнимательней. Ему показалось, что за рекой, на берегу одной из таких проток, или лесного озерка, плывет облачко дыма. Показал Махневу.

— Похоже на костер, — согласился тот. — Только чей?

— Проверим.

Махнев кивнул в сторону избы.

— Я дал старухе палку колбасы. Обрадовалась бедняга, чуть не плачет. Разрешила машину оставить под окнами.

— Давай вначале найдем съезд к воде и разгрузим барахло. Чтобы не таскаться.

— Где съезд, Леша, я знаю. Старуха показала.

Только спустившись к воде, Алексей понял, почему деревня называлась Красноглинье. Весь правый берег, от воды и до самой деревни, представлял из себя гору ярко-красной глины, незадерненной, без каких-либо прослоек другой породы, вроде песчаника или сланцев.

Пока он отгонял машину назад, ставил бабке под окна, затем вернулся на берег, Махнев уже накачал резиновую лодку и загрузил мешками. Алексей с сомнением осмотрел плавсредство.

- Может, в два захода? Чтобы не затонуть.
- Проверено не раз. Так что надевай сапоги и грузись на корму.

Махнев оказался прав. Погода была тихая, ни ветерка, и «резинка», груженная не хуже «КамАЗа», медленно, но верно продвигалась вперед. Только на русле гребцу пришлось поупираться, чтобы течение не снесло их слишком далеко вниз. Наконец, лодка ткнулась в противоположный берег, и рыбаки выбрались на сушу. Махнев достал из мешка топор и вручил Алексею.

— Леша, сруби шесть кольев по три-четыре метра длины, а я пока огляжусь. Давно мечтал в здешних местах порыбальить.

Для чего понадобились колья, Алексей спрашивать не стал. Надо, значит надо. Будут тебе колья. Он уже не жалел, что Махнев вытащил его в эти сказочные места, и, как зачарованный, углубился в лес. Прибрежные заросли тальника сменил мелкий березняк и рябина с осиной, которые безжалостно обживали некогда пойменные луга. По высоким местам ярко желтели на солнце стволами островки соснового леса, кучерявились огромные липы. Когда Алексей вернулся с кольями на берег, Махнев был уже тут. Часть вещей он успел запрятать в кусты и возился возле лодки с сетями, перекладывая их из мешка в корму.

— Грести умеешь? — спросил он, когда Алексей воззрился на него сверху вниз.

— Ты что, браконьер?

— Ага, браконьер, — ухмыльнулся тот. — Причем, со стажем.

— Понятно. Статья 163 часть 1. Когда поймают, в свое оправдание ты, наверное, скажешь, что у тебя четверо детей по лавкам, и каждый день им надо что-то положить в клюв.

— Точно. Но будь я даже бездетный, как ты, от этой порочной страсти я никогда не откажусь.

— А это 163 часть 2, до четырех лет лишения свободы. — Прокурор тяжело вздохнул. — Ни одного честного человека вокруг. Хватай любого и под замок лет на пять. Не ошибешься. Наверное, поэтому, друг Махно, в нашей России нет, не было и не будет такого понятия, как презумпция невиновности.

— Не будет, — согласился тот. — И что дальше?

— Что дальше? Дальше сами собой отпадают два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» Поскольку, сам понимаешь, виноваты все. И «Что делать?» Что делать, мы тоже знаем. Всех надо сажать под замок, брать на контроль, а данные с рождения заносить в компьютер.

— Ну, и кто этим всем будет заниматься? Держать под замком, заносить в компьютер? Николай Чудотворец?

— Сами виноватые. По очереди. Отсидел свое, теперь пусть свое отсидит другой. И ничего страшного, если отсидит срок заранее.

— Нормально. В России всегда так делалось и делается. Просто ты подобрался к вопросу с другого конца, великий изобретатель велосипедов.

Махнев вдруг с подозрением уставился на прокурора и сделал неожиданный вывод:

— Ишь ты! Как природа-то на тебя подействовала... Грести, спрашиваю, умеешь?

— Обижаешь, Махно.

Алексей погрузил в лодку колья вдоль бортов и сел за весла. Махнев устроился сзади на груди сетей и толкнулся от берега.

— Вот за тот мысочек выедем. Там протока в старицу. Ее и прокинем сетью. К ночи с большой воды туда щука с судаком на жировку попрут, за мальком. Малька полно, я проверил.

Протока оказалась метров около двадцати на выходе. Топкие берега поросли резунцом и зарослями камыша. Но дальше, в глубь суши, протока сужалась, берега становились круче и чище. Махнев прощупал колом глубину, вогнал в илистый грунт кол и, захлестнув конец, ловко выбросил сеть широким полукольцом. Воткнул второй кол и привязался.

— Вот так, — удовлетворенно произнес он. — Теперь, Леша, греби к тем корягам, к вымоине. Гадом буду, господин Сомов именно там проживать изволят. Тепленького возьмем, прямо из постели.

— А если сеть на коряги повесим?

— Придется рискнуть.

Вторую сеть тоже поставили без проблем, зато с третьей хлебнули сполна. Махнев, войдя в раж, непременно решил поставить ее в самый «карасятник», в озеро. Поэтому, взявши лодку на плечи, рыбаки долго продирались по кустам вдоль цепочки озер, отыскивая такое, где бы, по мнению Махнева, карасей можно было выгребать из озера лопатой.

Как ни странно, никаких признаков «жилья» за все время хождений они не обнаружили. Только старые тропы по берегам, но и они скорее всего были натоптаны зверьем. Правда, один раз Алексею почудилась смутная тень в густом еловом подросте на противоположном берегу озера. Качнулась ветка. Но значения он этому не придал. Нередко лоси, спасаясь от гнуса, прячутся в густом, низкорослом ельнике, а этого зверя, судя по следам и местам кормежки, здесь хватало.

Покончив к вечеру с сетями, они оставили лодку на берегу и разошлись в разные стороны. Предусмотрительный Махнев достал из кармана сложенный полиэтиленовый пакет с ручками и вручил Алексею под грибы.

— Через пару часов будет темно, так что полтора часа у нас есть. Встречаемся возле вещей.

Добравшись до узкой протоки, Алексей перебрался на другую сторону по кучехлама и начал продвигаться вперед галсами. Но грибы в здешних местах, вопреки ожиданиям, почти не попадались, а те, что попадались, грибного энтузиазма у него не вызывали. Вскоре он вышел на крутой бережок и присел отдохнуть под огромной, рукастой сосной, усеянной шишками. Вода здесь была почти черная и непрозрачная, как мазут, но живая. Как только он затих, в нескольких метрах от него сильно булькнуло и над поверхностью показалась усатая, хищная мордочка водяной крысы, быстро двинулась поперек озера. Под самым берегом скользили по воде «плавунцы», а темная, блестящая гладь играла и плавилась мелкими, частыми кругами.

Неожиданный шорох справа заставил Алексея повернуть голову...

На тропе в нескольких шагах от него стояла девица вполне зрелого возраста и рассматривала пришельца с любопытством непуганой зверушки. Белый платок, повязанный на деревенский лад, под горло, мило контрастировал с круглой, загорелой мордашкой, почти безбровей, с голубыми пуговками глаз и полураскрытым от удивления ртом. Алексей приподнялся на локте. Дружелюбно улыбнулся.

— Тебя Машей звать?

Девица задумалась. Потом склонила головку на другое плечо.

— А ты как знаешь?

— Я в детстве сказку читал «Машенька и медведь». Подружка у медведя была такая. Вот и подумал, может, это ты?

Девица снова задумалась, но не ответила. К своему изумлению, Алексей увидел, что плетенная из тальника корзинка у Маши полна белых отборных грибов.

— Маша, а грибы ты где собирала?

— В лесу.

— Однако... я тоже в лесу. А не нашел. Одни мухоморы. Маша вдруг подошла и поставила перед ним свою корзинку.

— Возьми.

Алексей покачал головой.

— Спасибо, конечно. Ты добрая девушка. Но я хочу найти сам.

— Тебе не найти, — вдруг обронила она.
— Почему? — искренне изумился Алексей. Но ответа не дождался.

— Маша, ты где живешь?

Маша неопределенно кивнула в сторону.

— Там. С дядечкой.

— А ты познакомь меня со своим дядечкой. Хорошо?

— Хорошо.

Она повернулась и уверенно пошла в глубину леса, видимо, отлично тут ориентируясь. Вскоре они снова вышли на тропинку вдоль берега, и Алексей понял, что Маша попросту «срезала» петлю напрямую. Ее непосредственность изумила его еще раз. Нимало не стесняясь, она мимоходом присела за кустик по нужде, а корзинку подала ему, чтобы нес. Потом догнала и тут же, под носом у Алексея, срезала отличный боровичок, тугой и крепкий, будто картофелина. Алексей досадливо крикнул.

— А ты глазастая, Маша. Молодец.

По дороге она снова и снова отыскивала под ногами грибы, но поскольку в корзинку они больше не вмещались, Алексей нес грибы в руках.

Дядечкина «нора» оказалась вовсе не норой. Это был скорее шалаш, срубленный из сосновых жердей, но без передней стены, с покатой берестяной крышей. Стены с боков хозяин привалил землей, по-видимому, от ветра, и кое-где проконопатил, а крышу, чтобы береста не коробилась и не задиралась, придавил жердями. Внутри комфорта было столько же, сколько снаружи. Пара топчанов, довольно просторных, и подстилка из прошлогоднего камыша с сеном. Правда, на топчанах были скатаны ватные одеяла и какое-то тряпье, но все равно вид жилище имело самый первобытный.

В ожидании «дядечки» Алексей помог Маше почистить грибы и развел костерок, благо дров было запасено в избытке. Сходил за водой. Здесь, в лесу, смеркалось быстрее, чем у воды, и он начал поглядывать на часы.

— Дядечка идет, — тихим голосом сообщила Маша.

Лусников Николай Васильевич оказался мужчиной колоритным и вовсе не таким мрачным бирюком, каким представлял его Алексей. Было ему лет пятьдесят или чуть больше. Сивая борода и густые, спутанные волосы делали его похожим на отшельника. Да так оно, в сущности, и было. С первого же взгляда Алексей понял, что дядечка в свое время «отмотал срок», и не малый. Манера держаться, характерная сутулость и покашливание, даже одежда, висящая на широких плечах, как на вешалке, — все отдавало нарамами.

Он подвесил на сук тяжелый кукан, на котором еще трепыхались с десятков золотистых крупных карасей и щучонка, граммов на восемьсот. Воткнул в пень легкий топорик.

— Ну, здорово, рыбаки, — дядечка шагнул к Алексею и протянул руку, — Как рыбка? Ловится?

Под усами обозначилась легкая усмешка. Алексей пожал протянутую руку. Назвал себя.

— Насчет рыбы, не знаю. Рыбак из меня еще тот. В основном на подхвате.

— Ну-ну.

Дядечка вытащил из кармана ножик и несколько раз мазнул им по оселку.

— А мы с Марьей сегодня зарыбачили. Уха изрядная выйдет. На целую артель. Так что, если желание есть, присоединяйтесь.

— Ну, если Маша не против, — Алексей широко улыбнулся, — то отказываться, ей-богу, грех.

— Она не против, — уверенно подтвердил дядечка. — Она еще грибов нажарит, на второе. Хозяйка добрая.

Алексей догадался, что гостеприимство хозяина было вызвано скорее всего желанием раскрутить лохов на выпивку. Но его желание вполне укладывалось в их планы, поэтому упрашивать себя не заставил.

Когда Алексей отыскал место, где они оставили вещи, Махнева еще не было. Он подождал минут десять-пятнадцать и, не зная, что предпринять, двинулся берегом к мысу, за которым начиналась протока. Сумерки быстро сгущались. Он отыскал разрыв между камышами и взобрался на поваленное дерево. Махнев, конечно же, болтался на сетях. Алексей посвистел напарнику, но тот махнул рукой и продолжал перебираться по сети, что-то выковыривая и разбрасывая по сторонам. Вернулся он уже в полной темноте, злой как черт. С размаху выдернул лодку на берег.

— Ниче не понимаю. Вроде течения нет, а сети сплошь забиты хламом. Кой-как очистил.

— Рыба-то есть?

— Какая рыба! Вон два рака, и то всю сеть в веревку собрали. Пришлось им ноги отрывать.

— Да ладно тебе. Считай, на уху нас уже пригласили, — попытался успокоить Алексей. — Хозяин наловил.

Но Махно продолжал кипеть.

— Я что, за сто верст чужую уху хлебать приехал?! Пошел ты... Кругом судак бьет, а на этом озере, черт бы его, такой карасина ворохнулся — у меня лодку на волне закачало.

Алексей умом понимал состояние азартного рыбака, но

эмоций не разделял. На нет, как говорится, и суда нет. Они собрали вещи и двинулись к костру, благо что запасливый Махнев прихватил с собой электрический фонарь.

Уха уже кипела на костре, и часть рыбы хозяин выложил на кусок клеенки. Запустил следующую партию. Махнев мимоходом забросил в ведро своих раков.

— Весь улов? — ухмыльнулся хозяин.

— Чем богаты... — пробурчал тот.

— Ну-ну.

Алексей достал из мешков пару бутылок водки, огурцы, помидоры и набор пластиковых стаканчиков,

— Как, Николай Васильевич? Перед ухой... не против?

Хозяин, заметив четвертый стакан, покачал головой.

— Марье не надо бы наливать. И без того головешка худо соображает. А так, конечно, за знакомство... чего ж не выпить?

После ста граммов хозяин поведал, что у него на протоке в разных местах забиты два яза и поставлены морды. Этого хватает на жизнь с лихвой, а больше им с Марьей не надо... Он выгрузил на клеенку готовую рыбу и скрылся в темноте. Через пару минут появился назад со здоровенной стерлядью, которая сильно изгибалась у него в руке.

— Ба? А это еще откуда? — Махнев изумленно присвистнул.

— Оттуда же, из морды. Неделью назад с большой воды забрела. По дурости, должно быть.

— Неделью назад? — не поверил Алексей. — Как это?

— Они живучие. В мокрую траву заверни, и ничего ей не сделается.

Он ловко и безжалостно разделал живую, сильную рыбку на куски и запустил в ведро вслед за доспевающей картошкой.

— Завтра в нашей ухе ложки торчмя стоять будут. Если сегодня не съедим.

Уха, действительно, получилась отменной. Даже Махнев отмяк от неудачи душой и наперебой с хозяином углубился в тонкости ужения рыбы. Они настолько увлеклись, что Алексей не знал, как вставить слово, чтобы перевести разговор в нужное русло.

Хозяин сделал это за него. Он вдруг поднял палец и вздернул вверх бородищу. В наступившей тишине отчетливо проступили ночные звуки: всплески воды на озере, утиный крик; где-то поблизости протявкала лисица. Неизвестно чей и откуда послышался протяжный вздох, будто из-под земли. Топот быстрых ног. Шуршание в кустах... Все вокруг жило,

двигалось, дышало. Правда, Алексей был уверен, что его городские уши не слышат и сотой доли того, что ведомо здесь этому странноватому человеку.

Хозяин сделал неопределенный жест по сторонам, повел глазами.

— Вот это и есть, други, земля обетованная. Где пуп ре-зали. А не в Иерусалиме, на земле иудейской, куда наши иерархи православные поклоны бить ездят. Назарянину, — неожиданно заключил он, одному себе подливая водки. — А почему Иерусалим, собственно? Почему в таком разе не ехать в тундру к чукчам? У них тоже боги, свои. Не хуже Назарянина. Тысячелетиями во льдах выживать помогали. А когда наши попы чукчей окрестили, так и все — нет народа. Вымирающее народонаселение. Стадо христово.

Под густыми, белыми бровями глаза хозяина сверкали непримиримым раскольничьим блеском.

— Религия? Это тебе не кафтан с чужого плеча. Не впору вроде, но носить можно. Религия — это менталитет народа. А по гамбургскому счету — его душа, боговдохновенная. Как это ты свою бессмертную душу, русскую душу, на иудейскую променяешь? Что от тебя останется?

— Ну, иудаизм и христианство... старый, новый заветы, по-моему, не одно и то же, — не слишком настойчиво возразил Алексей, лишь бы не дать утухнуть разговору.

— Не скажи! Эти ноги из одной задницы растут. Вот оттого и нет русского народа на этой земле. Есть вымирающее народонаселение. Рабы божьи! Ублюдки! Ибо душу свою, бессмертную, на чужой кафтан выменяли.

— Что касается меня, дядя Коля, — попер на него Махнев, — я вообще не крещеный. И вся Россия такая, кроме стариков образца тыща девятьсот пятого года. Которые не вымерли. Да политиканы с бандитами моду взяли грехи от-маливать. Так что, на народ ты зря грешишь. Он от церкви давно открестился.

— Не спеши, парень. Природа, она пустоты не терпит. А мы с вами, все — пустое место. И пустые души. Поэтому прогноз однозначный: грядет второе крещение Руси. И мало никому не покажется.

— погоди, Николай Васильевич. А мы от Анны Спири-доновны слышали, будто ты сам при местной церкви кор-мишься. Словом божьим, а? Правда, что ли?

Ничего такого деревенская старуха, конечно, не говорила. Но Алексей для пользы дела решил взять «на понт».

— Спиридониha лягнула? Она наговорит, держи карман шире.

— Соврала, выходит?

— Я художник, а не нищий. Не христарадничаю, а за свои труды... мзду беру! Есть заказ — работаю. А ты, если заказал, плати. А то поп местный, я ему полцеркви уже расписал, давай заново торговаться. Пена на губах — цену сбивает. Ну, я ему кукиш к носу, и — бывай здоров!

Он сложил здоровенный кукиш и ударил себя ладонью по стибу руки сверху вниз.

— Ни рубля не заплатил, крапивное семя. Теперь пусть сам расписывает.

— Едва ли? — Алексей с сомнением покрутил головой. — Ему сейчас не до этого. То ли заболел, то ли вовсе помер. Ты не слышал... Махно?

— Кто... поп? Поп там другой, как будто. А тот, говорили, в петле удавился, — подыграл Махнев.

Хозяин вдруг фыркнул. Тряхнул сивой бородищей.

— Ну, так что? Помянуть надо бы, а? Покойничка.

— А может, он живой? — усомнился Махнев, разливая водку. — Мало ли чего говорят.

— После моего кукиша? — Хозяин безнадежно махнул рукой. — Навряд ли.

Он выпил за помин поповской души, похрустел огурцом. Потом широко повел вокруг себя рукой.

— Вот он, мой храм. Здесь. Если в нем не поганить, то и живи, как бог. А в церквях, там бога нет. Раньше-то у русских людей баня и церковь за поганое место считались. За отхожее. В бане человек с тела грязь смывает, в церкви — с души, и кто знает, где грязи больше оставляют после себя?

Он замолчал и больше к этой теме не возвращался. В продолжение всего разговора Маша сидела в сторонке и что-то монотонно толкла в деревянной ступке деревянным, исцелянным пестиком.

— Марья? — «Дядечка» поворотил к ней большую, лохматую голову. — А спой нам чего-нибудь. Гостей уважить.

Маша еще ниже склонила головку и тихо, внятно произнесла:

— Не стану.

— Обиделась, — развел руками хозяин. — Почему, дескать, не налили ей? Прямо беда с этой девкой.

— Она разве пьет?

— Шоферня, поганцы, смеху ради споили девку. Давеча приезжаю в деревню, глянь: что такое? Три «КамАЗа» и «ЗиЛок» вдоль плетня у Спиридонихи выстроились. Целая автобаза. Ладно, иду к себе в избу, а там — дым коромыслом. Пьянь... шоферня гуляет. Двое водку за столом лопают, а

четверо на голой бабе, на пупке у ней, в карты режутся, в подкидного. Ближе присмотрелся, а это она, Марья, пьяней пьяного. Я ее соплюшкой, еще такой... знавал.

Он отмерил рукой с метр от земли. Сплюнул.

— Ну, что? Закричал, затопался на них. Пошли вон отседа, барбосы. Моя изба! Кто разрешил, так разэдак?! Выгнал... А кто непонятливые оказались, тем доходчиво объяснил. Рогами в столб и — на поруки. Ты, говорю, ублюдок, на ее месте свою сестру представь. Или мать, как ты над ними надругаешься.

Маша продолжала свое монотонное занятие, как будто речь шла о ком-то другом и до нее не касалось. Где блуждала ее душа, в каких потемках, едва ли кто-то сумел бы внятно ответить.

— И что будет с ней дальше? То же самое? — предположил Алексей.

— Нет. Мы теперь с Марьей два сапога пара. Друг дружку в обиду не дадим. А там, кто знает, как жизнь обернется.

— Уж больно сапоги разные получают, Николай Васильевич.

Хозяин хрипло рассмеялся.

— Не больно и разные. Во мне этой дури на десятерых, как Марья, достанет. Плесни-ка в стакашек. Я вам счас расскажу, как я девственность потерял. Животы надорвете...

16

... Дело как было? Я тогда школу заканчивал, среднюю, в райцентре у тетки жил. А рядом со школой, через улицу, закусочная работала. Ну, я иной раз на перемене туда заскакивал. Перехватишь наскоро и опять на урок. Вот однажды взял стакан чаю, пирог с капустой и к окну встал за столик. Хаваю. Мужик напротив с пивом, я даже внимания не обратил, время спрашивает. Я башкой помотал, откуда, мол, у пацана время? Чай допил и — в дверь, за ним следом. Тороплюся. Только за порог шагнул, мне — хлесть! Промеж глаз, будто обухом. Хлесть — в ухо! Упал — еще по зубам врезали. Ну, сам понимаешь, когда убивают, тут даже заяц лапами дергает, отбивается. Я тоже кого-то лягнул, отмахнулся, а сам ниче не вижу, только звезды из глаз.

Избили меня до полусмерти. И, главное, куда-то везут, чувствую. Потом из машины выволокли и, короче, оказался я в камере, в КПЗ. Часу не прошло — на допрос. Пинками подняли и повели. Рожу у меня перекосило, глаз заплыл, течет. И губы разбиты в кровь, едва ворочаю. Че уж он меня

спрашивал, и не понял с первого разу. Ну, меня мордой об стол приложили и — опять в камеру, без сознания уже.

Так что, думаешь, оказалось? Тот мужик, который в закусочной время спрашивал, уркаган оказался. В розыске. А меня в окно видели, разговариваю стою — за сообщника посчитали. Да еще из закусочной вместе выходим... Какие тебе еще доказательства? Сообщник и есть.

Урка, правда, от них сбежал. Не просто сбежал, а ножик оперу, когда тот сунулся, прямо в мочевой пузырь засадил. До задницы. И я, когда лягался, тоже ненароком менту по яйцам заехал. Вот тебе еще доказательство, что сообщники.

Через пару-тройку дней они, конечно, выяснили, что я за птица на самом-то деле. Но к тому времени передние зубы мне все вышибли. Нос тоже сломан, почки... кровью ссал, да много чего. На руках на допросы волочили. В общем, ошибочка у них со мной вышла, и надо это дело как-то замять. А как замять? Как обычно — сделать вид, будто никакой ошибочки не было. Короче, начали шить уголовное дело. Повесили на меня какую-то нераскрытую кражу, по мелочевке. Повесили отказ от дачи показаний, на того урку, видать. И посягательство на жизнь работника милиции в связи с его служебной деятельностью по охране общественного порядка.

Суд, слава богу, часть вины скостил. За отсутствием доказательств. Но все равно по 191 часть 2-я загремел на пять лет в места лишения свободы. Вначале к малолеткам, а когда восемнадцать исполнилось, на взросляк отправили. Лес валить. Это в Верхнекамье, за Кирсом дело было.

Ты когда видел, как зеки лес валят?.. Нет? И не надо. Короче, размечают участок леса, обычно квадрат... гектар десять. Обносят по периметру колючкой, вышки-временки на углах ставят из жердей. На вышках, понятное дело, часовые. И запускают на деляну бригаду зеков. Десять гектар вырубili, их на новый участок... тем же макарон.

Ну, что? Я на зоне тогда вторую неделю всего мантулил, только-только из карантина. После малолетки. Еще не обвык, не огляделся. Но и то чую, вроде как в зоне праздник намечается. Зеки, даже самые малахольные, эдакими петушками выступают. Шуточки, анекдоты травят. Похохотывают. Я соседа своего по шконке в бок пхнул.

— Чего такое, Степаныч? Амнистия, что ли, будет?

А он, гриб старый, коронку сидит на заказ точит. Вон зубы у меня, гляди, передние... из нержавейки все. Тоже Степаныч вставлял. Сколько, погоди?.. Тридцать, тридцать четыре года уже, и сносу нет. Верь не верь, ни разу не менял. Вот умелец был, покойничек.

— Чего, — говорю, — амнистия, Степаныч? Или как?

А он тоже козлом таким, игреливым, исподлобья на меня зыркнул и подмигивает.

— Это тебе, малай, почище амнистии будет. — И опять точит, темнила хренов. А мне невтерпеж.

— Че такое, че?

— Иди, — говорит, — подмойся вначале. Потом мне спасибо скажешь.

И гыгыкает. Потом уж, когда натешился вдосталь, и говорит:

— Это, малай, Лоханка к тебе едет. Завтра встречай.

Обратно не понял. Но надоело, что издевается. Как над несмышленишем все равно. Ладно, думаю, завтра и узнаю, что за Лоханка такая.

А завтра что? Как всегда. Отряд на бригады разбили, пересчитали, как положено, и всех на лесоповал. По делянкам. Но зеки с утра все на взводе, как на праздник идут. И охрана тоже, вроде подыгрывает им. Потом гляжу: и отрицалы, из урок которые, тоже с нами на работы вышли. Правда, когда на место прибыли, ни один даже крючок в руки не взял. Сели в кружок в стороне, развели костер и чифирь варят.

Ладно, после обеда уже, слышу, орет кто-то:

— Едет... бля!

Ну, вой, улюлюкают. Шапки вверх. Болта друг дружке кажут. Потом затихли — и точно, локомотив из-за лесу гудит, по узкоколейке тянется. Работу, конечно, все побросали. Стоим, шеи вытянули — все ждут. Через полчаса наш бригадир, из зеков тоже, возвращается.

— Таксу все знают? — спрашивает.

— Все! Все! — орут. — Кончай баланду травить!

— Тогда каждый за себя платит. Чтобы без недоразумений. Поняли? Вставай в очередь... жеребятина.

А сам под кайфом уже. Глаза шалые. Ну, первые, конечно, урки выстроились за паханом. Гляжу, бригадир повел пахана по тропке вверх. А там, помню, среди соснового леса полянка моховая. Кукушкин лен и ягельник, что ли? Вот там лежище устроили. Тут Степаныч мой подходит, гриб старый, и ухмыляется.

— У тебя, малай, деньги-то есть? Она, гляди, за так нипочем не даст.

— А сколько надо? — спрашиваю.

— Ежели, — говорит, — у тебя зубы целы были, то и сотни хватило бы. А так все двести готовь. — И загыгыкал. Ну, он сроду такой. С подковырками все.

Вдруг посреди леса кто-то как захохочет, будто леший.

Да с визгами, стоном! У меня аж волосы дыбом. Я на ноги вскочил, по сторонам озираюсь. Что? Где?

Тут Степаныч хватить меня за руку.

— Не пужайся, малай. Урки, видать, разогрели бабу. В раж входит.

А я совсем зеленый, обратно ничего не понял. Как разогрели? Какой-такой раж? Кто это по-дикому так хохочет?.. Гляжу: зеки один за другим уходят вверх, потом обратно оттуда возвращаются. Кто-то ширинку на ходу застегивает, кто-то вовсе штаны под мышкой несет, татуировка на бледных ляжках синее. А рожи, рожи... блудливые, у всех до одного. Щерятся вкривь, по-паскудному. Мат-перемат стоит. Урки опять в кружок сели, цифирь по кругу гоняют.

А я, чем очередь ближе, тем больше меня мандраж бьет. Аж зубы чакают. Вроде восемнадцать стукнуло, а верь не верь, я даже за титьки ни разу не держался. Во как.

И вдруг — опять хохот. Лешачина будто... морозом по коже. Зеки вокруг меня загалдели, перемигиваются. Один, рядом сидел, кепку на глаза с досады кинул, а глаза завистливые.

— От засадил так засадил, едрена вошь! А поглядеть на него, метр с кепкой. Соплей перешибешь.

— Не скажи, — отвечают. — Хреновое дерево, оно всегда в сук растет.

— А кто там такой шустрый?

— Этот, из седьмого барака который... Селиверстов поршень гоняет.

Минута не прошла, другая — опять с поляны хохочут. Потом в третий раз, да со стонами, с воем. Короче, когда этот Селиверстов на тропе обратно появился, зеки все встали и даже шапки перед ним сняли. В знак уважения. Шутка, конечно, но — оценили умельца. Есть еще, не вывелись на Руси.

Когда очередь до меня дошла, я, считай, спекся уже. Иду по тропе, на бугор подымаюсь, а ноги ватные, в коленках не гнутся, и в потной ручонке ассигнацию комкаю. Была у меня заначка. Будто на расстрел иду, ей-богу. На бугор-то поднялся — полянка беломошная, шагов десять до нее сквозь сосенки. И там, ну... вроде, баба лежит. Телогрейки под ней набросаны. А сверху одеяло, что ли, байковое до ушей натянула. Ну, тогда не жарко было, весна еще. Ближе подхожу, а у ней бутылка водяры в руке. Она ее из горла сосет. Ну, я бумажку, скомканную, на одеяло выронил и стою, как пень. Чего дальше делать, не знаю, хоть убей. А она, шалава крашенная, отсосала сколь надо, бутылка в руке и — на меня уставилась. В упор.

— О! Мальчик пожаловал. Хха!

Голос низкий такой, с хрипотцой. Годов двадцать пять — тридцать тогда ей было, как теперь понимаю. С первого взгляда ведь угадала, что я с бабами сроду дела не имел.

— Ну, чего встал, дурачок? Раздевайся. А то передумаю.

И одеяло с себя откинула. Голая, как есть. Вся. А груди, по ведру каждая, гад буду. Потом ляжки раздвинула в стороны и всем фасадом прямо на меня... Меня как обухом по голове ударило. Ни жив ни мертв стою. И ни черта не вижу. Цветные пятна перед глазами плавают, будто на солнышко смотришь.

Уж не знаю, сама, что ли, она штаны с меня спустила? Потом за член двумя пальцами взяла и сдавила. Это если у кого гонорея или еще чего, то из канала гнойные выделения будут. Проверяла, стало быть, братву на вшивость.

Но только она взяла меня, значит, за это дело, я тут ей все и спустил прямо на руку. Даже на грудь сопли повесил. А самого дрожь бьет, будто крупнокалиберный пулемет в руках очередями работает. Ну, все, думаю. Хана! Теперь сраму не оберешься, особенно, если зона узнает. Но то ли не я один такой... мало ли чего бывает после воздержания? То ли пожалела она пацана зеленого, не знаю. Виду, однако, не подает. Бутылку в руки мне сунула.

— Хлебни, — говорит, — малыш. Успокойся.

А я едва-едва горлышком в рот себе попал. До того руки трясутся. Но впрямь прояснело в голове.

— Теперь, — говорит, — вытри меня. Раз уж нагадил. Ну?

Я тельняшкой своей сопли с нее оттираю, а она... грудь бултыхается, вся нараспашку передо мной, белая, бесстыжая. И жар от нее, руки обжигает. Короче, кровь во мне закипела и — опять торчу. Вот ногтем щелкни по нему — звенит. Как металл. Молодой, что тут скажешь? У меня потом сколько баб было всяких, а слаще нее, поверь, ни одной не помню.

Ну, что тут началось! Если когда и был рай на земле, так это тут, в лесу, на поляночке. Даже когда она захохотала подо мной по-дикому, довел, видать, до исступления... у меня слезы по щекам катятся, целую ее, ласкаю, милую. «Кто тебя, ладушка, такую выдумал?» — шепчу на ухо... откуда и слова взялись? А она тоже не железная, почувствовала отношение и, как цветок, распустилась навстречу...

Степаных потом говорит: она, де, раз десять под тобой хохотала. Все зайцы с испугу разбежались. Чем это ты ее рассмешил эдак?

Заковыристый был покойничек, сроду не упустит. Но сказал правду. Другие бабы стонут, иной раз криком заходятся, а эта... Говорят, она бешенством матки страдала. Насчет

страдала, не скажу. Нас там семьдесят козлов было, не считая охраны. Кое-кто по второму кругу наладился, кто денежные. Да после нас ее, говорят, еще в два-три места свозили. В этот же день. А потом повезли по всем зонам, полосатиков тешить. Весенняя гастроль получается.

С того дня, сколько я срок мотал, она мне каждую ночь снилась. Я уж ее во сне окончательно-то разглядел, всю до последней родинки на теле, до волосочка.

Короче, отсидел я пять лет от звонка до звонка и освободился подчистую в восемьдесят втором. Летом дело было. Приезжаю, значит, в Киров... пересадка у меня там на Лузу, и, чтобы время скоротать, прошел туда-сюда по магазинам. По дороге, чувствую, подметка вот-вот отвалится. Нашел будку на углу, «срочный ремонт», сдал туфли, а сам в одних носках на поребрик, на тротуаре сел. Жду, пока сапожник управится. Ну, сижу, сигарету закурил, другую... вдруг черная «Волга» к магазину подъезжает и — к обочине. Чуть-чуть ноги мне не отдавила. Встала, значит, мотор заглох. Смотрю, передняя дверца открывается, и оттуда нога. Женская... я ее с ходу узнал. Столько лет по ночам снилась. Смотрю дальше: выходит из машины баба, и точно... Она! Обрюзгла, правда, груди до пупа висят, но одета куда с добром. От Кардена... хы! И сигаретка в зубах. Вышла. Огляделась и, чувствую, меня тоже взглядом зацепила. Потом сигаретку докурила, а окурочек щелчком хлоп — в мою сторону. Чуть в лоб не угодила. Сама в магазин.

Я к сирийцу, к сапожнику.

— Это кто такая, — спрашиваю. — На черной «Волге»?

— В торге работает. Большой начальник она, важный женщин.

Минут через десять-пятнадцать выходит она из магазина, в руках коробка, ленточкой перевязана и — ко мне.

— Садись, — говорит, — в машину. Быстро.

Ну, я туфли свои забрал, рассчитался с сапожником и в машину на заднее сиденье, с сидором. И что ты думаешь? Через пятнадцать минут мы уже в лесу за городом были. Достала она из бардачка бутылку водки, набулькала в стакан и мне подает.

— На, — говорит, — малыш. Успокойся.

А у самой улыбка на губах играет. Тоже поляночку, видать, вспоминала эти годы. Ну, я стакан выдул, и она стакан. Конфетами шоколадными закусили. Короче, захотела баба старую пластинку еще раз крутануть, что тут скажешь? А я... разве я против, да еще после зоны? После таких-то снов? Но когда въехал ей туда, по рукоятку, у меня шары на лоб. Вся манда у ней изнутри будто бумагой наждачной обернута. Брр!

В общем, не получилась у нас любовь на поляночке. Видно, за пять лет гастролей ей такую там мозоль натерли... будто пятка у бегемота.

...Вот такая, значит, история, — заключил хозяин. Потом оглядел гостей и осведомился: — А вы чего не смеетесь? Не смешно, что ли?

— Да уж... смешного мало.

— Хха! А то я придурку одному рассказал это дело, так он до сих пор, как увидит меня, так со смеху помирает. С юмором мужичок оказался.

Он хлопнул себя по мосластым коленям, встал.

— Ладно, коли не смешно, тогда пора и на боковую. За полночь уже.

17

Утром Алексей проснулся едва свет. Дядечка с Машей еще спали в шалаше на нарах под кучей тряпья. Зато Махнев куда-то уже сходил, вымок, и теперь, стоя на коленях, раздувал под дровами тлеющие в золе угли. Поставил чайник.

Глядя на его расстроенную физиономию, Алексей даже спрашивать не стал. И без того все было ясно: рыбалка не состоялась. Он выбрался из спального мешка, прихватил мыло, полотенце и отправился на берег озера. Когда минут через двадцать, освеженный, он вернулся к костру, Махнев уже допивал кружку чая.

— Все, Леша. Пей чай, собирай свои манатки и дуй к реке. Похоже, делать здесь больше нечего.

— Сматываем удочки?

— Сматываем, — Махнев кинул на плечо рюкзак и скрылся среди деревьев.

Сзади, за спиной, раздалось покашливание. Дядечка сидел на нарах, большой, лохматый, и расчесывал пятерней спутанную сивую бороду. Громко фыркнул.

— Он чего, приятель у тебя? На рыбу, что ли, обиделся? Бурчит, вроде как.

— Скорее, расстроился. У него, Николай Васильевич, четверо пацанов на руках, мал мала меньше. Да теща с женой, обе из разряда малооплачиваемых. По сути, шесть иждивенцев получается. Так что, понять можно. Еще старухам в деревне рыбы пообещал. А теперь за свои обещания колбасой и тушенкой будет откупаться, я его знаю.

— Ну и дурак! Кто ж непойманную рыбу обещает? Дурак и есть.

Он повозился на нарах, побряхтел.

— Ты вот что, парень, отговори-ка своего приятеля сети сейчас снимать. Не время пока. Рыба, ее вроде нет, нет, а потом, глядь — она сама дуrom в сети лезет.

— Так они и без того целую ночь простояли. Куда ж еще?

— А вы час-другой погуляйте. Грибов поищите. Мало ли?

— С грибами, Николай Васильевич, здесь тоже не густо. Дядечка хрипло хохотнул.

— А ты не на елки гляди, когда ищешь. Они под елками растут, грибы-то.

Алексей возражать не стал. Под елками так под елками. К тому же уезжать сейчас, ничего толком не узнав, в его планы не входило. Он выпил свой чай, взял под грибы пакет и пошел «отговаривать» Махнева. Но когда добрался до берега, тот уже был на воде, чистил сети от хлама. Видимо, Махнев и сам решил с отъездом повременить.

В лесу было сыро, росисто, и старая кирзятина на ногах быстро набирала влагу. Зато грибы, действительно, стали попадаться, особенно в низинках, ближе к болотине и в других влажных местах. Спустя полчаса Алексей даже не заметил, как наковырял полный пакет. Чтобы ручки не оторвались, он взял его под мышку и отправился к костру. За новой посудинкой.

Ни Маши, ни дядечки у костра уже не было. Зато Махнев сидел тут и с довольным видом дул чай.

— Чего это ты светишься? Даже смотреть противно.

— А ты не на меня. Ты сюда смотри, — Махнев ткнул кружкой в лежащий рядом мешок, из которого торчал наружу здоровенный рыбий хвост. — Господин Сомов. Килограммов на восемь, а то и на все десять потянет. Вот так-то.

Губы у Махнева сами собой разъезжались в счастливой улыбке.

— Представляешь, один-единственный. Никакой другой рыбы. Я верхнюю веревку тяну, перебираюсь, а он мордой, видать, ткнулся в сеть и стоит, понять ничего не может. Ни туда, ни сюда. И я не пойму. То ли коряга, то ли бревно какое — не шевелится даже. Наверх подтягиваю, бля! Сом! Не в сетке, а возле сетки, ни одним плавником не запутался. Что делать? Ну, я нижнюю веревку под него подве-ол и, как в гамак, хоп — закатал. Ох, он у меня тут и заходил, и забился, и начал мотать, чуть руку не вывернул, Ладно я его шкворнем по башке успел... хрясь! А то, ей-богу, бы утопил. Вишь, мокрый насквозь. И пол-лодки воды черпанул.

— Сети снял?

Махнев посмотрел на него с явным удивлением, как на

придурка, словно это не он сам полчаса назад велел ему собирать манатки. Алексей ухмыльнулся.

— Все ясно.

...К полудню весь улов, едва поместившийся в три мешка, был перегружен в лодку. Затем рыбаки осторожно уложили мешок с грибами и половину вещей. Больше места в лодке не нашлось, поэтому переправу решили осуществлять в два рейса. Алексей оттолкнул тяжело груженное плавсредство с Махневым от берега и отправился к шалашу попрощаться с хозяевами. Лусников Николай Васильевич сидел возле костра на корточках и лениво опишивал глухаря, добытого с помощью петли на кормежке.

— Ну, как он, дружок у тебя, доволен рыбалкой?

— На крыльях летает.

Хозяин довольно хохотнул.

— То-то ж! А я, парень, с уха тощать начал. Дай, думаю, жаркое, что ли, состряпаю. Вчера только очеп поставил, сегодня, глянь: уже сидит. Здоровущий собака. Жир с него, вишь, капает.

Алексей покопался у себя в рюкзаке и достал бутылку водки.

— К жаркому.

— О! За это дело спасибо. Не откажусь. — Он сходил и сунул бутылку под тюфяк. Вероятно, подальше от Маши. — А вы никак собрались уже?

— На работу завтра. Да и улов тоже сохранить надо бы.

— Это верно.

— А вы сами с Машей долго здесь куковать собираетесь?

— До холодов еще проживем. Как замерзать станем, так с Марьей в деревню, к печке поближе. А там, глядишь, в город переберемся. Небось, новый попик поговорчивей окажется. Лучше моего ему тут никто не распишет. А на московских да на питерских шарлатанов у прихода мошна не потянет.

Алексей согласился.

— У меня, кстати, тоже заказ для вас имеется. Много, правда, заплатить не получится. Но цену, обещаю, сбивать не стану. Все по уговору, копейка в копейку. Если договоримся, конечно.

— Это смотря какая работа, — без особого энтузиазма заметил хозяин.

— Есть у меня, Николай Васильевич, знакомая. Редкого обаяния женщина. И характер чудный. Если сумеете написать портрет хотя бы в десятую долю того, что есть в натуре, я думаю, это будет не худшая из ваших работ.

Ответа Алексей ожидал довольно долго. Хозяин неторопливо дощипал глухаря, сполоснул руки и принялся палить тушку над костром.

— Портретом я не занимаюсь. Это не мой жанр. Особенно, если человек попадется хороший, — со странной усмешкой добавил он.

— Не понял. Что значит, хороший? А если плохой попадется?

— Так ведь не поверишь, если скажу.

— Ну... почему же?

Хозяин фыркнул, тряхнул лохматой головой.

— Глаз у меня дурной. Соображаешь?

— Это что, сглазить можешь? Или как?

— Сглазить тоже могу. Поэтому портретом не занимаюсь. Чтобы людей зря не портить.

Он заметил на лице у собеседника недоверчивое выражение. Пояснил:

— В народе это дело «порчей» называется. А на птичьем языке, на нынешнем, происходит съем так называемой ауры у портретируемого. Соображаешь? Человек без нее — как будто кожу содрали заживо. Кусок мяса ходячий.

— И куда эта аура девается будто бы?

— А на портрете остается. Портрет как живой получается. А натура, считай... мертвая. Так-то вот.

Вначале Алексею показалось, что хозяин попросту говоря «лепит ему горбатого». Но непонятная смерть отца Амвросия, ощущение его присутствия, когда они стояли в церкви перед иконой Чудотворца, другие детали весьма логично вписывались во все эти невероятные рассказы. Чтобы не гадать понапрасну, Алексей задал вопрос напрямую:

— Выходит, с отцом Амвросием тоже порча приключилась?

Хозяин хрипло хохотнул. Но смех был жесткий, как удары деревянного молотка в стену.

— Удавился батюшка, это верно. И ничего тут не попишешь. Сам удавился, собственноручно. — Он вдруг сделал испуганные глаза. — Или насочинили уже?!

— Что насочинили? — не понял Алексей.

— Статью в Уголовном Кодексе, чтобы карала человека за дурной глаз? А, прокурор?

Прокурор от души рассмеялся.

— Нет такой статьи, это верно. А я понять не могу, почему не спрашиваешь, кто такие, откуда, где работаете?

— Оно мне без надобы. Я вашего брата по ухватке за версту вижу. Вы еще в лодку на той стороне сядились, а я уже знал, кто едут такие. И зачем.

Алексей протянул руку.

— Ладно, давайте, Николай Васильевич, прощаться. Дейст-

вительно, приятно было познакомиться. Но портреты, в самом деле, писать больше не стоит, при таких-то талантах.

— Вот те раз!

Хозяин вытаращил на него удивленные глаза.

— Ты чего, и вправду поверил? Ха-ха-ха! И в голову не бери, а то впрямь не за понюх посадишь. Опять... лет на пять.

... Из трех мешков рыбы один рыбаки оставили красноглинянским старухам на прокормление и в пятом часу вечера покатали в обратном направлении. На въезде в город Махнев скосил на прокурора плутоватые глаза.

— Ну и куда теперь? К Анне, к Людочке, к Светлане? А может, домой?

— Тебе, конечно, домой. Махновцев кормить рыбой надо? Надо. А я как получится. Куда сироту пустят.

— Ладно, сирота. Но если нигде не пустят, мало ли, тогда напрямик к нам. Мои тебе рады будут.

— Спасибо за приглашение.

Алексей разгрузил Махнева со всем скарбом прямо у ворот его избы и двинулся на другой конец города, к Анне, с трудом отгоняя от себя паническую мысль, что ее не окажется дома, и не представляя, как он сумеет это пережить.

По счастью, Анна была дома...

18

На следующий день Махнев связался по телефону с подмосковным Ногинском. Результаты проверки, проведенной местными правоохранительными органами, показали, что подозреваемый Гладышев Михаил Григорьевич, по кличке Хрящ, выехал 28 августа в неизвестном направлении, т.е. за три дня до покушения на прокурора, и до сих пор не объявился. Домочадцы о местонахождении подозреваемого ничего сказать не могут, даже предположительно. За квартирой установлено наружное наблюдение, связи выясняются.

С этой информацией Махнев зашел к прокурору, Алексей выслушал его, покачал головой.

— Хрящ не объявится. Для него это смертельный номер. Через пару-тройку дней наблюдение придется снять, а связи, да... связи необходимо прощупать. В любом случае. Роман Юрьевич, у этой «заказухи» явно московская прописка.

— Думаешь, «Российский лес»?

— Скорее всего. Ресурсную базу мы из-под них выбили. Но у этих господ из «Российского леса» тоже проблемы. Вроде наших. Вот, прочти.

Алексей передал Махневу газету «Московский комсомолец». Ткнул пальцем в короткую информацию, обведенную желтым фломастером.

«Сегодня утром в собственном джипе на Кутузовском проспекте найден труп некоего Абдулханова с огнестрельным ранением головы. Потерпевший известен как руководитель крупной торговой фирмы, занимающейся поставками российского леса за границу».

Махнев покрутил газету в руках.

— От 30 августа... Спустя два дня после покушения на прокурора, хм? Странная дата, тебе не кажется?

— Кажется. Но, честно говоря, связи уловить не могу. Кстати, есть еще один лакомый кусок. Скважина на «Юбилейном».

— На «Юбилейном»? По-моему, там ничего лакомого. Обычная поисково-разведочная скважина. Вместо нефти гольный мазут. Низкое газосодержание...

— Непромышленные запасы? — усмехнулся Алексей.

— Ну, да. Потому и забили.

— Так вот, Роман Юрьевич, эта версия для непосвященных. Вспомни, когда забили скважину? Приватизацией тогда еще не пахло, только-только подбирали отмычки. Зато узкий круг посвященных лиц сделал весьма дальновидный шаг. Объявили бесперспективным довольно крупное месторождение с разведанными запасами до шестидесяти миллионов тонн. Сейчас вокруг месторождения начинается подковерная возня. Посвященные товарищи начинают искать подходы, как бы половчее и подешевле вывести скважину из-под юрисдикции района. Причем согласием администрации эти товарищи каким-то образом уже заручились.

— Осталось заручиться согласием прокурора? — Махнев отбил пальцами бодрую чечетку. — Похоже, следующую четырехкомнатную квартиру будет получать Вася Соковнин?

Алексей отрицательно качнул головой.

— Не думаю. Второй раз подобную глупость они себе не позволят. В ход пойдут меры иного характера.

...Возвращаясь с обеденного перерыва, Алексей увидел в коридоре прокуратуры местного предпринимателя Глухова Ивана Андреевича. Последние два года отставной майор активно занимался лесом, и Алексею нередко приходилось помогать ему.

— Вы ко мне, Иван Андреевич?

— Разговор есть, — кивнул тот, пожимая руку.

— Проходите.

— Алексей Иванович, я, собственно, за вами. Полчаса-час

времени, не более. Познакомлю с мужиками, и по пути поговорим. Дело того стоит, уверяю.

Прокурор взглянул на часы и двинулся следом.

В кабине новенькой «Газели», повозив в бардачке рукой, Глухов достал пачку фотографий и передал прокурору.

— Взгляните. Знакомых рож нет?

На всех почти фотографиях была отснята девятая модель «Жигулей» с пассажирами. Снимали длиннофокусником с приличного расстояния, но лица пассажиров вполне просматривались. Одна из фотографий запечатлела проверку документов милицейским постом. Похоже, тот самый... четвертый километр. В проверяющем Алексей узнал майора Черемных.

На следующей фотографии «девятка» отъезжает. Четко прочитывается госномер автомобиля, Черемных делает рукой разрешающий жест.

Еще фотографии... «Девятка» возле магазина «Продукты». Водитель и один из пассажиров, крепкие ребята, выходят из салона. На следующих трех фото сняты только их лица крупным планом.

Затем сквозь лобовое стекло смутные очертания двух других пассажиров. Еще снимок, сбоку... но разобрать тоже трудно. Стекло бликует.

Пассажир в кепке снят со спины. Мочится на обочину... Еще снимок, в четверть оборота. Затем в профиль, застегивает ширинку. И фотография в фас.

— Вот это да!

Алексей изумленно присвистнул. На снимке был тот самый тип в кепке, который на автобусной остановке пытался проткнуть его велосипедной спицей.

— Гладышев Михаил Григорьевич, — подтвердил Глухов. — По кличке Хрящ. Комментарии требуются?

— Безусловно. Кто эти люди, во-первых?

— На нашем армейском языке их можно назвать диверсионной группой. На вашем — вооруженное бандформирование. Основная задача — уничтожение живой силы и техники противника. То есть нас с вами.

— Насчет себя я это уже понял.

— Группа, Алексей Иванович, работала на «Российский лес». Гонорар тридцать тысяч долларов на нос. Итого, сто двадцать. Наша с вами цена.

— Откуда информация, Иван Андреевич?

— Обычный промышленный шпионаж, — усмехнулся Глухов. Зная столичные нравы, пришлось внедрять в ряды любителей «Российского леса» своих информаторов.

— Понятно. Но насколько я понимаю... насколько знаю

вас, лично, диверсионная группа на сегодняшний день успешно ликвидирована? Не так ли?

— Хороший вопрос. Но для объективности начнем сначала. Эту «девятку» наши ребята вели от самой Москвы, с Кутузовского проспекта. В областном центре бандиты дооружились, запаслись пластиковой взрывчаткой и прочей хренотенью. Вот фотография, где они выходят из подъезда, квартира 187. Хозяин нам тоже известен. Мы, Алексей Иванович, вполне могли применить меры превентивного характера, то есть уничтожить группу еще на трассе. Но ребята уголовиной заниматься не захотели и решили сдать бандитов здешней милиции. Сообщили, правда, анонимно в дежурную часть и лично начальнику уголовного розыска Черемных, когда и по какому маршруту вооруженные до зубов бандиты прибудут в город. Сообщили госномер автомобиля. Результат вы видите... Черемных встречает дорогих гостей хлебом и солью. Наверняка сообщает им о нашем звонке, а это значит, что мы здесь своими законопослушными действиями подставили там, в Москве, наших информаторов. Поэтому, Алексей Иванович, было принято решение группу немедленно ликвидировать.

Алексей покачал головой.

— Насчет немедленно, это красно сказано. Хрящ охотился на меня почти неделю.

— Хрящ действует по индивидуальному плану. Даже подельники не знали, где он скрывается и какое задание получил.

— Где вы его взяли?

Глухов отвел глаза в сторону. Помолчал.

— Алексей Иванович, я не говорил, что мы взяли Хряща. И отвечаю на ваш следующий вопрос: заказчика Хрящ не знает. Даже не знает, кто ему платит, какая контора. Переговоры велись через третье лицо. Он получил задаток и фотографию человека, которого заказали. Вашу фотографию.

— Тогда каким образом они оказались в одной машине? Все четверо?

— А вот тут контора совершила грубую ошибку. В результате, выдала себя с ушами.

— Вы узнали, кто заказчик?

Глухов вынул из кармана пиджака сложенную вчетверо газету. Ткнул пальцем.

— Прочтите.

«Сегодня утром в собственном джипе на Кутузовском проспекте найден труп некоего Абдулханова с огнестрельным ранением головы. Потерпевший известен как руководитель крупной торговой фирмы, занимающейся поставками российского леса за границу».

Алексей улыбнулся. Теперь, кажется, все становится на свои места.

— Ну, что ж... С большой натяжкой, но будем считать, вы действовали в пределах необходимой самообороны.

Глухов свернул с улицы в сторону нижнего склада леспромпхоза. Вскоре он притормозил машину возле одноэтажного здания из красного кирпича.

— Наша контора. А вон там, за бетонным забором, пило-рама. Справа, возле путей, автобаза. Белого цвета — цех ширпотреба. Рядом мебельный цех. Поставим новое оборудование, будет мебельная фабрика. Плюс цех глубокой переработки древесины. На все про все сто пятьдесят рабочих мест. Это пока. В основном работают бывшие военнослужащие из числа офицеров и члены их семей. Так что московские иждивенцы нам здесь ни к чему. Прошу за мной...

Заседание штаба, как определил его Глухов, проходило в небольшом кабинете. Первым делом Глухов представил собравшимся прокурора, назвал фамилии штабистов и их должностное положение.

— Из двадцати восьми районов области, — начал он, — только одному повезло с прокурором. Это нам с вами. По сути, в одиночку Алексею Ивановичу всего за полтора года прокурорства удалось блокировать номенклатурный беспредел в нашем районе. Не стану перечислять все заслуги, остановлюсь лишь на последних акциях. Вы знаете, усилиями Алексея Ивановича с территории района, а затем области был запрещен вывоз леса-кругляка. Но директора здешних леспромпхозов нашли выход. Партию первоклассной древесины они оформляют как дрова, вывозят, а разницу кладут себе в карман. В настоящее время на трех директоров леспромпхозов прокуратура завела уголовные дела, ведется следствие. Еще одна готовящаяся акция — глубокая аудиторская проверка банковских счетов здешней мэрии.

Заметив изумленный взгляд прокурора, Глухов пояснил:

— Не удивляйтесь, Алексей Иванович. У нас есть своя спецслужба, поэтому мы в курсе всех основных событий...

Для нас, бывших военнослужащих, для нашего акционерного общества в том числе, Алексей Иванович сделал больше, чем любой из присутствующих, включая меня. В частности, на период становления он помог нам избавиться от местных налогов и части федеральных, помог с льготными кредитами. С его помощью... можно сказать, задарма мы приобрели всю необходимую технику. Автокраны, тягачи, трелевочники, грузовые машины, колесные трактора. Именно он обеспечил нам юридическую сторону

дела, когда мы начали расширять производство и брали в аренду новые цеха.

Но! Если нам, действительно, крупно повезло с прокурором, то Алексею Ивановичу повезло с нами гораздо меньше. Вернее, совсем не повезло. На прошлой неделе на его жизнь покушались дважды. Такие попытки, насколько я знаю, предпринимались и раньше. Поэтому оставаться в стороне и по-прежнему быть неблагодарными мы с вами не имеем морального права. У нашего прокурора спина должна быть надежно прикрыта. Возражения есть?

Глухов обвел глазами лица присутствующих.

— На этот раз возражений нет.

19

После заседания штаба, кроме прокурора и Глухова, в кабинете остался еще один человек, худощавый блондин лет сорока с прямыми, резкими чертами лица. Прямые, в линию, брови, глаза, прямой нос, прямоугольный лоб и подбородок, — геометрически безупречная форма лица.

— Иван, — коротко представился он и протянул прокурору квадратную, жесткую ладонь.

— Мой тезка, — кивнул Глухов. — И по совместительству начальник нашей спецслужбы. На сегодня это основная его обязанность.

Он жестом пригласил всех к столу.

— Доложи обстановку. И лучше без умолчаний, как есть.

Судя по тому, что Иван повернулся к нему, Алексей понял, что Глухову обстановка вполне известна и дальнейшие действия ими обговорены.

— Алексей Иванович, трое из этой банды нами ликвидированы. Вместе с машиной. Это, кто играл против нас на нашем поле. К сожалению, ваш визави, по кличке Хрящ, в силу некоторых обстоятельств из нашего поля зрения выпал. Но есть предположения, что Хрящ до сих пор находится в городе, возможно, где-то в окрестностях. И намерен заказ выполнить. В данный момент наверняка готовит против вас очередную акцию.

Алексей изумленно вскинул брови. Перевел взгляд на Глухова.

— Откуда такие предположения? Если без умолчаний, конечно.

— Игра в прятки, Алексей Иванович, между нами закончилась. Сейчас мы с вами должны работать в одной команде. Иначе раздавят... поодиночке.

Начальник спецслужбы выждал короткую паузу, вновь повернул лицо к прокурору.

— Откуда такие предположения, вы спрашиваете? Обычный шкурный расчет. Нашим бандитам московская контора вручила лишь задаток, то есть треть оговоренной в контракте суммы. И оплатила подъемные. Остальные две трети они должны были получить по исполнению контракта уже на месте.

— На месте, это где? Здесь, в городе?

— Да. От кого-то или через кого-то из местных лиц, завязанных на экспорте леса.

— И кто они, эти лица, вам удалось узнать?

Начальник спецслужбы качнул головой.

— Способ передачи денег так называемый бесконтактный. После исполнения терракта бандиты забирают деньги в указанном месте. Где находится это место, они узнают из записки, оставленной на «до востребования».

— Вы полагаете, способ расчета с Хрящом тот же самый?

— Думаю, да. Хрящ сможет получить свой куш только после исполнения заказа. И он постарается его получить.

Аргументы были серьезные, и Алексей вынужден был согласиться. Две последовавшие одна за другой попытки не исключали третьей. То, что после убийства Мингазова, соседа по гостиничному номеру, Хрящ не ударился в бег, а продолжает оставаться в городе — факт при подобном раскладе бесспорный. Хрящ жаждет получить вознаграждение, но вместо ожидаемых денег наверняка получил уведомление, что застрелил вовсе не прокурора. Зато переполоху наделал на всю область. Кроме того, Хряща наверняка уведомили, что из Москвы на него поступили учетные данные, что он объявлен в розыск и что подробная ориентировка с фото-мордой лежит у каждого опера в кармане.

Для заказчиков и здесь, и там, в Москве, Хрящ вряд ли опасен, поскольку ни тех, ни других не знает, а связь между ними носит односторонний, к тому же разовый характер. Зато для прокурора он представляет опасность безусловную. Во-первых, ему позарез нужны деньги, чтобы исчезнуть, причем надолго; во-вторых, для амбициозного, напористого Хряща (так записано в поступившей с данными учета характеристике) замочить «сволочь-прокурора», наверняка, стало делом чести. Значит, охота продолжается?

Алексей поднял на собеседников глаза.

— Так, и что будем делать?

— Для начала необходимо отловить Хряща, — жестко, будто на плацу, отрубил Глухов.

— Есть план?

— Безусловно. Кстати, у вас оружие какое-никакое имеется?
Алексей кивнул. После второго покушения, когда тайна потеряла смысл, он немедленно оформил разрешение и даже опробовал пистолет в тире.

— Есть. Пистолет Стечкина.

— Хорошо. Хотя, надеюсь, он вам не понадобится.

— Зато нам, Алексей Иванович, понадобится ваша помощь. У Хряща в силу известных обстоятельств все дороги сейчас ведут в Рим, то есть к вам. А чтобы дорог было не слишком много, у нас к вам просьба — ограничить на ближайшую неделю маршруты вашего передвижения тремя-четырьмя. Скажем, так: прокуратура, милиция, суд... ну, и, конечно, квартира. Это возможно?

— Вполне.

— В наиболее опасных точках мы расставим наших людей. Надеюсь, Хрящ ждать себя не заставит. Сегодня это не в его интересах.

Алексей улыбнулся.

— Только постарайтесь, чтобы в темноте я не принял кого-нибудь из ваших людей за Хряща и не открыл пальбу.

— Исключено. Кроме человека, который будет сидеть у вас в приемной, наших людей вы не увидите.

По данным начальника спецслужбы, наверняка выбитым из бандитов, у Хряща в наличии имелся пистолет с глушителем и взрывчатка. Учитывая, что прокурор настороже, к тому же носит бронежилет, стрелять ему придется с близкого расстояния в голову. Едва ли после двух несостоявшихся попыток прокурор даст ему такой шанс. Хрящ, надо полагать, это понимает, и скорее всего в ход пойдет взрывчатка. Лично он, Иван, на месте преступника поступил бы именно так.

Они перебрали возможные места появления прокурора и варианты использования взрывчатки. Днем Хрящ наверняка рисоваться в городе не станет, слишком опасно. Значит, действовать будет ночью. Может заминировать подъезд или установит растяжку на двери. Если оставить без присмотра, заминирует машину. Пожалуй, вариант с машиной самый перспективный. Попробуем проработать...

Спустя полчаса, когда все детали были оговорены, начальник спецслужбы, прощаясь, пожал Алексею руку, но выпускать не спешил.

— Одно условие, Алексей Иванович. Надеюсь, вы нас поймете правильно.

Алексей усмехнулся.

— Смотря какое ваше условие.

— Хряща после поимки вы отдаете нам. Никаких уголов-

ных дел и прочей процессуальной возни быть не должно. — Заметив сомнение в глазах прокурора, он добавил: — Это не наши правила игры, мы вынуждены их принять.

— Шкура неубитого медведя?.. Считайте, договорились. Она ваша.

Намеченный план действий вступал в силу немедленно, поэтому Алексей не слишком удивился, когда в коридоре прокуратуры к нему подошел молодой человек с явно армейской выправкой.

— Я от Ивана.

Алексей кивнул.

— Предупредите сотрудников, что вам для личной охраны выделен человек. Это чтобы избежать ненужных расспросов.

— Как ваше имя.

— Вадим. Фамилия Бурылев.

— Вы намерены сопровождать меня?

— Я нет. Мой пост — прокуратура и прилегающая территория.

Оставшись в кабинете один, Алексей заварил чашку кофе и задумался. Тот факт, что люди Глухова вели «девятку» с бандитами от самой Москвы и сумели остаться незамеченными, сумели сделать подробный «фоторепортаж», а затем без шума и грохота ликвидировали банду, ликвидировали даже главу компании Абдулханова, говорит о том, что народ подобрался серьезный. Правда, работа оперативника и служебные обязанности армейского офицера — две большие разницы, поэтому Алексей сильно сомневался, что Глухов со своими людьми в состоянии обеспечить плотное прикрытие. Придется как всегда рассчитывать на собственные силы.

Он разложил взятые у Глухова фотографии перед собой.

...Начальник отдела уголовного розыска Черемных козыряет «девятке» с бандитами. Значит, знал о готовящейся акции. Хотя вряд ли майор Черемных является в этом деле фигурой самостоятельной. Скорее всего, получил указание обеспечить бандитам «зеленый коридор» от кого-то из местных деятелей.

От кого именно?

После пресс-хаты Черемных запирается не станет. Так что фамилия местного созаказчика, можно сказать, у прокурора в кармане, вне зависимости удастся людям Глухова отловить Хряща или нет.

Что ж, пора пообщаться с гражданином Черемных лично. Он сложил фотографии в папку и направился к двери, но на столе зазвонил телефон.

— Валяев. Я слушаю.

— Алеша, здравствуй, — в голосе Анны ему почудились

слезы. — Где ты пропадаешь? Я звоню домой, тебя нет. На работе тоже. Пытаюсь выяснить у секретарши, она отвечает: здесь не справочное бюро, а прокуратура, мы справок не даем. Хотя знает меня сто лет. И голос вежливый до омерзения. Так может разговаривать только женщина, имеющая на тебя какие-то права.

Алексей шумно выдохнул и запустил пятерню в волосы.

— Аннушка, она, действительно, не имеет права...

Он хотел сказать, что при нынешних обстоятельствах Людмиле Васильевне категорически запрещено давать кому бы то ни было, хоть самому генеральному прокурору, справки о его местонахождении. Но Анна слушать его объяснения не захотела и была по-своему права.

— Алеша, ради бога, не нужно посвящать меня в ваши отношения. Но я, пойми меня правильно... я должна знать, жив ты или тебя уже застрелили. А я не знаю, не знаю, не знаю! Я схожу здесь с ума...

Анна плакала, и Алексей вдруг понял, что он, действительно, по отношению к ней самый настоящий мерзавец. Бортников прав абсолютно. Однако ж его поразило, с какой точностью, по одной только интонации, одна женщина способна угадать в другой соперницу или какие-никакие отношения. Мужика пока не приложат мордой об стол, пока сам не застанет жену в постели с приятелем, нипочем не догадается...

Собственную непорядочность надо было как-то искупать. Алексей твердо пообещал Анне сегодня в семь вечера быть у нее с объяснениями.

20

Связь с начальником спецслужбы в случае необходимости прокурору надлежало поддерживать через личного охранника. Выйдя в коридор, он попросил Вадима Бурылева передать Ивану, что приглашен в гости к семи вечера, назвал адрес. К удивлению прокурора, тот достал из внутреннего кармана сотовый телефон и тут же передал сообщение.

— Все в порядке, Алексей Иванович. Меры принимаются.

Алексей кивнул, решив про себя, что если это и самодеятельность, то на достаточно высоком техническом уровне.

В милиции Алексей попросил начальника дежурной части капитана Хлыстуна выяснить, где и кем зафиксирован телефонный звонок от 28 августа сего года по поводу красной «девятки», госномер такой-то, с четырьмя вооруженными бандитами, въезжающими в город? Какие по этому поводу приняты меры? Судя по тому, как дернулись усы у начальника дежурной части, а глаза уплыли в сторону, прокурор понял,

что капитан милиции Хлыстун тоже в деле, и никаких более-менее связных объяснений он здесь не получит. Некоторое время Алексей буровил взглядом потную физиономию начальника дежурной части, потом приказал доставить для допроса задержанного Черемных.

Хлыстун явно занервничал.

— Сейчас я его доставлю, — он суетливо шагнул к зарешеченной двери, лязгнув запором.

Алексей жестом остановил его.

— Пусть этим займется, ну, скажем... сержант Харитонов. Видите ли, — сердечным голосом пояснил он, когда сержант вышел, — первым с Черемных должен поговорить я. А не вы. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Так точно.

— Вот и отлично.

Алексей подождал, пока проведут Черемных, и, бросив на Хлыстуна многообещающий взгляд, отправился следом.

Сержант пристегнул задержанного Черемных наручниками к батарее отопления, хотя этого можно было не делать. Перед прокурором сидел полностью сломленный человек, даже не человек — полугнилой овощ, выброшенный за непригодностью. Некогда пунцовые, выбритые до синевы щеки майора Черемных теперь висели дряблыми, морщинистыми мешками, покрытые грязно-серой щетиной. Зубов передних, похоже, не осталось — рот запал вовнутрь, и подбородок, некогда двойной, теперь острым, источенным оселком торчал далеко вперед, постоянно двигаясь из стороны в сторону, как у дряхлого старика. Но жалости к нему Алексей внутри себя не ощутил. По делам козлу и мука, непримиримо подумал он. Поэтому спросил сразу, в лоб:

— Гражданин Черемных, от кого вы получили команду прикрыть машину с бандитами?

И чтобы у задержанного не возникло соблазна снова прикинуться шлангом, шлепнул на стол перед носом одну за другой две фотографии: Черемных делает вид, будто проверяет у бандитов документы. На другой фотографии Черемных делает разрешающий жест. На машине отчетливо просматриваются московские номера.

— Вопрос понятен?

После длинной, жующей паузы задержанный с хрипом выдал:

— Да.

И снова бесконечная пауза с отвратительно пережевывающим что-то острым подбородком. Алексей раздраженно поднялся с места.

— Кто дал вам команду? Фамилия, место работы? Ну же, ну?!

Он с угрожающим видом наклонился к задержанному.

— Давайте, гражданин Черемных, попробуем избежать повторения однажды пройденных уроков. Поверьте, я могу вам это устроить. Еще раз и по полной программе.

Он вдруг увидел, как из-под опущенных, дряблых век по щекам задержанного потекли слезы, а плечи задержались в глухой, безысходной истерике. Отвернулся к окну.

— Вот что, майор. Могу гарантировать, это признание и это дело я на вас вешать не буду. Видите, я даже не веду протокол. Все останется сугубо между нами. С вас требуется одно: фамилия человека, отдавшего распоряжение.

Сквозь сипы и бульканье в глотке прокурор с трудом разобрал:

— Наумов... Борис Модестович.

Знакомая фамилия? От кого-то Алексей уже слышал, кажется?

— Он кто? Этот Наумов?

— ТОО «Супра»... директор.

Вот оно что! Господин Наумов не кто иной, как двоюродный брат жены многоуважаемого мэра. Именно о нем говорил во время своего приезда Бортников и именно ему вручил как посреднику привезенные четверть миллиарда — процент с оборота детских пособий, невыплаченных зарплат и пенсий. Похоже, круг замкнулся. Не исключено, что заказуха на прокурора тоже оплачивается на процент от детских пособий, доставленных Бортниковым.

— С кем еще вы входили в контакт?

— Я имел дело только с ним, — после паузы просипел Черемных.

— Понятно. И он же расплачивался с вами за услуги?

Черемных молчал.

— Ладно, майор, — Алексей сунул фотографии в папку. — Я, как обещал, свое слово сдержу. Дело на вас, еще одно, вешать не стану. Прощайте.

В дежурной части прокурор вопросительно воззрился на капитана Хлыстуна.

— Ну, так как? Звонок был, от 28-го августа?

— Не было, Алексей Иванович, такого сообщения, — Хлыстун сделал недоумевающее лицо и широко развел руками. — Дежурный во всяком случае не помнит. Поэтому ничего нигде у нас не зафиксировано.

— Хм? А вот майор Черемных утверждает, что такой звонок был. И вы, капитан Хлыстун, будто бы очень даже в курсе.

Усатое лицо капитана снова разом покрылось обильной испариной.

— Он же невменяемый, этот Черемных. Он сейчас в таком состоянии, сволочь, маму родную может заложить!

— Сегодня, к сожалению, мне некогда, — прокурор задумчиво потрогал капитанский погон. — Но завтра-послезавтра мы с вами к этому вопросу обязательно вернемся. Так что концы вы все же поищите, голубчик. Или спрячьте. Чтобы, не дай бог, самому не оказаться на месте Черемных.

Для убедительности он подержал перед носом у Хлыстуна фотографию, на которой ясно прочитывались номера бандинской «девятки».

— Черемных вполне даже вмняем, капитан. Так что имейте это в виду.

... У Анны Алексей появился ровно в семь вечера, как и обещал. С цветами. Он загнал машину в недостроенный бокс и обошел подворье. Но даже при внимательном осмотре не заметил следов присутствия посторонних. Если люди Глухова были здесь, то действовали они вполне профессионально. А если нет...если налицо обычное российское разгильдяйство, квалифицируемое обычно как служебная халатность?.. Алексей передернул плечами. В этом случае они с Анной оказываются полностью во власти преступника. Глухая ночь, дом в лесу на отшибе... Да он просто-напросто разнесет все в щепки. Если хватит взрывчатки. Подымет их на воздух.

Если бы речь шла только о нем, Алексей свои сомнения как-нибудь пережил. Но подставлять Анну, рисковать ее жизнью он не имеет права. Пожалуй, стоит извиниться и, сославшись на дела, уехать. До темноты.

— Алеша! Тебя к телефону, — Анна с веранды помахала ему рукой.

«Вот, кстати, и повод, чтобы сослаться», — облегченно вздохнул он, недоумевая однако, кто мог знать о его местопребывании. Небось, опять Махнев, клоун хренов?

— Да, слушаю! — Он взбежал на веранду и взял трубку. — Говорите.

Приглушенный голос по фразам внятно произнес:

— Алексей Иванович, мы здесь. Не беспокойтесь. С наступлением темноты постарайтесь из дома не выходить. Шторы держите опущенными. К окнам не приближайтесь. Как поняли?

— Отлично понял.

В трубке щелкнуло, и абонент отключился. Алексей постоял в раздумье, покачиваясь с пяток на носки, и отправился искать Анну. Он нашел ее на кухне возле окна с чашкой остывшего кофе в руке. На столе лежали неразобранной грудой привезенные им продукты, охапка темно-красных

пахучих роз и бутылка вина. Алексей тотчас понял ее состояние и поспешил успокоить.

— Аннушка, это моя охрана проявляет заботу. Просят не приближаться к окну, опустить шторы и не выходить из дому без крайней необходимости.

Он приобнял ее за плечи и нежно поцеловал в щеку. Анна слабо улыбнулась.

— Меня это тоже устраивает.

Она собрала розы в огромный благоухающий букет и с наслаждением погрузила в него лицо. Затем поставила цветы в высокую вазу из темного стекла и сбрызнула водой. Эти простые, неспешные движения, исполненные грации, сияющий взгляд, брошенный вскользь из-за плеча, блуждающая на губах полуулыбка как рукой сняли с души ожесточение и агрессивность последних дней. Алексей обмяк.

«Как только возьмем Хряща, засылаю к Анне сватов», — решил он про себя.

— Ты что-то сказал?

— Я? Сказал? — Алексей удивился. Привычки разговаривать вслух он за собой прежде не замечал.

— Ну, да. — Анна заглянула ему в глаза. — Сказал. И, кажется, что-то судьбоносное. Я не ослышалась?

— Гм? А что именно?

— Алешенька, я сама хочу выяснить это у тебя. Почему ты спрашиваешь?

— Потому, что я ничего не говорил.

— Разве?

— Вслух, по крайней мере.

— Вот видишь, — она обрадованно улыбнулась. — Ты подумал, так? Почему ты не хочешь сказать, о чем ты подумал? Это что, служебная тайна?

Алексей молчал. Анна явно не делала разницы между «сказал» и «подумал».

— Нет, это не служебная тайна, — он сделал несчастное лицо. — Я, Аннушка, кажется, попал от тебя в наркотическую зависимость. Окончательно.

— Почему в наркотическую? Может, это любовь... наконец?

— Нет, это именно зависимость, — упрямо не согласился Алексей.

— А по-моему, миленький, ты очень боишься слова «любовь». Сознайся! Язык не поворачивается.

— Любовь, это и есть зависимость. Наркотическая.

Анна вздохнула, но возражать не стала. Правда, спустя минуту с укоризной произнесла:

— Ты так и не ответил на мой вопрос. Улизнул, да?

Телефонный звонок раздался в четвертом часу утра. Стараясь не разбудить Анну, Алексей впотьмах нашарил у себя в изголовье телефон.

— Да?

— Алексей Иванович, выйдите на веранду.

Голос был тот же, слегка приглушенный. Алексей наспех оделся, сунул в карман куртки пистолет и на цыпочках осторожно выскользнул из спальни. Но, прикрывая дверь, услышал как сзади щелкнул выключателем ночник. Пришлось вернуться.

Анна сидела на кровати, обхватив колени руками. Темная россыпь волос скрывала лицо. Но Алексей уже знал эту ее позу, знал, что она плачет. Он вдруг представил себя на ее месте, и острая волна жалости захлестнула его с головой. Он вел себя в точности, как покойный Хлыбов, потому что держал Анну в полном неведении относительно того, что происходит. В него, ее любимого человека, кто-то стреляет, он скрывается, она не видит его иногда месяцами, а когда он наконец появляется, охрана настаивает, чтобы он не приближался к окнам, задернул шторы... по сути, боевые действия разворачиваются в стенах ее дома. И она ничего не знает.

Алексей опрокинул Анну на кровать, покрывая мокрым от слез лицо, глаза торопливыми поцелуями.

— Аннушка, милая, прости. Я вернусь сейчас и все-все тебе расскажу. Тебе это необходимо знать. Прости меня... пожалуйста.

Он покидал спальню с застрявшим в горле острым комком. Ее безропотная готовность принять от него любую боль, мучительное ожидание, неведение... любую гадость, иначе не назовешь, сводила с ума.

На веранде было темно и холодно. Скрипела на ветру полуоткрытая дверь. Он постоял несколько, пока глаза начали различать смутные силуэты. Двинулся к выходу. Из темноты его окликнул знакомый голос:

— Алексей Иванович?

— Я.

От стены отделилась навстречу бесшумная фигура.

— Иван?

— Он самый.

— Что-то случилось?

— Ребята его взяли.

Алексей присвистнул.

— Где?

— Прямо в машине. Приспосабливал под сиденье взрывчатку. С самодельным детонатором.

По презрительным интонациям в голосе Алексей понял, что самодеятельность спецслужба глубоко не уважает. Вслед за Иваном он двинулся к недостроенному боксу, в котором с вечера оставил машину.

— Признаться, мы не хотели вас беспокоить, но есть одна идея. Необходимо обсудить.

Прокурорский «УАЗ» с распахнутыми настежь дверцами стоял на месте. Горели подфарники.

— Сюда.

Они прошли внутрь бокса. Один из «оперативников» находился в машине. Кивнул. Другой поднялся навстречу с ящика из-под облицовочной плитки. Краем глаза Алексей отметил оставленный на ящике прибор ночного видения армейского образца.

Хрящ полулежал на бетонном полу, намертво прикрученный за шею к переднему бамперу машины. Алексей присел рядом на корточки и направил луч фонаря ему в лицо. С Хрящом здесь явно не церемонились. Нос был сломан прямым, направленным ударом. Правое запястье тоже сломано, может, выбито: из-под кожи нелепо и остро торчал сустав. Шея перехвачена куском колючей проволоки и притянута к бамперу. Целая бухта этой проволоки валялась тут же, в углу. Похоже, покойный Хлыбов собирался обнести забор по периметру колючкой, но не успел.

«Хорек типичный», — подумал Алексей, разглядывая физиономию убийцы.

— Узнаешь?

Он направил фонарь себе в лицо. Хрящ взглянул и молча отвел глаза.

— На правосудие, дорогуша, не рассчитывай. Но я человек отходчивый и отдаю тебя в хорошие руки. Надеюсь, о тебе позаботятся.

Алексей встал.

— Как он тут оказался?

Оперативник в двух словах доложил, что Хряща заметили в половине третьего ночи со стороны леса. Шел по тропинке. Затем приставил к забору валяющуюся доску и прыгнул внутрь. Все. Алексей с досадой на себя подумал, что он сам три недели назад одолел забор точно так же, по доске. Еще подумал тогда, что непременно подарит Анне собаку. Злую собаку.

— Вы его допросили?

— Разумеется.

— Есть какая-то информация?
— Почти ничего. Он даже не знал, что банда больше не существует.

— Жа-аль.

— Алексей Иванович, надо поговорить. Не здесь. — Иван отвел прокурора в сторону от бокса, явно не желая быть услышанным. — Нам нужен не Хрящ, сами понимаете. Но с его помощью, с вашей тоже, мы можем выйти на здешних заказчиков.

— Каким образом?

— Вполне возможно, письмо «до востребования» будет отправлено Хрящу не по почте. Его доставит в почтовое отделение некто, связанный с заказчиком. Тотчас после исполнения заказа. Вы понимаете?

— По-моему... нет.

— Они хотят, чтобы Хрящ убрался из города немедленно.

— Зачем им это надо, если Хрящ все равно никого здесь не знает?

— Именно в этом они не слишком уверены.

— Так считает Хрящ?

— Да. Московскую сволочь со здешней объединяют в основном деньги, им некогда прорабатывать свои действия в деталях. Действуют часто врозь, нахрапом, подключая правоохранительные органы.

— Ну, хорошо. Однако я не понял: что значит «после исполнения заказа»?

— Я объясню. Но не спешите отказываться, обдумайте предложение.

Алексей кивнул. Обдумать предложение еще не значит его принять.

— Задача, Алексей Иванович состоит в том, чтобы симитировать исполнение заказа. Условно говоря, на пару дней вы исчезаете из поля зрения здешней общественности. Это ваши действия и, согласитесь, не слишком обременительные?

— Не слишком, — согласился Алексей, понимая, что на этом его роль в деле не заканчивается. — Мне кажется, чтобы симитировать заказ, вам как минимум понадобится мой труп. Где вы его возьмете?

Начальник спецслужбы пропустил иронию мимо ушей.

— Хрящ, — хладнокровно пояснил он. — Через полчаса мы взорвем его вместе с вашей машиной.

Алексей фыркнул. Что-то в этом роде он, примерно, предполагал. Однако идея выглядела весьма перспективной, если не считать, что Хрящ без суда и следствия обречен на

заклание. Пройдет неделя как минимум, пока следствие догадается, а экспертиза установит несоответствие крови погибшего с данными прокурора. Таким образом, времени, чтобы выйти на заказчиков, предостаточно. С другой стороны, он, прокурор, становится соучастником убийства, и неважно, что жертвой окажется преступник...

А что если его хотят попросту «замазать»? Взорвать машину и Хряща эти ребята могли без него. Без его согласия. И поставить перед фактом. А затем сказать, что Хрящ погиб из-за неосторожного обращения со взрывчаткой. В результате создается ситуация, которую ради пользы дела стоит обыграть. И он, прокурор, безусловно, принял бы предложение. Путь более легкий, поскольку прокурору деваться некуда, и отпадает необходимость заручаться его согласием.

Не может быть, чтобы этот простейший ход не был просчитан. Стало быть, попытка «замазать» сделана вполне сознательно.

Хотя, если рассуждать здраво, без обиды, эти ребята по-своему правы. Он, прокурор, законник, и тем не менее его слишком во многое посвятили. Риск с их стороны огромный, и, естественно, они хотят подстраховаться. В таких делах дружеские рукопожатия мало что значат, команда, раз уж они работают в одной команде, должна быть повязана кровью. Все вполне логично.

— Машину жаль, — усмехнулся он. — Она у нас единственная и, кажется, неповторимая.

— Вопрос с машиной Глухов решит. Прокуратура получит точно такую же, но новую.

— Тогда проблем нет. На пару дней я исчезаю.

Даже в темноте Алексей почувствовал, как напряжение между ними мгновенно растаяло. Когда Иван, наконец, заговорил, интонации в его голосе были гораздо теплее, без прежнего официоза.

— В таком случае, Алексей Иванович, исчезнуть вам необходимо прямо сейчас. Кстати, у нас есть на примете охотничий домик, где...

— Исключено, — отрезал Алексей. — Анна моей смерти не переживет. А чтобы вам было понятней, представьте на моем месте себя и вашу обожаемую супругу.

— Случай, я понимаю, тяжелый. Однако ей придется отвечать на вопросы правоохранителей и убедительно разыгрывать при этом безутешное горе. Мне не хотелось бы ставить операцию и всех нас в зависимость от поведения женщины.

— Что касается Анны, это как раз не проблема.

— Как вы объясните ей взрыв?

Алексей хмыкнул.

— Очень просто. Человек, который готовил на меня покушение, погиб от неосторожного обращения со взрывчаткой. Я же намерен воспользоваться случаем и прошу ее нам помочь.

Минимум информации, в которую надлежало посвятить Анну, несколько успокоил Ивана, хотя по затянувшемуся молчанию Алексей понял, что тот просчитывает возможные последствия такого хода.

Легкий шорох сзади заставил Алексея повернуть голову. Один из оперативников, кажется, тот, которого он заметил в салоне машины, стоял у него за спиной.

— Все готово, — глухим голосом доложил он.

— Сколько?

— Еще сто добавили.

— Не много будет?

— Меньше нельзя, рискуем.

Для прокурора Иван пояснил, что Хрящ заложил под сиденье двести граммов пластита и пытался подключить детонатор к системе зажигания. Они добавили еще сто, чтобы сделать опознание невозможным. Остатки горючего во избежание пожара из баков слили. Взрыв будет строго направленным, снизу вверх, хотя избежать некоторого разрушения хозяйственных построек, видимо, не удастся.

22

За полтора часа езды в коляске старенького «Урала» Алексей основательно продрог, хотя перед тем, как ехать, водила, лицо которого он даже не разглядел в темноте, сунул в руки телогрейку.

— Колотун. Придется потерпеть.

В предутренних сумерках они выбрались наконец из паутины лесовозных дорог, проскочили по бревенчатому мосту какую-то лесную речушку и из хвойного подроста выскочили на поляну напрямик к тесовым, щелястым воротам. Пару раз лениво взлаяла собака и замолкла. Алексей выбрался из коляски, разминая затекшие ноги. Огляделся.

Охотничий домик оказался просторной крестьянской избой с обширным подворьем и двухметровым забором вокруг, набранным вплотную из обапола. Над поляной, по беломошникам низко стелился густой, вязкий туман, хотя в лесу его не было. На фоне быстро светлеющего неба по краям поляны все отчетливее рисовались кроны могучих сосен вперемешку с ярко-желтой березой.

«Чудное, должно быть, место», — подумал Алексей.

Вскоре заскрипела дверь и на крыльце послышались непешные, грузные шаги. Голос, глухой и такой же скрипучий, как дверь, проворчал:

— Фу, Гром... Фу! Лежи пошел. Ну?

Водила заулыбался,

— Дядька Степан, а мы уж думали, ты помер. Полчаса торчим тут, ворота пинаем.

Дядька Степан, высокий, грузный старик, босой, в одних кальсонах и засаленном пиджаке на голое тело, отворил наконец ворота.

— Я те попинаю, балбес, — проворчал он, буровя водилу глазами из-под косматых бровей. Но тот еще больше развеселился.

— У дядьки Степана, кто моложе семидесяти пяти, все балбесы. Без исключения.

На шутку хозяин никак не отреагировал. Он молча двинулся в избу, оставляя на заиндевевшей земле отпечатки босых ног. Водила вытащил из багажника солдатский вещмешок, передал Алексею.

— Здесь продукты на два-три дня. С десятков патронов. А ружьишко, если поохотиться, можно у дядьки Степана одолжить.

— Он кто по отчеству?

— Васильевич. Кстати, наш местный диссидент. Послал всех на х... и в леса подался. На всю оставшуюся жизнь.

— А что, это поступок.

— Еще бы! Да он сам все расскажет. — Водила сунул Алексею горячую ладонь. — Ну, бывайте. Приятного отдыха.

— Слышь? Неужели не замерз? — не удержался Алексей.

Глядя на посиневшее лицо прокурора, тот рассмеялся, вжикнул замком на куртке. Под тонкой хлопчатобумажной ветровкой, кроме рубашки, на нем ничего не было.

— Я не мерзну. Организм, что ли, такой?

Грохот мотоцикла растаял в предутреннем лесу. Алексей отправился в избу. В избе было тепло. И пусто. Русская печь посередине. Стол и пара табуретов. Старик явно жил здесь один. Правда, в углу рядом были составлены штук шесть раскладушек и комплекты белья сверху, стопой. Видимо, для гостей.

— Как звать-то? — спросил хозяин, появляясь откуда-то сбоку, как бы из стены. Алексей пригляделся и увидел еще одну дверь, в прируб.

— Алексеем.

— Ты вот чего, парень. У меня баня с вечера вытоплена. Там жару на целый колхоз достанет. Ступай покуда.

Старик отворил двери.

— Гром, проводи его... Но? Кому говорено?

Хозяйский кобель, тоже старый, с седой, тяжелой мордой, лениво выбрался из-под лавки у окна и захромал через избу к двери.

— Он покажет. Иди давай. Веники там на вешалах найдешь.

Вслед за собакой Алексей отправился на двор, за ворота, и тропинка метров через пятьдесят привела их на берег той самой лесной речушки. Баня, новая, с просторным предбанником, явно рассчитанная на большую компанию, стояла на самом берегу, в излучине, с трех сторон окруженная водой.

Кобель довел его до двери, оглянулся, сказал «гав» и захромал в обратную сторону.

Жару в бане, действительно, хватило бы на целый колхоз. Алексей опрокинул на раскаленные камни еще пару ковшей и покрутил над головой распаренный, березовый веник, чувствуя, что уши начинают сворачиваться в трубочку. Через полчаса, нахлеставшись до беспамятства, он вылил на себя ведро холодной воды и в клубах пара едва не на коленях вывалился в предбанник.

Пол и широкие лавки вдоль стен были выстланы ковриками дорожками. На столе, в углу, стоял расписной самовар и добротный чайный сервиз с перевернутой для просушки посудой. На одной из чашек после мытья остался смазанный след от губной помады. Уже уходя, Алексей подобрал с полу пилочку для ногтей.

...К приходу гостя Степан Васильевич успел собрать незатейливый стол. Дымила в кастрюле картошка, судя по витающему в избе запаху, сваренная на керосинке. Миска с солеными грибами, миска с моченой брусникой. Свежие огурцы с помидорами грудой, прямо на столе, вперемешку. Краюха хлеба и трехлитровая банка с оранжевой брагой. Кажется, хозяин получил указание проявить о госте заботу.

Алексей, чтобы не остаться в долгу, покопался в вещмешке, выудил оттуда пару бутылок водки, палку копченой колбасы и вареную курицу. Консервы оставил про запас. Дождался, пока хозяин первым сядет за стол.

— За баню, Степан Васильевич, спасибо. Отогрелся после такой езды.

Старик набулькал в стаканы водку. Кивнул.

— Бывай здоров.

Пил он медленно и не морщился, не кричал, хотя дозы были приличные. Так же медленно, несуетно ел, глядя перед собой остановившимися глазами. На вопросы никогда не отвечал, будто не слышал, но и сам никаких вопросов не зада-

вал, что Алексея устраивало. А если отвечал, то гораздо спустя, когда гость сам успевал забыть про свой вопрос. Так они сидели, вроде вместе, но в то же время поодиночке. После третьей старик начал что-то рассказывать, но рассказывал скорее самому себе, не слишком заботясь, слушает его собеседник или нет и наверняка не обратил бы внимания, если тому вздумалось вдруг уйти.

— ... Заводские баню рубили, по себе. Моя им не показалась. Мала, что ли? Ну дак, и то... по десять человек набивалось разом. Какое тут мытье к едрене-фене, одна пьянь. Ишо баб с собой понатащат. Но тут вовсе дым коромыслом, хоть носу из избы не высовывай. Как эти... мудисты на пляжу, вокруг бани ходят. Теперя нет, не до бани им стало. Ванька Глухов давеча наезжал, проверка, говорит, у них на комбинате все лето. Проворовались, будто. Теперя, говорит, дядя Степан, клиентов своих не жди скоро. И зарплату не жди. Зарплату покуда я тебе платить буду.

Не слишком надеясь на ответ, Алексей однако спросил:

— Так вы тут сторожем работаете, Степан Васильевич? Или как?

Ответа, конечно, не последовало. Похоже, последние лет десять одинокий старик общался в основном со своей собакой и отвык от вопросов, а равно и от ответов на них.

— Татьяна моя, когда помирала... рак у ней был, по женской части, отходила уже, вижу: губами шевелит. Я нагнулся к ней. Чего, говорю, матушка? Сказывай, дескать, тута я. Рядом сижу. А она мне шепчет в ухо, чуть слышать ее: «Худо тебе, Степа, без меня будет. Совсем худо». У самой слезы по щекам катятся. Вот ведь как. Не себя пожалела, при смерти, хворую, а меня, ядреного. Худо, дескать, тебе, Степа, достанется одному.

Старик судорожно сглотнул. Закрыв глаза.

— Правду сказала. Умерла... будто свет погас в окошке. Теперя один кукую, да этот еще, — он кивнул под лавку на кобеля. — Вместе, должно, помирать будем.

Кобель почувствовал интонации хозяина, шумно вздохнул и положил тяжелую морду на лапы.

— ... Эту избу мы с Татьяной на пару подымали, вдвоем. Никаких тебе помощников. А теперя кому она тут, в глухомани? Продам на баловство... этим...

Из дальнейшего рассказа Алексей уяснил, что старик продал свою избу какому-то из подразделений металлургического комбината под охотничий домик. Правда, с условием, что доживать век останется в своей избе. Заводские деятели согласились, что так даже лучше: дом будет под присмотром, иначе

непрерывно спалют, а бывшему хозяину за охрану заводской собственности положили какой-никакой оклад, тем более что пенсия от государства ему как бы и не положена. Старик до сих пор не знал, что деньги, вырученные за дом и собственноручно положенные на сберкнижку, давным-давно сгорели, что хоронить его не на что, да в общем-то и некому.

Алексей почувствовал острый прилив жалости к старику. Залпом выпил.

— Ладно, дед, — он встал из-за стола. — Я с ног валюсь, пойду спать. За угощение большое спасибо. И за компанию тоже.

Хозяин в очередной раз не услышал. Сидел, грузный, неподвижный, глядя в стол перед собой невидящими глазами. Молчал.

«Человек уходящий, — подумал Алексей, засыпая. — Может, и не узнает, что обокрали. Помрет в неведении».

Алексей проспал до полудня. Пообедали. Потом помог Степану Васильевичу по хозяйству. С удовольствием переколот полтора кубометра дров, в основном березовых. А наутро, выпросив ближайшие маршруты в угоды, отправился на охоту. Вначале с полкилометра шел вдоль извилистой речушки по хорошо убитой тропе и даже поднял с воды на крыло трех чирков. Отдуплетиться успел, но чирки, круто вильнув в сторону, вправо, молнией скрылись за поворотом.

Вскоре отдуплетил еще раз. По зайцу, который по совершенно непонятным причинам вздумал перебежать дорожку прямо под носом у охотника. Пожалуй, легче было поддеть зайца носком сапога, а не лупить из двенадцатого калибра от живота, как в дешевом ковбойском фильме. Но на раздумья времени не было. Всадил один заряд дробы в землю перед собой, второй вlepил в осину... вслед косому.

После такой расточительной стрельбы у него осталось четыре патрона, да еще два в стволах. Алексей глубоко вздохнул и решил, что суета в этом деле самый большой порок. Надо держать себя в узде.

Однако очередной эпизод напрочь перечеркнул его выводы. Выйдя на небольшой покосик, давно заброшенный, он потерял дорожку и двинулся в обход по периметру, чтобы случайно не проскочить ее. И вдруг из-под кучи догнивающего дровяного хлама с треском вылетел косач. За ним еще один... и еще? И так штук шесть веером в разные стороны. Но охотник на сей раз крепко держал себя в узде, ожидая, когда хотя бы один сядет на ветку под верный выстрел.

Не сел ни один. Разлетелись кто куда, и даже звука посадки Алексей ни разу не расслышал.

Задним числом до него дошло, что тетерев не рябчик и улетает обычно за километр-полтора от места, где его вспугнули. Стрелять поэтому надо было на взлете, когда он еще не набрал скорость и не нырнул в лес. Но, как говорится, хорошая мысль приходит опосля. В лесу следует быть готовым ко всему.

Эта всеохватная мысль неожиданно подтвердилась. Причем самым удивительным образом. После непродолжительных блужданий по бездорожью охотник услышал далеко в стороне, метрах, должно быть, в двухстах чей-то надсадный кашель. Алексей перехватил ружье наизготовку и, стараясь шагать неслышно, двинулся на звук.

Кашель приближался. Ухо уже различало характерные хрипы, даже одышливость в голосе, как вдруг Алексей понял, что это вовсе не кашель, а самый обычный лай. Собачий лай. Он сделал еще десяток шагов и вдруг увидел... Грома. Пес сидел под деревом и кашлял. Вернее, лаял вверх, на здоровенную, растопыренную осину.

Алексея он, конечно, давно услышал. Явно ждал подхода и, убедившись, что тот его тоже видит, поднял тяжелую морду вверх, хрипло закашлял:

— Кха... кха...кха!

На осине, на нижней ветке, куда указывал мордой Гром, метрах в двух над ним сидел здоровенный глухарина и с любопытством его разглядывал. Похоже, дразнил. Он видел, что собака старая, чуть живая, иначе не рискнул бы сесть так низко, опасаясь быть схваченным.

Гром снова поглядел на охотника: дескать, чего ты медлишь, и благоразумно отошел из-под ветки на десять шагов в сторонку, сел. «Из зоны поражения, — догадался Алексей. — Откуда ему знать, что я за стрелок, и чего от меня можно ждать...»

После выстрела глухарь пошатнулся на ветке, посидел и вдруг камнем свалился на землю с глухим, характерным звуком... Бух! Гром подошел к добыче, понюхал и лег рядом, вывалив из пасти язык. Когда Алексей подбежал, глухарь еще мелко-мелко дрожал огромным, перебитым крылом, но вскоре затих.

— Ну, ты и умница!

Алексей хотел погладить Грома по голове, но в ответ раздался недвусмысленный рык. Похоже, фамильярности в отношениях пес не терпел.

— Все равно умница, — не согласился Алексей и отрезал Грому в награду глухариную лапу. Тот, не сразу, взял лапу в зубы и ухромал с нею в лес.

Домой Алексей вернулся с тремя глухарями, взятыми, что

называется, «на кашель». Вечером, рассказывая старику о своих похождениях, Алексей упомянул о непонятном поведении зайца, который едва не сбил охотника с ног. Старик объяснил случай довольно просто:

— Шумовой... заяц. Должно собака подняла с лежки, а он с перепугу на тебя выскочил, под ноги.

Алексей рассмеялся.

— Значит, Гром рядом ходил? Небось, по вашему приказу, Степан Васильевич?

Старик махнул рукой.

— Это у ево без приказу. Ружье увидал, хозяин не хозяин, на брюхе за тобой поползет. — И неожиданно заключил: — Человек в лесу дичает вроде как, а собака, она умнее становится.

Глядя на Грома, Алексей не мог с ним не согласиться.

23

К исходу третьего дня Алексей не на шутку забеспокоился. За годы следственной практики и особенно за время пребывания в должности прокурора он привык лепить обстоятельства под себя. Поэтому отсутствие информации о происходящем и пассивное ожидание результатов проведенной «акции» угнетали. Впрочем, сама акция, вернее, воспоминания о ней, тоже давили на психику, чего он никак от себя не ожидал.

— Впечатлительный оказался... мать твою! — выругался Алексей, ворочаясь на раскладушке.

...Хрящ, когда его усаживали в машину, похоже, понял, какая участь ему уготована. Он начал извиваться, будто червяк, которого насаживают на крючок, и наверняка вопил бы на всю округу, если бы ему заблаговременно не забили в рот кляп. Один из оперативников, не желая возиться, коротким, безжалостным ударом по уже сломанному носу погрузил Хряща в кому. Обмякшее тело, взявши за руки, за ноги, бросили на переднее сиденье и, придав форму плода в утробе матери, связали упаковочным шпагатом.

В результате взрыва территория вокруг оказалась усеяна кирпичной крошкой. Пробегая мимо, Алексей бросил взгляд на искореженные останки своей машины и вслед за оперативником скрылся в лесу...

Иван приехал в десятом часу вечера. Свет фар полоснул по окнам и уперся в ворота. Гром хрипло закашлял под лавкой, но за хозяином не пошел. Отправился Алексей. Он встретил начальника спецслужбы на крыльце, пожал квадратную, жесткую ладонь.

— Есть новости?

— Да, надо обсудить.

По севшему голосу Алексей понял, что тот изрядно вымотан, и как минимум его следует накормить. Вдвоем с хозяином они собрали стол, разогрели на керосинке тушеную глухарятину. Алексей кивнул под лавку.

— Гром расстарался.

Иван молча кивнул и принялся за еду. От водки наотрез отказался. Вскоре засобиравлся Степан Васильевич, долил в лампу керосина.

— Вы тут вечеряйте покуда, а я лягу пойду. Наломался за день.

Когда старик ушел, Иван достал из кармана конверт и положил на стол. «До востребования. Чугунову А.М.», — прочитал Алексей. Похоже, у Хряща имелась какая-то «липа» на имя Чугунова А.М. Он заглянул внутрь. На обычном стандартном листе бумаги формата А-4 была нацарапана, похоже, на ходу, на колене всего одна фраза:

24 км. Под указателем п.Васильевский.

Кировский тракт. Место, где богатенький Буратино закопал свои денежки.

— Когда?

— Сегодня, в пятом часу вечера.

Иван отодвинул сковороду и отвалился от стола.

— В почтовое отделение конверт доставил случайный мальчишка, с улицы. Говорит, его попросил какой-то дяденька. Лысый. Дал на мороженое. Короче, дяденьку с лысиной ребята вычислили. Наблюдал со стороны, как мальчишка справляется с поручением. Потом сел в машину и покатыл на двадцать четвертый километр.

Алексей кивнул. Наверняка после двух неудавшихся попыток Хрящ вышел у местных заказчиков из доверия. Только на третий день они убедились, что заказ действительно выполнен, и пора произвести расчет.

— Дяденьку взяли?

— Да. Закапывал сверток с деньгами. В гравий. Хотите взглянуть?

— Он с вами?

— В фургоне. Связанный.

— Не стоит. Этого дяденьку я знаю. Наумов Борис Модестович.

Иван удивленно вскинул брови.

— Да, он. Но к заказу, как мы выяснили, отношения не имеет. Просто в очередной раз передавал деньги за оказанные мэру кем-то сомнительные услуги. За какие именно, не

знал, хотя, конечно, догадывался. Поэтому решил не подставляться и передал конверт через мальчишку.

— Господин Шкурихин отношение к заказухе имеет?

— Сомневаюсь. Во всяком случае, господин Наумов ничего об этом не знает.

— Вы так уверены в его искренности?

Иван усмехнулся.

— Господин Наумов со страху навалил полные штаны. Думаю, вполне искренне.

... В Н-ск двинулись рано утром, чуть свет. Когда выбрались на трассу, окончательно рассвело. Иван пошарил в бардачке рукой и вытащил из глубины тугий сверток, упакованный в непромокаемый пакет, заклеенный скотчем. Подал Алексею.

— Что это?

— Это гонорар за вашу голову. Двадцать тысяч зеленых.

Глухов просил передать вам как законному владельцу.

— По-моему, он собирался подарить прокуратуре машину. Тут хватило бы.

Иван покачал головой.

— Глухов пытается возвращать долги. Не обижайте мужика.

Алексей пожал плечами, сунул сверток в карман. Вскоре Иван свернул с асфальта в сторону.

— Кажется, здесь.

Они проехали метров триста от основной дороги по заросшему тальником старинному волоку и наткнулись на белую «Ниву» с распахнутыми настежь дверцами. Не глуша мотор, Иван за ногу вытащил из фургона упитанного человечка в дорогом костюме, но сильно помятого, с черным мешком на голове. С брезгливой гримасой на лице запихнул в «Ниву».

— Воняет, ч-черт! Откройте окна, что ли, когда поедете.

Он передал Алексею ключи от «Нивы», и «Газель», дав тальник и низкорослый ельник, двинулась по волоку в обратную сторону. Алексей заглянул в машину. Маленький, толстый человечек дрожал вместе с машиной. Плюшева мартышка на лобовом стекле на резинке исполняла странный танец. Алексей снял с головы пленника мешок и развязал руки. Забросил в кусты. Потом завел машину и через пару минут вырулил на дорогу.

Вскоре, увидев воду, он прижал машину к обочине. Остановился.

— Борис Модестович, внизу, видите... ручей. Приведите себя в порядок. И успокойтесь. К вам у нас никаких претензий.

Тот продолжал сидеть и, кажется, не понимал, чего от него хотят, не ощущал удушающего запаха.

— Ну, бог с вами. Поехали дальше. Похоже, свое дерьмо не пахнет.

Уже на первом посту милиции, на четвертом километре, Алексей понял, какая чрезвычайщина творится в городе. Поперек дороги неожиданно выехал милицейский «УАЗ» с включенной сиреной и мигалкой. В остановившуюся «Ниву» разом уперлись несколько автоматных стволов, а водителя и пассажира буквально за ворот вытряхнули наружу, уложили на капот. Упакованные в броню милиционеры пинали коваными ботинками по щиколоткам, заставляя расставить ноги, и тыкали дубинами под ребра. Было больно, но Алексей с интересом наблюдал, когда же местные «волкодавы» наконец его опознают? Лыжная шапочка на голове и трехдневная небритость едва ли изменили его внешность до неузнаваемости.

— Машина его, а почему ты за рулем?

— А что, нельзя?

— Здесь я задаю вопросы, мать твою? — рычал старший наряда, размахивая документами и в очередной раз заезжая Алексею дубиной под ребра.

— Человек болен, вести машину не в состоянии.

— Откуда едете?

— Грибы собирали.

— Ха! Воняет, как из сортира. Поганок, что ли, объелись, — хохмил кто-то.

— Ага, любимое блюдо, — согласился Алексей.

— День едим, три пердим. Гы-гы-гы!

Старший наряда бросил документы на капот. Процедил сквозь зубы.

— Ладно. Пшли вон!

Алексей обернулся.

— Эй, ты! Тебе, тебе говорю. Как фамилия?

— Чего, чего? — Старший наряда, сузив глаза и катая желваки на скулах, двинулся в его сторону. — Приключений ищешь, урод?

Он взмахнул дубиной, но Алексей резким движением перехватил кисть, шаг в сторону и с хрустом вывернул руку за спину.

— Всем стоять? — рывкнул он, выставя перед собой под автоматы обездвиженного мента.

После секундного замешательства чей-то голос неуверенно произнес:

— Это же прокурор... бляха!

Алексей пристально наблюдал, как мучительно, медленно, со скрипом переваривается в мозгах неожиданная информация. Наконец, на лицах появилась растерянность, смущенное узнавание, и стволы автоматов поползли вниз.

«Зомбированные вы, что ли?» — подумал Алексей.

— Вот что, братва. Если в прокуратуру поступит хоть одна жалоба от граждан на грубое обращение, я раскручу виновного на полную катушку. Обещаю. А ты, урод, с завтрашнего дня начинай подыскивать себе другое место работы. Пшел вон!

Коленом под зад он выпнул старшего в круг. Дубину, размахнувшись, забросил в кусты. Никто не осмелился задать ему ни единого вопроса. Алексей молча зачихнул на заднее сиденье вконец перепуганного Наумова. Сел сам. «От российской демократии за версту воняет парашей», — утрюмо подумал он.

В городе прокурор спросил пассажира, по какому адресу тот проживает. Подкатил к подъезду.

— Вашу машину, Борис Модестович, я реквизирую до вечера. А завтра вы ее заберете. Вот моя визитка, возьмите.. Да возьмите же!

Маленький человечек испуганно выхватил из руки визитку, отпрыгнул назад. Забормотал:

— Я... я понимаю! Все понимаю... никогда более, уверяю вас. Ни в коем случае. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я? Да?

Алексей с неприязнью наблюдал за его ужимками, пока человечек не отпрыгнул еще раз, еще и — вдруг исчез за дверью.

«Дурочку ломает, что ли? — отъезжая, подумал он. — Небось, уже накручивает телефон... предупредить свояка. А у самого в штанах полно дерьма».

Он подкатил к зданию администрации и с визгом посадил машину на тормоза. Поднялся на второй этаж. В приемной мэра всегда улыбчивый помощник был настолько потрясен его появлением, что даже не ответил на приветствие.

«Наверное, слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены», — усмехнулся прокурор и толкнул дверь кабинета.

Мэр был на месте. Копался в ящиках стола, роняя на пол бумаги и одновременно пытаюсь надеть на себя пиджак. С первого же взгляда прокурор понял, что новость ему уже сообщили. Только что. Она явно застала мэра врасплох, и он никак не может избавиться от первоначального шока. Появление в кабинете прокурора только усугубило его состояние. На лице читалась полнейшая растерянность, что-то похожее на протрацию.

«Если у него в ящиках пистолет, сдуру, в состоянии аффекта, вполне может пальнуть», — подумал Алексей.

Он сел за стол напротив и молча наблюдал, как тот бестолково елозит руками по столу среди вороха бумаг. Наконец, бегая глазами по сторонам, мимо прокурора, мэр забормотал:

— Да, да, Алексей Иванович, садитесь, пожалуйста. Садитесь. Правда, я сейчас убегаю... Дела, знаете ли. У вас тоже какое-то дело ко мне?

Прокурор поймал отлетающий, словно пух, взгляд. Ухмыльнулся.

— Прекратите бабиться, Эдуард Семенович. Мы оба знаем, какое у нас с вами дело. Поэтому не стоит делать друг из друга дураков.

Взгляд снова уплыл в сторону, бессильный, невесомый. Мэр втянул голову в плечи, развел руками.

— Не... не понимаю. О чем вы?

Прокурор поставил на стол диктофон. Нажал кнопку. Некоторое время кассета крутилась беззвучно. Потом началась запись. Далекая трель телефонного аппарата... Женский голос в трубку, не слишком разборчивый. Быстрые, короткие шаги. Хлопнула дверь, похоже, рядом с микрофоном. И голос, мужской, как бы в продолжение разговора:

— Так как? Башляем?

— Я же сказал, разберитесь с прокурором вначале. В ногах, сволочь, путается.

Пауза... какая-то возня. Снова голос:

— Он свое откукарекал. Вопрос решается.

— Вот тогда поговорим...

— Время, время уходит. Прошляпили уже...

Снова удар. Хлопнули дверью. Короткие, быстрые шаги...

Прокурор выключил диктофон.

— Запись сделана двадцать четвертого августа, в пятнадцать тридцать, в приемной Вятинвестбанка. Есть свидетели, есть подтверждающие документы, в том числе ваше командировочное удостоверение.

На мэра жалко было смотреть. Он походил на развалину. Полные щеки ярко-синюшного цвета тряслись.

— Если вам эта запись кажется малоубедительной и никак не доказывает вашу причастность, у меня есть, например, такой документ. — Прокурор вытащил из кармана конверт, покрутил в руках. — Чугунову М.А., до востребования... И текст. «24 км. Под указателем п. Васильевский». Нацарапано на ходу, кое-как, но идентификации поддается. Почерк ваш. Надеюсь, господин Наумов это подтвердит. Если хорошо попросить. Кроме того, есть протоколы допроса Черемных, бывшего начальника отдела уголовного розыска, который, кстати, сам может многое порассказать. Таким образом, Эдуард Семенович, ваша депутатская неприкосновенность находится под большим вопросом.

Прокурор выдержал длительную паузу, давая время до конца осмыслить положение. Ухмыльнулся.

— Но, Эдуард Семенович! Я готов закрыть глаза на эти ваши шалости. Сделать вид, что ничего не было. Вы понимаете?

— Не... не совсем?

Прокурор снова поймал на себе робкий и в то же время подозрительный взгляд.

— Что я должен сделать? — быстро спросил мэр. В голосе явно зазвучала надежда и готовность торговаться.

Прокурор рассмеялся.

— Ничего.

— То есть... как ничего?

— Все просто, дорогой Эдуард Семенович. Теперь я знаю вас как облупленного, и знаю, на что вы способны. Если впредь со мной что-то случится, пусть даже не по вашей вине, эта папочка со всеми документами автоматом попадет в соответствующие органы и вами начнут заниматься всерьез. Поэтому ради вашей собственной безопасности, Эдуард Семенович, вам придется очень меня беречь. В корне пресекать любые поползновения на личность районного прокурора. Так что свои резоны у меня тоже есть. В конце концов, любой новый человек на вашем месте... на вашем доходном месте, для районного прокурора это новые неприятности. А мы с вами, кажется, вполне сработались. Вы не находите?

Мэр усиленно закивал, даже попытался улыбнуться, но губы плохо слушались, и улыбка получилась отменно кривой.

«Плохо же ты, отморозок, держишь удар. И в штаны, наверное, наложил», — Алексей, не спеша, убрал диктофон, бумаги в карман. Помолчал.

— У меня к вам, Эдуард Семенович, есть небольшая просьба. Давно собирался, но, сами понимаете, не доходили руки.

— Разумеется, о чем речь? Я слушаю, Алексей Иванович. Алексей кивнул.

— У нас с вами есть земляк, замечательный художник. Уникальный, в своем роде. Фамилия Лусников. Николай Васильевич. Вы ничего о нем не слышали?

— Нет, кажется, не приходилось.

— Я тоже узнал буквально на днях. Но специалисты утверждают: из современных художников едва ли кого-то можно поставить с ним рядом. Представляете, какова фигура?

Мэр быстро черкнул фамилию в календарь.

— Да, и в чем проблема?

Алексей вкратце пересказал известные ему сведения и выразил уверенность, что город, район не оставят человека без средств к существованию, помогут собрать коллекцию его картин, организовать выставки.

— Да, конечно. Людей мы найдем. В местном музее у нас

есть энтузиасты. Помогут. — Видя, что снаряд пролетел мимо, легкая контузия не в счет, мэр быстро оправлялся от шока. Даже повеселел. — Что касается нас, Алексей Иванович, необходимые средства на это дело мы обязательно изыщем. Забашляем, как говорится.

Прокурор хмыкнул. Знакомая лексика...

— Кстати, изумительный портретист. Если сумею договориться, я к вам его подошлю. Нет-нет, Эдуард Семенович! — Он сделал протестующий жест. — Позировать не придется. Лусников работает по памяти. Насколько я знаю, ему достаточно одного взгляда.

— Ну, тогда, — мэр широко развел руками... — Тогда нет слов.

Он даже поднялся из-за стола, чтобы проводить прокурора до двери. Посреди кабинета тот неожиданно остановился. Хлопнул себя по лбу.

— Совсем забыл!

— Да, да! Что именно?

Короткий, мощный удар в живот согнул мэра пополам. Хватая ртом воздух, он рухнул на колени, лбом в пол, рвотная масса обильно пошла наружу, пачкая ворсолановое покрытие.

— Извините, Эдуард Семенович, не мог сдержаться.

Прокурор выглянул в приемную, поманил пальцем помощника.

— Кажется, мэру плохо. Горячий чай, кофе, что там еще? Быстренько сообрази... С бодуна, что ли?

Тот мельком заглянул в кабинет. Фыркнул.

— Да уж... вчера погудели тут.

«Поминки по прокурору, должно быть? Три дня как представился», — подумал Алексей, садясь в машину.

Богослужения в храме были временно прекращены, поэтому Алексей сразу направился на задний двор, в ризницу в поисках священника. Отца Виталия он застал возле телефона. Поначалу не узнал, поскольку тот был в обычной гражданской одежде: замшевая куртка, изрядко засаленная, галстук, потертые джинсы. Священник по телефону решал с местным стройтрестом вопросы недопоставки каких-то там труб. Он жестом попросил Алексея обождать, но тотчас же выронил трубку и застыл с удивленным лицом.

— Алексей Иванович... живехонек! А мне тут уж и службу по вас заказали. За упокой раба божьего. А в городе-то, Алексей Иванович, что творится... не приведи Господи!

— Кто заказл?

— Женщина, молоденькая такая. Фамилию не упомяну. Не сказала, кто. Но плакала очень, убивалась по вас.

Наверное, Светлана Тэн, подумал Алексей. Но расспросить у священника приметы не решился.

— Стало быть, живы. И слава Богу, слава Богу!

— Да, обошлось на сей раз, — согласился Алексей. — Вы, отец Виталий, знаете человека, который расписывал храм? Лусников Николай Васильевич?

— Да, наслышан, думаем приглашать заново, как объявится. Но с деньгами пока не густо, сами слышали, — он кивнул на телефон. — А без денег одни обещания. И отказать не откажут, но вроде как запамятовали. Через пень-колоду у них.

— Как раз насчет денег я и хочу поговорить. Отец Амвросий, ваш предшественник, сильно обидел Николая Васильевича. Попросту говоря, отказался платить, хотя сумма по договору значилась более чем скромная. Так вот, администрация района, мы со своей стороны хотели бы поддержать художника и, конечно, помочь храму. Вот деньги... здесь двадцать тысяч долларов, попробуйте на эту сумму составить с ним новый договор. Включая сюда моральный ущерб. Я полагаю, на днях Николай Васильевич появится в городе. Я направлю его к вам.

Расставшись со священником, Алексей вдруг подумал, что церковные храмы в России, как правило, отстроены (и расписаны) на бандитские деньги. На разворованные детские пособия и отобранные у стариков нищенские пенсии. Как храм Христа Спасителя в Москве.

Храм на Слезях...

Второй

АНОНИМКА

В конце рабочего дня, уже собираясь домой, прокурор заглянул к Евгению Генриховичу Круку, который с лета «арендовал» в здании местной прокуратуры свободный кабинет. Следствие по Н-скому металлургическому комбинату набирало обороты, и Крук, случалось, просиживал над документами ночи напролет, зато днем тут толпилась разношерстная публика, некоторых доставляли на допросы в наручниках.

Когда Алексей вошел, Крук был не один. Лицо посетителя показалось ему знакомым. Вместо приветствия Крук подвинул прокурору стул.

— Садись, Алексей Иванович. Тебе это должно быть любопытно.

Алексей нехотя сел на предложенное место. Спросил:

— Завтра областная коллегия. Вы в курсе?

— Да.

— Можем подбросить. Место в машине есть.

Крук молча покачал головой. Потом перевел взгляд на посетителя.

— Знакомьтесь. Это Кузнецов Виктор Михайлович. Год назад возглавлял службу маркетинга на металлургическом комбинате. Уволен «по собственному желанию».

— Помню, как же? Мы однажды встречались с вами. Так, и где вы сейчас?

— На местной нефтебазе. Тоже служба маркетинга.

— Хорошее место, — Алексей одобрительно кивнул. — Труба, правда, пониже, дым пожире, но, я слышал, работники нефтебазы даже в отпуск не ходят. Невыгодно будто бы.

— Почему невыгодно?

— Навар пропадает.

Кузнецов обезоруживающе рассмеялся.

— Наварить, Алексей Иванович, сегодня можно везде. Даже в прокуратуре.

— Наверное, вы правы. Хотя служба маркетинга в штатном расписании у меня не предусмотрена.

Он встал, собираясь уходить, но Крук с укором в глазах остановил его.

— Алексей Иванович, вы многое потеряете, ей-богу. Пять

минут, мы вас больше не задержим. — Он кивнул Кузнецову. — Давайте вкратце, с начала.

— Хорошо. Давайте с начала. Здесь курить можно?

Крук молча подвинул Кузнецову пепельницу.

— Я думаю, вы знаете, здешний комбинат в основном работает на мазуте, — Кузнецов сделал глубокую затяжку и, словно иллюстрируя, пустил вверх под потолок сизую струю дыма. — Поставки мазута традиционно, десятилетиями, идут к нам из Перми. Где-то в среднем на триста — триста пятьдесят миллиардов рублей в год. Не сразу, разумеется, а по мере необходимости. Утром, как говорится, деньги, вечером — стулья. Или наоборот. Партнер надежный, ну, мы тоже стараемся пермяков не подводить. С платежами не затягиваем. И вдруг попадает мне в руки счет на три с половиной миллиарда, тоже за мазут, предоплатой, но уже не в Пермь, а в Москву. Вернее, в Реутов, на счет некой фирмы «Petrol-class». Впервые о такой слышу. Счет подписан господином Ковалевым, гендиректором комбината, и Нонной Кобелевой, которая главбух. Ага, думаю, и тут посредники вклинились. Правда, насторожила сумма — три с половиной миллиарда. И дата. Точно на ту же сумму и в те же сроки были отправлены платежные документы в Пермь.

Ладно, время проходит. Из Перми эшелон с мазутом давно пригнали, из Москвы — ни слуху ни духу. На запросы никто не отвечает. Через полгода снова та же история. Но уже на два миллиарда. Я, конечно, пытаюсь выяснить здесь, на месте, где мазут и кто такие эти посредники? Но, вы знаете, легче к господину Богу на прием попасть, чем застать на месте нашего генерального. А Нонна вообще со мной разговаривать не стала, к Ковалеву отправляет. Я, говорит, бухгалтер, мое дело проплатить, и точка, а откуда у вас поставки идут не идут, это ваше дело, не мое. В общем, получается, что я вроде как и виноват.

В прошлом году, зимой, я наконец поехал в Москву в командировку. Со мной старший экономист была. Вопросы, какие необходимо, все решили, в основном с экспортными поставками, и, думаю, напоследок дай в Реутов смотаюсь. Что там за фирма такая и почему тянут время?

Кое-как мы эту контору отыскиали. Цокольная часть жилого дома. То ли бывшее ЖЭУ, то ли... черт знает. Никакой таблички нигде, но дверь стальная, с переговорным устройством, и телеоко над головой. Ладно, через дверь объяснили, кто мы и откуда, чего надо. Дверь, наконец, открывают, и сразу двое охранников под белы руки ведут нас по коридору в какой-то закут без окон. Там обыскивают с ног до

головы, забирают все документы и уходят. Дверь, понятное дело, запирают на замок. Через пару часов появляется какой-то тип и снова начинает выяснять, кто мы и чего нам тут надо? Я требую для переговоров директора фирмы «Petrol-class», а моя экономист требует, чтобы ее отпустили в туалет. Тип женщину уводит, через полчаса она возвращается чуть не в слезах. Это, говорит, никакая не фирма, обыкновенные бандиты. По-моему, они решают сейчас убивать нас или оставить в живых.

Проходит еще час. Наконец, дверь открывается, и другой тип, правда, более приличный с виду, возвращает нам наши документы и говорит, что поскольку счета оплачены, мазут будет доставлен, беспокоиться не надо. Вы, говорит, свободны. Идем мы обратно по коридору, двери хлопают, какие-то «быки» туда-сюда ходят с цепями на шеях, некоторые в камуфляже. И — выставляют нас на улицу.

Короче, через пару дней приезжаем со старшим экономистом домой, на комбинат, и узнаем, что оба с ней уволены. По собственному желанию. Вот так. Но, признаться, я этому обстоятельству даже обрадовался.

Алексей приподнял бровь.

— Почему?

— Пока мы сидели взаперти, они действительно просчитывали, что с нами делать: оставить в живых или... — Кузнецов красноречивым жестом чиркнул себя по горлу. — Во всяком случае, из тех вопросов, которые нам задавали, это вполне читается.

— Что за вопросы?

— Ну, например, спрашивали по очереди: кто вас сюда направил? Кто знает, куда вы поехали? Или... где вы взяли наш адрес? Как нашли?

— Понятно. Выясняли на предмет потенциальных свидетелей.

— К сожалению, мы сообразили это задним числом. И даже сейчас, я полагаю, они держат нас обоих в уме. В случае непредвиденных осложнений в этом... в мазутном бизнесе, нам, я думаю, не поздоровится.

Алексей задумчиво покачал головой.

— Двойные счета? И как часто они к вам попадали?

— Два раза, я же говорю. И то, полагаю, совершенно случайно. Правда, я проработал на комбинате всего ничего, полтора года, поэтому судить не берусь.

— Ну, а если порассуждать? Так, навскидку?

— Хм? Порассуждать можно. Отчего не порассуждать? — Кузнецов на мгновение задумался. — Вот считайте, кроме Перми, которая по мазуту, у нас еще полторы сотни пос-

тавщиков. Не считая мелочевки. И полтора десятка фирм-посредников, это только при нашем комбинате. А если взять все промежуточные цепочки? Теперь представьте, каждый день туда-обратно проходит огромная масса платежей... воз и маленькая тележка. Выявить в этой массе двойные счета, не зная сути предмета, все равно, что искать иголку в стоге сена. Однако масштаб навскидку представить можно. Только за полгода и только по мазуту из этого воя, случайно, выпали две фальшивки на сумму пять с половиной миллиардов рублей. За подписью аж самого Ковалева!

Алексей подумал и согласился.

— Мда, масштаб, действительно, впечатляет.

Когда свидетель ушел, Крук со сдержанной улыбкой уставился на прокурора.

— Ну-с, продолжение этой истории знать не желаешь?

— А что, есть продолжение?

Вместо ответа Крук открыл сейф и положил перед прокурором синюю папку.

— Что здесь?

— Здесь, Алексей Иванович, счета. Те самые, двойные. На сегодняшний день мы отловили около двух десятков на общую сумму в сто пятьдесят семь миллиардов рублей. Думаю, это далеко не предел.

— Стало быть, вы знаете про это дело не первый день? Откуда?

— Обычная анонимка.

Алексей бегло просмотрел папку. По крайней мере, две трети названной Круком суммы были отправлены в адрес торгово-посреднической фирмы «Petrol-class», в подмосковный Реутов.

— Идем дальше. Помнишь драку в приемной у генерального, когда охрана пустила в ход дубины? Чем закончилась драка, тебе тоже известно. Оба охранника до сих пор в больнице, травмы позвоночника. У каждого оказалось по две судимости, плюс к тому один из охранников имел при себе огнестрельное оружие, пистолет «ТТ». Это ты тоже знаешь. Когда я просматривал материалы уголовного дела, еще тогда я обратил внимание, что у пострадавших в паспорте московская прописка. Причем один из них, по фамилии Зубов, проживает... где бы ты думал?

— В Реутове, надо полагать?

— Точно. Как выяснилось позднее, буквально в нескольких минутах ходьбы от места дислокации «Petrol-class».

Алексей пожал плечами.

— У Ковалева бандитская крыша? Почему бы нет?

— Погоди, не спеши. Все гораздо круче. И деньги?! Какие деньги крутятся, чувствуешь? Короче, стал я прощупывать директорскую охрану на предмет сотрудничества с выше-названной фирмой. Ни в какую. Оба пошли в полный отказняк. Ладно, говорю. У нас в РУВД, в местном, спецы тоже есть, при желании Тутанхамона разговоят. Разговорили... Действительно, оба являются сотрудниками фирмы. Правда, на последних ролях, «быки». Считают «Petrol-class» частной охранной конторой, только и всего. Но сообщили: здесь, на комбинате, то ли в управлении, то ли в совете директоров, крутится свой человек. Из фирмы. В лицо, по фамилии они его, конечно, не знают. Но приказы в письменном виде получали.

— Какого рода приказы?

— В основном «вправить мозги», кто не понимает. Сейчас этого «куратора» мы пытаемся вычислить.

Крук убрал синюю папочку в сейф, аккуратно запер сейф на ключ.

— Вы в Москву, Евгений Генрихович, не по этому поводу скатались?

— Разумеется. Причем, не в первый раз. Вначале у меня состоялся разговор в московском УБЭП. Я хотел, чтобы столичные сыскари проверили контору в Реутове на вшивость. Куда братки направляют мощные денежные потоки, на какие-такие благородные цели? И вот тут начинается, пожалуй, самое любопытное. Оказалось, фирма «Petrol-class» давно находится в поле зрения московского УБЭП. Они знают о фирме все, или почти все. В том числе, куда уходят ваши-наши деньги. Происходит все, примерно, по одной схеме. Директор фирмы «Petrol-class» за взятки получает наличку. Как правило, это беспроцентный кредит, который впоследствии списывается в двух-трех дружественных ему банках. Затем под хороший процент занимается обналичиванием поступивших на счета фирмы денег. После этих манипуляций деньги большей частью конвертируются и либо отправляются на заграничные счета, на частные, разумеется, либо оседают по карманам, превращаясь в черный нал.

— Говоришь, давно держат в поле зрения?

— Года два, не меньше.

Алексей изумленно присвистнул.

— Два года... мать твою! А ты не спрашивал, может, столичный УБЭП тоже в доле? Заодно с братками?

— Дело в том, Алексей Иванович, что основным поставщиком наличных денег для бандитов, а значит, основным взяткополучателем является Центральный банк России. Сам на-

чальник Центрального операционно-кассового управления Центробанка занимается обналичиванием денег под процент.

— И что, в УБЭП не смогли взять эту гниду за жопу?

— Не могут, ты абсолютно прав. Еще на стадии оперативной разработки дело Центробанка увязло на самых верхах.

— Это где... в верхах?

— На уровне первых вице-премьеров, Алексей Иванович. Вот так-то. Фамилию конкретно мне, разумеется, не назвали. Да и ни к чему, пожалуй. Эти гарвардские и прочие мальчики из правительства работают, как правило, одной командой. Против России, разумеется.

Следователь по особо важным делам и прокурор некоторое время угрюмо молчали, понимая, что протухшую рыбу необходимо было бы чистить с головы, а не с хвоста, как это делают они. Наконец, Крук шевельнулся.

— Я попытался подойти к делу с другого конца. По нашему ходатайству Генеральная прокуратура направила запрос в Госдуму Российской Федерации о привлечении депутата Ковалева к уголовной ответственности.

— Ну и?..

— Отклонили. Знаешь, какой мотив? Не то номенклатурное лицо заверило бумаги. Запрос подписал исполняющий обязанности, а должен генеральный прокурор.

— Понятно. То есть подождите, ребята, пока президент назначит вам генпрокурора, попробуйте договориться с ним, а мы тем временем еще чего-нибудь придумаем. Кстати, этот Ковалев из чьей фракции?

— «Наш дом...»

— Ага, значит, все разногласия между фракциями заканчиваются на уровне уголовщины.

— Выходит, так.

— Впрочем, есть еще вариант: скоро перевыборы. Попробуем достать господина Ковалева через год.

Крук с сомнением покачал головой.

— Боюсь, уже не успеем. Господин Ковалев давно почувствовал запах жареного и принимает меры. Причем весьма активно. У него под Лондоном прекрасный дом. Кстати, старший сын закончил там колледж и сейчас учится в Оксфорде. Месяц назад папа переправил в Англию жену и дочь, а сейчас занят тем, что распродает недвижимость, ценные бумаги и всякое прочее. Поговаривают, будто он подыскал себе там теплое место. Как член парламента пообещал будущим компаньонам льготные условия для организации бизнеса в России и в создании совместных предприятий.

Крук тяжело вздохнул и провел ладонью по лицу.

— Леша, пойми, эти люди обустроить Россию не станут. Им ничего здесь не надо. Образование? Они учат своих детей за границей. Здравоохранение? К их услугам лучшие клиники Старого и Нового света. Отдыхать они ездят на Канары. Наука, искусство... даже говорить не стоит.

Уже в коридоре, провожая прокурора к выходу, Крук спросил:

— Вы завтра когда выезжаете?

— В половине седьмого. Утром.

— Что за повестка?

— Исполнение бюджета. Ну и всякое-разное, как всегда.

Так как, едем, Евгений Генрихович?

Крук покачал головой.

— По-моему, с бюджетами все ясно, Алексей Иванович. Все бюджеты давно за бугром, на частных счетах. Вместе с займами, кстати.

Алексей рассмеялся.

— Займы для России дело привычное. Мы ж по царевым долгам еще не рассчитались. От царя Гороха которые.

2

Когда Алексей вышел из подъезда, заместитель прокурора Сапожников уже ждал его в машине и дымил через приоткрытую дверцу.

— Крук едет? — спросил он, заплевывая окурок.

— Некогда, говорит. Закопался в бумагах, — Алексей сел в салон справа от водителя. — Ты, Семен Саввич, порули сегодня. Я покемарю, недосып хронический.

Он подложил под голову сложенный в несколько раз шарф и вскоре, действительно, уснул, несмотря на жесткий ход «уазовской» машины. Сапожников изредка косился на мирно посапывающего шефа, но сам чувствовал себя не слишком уютно. Зона повышенного риска вокруг «красного прокурора», как его за глаза называли, ощущалась вполне. Для него, кабинетного чиновника, три неудавшиеся попытки покушения говорили только о том, что будет четвертая и, возможно, пятая. Пока не добьют. По сути, за два года работы этого человека в прокуратуре из теневого оборота выпал богатейший район размером, наверное, в две Франции. Такое не прощают, и, несмотря на пистолет, оттягивающий карман длинного, будто шинель, пальто, прокурор потенциально мертв. В лучшем случае его «задвинут» куда подальше, в угол, и забудут там раз и навсегда как досадное недоразумение. В России такие люди во власть не ходят.

...Областная прокуратура располагалась на одной из самых тихих улочек в центре города. К двухэтажному кирпичному зданию дореволюционной постройки примыкал небольшой скверик со стоянкой для служебных машин. Сегодня здесь было тесновато, и Сапожников кое-как втиснул «УАЗ» между потрепанной «Шкодой» и «Ауди».

— Взгляни, Алексей Иванович, кроме нас, ни одного отечественного авто. Одни иномарки. Тебе это ни о чем не говорит?

Прокурор фыркнул.

— Не бери в голову. Они все подержанные, second hand. Зато наш «УАЗ» абсолютно новенький. Кстати, ты как насчет буфета? Перекусить не желаешь до «базара»?

— Я, Алексей Иванович, в отличие от тебя, человек женатый. Меня поят, кормят, по головке гладят. Подорожниками, кстати, снабдили. Вот, не хочешь ли отведать?

— Счастливый ты человек, Сема, — вздохнул Алексей. — Но я все же загляну в буфет. Здесь отличные чебуреки случаются.

Он взял с сиденья тонюсенькую папку с необходимой цифирью и бодро направился через сквер в сторону буфета, здороваясь на ходу с многочисленными знакомыми.

До зала заседаний Алексей добрался спустя полчаса, когда коллегия уже началась. Состояние дел по области докладывал начальник оперативной службы УФСНП РФ по области подполковник Васегин:

— ... По статистическим данным, недоимка на 1 ноября текущего года составила 3 триллиона 755 миллиардов рублей, из них задолженность по налогам 1 триллион 362 миллиарда. Сопоставим последнюю сумму с задолженностью по зарплате и получим вывод: мы не платим налоги — нам не платят зарплату. Кто не платит налоги в нашей области, хорошо известно. Среди самых злостных неплательщиков, кстати, они не платят не потому, что не могут, а попросту не хотят... «Кировэнерго» (задолженность 113,5 млрд рублей), Кирово-вочепецкий химкомбинат (46,3 млрд рублей), АО «Веста» (35,6 млрд)...

Далее шел длинный список неплательщиков, к которым налоговая инспекция и налоговая полиция пытались применять самые крутые меры, допустимые законом: возбуждение уголовных дел, арест и продажа имущества в счет задолженности, инкассовые поручения о списании денег со счетов должников, изъятие наличных средств, вызовы на ВЧК и т.д.

— Только за десять месяцев текущего года, — с металлом в голосе продолжал выступающий, — сумма административно арестованного имущества превысила 1,5 миллиарда рублей...

Алексей хмыкнул. Ничтожная цифра взысканных долгов

явно не соответствовала торжественному пафосу ораторской речи. Особенно, если учесть, что ни одно из возбужденных уголовных дел, за которыми стояли многомиллиардные суммы укрытых от налогообложения средств, не было и, вероятно, никогда не будет доведено до суда. Выступления районных прокуроров к сказанному тоже ничего нового не добавляли, и Алексей задумчиво уставился в окно на большую серую ворону, которая упорно сидела на ветке, несмотря на то, что промозглый ветер безжалостно трепал из стороны в сторону и дерево, и сидящую на ветке ворону.

Унылая повторяемость одних и тех же фактов, слов, жалоб и благопожеланий надоела, наконец, даже облпрокурору Рыжову. Он вяло махнул рукой и, не дав договорить, отправил очередного оратора на место.

— Ну, что вы все заладили, будто за упокой! Развели, понимаешь, безнадегу. У нас, между прочим, есть положительные примеры. Не далее как вчера распоряжением губернатора области Почетной грамотой за многолетний, добросовестный труд награжден глава администрации Н-ского района Шкурихин Леонид Матвеевич. И еще одна грамота ушла в Н-ск. За добросовестный труд в органах местного самоуправления и активное участие в общественной жизни награжден мэр этого города Иконников Эдуард Семенович. Правда, Эдуард Семенович последнее время сильно приболел, но результаты их работы... говорят сами за себя. В районе полностью погашена задолженность по зарплате и пенсиям. Свои деньги бюджетники получают, как в старые добрые времена, день в день. Есть, правда, некоторое отставание по детским пособиям, но тоже, месяц-полтора, не больше. На Н-ском металлургическом комбинате начали наводить наконец порядок. Впервые за полтора года люди увидели живые деньги. Значит, какие делаем выводы? Можно работать? А? Не слышу?.. Правильно, можно. Если, конечно, захотеть.

Областной прокурор оглядел присутствующих в зале долгим, сердитым взглядом. Убрал очки в карман.

— Все. Перерыв до 14.00. Алексей Иванович... я Валяеву, Валяеву говорю? После коллегии зайти ко мне. Разговор есть.

Алексей кивнул. Кто-то за спиной не без ехидства добавил:

— За очередным выговорешником.

Несмотря на положительный пример, после обеда заседание коллегии продолжалось в том же духе еще два часа. Алексей успел просмотреть кипу газет, купленных в соседнем киоске и, дождавшись конца, отправился в приемную. Ничего хорошего от предстоящего разговора он для себя не ждал. Наверняка накопилась очередная порция жалоб выше-

стоящему прокурору, обвинения во взяточничестве, попытка изнасилования малолетней, такое тоже было, не говоря уже о половой распущенности и сожительстве с разными женщинами. Иногда у Алексея возникало подозрение, что массированный «накат» на него носит вполне организованный характер, но времени заняться поисками организатора катастрофически не хватало. А зря. По результатам комплексных проверок районной прокуратуры на него уже повесили несколько взысканий и выговоров, правда, с довольно расплывчатыми формулировками: «ослаблена следственная работа», «не выдерживаются сроки прохождения дел», «не в полной мере осуществляется контроль за деятельностью помощников прокурора» и прочее. Конечная цель была ясна: подстраховаться, если когда-нибудь придется снимать проблемного прокурора с должности.

С другой стороны, Алексей догадывался, что «старик», так они называли шефа между собой, относится к нему как минимум терпимо и просто так, ради собственного спокойствия, не даст.

Хозяин кабинета Рыжов Владимир Сергеевич вскоре появился в приемной, но минут пять еще ворчливо доругивался, стоя в дверях, с кем-то из подчиненных.

— Проходи, Алексей Иванович. Разговор есть, серьезный.

Он прикрыл за собой дверь. Потом, не спеша, выбил из пачки сигарету, но так и не закурил, сунул в пепельницу.

— Ты как думаешь, зачем я тебя пригласил?

Алексей пожал плечами.

— Понятия не имею. Хотя, с учетом сложившейся традиции, меня ждет очередное взыскание, как минимум.

— А по максимуму?

— Если честно, Владимир Сергеевич, мне все равно.

— Ну, что ж? В общем-целом, ход мысли правильный. — Рыжов достал из ящика стола личное дело Валяева А.И. Пробежал рукой по закладкам. — С таким послужным списком, Алексей Иванович, дальнейшая карьера — штука весьма проблематичная. Ишь, наковыряли сколько... Раз, два... три. Три выговора и четыре взыскания. За два года, хм? А ведь это заказуха чистой воды. Согласись?

Алексей согласился. Рыжов походил по кабинету и остановился у него за спиной.

— Герои вроде тебя, кто лоб под пули подставляет, России сегодня не нужны.

Алексей снова согласился.

— Не нужны.

— Значит, все понимаешь. Но, хотя понимаешь, поделаться

с собой ничего не можешь. И знаешь, почему? Потому что крокодил.

— Я? Крокодил?

Рыжов вздохнул.

— Крокодил, Алексей Иванович — это порода такая. Если зубами во что вцепится, его не переубедишь. Не разжалобишь. Единственный возможный способ — мочить.

— Ага, понял. Вы меня пригласили, чтобы замочить?

— Э? На это дело без меня охотников хватает. Тут, Алексей Иванович, другое. Тут весьма любопытная ситуация складывается. Есть смысл эту ситуацию как-то использовать.

Рыжов, наконец, закурил с каким-то плутоватым, даже шкодливym видом, но после двух затяжек решительно придал сигарету в пепельнице.

— Через год, ты знаешь, выборы губернатора. Но свистопляска началась давно. Кроме ныне действующего губернатора Сотникова, среди реальных кандидатов значились еще три фигуры. Мэр областного центра Киселев, председатель Совета хозяйственных руководителей Штаин и генеральный директор вашего металлургического комбината Ковалев. Ну, Ковалева, ты догадываешься, отдали на съедение знакомому тебе крокодилу. Господин Штаин недавно потерял руководителя своей команды и главного спонсора. Убит неизвестно кем 17 сентября у себя в подъезде. У мэра города господина Киселева оказалось богатое криминальное прошлое, хотя во власть его вытащил сам губернатор. Не без задней мысли, полагаю, вытащил. Короче, всех конкурентов Сотников вокруг себя вытоптал и вроде как успокоился на время. Но напрасно. Неожиданно в бой ввязались местные коммунисты и преподнесли губернатору сюрприз — своего кандидата. Причем из аппарата самого губернатора. Новый кандидат господин Бабичев работает сейчас в амплуа народного заступника и разоблачителя, поскольку по роду и месту работы знает всю подноготную. И чем больше губернатор топает ногами, сыплет на заступника громы и молнии, тем быстрее теряет электорат. Тут у Бабичева позиции беспроигрышные, хотя засранец тот еще.

Так вот, скорее всего губернатора коммунисты добьют, он это понимает. И знаешь, чем занимается? Заранее минирует отходные пути.

— Что значит, минирует?

— А вот то и значит. Сворачивает инвестиционные программы, закладывает под коммунистов финансовые мины, прихватизирует все, что плохо лежит, и капитально взялся за кадры. В частности, вспомнил про тебя. Как ты сожрал на-

чальника милиции, потом главу администрации, мэра и дожевываешь господина Ковалева.

— При чем тут глава администрации с мэром, Владимир Сергеевич? Люди на своем месте, честно трудятся. Даже почетные грамоты получают.

— Но, но! Ты кому другому рассказывай. Не мне, — повысил голос Рыжов. — Умник нашелся.

Алексей пожал плечами.

— Ну, если вы в курсе, тогда чего ради награждать двух, как вы говорите, засранцев почетными грамотами?

— Похоже, ты всерьез считаешь, будто я их наградил? Нет, голубчик, ты тут не по адресу. Это компетенция областной администрации, Рыжова не больно спрашивали. Вот если бы ты возбудил на засранцев уголовные дела, а суд признал их преступниками, вот тогда, может, Рыжова спросили бы, а Рыжову было бы что сказать. Но ты предпочитаешь держать того и другого на крючке и подергиваешь, когда начинают забывать, кто в районе хозяин. Так?

Алексей промолчал. Старик в общем и целом был прав, со стороны оно, наверное, так и выглядело.

— Так, так, чего уж... — Рыжов вяло махнул рукой. Сел за стол напротив. — Ладно, вернемся к нашим баранам. А то тебе еще домой добираться...

Дело в чем? Ситуация, Алексей Иванович, складывается уникальная. Пока в твою пользу. Рыжов, старый хрыч, через десять месяцев уходит на пенсию. Это дело решенное. Сердечко, понимаешь, пошаливает. Даже курить запретили, черт бы их...

Он похлопал себя по левой стороне груди. Вдохнул.

— После Рыжова в отставку, похоже, отправится сам губернатор. Но перед тем, как уйти, он собирается подложить Бабичеву порядочную свинью. Догадываешься, кто эта свинья? Эта свинья, Алексей Иванович, по замыслу губернатора — ты. Очень рассчитывает человек, что на областном уровне ты прокрутишь Бабичеву ту же пластинку, какую запатефоновил у себя в районе.

Алексей рассмеялся.

— На бред похоже, ей-богу?

— Ну, бога это ты зря помянул. Пути господни, как известно, неисповедимы. А тут прямой, трезвый расчет. Бабичев — человек грязный, с душком, и дров он скоро наломает. С гарантией. Так вот, чтобы жизнь не показалась Бабичеву раем, а совсем даже наоборот, ему, считает губернатор, нужен хороший прокурор. Настоящий, с крокодильей хваткой. Это с одной стороны. С другой... если на выборах все же побе-

дит нынешний губернатор, а он сейчас меняет тактику, то на место Рыжова он «продавит» своего человечка.

Такая вот ситуевина образовалась. Но мы покуда сделаем по-своему. Тут у нас кой-какие подвижки намечаются. Через месяц-другой я, Алексей Иванович, забираю тебя в областную прокуратуру. Возглавишь следственное управление, в замах походишь. Освоишься. И люди само собой к тебе привыкнуть должны. Так что собирайся потихоньку и заодно постарайся свои личные дела решить.

Проводив до двери, Рыжов на прощание подал Алексею руку.

— Вообще-то, рассказывать тебе всю подноготную я не должен. Но играть хорошего человека втемную, хитрить не хочу. Стар стал. Так что разговор сугубо между нами.

Внизу, в гардеробе, когда Алексей натягивал на себя пальто, к нему будто случайно подошел замначальника отдела по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах Вешняков. Дружески похлопал по плечу, хотя знакомы они были шапочно. Не всегда даже здоровались.

— Ты еще здесь? Старик, наверное, задержал?

По интонации, с которой был задан вопрос, Алексей догадался, что «намечающиеся подвижки» здешняя публика держит на контроле и ревниво отслеживает всех возможных кандидатов. «Светиться» заранее было бы глупо, поэтому он раздраженно буркнул:

— У Рыжова работа такая... пистоны вставлять.

Вешняков с сочувственным видом хохотнул.

— Осенняя муха злей кусает!

— Ладно, бывай, — Алексей хлопнул коллегу по плечу и, оборвав разговор на полуслове, двинулся к выходу.

3

Подобного поворота событий он, признаться, не ожидал никак, хотя понял сразу, что идею с его назначением подбросил губернатору сам Рыжов. Что ж?.. Подождем, в какую сторону начнет разворачиваться так называемая ситуевина.

Алексей вышел из теплого здания в продутый ноябрьскими ветрами, промозглый скверик. Заозирался. Прокурорского «уазика» на стоянке для служебных машин почему-то не оказалось, хотя Сапожников должен был ждать. Алексей взглянул на часы и поднял воротник.

«Половина седьмого. Наверняка решил смотаться за куревом».

Он медленно двинулся через сквер к выходу на проезд-

жую часть. Где-то за спиной в темноте мягко хлопнула дверца автомобиля.

— Алеша!

Он не сразу сообразил, что окликают его. Оглянулся. Женская фигурка, зябко кутаясь в шубу, направлялась в его сторону.

«Кажется, Светлана Тэн? — неуверенно предположил он, вглядываясь в смутные очертания. — Любопытно, что она тут делает?»

По мере приближения фигурка все более замедляла шаг, похоже, сомневалась в том, какой будет его реакция. Алексей понял это и двинулся навстречу.

— Светланочка? Какая приятная встреча...

Он слегка коснулся губами ее щеки, которая почему-то пахла морозом и свежими яблоками. Она чуть отступила, так, чтобы свет от рекламы падал ему на лицо. Алексей рассмеялся.

— Могу я узнать, что делает в прокуратуре исполнительный директор Н-ского мясокомбината? Если это не коммерческая тайна, конечно.

— Не тайна. Не коммерческая, во всяком случае.

— Я весь внимание, уважаемая Светлана Сергеевна?

Но она не приняла шутливого тона.

— Ты ждешь Сапожникова?

— Я да. Хотя ждать должен он. Смотался, что ли, куда?

Ни машины, ни Сапожникова.

— Он уехал полчаса назад.

— Уехал? Куда?

— Домой. Мне стало жалко, и я отпустила его.

— Ничего не понимаю. Что значит, отпустила?

— Алеша, я сказала Сапожникову, что ты задерживаешься, что у меня здесь машина, и в Н-ск мы приедем чуть позже. Он может не беспокоиться.

— И он уехал?

— Разумеется. Я же передала твои слова. От твоего имени. Алексей фыркнул.

— Для прокурорского работника он что-то чересчур доверчив.

— Как всякий мужчина, не более. — Она помолчала. Потом мягко тронула его за руку. — Ты сердишься?

— Нет. Хотя мошеннические действия в отношении должностного лица, безусловно, имеют место.

— Значит, сердишься. И знаешь, почему? Я лишила тебя права выбора. По сути, Алексей Иванович, ты арестован. Прошу следовать за мной.

— Если бы у меня было право выбора, я все равно выбрал

содержание под стражей, — рассмеялся он, шагая вслед за дамой к ее машине.

Исполнительный директор Н-ского мясокомбината Светлана Сергеевна Тэн пользовалась классным автомобилем. Алексей обошел его сзади, но не сразу понял, что двигатель работает. В роскошном салоне оказалось тепло, комфортно, витал запах дорогих духов, и будто издалека, ненавязчиво звучали ритмы тропической Африки.

— Что за марка? Если не коммерческая тайна, конечно.

— Это «Пежо». Дамский вариант, — она с выжидательной улыбкой повернулась к нему. Полы явно коллекционной шубки разъехались, обнажая затянутые темными колготками длинные ноги.

— Мы что-то забыли? — осведомился он.

— Да. Я жду, когда ты меня поцелуешь.

— Разумеется. Но не в прокуратуре. Здесь это почему-то не приветствуется.

Тэн с улыбкой уперлась длинным, изящным пальчиком в кнопку на приборной доске, и стекла автомобиля медленно покрылись непроницаемой дымкой.

— Ну же, смелее. Нас все равно никто здесь не видит.

Алексей потер локтем стекло. Вздохнул.

— Ты снова не оставляешь мне выбора.

Он притянул ее к себе и грубо, с наслаждением запустил руку под шубу, бесцеремонно ломая хрупкое сопротивление. Наконец, она с писком освободилась из его объятий, даже слегка оттолкнула.

— Это никакой не поцелуй! — В голосе послышался слабый протест.

— А что это?

— Это... это попытка изнасилования.

— Тебе не понравилось?

— Нет! Хотя...не знаю. Еще не поняла.

Он рассмеялся такой непосредственности. Коснулся рукой ее волос.

— Зато я понял сразу.

— О-о!

— Да. Сильные и властные женщины, вроде тебя, втайне мечтают быть изнасилованными. Но не каждая признается в этом даже себе.

— Зато тебе они признаются с удовольствием, не так ли?

— Ха-ха-ха! Только что одна из них мне в этом призналась. И, кажется, с удовольствием.

— Все? Я больше не желаю слушать твой дурацкий треп.

Светлана врубила звук на полную мощность, и ритмы аф-

риканских тамтамов загудели где-то в самом низу живота. Почистив перышки, она резво вырулила машину со стоянки и довольно нахально вписалась в общий поток. Минут через пять Алексей заметил, что они едут куда-то не туда. Сбросил звук.

— Светланочка, мы случайно не заблудились?

— Вначале мы заедем ко мне. Я должна забрать кой-какие документы. Еще вопросы есть?

— И даже не один. Правда, несколько практического свойства и, возможно, не вполне деликатные.

— Я вся внимание.

— Готов поклясться, Светланочка Сергеевна, ваше акционерное предприятие, которым вы имеете честь управлять, регулярно не платит в казну налоги. Ваши рабочие регулярно не получают зарплату. Зато у вас есть личный счет где-нибудь на Кайманах, который регулярно пополняется. Я прав? Если это не коммерческая тайна, конечно.

На мгновение она задумалась.

— Хорошо, я отвечу. Но вначале мне хотелось бы узнать: я что, интересую тебя только в этом качестве?

— Бога ради! В этом качестве ты интересуешь меня в последнюю очередь. Но ты же сама, уважаемая, не захотела слушать мой дурацкий треп. Я просто поменял тему нашего разговора.

— Поменять тему разговора таким образом мог только прокурор.

Алексей хмыкнул.

— Но я, действительно, прокурор. По-моему, я этого не скрывал?

— Хорошо, тогда я отвечу тебе как прокурору. Акционерное общество «Н-ский мясокомбинат», которым я имею честь управлять, действительно, не платит в казну налоги. И делает это вполне сознательно. По двум причинам. Во-первых, если мы начнем аккуратно платить все налоги, через полгода-год предприятие полностью прекратит существование. Почему — ты знаешь. Такие у нас налоги.

— А во-вторых?

— Во-вторых, те суммы, которые время от времени мы все же выплачиваем в бюджет, как правило, разворовываются. Частично на местном уровне, но главным образом на федеральном. И это, Алексей Иванович, для тебя как для прокурора тоже секретом не является. Что касается рабочих... действительно, они получают свою нищенскую зарплату с большими задержками. Плюс инфляция. Иногда вообще не получают. И знаешь, почему?

— Почему, будто бы?

— Потому, что рабам не платят.

Алексей даже присвистнул.

— Не слишком ли круто, милая?

— Не слишком, уверяю тебя. Раб все равно свое украдет. Два года назад, когда мы только начинали акционироваться, я рассуждала в точности, как ты. В то время средняя зарплата на комбинате составляла сорок-пятьдесят процентов от себестоимости продукции. Почти европейский стандарт. Но когда к концу очередного квартала экономисты подбили итоги, оказалось, что до тридцати процентов продукции комбината расхищено.

Чтобы выбраться из ямы, пришлось все социальные выплаты урезать в десять-пятнадцать раз. Затем я укрепила периметр, выставила военнизированной охрану, на КПП был введен режим личного досмотра. Никто не возражал, поддерживали единодушно, и ни один человек, кстати, не уволился. На что живут, не знаю, даже знать не хочу.

— Наверное, продолжают красть. По мелочи.

Светлана кивнула.

— На КПП чересчур подозрительных раздевают. Догола. Несунов фотографируют.

— В голом виде?

— Иногда, да. У нас на этот случай заведена «Доска Почета». Кто, по каким местам и сколько умудрился распрятать. Раз в квартал экспозиция полностью обновляется. Думаешь, кто-нибудь возмутился? Ни один. Даже хвастаются друг перед другом. «Гляди-ка, — говорит, — гляди. Это вот моя задница, я тут боком стою. А это? У кого это титки так большущи? Ба? Анька, фаршировщицей работает. Гля, куда прилепила...»

Светлана очень точно передала местный кудрявый говорок, так что картинка получилась отменной. Алексей от души посмеялся.

Вскоре машина круто свернула в малоосвещенный проезд между домами, покрутилась среди каких-то новостроек и вдруг резко затормозила. Словно наткнулись на бетонное препятствие. По инерции Алексей сыграл всем телом вперед, на панель, и пребольно ударил головой в лобовое стекло.

— Что случилось, черт возьми? — наконец, пробормотал он, потирая ушибленное место.

— Ты не пристегнул ремень безопасности, это во-первых. А во-вторых, мы приехали.

— Только и всего? Девушка, вы разбились человеку лоб! По ее лицу скользнула коварная улыбка.

— Зато теперь, Алексей Иванович, ты точно знаешь, почему переднее стекло у машины называется «лобовое».

— Ты что, специально это устроила?

— Разумеется. «Мне отмщение, и Аз воздам». Это тебе, Алексей Иванович, за попытку изнасилования, раз. И за дурацкий треп, два.

— О-о! — Алексей в изнеможении откинулся на спинку сиденья. — Сапожников, сволочь, на кого ты меня здесь оставил?!

— Ну-ну! Не надо так переживать, миленький. Дай я тебя поцелую в лобик. Вот так... Лобик скоро заживет, как на собачке. Ну, успокоился? Вот и умница.

Она подобрала полы шубки и мягко выскользнула из машины.

— Прошу следовать за мной.

Алексей поплелся следом к подъезду дома.

— Светка, ты здорово испортилась в последнее время. Хорошо, что я сдуру не женился на тебе тогда, — сердито проворчал он.

— Этот вопрос, миленький, мы еще обсудим. Позднее.

Она выудила из сумочки замысловатой формы ключ и в три приема открыла толстую, бронированную дверь. Но это оказался не подъезд, а лифт. Над головой мягко вспыхнул светильник. Светлана уверенно набрала на пульте свой код, и лифт пополз вверх, на четвертый этаж. Остановился. Еще один набор — и дверь мягко разъехалась в стороны, но не на лестничную площадку, как обычно, а прямо в квартиру, в прихожую.

Алексей прошел вслед за хозяйкой. Огляделся. Огромная, необжитая квартира. В одном из углов в прихожей еще валялись остатки строительного мусора.

— Избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей, — ухмыльнулся он.

— Это кооперативная избушка, на десять квартир. Построена по индивидуальному проекту.

— Лифт тоже индивидуальный?

— Да. Каждая квартира имеет свой.

— Хм? Не слабо. Весьма даже, — он принял невесомую шубку с ее плеч на руки.

— Дорогой прокурор, деньги, которые я зарабатываю, я вкладываю либо в ценные бумаги, либо в недвижимость. Мое первое приобретение — двухкомнатная квартира для мамы. До этого мы жили с ней в коммуналке. А сюда я въехала две недели назад, второе приобретение. Это все. «Пежо» принадлежит акционерному обществу, для представительских целей. Небызвестная тебе квартира в Н-ске тоже.

— А, понял. Это к вопросу о личном счете в швейцарском банке?

— Да.

— В таком случае, вопрос закрыт.

— И на том спасибо. На личных счетах, господин прокурор, за бугром лежат совсем другие деньги. Краденые.

Алексей вздохнул.

— Мы ссоримся? Или еще нет?

— А ты как думаешь?

— Ну... похоже на то.

— Я объясню, пожалуй. Только постарайся не обижаться, хорошо?

Алексей обещал.

— Большинство мужчин, я заметила, в моем присутствии начинают испытывать комплекс неполноценности. Наверное, успешная женщина унижает лиц мужской национальности. Вначале они ерничают, ежатся, пыжятся, потом начинают задавать те самые идиотские вопросы, какие задавал ты. В результате, я вынуждена защищаться.

Алексей слегка приобнял узкие, податливые плечи.

— Извини, милая. Наверное, ты права. Хотя, мне показалось, защищаться в основном приходилось мне.

Он почесал ушибленный лоб. Светлана, наконец, улыбнулась.

— Бедненький, сейчас я буду тебя кормить. С ложечки. Проходи сюда. В других комнатах полный бардак. Я не успела разобрать вещи.

Алексей прошел в одну из дверей, на которую было указано. Здесь тоже царил бардак, но относительный. Вдоль стены лежал свернутый в толстый рулон палас. Низкая тахта, два кресла. Бар, как в Н-ске. В углу штабелем возвышались картонные коробки. Еще одна коробка с люстрой стояла посреди комнаты на полу. Он плюхнулся в кресло. Включил торшер. Не похоже, что хозяйка провела здесь хотя бы одну ночь.

Светлана появилась минут через пять с подносом, заставленным закуской. Ногой подвинула коробку к креслу, водрузила сверху поднос.

— Что будешь пить?

— Все, что есть, — пробормотал Алексей, алчным взглядом озирая «стол». Посреди подноса, истекая соком, дымился толстый кусок баранины, обложенный помидорами и петрушкой. Как раз то, что ему сейчас нужно. Он забросил в рот тонкий ломтик балыка. Спросил:

— Можно водку?

Она достала из бара бутылку водки, рюмку и передала гостю.

— Приступай.

— А ты?

— Я сейчас. И потом, ты же знаешь, я мясо не употребляю.

Алексей вспомнил свой утренний кофе с чебуреками, проигнорированный обед и искренне посочувствовал хозяйке.

— Бедная Мальвина!

— Ешь, иначе остынет, — она чмокнула его в нос и вышла, оставив в дверном проеме черный, мерцающий взгляд.

«Так, если учесть, что мясо она не употребляет, значит, кусок баранины припасен для любимого мужчины. Заранее. Стало быть, она заранее знала, что любимый мужчина будет сидеть здесь, на этом самом месте. Затем женщина ввела план «Перехват», и в результате оперативно-розыскных действий мужчина был задержан в районе здания областной прокуратуры и доставлен к куску мяса. Почти насильно. Хм...»

Он налил себе водки.

«Что ж, будем надеяться, его доставили сюда не для того только, чтобы скормить кусок мяса».

Минут десять спустя он почувствовал черный, мерцающий взгляд у себя на виске. Повернул голову. Светлана стояла в дверях с длинным, узким стаканом в руке. И с сигаретой. Какая-то перемена в ней за эти десять минут определенно успела произойти, Алексей ощутил это кожей.

— Что-то случилось?

— Лешенька, — она привалилась спиной к стене, — хочешь, я скажу тебе комплимент?

— Комплимент? Почему нет?.. Вначале было отличное мясо, изумительная водка. И еще комплимент? Конечно, хочу.

Она слабо кивнула.

— Лешенька, ты настоящая свинья.

«Комплимент» прозвучал настолько неожиданно, что Алексей поначалу усомнился, правильно ли он разобрал.

— Этот комплимент в свой адрес я уже слышал сегодня. От областного прокурора. Хотя, судя по твоей интонации, я ужасно обаятельная свинья.

Она пропустила шутку мимо ушей.

— Когда тебя убили, Алеша... разнесли на куски, я чуть с ума не сошла. Я там была, на месте... возле машины. Это ужасно, ужасно!

Светлана медленно сползла по стене на пол, на корточки. Закрыла лицо руками.

— Потом ты даже не позвонил.

Алексей промолчал. «Действительно, свинья». На мгновение он представил себя на ее месте. Тоненькая, хрупкая, почти девочка, ввязалась в мужские грязные игры и увязла там по уши. Ожесточилась? Безусловно. Тем более, что кроме мамы, у «успешной» девочки, похоже, другой личной жизни нет. Еще несколько лет, и этот черноголовый тюльпанчик с

тонкой девичьей шеей, с мерцающими глазами превратится в обыкновенную, крашеную стерву.

Алексей почувствовал себя виноватым. Он поднял ее с пола за руку. С нежностью прижал к себе. Она вдруг заплакала горько, навзрыд, как незаслуженно и жестоко наказанный ребенок. Он подождал, пока она успокоится.

— Я был потом в церкви. Кто-то по случаю моей смерти заказал панихиду.

Светлана вяло кивнула и нетвердой походкой, всхлипывая, отправилась в угол, к тахте. Упала лицом вниз, на подушки.

— Господи, как ты меня измучил...

Алексей тяжело вздохнул. Почему-то отношения с женщинами у него никогда легко не складывались. Наверное, они все слишком всерьез его воспринимают. Он взял с полу оставленный ею стакан. Пригубил. В стакане, к его удивлению, оказалось какое-то вино, и довольно крепкое. Похоже, девочка решила расслабиться. Он поставил стакан на бар, взглянул на часы. Так... приехали. В пьяном виде даму за руль не посадишь.

Светлана обернула к нему зареванное лицо. На немой укор в его глазах вяло произнесла:

— Алеша, ты арестован. До утра.

— Угу! В таком случае, девочка, пеняй на себя. Ты сама загнала меня в угол.

Он состряпал свирепую физиономию и, на ходу сдирая с себя пиджак, двинулся в атаку...

4

Алексей проснулся от ощущения внезапной тяжести в области груди и живота, поднял голову. Светлана взобралась на него поверх одеяла и лежала нагая, скрестив руки под подбородком. Черные глаза мерцали даже сквозь густые пряди упавших на лицо волос. Он провел ладонью по лицу, убирая волосы в сторону.

— Твои глаза мерцают. Ты это знаешь?

— Да, заметила. Со вчерашнего дня.

— Со вчерашнего?

— Мы встретились с тобой около шести вечера.

— А, понял! А если бы не встретились?

— Они обычные. Как стоячая вода... в болоте.

Алексей живо вспомнил черную, неподвижную гладь в лесной старице под Красноглиным. Кивнул.

— Представляю.

— Не только глаза. У меня даже морщинка исчезла, —

она встряхнула головой, сбрасывая со лба волосы. Затем провела ногтем вертикальную линию между бровей. — Вот тут... намечалась.

Алексей, смеясь, чмокнул ее в лоб.

— Все ясно. От любых женских болячек и напастей есть одно-единственное средство. Хороший секс.

— Наверное. Если с любимым человеком.

— С нелюбимым хорошего секса быть не может, девочка. Ваша поправка не принимается.

Он слегка подкинул ее на себе и выдернул одеяло. С тихим стоном она упала в его объятия, словно в воздушную яму, задохнулась. По мягкой, шелковистой коже под его рукой пробежали возбужденно мурашки.

...Спустя, наверное, час они расплзлись по краям огромной тахты, вконец обессиленные. Алексей вяло пробормотал:

— У нас это неплохо получается, ты не находишь? — Светлана приподнялась на локте и посмотрела на него со странной улыбкой.

— Не только это, Алеша.

Он не понял, что она имела в виду, но переспрашивать не стал. Лень было открывать рот или шевельнуть на худой конец пальцем. Даже глаза, он чувствовал, плавают по сторонам каждый сам по себе, как у новорожденного младенца, ни на чем не фиксируясь. То ли левым, то ли правым глазом он увидел, что она поднялась и медленно становится на колени. Поза откровенно бесстыдная, но у нее нет совершенно сил на лишнее движение, чтобы как-то скрыть свои прелести. С осторожной грацией она спустила ногу с тахты, нащупала пол и медленно, бесшумно истаяла в дверях. Словно привидение.

Вскоре Светлана появилась обратно. Услышав шорох, он с трудом разлепил глаза. На краю тахты стоял поднос с дымящимся кофе и бутербродами.

— Мужчину надо кормить, — промурлыкала она, опускаясь напротив.

— А женщину?

— Женщину, глупенький, следует любить. Для нее это важнее.

Алексей дожевывал бутерброд и не согласился.

— По моим многолетним наблюдениям, драгоценная, в жизни все происходит с точностью до наоборот. Как только мужчина оказывается не в состоянии кормить женщину, она при первом удобном случае уходит к другому кормильцу.

— Ты считаешь это несправедливым?

— Я ничего не считаю. Я констатирую факт.

— Ах, ах! Они констатируют факт... А ты знаешь, как

называют мужчину, который за свою любовь требует, чтобы женщина его кормила?

— Как?

— Альфонс! И это тоже факт.

— Согласен, драгоценная. Это тоже факт, и между нами нет предмета спора. Мужчина, который кормит женщину, это кормилец. Согласись, звучит ласково и уважительно. Мужчина, который кормится за счет женщины — альфонс. Почти кличка, собачья. Разве не так?

— Думаю, да.

— Поэтому, когда женщина ласково и уважительно шепчет тебе на ухо, что «мужчину надо кормить», она, мягко говоря, лицемерит. На самом деле коварная женщина имеет в виду совсем другое.

— И что, будто бы, она имеет в виду?

— На самом деле она имеет в виду, что глупенького мужчину надо прикармливать. На первых порах. Зато потом, на всю оставшуюся жизнь, сделать из него кормильца.

— О-у!

— И это еще не все, моя драгоценная. Какие бы нежные чувства кормилец к женщине ни испытывал, любовь к нему женщины вовсе не гарантирована. По моим многолетним наблюдениям, коварная женщина, наскучив отвечать кормильцу на его чувства взаимностью, заводит себе любовника. Иногда двух, трех. Или меняет их одного за другим. Иногда за счет кормильца содержит альфонса. Поэтому, когда женщина нежно шепчет тебе на ухо, что ее нужно любить, что для нее это важнее, она еще раз лицемерит. Возможно, не отдавая себе отчета, просто в силу женской натуры.

— Какой отвратительный цинизм, господин прокурор. Брр...

Светлана взбила на голове волосы и дикой кошкой прыгнула ему на грудь. Опрокинула на спину. После короткой и жесткой борьбы в партере она уселась, наконец, сверху.

— А теперь послушай меня, Алешенька. Твои многолетние наблюдения за определенным сортом женщин, и не только наблюдения, ко мне лично отношения не имеют. Я готова кормить своего мужчину всю жизнь. Поэтому мясокомбинат в твоём распоряжении, имей в виду. А ты за мою колбасу постарайся гарантировать мне хоть какие-то нежные чувства. Хорошо?

— Ты хочешь сделать из меня альфонса?

— А что, неплохая мысль? Мне нравится. С завтрашнего дня, миленький, я ставлю тебя на довольствие. Договорились?

— Уже завтра? Ну... не знаю.

— А когда?

— Как только меня уйдут из прокуроров, так сразу. Иду и оформляюсь к тебе, моя драгоценная.

На лице Светланы появилась коварная улыбка.

— Если помнишь, это я два года назад помогла тебе стать прокурором?

— Еще бы! Я злопамятный.

— Хочешь, я помогу «тебя уйти»?

Алексей даже поперхнулся, изображая крайнюю степень возмущения.

— Знаешь, как это называется? Угроза в отношении должностного лица с целью прекращения его служебной деятельности. Статья 193 УК предусматривает наказание до одного года лишения свободы.

— Ах, ах! Угроза в отношении должностного лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей? На своем рабочем месте!

Она похлопала узкой ладонью по тахте.

— Впрочем, уговорил, миленький. Я снимаю тебя с довольствия.

— На всю оставшуюся жизнь?

— Только идиот может загадывать вперед на целую жизнь.

— Значит, я не безнадежен. — Он без труда опрокинул ее на спину. — Кстати, не пора ли нам ехать? На работу я, кажется, опоздал.

— Бедненький! Тебе придется сделать себе строгое замечание и лишиться премии.

— Пожалуй, я так и поступлю.

За пределами кольцевой дороги Светлане пришло в голову пересадить пассажира за руль. Первые полста километров Алексей привыкал к особенностям управления роскошной иномаркой и молча ловил кайф. «Пежо» изумительно «держал» дорогу, без проблем вписываясь в любые повороты. На безопасных участках стрелка спидометра валилась за сто восемьдесят, но из салона машины скорость почти не ощущалась — ни гула двигателя, ни вибраций корпуса, никаких ударов по амортизаторам, хотя дорожное полотно местами напоминало стиральную доску, изъеденную ржавчиной.

— Ну и как ощущения? — с улыбкой спросила Светлана, безошибочно угадывая его состояние и радуясь, что он получает от езды удовольствие.

Алексей вздохнул.

— За державу обидно.

— Фи! — Светлана капризно дернула плечиком. — И никакая это не держава, зря обижаешься.

— А что это?

— Ну-у, скажем... Страна Финансовых Пирамид. Устраивает? Ни хороших авто, ни хороших дорог никогда здесь не будет.

— Откуда такая уверенность?

— От верблюда.

— А все же?

— По моим многолетним наблюдениям, Алексей Иванович, в Стране Финансовых Пирамид понятие «хорошо заработать» означает только одно — хорошо украсть. Своего рода национальная идея, над которой бьются лучшие умы от экономики. Мысль прокурору доступна?

— Вполне. Что дальше?

— Дальше? А дальше все по Марксу. Национальная идея сформулирована однозначно: «Кто не ворует, тот не ест». Она стала достоянием масс, а значит, превратилась в реальную силу. Идея, разумеется, абсолютно деструктивная. Поэтому любое строительство, Алексей Иванович, в том числе дорог и автозаводов всегда начинается с растащиловки. Спустя время растащиловка плавно переходит в незавершенку. Это раньше, при развитом социализме. Теперь... даже вид не делают, что кто-то чего-то строит. Просто воруют, и все. Деньги из реальной экономики давно вымыты и усилиями «лучших» умов от экономики превращены в спекулятивный капитал. Затем в полном соответствии с национальной идеей эти деньги централизованно разворовываются в столице Страны Финансовых Пирамид, в Москве.

Алексей удивленно скосил на даму глаза. Мысли были его собственные, но выражены жестко и точно, отнюдь не по-дамски. Он задумчиво покачал головой.

— Ну, мы здесь, в провинции, тоже не лыком шиты.

— Не лыком, — Светлана усмехнулась и выудила из пачки длинную, тоненькую сигаретку.

— Местный ОБЭП на днях возбудил уголовное дело по факту мошенничества на Н-ском мясокомбинате. Основанием послужило заявление исполнительного директора госпожи Тэн. Копия постановления лежит у меня на столе.

— Ах, ах! Они, наконец, возбудились! Это надо же? — фыркнула Светлана.

— Ну, почему «наконец»? Я понял так, что к заявлению ты приложила платежные документы и паспортные данные товарополучателей. После заключения экспертов о том, что платежные поручения, действительно, являются фальшивкой, следователь возбудил уголовное дело. Согласись, на это тоже требуется определенное время?

После минутной паузы, поскольку Светлана молчала, переспросил:

— Тебя что, не успели уведомить?

— Не успели? Не то слово. Первый раз я подала заявление три недели назад. Мне обещали факты проверить, и если все подтвердится, дело будет немедленно возбуждено. В действительности все бумаги легли под стекло и там благополучно провалялись. Когда я снова подняла вопрос, мне попытались заявление вернуть. Разумеется, без проверки. Разбирайтесь, говорят, между собой по своим каналам.

— Ты могла обратиться ко мне. Я некоторым образом имею такое право — вмешиваться.

Светлана покачала головой.

— Алеша, я не хочу, чтобы от наших с тобой отношений отдавало мясокомбинатом. Хотя, по правде, без тебя все равно не обошлось.

— По правде? Это как?

— Так. Я сказала начальнику ОБЭП, если он дальше собирается морочить мне голову, я немедленно иду к прокурору. Представь, сработало безотказно. Никаких больше шуточек, хохмочек и приглашений на чай. При мне позвал следователя и передал ему все бумаги. Велел зарегистрировать.

Неожиданно быстрым и гибким движением она прильнула к Алексею и поцеловала его в щеку.

— Алешенька, они действительно боятся прокурора. По-настоящему.

Алексей хмыкнул.

— Наверное, скоро начнут пугать детей.

— Правду, правду! — Она вдруг ойкнула, потирая больно ушибленную руку. — Что это у тебя... тяжелое? Кувалда будто?

— Это? — Алексей похлопал себя по карману пальто. — Это пистолет Стечкина, моя драгоценная. Вернее, пистолет-пулемет. Калибр 7,6 миллиметра, в обойме двадцать патронов. В случае нападения мы можем держать с тобой оборону против многократно превосходящих сил противника.

— Пулемет?! — Она сделала круглые глаза. — Тебе это действительно надо?

Алексей пожал плечами.

— Наверное, я тоже их боюсь. Во всяком случае, от пары гранат не отказался бы.

— А у меня, — Светлана сунула руку под сиденье, — у меня вот чего... Дубинка, телескопическая. Сделано в Швеции. Она же электрошок. Видишь? Сила разряда такая, что можно обездвигить медведя. Если нападет.

— Отличная штука, — Алексей одобрительно кивнул. — Но только в случае, если тебя захотят ограбить. Или изнасиловать. Зато при огневом контакте лучше иметь «пулемет».

Он вытащил «пулемет» из кармана и положил даме на колени. Предупредил:

— На предохранителе.

Но дама вопреки ожиданиям испугалась не слишком. Тяжелая, рубчатая рукоять довольно легко и свободно уместилась в длинной, узкой ладони.

— Для огневого контакта, говоришь? — с улыбкой переспросила она, разглядывая со всех сторон грозное оружие. — А если меня захотят ограбить или изнасиловать, он что, твой пулемет, уже не годится?

— Ну, да. Лучше не применять.

— Значит, пускай насилуют? Так?

— Светланочка, если тыпустишь в ход эту штуку, потом на тебя столько собак... тьфу, статей понавешают, сама будешь жалеть, что не изнасиловали.

Алексей резко замедлил скорость, объезжая огромную, в полдороги вымоину. Потом еще одну... Когда, наконец, колдобины закончились, и он отвлекся от дороги, то с изумлением увидел, что ствол покачивается перед его собственным носом.

— Эй, эй! С этим не шутят, милая. Ну-к, убери.

— А я не шучу.

Она быстро отпрянула в угол, когда он рукой попытался отвести ствол от себя. На лице дамы застыла коварная полуулыбка, а в глазах мерцал уже знакомый ему «темный пламень».

— Сворачивай, голубчик. Сюда... да. Направо.

Алексей притормозил.

— Зачем?

— Вопросы здесь задаю я.

— Хорошо. Поехали.

Мягко покачиваясь, «Пежо» сполз с асфальта в придорожный ельник и по малозаметной дорожке двинулся в глубину леса. На небольшой круглой полянке Светлана велела остановиться.

— Все, приехали.

Он выключил зажигание и развернулся к ней.

— Что дальше?

— А ты как думаешь?

— Я?

— Да, ты?

— Хм? — Алексей почесал в затылке. — Я думаю, девочке захотелось... пи-пи.

— Не угадал. Даю еще одну попытку.

Ну, тогда... Тогда не знаю. Может быть... ка-ка?

К его удивлению, Светлана неожиданно бросила пистолет ему под ноги и расплакалась, размазывая по лицу тушь.

— Дурак! Я... я хочу, чтобы ты меня изнасиловал, — кое-как, сквозь слезы разобрал он.

Ну и ну! Алексей даже не знал то ли смеяться, то ли самому начать плакать. Обнял «насильницу» за вздрагивающие, узкие плечи.

— Любопытно, как это ты себе представляешь?

— Как... обы... обычно...

— Под дулом пистолета? Ну-у... не знаю. А если у меня не получится под дулом. Что тогда?

Она, видимо, представила себе эту картинку вживе, с подробностями и вдруг рассмеялась — сквозь слезы, бурно, так же, как и расплакалась.

— Алешенька, если у него не получится... вдруг, тогда мы его попробуем электрошоком. Хорошо?

Алексей схватился за голову.

— О боже! Ты ведешь себя, как та самая бабка из анекдота?

— Я — бабка?

— Как бабка.

— Какая еще бабка? Я не знаю никакой бабку и знать не хочу. Я хочу, чтобы ты меня изнасиловал. Хочу, хочу, хочу, хочу!

— Хорошо, хорошо. Я тоже хочу. Но сначала про бабку.

— Про бабку?

— Да, про бабку... — Алексей вдруг почувствовал, что летит вверх тормашками. Обе спинки сидений откинулись одновременно, и «насильница» уселась на него верхом.

— Господи, ну, точно та самая бабка! Ну уж, нет! — Он опрокинул ее на спину и закрыл ладонью рот.

— Так вот. Два придурка, вроде меня, отправились в лес за грибами. На полянку выходят, глядь: а навстречу бабулька. И на них тарашится. Они ей: «Иди, иди, старая. Мы тебя не тронем. Ступай себе». А бабулька ружье из-за спины хвать и на них наставила. «Еще как тронете, придурки!»

— Фи! — сказала Светлана, когда он убрал с лица ладонь.

— Что, фи?

— Развратница твоя бабулька.

— А ты?

— Я же тебя люблю, Алешенька. Разница есть?

— Под дулом пистолета? Хм?

— Ну и что? Все равно люблю.

— Ага, а если бы я отказался тебя насиловать? Что тогда?

— Ну... тогда? Тогда я тебя пристрелила бы.

— За что?! Если не коммерческая тайна, конечно.

— Не коммерческая. За попытку изнасилования.

Оба расхохотались...

... Когда выехали на трассу, Алексей решил вернуться к прерванному разговору.

— Значит, твое заявление в ОБЭП пролежало под стеклом целых три недели?

— Да. С восемнадцатого числа.

— Тебя хотя бы допросили?

— Нет.

— Выходит, никаких проверок, никаких действий по изложенным фактам не проводилось.

— Господи, да он... Морозов, кажется, фамилия? Вообще не сразу вспомнил, куда сунул мое заявление. Или вид сделал, что не помнит.

— Скорее, сделал вид. Но вот чего ради? Ты сама не догадываешься?

— Догадалась, чего уж. Правда, спустя три недели.

— Хорошо. Тогда давай все по порядку. С начала.

— Алеша, может, не надо сегодня? — ей явно не хотелось говорить о делах. Алексея такое нежелание несколько удивило.

— Светланочка Сергеевна, судя по началу, они и дальше намерены дело волокитить. Так что сегодня или завтра этого разговора нам все равно не избежать.

Светлана вздохнула.

— Хорошо. Начну с начала. Две недели назад я вернулась из командировки.

— Откуда?

— Из загранкомандировки. Мы закупили в Швеции технологическую линию, но, как показывает опыт, такой товар лучше увидеть в деле, а не судить по рекламным проспектам. Дешевле обходится.

— Что за линия?

— Фасовочная... фасовка-упаковка. В частности, вакуумная упаковка. Мы собираемся расширять рынок сбыта за пределами области, но для этого необходимо производить продукты длительного хранения.

— Насколько я знаю, вывоз мясопродуктов за пределы области запрещен.

— Это мера временная.

— Ну, хорошо. Итак, мы вернулись из загранкомандировки. Что дальше?

— В таких случаях я первым делом запрашиваю всю финансовую отчетность, которая скопилась за период моего отсутствия. Обычно проверяю платежные документы, поступление денег на счета и отпуск продукции по накладным.

— Работаете по предоплате?

— Как правило. Исключение составляют детские сады,

школы, больницы. Но это скорее благотворительность, платить бюджетные организации все равно не в состоянии.

— Понятно.

— Во время последней проверки, после Швеции, я сразу обнаружила эту подозрительную сумму. Оказывается, наш отдел сбыта отоварил представителей некой фирмы «Фактория» на сто три миллиона рублей. Продукцию вывезли в огромном рефрижераторе, хотя весь автопарк фирмы — два «Москвичонка» типа «каблук». Проверила платежные документы, доверенность — явная липа. Звоню в область: оказывается фирма «Фактория» десять дней назад объявила о самоликвидации. В конторе сидит какая-то соплюшка и отвечает на звонки. Кое-как уговорила связать с бывшим хозяином фирмы. Но тот господ Гольданского и Кочелаева, якобы представителей фирмы, не знает. В глаза не видел. Естественно, никаких поручений, доверенности людям с такой фамилией в адрес комбината не выписывал.

Нервным жестом Светлана откинула со лба волосы.

— По глазам вижу, у тебя на языке вертится вопрос: кто на комбинате в мое отсутствие эту «липу» пропустил?

— И кто же?

— Мой зам. Мезенцев Игорь Николаевич.

— Фамилия как будто знакомая. Председатель райпотребсоюза ему кто?

— Николай Николаевич — это папа. Вернее, папик.

— Папик? Он так его называет?

— По-разному. Иногда «шкапик», «шкалик». Еще один фигурант в этом деле.

— Насколько я догадываюсь, лично ты полагаешь, будто твой зам не просто пропустил «липу», скажем, по недосмотру, а сделал это намеренно? Подыграл мошенникам?

— Я в этом уверена.

— Кроме твоей уверенности и неприязненных отношений с замом, другие доказательства есть?

— Алеша-а? Сто три лимона... чем не доказательство? Кстати, с фирмой «Фактория» мы уже имели дело раза три-четыре. Так вот, самый крупный из ее платежей за отпущенную нами продукцию — семь лимонов, всего. И вдруг сто три! И это, заметь, накануне самоликвидации.

— Я заметил.

— Ну и... моя командировка, конечно. Они провернули операцию сразу после отъезда, на второй день. Значит, готовились заранее.

— Все так. Но пока против твоего зама эти факты доказательствами служить не могут.

— А что это?

— Пока только повод для размышлений. Но они могут стать доказательствами в случае, если удастся отловить «представителей» фирмы и взять у них соответствующие показания.

Светлана даже задохнулась от возмущения.

— А как же «папик»? Кто, кроме «папика», мог так надавить на нашу ментовку? И чего ради «папик» стал бы это делать, если сынуля не был связан с мошенниками?

— Согласен. Но опять же, чтобы это твое предположение превратить в доказательство, ты должна попросить у начальника ОБЭП Морозова объяснительную, в которой он признается, кто, когда и по какому поводу на него надавил. Кстати, пусть не забудет поставить под документом свою подпись.

— Бред какой-то.

— Отнюдь. Самое большее, в чем можно обвинить твоего зама на данный момент, это преступная халатность. К тому же они с «папиком», если не ошибаюсь, оба акционеры, поэтому красть у самих себя для них в общем-то резона нет. Скажу больше, если ты будешь чересчур наседать, они попросту переведут стрелку на тебя.

— А это каким образом?

— Ну, скажем, ты, будучи в неприязненных отношениях, решила воспользоваться оплошностью своего молодого зама, чтобы свести с ним счеты. Или убрать возможного претендента на должность исполнительного директора. Короче, варианты могут быть разные.

Некоторое время Светлана молчала, глядя перед собой на дорогу отсутствующими глазами. Неожиданно фыркнула, сердито, будто большая кошка.

— Мой молодой зам, как ты говоришь, моложе меня всего на один год. Кстати, свою трудовую карьеру, в отличие от меня, Игорюша начинал с должности директора мясокомбината. Не потянул, мягко говоря. Зато тянул все, что попадалось под руку. Спустя полгода собрание акционеров освободило мальчика от занимаемой должности, а исполнительным директором назначили меня.

— С тех пор между вами пробежала черная кошка?

— О боже... какая кошка?! Я просто делаю свое дело. Честно делаю. И я хочу найти этих мошенников!

Алексей примиряюще улыбнулся.

— Извини, пожалуйста. Кстати, что он за человек, твой зам?

— Прекрати. Я больше не хочу о нем говорить.

— И все же?

Светлана раздраженно дернула плечиком.

— Ну, однажды, к примеру, он взял у меня в долг пятьсот

баксов. Сказал, вернет обязательно на следующей неделе. Прошел месяц, два... Третий. Игорюша даже не вспоминает о долге. Неудобно, конечно, но пришлось напомнить самой. А он... глаза голубые, светлые, даже растерялся как будто. И я тоже не в своей тарелке. «Светочка, — говорит, — милая, какой долг? Сколько, сколько? Пятьсот баксов! Да ты что?.. Ей-богу, не помню. Но я отдам, конечно, если брал. Ты хотя бы расписочку мне покажи, что ли? Совсем из головы выпало». А у меня откуда расписка? Я же под честное слово давала ему эти деньги. Он участливо так взял меня за руку. «Извини, — говорит, — может, ты сама что-то перепутала? Обычно без расписки я такие суммы никогда не беру. И не даю, конечно. Может, другой кто-то?»

Представляешь? Я больше разговаривать с ним не стала. И не напоминала ни разу. Через полгода, примерно, Игорюша по пьянке как-то посмеялся. «Ну что, здорово я тебя кинул? То-то же. Не будь совком, киска, и скажи спасибо дяденьке за урок». Деньги, конечно, не вернул.

— Хоро-ош фрукт! — Алексей одобрительно кивнул. — Кстати, о совках... У нас на лекциях в свое время один профессор говорил: «Если мама работает в системе торговли, то на ребенке можно смело ставить крест. Человека из него уже не получится». А у вашего Игорюши, насколько я знаю, оба родителя как раз из этой самой системы. Я прав?

— Нашего Игорюшу, если по совести, можно смело ставить к стенке. Именно это я и пытаюсь тебе доказать.

Алексей рассмеялся.

— Доказать? Без расписочки? Без расписочки, дорогая Светлана Сергеевна, ты никогда и ничего в суде не докажешь. Даже свои пятьсот баксов. Знаешь, что? На твоём месте, пользуясь случаем, я бы освободил Игоря Николаевича от занимаемой должности. Преступная халатность налицо? Налицо. Убытки тоже. Все, до свидания, дяденька. Ставлю тебя на забой скота, бойцом.

— Господи? Этот Игорюша с «папиком» фактически хозяева на комбинате. У них двадцать четыре процента акций. А дорогая Светлана Сергеевна всего лишь наемный работник. И не ей решать, кто у нее в замах.

— О, тогда все! Вопрос снят, — Алексей сделал круглые глаза и втянул голову в плечи. — Тогда место твоему заявлению, действительно, под стеклом, Морозов прав. Хозяева есть хозяева, они не воруют, они просто берут у себя. Правда, по подложным документам. Наемного работника это касаться не должно.

— Слушай, ты... знаешь, что?

— Что?

— В ухо хочешь? — В голосе Светланы явно слышались слезы.

— Помилуй, за какие заслуги?

— Ты мне весь кайф сегодня испортил. Понял?

Свободной рукой Алексей притянул ее к себе. Поцеловал.

— Извини, я был не прав. Кстати, у меня есть хорошая идея, чтобы поправить наше с тобой настроение.

Светлана сквозь слезы улыбнулась.

— Пи-пи?

— Господи, да ты ловишь все с полуслова? Какая умница, это надо же?

Мягко покачиваясь, «Пежо» сполз с асфальта в придорожные кусты и по малозаметной дорожке покатил в глубину леса.

5

По просьбе Светланы Алексей остановил машину возле ее подъезда. Машинально спросил:

— Ты домой?

— Хочешь зайти? — Алексей покачал головой.

— Не сейчас.

— Значит, через полгода. — Она слабо вздохнула. — Алеша, почему бы тебе не пригласить даму на день рождения?

— День рождения... какой? Ах, да! — Он рассмеялся. — Кажется, у меня скоро день рождения.

— Ровно через неделю.

— Твоя очаровательная головка, однако, забита всякими пустяками.

— Все, что касается тебя, Алешенька, для меня далеко не пустяк.

— Я, разумеется, польщен, — Алексей чмокнул даму в щечку.

— Так как?

— Насчет дня рождения? Я еще не думал на эту тему.

— Значит, не приглашаешь.

— Светочка, ласточка, зоренька моя ясная, цветочек ты мой аленький, я сказал только то, что сказал: я еще об этом не думал.

— Все равно это отказ. И не слишком вежливый.

— О боже! Если все, что касается меня, для тебя не пустяк, то ты, вероятно, заметила: у меня нет привычки устраивать вокруг собственной персоны всякого рода юбилей, банкеты-фуршеты и прочие торжества с народными гуляниями.

— Заметила, почему же? Но, Алешенька, ангел ты мой лукавый, речь не идет о банкете с участием местного бомонда. Я имею в виду ужин на двоих в честь твоего дня рождения, только и всего.

Алексей фыркнул. Светлана намеренно, хотя и весьма дипломатично, ставила его перед выбором: либо она, либо Анна, либо кто-то еще. Ей нужна ясность в отношениях. Только и всего.

Она заметила некоторое замешательство на его лице. Улыбнулась.

— Так как? Ты меня приглашаешь?

— Почему нет? — Алексей тоже улыбнулся, широко и радушно, как только мог. — Разумеется. Хотя, я уже сказал, я об этом еще не думал.

— Хорошо, подумай. Я даю тебе на размышления ровно четыре дня. Надеюсь, ты позвонишь мне сам?

— Разумеется! Какой может быть разговор.

— Пожалуйста, не заставляй даму делать это за тебя.

— Я постараюсь, моя радость.

— Вот и умница. Иначе, Алешенька, у тебя могут быть большие неприятности, — многообещающе промурлыкала она.

— Очень-очень большие? — усомнился он.

— Мало не покажется, не сомневайся.

— О-о?

— Извини, но мне надоело пускать обстоятельства на самотек.

— Охотно извиняю. Однако, что ты имеешь в виду?

Светлана посмотрела ему прямо в глаза. Вдохнула.

— Алеша, мы с тобой отличная пара. Только ты этого почему-то не понимаешь. Или не желаешь понимать.

Алексей тоже вздохнул. Сокрушенно развел руками

— Скорее, сладкая парочка.

— Почему-у?

— Ну, если учесть союз прокуратуры и мясокомбината, слаще не придумаешь. Однако, ласточка, у тебя странная манера объясняться в любви — размахивая кулаками.

— Это от отчаяния. Ты загнал меня в угол.

— Неужели? У меня ощущение, что в угол загоняешь меня ты. Ну, хорошо, хорошо! — Алексей выставил перед собой ладони. — Давай прекратим. Ты восхитительная девочка, я очарован, я позвоню тебе ровно через четыре дня. Пока, моя пташечка.

Алексей открыл дверь квартиры и поймал себя на том, что инстинктивно перешагивает то место, где некогда лежал у порога труп убитого вместо него человека. Судя по данным паспорта, убитый был уроженцем деревни Юлдыш Зеленодольского района Татарии. На посланный по месту запрос никто из родственников не отозвался. Официального ответа тоже не последовало. Даже женщина, с которой он сожительствовал в последнее время и у которой квартировал, на похороны не явилась. Хотя едва ли господин Мин-

газов испытывал по этому поводу какие-либо неудобства. Особенно сейчас.

Алексей принял душ, сменил сорочку на свежую, махнул щеткой по туфлям и, насвистывая, отправился в прокуратуру.

В приемной в ответ на его приветствие многоуважаемая Людмила Васильевна смерила прокурора долгим, уничтожающим взглядом и молча уткнулась в бумаги. В суровой надменности ее позы явно содержалось обвинительное заключение в его адрес с соответствующим приговором.

— Что-то случилось, дорогая? Или как?

Он тотчас поймал себя на заискивающих, заикающихся интонациях. «Странно, с чего бы это?» — подумал он, чувствуя себя некоторым образом на приеме у собственной секретарши. Разумеется, уважаемая Людмила Васильевна тоже уловила в его голосе эти самые интонации и окончательно углубилась в бумаги, давая понять, что он здесь совершенно пустое место.

— Извините, пожалуйста. Я хотя бы могу пройти? К себе в кабинет? — нарочито испуганным голосом осведомился он.

Ответа в очередной раз не последовало, и Алексей на цыпочках, стараясь не шуметь, прокрался мимо ее стола. Тихо прикрыл за собой дверь. Впрочем, он уже догадывался, в чем тут дело. Однако решил, что дама должна заявить свои претензии вслух. Нажал кнопку селектора.

— Людмила Васильевна, прошу зайти к прокурору. И постарайтесь не задерживаться, если возможно.

Несмотря на просьбу, дама оттянула свое появление минут на пять, видимо, давая прокурору время окончательно вскипеть.

— Так в чем дело, милочка?

Она не ответила. Стояла возле двери и смотрела в сторону. Он обошел стол и взял ее за подбородок. Повернул к себе.

— Что означают эти ваши позы и прочие ужимки? Пропартикулируйте, пожалуйста, вслух. Чтобы я понял.

Теперь она смотрела ему прямо в глаза, не мигая, на дне их клокотала ярость. Алексей почувствовал себя как на вулкане и уже пожалел, что затеял продолжение этой сцены.

— У вас, Алексей Иванович, — наконец, проговорила она, — физиономия блудливого кота, который всю ночь провел на крыше. И страшно собой доволен, своими успехами.

— Это все? — разочарованно протянул он.

— Хотите взглянуть в зеркало?

— Спасибо, милая. Вы свободны, — отрезал он, всерьез опасаясь, как бы вулкан вполне семейного скандала не заработал на полную катушку.

Слава богу, в дверь просунулась физиономия Соковнина.

— Заходи, Василий Степанович, прошу!

Алексей быстро шагнул навстречу, протягивая следовательно руку. Подвинул стул.

— Все, Светлана Сергеевна, вы свободны.

По кошащему фырканию и шипению он с ужасом понял, что перепутал двух дам по имени-отчеству. Дверь за секретаршей грохнула так, что казалось, будто на прокуратуру сверху свалился фугас. Алексей плюхнулся в кресло и устало прикрыл глаза. Соковнин с ухмылкой проследил оседающую с потолка пыль.

— Я вам не помешал?

— Помешал... но вовремя, — вяло промямлил прокурор. Махнул рукой. — Ладно, докладывай свою хренотень.

— Докладываю. В ночь со вчера на сегодня, Алексей Иванович, предположительно около четырех утра, неустановленные лица (лицо?) подломили сейф в конторе Шигалинского леспромхоза. На момент кражи в сейфе находилось триста пятьдесят тысяч долларов.

— Сколько, сколько?

— Триста пятьдесят тысяч.

— Однако... — Прокурор выругался и коротким жестом взъерошил на голове волосы. — В этом сраном ЛПХ, в Шигалинском, народ полгода не видел зарплат. А тут... Откуда у него деньги? Спросили у Бочкарева?

— Там сейчас Махнев с ментами копают. Наверно, спросили. Кстати, Махнев просил доложить, как появишься. А лучше подъехать, если сможешь. Кажется, у него проблемы с директором.

— Ладно. Что еще?

— Сторож, из вневедомственной охраны, сейчас находится в реанимации. Состояние критическое. Предположительно, в бутылку с пивом ему намешали какой-то дряни. До этого он уже имел два обширных инфаркта. Похоже, сердце не выдержало.

— Сторож в сознании? Говорить может?

— Едва ли. Но подробности у Махнева, я не в курсе.

— Ладно. Будем надеяться, Махнев чего-нибудь да нарыл. На обед Алексей не пошел, принимал посетителей. В третьем часу пополудни в кабинет прокурора вошли трое рассерженных мужчин. Одного из них Алексей знал, Ожегов Леонид Михайлович, недавно назначенный директором подсобного хозяйства при Н-ском металлургическом комбинате. Отирая платком потное, красное лицо, Ожегов сразу взялся за графин с водой.

— Можно?

— Прошу. Правда, стакан один.

— Эти обойдутся, — Ожегов махнул рукой и с ходу влил в себя два стакана воды. Наконец, сел, свесив живот между расставленных широко колен.

— Алексей Иванович, дорогой, выручай, что ли? — густой ожеговский бас зарокотал по всем углам кабинета, закладывая, будто ватой, уши.

— Вот, — он ткнул пальцем в мужчину с темным, южным загаром на лице, — специалист классный. Сто лет его знаю, можно сказать, друзья. Бежал человек из солнечного Узбекистана в одних портках. А у меня в хозяйстве должность главного инженера вакантная, как раз по его части. Списались, конечно, созвонились, я зову его к себе. Святое дело — помочь земляку, ну? И жилье есть. Днями сдаем дом под ключ. Не дом — настоящий дворец. И тут... на тебе? Пригоняет Женя «КамАЗ» с пожитками, семью привозит, а дом уже занят. Самовольно, без разрешения, без никаких документов. Местный механизатор, сволочь, с бабой въехал. Три дня уговариваем — ни в какую? Ружьем из окна грозит. Убью, если сунетесь. А дом спалю, никому не достанется.

Алексей с досадой поморщился. То, что рассказывал Ожегов, было, конечно, половиной правды. Но тухлятиной от этой истории явно пахло.

— Значит, у механизатора, у «сволочи», никаких прав на жилое помещение нет? Так надо понимать? Наглый самозахват?

Ожегов фыркнул, хлопнул ладонями по толстым коленям.

— Да какие у него права?? В очереди двадцать лет стоял. Ну и что? Мы все там стояли. Мне, говорит, прежний директор твердо обещал. Вот с него, отвечаю, раз твердо обещал, ты твердо и спрашивай. А теперь я директор, бесплатную раздачу слонов я прекращаю. Все, закончилась халява. Бесплатного жилья тоже не будет!

Алексей согласился: мол, да, времена меняются, теперь за все приходится платить. Потом спросил:

— А что, Леонид Михайлович, ваш протеже этот дом покупает?

Ожегов слегка замешкался.

— Нам бы в хозяйство два-три таких специалиста, мы за год бы озолотели. А то, понимаешь, одна пьянь вокруг. С кем работать прикажешь?

Алексей кивнул.

— Ладно, Леонид Михайлович, поехали. Попробуем поговорить с твоим захватчиком. По душам.

Когда подъехали к «дворцу», Ожегов ворчливо заметил:

— Не получится по душам. Как бы дробью не угостил поганец.

— Ну-ну! Я же стены штурмовать не собираюсь.

Алексей вышел из машины. Огляделся. «Дворец», как он и предполагал, оказался просторным деревенским домом, сложенным из бруса, на добротном фундаменте из белого кирпича. Крыша под оцинковкой. И — остов только-только намеченного подворья, из металлоконструкций. «Хороший дом, — подумал Алексей, — на большую семью. Правда, на одну». Он обошел дом вокруг... Тишина. И хотя за окнами было темно и глухо, он чувствовал, что за ним наблюдают. Алексей подобрал с земли палку и дотянулся до наличника. Постучал.

— Эй, хозяин? Выгляни в окошко. Поговорим.

В ответ ни звука.

— Слышишь, что ли?

Наконец, из избы мужской голос глухо, без выражения спросил:

— Чего тебе?

— Поговорить бы надо. По-хорошему. Точки расставить.

Снова длинная пауза.

— По-хорошему? — В голосе послышалась злоба. — Знаю я вас, ментяры ссученные! Наручники нацепите и сапогами по зубам, впятером...

Дальше пошла такая отборная «феня», что прокурор поневоле спросил:

— Ты что, Ваня, никак с судимостью?

— А ты как думал? У нас тут все мужики с судимостью, по две-три ходки каждый имеет. Бабы тоже, через одну.

— А что так-то?

— Что так?

— Ну... в тюрьму, всей деревней?

— Ххы! Это, дядя, знаешь, как называется? Государственная помощь селу. Ваши воруют, а наши за ваших срока мотают. Бартер.

— Ну, положим, дом украл ты, насколько я знаю. Так, нет?

Ответа на сей раз не последовало. Алексей подождал, присел на обындевелое бревно. Наконец, в окне появилась хмурая, заросшая щетиной физиономия. Буровя незнакомца глазами, «хозяин» угрюмо спросил:

— Ты кто?

— Я, Ваня, прокурор района. Валяев фамилия. Почему-то на обитателей дома словосочетание «прокурор района» произвело жуткое впечатление. Вначале Алексей услышал женский заполошный взвизг и истеричные, взхлеб, рыдания. Затем, слышно, один за другим заплакали дети. То ли двое, то ли трое разом. Мужчина на мгновение отвернулся от окна и сердито прищелкнул на своих. Когда все затихло, отворил створы.

— Вот что, прокурор. Этот дом я украсть не мог. Знаешь,

почему? Потому, что этот дом мой. Я сам его построил, своими руками. Понятно?

— Пока не совсем. Ладно, рассказывай. Будем разбираться.

— Для начала, — мужик ткнул себя пальцем в грудь, — меня Алексеем звать. Это по отчеству я Иванович, запомни.

Алексей одобрительно кивнул.

— Хорошее начало. Уже сочувствую. Ну, выкладывай свою историю!

История и в самом деле оказалось с тухлятиной. За три последних года работы механизатором мужик не получал ни копейки денег. Иногда зарплату выдавали зерном, дровами, комбикормом. Жене, доярке, — навозом, молоком, пока оба не махнули на все рукой и перестали выходить на работу вовсе. Однако рабочие руки в хозяйстве были нужны позарез, и бывший директор предложил механизатору сделку. В счет невыплаченной зарплаты отдал наполовину недостроенный дом и впредь обещал помогать стройматериалами, техникой, обещал посылать на подмогу людей. Ты, земля, только паши и сей, не бросай работу. По этому поводу они даже выпили, не оформив однако, как это случается, свой договор какой-никакой бумагой.

Еще два года кряду мужик тянул из себя жилы, подымая дом. Доставал правдами и неправдами стройматериалы, сам нанимал людей, и все бы, наверное, ничего, но подался в пенсионеры бывший директор подсобного хозяйства, уехал неизвестно куда. Вслед за директором уволился главный инженер. Замдиректора, плановик и главный бухгалтер завели свою коммерцию в городе. Таким образом, руководство обновилось полностью, и дом, «построенный Джеком», повис в воздухе, а точнее, остался на балансе подсобного хозяйства вместе с участком земли, на котором был построен. Теперь новая администрация формально могла делать с домом все, что угодно.

— Слушай, хозяин? С твоим начальством я, пожалуй, попробую договориться. Чтобы отстали.

Хозяин угрюмо покачал головой.

— Хрен ты с ним договоришься, с толстопузым. Его мочить надо, свиноту. По заморозку.

— Ну, ну? Не вздумай, кстати, ружьем размахивать. А то как раз срок схлопочешь. Еще один.

— Ххы! Напугал ежа голой жопой.

— Ладно, как знаешь. Мое дело предупредить, — Алексей повернулся уходить.

— Эй, прокурор? Нет у меня никакого ружья. Не положено, когда с судимостью. Слышь?

— Не положено, — согласился Алексей.

— У меня вот оружие... — Мужик крикнул и поставил на подоконник двадцатилитровую канистру с бензином. — На чердаке еще две. Если что не так, спалю дом к едрене-фене. Понял?

Алексей усмехнулся.

— Я догадливый.

Убедить Ожегова в том, чтобы решить вопрос с домом по совести, а не по букве, оказалось однако не просто. Власть, пусть небольшая, превратила этого недалекого человека в кусок дерьма, жутко амбициозного, готового ломать через колено все, что ломается, и Алексей почувствовал сразу, что вызывать к совести в данном случае бесполезно. Ожегов в принципе не понимает, что это такое. Максимально вежливо и терпеливо Алексей в который уже раз пытался предложить директору разные варианты решения проблемы. Убеждал, что у металлургического комбината имеется свой резервный жилой фонд. Есть такой фонд у города, и при необходимости он сам готов похлопотать перед мэрией за классного специалиста. Не такая уж это неподъемная сумма для подсобного хозяйства, чтобы оплачивать двухкомнатную благоустроенную квартиру гостиничного типа. В конце концов, он, прокурор района, сам проживает в точно такой квартире. И так далее.

Не убедил. Хотя гость из Узбекистана под определенные гарантии готов был пойти на компромисс. Упертость Ожегова не имела под собой никакой логики, кроме барственной дури, пока Алексей не решил сменить тактику. Он хлопнул Ожегова по плечу и слегка подтолкнул в сторону.

— Отойдем, Леонид Михайлович... на пару слов. Что-то скажу, лично.

Отошли. Алексей, понизив голос, многообещающе забубнил:

— Уймись, Михалыч, ради бога... Не понял еще? Это же урка, отпетый. Ну, спалит дом с женой, с детьми, тебе что, авторитета это добавит? Ну, ладно дом, хрен с ним. Он тебя поронуть собирается...

Алексей спичкой пребольно царапнул Ожегова по толстому животу. В животе в ответ испуганно екнула селезенка.

— По заморозку, говорит, замочу свиноту. Мне терять больше нечего.

Эффект превзошел всякие ожидания. Ожегов враз покрылся потом и обмяк, будто проколота крышка. Алексей даже отвернулся, настолько отвратное зрелище представляла собой оборотная сторона начальственной дури. Вопрос, таким образом, оказался исчерпан.

Разговор со Светланой Тэн по поводу событий на мясокомбинате, несмотря на их очевидность, посеял в душе немало сомнений. Сумма ущерба, причиненного АО в результате мошеннических действий, выглядела весьма внушительно, 103 миллиона рублей. Однако Морозов, начальник ОБЭП, счел возможным положить заявление исполнительного директора под стекло. Это выглядело тем более странно, что такого рода преступления легче раскрывать «по горячим следам», а не спустя месяц, когда преступников что называется след простыл. Подобную неразворотливость Тэн объяснила тем, что, спасая непутевого сынулю, на ментовку сумел надавить «папик». Казалось бы, объяснение вполне логичное, но тогда нелогичным выглядит поведение самой Тэн, которая позволила пролежать заявлению под стеклом целых три недели, и, судя по всему, ни разу не поинтересовалась, какие меры принимаются и принимаются ли вообще?

Насколько Алексей знал Светлану, подобная забывчивость вовсе не в ее характере. Значит ли это, что «папик» давил на нее тоже?

Почему бы нет? Хотя в разговоре с ним она на этот счет даже не обмолвилась. И почему он, достаточно близкий ей человек, буквально вынудил Светлану к этому разговору? Не хотела, чтобы от их отношений отдавало мясокомбинатом? Так, кажется, она выразилась?

Однако, спустя три недели ход заявлению был дан. Правда, для этого Тэн пришлось припугнуть ментовку прокурором. Означает ли это, что давление на нее со стороны «папика» не увенчалось успехом? Или происходили какие-то другие события?..

Все эти вопросы по возможности требовали прояснения, и в конце рабочего дня Алексей зашел в райотдел милиции.

Начальник ОБЭП майор Морозов легко поднялся из-за стола навстречу прокурору. Не выпуская его руку из своей, усадил на стул к окну и радушно предложил стакан горячего чая. Алексей отказался. Майор с сожалением развел руками.

— В таком случае внимательно вас слушаю, Алексей Иванович. — Он сел на свое место за стол, выжидающе глядя прокурору в глаза.

Чего ради явился к нему прокурор, Морозов, разумеется, сразу просек и теперь изображал гостеприимного, внимательного хозяина, который рад появлению неожиданного гостя и готов услужить, чем только возможно. Алексей улыбнулся. Ход был понятен. Перешагнуть через доброе к тебе отноше-

ние не всегда просто. Как минимум, оно обязывает к взаимной вежливости.

— Игорь Владимирович, дорогой, почему так вышло, что заявление госпожи Тэн пролежало у тебя целых три недели, без движения? Не усмотрел факта мошенничества? Или сумма похищенного не впечатлила?

Морозов состряпал разочарованную физиономию.

— Все же нажаловалась. Вот и верь после этого женщинам.

— Ну-с? Так я слушаю?

Морозов снял телефонную трубку, набрал внутренний номер.

— Олег, ты?.. Ну-ка, тащи мясокомбинат сюда. Да, да... Живо! Прокурор требует.

Едва Морозов успел положить трубку на рычаги, на пороге с папкой в руках появился следователь отдела по борьбе с экономическими преступлениями Олег Лобанов. Положил папку на стол.

— Мне остаться?

— Пригласим, если понадобится, — майор подвинул папку с делом прокурору. — Хотите взглянуть?

— Обязательно, Но мой вопрос это не отменяет.

— Разумеется. Рассказываю, Алексей Иванович, как на духу. Едва госпожа Тэн удалилась из кабинета, оставив свое заявление, следом за ней появился небезызвестный вам Николай Николаевич Мезенцев, свинья с депутатскими полномочиями. Начал издалека. Слышал ли я, спрашивает, о существовании специального счета за номером... назвал по памяти номер, в местном Вятинвестбанке. Да, конечно, говорю, слышал. Счет открыт полгода назад для поддержки органов правопорядка во исполнение Указа президента. А в чем дело? С этого счета, дружок... это он мне говорит, к твоей зарплате ежемесячно доплачивается три с половиной миллиона рублей. Начальнику РУВД и его заместителям соответственно по пять и четыре миллиона. Но эти деньги, сам догадываешься, к бюджету отношения не имеют. Их вносят на ваш спецсчет такие люди, как я. Взнос, особо подчеркиваю, добровольный, никто нас не принуждает. Так вот, лично я за эти полгода внес на ваше содержание пятьдесят миллионов рублей, и... будем до конца откровенны, я вношу свои деньги не для того, чтобы вы копали под меня яму, а совсем даже наоборот. Кормящую руку, дружок, кусать как-то не принято. Ты согласен?

Ладно. Мне что, спрашиваю, порвать теперь ее заявление? Или написать самому об уходе?

Я, говорит, понимаю, с тебя тоже, в конце концов, спросится. Но с заявлением ты куда не спеши. Это наши внут-

ренные дела, мы с ними как-нибудь разберемся. По своим каналам. Директор у нас молодая, с гонорком, но до сих пор общий язык худо-бедно находили.

Хорошо, Николай Николаевич, пусть заявление полежит, отвечаю. Но если мадам будет настаивать, или, не дай бог, за меня возьмется сам прокурор — не обессудь. Начну рыть под вашего сына яму. Ну, ямку, так скажем.

Морозов хмыкнул.

— Вот, Алексей Иванович, такой был у нас с ним разговор.

— И ты на три недели положил заявление Тэн под стекло?

— Да, дело возбуждать воздержались. Но оперативная работа все это время велась. Негласно, разумеется.

— Результаты есть?

— А как же? Отыскали рефрижератор. Мошенники арендовали его в КПОГАТ-3 в областном центре на двое суток. Поскольку вывоз мясопродуктов за пределы области временно запрещен, логично было предположить, что украденную продукцию они растолкают по торговым точкам тут же, в областном центре. Это тем более вероятно, что гайшникам накануне из Москвы устроили большую «баню» за мздоимство на дорогах. Неделью, минимум, брать взятки за прохождение такого транспорта они, пожалуй, воздержатся.

Так и вышло. Мы выяснили точки, где были крупные поступления мясных изделий известного ассортимента за последние пару суток. Четыре магазина. Товар поступил от торгово-посреднической фирмы «Фактория», экспедитор и сопровождающий — все те же Кочелаев и Гольданский. Правда, ксивы у мошенников оказались краденые. Настоящие Гольданский и Кочелаев, один полгода, другой год назад обращались в паспортный стол Октябрьского РУВД с заявлениями об утере своих паспортов. Ну и, естественно, всплыл счет, на который мошенники ожидают поступления денег от продажи краденых мясопродуктов.

— Выходит, мясокомбинат не в убытке?

— Выходит, так. Хотя пятьдесят кило разных там копченостей они оставили себе. Похоже, для закусона.

Алексей полистал дело. Заявление потерпевшей стороны, постановление о возбуждении, об изъятии фальшивых документов, сами фальшивки... назначение экспертизы. Он пробежал глазами пару строчек из заключения экспертов.

— ...Подделка данных документов (бланков) произведена способом высокой печати, о чем свидетельствуют следующие признаки: неравномерное распределение типографской краски в штрихах знаков; искривление строк; отдельные литеры набора в форме расположены ниже других; не соблюдены

расстояния между словами; наличие буквы «а» в слове «Фактория» из другой гарнитуры шрифта».

— Ну и ну? — Алексей покрутил фальшивку в руках. — Грубовато сработано, скажи? Высокая печать, набор...

— Возможно, не оказалось под рукой нужного образца.

— Возможно.

Алексей прочитал протокол допроса начальника отдела сбыта, который утверждал, что получил от младшего Мезенцева устное распоряжение об отпуске продукции в адрес фирмы «Фактория»; документов самих товарополучателей в руках не держал, поэтому утверждать фальшивые они или нет, не может.

Мезенцев-младший напротив того показал, что передоверил отпуск продукции в отдел сбыта, поскольку сам в тот день, по случаю дня рождения у подруги, был не вполне трезв.

— Наш мальчик, или кто там за него думает?.. не дурак. Всего лишь 172-я УК, халатность, к тому же без нанесения существенного вреда. Пожалуй, Мезенцев-младший отдается у нас административным взысканием. Это в худшем случае.

— И то, если папа позволит.

— Не думаю. По пустякам папа с нами бодаться не станет.

Алексей закрыл папку. Помолчал.

— Нет, тут что-то нечисто. Скажи, на твой взгляд, Игорь Владимирович, почему госпожа Тэн при ее, скажем так, дотошности не интересовалась судьбой собственного заявления целых три недели? В чем дело? И что произошло за это время такого, что она снова начала гнать волну?

Морозов бросил на прокурора быстрый, испытующий взгляд и вдруг «закошил» под деревенского дурачка-балагура.

— Ну, е-мое! Это же баба, красивая, с гонорком... сам Мезенцев про нее сказал. Мало ли, взбрыкнуть решила! На амбицию опять же ей наступили...

Короче, понес. Алексей не сразу врубился в подобную перемену в собеседнике и некоторое время с изумлением слушал простоватый, придурочный треп. Наконец, расхохотался.

— Да ладно тебе ваньку валять! Говори. Я за нее не обижусь.

— Слово прокурора?

— Слово, слово... Валяй, не стесняйся.

Морозов согласно кивнул.

— Думаю, наши-ваши акционеры попросту не сошлись в цене. Три недели торговались, били по рукам, снова торговались, но... в цене не сошлись.

— Что за торги такие? Ну-к, объясни?

— Обычная дележка. Вернее, передел собственности. Дело в том, что держатель контрольного пакета акций мясокомбината господин Ковалев, он же директор металлургического комбината, почему-то решил свои акции продать. По уставу АО «Н-ский мясокомбинат», делать это по своему усмотрению он права не имеет. Распоряжаться акциями мясокомбината, продавать, покупать, производить дополнительную эмиссию возможно только по решению членов правления акционерного общества. То есть мясокомбинат выкупил у господина Ковалева собственные акции, и сейчас там идет настоящая драчка. Кому, сколько и за какие заслуги положено. Думаю, госпожа Тэн тоже имеет свой интерес. А чтобы председатель АО господин Мезенцев был поговорчивей относительно размера ее доли, крутая дама решила воспользоваться ситуацией и накатала на господина Мезенцева-младшего вот эту самую «телегу».

Полагаю, она крепко того и другого напугала. До посещения. Поэтому процент акций, который она запросила, с перепугу ей был обещан. Но через день-два Мезенцев-папа отдышался, посоветовался с юристами, я думаю, заручился поддержкой других членов правления и обещанный процент снизил до неприличия. Даме ничего не оставалось, как снова взбрыкнуть. На все про все, на переторги у них ушло три недели.

Некоторое время прокурор молча переваривал услышанное. Наконец, кивнул.

— Думаю, в целом ты прав. Даже без вариантов. Кстати, хочешь узнать, почему господин Ковалев продает свои акции?

— Пожалуй, да... жест странноватый.

— Дело, Игорь Владимирович, в том, что генеральный директор металлургического комбината наполовину, можно сказать, является подданным Великобритании.

— Да иди ты!

Морозов даже привстал с удивленно вытаращенными глазами. Алексей развел руками.

— За что купил, за то и продаю.

— Ну... козлы, мать вашу? Они наворуются когда-нибудь? Или нет?

— Вопрос, Игорь Владимирович, риторический.

Морозов в задумчивости покачал головой. И надолго замолчал.

— Из нериторических у меня остался еще один. Куда подевались те двое мошенников, лжеГольданский и лжеКочелаев? Какая-то ниточка есть?

— Никакой абсолютно. Ушли чисто, как настоящие про-

фессионалы. Ни пальчиков в машине, ни особых примет. Хотя дело провернули, действительно, на халяву.

— Что это доказывает?

— Пока только то, что Мезенцев-младший был с ними в стоворе. Иначе халява не прошла бы.

...Полученная от Морозова информация, безусловно, прояснила положение дел на комбинате. Но в то же время у Алексея появились вопросы, касающиеся в основном личности исполнительного директора.

Например: что заставило Светлану Тэн решиться на подобный демарш — как-никак подняла руку на самого Николая Николаевича Мезенцева? Причем ударила председателя АО по самому уязвимому месту — по Мезенцеву-младшему. Если знать характер «папика», то можно подумать, в пылу борьбы за передел собственности девочка окончательно утратила инстинкт самосохранения.

Может быть, сами акционеры не допустили исполнительного директора к «пирогу»? Или же оставили крохи? В таком случае ее отчаянный шаг следует рассматривать как прощальную оплеуху, попытку хлопнуть дверью.

Но, несколько поразмыслив, этот вариант Алексей безоговорочно отмел. Во время последней их встречи ничто в поведении Светланы не содержало даже намека на подобный исход. Напротив, она, пусть шутя, но, кажется, собиралась поставить его на пожизненное довольствие. «Мясокомбинат, Алешенька, в твоём полном распоряжении. А ты за мою колбасу постарайся обеспечить мне хоть какие-то нежные чувства».

И еще многозначительная фраза: «Все деньги, которые я зарабатываю, я вкладываю либо в ценные бумаги, либо в недвижимость». Под ценными бумагами, надо думать, она подразумевала акции мясокомбината, а не какие-то там «мавродики» и прочие фантики, выпущенные многочисленными фондами.

Пожалуй, из этого следует, что свой демарш в отношении господина Мезенцева-старшего (младшего, разумеется, тоже) Светлана совершила не с позиции слабости, а с позиции силы. Наверняка речь идет о том, кому владеть контрольным пакетом акций, а значит, быть на комбинате хозяином. Таким образом, факт мошенничества она раскрутила в собственных интересах, и, чем бы уголовное дело в итоге ни закончилось, наверняка члены правления на своем собрании отдадут предпочтение исполнительному директору. Позиция Светланы в этом противостоянии выглядит просто безупречно. Честная и бескомпромиссная. Зато компания «Мезенцев и сын» оказалась по уши в дерьме.

Директор Шигалинского леспромхоза Бочкарев, возвращаясь в восьмом часу вечера домой, увидел, что напротив его гаража, загораживая въезд, стоит грузовой фургон «ГАЗ-53ф». Разъехаться в узком переулке с грузовиком было непросто, Бочкарев чертыхнулся и выбрался из джипа.

— Что за день такой... мать твою!

Правое заднее колесо, обе покрышки, похоже, были проколоты. Фургон накренился, а торчащие из кузова металлоконструкции и пачка арматуры почти упирались концами в дверь бочкаревского гаража.

Бочкарев пнул по спущенному скату и снова выругался. Оставлять новенький «Гранд-Чероки» на улице, пусть даже под окнами, было небезопасно. Местная нерабочая промышленность в основном по ночам. Он обошел грузовик кругом, заглянул в кабину. Слава богу, водила был тут, спал с открытым ртом, запрокинув голову на спинку сиденья.

Бочкарев грохнул кулаком в дверь.

— Эй, подъем! Давай, давай... Ну?!

Водила всхрапнул и провел ладонью по небритой физиономии, повернул голову.

— Ты кто?

— Кто, кто... — передразнил Бочкарев. Ткнул пальцем в сторону двухэтажного особняка. — Живу я тут, понял? Давай освобождай проезд, да поживее.

Водила ослабилась.

— Богатенький Буратино? Гы-гы...

— Давай, давай. Шевелись, — Бочкарев распахнул дверцу настежь. — Мне машину надо поставить.

Водила выбрался из кабины и задумчиво уставился на заднее колесо. Покачал головой.

— Куда я на барабане? Сжует резину, раз плюнуть.

— Метров пять-десять в сторону можешь дернуть? — Бочкарев все больше раздражался.

Водила подумал-подумал и не согласился.

— Не-а... потом в счет поставят. Я его, суку, знаю.

Кого он разумел под «сукой», водила не объяснил. Просто сплюнул и полез обратно в кабину. Досыпать.

— Э, э, э? Ты куда? — Бочкарев схватил его за рукав, придержал. — Ты что, мужик, без запаски, что ли, едешь?

— Запаска? Есть. Вон, в кузове валяется.

— Тогда замени, какие проблемы?

— Заменял бы... если бы да кабы, — водила криво ухмыльнулся. — У нас, дядя, в гараже на шесть машин всего один домкрат-пятитонник. Все. Остальное приватизировали. Такие, как ты... буратины.

— Сам ты... — Бочкарев хотел выругаться, но передумал. — Ладно, мужик. Домкрат я, пожалуй, найду. Где-то валяется.

— О! Это другое дело.

— За сколько справишься? Чтобы заменить.

— Ха? Ну, если над душой стоять не будешь, ныть, минут за пятнадцать-двадцать управлюсь, гарантия.

Вслед за хозяином, позевывая, водила направился к гаражу.

— Ты че, думаешь, я тут просто так кантуюсь? От не хрен делать? Я грузчика своего за домкратом послал. Алкаш тот еще, второй час где-то ходит придурок.

Железная, тяжелая створа легко отъехала на роликах в сторону. Хозяин включил свет.

— Бля! А у тебя тут не хило, дядя. Должностенка, наверное, позволяет, а? Не то, что у меня. Воруй не воруй, много не украдешь.

Водила явно сажился на шею. Но Бочкарев и на этот раз пропустил шуточку мимо ушей. Молча вытащил из угла под стеллажом домкрат, бросил под ноги.

— И монтировку. Вон слева... на полке лежит.

— У тебя и монтировки нет? Запасливый, однако.

— Я че, я в этой конторе долбаной вторую неделю всего вкалываю. Мне оно на хрен не надо.

— Что за контора такая?

— Гортоп. Слышал про такую?

— Приходилось, — буркнул Бочкарев. — Ну, все, все! Крути болты. Через двадцать минут я выйду.

Водила, убедившись, что Бочкарев ушел, вынул из-под сиденья плоскую коробку с силиконовой пастой марки «К-18». Затем тряпкой протер подошву домкрата и слегка вдавил в пасту. Такую же операцию проделал с концами монтировки. Полученные отпечатки упаковал и убрал обратно под сиденье.

Спустя полчаса он вернул инструмент хозяину, и грузовик, натужно взрывая износенным движком, уполз в темноту переулка. Еще через пятнадцать минут изъятые оперативником отпечатки оказались в отделе криминалистической экспертизы.

... На следующий день, с утра, в кабинете прокурора появился хмурый Махнев. Молча подсел к столу, молча подвинул прокурору пачку постановлений.

— Обиделся, что ли, на кого? — осведомился тот.

— Брось! — Следователь вяло отмахнулся. — Валюсь с ног... Не спамши вторые сутки и не жрамши тоже.

Алексей нажал кнопку селектора.

— Людмила Васильевна, кофе, пожалуйста. Покрепче. И пару бутербродов. Тут человеку плохо. Помирает, кажись.

Махнев фыркнул:

— Я бы лучше грамм сто щас принял и спать завалился.

— Сто граммов, Махно, я тебе налью, пожалуй. И до обеда иди, отдыхай. А то, глядя на тебя, зевота начинает одолевать.

Пока Махнев потчевался, Алексей просмотрел принесенные бумаги:

Постановление о возбуждении уголовного дела по факту хищения трехсот пятидесяти тысяч долларов США из сейфа конторы Шигалинского леспромхоза...

Постановление о производстве обыска в частном доме, принадлежащем гражданину Бочкареву... так как «имеющиеся в деле материалы дают достаточные основания полагать, что по указанному адресу (пер.Рабиновича, д.3) находятся орудия взлома и другие вещественные доказательства...»

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого гражданина Бочкарева Ю.А., который, работая директором данного предприятия и используя свое служебное положение, инсценировал кражу украденной суммы...

Постановление об избрании мерой пресечения содержания под стражей...

Постановление о возбуждении следователем прокуратуры Махневым и принятии к своему производству уголовного дела в связи с убийством из корыстных побуждений сторожа вневедомственной охраны Вохромеева С.Е., который скончался от смертельной дозы клофелина, подмешанного в бутылку с пивом...

Объединение двух дел в одно...

— Ну и ну? — Прокурор покрутил головой. — Ты случайно не сбрендил, Махно?

— А что, похоже?

— Похоже, твой послеобеденный сон отменяется. Ладно, давай все по порядку. Выкладывай.

Махнев вздохнул.

— Спасибо, сто грамм хотя бы дал выкушать. Не отобрал.
— Слушаю, слушаю?
— Ну, что? Приходит утром Шигалинская контора на службу, их там шесть баб в одной комнате сидят, бухгалтерия... А дверь открыта. Вернее, отжата то ли ломиком, то ли фомкой. Заходят в помещение — сейф на полу, на спине. Дверца, естественно, выдрана вместе с замками. Крутом бумаги валяются. Никто вначале не понял, кому эти бумаги понадобились, чтобы сейф ломать? Побежали за сторожем, за Вохромеевым. Его будка под лестницей, на первом этаже. Смотрят, а он пьяный в стельку. Бутылка на столе недопитая. Пытались растолкать — не получилось. Тогда вызвали милицию. Правда, кто вызвал, не знают.

Сторожа Вохромеева вначале увезли в медвытрезвитель. Потом, после освидетельствования, вызвали «скорую». Но спасти старика не сумели. Сегодня ночью он скончался, не приходя в сознание.

Так вот, оказалось, кроме главбуха и директора, никто не знал, что находилось в сейфе. Директора ждали к концу дня, а главбух с утра задержалась в банке. Когда она увидела взломанный сейф, ее чуть «кондратий» не хватил. Ладно, привели даму в чувство. Начали задавать вопросы. Триста пятьдесят тысяч долларов, что за деньги такие? Откуда? Почему не проведены по отчетности? Черный нал?.. Тогда понятно. Выручка за реализацию леса. Кто доставил сумму? Сам директор. Когда? Три дня назад. Кто-нибудь еще знал о содержимом сейфа? Вы кому-нибудь обмолвились хотя бы?.. Нет, никому, я же, говорит, понимаю.

Вот такой был разговор. Проверили алиби. Главбух в ночь на момент взлома находилась дома, в семье. Да и, честно сказать, это не женских рук дело.

— И тогда ты решил, взлом сейфа — дело рук директора леспромхоза? — не без ехидства спросил прокурор.

— Именно так я и решил. Во-первых, чтобы добраться до бухгалтерии, преступник, кто бы он ни был, должен взломать еще одну дверь. С лестничной площадки в коридор второго этажа. Эта дверь запирается на висячий замок с накладкой. Накладка через всю дверь. При осмотре мы обнаружили: замок в целости и сохранности, заперт, и висит на накладке. Зато пробой выдран из косяка. На самом косяке, с наружной стороны, имеется вдавленный след то ли от лома, то ли от монтировки. А с внутренней — отчетливо видны следы какого-

то твердого предмета типа стамески или отвертки. На полу, под косяком, валяются мелкие щепки со следами краски, которой окрашен косяк.

То есть вначале преступник отогнул концы пробоя изнутри. Из коридора. Разумеется, сделал это заранее, днем. А ночью сунул ломик в дужку замка, снаружи, и — выдрал пробой.

— И тогда ты решил, что это дело рук директора леспромхоза?

— И тогда мы начали искать предмет, которым были отогнуты концы пробоя. Нашли отвертку. Догадываешься, где?

— В кабинете директора леспромхоза, надо полагать?

— Точно. В столе! Пригласили понятых, изъяли и отправили на трассологическую экспертизу. Не образованы ли следы на косяке, в местах крепления пробоя, данной отверткой? Не являются ли крашенные щепочки отщепами от косяка? Сняли, разумеется, с отвертки пальчики... На все три вопроса эксперты дали утвердительный ответ. Пальчики принадлежат Бочкареву. Крашенные щепочки — от косяка. Микрорельеф рабочей части отвертки полностью совпадает со следовоспринимающим объектом: ширина, глубина бороздок, расстояние между ними, и так далее.

— Директор свою отвертку опознал?

— Да. Правда, в суть дела его не посвящали. Сыграли втемную. Но слушай дальше. Сейф, из которого были похищены деньги, обычная примитивная железяка. Полукустарное производство. Между дверцей и стенкой сейфа преступник вначале загнал железный клин. Потом с помощью домкрата и специальных зацепов вырвал дверцу вместе с замками. Домкрат, предположительно, гидравлический. На дверце осталось масляное пятно, потек. На стенке — след от подошвы домкрата. Отчетливый, пригодный для идентификации, поскольку поверхность сейфа окрашена суриком.

— Домкрат, надо полагать, вы тоже нашли?

— Нашли.

— Тоже в кабинете? В столе?

— Домкрат, Леша, мы нашли в частном гараже, владельцем которого является гражданин Бочкарев. И нашли монтажку, которой был вырван пробой и отжата дверь в бухгалтерию.

Алексей задумался.

— Скажи, для чего директору понадобился этот трюк?

Вначале положил деньги в сейф, потом сам этот сейф ограбил? Что за нужда?

Махнев развел руками.

— На этот вопрос должно ответить следствие. Но в принципе ответ напрашивается: положил в сейф чужие деньги, а взял свои. Возможно, не захотел делиться с подельниками. Кстати, Леша... у самого Бочкарева дома тоже имеется сейф. Но сейф японский, из цементированной стали типа «дон-стиль», с цифровым кодом, плюс сигнализация. Дверца подогнана настолько плотно, что даже с лупой в руке ты не определишь линию разъема. Отсюда вывод: если бы сохранность денег действительно интересовала Бочкарева, он оставил бы доллары у себя. Запер в сейфе. И еще момент... У Бочкарева нет явного алиби. На момент ограбления он якобы находился в отъезде.

— Где именно?

— Поселок Чернореченский, лесоучасток. Его действительно там видели, но на момент ограбления, повторяю, явного алиби у него нет.

— Тебе не кажется странным: человек задумал подломить сейф, но не позаботился обеспечить себе алиби?

— Не кажется. Между прочим, у тебя тоже нет алиби, но это не значит, что взломщик ты.

— Однако спасибо за доверие... друг.

— Да ладно тебе! Он «вор в законе», в буквальном смысле слова. Так что давай, подписывай постановление о производстве обыска и посылай запрос в райсовет о привлечении господина Бочкарева к уголовной ответственности. Эта депутатская преступность у меня во где сидит!

Ребром ладони Махнев постучал себя по шее. Алексей с сомнением pokrutil головой.

— Едва ли...

— Что, не выдадут?

— Заволокитят. По двум запросам решения уже зависли. Может, приостановить дело?

— До перевыборов? Не пойдет.

— Почему?

— Потому, что утечка информации неизбежна, не мне тебе объяснять. И первое, что Бочкарев сделает — избавится от орудий преступления: домкрат, монтировка, зацепы... что там у него? Найдет «нужных» свидетелей. Короче, дело будет развалено.

Прокурор потянулся за ручкой.

— Ладно, уговорил. В конце концов, в деле имеется труп. Пусть господа депутаты попробуют перешагнуть. А мы, в случае отказа, пообещаем им серию скандальных публикаций. Накануне перевыборов угроза, я думаю, подействует.

Он передал подписанные бумаги следователю.

— Кстати, самого Бочкарева ты допросил? Что за деньги, откуда?

— Ага, его допросишь! Да он орал на меня, как хозяин на бобика. Ногами топал. Вон весь пиджак в соплях, хоть выбрасывай.

— Чего орал-то?

— Что-то насчет черного нала. Надо, дескать, быть законченным идиотом, чтобы вести расчеты через банковскую систему. У леспромхоза там двести с чем-то лимонов застряли, уже второй год не могут вытащить.

— А что? Резонно.

— Да, еще момент! Со слов Бочкарева... главбух тоже подтверждает, украдено не триста пятьдесят, а триста пять тысяч долларов. Сорок пять буквально накануне ушли за долги мясокомбинату.

— Тоже налом? Из рук в руки?

— Думаю, да. Впрочем, проверить можно. Алексей задумался.

— Почему именно мясокомбинату? В первую очередь?

— Бочкарев один из акционеров мясокомбината, даже член правления. По сути, он кормил рабочих леспромхоза мясом в счет их зарплаты из собственного кармана. Ну и, кому в первую очередь возвращать долги? Конечно, себе, родимому. А что... что-то не так?

— Пока не знаю. Во всяком случае, круг посвященных мог быть гораздо шире.

— Ты насчет долларов?

— Да.

Махнев пожал плечами.

— Думаю, это ничего уже не меняет.

После ухода следователя Алексей еще некоторое время сидел в глубокой задумчивости, пытаясь уяснить, откуда взялся в нем червь сомнения по поводу, казалось бы, бесспорного дела? Возможно, смущал джентльменский набор неопровержимых доказательств вины Бочкарева? Едва ли... Просто в два дня ребята проделали огромную работу по сбору

этих самых доказательств. Проделали, надо отдать должное, блестяще. Странно, конечно, что руководитель крупного леспромпхоза, депутат, вляпался в махровую уголовщину вплоть до мокрухи. Но господин Бочкарев давно перепутал чужой карман со своим. Пару раз его ловили в чужом кармане за руку и пару раз на фоне всеобщей растащилки даже откровенное казнокрадство сходило Бочкареву с рук. Так что, итог вполне закономерный.

Алексей встал и раздраженно походил по кабинету из угла в угол, пытаясь собрать мозги в кучу. Какой-то эпизод из разговора с Махневым... даже не эпизод, скорее, деталь, слово, определенно не давали покоя. И вдруг — вспомнил! «Депутатская преступность?» Махнев после этих слов смешно постучал себя по шее. Пожалуй, это та самая фраза, ключевая, которая исподволь его раздражала...

Алексей сел за стол и на память составил список фигурантов. Пронумеровал:

Депутат Госдумы РФ господин Ковалев, он же генеральный директор Н-ского металлургического комбината (НМКУ); депутат областного Совета господин Савинок, заместитель генерального директора НМК по финансам; депутат областного Совета, председатель райпотребсоюза господин Мезенцев; депутат райсовета господин Поляков, исполнительный директор «Коммерческого Центра НМК»; депутат райсовета, директор Шигалинского леспромпхоза господин Бочкарев; мэр города, депутат райсовета Иконников Эдуард Семенович. И еще пара фамилий из числа местных депутатов, на которых прокуратура оформила в райсовет запросы о привлечении к уголовной ответственности.

Всего на круг набралось восемь персон. Прокурор пробежал глазами список, хмыкнул и напротив шести фамилий красным карандашом проставил кружки, обозначив держателей акций Н-ского мясокомбината.

Подобная статистика наводила на весьма неожиданную версию. Но додумать Алексей не успел: в кабинет вошла очаровательная Людмила Васильевна и сухо напомнила, что через пятнадцать минут он должен быть в суде, поддерживать обвинение. Алексей кивнул.

— Да. Уже иду. Кстати, Евгений Генрихович сегодня здесь? На месте?

— Евгений Генрихович Крук в Москве.

— Угу. И когда обещался?

- На неделе.
- А поточнее нельзя?
- Евгений Генрихович сказал так: если будет полный облом, то дня через три он появится. Но если наметятся подвижки, может застрять на неделю, даже две.
- Понятно.
- Я могу идти?
- Да, конечно. Благодарю вас.

8

Следователь облпрокуратуры по особо важным делам Евгений Генрихович Крук появился в кабинете прокурора спустя два дня.

— Говорят, вы спрашивали меня? — Он обменялся с прокурором рукопожатием и устало присел к столу.

Похоже, полный облом, решил Алексей. Однако вслух поинтересовался:

— Ну, и как успехи?

Крук невесело пошутил:

— Когда-то все дороги вели в Рим. Теперь все ниточки преступлений тянутся в Москву. И там обрываются, так что концов не сыщешь.

Алексей сочувственно помолчал.

— Евгений Генрихович, у меня к вам такой вопрос. «Двойные счета» на металлургическом комбинате? Вы как на эту схему вышли?

— По-моему, я говорил? Нет?.. Обычная анонимка.

— Да, вы говорили. Но я хотел бы чуть подробнее.

Крук на мгновение задумался.

— Видите ли, наша бригада следователей довольно быстро установила основные каналы хищений на комбинате: многочисленные фирмы-посредники, выпуск необеспеченных векселей, других ценных бумаг, прямые хищения, приписки, мошенничество и так далее. Нам с самого начала было ясно, что так называемая финансово-экономическая деятельность на комбинате, весь криминал разворачивается под личным патронажем генерального директора Ковалева, разумеется, не без личной корысти. Но прямых доказательств его участия в хищениях долгое время мы не имели.

— До анонимки?

— Да.

— Как она к вам попала?

— Подсунули под дверь. Возвращаюсь с обеда, на полу серый конверт. В конверте серая бумага, формат А-4, и на машинке буквально в двух словах изложена схема хищений посредством двойных счетов. Даже несколько фамилий приписал, кого можно допросить в качестве свидетелей.

— Похоже на сведение счетов?

— Да, кто-то из соратников. Во всяком случае, предмет знает не понаслышке.

— Вы не могли бы одолжить мне вашу анонимку на время?

— Конечно. Но зачем вам она?

— У меня тоже есть такая. Правда, по другому делу. Попробую сравнить шрифты.

Крук с сомнением покачал головой.

— Хотите отыскать анонима? А надо ли? Можно подставить человека, причем по-крупному.

— Да, знаю. Но к этому человеку у меня накопилось слишком много вопросов.

— Что ж, вам виднее.

Перед тем как уйти, Крук покопался у себя в кармане и извлек на свет плоскую бутылку. Поставил на стол.

— Коньяк. Настоящий французский.

Прокурор удивился.

— Предлагаете выпить?

— Алексей Иванович, это мой скромный подарок. И позвольте поздравить вас с днем рождения.

Прокурор вдруг охнул и, видимо, настолько изменился в лице, что Крук даже привстал.

— Алексей Иванович... я сделал что-то не так?

— Нет, нет! Все в порядке. И огромное спасибо за подарок. Просто забыл сделать один очень важный звонок. Совершенно выпало из головы.

— Поезд уже ушел?

— Увы! Два дня назад...

Когда Крук удалился, Алексей снял трубку и набрал номер квартиры Тэн. На том конце провода сработал автоответчик.

— Сейчас меня нет дома. После короткого гудка оставьте ваше сообщение.

Алексей облегченно перевел дух. Дождавшись гудка, полным сожаления голосом произнес:

— Уважаемая Светлана Сергеевна, никак не мог поймать

вас ни по одному из телефонов. Мне очень жаль, до слез. Если надумаете, звоните. Я буду ждать.

Конечно, это была ложь, глупая и неуклюжая. Правда, его извиняло то, что на этот вечер он вообще не назначал свиданий никому. Попросту замотался.

После обеда на прокурора обрушилась настоящая лавина поздравительных звонков. В кабинете, в приемной до самого вечера толпились визитеры с адресами. Кто-то от себя лично, кто-то от организаций вручали цветы, подарки, жали руку, хлопали по спине, дергали за уши и искренне радовались, что у них в районе такой замечательный прокурор.

Совершенно очаровательным в этом роде было поздравление «от коллектива учителей и учащихся средней школы № 2», где Алексей совсем недавно проводил встречу с учащимися и отвечал на все мыслимые и немыслимые вопросы. Поздравить районного прокурора с днем рождения делегировали молоденькую, очень симпатичную учительницу с огромным букетом белоснежных пионов. Страшно смущаясь и путаясь в официальных оборотах, она передала поздравление от коллектива учителей, вручила цветы и вдруг, опустив глаза, краснея, тихо прошептала:

— Алексей Иванович, я... я никогда даже не подозревала, что человек... что мужчина может быть таким красивым... внутренне и... и...

Она взяла его за руку, подержала в трепетных пальчиках. Потом, полуприкрыв глаза, поднялась на цыпочки и нежно коснулась губами щеки.

— Ой! Извините... ради бога!

С испуганным возгласом, словно спохватившись, юная поздравительница выскользнула за дверь. Вслед Алексей услышал раздраженное фырканье. Очаровательная Людмила Васильевна извлекла носовой платок и хозяйским жестом смахнула со щеки прокурора след от губной помады. Платок двумя пальцами небрежно сунула прокурору в нагрудный карман.

— На память... красавчик. — С этими словами Людмила Васильевна удалилась, сердито хлопнув дверью.

Кажется, хлопанье дверью начинает входить в традицию, сердито подумал прокурор, понимая однако, что, кроме него, виноватых в этом нет.

В конце рабочего дня в кабинет вошел многодетный отец Роман Юрьевич Махнев. Циничным взглядом многоопытного халявщика он оглядел батареи разномастных бутылок с яр-

кими наклейками, десятка полтора тортов, составленных на подоконнике штабелем, пощупал свертки, пакеты, коробки, понюхал цветы и, наконец, спросил. В лоб.

— Сам будешь поедать? Или как? Коллектив, между прочим, ждет.

«Каков наглец, а?» — Алексей хмыкнул.

— Ладно, приглашаю. Зови коллектив.

Махнев сочувственно вздохнул.

— Не переживай, Леша. Все равно в одиночку все это не одолеть. Даже тебе.

— Иди, иди! Пока не передумал.

На столе вслед Махневу звякнул телефон. Вопреки обыкновению звякнул мягко и мелодично. «Анна?» — предположил прокурор и по обыкновению не ошибся. Похоже, в присутствии этой женщины даже граненый стакан способен издавать хрустальный звон.

— Валяев. Я слушаю?

— Алеша, здравствуй.

— Аннушка? Рад слышать. Ужасно рад!

— А видеть?

Алексей почувствовал в ее голосе улыбку.

— Хм? Ты меня приглашаешь?

— А ты как думаешь?

— Думаю, да. Я не прав?

— Алешенька, давай без твоих китайских церемоний.

Через час-полтора я жду. Все поздравления на потом, хорошо?

— Отлично. Спасибо, что позвонила.

Настроение у прокурора, действительно, поднялось до отметки «отлично». Единственное, о чем он не хотел даже думать, так это вероятный звонок от Светланы Тэн. Если она прослушает оставленное им на автоответчике сообщение, то позвонит непременно. Вот тогда он точно сядет в калошу. Едва он успел это подумать, словно в ответ, раздался телефонный звонок.

— Алле-о? — промурлыкала трубка медовым голосом Светланы Тэн.

Алексей положил трубку на стол и в два прыжка оказался в приемной.

— Ради бога, меня ни для кого нет, — прошептал он, делая круглые глаза. — Да возьмите же трубку, вы!

Людмила Васильевна с недовольным видом приняла у него из рук телефонную трубку.

— Что? Да, это прокуратура. Здравствуйте... Вам Алексея Ивановича? Простите, а кто его спрашивает?... Ах, Светлана Сергеевна? Секундочку...

Она взглянула на прокурора, вопросительно приподняв брови. Алексей изо всех сил закрутил головой.

— Светлана Сергеевна, дорогая, право, не знаю, что вам сказать. Алексей Иванович стоит здесь, рядом, но велит говорить, что его ни для кого нет. Может, что-то ему передать?

Алексей с силой выдернул трубку из рук коварной женщины и брякнул на рычаги. Затем в два прыжка оказался в кабинете и схватил со стола свою.

— Алле, алле? Светлана?!

— Да-а.

— Извини, бога ради... Меня ни для кого нет, кроме, разумеется, тебя. Алле? Ты слышишь?

— Да, конечно.

— Ты не обиделась, надеюсь?

— Алеша, ты же обещал позвонить два дня назад. Что случилось?

— Виноват, извини. Склероз проклятый замучил. Вконец.

— Впрочем, это не важно. Алешенька, сейчас ты сможешь ко мне подъехать?

— Именно сейчас? Нет, сейчас нет. У нас тут что-то вроде банкета намечается. Коллективная попойка, так скажем.

— И когда? — Голосок упал почти до шепота.

— Светланочка, милая, раньше одиннадцати... двенадцати, боюсь, мне не сбежать. Не поймут... неправильно поймут.

— А потом ты придешь? Тебя ждать?

— Разумеется. Но ты, если желание есть, приходи сама. Сюда. Дорогу знаешь?

— В прокуратуру? Добровольно? Бога ради...

Она уже смеялась, и Алексей с облегчением перевел дух.

9

В девятом часу вечера непьющий Сапожников развозил коллег по домам. Первым отправляли прокурора. К машине проводить начальство вышел Махнев.

— Нехорошо поступаешь, Леша. Не по-людски.

— Почему?

— Капитан должен покидать судно последним.

— Мы что, тонем?

— И вообще, ты нас всех на бабу променял.

— Слушай! Насчет бабы... Давай плюнем на все и с цветами, с пирогами, с шоколадами завалимся сейчас к попадье, к Ольге Владимировне, а? Как тебе идея?

Махнев мечтательно закатил глаза.

— Мда-а...

— Вспомни, какая задница! Можно сказать, национальное достояние. Ты в прошлый раз чуть шею вслед не вывернул.

— Это достояние отцу Амвросию сам бог, должно быть, послал.

— Отец Амвросий давно помер. А ты-то живой, ну? Святое дело вдову в скорби утешить, обласкать. Тебе это зачтется потом.

— Святое, говоришь?

— Я лично через полчаса сваливаю, и ты вплотную, до утра, охраняешь наше национальное достояние.

Махнев почмокал губами. Потом вздохнул.

— Не-а.

— Не понял? Что значит «не-а»? Ты мужик или нет?

— Ну, допустим.

— Вот именно! Допустим... Ладно, все. Разговор окончен.

— Леша, когда ты говоришь, давай плюнем на все, ты плюешь в пустое место. А у меня — семья. Четыре малолетних бандита и жена. Любимая, между прочим. Любящая... Понимаешь? Как я после попадья в глаза ей смотреть буду, а? Охранял национальное достояние?

— Экий ты зануда, Махно! Впрочем, я глубоко тебя уважаю за это, понял?

— Уважаешь? Точно?

— И сочувствую.

— Так уважаешь? Или сочувствуешь?

— Хм? — Прокурор задумался. — Пока не понял. Но уважаю, это точно. Кстати, там штук пять коробок с тортами. Не востребованы. По тарту на бандита. И по бутылке водки. Идет?

— Договорились.

Сапожников тем временем загрузил заднее сиденье в салоне цветами. Окликнул:

— Алексей Иванович, едем?

— Обязательно. И побыстрее.

Прокурорский «УАЗ» вихрем промчался по ночным, опустевшим улицам на окраину города, через сосняки и уткнулся

фарами в железные ворота. Алексей, вслед за ним Сапожников с огромной охапкой цветов направились к уютно освещенной веранде. Под ноги с радостным лаем бросился полугодовалый ротвейлер Баська, названный так за глухой, басовитый голос.

— Молодец, молодец? Не забыл, дурашка. — Алексей потрепал Баську за теплые, мягкие брылы. — А теперь давай води к хозяйке.

Баська, играя, боком толкнулся Алексею в ногу и побегал впереди, гулко, призывно взлаивая.

На лай вышла Анна, зябко кутаясь в цветную, длинную шаль. Мягко улыбнулась, подставила для поцелуя щеку, улыбнулась Сапожникову и двинулась впереди вслед за Баськой. Вроде ничего особенного не произошло, но оба мужичка враз почувствовали божественное присутствие Женщины.

Сапожников сгрузил цветы в прихожей в кресло и поспешно ретировался. Правда, в дверях успел шепнуть Алексею:

— Какая потрясающая женщина! Я, кажется, понимаю теперь, почему эти два часа ты сидел как на иголках.

Алексей, желая польстить, тотчас передал его слова Анне. Она рассмеялась.

— А ты? Ты тоже так считаешь?

— Но ведь это я сидел на иголках!

— Скажи, Алеша, мужчине нравится, когда на его женщину другие мужчины реагируют таким образом?

— Трудно сказать. По-моему, это нравится самим женщинам. Но свои тайные желания как всегда они списывают на мужчин.

— Это как, списывают?

— Как в анекдоте... Миленький, ты помнишь, тебе ужасно понравилась шубка на моей подруге? Это было на прошлой неделе, в гостях. Неужели забыл? Сегодня я видела в магазине точно такую же, даже лучше. Так вот, ты абсолютно прав. Я выгляжу в ней просто пострасающе!

— Алешенька, дурачок, ты такой умный-умный. С ума сойти!

Алексей скромно потупил очи.

— Я просто стараюсь немного соответствовать.

— А вот мне нравится. — Анна выбрала из груды цветов букет белоснежных пионов.

— Нравится? Что?

— Мне нравится, когда мой мужчина производит на

женщин неизгладимое впечатление. Наверное, они дарят ему роскошные цветы. Вот как эти.

Алексей даже опешил.

— Почему ты знаешь, что эти цветы подарила женщина?

— Это правда?

— Нет слов...

Анна задумалась.

— Наверное, я чувствую. И потом, цветы не могут лгать.

Они не умеют.

В воздухе отчетливо запахло мистикой. Алексей однако этому воспротивился.

— Аннушка, из тебя бы получился отличный эксперт-криминалист, — бодро заявил он.

— Почему?

— Ну, если считать букет пионов за следовоспринимающий объект, то ты совершенно точно установила на нем отпечатки рук женщины, на которую я произвел неизгладимое впечатление.

Анна понимающе улыбнулась.

— Хорошо, думай так, если хочешь.

Через минуту она отправила Алексея в столовую.

— Алешенька, там для тебя сюрприз. Надеюсь, понравится. Иди, я сейчас буду.

В столовой царил приятный полумрак, и звучала тихая, приятная музыка. Зато в воздухе обильно витали запахи дорогого табака, вина и тонкий, тревожный аромат духов. Почему тревожный, Алексей не понял, просто зафиксировал мимоходом странное ощущение. Он неторопливо прошел к столу, разглядывая сервировку. Подержал в руке бутылку, другую. Открыл... Вдруг в темноте, в углу, вспыхнул на мгновение и потух красный глазок сигареты. Алексей посмотрел в угол, но со свету не разобрал. С бутылкой в руке вернулся к двери и включил свет.

Действительно, это был сюрприз!

В кресле с бокалом в руке и с сигаретой сидела Светлана Тэн. Она выглядела несколько утомленной, однако мерцающий в глазах пламень тотчас напомнил ему слова, сказанные на прощание: «Я же тебя предупреждала, миленький, мало не покажется».

Ей-богу, отличный удар! Главное, ниже пояса... гораздо ниже!

Алексей отчаянно раздумывал, что бы эдакое ему изоб-

разить на своей дурацкой физиономии, чтобы лишить даму удовольствия и чтобы она не поняла, что острый конец ее туфельки угодил прямехонько в цель, что на самом деле он стоит крючком, корчась от боли, с выкаченными на лоб глазами... Изобразить легкое удивление? Или сделать вид, что сюрприз, действительно, приятный и доставил ему массу удовольствия? А может, вообще ничего не изображать? Так, разве что вежливую улыбку, ни к чему не обязывающую. Ну, пришла и пришла, мы вам, конечно, рады, милости просим...

Он еще раздумывал, что бы такое ему изобразить, как вдруг слева, сзади услышал шелест страниц и уловил краем глаза легкое движение. Повернул голову.

Ба! Еще сюрприз, и не менее приятный...

Чтобы не упасть, Алексей крепче ухватился за бутылку. От журнального столика возле софы походкой кинодивы к нему направлялась очаровательная Людочка Васильевна. Искусством перевоплощения и обольщения эта дама, похоже, владела вполне. Она не оставила в своем облике ничего от стервы-секретарши: искусный беспорядок на русой головке, таинственный и одновременно коварный взгляд из-под упавшего на глаза блестящего локона. Она приблизилась к Алексею вплотную, сбоку и мягко опустила подбородок ему на плечо. Заглянула в глаза, улыбнулась и нежно промурлыкала:

— Мяу-у!

Это «мяу» могло означать только одно: «Кот на крыше». Намек Алексей понял и слегка щелкнул даму по изящному носику. Проворчал: «Мяу-мяу».

Людочка легко отстранилась и двумя пальчиками взяла со стола сверкающий чистотой бокал.

— Чуть-чуть... котик.

Наверное, хочет проверить, а не дрожат ли у меня после «приятных» сюрпризов руки, подумал Алексей и мстительно налил даме полный бокал вина.

— Я же просила... чуть-чуть, — с укоризной произнесла Людочка и изящным жестом слила излишки вина в другой. — Фи!

Алексей пожал плечами.

— Я не жадный... киска.

Любопытно, что это за мероприятие? Очная ставка?.. Он почувствовал за спиной присутствие Анны. Слегка подвиг-

нулся в сторону. Она вкатила в столовую сервировочный столик и мимоходом с явным любопытством заглянула ему в лицо.

Понятно. Значит, Анна тоже в деле. И не иначе, как все происходящее происходит по предварительномуговору. Дамы жаждут увидеть его смущение, растерянность, услышать жалкий, потерянный лепет и попытки как-то выкрутиться. Хотя Анна за спиной заговорщиц, кажется, дала понять, что ей нравится, когда ее мужчина производит на других женщин неизгладимое впечатление. Наверное, ей нравится потому, что других женщин за серьезных соперниц она никогда не считала.

Что ж, это облегчает его положение. По крайней мере, единства в рядах заговорщиц нет, да и быть не может. В любой момент любая из них с удовольствием перейдет на его сторону, как это отчасти уже сделала Анна. В конце концов, ему винить себя не в чем, он никого не выбирал и ничего не обещал. Наоборот, они, каждая по отдельности, выбрали именно его, и их заговор следует рассматривать не иначе, как попытку друг перед другом заявить на мужчинку свои права. Возможно, принудить его сделать окончательный выбор...

Наверняка дамы все обсудили, всю подноготную, переполоскали белье, поэтому скрывать что-либо, выкручиваться и сглаживать углы не имеет смысла. Этого удовольствия он, пожалуй, им не доставит.

Алексей взял со стола бокал с вином, не спеша пригубил и присел на корточки перед Светланой Тэн.

— Светланочка, мы же договорились, я буду у тебя в двенадцать. — Он нежно взял ее за руку и поцеловал в раскрытую, узкую ладонь.

— Что-то случилось?

Она молча наблюдала за ним из глубины кресла своим мерцающим, словно антрацит, взглядом, но Алексей инстинктивно почувствовал, что от него ждали какой угодно реакции, только не этой.

— Что-то случилось? — еще раз ласково переспросил он и забрал у дамы пустой бокал.

На губах у Светланы появилась слабая улыбка.

— Слишком поздно, Алеша. И потом, после двенадцати это уже следующий день. Не день рождения.

— После двенадцати? После двенадцати еще есть ночь. Впрочем, я, наверно, не прав. Действительно, слишком поздно.

Он снова поцеловал Светлане кончики пальцев и отошел к столу. Озираясь.

— Кстати, мою бывшую супругу вы пригласить не догадались?

Анна тихо рассмеялась.

— Она не захотела приехать.

— Почему?

— Ты, действительно, хочешь узнать?

— Почему бы нет?

— Ну, хорошо. Твоя жена сказала, что ей до смерти надоел этот ежегодный курятник во главе с ее бывшим петухом.

— Даже так?

— Да.

Какая замечательная «плюха», вынужден был признать Алексей. И как бы даже не от своего имени. Кстати, плюха не только ему, но и Светлане за то, что он целовал ей пальчики. И Людочке тоже. Всем по плюхе, и вовсе не факт, что Анне нравится, когда он производит на других женщин неотразимое впечатление. Пожалуй, от поцелуйчиков и всяких чрезмерных жестов в этой опасной компании вообще придется воздержаться.

Он покачал головой и, имея в виду бывшую супругу, сказал:

— Она глубоко не права. Как всегда. Этот восхитительный курятник, девочки, со мной, ей-богу, впервые. Впрочем, я рад, что вы друг друга знаете и... и я всех вас очень-очень люблю.

— О-о! Какой чудный тост, — промурлыкала Людочка. — Пожалуй, за это стоит выпить.

— За это необходимо выпить, — поддержала Анна. — Прошу за стол. Все давно готово.

«Пожалуй, «за это» мне стоит срочно надраться», — уныло подумал Алексей, представив на мгновение, какие испытания ему еще предстоят. А что? Взять и действительно надраться до бесчувствия, выпасть в осадок. Пусть за столом сидит мертвое, неменяемое тело и пьяно мычит в ответ на поползновения со стороны дам. Чем не способ сбежать?

Он уже взял в руки бутылку с водкой, размышляя, как бы обставить свой уход поэlegantнее, но тотчас раздумал. Во-первых, такие события пускать на самотек нельзя. Во-вторых, обозленные дамы ни за что «бегство» ему не простят. Они и сейчас в таком состоянии, что вполне могут надругаться над бесчувственным телом. В-третьих, было бы лучше

самому спойть дам, благо, повод есть. День рождения. Хотя далеко не факт, что ему это удастся.

Алексей наполнил бокалы вином.

— Итак, милые девочки, тост вроде бы сказан, вроде бы даже одобрен. Если кто-то желает что-то добавить к сказанному, внести поправки, предложения... милости просим.

— Алексей Иванович, миленький, мы все тоже очень-очень тебя любим, — промурлыкала Людочка. С бокалом в руке она скользнула у него за спиной, слегка задев при этом грудью.

— Обожа-ем! — прошептала в ухо Светлана.

— И мы очень рады, Алешенька, что ты нам всем отвечаешь взаимностью. Это так мило с твоей стороны.

Именинник изобразил на лице радостное смущение, хотя из «дополнений и поправок» во все стороны торчали шипы.

— Спасибо, мои сладкие! Огромное вам спасибо. Я тронут, до слез!

К его великому разочарованию, дамы, все три, едва-едва пригубили свои бокалы. По «чуть-чуть». Хотя любая из них, Алексей знал это не понаслышке, могла при случае «оторваться на полную катушку». Значит, ни одна напиваться не станет. Несмотря на балаган, намерения у них вполне серьезные, и они не желают терять контроль над ситуацией. Алексей тяжело вздохнул. Похоже, свою чашу ему придется сегодня испить до дна.

Тяжкий вздох и унылая задумчивость именинника не укрылись от внимания дам.

— Что, Алешенька, невесел? Что головушку повесил? — промурлыкала Людочка, разминая в пальчиках сигаретку.

— Наверное, его мучит совесть, — предположила Светлана.

— Я тоже так думаю. Алешу мучает совесть.

— Но почему совесть?

— Потому, что Алешенька солгал.

— Алешенька солга-ал? Фи... какой бяка!

— Ужасный бяка.

— Что значит, солгал? Когда? — возмутился именинник. — Учтите, девочки, вы обижаете меня в мой святой день. В день рождения.

— Мы это учли, Алешенька.

— Тогда в чем дело?

— Ну, если не солгал, то очень сильно слукавил.

— Когда? Бог с вами...

- Неужели не помнишь?
 - Я помню одно, я не лгал.
 - Алеша, ты сказал, что всех нас очень-очень любишь.
 - Да, это правда.
 - Нет, это ложь.
 - Почему?
 - Господи, наш Алеша совсем ничего не понимает! Девочки, можно я ему объясню? — как бы утешая, Светлана погладила именинника по щеке.
 - Ну, если совсем не понимает...
 - Совсем? Ах, ах! Какие мы непонятливые.
 - Алешенька, любить всех-всех, да еще очень-очень, невозможно.
 - Почему?
 - Потому, что нельзя любить всех одинаково. Кого-то из нас ты, действительно, любишь «очень-очень». Кого-то просто «очень». А кого-то, увы и ах, не слишком «очень».
 - Это значит, ты нам солгал.
 - По крайней мере, двоим из нас. Но это все равно ложь.
 - Разумеется. А того, кто лжет, называют как? Лжецом.
- Алешенька, однако, ты лжец.
- Девочки, он, конечно, солгал, нет спору, но, мне кажется, не из дурных побуждений, — возразила хозяйка. — Он неплохой мальчик, даже очень неплохой. Он просто не хотел никого из нас обижать.
 - Поэтому сказал ложь? Фи! Как некрасиво.
 - А теперь пусть мальчик, если он такой хороший, такой честный, пусть честно скажет: кого из нас он не захотел обидеть.
 - Да, да! Пусть скажет, мы очень хотим знать.
 - Очень-очень.
 - «Господи, так и есть», — с улыбкой подумал Алексей, они дружно подталкивают его к выбору — вот главный и единственный вопрос в сегодняшней повестке дня.
 - Девочки, милые, когда я признался вам в любви, я не солгал ни одной из вас. Но вы даже не представляете, насколько вы разные. Например, моя очаровательная Людочка. По долгу службы я знаю ее уже два года, изо дня в день. Но я ничего в ней не понимаю. Удивительное создание, женщина-загадка, тонкая, проницательная, многоликая, коварная, искренняя, страстная. Для меня она тайна за семью печатями, и как всякая тайна увлекает и завораживает.

Светлана... Светланочка совсем другой человек. Она амазонка. Умница. Она нежна и взрывоопасна. В ней все соткано из крайностей, у этой милой, слабой девочки с сильным, мужским характером. Мне кажется, мы со Светланой всегда отлично друг друга понимали.

И Анна. Ничего более женственного я никогда ни в ком не видел. Божественное начало в Аннушке, безусловно, присутствует. Поэтому скажу о ней словами из Песни Песней: «И когда она вышла, цветы в этой комнате для меня перестали пахнуть».

Вы тысячу раз правы, когда настаивали, что всех одинаково любить невозможно. Но вы очень разные, и каждую из вас я люблю по-своему, очень-очень, потому что в каждой есть нечто такое, чего нет в других.

Милые девочки, вы, как цветы в букете, составленном искусной рукой мастера. Но у меня самого никогда не поднимется рука, чтобы выбросить из этого чудного букета хотя бы один цветок.

Речь, по мнению автора, произвела на дам сильное впечатление, но скорее по форме, а не по сути, потому что Людочка, смахнув слезу, вдруг фыркнула, словно рассерженная кошка, и весьма ехидно осведомилась:

— А добавить в ваш букет пару цветочков... рука не отсохнет, Алексей Иванович?

Алексей посмотрел на нее с укоризной.

— Людочка, милая, с твоей стороны это провокация. Тебе должно быть очень стыдно.

— Очень-очень? А вот и нет...

— И вообще, девочки, — перебил Алексей, — если я не ошибаюсь, сегодня у меня день рождения. Кстати, почему мы до сих пор не за столом?.. Я хочу есть. Я умираю хочу выпить. Я, наконец, хочу услышать в свой адрес хоть какие-то теплые слова, и чтобы меня не считали здесь за азиата, который живет по «Степному уложению» и выменивает в соседнем ауле жен на баранов.

Алексей добавил дамам еще вина.

— Итак, прошу. Кто желает взять слово?

— Алешенька, милый, — Светлана приняла у него бокал, — извини, конечно, за неудачный день рождения, но ты хуже азиата. Много хуже. И хотя по должности ты вроде как прокурор, но по жизни, увы, не дорос даже до «Степного уложения». Азиат, которого ты презираешь, выменивает в

соседнем ауле себе жену, которая будет в его доме хозяйкой и продолжательницей рода. А ты? «Искусной рукой мастера» ты составил для своей улады букет, который тухнет на твоём столе уже два года. А что потом?

— Потом, когда букет превратится в веник, он выбросит его на помойку, — вставила Людочка.

— Девочки, и этот человек уверяет, будто очень-очень нас любит.

— По-моему, наш Алеша попросту путает любовь с хорошим сексом, — вступилась Анна. — Может быть, ему стоит объяснить? Он, в общем-то, умный мальчик и при желании во всем разберется. Правда, Алеша?

— Можно я начну? — промурлыкала Людочка. — Потому что наш Алешенька, действительно, не видит разницы между любовью и хорошим сексом. Особенно под хорошую закуску. Кстати... девочки, давайте вспомним, у кого наш умненький мальчик в последний раз хорошо закусывал?

Идея дамам пришла по вкусу.

— Может быть, у меня? — предположила Светлана. — Это было неделю назад.

— Всего неделю? Ах, ах? А у меня он был за три дня до этого?... Да, за три. Очень просил, чтобы я приготовила ему фаршированную курицу. И, кажется, остался очень-очень доволен. Правда, Алеша?

— А сегодня Алеша притопал к Аннушке. Но только до двенадцати, потому что после двенадцати Алешенька закусывает у Светланы.

— И везде ему «очень-очень»!

Алексей поднял вверх руки.

— Все, все, все! Расстреляли! Согласен... я лжец. Я ужасный бяка и лукавец. Я, действительно, хуже азиата, вы правы. Много хуже. Я постоянно путаю любовь с фаршированной курицей. Правда, не понимаю, это что с вашей стороны? Объяснение в любви? Такая манера, да? Или мои милые дамы, приятные во всех отношениях, тоже слегка солгали? Чуть-чуть? А может, спутали свою любовь ко мне с фаршированной курицей?

Анна нежно погладила его по плечу. Поцеловала.

— Алешенька, это именно объяснение в любви. Не пугайся. И не будь такие буквоедом, ради бога. Ты же не на службе сейчас, ну?

— Фи! По-моему, он обиделся, — Людочка сделала круглые глаза.

— Алеша обиделся? Не-ет — Алешенька на женщин никогда не обижается. Он просто очень проголодался. И хочет выпить. Правда, Алеша?

Дамы почти силой усадили именинника за стол, повязали вокруг шеи слюнявчик и наперебой принялись ухаживать, подкладывая со всех сторон на тарелку самые лучшие куски. Когда именинник, наконец, отвалился от стола, на него надели широкополую велюровую шляпу, вместо слюнявчика обмотали шею толстым белым шарфом до колен и вручили целлофан с финским бельем.

— Это наши тебе подарки.

— Угу.

Алексей поблагодарил, поправил шляпу и слегка ослабил на шее шарф.

— Так. И что дальше? — осведомился он, подозревая, что спектакль далеко не закончен.

Вместо ответа Анна торжественно внесла на маленьком серебряном подносе большое красное яблоко. Даже с листочком. Вручила имениннику.

— Что это? — спросил Алексей, по очереди озирая серьезные лица своих дам, рассевшихся за столом вокруг подноса.

— Это яблоко, Алеша, ты сейчас вручишь той из нас, кого считаешь своей избранницей.

После этих слов в столовой, может быть, впервые за вечер воцарилось мертвое молчание. Низко висящий светильник скупо освещал неподвижные фигуры вокруг стола, и лишь сам стол с подносом в центре выделялся ярким, большим пятном. Алексей почувствовал, что дамы настроены более чем решительно.

— Угу.

Он сдвинул шляпу на нос и надолго задумался. Потом спросил:

— Допустим, я сделал свой выбор. Что дальше?

— Что ты имеешь в виду?

— Я должен сделать своей даме предложение? Или как?

— Или как...

— Не понял. По моим многолетним наблюдениям, девочки, вступление в брак — это первый шаг к разводу.

— Алеша, после того, как ты сделаешь выбор, эти проб-

лемы вы будете решать между собой. Но по крайней мере двоим из нас ты перестанешь, наконец, морочить головы.

— Угу. Теперь понял.

Он снова надвинул шляпу на нос и надолго задумался. Потом спросил:

— Я обязательно должен сделать выбор?

— Да, должен.

— Хм? Если должен, то какой же это выбор?

— А что это?

— Выбор — это свободное волеизъявление гражданина.

А если гражданин не хочет, но его понуждают к выбору коленом под зад, то какой, простите, это выбор?

Он взял с подноса яблоко и откусил самый красный бок. Зачавкал.

— И потом, свой выбор я уже сделал. Между «выбирать» или «не выбирать» я выбрал «не выбирать». Я вас всех люблю, очень-очень.

— Все, я больше не могу, — Светлана решительно поднялась из-за стола. — Этот человек вообще не способен к волеизъявлению. Вероятно, за отсутствием таковой.

— Да уж... достал. Дальше некуда.

— Девочки, вы не правы, — мягко возразила Анна. — Алеша совсем не виноват. Мужчины вообще не способны к выбору, генетически. В них это не заложено природой. В конце концов, всегда выбирает женщина. Вспомните хотя бы себя. Например, я выбрала Алешу сама, он не шевельнул даже пальцем для этого.

— Ой! И я... Я тоже! — промурлыкала Людочка.

— Пожалуй... да, — подумав, согласилась Светлана.

— Вот видите. В дикой природе происходит то же самое. Выбирают всегда самки, а самцы в лучшем случае дерутся между собой или распушают перья. Веером. По-моему, мы совершенно напрасно мучим Алешу, когда заставляем его выбирать.

— А что делать? Может, разрезать на три части?

— Зачем? Мы можем его разыграть, — усмехнулась Светлана.

— Как разыграть?

— Обыкновенно. В подкидного. Кстати, карты в доме есть?

— Да...кажется, — неуверенно предположила Анна. — Отец Амвросий, покойничек, любили перекинуться с Хлыбовым. Сейчас я поищу. Одну минуточку.

Анна ушла в угол, к «горке», подвигала там какими-то ящиками и через минуту вернулась к столу с колодой игральных карт. Дамы снова чинно расселись по своим стульям и, не обращая на «приз» внимания, принялись обговаривать условия предстоящей игры.

— Чтобы не тянуть резину, — предложила Светлана, — играть будем по олимпийской системе. Проигравшая из дальнейшей борьбы выбывает. Все согласны?

— Да, конечно.

— Это, во-первых. Во-вторых, победившая сторона надевает на бычка веревочку и уводит с собой, раз и навсегда. В-третьих... это, может быть, самое главное. Карточный долг, девочки, долг чести. Если Алеша по старой памяти кому-нибудь позвонит или нанесет визит, немедленно сообщаем об этом хозяйке для принятия самых крутых мер.

После некоторого колебания третий пункт тоже был принят. Алексей потянулся к бутылке, с любопытством наблюдая за игрой.

Первой из борьбы выбыла Людочка. Со слезами на глазах она швырнула карты на стол, пнула стул и, прихрамывая, отправилась в угол, в кресло. Алексей только сейчас начал осознавать, что шуточки вроде как закончены. Дамы играют его всерьез. Все еще недоумевая, он взял бутылку, пустой фужер и отправился в угол. Утешить.

Проигравшая сидела в глубине кресла, закрыв лицо руками и всхлипывая. Алексей присел рядом, на подлокотник. Погладил по голове.

— Ну-ну, киска? Хватит кукситься. Ты же не корову проигрываешь, так?

Людочка неожиданно с силой отбросила его руку в сторону.

— Меня звать Людмила Васильевна. Не киска, не Людочка, не кошечка... Людмила Васильевна! Дай сюда, — она грубо забрала у него из рук бутылку и набулькала полный фужер. Опрокинула в рот залпом.

— Черт, черт, черт!

Подумала и опрокинула еще один. И вдруг рассмеялась.

— Чтобы голова не болела, лучший способ — ее отрубить.

Когда Алексей вернулся, наконец, к столу, игра была закончена. Колода карт лежала на подносе рядом с огрызком яблока рубашкой вверх. По каменной неподвижности Анны и по радостному мерцанию в черных, антрацитовых глазах соперницы он тотчас понял, кому достался «приз».

В дежурной части РУВД Алексей выяснил весьма любопытные обстоятельства. Оказывается, телефонный звонок, которым неизвестное лицо уведомило органы о взломе сейфа в конторе Шигалинского леспромхоза, был произведен не со служебного телефона, а с городского таксофона. После сообщения аноним сразу положил трубку. Голос мужской.

Если учесть, что контора находится на отшибе, а до ближайшего таксофона минут пять езды, это наводит на некоторые предположения, от которых Махнев легкомысленно отвернулся.

Во-первых, к бухгалтерии аноним отношения не имеет, поскольку там работают одни женщины. Во-вторых, этот человек хотел, чтобы взломом занялись официальные органы. Почему? Подозревал, что директор с главбухом не захотят выносить сор из избы? Несмотря на сумму похищенного? В-третьих, аноним точно знал, какая именно сумма, иначе его хлопоты не имели бы никакого смысла. Раскуроченный сейф, годный разве что на свалку, и малоценные конторские бумаги, разбросанные по полу — факт малоинтересный для органов.

Итак, кто этот человек? Просто недоброжелатель, желающий насолить администрации хотя бы по мелочи? Или же этот кто-то всерьез заинтересован подставить под топор директора?

Алексей снова выложил перед собой на стол составленный накануне список с фамилиями депутатов. Пробежал глазами...

Странный всплеск «депутатской преступности», да еще накануне выборов? Причем, шесть фамилий из восьми — акционеры Н-ского мясокомбината.

Колбасы они, что ли, объелись? Пожалуй, самое время туда наведаться.

Как всегда машины на месте не оказалось, и Алексей выбрался на комбинат только к вечеру. Здесь он не был почти два года и сразу отметил значительные изменения в лучшую сторону. Административное здание и прилегающая территория с подъездными путями были капитально отремонтированы и выглядели вполне респектабельно. Повсюду разбиты газоны, размечены светящейся краской места для

парковки, по фасаду вдоль тротуара высажены деревья и установлены фонари.

Не включая света, на подфарниках прокурор объехал производственную территорию комбината по периметру вдоль капитальной стены, собранной из бетонных модулей, и, кажется, был замечен. Мощный луч прожектора скользнул сзади по машине и ушел в сторону. Алексей остановил «УАЗ» неподалеку от здания администрации, за деревьями, и взглянул на часы. Долго ждать не пришлось. Через минуту возле машины появился человек с рацией на шее и в форме не то милицейского, не то армейского образца. Открыл дверцу.

— Камаев. Охрана предприятия.

Алексей кивнул.

— Приятно познакомиться.

— Что вы здесь делаете ?

— Сижу и жду, когда вы подойдете и спросите, что я здесь делаю.

Охранник шутливого тона не принял.

— Ты кто? — настороженно и грубо спросил он.

— А ты, кроме того, что Камаев? Кто такой? — Алексей взглядом указал на резиновую палку и браслеты, болтающиеся на поясе. — Разрешение на ношение спецсредств имеется? Что-то в охране я твою физиономию никак не вспомню.

Он достал служебное удостоверение и подержал у охранника перед глазами.

— Ну-ка, покажи свои документы, гражданин Камаев? Так... частная охранная фирма «Контр». Это где такая?

— Зарегистрирована в областном центре.

— Головное предприятие? А здесь что, филиал?

— Почти. Работаем по договору.

Охранник счел разговор исчерпанным и, забрав документы, отошел в сторону. Слышно, как он включил рацию и что-то сказал. Затем снова вернулся к машине.

— Если вы на предприятие, к вам сейчас подойдут. Старший наряда.

— Хорошо. Я жду внизу.

В вестибюле напротив входа Алексей заметил «глаз» телекамеры и предположил, что телекамеры смонтированы также в цехах и на отпуске готовой продукции. Даже для крепкого предприятия удовольствие весьма дорогое, но, видимо, не дороже воровства.

— Алексей Иванович, вы к директору?

Алексей обернулся. «Старший наряда», наверняка отставной мент в чине не ниже подполковника, рассматривал его в упор откровенно изучающим взглядом.

— Да, я к директору.

— В данную минуту Светлана Сергеевна находится в фасовочном цехе. Вам следовало бы договориться о визите по телефону заранее.

Алексей ухмыльнулся.

— Прокурору не обязательно предупреждать клиента о своем визите заранее. Скорее наоборот, не так ли?

Старший наряда внимательно посмотрел прокурору в глаза, но шутку тоже не принял.

— Я, впрочем, сообщил о вас. Она сейчас подойдет.

— Вот и отлично.

— Идемте, я провожу.

Внутри здание администрации выглядело не менее респектабельно, чем снаружи. Дымчатые стеклянные двери, золоченая фурнитура, цветной кафель, подвесные потолки со встроенными светильниками, под ногами толстый, звукопоглощающий ковролин. Пожалуй, в городе это было единственное здание, где захолустьем уже не пахло.

Старший наряда проводил Алексея напрямик в директорский кабинет. Указал на кресло.

— Присаживайтесь. Светлана Сергеевна будет с минуты на минуту.

Алексей кивнул.

— Кстати, вы не представились. Как вас по имени-отчеству?

— Драчук. Владимир Федорович.

Старший наряда удалился, оставив дверь открытой. Алексей проводил его задумчивым взглядом. Драчук? Драчук?... Знакомая, как будто, фамилия? Запоминающаяся, по крайней мере. Но не из здешних, это точно... И вдруг вспомнил! Шестой отдел областного управления внутренних дел. Полковник... борьба с организованной преступностью. В начале девяностых, когда началась пертурбация силовых структур, отдел по сути был разгромлен. Не отвечал задачам и духу времени. Профессионалы из отдела растворились в мутных водах коммерции...

Значит, «старший наряда»? Специалист по оперативным

разработкам, «волкодав» оказался здесь в роли сторожа? Гм? Однако сомнительно...

Когда Светлана вошла, прокурор сидел в кресле спиной к двери и, видимо, пребывал в глубокой задумчивости. Полы длинного пальто свесились по обе стороны на пол, подобно крыльям. На шее, она сразу заметила, был повязан толстый белый шарф, подаренный ею на день рождения.

Мимоходом она слегка коснулась губами его щеки и прошла на свое место.

— Приехали шведские специалисты, наладчики. Готовят фасовочный цех к монтажу новой линии. Температурный режим, уровень влажности, вентиляционные колодцы, даже пол... покрытие, готовят под стандарты.

Она потянула в углу возле стены свисающий с потолка шнур. Жалюзи (то ли штора?) мягко отъехала в сторону, обнаружив вдоль стены с десятков мониторов, установленных друг над другом. Не глядя, Светлана придавила пальцем какую-то кнопку на пульте, и на экранах одновременно высветились производственные картинки.

— Крайний слева экран, вверху... Оба шведа работают в касках. Остальные наши. Кстати, вот тот... сейчас повернулся лицом, высокий, вчера сделал мне предложение: «Светлана, я буду звать тебя... как это? Замуш? Да, замуш. Ты замечательный дефушка, лючший, кого я помнил. Ты и я надо ехать в Швеция, вместе. Здесь плохо. Россия оччень плохо. В русский правительство фсе вор, и это фсе оччень надолго. Нафсегда».

С выжидательной улыбкой Светлана посмотрела на Алексея. Он медленно провел ладонью по лицу.

— Ты спрашиваешь у меня совета?

— Разрешения.

— Угу. Скажи шведу, я не против. В России, действительно, фсе плохо. Это помойка, он прав.

Экраны погасли.

— Алеша, ты совсем меня не любишь?

— Не люблю? Ты не права, дефушка.

— Почему ты хочешь отдать меня шведу?

— Вероятно, потому, что очень люблю. — Светлана внимательно посмотрела ему в лицо.

— Не понимаю?

— Светланочка, я хочу, чтобы ты выбралась из этой помойки. Раз и навсегда.

Даже не глядя на нее, Алексей почувствовал, как она напряглась. В кабинете повисла странная пауза, но он не спешил. Светлана молча прошла к окну. Закурила. Снова вернулась на свое место.

— Что-то случилось?

— А ты как думаешь?

— Думаю, да. Иначе ты бы сюда не пришел.

Алексей хмыкнул. После того, как дамы неделю назад разыграли «подкидного дурачка», ему, в общем-то, идти стало некуда. С Людочкой Васильевной отношения установились подчеркнуто деловые, чему он был даже рад, по крайней мере двери больше не хлопали, и штукатурка на голову не сыпалась. Вчера, в конце рабочего дня, несколько поколебавшись, он набрал телефон Анны, но та, едва слышав его голос, просто положила трубку. Похоже, все карточные договоренности дамы намерены свято соблюдать. Как-никак — долг чести.

— Светланочка, на этот раз ты абсолютно права. Сюда я пришел по другому поводу. И давай сделаем так. Я излагаю тебе некоторые известные мне факты, а ты, если сочтешь нужным, постарайся внести в мой рассказ ясность. Может быть, тебе удастся восстановить некоторые пробелы. Хорошо?

Светлана слегка наклонила голову.

— Я слушаю.

— Значит, договорились. Итак, излагаю события в хронологическом порядке. Полгода назад акционерное общество «Хлебопродукт» поместило в газете объявление о собственной ликвидации. Дело в чем? Из-за больших расходов на содержание управления, то есть на свое собственное, руководство АО задолжало кредиторам астрономическую сумму. Отдавать такие деньги то ли не смогли, то ли не захотели, и келейно было принято решение объявить о банкротстве. С этим решением руководство АО в лице господина Хомякова, депутата местной думы, обратилось в арбитражный суд — вот они, мы, банкротьте и забирайте все, что осталось.

Увы и ах, остатки имущества не покрыли и десятой доли того, что общество задолжало кредиторам. Кроме того, на улице оказались полторы сотни голодных акционеров вместе со своими семьями. Разумеется, им это не понравилось, и группа активистов пошла искать правду. Оказалось, прото-

кол общего собрания акционеров, где якобы принято решение о процедуре банкротства — подделанный. Но на этом поиски правды закончились, поскольку долги на поддельный протокол все равно не спишешь.

Возможно, этим бы все и закончилось, но некоторое время спустя в прокуратуру поступает анонимка. Вот она...

Алексей вынул из внутреннего кармана пальто сложенный вчетверо лист серой бумаги с отпечатанным на машинке текстом. Положил на стол. Рядом положил помятый конверт.

— В этом письме анонимный автор с большим знанием дела, хотя и кратко, изложил, какая афера на самом деле была скрыта за так называемой процедурой банкротства. Оказывается, из убыточного предприятия «Хлебопродукт» господин Хомяков втихую выделил торгово-посредническую фирму «Корвет», на которую оформил все активы и награбленное имущество, а долги и убытки оставил на предприятии-банкроте. Новая фирма, опять же втихую, была оформлена на одного из родственников Хомякова, проживающего в областном центре, о чем ограбленные акционеры даже не подозревали.

Прокуратура после проверки изложенных в анонимном письме фактов внесла в арбитражный суд протест. Дело из административного было переквалифицировано в разряд уголовных, а на бывшего руководителя АО депутата Хомякова в райсовет бал направлен запрос о привлечении его к уголовной ответственности по статье 195 УК РФ. Кстати, по этой статье господину Хомякову грозит до трех лет лишения свободы с конфискацией имущества, в том числе акций Н-ского мясокомбината, поскольку господин Хомяков является ко всему прочему одним из ваших акционеров.

Алексей выдержал небольшую паузу.

— Такая, или почти такая же история приключилась с другим вашим акционером. С генеральным директором Н-ского металлургического комбината господином Ковалевым. Основной держатель акций, если не ошибаюсь? Что-то около тридцати процентов.

— Тридцать пять.

— Так вот... оперативно-следственная группа даже после двух месяцев работы на комбинате не могла выйти на канал хищений, по которому сам Ковалев, лично для себя, для своего кармана качал с металлургического комби-

ната капиталы. То, что суммы улетают огромные, следствию было известно, поскольку все остальные каналы хищений, вместе взятые, едва ли составляли даже половину того, что проваливалось в черную дыру на самом деле. Это продолжалось до тех пор, пока под дверь руководителю оперативно-следственной бригады Евгению Генриховичу Круку неизвестный автор не подложил очередное анонимное письмо. Вот оно...

Алексей достал из внутреннего кармана пальто конверт с вложенным в него листком бумаги. Развернул и тоже оставил на столе.

— Здесь, хотя и кратко, но опять-таки с большим знанием дела изложена схема увода крупных денежных средств с помощью так называемых «двойных счетов». Чтобы следственные органы не теряли зря времени на проверку фактов, аноним указал в письме даже адреса и фамилии потенциальных свидетелей.

После такого впрыска информации следствие заработало на полную катушку. В потоке финансовой документации было отловлено около двух десятков «двойных счетов», по которым украденные суммы исчислялись десятками миллиардов рублей.

На господина Ковалева теперь уже Генеральная прокуратура посылает в Госдуму Российской Федерации запрос о привлечении к уголовной ответственности. К сожалению, по ряду формальных соображений запрос не проходит. Господин Ковалев, разумеется, почувствовал под собой запах жареного и понял, что его загоняют в угол. Он срочно купил себе британское подданство и занялся распродажей своей собственности, стараясь сделать это до истечения срока депутатских полномочий. В числе прочего ему пришлось расстаться с пакетом акций Н-ского мясокомбината. А поскольку по уставу АО продажа и покупка акций производится только по решению правления, то мясокомбинат, учитывая положение господина Ковалева, выкупил у него акции по демпинговой цене. За бесценок, по сути.

Итак, тридцать пять процентов теперь уже ничьих акций оказались в распоряжении комбината. С этого момента между акционерами, естественно, началась драчка за передел собственности. Я правильно излагаю события?

— Пока, да.

— Отлично. По моим предположениям, хотя я, может быть, не прав, главный конфликт развернулся между исполнительным директором комбината Светланой Сергеевной Тэн и председателем АО Николаем Николаевичем Мезенцевым. Господин Мезенцев весьма справедливо, с его точки зрения, полагал, что комбинату и акционерам гораздо выгоднее, если у руля будет стоять не акционер-собственник, а наемный директор с хорошим окладом. С очень хорошим. Но без прав собственника. То есть, человек управляемый. Госпожа Тэн с этим заявлением категорически не согласна, поскольку вложила в производство столько сил, что все прочие акционеры по сравнению с ней попросту говоря дешевые нахлебники. Приживалы. Предполагаю, на этой почве, как это обычно бывает, акционеры поделились на два противоборствующих лагеря. «Pro» и «contra».

И вдруг... в отсутствие Тэн, пока она находилась в Швеции, произошло событие, которое сразу и безоговорочно изменило счет в матче в ее пользу. Нечистым на руку и неуправляемым оказался именно акционер, замдиректора комбината Игорь Николаевич Мезенцев. Путем мошеннических действий по предварительному сговору с группой лиц он похитил с комбината продукции на сумму сто три миллиона рублей.

Возвратясь из Швеции, госпожа Тэн тотчас обнаружила факт хищения, обнародовала сей факт среди акционеров и, несмотря на мощное давление со стороны Мезенцева-старшего, возбудила уголовное дело. Более того, спустя время она сумела вернуть комбинату похищенное. В результате, компания «Мезенцев и Сынъ» оказалась по уши в дерьме, а госпожа Тэн подавляющим большинством голосов получила, наконец, в собственность требуемый пакет акций.

Получилось как в сказке. Со счастливым концом. Особенно меня умиляют глупые сказочные мошенники лжеКочелаев и лжеГольданский. Провернув такую аферу, они доставляют груз прямиком в областной центр и распределяют по трем крупным магазинам. Даже оставляют свой счет вместо того, чтобы реализовать похищенное с лотков, втихую, где-нибудь на стороне. На худой конец, загнать груз по дешевке перекупщикам и взять с них наличные. Разумеется, органы правопорядка без особых хлопот отыскивают украденное, а на счета накладывают арест. Правда,

самих мошенников уже и след простыл. Несмотря на некоторую глуповатость, они уходят четко, как настоящие профессионалы. Не оставляют даже «пальчиков», никаких особых примет.

Единственное, чего в этой сказочной истории не хватает — зло осталось не наказанным. Главный злодей Игорь Николаевич Мезенцев из-за отсутствия прямых доказательств в конце концов отделается легким административным испугом.

Светлана слегка улыбнулась. Мимолетный взгляд вспыхнул в сторону прокурора антрацитовым блеском.

— Игорь Николаевич Мезенцев на днях освобожден от занимаемой должности. По собственному желанию. Кстати, он вернул мне однажды присвоенные пятьсот баксов. Причем с самыми искренними извинениями.

Прокурор удивленно вскинул брови.

— Даже так? Надо думать, у него имелись для этого достаточно веские основания?

Светлана кивнула.

— Вполне.

Не дождавшись других пояснений, Алексей продолжил:

— Бурная криминальная деятельность здорово потрепала ряды депутатов-акционеров Н-ского мясокомбината. Под статьей оказались депутат облдумы, заместитель гендиректора НМК по финансам господин Савинок и исполнительный директор «Коммерческого центра НМК», депутат райсовета господин Поляков. Это все в рамках уголовного дела, возбужденного по факту хищения денежных средств на металлургическом комбинате. Сейчас останавливаться на этих эпизодах я не стану, поскольку к моему рассказу они отношения пока не имеют.

Но вот еще история, аналогичная этой, которая приключилась с господином Бочкаревым, директором Шигалинского леспромхоза. Тоже ваш акционер. На прошлой неделе господин Бочкарев решил ограбить самого себя, а именно: инсценировал, причем грубо, взлом сейфа с целью хищения трехсот пятидесяти... пардон, трехсот пяти тысяч долларов. Факт инсценировки сомнений не вызывал, и следственные органы начали активно раскручивать господина Бочкарева. Нашли по месту работы и по месту жительства орудия взлома, идентифицировали. Нашли на орудиях взлома «пальчи-

ки», тоже идентифицировали, ну и так далее. Короче, полный джентльменский набор неопровержимых доказательств вины Бочкарева, квалифицируемый по 161 статье Уголовного кодекса, плюс убийство по неосторожности охранника Вохромеева. По совокупности содеянного господину Бочкареву грозит длительный срок лишения свободы, опять же с конфискацией имущества.

Казалось бы, преступление раскрыто и на этот раз зло будет наказано. Но в деле настораживает один на первый взгляд малозначительный эпизод. Триста пятьдесят тысяч украденных долларов... пардон, украденных было триста пять, это черный нал явно криминального происхождения. О нем знали только сам директор и еще главный бухгалтер леспромхоза. То есть, два человека. Скорее всего, они бы замолчали украденную сумму, и дело могло принять совсем другой оборот. Но сделать это им не позволил опять же анонимный доброжелатель. Он позвонил в дежурную часть, кстати сказать, мужским голосом с городского таксофона в восемь часов тридцать минут утра. За полтора часа до прихода главного бухгалтера. Сообщил об украденных деньгах.

Отсюда вывод. О содержимом сейфа знали не два, а как минимум три человека. Дальше все просто. Поскольку на момент кражи в сейфе оставалось не триста пятьдесят, а триста пять тысяч долларов, нетрудно было выяснить, что сорок пять тысяч буквально накануне ушли на мясокомбинат за долги — в счет поставленной леспромхозу еще с прошлого года мясной продукции. Естественно было предположить, что именно на мясокомбинате кое-кому стало известно о содержимом шигалинского сейфа. В результате, уважаемая Светлана Сергеевна, я сижу здесь в глубокой надежде, что именно вы сможете очень помочь следствию.

Светлана, глядя перед собой отсутствующими глазами, спросила:

— А если я не захочу помочь следствию? Что тогда?
Алексей пожал плечами.

— Могу повторить еще раз: действуй по своему усмотрению. В конце концов, можешь еще раз сыграть со мной в «подкидного дурачка».

— Алеша, — она посмотрела на него полными слез глазами, — помочь следствию для меня означает одно: явка с повинной. Ты этого хочешь?

— У тебя, впрочем, есть выбор. Даже не выбор... выход. Только что я доложил тебе свои предположения. Ты можешь с ними не согласиться наотрез, и далеко не факт, что следствие сумеет доказать, что именно имело место быть на самом деле.

— Это никакой не выбор, — тихо произнесла она.

— Возможно. Когда понуждают коленом...

— Алеша, зачем тебе это надо? От меня?

— Хороший вопрос. Особенно, когда его задают прокурору, — Алексей встал. — Если что-то надумаешь, позвони в течение двух дней. Буду ждать.

Он двинулся к двери.

— Нет!!!

Светлана кошкой метнулась из-за стола и встала на пути, придавив спиной дверь.

— Алеша, я знаю... чувствую, если ты сейчас уйдешь, это конец. Я потеряю тебя навсегда. Я не хочу, слышишь? Я люблю тебя. Я очень тебя люблю.

— Очень-очень?

— Да, да, да!

Она обхватила его руками, прижалась, спрятала мокрое от слез лицо у него на груди. Он переждал, вытер слезы своим шарфом.

— Помнишь, ты сказала: «Я не хочу, чтобы от наших с тобой отношений отдавало мясокомбинатом»?

— Да... конечно, — всхлипнула она.

— Сейчас, Светлана, от наших с тобой отношений начинает отдавать помойкой.

Алексей вздохнул, вспомнив свой разговор с начальником ОБЭП Морозовым, когда тот начал вдруг «косить» под деревенского простачка.

— Мне неприятно говорить тебе, но это твоя помойка. Частная. Однако ты устроила ее за спиной у прокурора, причем втайне. Кое-кто запашок, из-за моей спины, уже почувствовал.

— Алеша, я расскажу тебе все-все. Только не уходи, хорошо?

Она почти силой усадила его обратно в кресло и стояла рядом с умоляющим видом, не отпуская руки. Он примиряюще улыбнулся.

— Я не уйду. Успокойся.

— Сейчас... я расскажу. Одну минуту.

Светлана отошла, прижимая кончики пальцев к вискам. Потом с рассеянным видом повернулась к нему.

— Два года назад, помнишь? Ты не был еще прокурором... Я хотела избавиться от кучки мерзавцев, которые присосались к комбинату.

— Я помню.

Светлана слабо кивнула.

— Ты не захотел тогда участвовать. Я поначалу расстроилась. Почему-то казалось, что работая вместе, мы могли бы своротить горы. Хотя очень скоро я поняла, так даже лучше. Гораздо лучше. В самом фантастическом сне я не могла бы предположить, что на металлургическом комбинате вдруг начнется следствие, что против самого Ковалева когда-нибудь удастся возбудить уголовное преследование. По сути, одним ударом ты выбил с нашего комбината сразу трех мерзавцев. Поэтому, когда следствие на Ковалеве споткнулось, мне осталось всего-навсего изложить в анонимном письме схему хищения с помощью «двойных счетов». В результате тридцать пять процентов акций вернулись на комбинат.

Аналогичная, как ты выразился, история приключилась с депутатом Хомяковым и с АО «Хлебопродукт». Способ увода акционерной собственности за спиной самих акционеров хорошо известен. Даже при явном мошенничестве арбитражные суды на жалобы обманутых акционеров почти не реагируют. Я, во всяком случае, таких примеров не помню. Депутат Хомяков тоже на это рассчитывал, но я... я уже знала, через тебя афера не пройдет.

— Угу. И написала мне письмецо.

— Да.

— Ну, хорошо. За помощь следствию от лица районной прокуратуры объявляю тебе искреннюю благодарность. По этим двум эпизодам. Хотя, если быть точным, ты поступила так, действуя из корыстных побуждений.

— Корыстные побуждения, Алеша, понятие из проклятого социалистического прошлого, — с некоторой опаской возразила Светлана.

Алексей хмыкнул.

— Согласен, это еще не помойка. Однако слушаем дальше.

— На общем собрании акционеров я оговорила: если мне удастся заполучить у Ковалева его пакет акций, то за хлопоты

десять процентов из тридцати пяти должны принадлежать мне. На собрании легко согласились с предложением, даже Мезенцев-старший, поскольку всерьез никто не поверил, а в детали я, разумеется, акционеров не посвящала. Но когда пакет действительно удалось выкупить, началась жуткая драчка. Мезенцев старший заявил, что положение, в каком оказался Ковалев, все равно заставило бы его вернуть акции на комбинат. Раньше или позже. Поэтому мои заслуги тут даже не просматриваются. Его поддержал директор Шигалинского леспромхоза Бочкарев. Если Тэн, сказал он, не устраивает должность исполнительного директора на комбинате, пусть ищет себе другое место работы.

Проголосовали. В результате решение оказалось не в мою пользу.

— И тогда ты решила их наказать?

— Да. ЛжеКочелаев и ЛжеГольданский... это мои люди. Алексей уловил в ее голосе некоторую неуверенность, но перебивать не стал.

— Игорюша... Игорь Николаевич Мезенцев, большой мастер делать долги. По существу из долгов он никогда не вылезает. Стилль жизни. Время от времени Игорюшу ставят «на счетчик», даже бьют, поэтому Гольданский с Кочелаевым без особого труда уговорили мальчика за хорошее вознаграждение закрыть на явную «липу» глаза. Убедили, что самое большее, что может ему грозить — это преступная халатность. И то в случае, если его вина будет доказана. А при тех связях, которыми располагает «папик», ему вообще не о чем беспокоиться.

Накануне для пущей убедительности «неизвестные лица» Игорюшу хорошо поколотили. Били в темном подъезде, ногами. Якобы за долги. Потом он сам искал мошенников, чтобы не упустить сделку...

Момент переговоров, детали операции, передача вознаграждения, — все было записано на видео пленку. При этом снято так, что инициатором хищения выглядит именно Игорюша. Когда Игорюша с «папиком» решили, что доказательств у меня нет, и все сойдет с рук, я прокрутила им это кино и пообещала передать копию в прокуратуру.

— В результате, компания «Мезенцев и Сынъ» вынуждена была откупаться?

— Свои пять процентов Игорюша «добровольно» вернул

комбинату и освободил занимаемую должность. «Папик», тоже добровольно, освободил кресло председателя.

— А исполнительный директор госпожа Тэн путем мошеннических действий завладела десятью процентами?

— Путем мошеннических? Да, десятью. В действительности мой пакет акций составляет двадцать пять процентов.

Алексей присвистнул.

— Блокирующий пакет! Теперь понятно, почему акционеры прокатили своего исполнительного директора. Дама становится опасной. И кое-кто начал это понимать, не так ли? Например, господин Бочкарев.

На раскрасневшемся лице Светланы появилась болезненная гримаска. Она остановилась возле окна и нервно зашелкала зажигалкой. Алексей терпеливо переживал.

— То, что случилось с Вохромеевым... с охранником, это ужасно! Никто не собирался лишать человека жизни, его смерть никому не нужна! — Тыльной стороной руки она убрала со щеки слезу. — Потом я узнала, у старика было больное сердце.

— Говоришь, никто? Никто... это кто?

— Это мои люди, — не сразу ответила Светлана.

Алексей покачал головой.

— Это не твои люди. Это люди Драчука Владимира Федоровича, бывший шестой отдел Управления внутренних дел области, полковник в отставке. Твои, Светлана Сергеевна, в этом деле только деньги, не так ли? И, наверняка, хорошие деньги?

Светлана замкнулась и не отвечала на вопрос.

— Я понимаю, — после некоторой паузы продолжил он, — ты не хочешь говорить, чтобы не подставлять своих людей. Готова даже взять ответственность на себя. Жест, конечно, благородный, но, ей-богу, ужасно наивный. Драчук Владимир Федорович — опытный оперативник. У него свои старые наработки и свои связи в преступном мире. В том числе среди «медвежатников». Поэтому, девочка, не стоит водить меня за нос и делать вид, будто оперативная разработка по изъятию денег из сейфа Шигалинского лесспромхоза лично твое изобретение.

Светлана расплакалась.

— Алеша, он сказал, что доза нормальная. Иначе... иначе охранник не уснет. Не подействует... Они подменили ему бутылку с пивом.

- Подействовало, однако?
- Да...
- Кстати, где была сделана видеозапись? Мезенцев-младший и эти... твои мошенники? В каком месте?
- У Игорюши, прямо в кабинете. А что?
- Так...

Алексей задумчиво наблюдал, как Светлана открыла бутылку минеральной воды, налила в стакан, промокнула мокрой салфеткой пылающие щеки, лоб, вытерла глаза. Навивная девочка, если она полагает, что ее кабинет тоже не радиофицирован, и что «старший наряда» сейчас их не слышит. Возможно, видит... Пожалуй, Алексей сам поступил довольно опрометчиво, устроив допрос у Светланы в кабинете. Не предусмотрел. Бывший полковник намного опаснее того «отморозка» из подмосковного Ногинска, который в августе пытался проткнуть прокурора велосипедной спицей... Наверняка Драчук не раз чертыхнулся в течение этого часа, слушая откровения влюбленной девочки. Но она опасности для него пока не представляет. Опасность представляет прокурор... полученная им информация.

— Все же любопытно, как дорого обходится тебе такая охрана?

— Очень дорого. Самая высокооплачиваемая категория, включая некоторых акционеров.

Алексей усмехнулся.

— «Элита — стража — рабы». Классическая формулировка налицо.

— Алеша? Ты меня арестуешь?

Алексей притянул ее к себе и поцеловал в мокрые от слез глаза.

— Конечно, нет. Я, наверное, плохой прокурор, но красивая женщина, на мой взгляд, должна иметь право на преступление. Особенно, если ее угораздило оказаться на этой помойке.

— Ты так шутишь?

— Ничуть. Но если ты снова будешь делать из меня дурачка, я точно упрячу тебя за решетку.

— Алешенька, — она обвила его шею руками, — ты только скажи, я все-все брошу! Я тебя люблю, слышишь? Я буду очень хорошей женой... ну, пожалуйста?

— Очень-очень?

— Да, очень.

— Ну, не-ет! Без комбината я не согласен. — Алексей рассмеялся. — Через каких-нибудь пару-тройку лет, ты заявишь мне, что жестоко ошиблась, что я не стоил целого комбината, и вообще я ничего не стоил.

— Я так не скажу. Никогда!

— Ну, хорошо. Детали мы еще уточним, — он мягко освободился из ее объятий.

— Когда? Снова через полгода? Не забывай, кстати... я выиграла тебя в карты.

— Небось, тоже смошенничала?.. Ладно, давай сделаем так. Сегодня, около девяти, я буду тебя ждать. Два звонка, один короткий, один длинный. Идет?

— Никаких проблем.

— Вот и отлично. Кстати, предупреди Драчука, чтобы в отношении прокурора резких телодвижений не делал.

— Я... не понимаю?

Алексей улыбнулся.

— Это неважно. Он, надеюсь, меня понял.

11

Спустя несколько дней Алексей обнаружил у себя на столе среди прочей корреспонденции толстый конверт из плотной бумаги. Ни обратного адреса, ни адресата. Выглянул в приемную.

— Откуда?

Людмила Васильевна недоуменно дернула плечиком.

— Доставил Крук. Просил передать. Сказал, вы в курсе.

— Хм?

В конверте оказалась подборка материалов под грифом «Для сведения». Речь шла об исчезновении на просторах области прошлогоднего федерального транша в 950 миллиардов рублей, направленного на закупку продовольствия.

Алексей выбрал из многостраничной подборки то, что касалось района.

«... В хищении централизованных кредитных ресурсов в размере 80 млн рублей подозревается директор ООО «Стерх» некий Мовсесян А.Ш. В результате оперативно-розыскных мероприятий удалось получить данные не только о нецелевом использовании льготного кредита, но и о даче взяток главе администрации Н-ска, а также Бабичеву и Харитонову...»

Алексей вернулся в начало подборки, желая уточнить фамилию и должностное положение фигурантов. Действительно, Бабичев оказался тот самый, заместитель губернатора и главный его соперник на предстоящих губернаторских выборах от партии куммунистов.

Читаем дальше...

«Узнав от нужных людей о поступлении в область кредитных ресурсов, директор ООО «Стерх» Мовсесян заручился поддержкой главы администрации города Н-ска и отправился на прием к Бабичеву. После передачи Бабичеву 5 млн рублей в качестве взятки, тот поставил на соответствующем документе свою визу. Затем Мовсесян отправился к непосредственному держателю кредитных ресурсов Харитонову Ф.В., начальнику Главного управления Центрального банка РФ по области, с которым был знаком прежде. За увеличение суммы льготного кредита с разрешенных 60 млн рублей до 80 и за продление срока погашения с 4 месяцев до 1 года Мовсесян дал взятку в размере 3000 долларов США. 18 мая через Н-ское отделение областного филиала Россельхозбанка указанная сумма фирме «Стерх» была перечислена».

В подборке Алексей насчитал более тридцати эпизодов преступной деятельности кандидата в губернаторы, в том числе семнадцать фактов взяточничества на общую сумму 57,5 миллиона рублей.

Он еще раз перелистал бумаги, покрутил в руках конверт. Это был чистой воды компромат, означавший, что предвыборная возня вступает в новую фазу. Любопытно, как далеко сукины дети могут зайти? До взаимного отстрела?

С бумагами Алексей отправился к Круку. За разъяснениями.

— Откуда это?

Неторопливым жестом Крук снял с носа очки. Подышал. Протер. Снова нацепил на нос и уставился на Алексея поверх очков.

— Не догадываешься?

— Рыжов?

— Он самый. Тебе велено проверить ООО «Стерх», и, если факты подтвердятся, заводи на Мовсесяна уголовное дело.

— Решили раскручивать нашего кандидата снизу?

— Вообще-то, — Крук ткнул пальцем в конверт, который

Алексей держал в руках, — две трети, а может больше, изложенных здесь фактов натуральная «липа». Наверняка. Кто-то отработывал губернаторский заказ. С лентой отработывал.

— Откуда он это взял?

— А ты спроси сам. У Рыжова. Лично мне он нахамил. Не суй нос, говорит. Целее будешь.

— Хха!

— Вот именно. Так что совать нос, Леша, придется тебе... в качестве начальника следственного управления прокуратуры области. С чем я тебя и поздравляю. От души.

Он вышел из-за стола, обнял и похлопал Алексея по спине.

— Приказ уже подписан.

— Угу.

— Ты что, не рад как будто?

— Да нет, рад. Но в меру.

Крук однако не поверил.

— Ну-ну. Все служат, но не все дослуживаются.

Вечером, воротясь домой, в пустой гостиничный номер, Алексей плюхнулся в потертое кресло и просидел так около часа, дырявя глазами голую стену. Потом подтянул за шнур стоящий на полу телефон. Набрал номер.

— Аннушка? Не бросай трубку. Нам надо поговорить...

Т А Ё А А Ё А Ё А

Книга I. Смерть прокурора	3
Часть 1. Наваждение	5
Часть 2. Маньяк	147
Книга II. Красный прокурор	275
Часть 1. Покушение	277
Часть 2. Анонимка	403

Литературно-художественное издание

Кожевников Лев Афанасьевич

Красный прокурор

Криминальный роман

(на русском языке)

Художник *Д.Л.Кожевников*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *В.А.Савельевой*

Корректоры *Н.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 выдана 6 марта 2001 года

С оригинал-макета подписано в печать 27.08.2005. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура «Peterburg». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр. отт. 26,46. Усл. изд. л. 29,74.

Тираж 3000. Заказ А-664.

ГУП Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО издательско-полиграфический комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.